

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 1.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года 4 января.

Содержаніе: I. Среди искушеній времени. Свящ. Н. Гроссу.—II. О необходи-
мости воспитанія христіанскаго идеализма въ русскомъ народѣ.
Свящ. Вас. Бажанова.—III. Существуетъ ли Богъ? Перев. П. И.
Селивановской.

Среди искушеній времени.

Съ новымъ годомъ, любезные сопастыри!.. Еще одинъ
годъ провели мы съ Божіею помощью въ пастырскихъ тру-
дахъ на нивѣ Христовой. Да будутъ же плоды и этихъ на-
шихъ трудовъ благопріятны Богу, какъ жертва вечерняя, и
Его небесное благословеніе да пребудетъ и въ наступающемъ
году на нашемъ пастырскомъ дѣланіи, во славу святой Цер-
кви Христовой и во благо ввѣренной намъ паствы...

Уже въ пятидесятый разъ черезъ нашъ старѣйшій па-
стырскій журналъ посылаемъ мы другъ другу свое привѣт-
ствіе и свои благожеланія по случаю Новаго года. Уже въ
пятидесятый разъ сотрудники и читатели этого журнала, раз-
сѣянные по всѣмъ концамъ обширной Россіи и даже далеко

за предѣлами ея, собираются какъ бы въ одну общую семью, повѣряютъ другъ другу свои думы о великомъ дѣлѣ пастырства, ищутъ другъ у друга разрѣшенія наболѣвшихъ вопросовъ, просятъ совѣтовъ и наставленій, взаимно скорбятъ, взаимно утѣшаются,—утѣшаются надеждою на лучшее будущее. И теперь, въ пятидесятую годовщину нашего журнала, какъ пріятно сознавать, что мы всѣ дѣйствительно близки другъ другу, что мы цѣлыхъ полвѣка бесѣдовали другъ съ другомъ не ради пустого балагурства, а съ самыми благими намѣреніями и по самому серіозному дѣлу, что мы жили одною мыслью, однимъ желаніемъ — найти наилучшія средства осуществленія современныхъ задачъ пастырскаго служенія... Какъ у всѣхъ людей, и у насъ, пастырей Церкви, есть въ душѣ уголокъ, куда мы не всякаго можемъ впустить, есть переживанія, о которыхъ не можемъ трубить во всеуслышаніе на улицахъ и площадяхъ, есть нужды и запросы, о которыхъ не можемъ рассказывать на большой дорогѣ. И какъ хорошо сознавать, что нашъ старый журналъ въ продолженіе многихъ десятилѣтій создавалъ вокругъ себя такую пріятную и здоровую атмосферу взаимнаго довѣрія, сочувствія, дружбы, въ которой душа наша открывалась со всею искренностью. Онъ не искалъ доступа въ т. н. большой свѣтъ, въ то общество, которое одинаково равнодушно слушаетъ всякаго, о чемъ бы кто ни говорилъ. Онъ сумѣлъ остаться журналомъ особаго порядка, органомъ специально пастырскимъ, не смотря на то, что въ послѣднее десятилѣтіе такъ много было у него искушеній открыть свои Страницы для того повседнежнаго житейскаго матеріала, который такъ занимаетъ читателей разныхъ популярныхъ журналовъ, газетъ, брошюрной литературы,—читателей, ищущихъ вездѣ поразительныхъ открытій, сенсаціонныхъ разоблаченій, шумной пропаганды современныхъ модныхъ идей, декадентской литературной шумихи и т. п. „Руководство для сельскихъ пастырей“ имѣло предъ собою одну неизмѣнную цѣль—служить пастырямъ Церкви путемъ серіознаго обсуждения вопросовъ пастырскаго

служенія. И какъ мы должны быть благодарны ему за то, что оно всегда оставалось вѣрно лучшимъ историческимъ завѣтамъ восточнаго, православнаго пастырства. Здѣсь не было погони за тою современностью, въ жертву которой за послѣдніе годы принесена не одна свѣтлая сторона нашего высокаго пастырскаго идеала. Здѣсь не было ласкательства предъ героями дня, человѣкоугодничества; не было ни непримиримой борьбы противъ всякой такъ или иначе сложившейся дѣйствительности, ни самодовольнаго уживанія съ дѣйствительнымъ зломъ. Здѣсь велась защита идеала отъ зломѣренныхъ искаженій его и давалось безпристрастное освѣщеніе дѣйствительности.

Въ другое время, конечно, это не составило бы особеннаго достоинства, но для нашихъ дней это—явленіе, заслуживающее серіознаго вниманія. Кому неизвѣстно, что современные властители думъ хотѣли бы навязать намъ другую точку зрѣнія на пастырство, чѣмъ какою жила наша святая старина. что въ области нашего пастырскаго служенія они хотѣли бы провести принципъ борьбы съ этою стариною, что вообще они хлопчуть о новыхъ идеалахъ для пастырей, о новыхъ вдохновеніяхъ.

Пастырство есть учрежденіе вѣчное въ Церкви Христовой, потому что призвано служить душѣ человѣческой, имѣющей значеніе абсолютное, независимое отъ разныхъ временныхъ условій жизни человѣческой. На этой истинѣ постройка древне-православный идеаль пастыря. Вотъ что читаемъ мы въ одномъ древнемъ поученіи къ священникамъ: „вы нарекаетея земни ангелы и небесни человѣци; вы со ангелы предстоите у престола Господня; вы съ серафимы носите Господа; вы сводите съ небесъ къ намъ Сына Божія и претворяете хлѣбъ въ Плоть и вино въ Кровь Божію; вы просвѣщаете человѣки крещеніемъ святымъ; вы связаете, вы разрѣшаете. *Вами совершаетъ Господь тайну спасенія роду человѣческому;* васъ стражи постави и пастухи словесныхъ овецъ своихъ, за няже кровь свою излія...

(Не соблазняйте же никого) души бо человеческой ни единой и нѣсть равенъ весь міръ... Отселѣ блюдитесь всякаго грѣха: не работайте плоти, останитесь пьянства, объяденія; лишитесь тяжбъ и сваровъ, вражды и хулы на друга и сквернаго рѣзоиманія (ростовщичества),—ни поручайся, гордости не имѣй, многорѣчія останися, мерзости, ярости, лжи, скупости, немилосердія, ненависти, зависти, отъ всѣхъ сатанинскихъ дѣлъ соблюдитесь“.

Въ настоящее время эти рѣчи о служеніи тайнѣ спасенія рода человѣческаго кажутся слишкомъ избытыми, слишкомъ скучными и никому ненужными: въ нихъ не хотятъ видѣть ничего, кромѣ якобы трескучихъ фразъ, отъ которыхъ никому, дескать, ни тепло, ни холодно; думаютъ, что ими прикрывается отсутствіе желанія работать для пользы общественной и умѣнія вести эту работу, отсутствіе также опредѣленнаго взгляда на современную дѣйствительность, и потому услужливо разрабатываютъ для пастырей разныя „программы“ и вслѣдствіе этого заставляютъ слѣдовать имъ въ практической дѣятельности. Участливое отношеніе общества къ пастырямъ Церкви и желаніе помочь имъ возможно лучше осуществить задачи своего служенія, конечно, великое дѣло, и мы обязаны за него не малою благодарностію нашимъ современникамъ. Но въ ихъ заботахъ о пастырствѣ есть нѣчто для насъ неудобопріемлемое: черезчуръ ужъ много говорятъ намъ о матеріальныхъ интересахъ народа, о необходимости работать для его внѣшняго, земнаго благосостоянія. Разсужденія о всевозможныхъ экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ задачахъ времени составляютъ настолько преобладающій мотивъ въ рѣчахъ, обращаемыхъ къ пастырямъ Церкви и справа и слѣва, что они совершенно затѣняютъ существенную сторону пастырскаго служенія, и всякій, кто слѣдуетъ этимъ рѣчамъ, на каждомъ шагѣ подвергается опасности забыть, что пастырь долженъ прежде всего и преимущественно имѣть попеченіе „о душахъ“, а не быть борцомъ за идеи той или другой партійной программы.

Св. Григорій В. говорить, что „пасомые не могут охотно слушать обличеніе своихъ поступковъ, когда начальники не заботятся о необходимомъ для ихъ настоящей жизни... Пусть пастырь промышляетъ и о невинныхъ средствахъ къ процвѣтанію внѣшняго благосостоянія подчиненныхъ, если хочеть, чтобы лучше процвѣтало ихъ внутреннее благочестіе; ревнуя о послѣднемъ, пусть не пренебрегаетъ вовсе и первымъ. Ибо пасомые какъ бы по праву будутъ отворачиваться отъ кафедры проповѣдника, когда онъ отворачивается отъ ихъ насущныхъ потребностей“.

Это убѣжденіе и словами и дѣлами исповѣдывалъ не одинъ св. Григорій В., а всѣ пастыри нашей Православной Церкви всѣхъ временъ. Но никогда оно не доводило ихъ до забвенія, что Исусъ Христосъ пришелъ на землю не для того, чтобы накормить массы народа, а для спасенія душъ нашихъ, хотя Онъ не отказывался дѣлать и первое,—что самая лучшая помощь людямъ отъ пастырей есть забота объ ихъ душѣ. Древлеправославнымъ традиціямъ и мы, современные пастыри, желаемъ остаться вѣрными. Не становясь на сторону одной какой-либо партіи, особенно такой, которая ничего не хочеть знать объ евангеліи, мы желаемъ сохранить за собою божественное наше право всѣ партіи обсуждать съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ евангелію. Не отказываясь отъ борьбы съ бѣдствіями народной жизни, мы хотимъ сосредоточить преимущественное вниманіе на личности вѣрующихъ въ увѣренности, что черезъ воздѣйствіе на нравственную сторону послѣднихъ мы вѣрнѣе можемъ содѣйствовать улучшенію внѣшнихъ отношеній между людьми. Земля наша, конечно, никогда не будетъ превращена въ рай; но вмѣстѣ съ тѣмъ она не должна быть предверіемъ ада для кого бы то ни было. Сознавая это, мы помнимъ свой долгъ оказывать пастырское воздѣйствіе на тѣхъ, кто страдаетъ корыстолюбіемъ и безсердечіемъ, кто отличается хищническими наклонностями; но мы желаемъ, чтобы въ этомъ отношеніи наше вліяніе было отлично отъ вліянія другихъ

общественныхъ дѣятелей. Пусть эти дѣятели говорятъ агитационныя рѣчи, основанныя на разныхъ соціальныхъ и политическихъ теоріяхъ и программахъ, пусть они предпринимаютъ всякія внѣшнія мѣры къ осуществленію тѣхъ или другихъ экономическихъ, юридическихъ и тому подобныхъ предположеній,—мы хотимъ удержатъ за собою преимущественно путь воздѣйствія на людей изнутри, мы ставимъ своею первою задачею укрѣпленіе моральныхъ силъ народа, которыя должны быть совершенно здоровы для того, чтобы при ихъ посредствѣ возможно было достигнуть улучшенія внѣшнихъ условій жизни. Когда желаютъ одержать побѣду надъ страшнымъ врагомъ, нападающимъ одинаково ожесточенно со всѣхъ сторонъ, то для отраженія его нападений распредѣляютъ свои силы равномерно: почему же въ борьбѣ съ народною нуждою стремятся снять испытанныхъ защитниковъ съ самой отвѣтственной позиціи, почему пастырей Церкви отвлекаютъ отъ укрѣпленія и защиты нравственной мощи народа, принуждая ихъ идти рядомъ съ другими „борцами“ на другое дѣло? Это большая ошибка, вредныхъ послѣдствій которой даже невозможно учесть въ настоящее время. Немного помощи принесутъ пастыри Церкви обществу, когда станутъ работать на чуждой для нихъ почвѣ, но свое собственное дѣло они легко могутъ загубить, чему немало примѣровъ мы видѣли за послѣдніе годы.

Эту точку зрѣнія мы привыкли считать обычной нашему журналу. Она объединяла вокругъ себя насъ, пастырей Церкви, на пространствѣ цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ, и мы не видимъ никакой необходимости измѣнять ей и впредь. Мы увѣрены, что она выдержитъ тяжелыя испытанія послѣднихъ лѣтъ и рано или поздно будетъ признана всѣми нами за единственно обязательную для лицъ, несущихъ высокое, небесное служеніе душъ человѣческой. Пройдутъ увлеченія многихъ нашихъ собратій, желающихъ быть руководителями современныхъ общественныхъ и народныхъ движеній наравнѣ съ разными свѣтскими вдохновителями народныхъ массъ,

и наступить пора отрезвения: тогда, очевидно, станетъ и историческая заслуга „Руководства для сельскихъ пастырей“ предъ Русскою Церковью и обществомъ; тогда ясно будетъ и то, что такіе мірскіе мотивы, какъ популярность въ томъ или другомъ кругѣ людей, вниманіе высокопоставленныхъ лицъ, награды отъ нихъ и обѣщанія всякихъ преимуществъ,—мотивы, которыми руководствуются въ своей дѣятельности, далеко выходящей изъ сферы чистаго пастырства, нѣкоторые современные намъ пастыри, играютъ роль чечевичной похлебki, или лучше—того сокровища, которое собираютъ они себѣ на послѣдніе дни... Великое преступленіе—въ послѣдній критическій моментъ, когда мы совершаемъ, можетъ быть, послѣдній переходъ, чтобы войти и другихъ ввести въ небесный Іерусалимъ, предаваться мыслямъ о разныхъ земныхъ преимуществахъ и собирать себѣ такіа сокровища, какъ честь, славу, извѣстность, богатство и т. п. И всѣ, повинные хоть сколько-нибудь въ этомъ преступленіи, пусть вспомнятъ грозное слово апостола: „плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихъ на васъ“; пусть отгонятъ отъ себя искушенія времени и шествуютъ твердою стопай по пути православнаго пастырства. Душа—вотъ его главный предметъ; все другое—второстепенное, придаточное, хотя и не маловажное.

Свящ. Н. Гроссу.

О необходимости воспитанія христіанскаго идеализма въ русскомъ народѣ.

Кто въ наше время не чувствовалъ интереса къ нуждамъ своего родного народа, кто не любилъ его всѣми силами своей души? Сколько людей умерло, особенно въ вихрѣ соціально-политической смуты, съ сознаниемъ, что они жертвовали собою за лучшія народныя чаянія, презирая на поприщѣ служенія народу свои личные интересы, самихъ себя! Пусть иные восторгаются фактами такого самопожертвованія; но

вѣрующая мысль, рассматривая эти факты подъ угломъ христіанскаго мировоззрѣнія и съ точки зрѣнія запросовъ народной души, приходитъ къ рѣшительному заключенію: „нѣтъ, не то нужно народу, что такъ волновало и увлекало пламенныхъ народныхъ ратоборцевъ: соціальныя вопросы, выдвинутыя жизнию, такъ сказать, на первую очередь, не удовлетворяютъ всѣхъ цѣлей и запросовъ въ жизни народа. У послѣдняго остается въ полной неприкосновенности внутренней міръ, міръ глубоко-вѣрующаго народнаго сердца, которому въ прошломъ не разъ наносились тяжелыя раны, которыхъ еще не исцѣлило время; для него, для сердца народнаго, ничто—соціализмъ и политика. И какъ бы ни была отважна и самонадѣянна современная намъ мнимо-русская революція мысли и чувства въ русскомъ обществѣ, народъ не отдается ей всѣмъ существомъ своимъ. Внутренніе, воспитанные многими поколѣніями, религіозныя инстинкты не умрутъ въ немъ никогда; сколько бы ни простиралъ адъ своей страшной власти на родъ людской и на нашъ народъ, ему не суждено оковать людей своими узами“.

И кто изъ наивныхъ и самообольщенныхъ проповѣдниковъ такъ называемой свободы въ области политическихъ и религіозно-нравственныхъ вопросовъ можетъ быть серьезно увѣренъ, что этой свободѣ, какъ своего рода всепоглощающему и алчному Молоху, народъ на самомъ дѣлѣ отдаетъ всѣ свои завѣтныя мечты, составляющія святыню его сердца! Правда, если мы остановимъ свое вниманіе только на томъ, что говорятъ намъ современныя газеты, популярныя брошюры, листки и прокламаціи, которые, благодаря своему количеству, общедоступности и дешевизнѣ создали воображаемый миражъ народнаго недовольства самимъ собою и своимъ положеніемъ, то легко можемъ сдѣлать выводъ, будто всѣ наши общественныя бѣдствія сводятся по преимуществу къ экономической неурядицѣ. Но, съ другой стороны, если присмотримся не къ тому міру, который тенденціозно изображается сотнями спекулянтовъ-литераторовъ, а къ дѣйстви-

тельному міру народнаго сердца, то мы увидимъ что потошъ общественныхъ бѣдствій порожденъ всего больше прогрессирующимъ движеніемъ противъ вѣры народа, противъ его церковно-религіознаго воспитанія и обычаевъ, проникнутыхъ духомъ православно-христіанскаго міропониманія его предковъ. Это сознается всѣми, кто не выбить изъ колеи волной современныхъ заблужденія и разрушенія. Если бы предразсудки условности и разныя модныя ученія, пущенные въ оборотъ маловѣрующею, или же совершенно невѣрующею руководительною частію общества, не отуманивали его сознанія, то раздался бы стонъ многихъ тысячъ людей, сдавленныхъ глубокою сердечною болью при видѣ той распушенности и того беззаконія, которыя теперь развѣдаютъ среду простаго народа, но о которыхъ прежде и помину не было...

Люди мѣняются по характеру и нравамъ вмѣстѣ съ временемъ. Натура крестьянина теперь замѣтно утратила типичныя черты той непосредственности и благодушія, того трудолюбія и правдивости, которыя такъ плѣняютъ насъ въ типичныхъ представителяхъ старой деревни подъ художественнымъ перомъ нашихъ отечественныхъ писателей о ней. Преобладающими чертами современнаго крестьянства являются теперь замкнутость, крайнее недовѣріе другъ къ другу, подозрительность и лукавство. Но при всемъ этомъ несмотря на непривлекательность означенныхъ качествъ, за нихъ нельзя строго, безъ всякаго снисхожденія, судить нашихъ крестьянъ. Въ большинствѣ случаевъ, какъ показываетъ наблюденіе, добрая впечатлительность народа сдерживается ложной боязнью быть осмѣянной въ глазахъ интеллигенціи, во множествѣ разсѣянной по деревнямъ и селамъ для насажденія культуры и образованія, часто сомнительнаго свойства,—той вошедшей въ привычку боязнью, что на искреннія вѣрованія народнаго сердца не послѣдуетъ сочувственнаго и одобрительнаго отклика. Жизнь народа въ союзѣ съ деревенскою интеллигенціей многими опытами прошлаго достаточно пока-

зала, что народомъ, большею частію, интересуются со стороны извлеченія изъ него пользы и выгодъ матеріальнаго свойства, со стороны эксплуатаціи его духовныхъ и матеріальныхъ силъ въ интересахъ развитія и преуспѣянія внѣшней культуры; на то же, что можетъ дать народъ въ мѣру собственныхъ своихъ запросовъ, независимо отъ его пригодности для всевозможныхъ экспериментовъ въ указанномъ смыслѣ, призванными и непризванными просвѣтителями деревни мало обращалось должнаго вниманія. Такое отношеніе къ народу нельзя, конечно, назвать справедливымъ и честнымъ. Народныя массы, невѣжественны и неразвиты соотвѣтственно потребностямъ и духу нашего матеріальнаго вѣка; но это еще не даетъ права насаждать въ нихъ одну внѣшнюю, матеріальную культуру, игнорируя дѣйствительное, внутреннее содержаніе народной души. Все, что можетъ дать людямъ научное образованіе, все, чѣмъ плѣняется человѣческое сознаніе въ области наукъ, искусствъ и прикладныхъ знаній, не можетъ быть насаждаемо и развиваемо въ народѣ за счетъ того интимнаго, глубоко заложеннаго въ духъ народа начала, которое только одно всегда удовлетворяло народное сердце, питало его, возвышало, облагораживало и выводило изъ тисковъ горя и бѣдствій на просторъ бодрящихъ надеждъ и благодушнаго терпѣнія. Это начало, цѣлые вѣка проникавшее собою жизнь народа, можно назвать „христіанскимъ идеализмомъ“, имѣющимъ своимъ основаніемъ Богооткровенную христіанскую религію. Наша ближайшая задача состоитъ въ томъ, чтобы показать, въ чемъ заключается сущность христіанскаго идеализма въ русскомъ народѣ, съ какими особенностями онъ вошелъ въ народное сознаніе и въ какихъ чертахъ нашелъ свое выраженіе въ народной русской жизни.

I. Подъ „христіанскимъ идеализмомъ“ въ русскомъ народѣ мы разумѣемъ совокупность такихъ особенностей въ настроеніи его, при которыхъ онъ проявляетъ навыкъ къ идеализаціи дѣйствительности, развивая въ себѣ потребность

и любовь къ интересамъ высшаго порядка, — къ преобладанію въ своей жизни стремленій религіозно-нравственныхъ надъ привычками и влеченіями матеріально-практическими. Имѣя источникомъ своимъ вѣру, означенное начало обусловливалось въ своемъ развитіи вліяніемъ евангельскаго ученія о добродѣтеляхъ и обязанностяхъ христіанина. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, принеся въ жизнь человѣка новый яркій свѣтъ Своей высшей небесной правды, далъ точное опредѣленіе той главной цѣли, къ которой должны стремиться всѣ люди и соотвѣтственно ей воспитывать себя. Онъ заповѣдалъ всѣмъ: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Матѳ. 5, 48). Святые апостолы раскрывая эту заповѣдь, внушали христіанамъ: „намъ дарованы великія и драгоцѣнныя обѣтованія, дабы вы черезъ нихъ содѣлались участниками Божескаго естества, удалившись отъ господствующаго въ мірѣ растлѣнія....“; „да будетъ совершенъ Божій человѣкъ, ко всякому доброму дѣлу приготовленъ“; „по примѣру призвавшаго васъ Святаго, и сами будьте святы во всѣхъ поступкахъ, „ибо написано: будьте святы, потому что Я святъ“ (2 Петр. 1, 4; 2 Тимѳ. 3, 17; 1 Петр. 1, 15—16). вмѣстѣ съ духовною сущностію человѣка и тѣлесная его природа предназначена для постепеннаго преображенія и совершенствованія, пока тѣло изъ перстнаго и земнаго не созрѣетъ и не придетъ въ состояніе тѣла духовнаго и небеснаго (1 Кор. 15, 44—49). Слѣдовательно, въ освобожденіи отъ всего земнаго и тлѣннаго заключается цѣль человѣческой жизни. Въ достиженіи ея помогаетъ вѣрующимъ Самъ Господь нашъ, побѣдившій зло (Іоанн. 16, 33) и послѣдователямъ Своимъ подающій силы торжествовать надъ нимъ. Истинные послѣдователи Іисуса Христа дѣйствительно побѣждаютъ зло (сн. 1 Іоанн. 5, 18), съ дерзновеніемъ свидѣтельствуя: „все могу въ укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ“ (Филипп. 4, 13) и изумляя міръ своими добродѣлями и подвигами. Таково библейское разрѣшеніе столь важнаго вопроса человѣческой жизни, какъ вопросъ о цѣли воспитанія людей и обществъ. Въ проникновеніи же человѣческой жизни

завѣщанными Христомъ началами заключается сущность христіанскаго идеализма. Въ комъ изъ воспріявшихъ благодать св. крещенія онъ живетъ и дѣйствуетъ, тѣ, находясь въ нѣдрахъ воинствующей церкви Христовой, сознательно отдаются подвигу самоотреченія, пренебрегая и обезцѣнивая реальныя условія жизни, проникаясь горячей и трепетной вѣрой въ могущество и торжество высшихъ началъ духовной жизни, полное осуществленіе и завершеніе которыхъ послѣдуетъ въ будущемъ царствѣ славы.

Этотъ христіанскій идеализмъ всегда былъ присущъ русскому народу и не бѣдно выразился въ его жизни за время историческаго существованія его. Исторически извѣстно, что жизнь нашего народа во всѣхъ ея отношеніяхъ сложилась и воспиталась подъ непосредственнымъ вліяніемъ воспринятой имъ христіанской вѣры. Справедливо говорятъ, что русскій народъ есть народъ христіанскій и не по внѣшности только, но по существу, по духу, по сердцу. Въ натурѣ русскаго человѣка, подъ покровомъ наружной грубости и невѣжества, всегда можно найти глубокое религіозное чувство во всей его первобытной чистотѣ. Видимые остатки полуязычества, многочисленныя заблужденія разнообразнѣйшихъ сектъ, поражающихъ своими странностями, а иногда и изуверствомъ, не даютъ права заключать, какъ это иногда высказывается, будто нашъ народъ въ массѣ своей далеко отстоитъ отъ истиннаго христіанства. Позволительно утверждать обратное, что въ глубинѣ общенародныхъ религіозныхъ предрасположеній и влеченій онъ озаренъ таинственно-благодатнымъ свѣтомъ вѣры Христовой. Знаніе Бога непосредственнымъ внутреннимъ чутьемъ, способность ясно распознавать добро и зло, разгадывать просто и легко подъ часъ самыя тонкія и сложныя хитросплетенія лукавства,— все это такія свойства русскаго человѣка, которыя невольно предполагаютъ въ немъ дѣйствіе живой, просвѣтленной евангелиемъ совѣсти. Если прибавимъ къ этому нѣкоторыя другія особенности и характерныя черты русскаго народа, со-

ставляющія украшеніе его исторіи, каковы, напримѣръ, челоуѣколюбіе и милосердіе, сочувствіе и состраданіе не только къ собратьямъ, но и къ иновѣрцамъ, готовность къ самопожертвованію для общаго блага, то мы должны будемъ признать, что онъ, за все время своего историческаго роста, былъ близокъ къ христіанству, не бѣдно воплощалъ его идеалы въ своей жизни, потому что означенныя качества по преимуществу отличаютъ христіанство отъ всѣхъ остальныхъ религій. Не имѣя способности разсудочно усвоить заповѣди Іисуса Христа, народъ нашъ чувствуетъ и инстинктивно воспринимаетъ духъ Его Божественнаго ученія, вполне оправдывая на себѣ извѣстное изреченіе: „душа челоуѣка по природѣ христіанка“. Такое усвоеніе имъ христіанской религій, въ связи съ пламеннымъ желаніемъ „жить по-Божьи“, составляютъ неизмѣнную и наиболѣе ярко выраженную принадлежность русскаго національнаго генія. Между христіанской вѣрою и русской душой замѣчается какъ бы внутреннее сродство, и оно такъ близко, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вопросахъ народно-общественной и индивидуальной жизни представляется дѣломъ совершенно невозможнымъ, даже для опытнаго психолога - народовѣда, рѣшить, что собственно принадлежитъ вліянію вѣры и что дѣйствию народнаго темперамента. Такимъ образомъ едва ли ошибочно будетъ признать, что Слово Божіе, нѣкогда раздавшееся среди необъятныхъ лѣсовъ и степей нашего родного отечества, нашло себѣ благодарную почву; тернии многовѣковаго язычества и суевѣрія не помѣшали святому сѣмени возрасти и дать хорошій обильный плодъ, что мы отчасти показали.

Нашъ народъ,—далѣе,—бывшій не разъ предметомъ горделиваго презрѣнія и насмѣшекъ со стороны иновѣрныхъ, обиднаго издѣвательства за свою религіозность даже со стороны многихъ соотечественниковъ, родныхъ ему по плоти, принадлежитъ къ числу немногихъ народовъ, сохранившихъ въ глубинѣ души своей „идею святости“. Стремленіе осуществить эту идею съ особенною силою проявлялось у него

въ моменты религіознаго подъема и воодушевленія, что почти всегда случалось, когда народъ постигали какія-либо бѣдствія. Символь послѣднихъ есть крестъ, который суждено нести каждому человѣку; это же побѣдное знамя царства Христова всегда было предметомъ особеннаго почитанія въ русскомъ народѣ. И вѣра въ крестъ Христовъ спасала и одушевляла его: въ ней онъ находилъ поддержку, почерпаль умѣнье не приходить въ отчаяніе, но цѣнить всякое несчастье, какъ спасительное орудіе искупленія отъ грѣховъ. Съ этой точки зрѣнія намъ стануть понятными такія черты обще-народной души, какъ желаніе отдаться к. л. исключительному подвигу, жажда гоненій и мученичества, по примѣру первохристіанъ, увлеченіе въ сторону аскетизма и др.

Всѣ эти особенности въ области религіознаго сознанія и чувства нашего народа характеризуютъ собою по преимуществу древнюю Русь; онѣ, облекаясь въ нашемъ представленіи въ реальные историческіе образы, какъ бы изъ глубины вѣковъ говорятъ намъ о томъ, что питало душу народа, когда онъ имѣлъ еще младенческую вѣру, когда и національно-политическое его сознаніе еще только нащупывало почву для себя, еще только начинало свой ростъ. И вотъ уже тогда,—въ то время, какъ на западѣ блистали учеными силами и художественными талантами вѣкъ Возрожденія и Реформаціи, когда дѣлались всевозможныя научныя открытія, происходили религіозныя войны и политическія броженія, Русь, будучи внѣ вліянія западно-европейской культуры, скромно и незамѣтно совершала свою внутреннюю—кропотливую работу, исполненную однако громаднаго историческаго значенія. Остатки язычества, послѣдствія татарскаго нашествія, политическія неустройства—всѣ эти явленія нашей исторіи, вызывавшія на борьбу съ собою то религіозныя (по преимуществу), то національно-политическія силы народа, послужили школой для развитія его религіозно-національнаго генія, и эту школу онъ прошелъ съ выдающимся успѣхомъ и съ великою пользою для себя. Благодаря природной крѣ-

ности своего духа, а также вслѣдствіе удивительной закаленности, какую приобрѣла натура русскаго человѣка въ борьбѣ съ разнообразными превратностями его жизни, нашъ народъ всегда, теперь, и послѣ противостоялъ чужеземнымъ вліяніямъ и посягательствамъ на свою національную и религіозную независимость и готовъ былъ защищать ее до послѣдней капли крови. Посему-то и въ настоящее время, когда съ Петра I-го начался періодъ широкаго преобразованія русскаго государства, когда производилась ломка всей русской жизни по западно-европейскому образцу, русскій народъ, поддавшись по внѣшности этому переустройству, въ душѣ своей не измѣнилъ своей самобытности, не промѣнялъ своего идеализма на преклоненіе предъ матеріальной культурой Запада и, усвоивши отчасти ея формы, не пропитался ея безрелигіознымъ, безвѣрнымъ духомъ. Изъ его среды выходило много великихъ людей, но то были не гении матеріальной культуры, а герои вѣры православной, герои мысли и чувства въ области возвышенныхъ христіанскихъ идеаловъ да въ ратномъ дѣлѣ защиты отечества. Въ изящной литературѣ нашей заключенъ неисчерпаемый источникъ вдохновенія и творчества, возникавшій въ душахъ, тосковавшихъ по правдѣ Христовой, порывавшихся къ свѣту и красотѣ христіанской. Не даромъ наша литература признается самою христіанскою, и въ міровое, провиденціально-благодетельное значеніе ея вѣрятъ и на Западѣ.

Отъ проповѣдниковъ религіознаго и политическаго свободомыслія не рѣдкость услышать порицаніе сѣдой старины въ нашей исторіи,—и ужь, конечно, они не желаютъ признать того, что древне-русская жизнь носила на себѣ отпечатокъ дѣятельнаго идеализма. Но насколько это отрицаніе несправедливо, видно будетъ, если мы обратимъ только вниманіе на то, чѣмъ изначала жилъ нашъ народъ и вокругъ какого знамени онъ собрался въ одно цѣлое многомилліонное тѣло. Въ то время, когда не существовало научной критической исторіи, имѣли громадное воспитательное значеніе

народныя легенды—этотъ оригинальный типъ народнаго творчества. Таковы, на примѣръ, различныя сказанія, повѣсти, притчи, представляющія собою передѣлку библейскихъ фактовъ и изреченій въ поэтической формѣ,—легенды о князьяхъ-мученикахъ, о московскомъ царствѣ, и многія другія, въ которыхъ съ сказочнымъ, иногда мистическимъ оттѣнкомъ выражены излюбленные религіозно-національные идеалы народные. Вотъ та изначальная почва, на которой постепенно развивалось національное сознаніе русскаго народа. Здѣсь не было мѣста безпочвенному шатанію мысли, въ европейскомъ духѣ. Вниманіе и любовь народа привлекали къ себѣ лица, воплощавшія или отображавшія на себѣ его религіозное и политическое міросозерцаніе. Равноапостольный Князь Владиміръ и мученики—князья Борисъ и Глѣбъ, преподобные: Антоній и Феодосій Печерскіе и Сергій Радонежскій, патріархи: Гермогенъ и Филаретъ, святители: Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ, и многіе другіе подвижники и подвижницы различнаго рода и званія, прославленные русскою Церковію, представляютъ собою тотъ великій и свѣтоносный сонмъ, въ которомъ призматически отобразилась душа народная въ ея истинномъ содержаніи,—они окружены ореоломъ, который отсвѣчиваетъ и переливается лучами религіозно-національнаго самосознанія народа. Одни изъ нихъ олицетворяютъ собою идеалъ личной святости и благочестія, другіе—гражданскаго мужества и самоотверженной любви, готовой „душу свою положить за други своя“ (Іоанн. 15, 13). Около нихъ, какъ живого знамени, русскій народъ стягивался въ одну тѣсно сплоченную семью, у нихъ учился любви къ вѣрѣ православной и къ родинѣ, на живомъ примѣрѣ ихъ познавалъ, какъ надо хранить и защищать эту святыню народнаго сердца. И этимъ урокамъ равно внимали и паства, и пастери. Какъ простой крестьянинъ—земледѣлецъ, въ случаѣ государственной необходимости, готовъ былъ расковать серпъ и косу на мечъ и копье, такъ и духовныя лица исполнялись тѣмъ же чувствомъ готовности постоять за вѣру

и отечество. Объ этомъ говорить намъ, между прочимъ, одно историческое свидѣтельство, принадлежащее собору 1604 года (12 іюня). «Первѣе-бо, гласить оно, не толѣ слуги святителей и монастырей, но и сами старцы, священники и діаконы въ нашествіе нечестивыхъ множицею на войну исхождаху, крѣпцѣ вооружахуся, храбро борющесе за Православную Вѣру и за вся христіаны, не щадя кровь свою проливаху»¹⁾. И такъ бывало, конечно, не разъ и не два, а многое множество разъ.

Но для насъ важна здѣсь собственно не фактическая сторона дѣла, а его духовная сущность. Христіанскій идеализмъ, какъ видимъ, составляетъ истинную и неизмѣнную стихію русской народной жизни, и нѣтъ въ ней стороны, гдѣ бы онъ не отображался. Все дышитъ имъ—и прославленные свѣтильники вѣры, и великіе художники мысли и слова, и безыскусственные сказатели родной старины. Онъ сопутствовалъ русскому народу въ объединеніи въ могучій государственный организмъ и онъ же поднималъ его отъ домашней работы на ратное поле, вдохновляя его мужествомъ на брани и милостью къ врагу послѣ брани. Онъ изстари проникалъ собою весь бытовой укладъ русской жизни, отличавшійся прежде характеромъ истинной религіозности. Подъ влияніемъ его,—на чемъ мы останавливаемъ особое вниманіе,—русскій народъ выносилъ идею „великаго православнаго русскаго государства“ и воспиталъ трогательно—благоговѣйное уваженіе къ власти своего царя—Божія помазанника, Отца Народа. Въ его лицѣ патріотизмъ народа, а въ его примѣрѣ религіозный идеалъ его получаютъ личную опредѣленность и законченность. Какъ солнце живительными лучами своими согрѣваетъ землю и даетъ ей жизнь, такъ и царь великой страны своей отеческою любовію благословляетъ жизнь своего народа, обеспечивая ему право и справедливость, и изводитъ счастье въ убогія хижины, согласие въ палаты и въ санов-

БИБЛИОТЕКА
 Метъ жизни
 Благедливостъ Духоной
 Англомки
 Инв. № 138/21

¹⁾ „Судебникъ ц. І. Грознаго“; изд. Татищева. М. 1786. стр. 288.

ныхъ, миръ и свободу на всю землю Русскую. Со времени Св. Владимира эпитеты „Солнце“ и „Батюшка“ сдѣлались неразлучными съ именемъ Царя. Милліонны вѣрнопопданныхъ одушевлены къ Царю чисто сыновнею любовію, которая выражается незнакомымъ въ другихъ странахъ восторгомъ при встрѣчахъ,—власть же царскую почитаютъ „священною“ и производятъ ее непосредственно отъ Самого Бога. Царь на землѣ, въ представленіи народа, — реальный образъ Царя небеснаго. Ему принадлежитъ исключительное право быть господиномъ всей страны своей, первымъ ея защитникомъ и Ангеломъ-Хранителемъ; ему слѣдуетъ воздавать не только почести, но и послушаніе, ибо во всемъ этомъ воля Божія, равно какъ и самое установленіе царской власти отъ Бога (2 Цар. 14, 11; Римл. 13, 1; 1 Петр. 2, 17 и др.). Народъ любитъ говорить: „царь на землѣ, а Богъ на небѣ; царская воля не судима, и—устаи пророка: „царь—это перстень на правой рукѣ Божіей“ (Іер. 22, 24). Такимъ образомъ истинно-народный взглядъ на верховную власть и отношеніе къ ней составляютъ прямое отраженіе библейско-христіанскихъ воззрѣній на значеніе власти въ обществахъ человѣческихъ,—и не можетъ быть спора, что на религіозной почвѣ развилась и окрѣпла въ народномъ сознаніи вѣра въ могущественное значеніе и священную неприкосновенность царской власти, а вмѣстѣ съ нею и своего родного отечества. Такъ религіозное и политическое самосознаніе нашего народа объединяются въ самомъ источникѣ своемъ и идутъ рука объ руку въ своемъ развитіи, питаются на пути его все изъ того-же библейскаго родника христіанскаго идеализма.

II.

Доселѣ мы показали, насколько сумѣли, сколь громадное значеніе имѣлъ христіанскій идеализмъ въ духовной жизни русскаго народа, и видѣли, что онъ имѣлъ самое широкое вліяніе на складъ религіозно-національнаго самосознанія народа, всего міропониманія его и на характеръ типическихъ

проявленій народнаго генія и доблести. Но въ какомъ состоянїи находится это творческое начало въ настоящее время, и чѣмъ можно обезпечить его сохранность и дѣйственность въ духовной жизни народа на будущее время?

Никогда еще русское общество не было захвачено такимъ наплывомъ разнородныхъ идей и задачъ, чуждыхъ природѣ народнаго генія. Началось съ того, что непрощенные благодѣтели народа захотѣли, разомъ порвать всѣ счеты съ міросозерцаніемъ предковъ, безъ различія худыхъ и добрыхъ сторонъ его. Народному сознанію навязывается вопросъ о полномъ освобожденіи человѣческой личности, о переустройствѣ всей общественной и государственной жизни по началамъ иноземнаго, чуждаго нашему народу социализма. Выдвинувъ много и другихъ взглядовъ и вопросовъ, идущихъ большею частію въ разрѣзъ съ національными традиціями, современное русское общество, въ лицѣ своихъ случайныхъ вожаковъ, зачастую съ неизвѣстной репутаціей, объявило войну противъ существующаго режима, ведя, такимъ образомъ, рядомъ съ созидательной и разрушительную работу. Результаты такой крутой ломки всего уклада народной жизни не замедлили показать себя: пониженіе умственнаго и нравственнаго состоянія русскаго общества, масса преступленій и самоубійствъ, поразительный ростъ тѣлесно и душевнобольныхъ,—вотъ плоды нарушенной постепенности и законмѣрности въ исторически-осложившемся ходѣ народно-общественнаго развитія.

За охраненіе и возстановленіе народнаго здоровья должна, несомнѣнно, взяться Православная Церковь, имѣющая за собою въ этомъ отношеніи уже многовѣковую опытъ. Она должна придти на помощь и въ настоящее трудное время духовно-нравственнаго распада и политическаго разложенія русскаго общества и спасти его цѣлостъ въ томъ и другомъ отношеніи. Ея главная задача состоитъ въ томъ, чтобы успокоить волнующіеся умы и сердца людей, не видящихъ кругомъ себя часто ничего кромѣ порабоженія слабыхъ силъ-

ными,—ничего кромѣ дикаго и безнаказаннаго, какъ любить говорить теперь, произвола чиновной бюрократіи. Церковь въ лицѣ ея служителей, должна объяснить, въ чемъ заключается дѣйствительное пониманіе „идеи свободы человѣка и гражданина“ въ христіанскомъ освѣщеніи столь важнаго вопроса. Необходимо выяснитъ, что эта идея не можетъ быть отождествляема съ такимъ или инымъ существующимъ режимомъ, что ея дѣйствительная природа—духовный міръ, чуждый всѣхъ матеріальныхъ ограниченій и условностей. Истинная свобода тамъ, „гдѣ Духъ Господень“ (2 Кор. 3, 17). Слѣдовательно, всякое иное толкованіе свободы есть отступленіе отъ правды Божіей, есть произволь, чинимый по слову апостола, „для прикрытія зла“. (1 Петр. 2, 16). Никакія существующія формы государственнаго строя не могутъ помѣшать развитію и укрѣпленію свободнаго духа въ человѣкѣ, поскольку это возможно и необходимо въ предѣлахъ земнаго существованія послѣдняго. „Ибо кто изъ людей знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ“ (1 Кор. 2, 11). Такимъ образомъ истинная природа свободнаго духа человѣческаго не подлежитъ внѣшнему учету и регламентаціи, и только въ указанномъ христіанскомъ освѣщеніи ея заключается правильное и осмысленное пониманіе свободы. Отсюда видно, до какой степени неосновательна проповѣдь беспочвеннаго космополитизма, будто всякій государственный, а въ особенности русскій, строй жизни есть могила человѣческой свободы, будто при немъ невозможно разумное и цѣлесообразное проявленіе духовной жизнедѣятельности въ широкомъ смыслѣ этого слова. Здравый смыслъ и ретроспективный взглядъ на русскую исторію приводятъ насъ къ совершенно обратному заключенію. Идея христіанской свободы, при свѣтѣ Евангелія постепенно раскрываясь во всемірной исторіи и, по мѣрѣ своего воплощенія, распространяя свою спасительную власть надъ людьми, нашла себѣ богатое выраженіе въ нашей отечественной исторіи. Отрицаніемъ истинно христіанской свободы съ библейской точки

зрѣнія служатъ: „угожденіе плоти, утрата любви къ ближнему, рабство грѣху“ (Галат. 5, 13, 15; Римл. 6, 6). Такъ это понималъ и нашъ народъ. У него съ развитіемъ самосознанія развивалось стремленіе къ личному и общественному совершенству на почвѣ лишь строгой законности и порядка; внѣшняя дисциплина, исходя изъ внутреннихъ, нравственно-воспитательныхъ побужденій, уничтожала преграды, стоявшія на пути къ достиженію личнаго и общаго блага, каковы многіе предрасудки, бурныя наслѣдственные привычки и предрасположенія. Строгая школа жизни давала прекрасные результаты, которые на памяти у всѣхъ, съ любовью относящихся къ прошлымъ судьбамъ своего отечества. Многочисленные примѣры во всѣхъ сферахъ русской жизни могутъ подтвердить правду этихъ словъ. Для иллюстраціи достаточно указать на тотъ неоспоримый фактъ, что современная народная начальная школа, не смотря на улучшение ея матеріальной и технической стороны, на обиліе научнаго багажа, лишена, за немногими исключеніями, того широкаго воспитательнаго вліянія, какое принадлежало прежней школѣ. Есть основаніе говорить такъ потому, что живы еще представители старой школы изъ народа, воспитавшіеся на церковно-богослужебныхъ книгахъ, закаленные въ житейской борьбѣ, испытанные во всякой мудрости человѣческой. Далеко уступаетъ имъ въ отношеніи самообладанія, гражданскаго мужества и неистощимаго трудолюбія новое поколѣніе „образованныхъ и сознательныхъ русскихъ гражданъ“... И когда намъ приходится отовсюду слышать тоскливыя рѣчи „о людскомъ безвременьи“, о повсюдномъ паденіи идеаловъ въ наши дни, объ отсутствіи полезныхъ дѣятелей на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, раздаются жестокіе упреки, чуть не проклятія, по адресу духовенства и Церкви за ихъ якобы отсталость и безжизненность, когда Церковь и государство признаются отжившимъ и никому ненужнымъ институтомъ, тогда благовременно вспомнить слѣдующія, пророчески-вѣрныя, мысли и сужде-

нія извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей, христіански-настро-
енныхъ философовъ, глубоко любившихъ свою родину.

„Я чую близость временъ, когда христіане будутъ опять собираться на молитву въ катакомбахъ, потому что вѣра бу-
детъ гонима, — быть можетъ, — менѣе рѣзкимъ способомъ, чѣмъ въ пероновскіе дни, но болѣе тонкимъ и жестокимъ: ложью, насмѣшками, поддѣлками, да и мало ли еще чѣмъ!? ¹⁾“ . „Не церковь и не церковную іерархію должны мы винить въ томъ, что мораль христіанъ, какъ выражаются, стоитъ такъ низко, и что идеаль христіанскій становится такъ далекъ отъ осуществленія, а самихъ себя и грѣховность человѣческую. Всего труднѣе для людей — даръ свободы, всего мудренѣе удержаться въ свободѣ, и человѣкъ хватается за букву, за правила, какъ за перила, и становится рабомъ буквы. Сочинители разныхъ соціальныхъ доктринъ и ожесточенные критики христіанства забываютъ, что христіанство прежде всего требуетъ личнаго совершенствованія, личной святости. Мораль христіанская такъ неумолимо чиста, идеаль христіанскій такъ безусловно чистъ и высокъ, что малѣйшее уклоненіе отъ него, малѣйшая ему измѣна, отражаются на дѣлѣ. Милость Божія можетъ спасти грѣшныхъ, но не упраздняетъ послѣдствій грѣха. Больше всего въ наше время надо беречься подобія истины безъ духа самой истины. Ап. Іоаннъ опредѣляетъ антихриста, именно, какъ лжеподобіе Христа. Такое лжеподобіе преподносится теперь міру „современнымъ прогрессомъ“ и разными гуманными и либеральными теоріями“ ²⁾. „Суровымъ, часто, можетъ быть, несправедливо-придирчивымъ, но благожелательнымъ обличителямъ государственнаго порядка мы должны отвѣтить не злобнымъ упрекомъ въ неблагонамѣренности, а искреннею ревностію о водвореніи у насъ дѣйствительнаго христіанскаго политическаго строя жизни, что возможно лишь при условіи, если государ-

¹⁾ „В. Соловьевъ. Жизнь и творенія“; Величко стр. 170. 1902.

²⁾ „Ив. С. Аксаковъ“. IV т. 285 стр. 1903.

ственные дѣятели, большіе и малые, будутъ не только въ личной жизни, но и въ своемъ государственномъ служеніи ходить предъ Богомъ, носить Христа въ сердцѣ своемъ, дѣйствовать во имя Его... Если пошлетъ Господь такихъ дѣлателей на ниву нашей государственной жизни, что совершится, конечно, не безъ нашей сердечной молитвы (Лук. 10, 2) и не безъ нашего добросовѣстнаго содѣйствія, то дѣйствительно только завистливая, преступная Корео-Дафано-Авирионовская, неблагонамѣренность осмѣлится поднять голосъ противъ вождей народа Божія¹⁾.

Нельзя не согласиться, какъ это видно изъ почитованныхъ нами авторовъ, что если не будетъ дѣятелей, одушевленныхъ высокими христіанскими идеями, не будетъ русскій народъ получать и соотвѣтствующаго, духовно-нравственнаго воспитанія: его національная творческая сила должна будетъ идти на убыль; ему, а слѣдовательно и всей Россіи, будетъ угрожать столь опасный врагъ, какъ вырожденіе, нѣкоторые зловѣщіе признаки котораго не безъ основанія констатируются многими наблюдательными людьми самыхъ разнородныхъ лагерей. Извѣстно, что судьбы народа находятся въ зависимости не только отъ тѣхъ элементовъ, которые существенно ему свойственны, но и отъ различныхъ постороннихъ условій и фактовъ, которые имѣютъ на него вліяніе. Въ человѣческихъ поступкахъ и дѣятельности громадное значеніе имѣютъ внутреннія побужденія, а также тѣ понятія и воззрѣнія, которыми они сопровождаются. Многое зависитъ отъ того, совпадаютъ ли наши представленія и склонности съ дѣйствительной сущностью и содержаніемъ національной жизни, или же они вносятъ въ нашу жизнедѣятельность чуждый элементъ, заимствованный со стороны, — отъ чего образуется состояніе духовной растерянности, противорѣчія и дводушія (Іак. 1, 8), отъ которыхъ неизбѣжно страдаетъ и гибнетъ самое святое дѣло. Вотъ почему, рѣшаясь братья

¹⁾ „М. Новоселовъ. Забытый путь“. 62 стр. 1903.

за великое дѣло, на примѣръ, воспитанія народа въ духѣ „христіанскаго идеализма“, мы должны неустанно оглядываться на самихъ себя, на наши умственные и нравственные силы, испытывать ихъ качество и направленіе, спрашивать, по апостолу, „въ вѣрѣ ли мы“ (2 Кор. 13, 5), чтобы, въ противномъ случаѣ, не уподобиться тѣмъ учителямъ, о которыхъ нѣкогда сказалъ Спаситель: „итакъ все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте; по дѣламъ же ихъ не поступайте, ибо они говорятъ и не дѣлаютъ“ (Матѳ. 23, 3). Такое самонаблюденіе и духовная самособранность тѣмъ болѣе необходимы, что въ личной жизни человѣкъ самъ является отвѣтчикомъ за свои заблужденія и поступки, между тѣмъ какъ въ общественной жизни эти заблужденія и ошибки, хотя бы онѣ были и ненамѣренными, могутъ сопровождаться громадными потрясеніями народнаго организма и гибельными переворотами.

„Надобно прежде самому умудриться, потомъ умудрять; стать свѣтомъ, потомъ просвѣщать; приблизиться къ Богу, потомъ приводить къ Нему другихъ; освятиться,—потомъ освящать“, говоритъ св. Григорій Богословъ (I т. 48 с.). „Нѣтъ познанія, которое не имѣло бы связи съ вѣрою; равно какъ нѣтъ и вѣры, которая не зависѣла бы отъ познанія. Вѣра не должна быть изолируема отъ знанія, быть дѣломъ какимъ-то празднымъ, а должна стоять въ связи съ духомъ пытливости“, учитъ Св. Климентъ Александрійскій („Строматы“. Перев. Н. Корсунскаго, 511. 892 стр.). „Главнѣйшая цѣль ученія та, чтобы и дѣлами и словами привести поучаемыхъ къ той блаженной жизни, которую предписалъ Христосъ“ (I. Златоустъ „О священствѣ“ 102 стр.). Главнымъ качествомъ учителя должно быть благочестіе, а потомъ уже пріобрѣтаютъ цѣнность и научныя знанія, какъ вспомогательное орудіе для дѣйствія вѣры и благочестія на души поучаемыхъ. Было время, когда благочестіе замѣняло научное знаніе, какъ это можно видѣть изъ исторіи христіанской церкви первыхъ вѣковъ. „Христосъ, читаемъ мы у Блажен-

наго Августина, послалъ небольшое число людей, простыхъ и необразованныхъ, незнакомыхъ ни съ словесностию и грамматикой, ни съ риторикою и діалектикою; Онъ послалъ немногихъ незнатныхъ рыбаковъ въ море вѣка сего, только съ сѣтями вѣры, но наловилъ чрезъ нихъ безчисленное множество разнообразныхъ рыбъ, въ числѣ которыхъ оказались и трудно—уловимые философы“ („О градѣ Божиємъ“ . 22 кн. V гл.). Поэтому-то благочестіе должно быть поставлено на первомъ мѣстѣ, научное же образованіе—на второмъ. „Необразованіе, неразвитіе, неумягченіе и неисправление сердца въ тысячу разъ виновнѣе, нежели необразованность ума“ (Іоаннъ Кроншт. „Моя жизнь во Христѣ“ II т. 74 стр.). „Вся сила и ученость вѣка сего во тьмѣ ходитъ, и далека отъ свѣта истины“ (Св. Григорій Богословъ I т. 69 с.), а „благочестіе на все полезно“ (1 Тимоѳ. 4, 8). Такъ смотрѣли на дѣло религіозно-нравственнаго воспитанія святые и великіе мужи церкви Христовой. Тѣ же мысли встрѣчаются въ письменныхъ памятникахъ и многихъ нашихъ отечественныхъ педагоговъ. „Людей воспитываютъ жизнью и дѣлами, а не словами“, говоритъ С. А. Рачинскій (Письма. 22 стр.). „Все дѣло воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы дать тѣлу и душѣ хорошія привычки, и чтобы воспитанникъ получилъ эти привычки самабытно, собственнымъ опытомъ, съ развитіемъ ума и воли,—не утрачивая однако покорности своему воспитателю“ (Жуковскій).

Сдѣланныя нами выписки вполнѣ опредѣляютъ собою тотъ духовный обликъ и характеръ, который долженъ олицетворять въ себѣ каждый учитель, воспитатель народа въ направленіи „христіанскаго идеализма“ Современное русское общество и въ особенности его руководительно-воспитательный элементъ, должны всегда быть на стражѣ, чтобы въ полной готовности и всеоружіи встрѣчать и оцѣнивать тѣ болѣзненные и ненормальные комбинаціи, въ которыя начинаютъ отливаться въ народѣ мысли и понятія, побужденія и настроенія подъ вліяніемъ антинаціональныхъ и антицерков-

ныхъ вѣяній и ученія нашего вѣка. Необходимо всѣми мѣрами оградить общественное мнѣніе и простой русскій народъ отъ увлеченія всякаго рода социалистическими и матеріалистическими ученіями—въ однихъ исключительныхъ интересахъ, чтобы онъ остался здоровымъ духовно и воспримчивымъ къ задачамъ иного, высшаго порядка, которыя источникомъ своимъ имѣютъ прова Slavно-христіанское міросозерцаніе (ср. 1 Кор. 2 гл. 14—16 ст.).

Непосредственно ниже мы намѣрены обозначить три главныхъ стратегическихъ пункта, въ которыхъ должны сосредоточиться зоркое наблюденіе и заботы пастырей о сохраненіи въ народѣ христіанскаго идеализма, въ которой должны быть собраны всѣ возможныя мѣры для воспитанія народа въ его духѣ.

Свящ. *Василій Бажановъ*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Существует ли Богъ? ¹⁾

Вильгельмъ Штудемундъ.

I. Вы ихъ узнаете по дѣламъ ихъ.

1. *Можетъ ли атеизмъ (отрицаніе Бога) исправить человека?*

Одинъ англійскій священникъ былъ однажды приглашенъ атеистомъ на публичный диспутъ на тему о существованіи Бога. Священникъ отвѣтилъ ему: „Къ чему намъ спорить? Публичные диспуты кончаются по большей части ничѣмъ. вмѣсто спора, приведите лучше двѣнадцать человекъ, которые, благодаря атеизму, избавились отъ своихъ грѣшныхъ привычекъ и стали хорошими людьми; я же, со своей стороны, также приведу двѣнадцать человекъ, которые че-

¹⁾ Редакція въ наступившемъ году дастъ нѣсколько апологетическихъ очерковъ въ популярномъ изложеніи. *Ред.*

резь животворящую вѣру въ Бога освободились отъ пороковъ и исправились“. Послѣ такого отвѣта отрицатель Бога не являлся болѣе къ священнику; онъ зналъ, что ему придется долго искать не только 12 человѣкъ, но даже одного, на котораго атеизмъ оказалъ бы благотворное дѣйствіе. Эта маленькая исторія показываетъ лучше длинныхъ разсужденій, на чьей сторонѣ истина: на сторонѣ ли отрицателей Бога, или же на сторонѣ вѣрующихъ въ Него. Слова: „вы ихъ узнаете по плодамъ ихъ“, относятся, кромѣ лицъ, указанныхъ Христомъ, также къ различнымъ міровоззрѣніямъ. Міровоззрѣніе приносящее лучшіе плоды, можетъ считаться наиболѣе соотвѣтствующимъ истинѣ. Чѣмъ хуже плоды какого-либо міросозерцанія, тѣмъ сомнительнѣе его истинность.

Итакъ, атеизмъ въ нравственномъ отношеніи можетъ принести только дурные плоды. Еще ни одинъ человѣкъ не исправился и не освободился посредствомъ атеизма отъ своихъ недостатковъ и пороковъ. Увѣренность, что на небѣ нѣтъ Бога, Который караетъ зло и награждаетъ добро, Который далъ намъ Свои заповѣди, Который знаетъ наши поступки и наши мысли,—такая увѣренность не можетъ побуждать къ добрымъ дѣламъ, а особенно тогда, когда эти добрыя дѣла сопряжены съ убытками, или же влекутъ за собою насмѣшки. Атеисты разсуждаютъ весьма логично; они говорятъ: „какая мнѣ польза, если я буду творить добро, если я съ большими усиліями буду подавлять свои желанія и страсти или же своими деньгами помогать ближнему въ бѣдѣ? Бога, Который бы меня наградилъ за добро, или наказалъ за грѣхъ, нѣтъ. Лучше я буду по возможности наслаждаться своей короткой жизнью; самое разумное и практическое—это заботиться о личныхъ выгодахъ и наслажденіяхъ“.

Совсѣмъ другіе плоды приноситъ вѣра въ Бога. Существуетъ множество людей, которые съ того дня, какъ прониклись искренней вѣрой въ Бога, оставили свои грѣшныя привычки и стали вести хорошую жизнь. Еще больше число

тѣхъ, для которыхъ вѣра въ Бога была поддержкой въ искушеніяхъ, случавшихся въ ихъ жизни, и которые безъ этой вѣры давно погрязли бы въ грѣхахъ и превратились бы въ дурныхъ людей. Естественно, что человѣкъ, твердо увѣренный въ существованіи Бога, Который видитъ всѣ человѣческія дѣла и угрожаетъ наказаніемъ преступающимъ Его заповѣди, а исполняющимъ ихъ обѣщаетъ милость и блаженство,—естественно, что такой человѣкъ будетъ остерегаться грѣха и творить добро охотнѣе, нежели тотъ, кто не вѣритъ, что существуетъ Богъ, давшій заповѣди и требующій отчета въ ихъ исполненіи. Вотъ еще маленькая исторія для доказательства вышесказаннаго. Одинъ купецъ, который во время разѣздовъ по ярмаркамъ заработалъ много денегъ, но въ то же время сдѣлалъ много долговъ, встрѣтился по дорогѣ съ однимъ подмастерьемъ. Внезапно купецъ почувствовалъ себя дурно; у него хлынула горломъ кровь; минуты его были сочтены. Передъ смертью, однако, онъ успѣлъ передать свои деньги подмастерью и попросить его отвезти ихъ женѣ и дѣтямъ. Исполняя порученіе, подмастерье заѣхалъ по дорогѣ къ себѣ на родину. Тамъ онъ встрѣтилъ знакомыхъ, которымъ рассказалъ о своемъ приключеніи; тѣ стали ему давать совѣты: „какъ же ты глупъ! Никто вѣдь не видѣлъ, какъ купецъ передавалъ тебѣ деньги. Почему бы тебѣ не оставить ихъ у себя или, по крайней мѣрѣ, не удѣлить себѣ хоть часть? Никто не знаетъ, сколько было денегъ. Тебѣ эти деньги будутъ нужнѣе, нежели женѣ купца“. Но мастеровой отвѣчалъ: „Кто-то видѣлъ, какъ купецъ передавалъ мнѣ деньги, и знаетъ также, сколько ихъ было—это Всевѣдущій Богъ“. Послѣ того мастеровой честно передалъ всѣ деньги по назначенію, причемъ самъ убѣдился, что женѣ купца сумма эта была крайне нужна. Если бы онъ не вѣрилъ во Всевѣдущаго Бога, то онъ, вѣроятно, поддался бы искушенію и взялъ бы себѣ всѣ деньги или часть ихъ, и сдѣлался бы обманщикомъ и воромъ.

2. *Можетъ ли атеизмъ усладить смерть?*

Одна молодая дѣвушка умирала въ чахоткѣ. Ея отецъ былъ атеистъ, не скрывавшій своего невѣрія; мать же была вѣрующая христіанка. Какъ дѣвушка, такъ и ея родители знали очень хорошо, что скоро должна наступить смерть. И вотъ однажды дочь, оставшись наединѣ съ отцомъ, спросила его: „Отецъ, съ какой вѣрой я должна умереть: съ твоей или же съ вѣрой моей матери“? Отецъ нѣкоторое время молчалъ, погруженный въ свои мысли, потомъ тихо произнесъ: „Умри съ вѣрой твоей матери, дитя мое!“ Я убѣжденъ, что большая часть невѣрующихъ, поставленныхъ въ такое положеніе, дали бы тотъ же отвѣтъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что та вѣра, съ которой мы желаемъ умереть нашимъ близкимъ, есть вѣра истинная?

Человѣкъ, вѣрующій въ Милосердаго Бога, чувствуетъ себя на смертномъ одрѣ гораздо лучше, чѣмъ атеистъ, предполагая, конечно, что у него нѣтъ на совѣсти тяжелыхъ преступленій. Если онъ оставляетъ своихъ близкихъ необезпеченными, онъ можетъ утѣшаться тѣмъ, что на небѣ есть Отецъ, Который о нихъ позаботится. Разлука съ близкими облегчается ему надеждой; что онъ съ ними встрѣтится въ загробной жизни. Страхъ передъ таинственной смертью побѣждается въ немъ увѣренностью, что Богъ будетъ съ нимъ, и онъ можетъ сказать: „Странствуя по мрачной долинѣ, я не боюсь несчастья, потому что Ты со мной, Твой жезлъ и посохъ направляютъ меня“ (Ис. 23, 4). Вѣрующій христіанинъ даже тоскуетъ по смерти, такъ какъ благодаря ей онъ освобождается отъ страданій, горестей и борьбы брэнной земной жизни; смерть открываетъ ему доступъ къ блаженной вѣчной жизни, какъ сказалъ ап. Павелъ, тоскующій по смерти: „я хочу умереть и соединиться съ Христомъ; тамъ мнѣ будетъ много лучше (чѣмъ здѣсь, на землѣ) Фил. 1, 23).

Какъ жалокъ невѣрующій въ предсмертный свой часъ! Атеистъ, твердо убѣжденный въ томъ, что Бога нѣтъ, мо-

жетъ, если онъ человѣкъ мужественный, овладѣть собой настолько, чтобы спокойно посмотрѣть смерти въ глаза и подавить въ себѣ страхъ передъ могильной тьмой или, по крайней мѣрѣ, его не обнаружить. Но даже въ лучшемъ случаѣ смерть его жалка по сравненію со смертію христіанина, умирающаго въ мирѣ и радости. Смерть невѣрующаго производитъ всегда угнетающее впечатлѣніе, и о ней нельзя сказать: „Кто такъ умираетъ, тотъ умираетъ блаженно“. Смертное ложе безчисленнаго количества христіанъ во всѣ времена и во всѣхъ странахъ было ихъ побѣднымъ ложемъ; они побѣждали смерть, и при видѣ ихъ кончины можно было воскликнуть: „Смерть, гдѣ твое жало? Адъ, гдѣ твоя побѣда? Хвала Богу, давшему намъ побѣду черезъ Господа нашего Іисуса Христа“ (1 Кор. 15, 55. 57). Число атеистовъ, дѣйствительно глубоко убѣжденныхъ въ несуществованіи Бога, не очень велико. У большинства постоянно просыпается страшная мысль: „А что, если Богъ существуетъ? Что будетъ тогда съ тобой? Ты Его отрицалъ, ты Его презиралъ и поносилъ, ты преступалъ Его заповѣди; развѣ за все это тебя не должно постигнуть наказаніе?“ Естественно, что такіе вопросы встаютъ особенно живо передъ лицомъ смерти и мучаютъ умирающаго. Поэтому-то многихъ атеистовъ постигла ужасная смерть. Ужасна, на примѣръ, была кончина великаго насмѣшника Вольтера. Послѣ его смерти сидѣлка объявила, что она больше ни за какія деньги не возметса ухаживать за умирающимъ богоотступникомъ; такое потрясающее впечатлѣніе произвела на нее кончина Вольтера!

Можетъ ли такое міровоззрѣніе, какъ атеизмъ, обнаруживающее свою полную несостоятельность въ минуты предсмертныя и самой смерти, которая, однако, насъ всѣхъ постигнетъ,—можетъ ли оно содержать въ себѣ больше истины, чѣмъ вѣра въ Бога, дающая утѣшеніе, силу и побѣду умирающему человѣку!

3. *Атеизмъ и человѣческое страданіе.*

Въ мірѣ безконечно много страданій. Страданіе никого не щадить. Каждый, читающій эти строки, навѣрно, переживалъ въ своей жизни не мало тяжелыхъ минутъ. Иначе и быть не можетъ. Нѣкоторые мечтатели воображаютъ, что съ введеніемъ новаго экономическаго строя исчезнутъ нужда и бѣдность. Но это только мечты. Даже если бы эти надежды¹ осуществились, все же въ мірѣ останутся болѣзни, смерть и разочарованія. Итакъ, нуждающіеся въ утѣшеніи люди будутъ существовать всегда. Въ тяжеломъ горѣ приносятъ намъ утѣшеніе только надежда на Бога, увѣренность, что Богъ направляетъ съ неба нашу жизнь, что пути Его неисповѣдимы, что Онъ посылаетъ намъ миръ среди страданій, и мы можемъ сказать: „Что бы со мной ни случилось, во всемъ Божья воля, все мнѣ на благо“. Мое призваніе требуетъ¹), чтобы я почти ежедневно посѣщалъ страждущихъ. Мнѣ приходилось утѣшать печальныхъ и вливать новую надежду въ ихъ угнетенныя сердца; когда же я уходилъ, меня провожали слова искренней благодарности утѣшенныхъ мною. Если бы я не имѣлъ твердой вѣры во Всемогущаго, Всеблагаго и Всевѣдущаго Бога, я бы не могъ приносить утѣшеніе унывающимъ и печальнымъ. „Попробуйте утѣшить толпу женщинъ, больныхъ ракомъ, стихотвореніями Гетэ и Шиллера!“ воскликнулъ однажды знаменитый естествоиспытатель д-ръ Дюбуа-Реймонъ. Даже величайшіе поэты не могутъ принести утѣшеніе въ великихъ страданіяхъ; только надежда на Бога ободряетъ страждущихъ.

Атеизмъ съ трудомъ удовлетворяетъ человѣка счастливаго. Я, на примѣръ, а также многіе другіе, чувствовали бы себя несчастными даже при хорошихъ обстоятельствахъ, если бы мы не были увѣрены, что Небесный Отецъ напра-

¹) Авторъ — священникъ.

вляеть нашу жизнь ко благу и простираеть Свой благословляющія руки надъ нашими близкими. Когда же наступаютъ черные дни, тогда обнаруживается особенно ясно, сколько пустоты и безутѣшности въ міровоззрѣніи атеистовъ! Вслѣдствіе этого часто случается, что богоотступникъ, постигнутый несчастьями, возвращается къ вѣрѣ въ Бога.

Живая вѣра въ Бога дѣлаеть счастливыми не только людей, которые пользуются успѣхами въ жизни, но и такихъ, которые испытываютъ тяжелыя страданія. Я видѣлъ людей, которые чувствовали себя счастливыми не смотря на то, что были прикованы къ постели неизлѣчимыми болѣзнями и ежедневно испытывали ужасныя страданія. Мирнымъ блаженствомъ и внутреннимъ счастьемъ свѣтились ихъ глаза. Они сознавали, что тѣмъ, которые любятъ Бога, все служить ко благу; они утѣшались увѣренностью въ близости Бога и надеждой на будущую жизнь; они не жаловались и не роптали, а благодарили и восхваляли Господа.

Можно было бы еще много говорить о плодахъ обоихъ міровоззрѣній: атеизма и вѣры въ Бога. Но удовлетворимся сказаннымъ. Кто признаеть истинность словъ: „Вы ихъ узнаете по дѣламъ ихъ“, о томъ нечего сомнѣваться, къ какому міровоззрѣнію онъ примкнетъ. Онъ скажетъ себѣ, что такое міросозерцаніе, какъ атеизмъ, которое не можетъ исправить человѣка, которое оказывается вполнѣ несостоятельнымъ при несчастьи и смерти, такое міросозерцаніе не можетъ быть истиннымъ, а, напротивъ, оно по существу неправильно, и что Библия права, произнося рѣзкія слова: „*Безумцы* говорятъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога!“

II. Естествознаніе и вѣра въ Бога.

1. Доказали ли естественныя науки, что Бога нѣтъ?

Можетъ быть, у читателя возникаютъ возраженія по поводу сказаннаго въ предыдущей главѣ, и онъ рассуждаеть: „Правда, нельзя отрицать, что многіе люди, для которыхъ

вѣра въ Бога служить поддержкой и побужденіемъ къ добрымъ дѣламъ, предались бы безбоязненно злу и грѣху, если бы сдѣлались атеистами. Нужно также сознаться, что многіе, ищущіе въ вѣрѣ силы и утѣшенія въ страданіяхъ, погрузились бы въ уныніе и отчаяніе, если бы у нихъ была отнята эта вѣра. Но что же изъ этого? Истину затемнять не слѣдуетъ, даже если она и печальна. Часто случается, что мы изъ любви къ истинѣ отказываемся отъ мыслей, которыя для насъ дороги и цѣнны. Значить, мы должны, не заботясь о послѣдствіяхъ, покориться той истинѣ, что Бога нѣтъ. Это положеніе вполнѣ достоверно и истинно. Естествознаніе доказало намъ, что Богъ не существуетъ⁴. Въ наши дни часто приходится читать и слышать, будто естествознаніе доказало, что Бога нѣтъ. Но вѣдь не всякое утвержденіе правильно, и не все напечатанное представляетъ собой неопровержимую истину; бумага, какъ извѣстно, все терпитъ. Пусть тѣ, которые это утверждаютъ, докажутъ съ данными изъ естественныхъ наукъ, что Богъ дѣйствительно не существуетъ. Они не сумѣютъ этого сдѣлать; они будутъ увертываться и произносить безсодержательныя рѣчи или же — какъ поступитъ большинство — будутъ указывать на великихъ естествоиспытателей, особенно на Геккеля, которые будто бы доказали небытіе Бога. Я увѣренъ, что между извѣстными намъ богоотступниками мы не найдемъ ни одного, который бы могъ привести болѣе или менѣе удовлетворительное доказательство въ пользу своего утвержденія. А если ты самъ, читатель, принадлежишь къ числу атеистовъ, то я предполагаю, что ты придешь въ величайшее смущеніе, если тебѣ предложатъ привести убѣдительныя доводы въ пользу твоихъ взглядовъ.

Но Геккель! Вѣдь Геккель все-таки великій естествоиспытатель, а онъ того мнѣнія, что изъ результатовъ новѣйшаго естествознанія вытекаетъ сама собою невозможность признанія Бога, какъ Личности. — Я не отрицаю, что Геккель придерживается этого убѣжденія, но истинность послѣд-

ниго имъ не доказана. Его книга „Міровыя загадки“ получила самое широкое распространеніе, совершенно, между прочимъ, незаслуженное, потому что я знаю мало книгъ, которыя бы изобиловали столькими нелѣпостями и недоказанными утверженіями, какъ именно эта. Названіе „Міровыя загадки“ болѣе подходитъ къ этой книгѣ, чѣмъ думаетъ самъ Геккель, такъ какъ для человѣка, смотрящаго на все съ точки зрѣнія атеизма, міръ остается загадкой нерѣшенной и неразрѣшимой.

Я напрасно искалъ въ этой книгѣ дѣйствительнаго обоснованія атеизма. Геккель говоритъ на стр. 94: „Наше твердое монистическое убѣжденіе, что основной космологическій законъ имѣетъ примѣненіе ко всей природѣ, пріобрѣтаетъ громадное значеніе. Такимъ образомъ не только положительно доказывается принципиальное единство космоса и причинная связь между всѣми извѣстными намъ явленіями, но одновременно достигается отрицательнымъ путемъ высшій интеллектуальный успѣхъ, окончательное ниспроверженіе трехъ центральныхъ догмъ метафизики: Бога, свободы и безсмертія“. Основной космологическій законъ по Геккелю—это законъ о сохраненіи матеріи и силы, который онъ кратко называетъ „закономъ вещества“. Количество матеріи, наполняющей безконечное міровое пространство, неизмѣнно. Матерія нигдѣ не исчезаетъ, только измѣняетъ свои формы и соединенія. Точно также и количество силы, которая дѣйствуетъ въ безграничномъ міровомъ пространствѣ и производитъ всѣ явленія, не измѣняется. (Геккель: „Міровыя загадки“, стр. 86 и 87). Различныя силы природы могутъ превращаться одна въ другую, напримѣръ, теплота въ движеніе массы, но количество силы остается неизмѣннымъ.

Примѣнимость закона о сохраненіи матеріи и силы доказана, но—возразимъ Геккелю—она не распространяется на духовныя силы. Какимъ образомъ изъ этого слѣдуетъ, что Бога нѣтъ? Почему Богъ не могъ установить такой законъ въ природѣ? Именно это было бы интересно знать. Но Гек-

кель не останавливается на этомъ вопросѣ подробнѣе, онъ нигдѣ не дѣлаетъ даже попытки дать убѣдительное доказательство въ пользу отрицанія Бога. Итакъ, у насъ нѣтъ повода разбирать его сочиненіе. Пусть онъ раньше приведетъ дѣйствительныя основанія для атеизма, тогда мы будемъ въ состояніи изслѣдовать эти основанія и принять ихъ или же отвергнуть, если они не достаточно убѣдительны.

У другихъ естествоиспытателей атеистовъ мы также не находимъ доказательствъ противъ вѣры въ Бога, которыя бы имѣли какое-либо значеніе. Все, что они приводятъ противъ вѣры въ Бога, не заслуживаетъ названія доказательствъ. Это неосновательныя утвержденія—по-просту догматы, гораздо менѣе достовѣрныя, нежели догматы христіанской Церкви.

Символь вѣры одного невѣрующаго естествоиспытателя гласить: „Я вѣрую во всемогущую матерію и всемогущую силу, которыя существовали и будутъ существовать вѣчно, которыя все изъ себя сотворили, даже человѣческое сознаніе, хотя сами онѣ безсознательны, которыя удивительно мудро устроили міръ, хотя сами онѣ не знали, что творили“. Насколько яснѣе, убѣдительнѣе и разумнѣе звучитъ первый членъ нашего символа вѣры: „Вѣрую въ Бога, Отца, Вседержителя, Творца неба и земли“.

Перев. Ц. И. Селивиновской.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Объявленіе о продолженіи изданія при Кіевской д. Семинаріи журнала

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

Въ 1909 году журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей„ вступаетъ въ **50** годъ своего существованія, оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ—содѣйствовать приходскимъ пастырямъ въ ихъ святомъ и многотрудномъ служеніи. Осуществляя эту задачу, нашъ журналъ отведетъ на своихъ страницахъ широкое мѣсто статьямъ, посвященнымъ изъясненію Слова Божія, его проповѣданію и устроенію приходской жизни на основѣ Евангелія и церковныхъ каноновъ, а также статьямъ литургическаго и церковно-историческаго характера.

Въ виду нападковъ на Церковь Христову со стороны современныхъ невѣрія и отрицанія, иновѣрія и сектантства, а также въ виду широкаго распространенія въ русскомъ народѣ нравственной грубости и распущенности, журналъ займется посильнымъ освѣщеніемъ этихъ язвъ современной религіозно-нравственной жизни и выясненіемъ средствъ исцѣленія ихъ по духу Христовой вѣры. Точно также журналъ будетъ отзываться замѣтками и статьями о цѣлесообразной постановкѣ оживляющихъ приходскую жизнь организацій, каковы, напр., приходскіе совѣты, братства, общества трезвости, благотворительности и пр., займется посильнымъ обсужденіемъ проектированныхъ преобразованій въ разныхъ иныхъ областяхъ церковной жизни и, наконецъ, выясненіемъ задачъ предстоящаго Всероссийскаго Собора, отъ котораго все эти проекты ждутъ своего одобренія.

Предлагая свои страницы всеѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своими мыслями и опытомъ съ сопастырями, нашъ журналъ независимо отъ этого будетъ давать время отъ времени свѣдѣнія о церковной и пастырской дѣятельности въ восточно-православныхъ и западныхъ инославныхъ церквахъ, а также обзоръ церковно-общественной жизни и выдающихся событій приходской жизни Россіи.

Для ознаменованія собственно юбилейнаго года изданія журналъ дастъ особою статью исторію 50-лѣтняго своего существованія и указатель своего содержанія за весь этотъ періодъ (указатель этотъ будетъ разосланъ подписчикамъ въ 1910 году) и предпринимаетъ изданіе *весьми цѣннаго и солиднаго, бесплатнаго для своихъ подписчиковъ, приложенія.*

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 номеровъ, что составитъ три тома, изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“, 12 выпусковъ „Богословскаго библиографическаго Листка“, вышеименованнаго указателя и бесплатнаго приложенія. Этимъ приложеніемъ будетъ „Толковый Типиконъ“. Объяснительное изложеніе Типикона съ обоснованіемъ всѣхъ предписаній церковнаго устава и съ историческими свѣдѣніями о возникновеніи и развитіи богослужебныхъ чиновъ, праздниковъ и памятей святыхъ, составленное Доцентомъ Кіевской Дух. Академіи *М. Н. Сабаллановичемъ.* Настольная книга для священниковъ и псаломщиковъ. Пособіе при изученіи православнаго богослуженія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Компактное изданіе въ 25—30 печатныхъ листовъ (400—450 стр.), состоящее изъ введенія, 4-хъ частей и 2-хъ указателей къ содержанію ихъ. Въ отдѣльномъ продажѣ будетъ стоить около 3 руб.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во все мѣста Россійской Имперіи **ШЕСТЬ рублей**

Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ можетъ быть отсрочена до сентября м. 1909 года.

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Подписка принимается только на весь цѣлый годъ, на $\frac{1}{2}$ г. или на 1 м. не принимается.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется Кіевъ. 8-го января 1909 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на шість
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 2.

Подписка принимается въ редак-
ци журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года 11 января.

Содержаніе: I. Отзвукъ современности. Свящ. А. Веселицкаго.—II. О необходимости воспитанія христіанскаго идеализма въ русскомъ народѣ. (Окончаніе). Свящ. Вас. Бажанова.—III. Существуетъ ли Богъ? (Окончаніе). Перев. П. И. Селивановской.—IV. Замокъ противъ куренія.

Отзвукъ современности.

I.

Давно не приходилось уже дѣлиться съ читателями своими думами и впечатлѣніями, возбуждаемыми въ каждомъ русскомъ человѣкѣ родной дѣйствительностью; но что было дѣлать, если сама наша родная дѣйствительность съ нѣкоторыхъ поръ вступила въ сферу „успокоенія“ и не представляетъ пока настолько жизненныхъ, жгучихъ, неотложно вызывающихъ на откликъ фактовъ и явленій... Послѣ трехлѣтней почти горячки, охватившей русскую жизнь со всѣхъ сторонъ, когда родина наша бурно, криками и воплями, заявляла во всеуслышаніе о неудовлетворенныхъ своихъ ну-

ждахъ, страданіяхъ, ранахъ и болячкахъ,—должна же была естественнo наступить „передышка“, успокоеніе, отрезвленіе,—однимъ словомъ, вопли и возбужденіе должны были смолкнуть, затихнуть. И это должно было случиться непременно,—независимо отъ того, получилъ ли общественный организмъ удовлетвореніе своимъ запросамъ, испѣлены ли его глубокія раны, или нѣтъ,—просто отъ одного утомленія и растраты послѣднихъ силъ.

Но какъ бы то ни было,—фактъ теперешняго уснокоенія дорогой, измученной въ кровавыхъ судорогахъ отчаяннаго, безумнаго протѣста, родины, ея „отрезвленія“—налицо, чувствуется и признается всѣми, и въ этомъ фактѣ нельзя не признать благоприятнаго момента для мирной, спокойной и созидательной работы въ цѣляхъ дѣйствительнаго оздоровленія, обновленія нашей жизни, нашего общественнаго организма. Въ годину пронесшейся бури онъ ярко и всесторонне обнаружилъ свои недуги, свои неутолимые запросы и нужды, а теперь, успокоившись, онъ можетъ быть болѣе воспримчивъ и способенъ къ усвоенію многоцѣлебныхъ средствъ, какія будутъ предоставлены ему любящей, врачующей, попечительной рукой. Думается, что наступающій новый годъ именно и ставитъ эту задачу предъ всѣми руководителями и устроителями русской жизни: использовать широко и всесторонне наступившій теперь въ этой жизни благоприятный періодъ временнаго затишья, успокоенія общества на честную, обновительную и созидательную работу во благо родной земли.

Примѣты есть, что новый годъ
Счастливей, радостнѣй намъ будетъ,—
Вздохнетъ отраднѣе народъ,
Невзгоды прежнія забудетъ...

Уже и въ этотъ годъ огни
Сверкали рѣдко грозной бури,

Покоя видѣли мы дни
И вмѣсто тучь—просвѣтъ лазури.

Довольно тѣшился злой духъ,
Терзая Русь, ея окраины:
Лѣкарства требуетъ недугъ,
И заживленья просить раны.

Страна молчить и жадно ждать,
Ища отъ бурь успокоенья,—
Когда къ ней чудный врачъ придетъ
Съ могучимъ даромъ исцѣленья.

И,—что можетъ радовать каждое русское сердце,—повидимому, ожиданія измучившейся родины не далеки отъ осуществленія, пусть даже въ предѣлахъ реальной умѣренности и возможности. На помощь ей мобилизуются врачующія, созидательныя силы по всей линіи: проведеніемъ въ жизнь обновляющихъ началъ заняты систематически два высшія законодательныя учрежденія. Не забыть въ этихъ заботахъ объ исцѣленіи нашего общественно-государственного организма и его едва ли не самый глубокой, разрушительный, религіозно-нравственный недугъ. Диагнозъ его за послѣднее время твердо установленъ, и средства для борьбы съ нимъ, повидимому, найдены. Въ этомъ отношеніи достаточно уже сдѣлано бывшимъ у насъ всероссійскимъ миссіонерскимъ съѣздомъ, не говоря о другихъ мѣрахъ и предначертаніяхъ, исходящихъ отъ центральныхъ органовъ русской православной церковно-религіозной жизни... Такимъ образомъ, и предъ нами, кто только призванъ быть руководителемъ религіозно-нравственной жизни русскаго православнаго народа, новый годъ ставить опредѣленную неотложную задачу. Всѣ, къ кому по преимуществу относятся слова Христовы: „вы—соль земли, вы—свѣтъ міру“, призываются нынѣ явиться на помощь недугующей родинѣ въ качествѣ духовныхъ цѣлителей—врачей ея обнаруженныхъ теперь и ясно сознанныхъ

религіозно-нравственныхъ язвъ, давно и глубоко подтачивающихъ живой народный организмъ.

Но пусть—„нашъ вѣренъ путь, ясна наша дорога“ и, несомнѣнно, дѣйственны врачующія средства, указанные намъ для успѣшной борьбы съ духовнымъ недугомъ русскаго народа,—торжествовать заранѣе побѣду и надѣяться на несомнѣнный, быстрый успѣхъ предстоящей намъ работы было бы и легкомысленно, и вредно для самаго дѣла. Умѣрить пылкія надежды, быть терпѣливыми и осмотрительными научаетъ насъ опытъ прошлаго, полного горькихъ разочарованій, и даже простые, всѣмъ знакомые факты изъ житейской практики. Кому не извѣстны случаи безуспѣшности лѣченія тѣлесныхъ болѣзней при самомъ, повидимому, вѣрномъ діагнозѣ опытнаго врача и при самыхъ дѣйствительныхъ средствахъ? И на довѣрку въ такихъ случаяхъ оказывается, что причина безуспѣшности заключалась въ недосмотрѣ и въ неустраненіи своевременно какихъ-либо важныхъ условій, поддерживающихъ данную болѣзнь, которыя у всѣхъ были на виду, но въ нужную пору ускользнули отъ вниманія врача. Тѣмъ болѣе возможны и даже прямо неизбежны подобныя роковыя опущенія и недосмотры при изслѣдованіи и опредѣленіи причинъ и условій развитія такихъ сложныхъ социальныхъ, религіозно-нравственныхъ недуговъ, какіе врачевать призывается нынѣ наше духовенство. Осюда уже ясно, съ какимъ вниманіемъ и тонкой наблюдательностію слѣдуетъ приступать намъ къ выполненію предстоящей задачи, чтобы имѣть дѣйствительный успѣхъ, а не погубить свой трудъ изъ-за слѣпнаго довѣрія къ произведенному до насъ опредѣленію причинъ и условій болѣзненныхъ явленій въ духовной жизни русскаго народа. Не полагаясь на установленный діагнозъ болѣзни, какъ бы ни казался онъ всестороненъ и глубокъ, необходимо намъ, приступая къ врачеванію, снова внимательно присмотрѣться къ окружающей дѣйствительности, ко всѣмъ условіямъ, среди которыхъ движется религіозно-нравственная жизнь народа, чтобы не оказалась оста-

вленной безъ вниманія, не устраненной своевременно какая-нибудь болѣзнетворная причина, какое-либо условіе, препятствующее успѣху дѣла. И мы увѣрены, что подобныхъ разрушительныхъ причинъ и условій, вызывающихъ и поддерживающихъ у насъ современный религіозно-правственный распадъ, но пока никѣмъ не замѣчаемыхъ и не обслѣдованныхъ, не мало таитъ въ себѣ наша русская печальная дѣйствительность. Вотъ на нихъ-то обратить вниманіе, произвести имъ должную оцѣнку и позаботиться объ ихъ устраненіи изъ жизни было бы, думается, въ настоящую пору особенно необходимо и крайне своевременно.

Мы съ своей стороны и попытаемся отмѣтить хотя нѣкоторыя отрицательныя стороны и факты въ церковно-религіозной нашей жизни, которые будучи у всѣхъ на виду, до сихъ поръ какъ бы не замѣчались вовсе, не обращали на себя должнаго вниманія, не смотря на очевидную свою вредоносность и гибельность. Возьмите, напримѣръ, такое печальное, угрожающее цѣлости православія явленіе, какъ поразительное усиленіе и развитіе у насъ сектантства, особенно на югѣ Россіи по большимъ городамъ и даже среди сельскаго населенія. Для выясненія причинъ и условій этого грознаго факта, для его изученія употреблено не мало усилий даже со стороны опытныхъ специалистовъ-миссіонеровъ, но и тутъ—сказать, что сдѣлано все, было бы прямымъ самообольщеніемъ и вредной ошибкой. И здѣсь,—скажемъ прямо,—опускается нами безъ вниманія, остается не изслѣдованнымъ одно изъ самыхъ главныхъ благопріятныхъ для процвѣтанія сектантства условій, безъ устраненія котораго окажется попрежнему безплодной и бессильной самая энергическая миссіонерская борьба. Обратите вниманіе на то, изъ какихъ элементовъ, болѣе чѣмъ на половину, составляются сектантскіе кружки и общины, на счетъ кого они такъ быстро расширяются и умножаются въ числѣ, потомъ представьте ясно отношеніе къ этимъ элементамъ, къ этимъ людямъ нашихъ руководителей церковно-религіозной жизни, по-

ка тѣ еще не успѣли попасть въ сѣти сектантовъ,—и предъ вами откроется главная, неотвратимо дѣйствительная причина усиленія, умноженія всякаго рода сектантства. Загляните на сектантскія собранія евангельскихъ христіанъ и др. въ нашихъ южныхъ большихъ городахъ, и вы убѣдитесь, что большинство ихъ состоитъ изъ простыхъ русскихъ людей рабочаго ремесленнаго мелко-промышленнаго типа и такъ называемыхъ разночинцевъ, которые всѣ раньше, а нѣкоторые и совѣмъ недавно, были такими же, какъ мы съ вами, православными христіанами, пока жили на своихъ родныхъ мѣстахъ, гдѣ-нибудь внутри Россіи и принадлежали къ своимъ приходамъ. Но экономическія побужденія,—пріисканіе выгоднаго заработка, службы, мѣста для мелочной торговли и проч. заставили весь этотъ народъ покинуть насиженные, родныя пепелища и двинуться сюда, часто съ семьями, на постоянное жительство. вмѣстѣ съ жаждой труда, съ своими рабочими силами, не находившими приложенія на мѣстѣ, принесли эти люди и свою вѣру, свои религіозные запросы, которые и здѣсь, на новыхъ мѣстахъ, требовали удовлетворенія.

И вотъ, въ этомъ-то отношеніи оказались они, по устройеніи кое-какъ своего экономическаго положенія, совершенно покинутыми, безпомощными, сиротливыми, неустроенными. Правда, есть въ городахъ православныя церкви, есть мѣстные православныя приходы, есть духовенство, но вѣдь для новыхъ пришельцевъ все это богатство и обиліе духовныхъ благъ должно было представляться чужимъ, не для нихъ предназначеннымъ, и примкнуть къ участию въ этихъ благахъ, утолить жаждущую душу, они не видѣли ни ясныхъ путей, ни даже возможности. И если разспросить этихъ людей, бывшихъ когда-то православными, а теперь съ удовлетвореннымъ видомъ засѣдающими на какомъ-нибудь евангельскомъ сектантскомъ сборищѣ, то большинство изъ нихъ могло бы повѣдать намъ много поучительнаго про ужасающій трагизмъ сознанія религіозной покинутости и безпомощности, пережи-

тый ими до перехода въ сектантство. Тамъ, дома, въ своихъ мѣстахъ, не смотря на слабое вообще развитіе у насъ приходской жизни, они сознавали себя членами своего прихода: была у нихъ своя церковь, свой батюшка, знавшій ихъ достаточно,—и хорошо имъ чувствовалось въ церкви среди близкаго знакомаго люда, и шли они къ батюшкѣ, какъ своему, со всякой требой и по житейскимъ дѣламъ. Здѣсь же, обосновавшись кое-какъ матеріально въ большомъ разноплеменномъ и разновѣрномъ городѣ, подобные пришельцы въ отношеніи религіозной благоустроенности,—обрѣтенія и для души вѣрнаго уюта—пристанища,—оказывались беспомощными, сиротливо-одинокими. Посѣщеніе по праздникамъ городскихъ церквей, что дѣлалось по началу въ силу привычки, не давало имъ религіознаго удовлетворенія, не поднимало въ душѣ святого, теплаго чувства, напротивъ нерѣдко даже обостряло горькое сознаніе того, что они тутъ совершенно чужіе среди этихъ городскихъ прихожанъ-богомольцевъ, какъ бы незванные гости.

Когда же представлялось кому-нибудь изъ нихъ неотложная религіозная нужда обратиться къ церкви, къ священнику,—напримѣръ, тяжелая болѣзнь, крещеніе родившагося ребенка, брачныя дѣла,—то тутъ приходилось еще очевидное убѣждаться бѣднымъ людемъ въ своей религіозно-исповѣдной заброшенности, безпризорности и одиночествѣ. Какого батюшку пригласить къ больному, и пойдетъ ли еще чужой священникъ, и гдѣ его найти?.. Какъ и гдѣ крестить родившееся дитя, и опять: будутъ ли крестить въ чужой церкви и въ какое время? И въ томъ и другомъ случаѣ рѣдко обходилось дѣло безъ обидныхъ отказовъ, ненужныхъ препирательствъ и множества хлопотъ. А браки? Про множество мытарствъ, формальностей, сопряженныхъ съ ними (браками) для пришлаго городского люда и говорить нечего: они извѣстны всякому. Извѣстны и нерѣдки случаи, что одолѣть ихъ всѣ иногда бывало другому не по силамъ, и нужда заставляла начинать брачную жизнь безъ вѣнчанія. Многое

множество и другихъ подобныхъ фактовъ можно было бы указать изъ жизни рабочаго ремесленнаго и вообще мало обеспеченнаго пришлаго населенія, которое лишено у насъ возможности правильно, безпрепятственно удовлетворять свои духовныя потребности, которое осуждено роковымъ образомъ на полную безпризорность, заброшенность въ религиозно-исповѣдномъ отношеніи. Не будемъ говорить о томъ, что для каждаго изъ этихъ людей есть возможность приписаться къ любому городскому приходу и такимъ образомъ избѣгнуть всѣхъ выше описанныхъ злключеній, терзаній и неудовлетворенности въ своихъ вѣроисповѣдныхъ нуждахъ и запросахъ. Этотъ способъ, какъ всѣ мы знаемъ, сводится пока къ одной формальности и нимало не измѣняетъ, особенно съ внутренней стороны, безотраднaго положенія пришлаго ремесленно-трудоваго населенія городовъ.

Не ясно ли для всякаго, какую удобную, самую податливую для уловленія во всевозможныя сектантскія сѣти среду представляла и представляетъ у насъ по большимъ промышленнымъ и торговымъ городамъ вся эта подвижная и, сравнительно, развитая, сознательная масса православныхъ русскихъ людей, осужденная роковымъ образомъ на своихъ новыхъ мѣстахъ осѣлости на всевозможныя лишенія въ удовлетвореніи своихъ вѣроисповѣдныхъ нуждъ, религиозныхъ запросовъ. Не будь, указанныхъ выше, печальныхъ ненормальностей, затрудненій, съ которыми сталкивается въ городѣ рабочій православный людъ, встрѣтъ онъ здѣсь братское участіе къ себѣ со стороны мѣстнаго православнаго населенія, особенно духовенства, найди полную возможность утolenія привычныхъ религиозныхъ запросовъ,—и тогда былъ бы онъ застрахованъ отъ всякихъ сектантскихъ соблазновъ, потому что и на умъ нѣ пришло бы простому человѣку промѣнять исконное, самое дорогое сокровище—православіе на непривычную для него новую сектантскую вѣру. Но при настоящихъ условіяхъ измученному и ожесточенному напрасными мытарствами при удовлетвореніи вѣроисповѣдныхъ

нуждъ, истерзанному сознаниемъ религіознаго сиротства, одиночества человѣку нѣтъ ничего легче и естественнѣе—рѣшиться на подобный роковой жизненный шагъ. Стоитъ такому огорченному человѣку подѣлиться своимъ недовольнымъ настроеніемъ съ кѣмъ-либо изъ товарищей по работѣ, который въ свое время нашель для себя выходъ изъ подобнаго же положенія, перейдя въ сектантскую общину, и—превращеніе православнаго въ новаго сектанта уже почти неизбѣжно. Сразу же опытный товарищъ дастъ ему добрый совѣтъ—бросить напрасное стараніе добиться чего-либо отъ своей „безучастной до него Церкви и послѣдовать его примѣру; онъ же сведеть его въ свое сектантское богослужебное собраніе, гдѣ несомнѣнно новичекъ встрѣтитъ и участіе, и ласковыя рѣчи и неволью подчинится этому обманчивому обаянію сиротритливая, озлобленная православная душа. Это—одинъ изъ возможныхъ на каждомъ шагу путей и способовъ для перехода изъ православія въ сектантство; а сколько еще другихъ случаевъ и поводовъ къ тому же даетъ жизнь трудящагося люда въ городахъ, включая сюда и свободную, фанатическую пропаганду сектантскихъ проповѣдниковъ! И для такого пагубнаго воздѣйствія сектантства бѣдная, ничѣмъ отъ него неогражденная, предоставленная въ религіозномъ отношеніи самой себѣ, трудовая рабочая среда нашихъ городовъ представляетъ, какъ мы видѣли, вполне подготовленную, самую воспримчивую почву.

И такъ, при первой попыткѣ снова, не довѣряя установленному діагнозу, присмотрѣться къ тѣмъ условіямъ, среди которыхъ развивается и крѣпнетъ религіозно-нравственная язва народная, требующая съ нашей стороны неотложнаго врачеванія, мы оказались лицомъ къ лицу съ такимъ вопіющимъ, ужасающимъ и гибельнымъ по послѣдствіямъ фактомъ въ жизни извѣстной части нашего православнаго люда, безъ устраненія котораго не мыслимъ дѣйствительный успѣхъ не только миссіонерства, но и вообще—нашей вра-

чующей духъ народный пастырской дѣятельности. А между тѣмъ, этотъ горестный, для всѣхъ очевидный фактъ обходился молчаніемъ, не подвергался обслѣдованію. Но теперь, разъ онъ установленъ, съ устраненія его и надобно начать духовно-церковнымъ силамъ свою работу, если не повсюду, то по городамъ. Но спросятъ насъ: есть ли въ нашемъ распоряженіи достаточныя средства, возможно ли устранить констатированный выше фактъ горестнаго, безотраднаго въ религіозно-исповѣдномъ отношеніи положенія трудового класса населенія нашихъ городовъ, особенно тягостнаго для его представителей въ началѣ ихъ новой городской жизни? Какъ и что нужно предпринять, чтобы эти бѣдные православные люди на новомъ для нихъ мѣстѣ жительства не чувствовали себя вполнѣ беспомощными, заброшенными, сиротливо-одиночными въ дѣлахъ вѣры, въ удовлетвореніи своихъ религіозныхъ нуждъ?—На всѣ подобныя вопросы, диктуемые нашею общерусскою боязнію живого плодотворнаго дѣла, слѣдуетъ отвѣтить особенно въ настоящій моментъ съ бодрою вѣрою въ успѣхъ дѣла, честно и не обинуясь: все это можно, все это—въ нашихъ рукахъ и вполнѣ зависитъ отъ непоколебимой рѣшимости со стороны руководителей православной церковно-религіозной жизни и отъ живого духа братской участливой любви коренного православнаго населенія городовъ къ своимъ обездоленнымъ единымъ по вѣрѣ и крови братьямъ.

Чтобы выяснитъ сущность дѣла и представить практической и вѣрный способъ устраненія одной изъ самыхъ благопріятныхъ и, такъ сказать, коренныхъ причинъ развитія сектантства, на это у насъ есть нимаго аналогичныхъ, руководственныхъ образцовъ и примѣровъ. Существуютъ же, на примѣръ, у многихъ культурныхъ народовъ въ торговыхъ, переселенческихъ и другихъ міровыхъ центрахъ спеціальныя организаціи и разнаго рода учрежденія, имѣющія нарочитою цѣлью оказывать нравственную и матеріальную поддержку своимъ соплеменникамъ-единовѣрцамъ, которыхъ жизнь вре-

менно или навсегда забрасываетъ въ эти чуждыя, незнакомыя для нихъ мѣста. Есть и у насъ, русскихъ, подобная организація — Православное Палестинское Общество, одну изъ главныхъ цѣлей котораго составляетъ забота объ удовлетвореніи религіозно-нравственныхъ и матеріальныхъ нуждъ русскихъ православныхъ поклонниковъ Св. Земль. Можно указать также на однородныя учрежденія при большинствѣ греческихъ и армянскихъ приходовъ во многихъ южно-русскихъ городахъ въ видѣ церковно-приходскихъ совѣтовъ, которые, вмѣстѣ съ благотворительно-просвѣтительной дѣятельностію, всегда проявляютъ истинно-братскую попечительность и вниманіе къ своимъ вновь прибывающимъ въ городъ соплеменникамъ-единовѣрцамъ, не только вводя ихъ съ любовью въ свою мѣстную приходскую общину, но нерѣдко помогая и въ устройствѣ экономическаго положенія. И, понятно само собою, при такомъ жизненномъ проявленіи религіозной и національной солидарности у этихъ народовъ, ни грекъ, ни армянинъ не будутъ осуждены и въ чужомъ городѣ, лишь бы тамъ нашлись соплеменные, на безвыходную беспомощность, одиночество и неудовлетворенность въ своей религіозной жизни и фактически ограждены отъ соблазновъ и пропаганды сектантскаго иновѣрія. Потому-то, можно предположить, и такъ рѣдки, почти неслыханны у нихъ случаи перехода въ сектантство, чѣмъ, какъ мы знаемъ, такъ громко безславить себя за послѣднее время православное русское населеніе большихъ городовъ, и что мы до сихъ поръ объясняли единственно, и едва ли вѣрно, общимъ ослабленіемъ религіозности нашего народа... Все болѣе учающіеся случаи перехода въ сектантскія общины извѣстныхъ слоевъ городского населенія должны быть приписаны именно полному отсутствію у насъ въ практикѣ церковно-приходской жизни только-что указанныхъ выше жизненныхъ учреждений.

Вотъ въ духѣ и направленія дѣятельности такихъ учреждений и организацій должна проявиться въ самомъ началѣ

наша собственная дѣятельность по уврачеванію нравственно-религіозныхъ недуговъ родной земли, родного народа; въ сторону христіански-любовнаго попеченія и заботъ о предоставленныхъ теперь безсердечно на произволъ случая, безъ всякой поддержки новыхъ насельникахъ нашихъ большихъ городовъ должны быть прежде всего устремлены всѣ наши усилія. Пусть весь этотъ трудящійся, мелкопромышленный людъ, ищущій въ городѣ приложенія своихъ силъ, удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ, найдетъ такъ же на мѣстѣ новаго жительства тепло и привѣтъ для души и готовое утolenіе запросовъ своей исконной отцовской православной вѣры, и почва для умноженія и укрѣпленія сектантства, ино-вѣрія будетъ вырвана изъ-подъ ногъ его вождей и пропагандистовъ. Слѣдуетъ только для этого соединиться въ опредѣленную организацію живымъ силамъ духовенства и въ союзѣ съ болѣе дѣятельными элементами своихъ приходовъ выйти на встрѣчу своимъ же православнымъ кровнымъ собратіямъ, ободрить, утѣшить ихъ, ввести, какъ своихъ кровныхъ родныхъ, въ жизнь прихода, въ Божию церковь, чтобы они могли сразу признать и въ новомъ городскомъ священникѣ не чужого человѣка, а именно батюшку, готоваго раздѣлить ихъ горе радость. Тогда въ глазахъ обойденнаго теперь вниманіемъ и привѣтомъ со стороны духовенства и кореннаго православнаго населенія пришлаго трудящагося бѣднаго люда утратятъ свою обаятельную силу различныя общины сектантовъ, завлекающія сейчаеъ неопытныхъ, довѣрчивыхъ православныхъ лицемѣрною готовностію оказать имъ, въ случаѣ присоединенія, сердечное участіе и братскую помощь. Тогда недугъ народный, на врачеваніе котораго собираются силы Церкви, будетъ ослабленъ, подорванъ въ самомъ корнѣ, и наши полемически-миссіонерскіе труды увѣнчаются вѣрнымъ успѣхомъ.

Детально, въ частностихъ обсуждать осуществленіе намѣченныхъ нами новыхъ шаговъ въ нашей работѣ здѣсь не представляется возможности, да это и не нужно: приведен-

ныя выше въ примѣръ организаціи и учрежденія, преслѣдующія сходныя цѣли, помогутъ каждому желающему въ этомъ дѣлѣ. Нами имѣлось въ виду отмѣтить и выяснить нѣкоторыя важныя причины и условія религіозно-нравственныхъ недуговъ нашего народа, которыя оставались пока безъ должнаго вниманія, и это—отчасти исполнено. Въ слѣдующій разъ попытаемся освѣтить и другія темныя стороны нашей церковно-приходской жизни, требующія немедленнаго устраненія и, однако же, остающіяся нетронутыми, необслѣдованными...

Свящ. *Аѳанасій Веселуцкій.*

О необходимости воспитанія христіанскаго идеализма въ русскомъ народѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

III.

Первая забота охранительной миссиі Церкви должна быть направлена на то, чтобы оживить въ народѣ искреннюю и сердечную любовь къ св. православной вѣрѣ, уваженіе и преданность къ св. Православной Церкви, и повиновеніе ея уставамъ. Замѣчено, что, по мѣрѣ развитія у насъ „просвѣщенія и образованія“, обратно-пропорціоально уменьшается число людей, съ любовью преданныхъ свв. вѣрѣ и Церкви. Если такое явленіе признается характернымъ и типичнымъ даже для русскаго крестьянства, то, слѣдовательно, наше просвѣщеніе и образованіе, находясь въ непримиримомъ противорѣчьи съ началами религіозной жизни, должно считаться ненормальнымъ, а потому—и бесполезнымъ: оно имѣетъ только видъ истиннаго просвѣщенія и образованія. Поэтому церковная и общегосударственная задача должна быть сосредоточена на томъ, чтобы устроить такую народную школу, которая,

¹⁾ См. № 1-й за 1909 г.

надѣляя подростящее поколѣніе полезными знаніями, въ то же время способствовала бы развитію въ своихъ питомцахъ религіознаго чувства и укрѣпленію христіанской нравственности. Главная цѣль такой школы состоитъ въ томъ, чтобы приучить юныя силы къ серіозному сосредоточенному труду, вызвать къ нормальной жизнедѣятельности какъ умственныя, такъ и нравственно-волевыя способности, равномерно развить ихъ и укрѣпить, утвердить въ душѣ добрыя навыки, которые должны сдѣлаться второю природою воспитываемаго, — вкоренить въ молодомъ умѣ чувство истины, такъ чтобы питомецъ вышелъ изъ школы съ любовью къ Богу, съ здравымъ взглядомъ на вещи, съ готовностью на честный трудъ въ жизни и съ явнымъ сознаніемъ недозволеннаго. Понимаемая такъ въ своей задачѣ, школа сама становится дѣломъ жизни, не будетъ калѣчить нравственной природы дѣтей, въ награду же себѣ и благословеніе получить добрыя результаты, которыхъ никогда не достигнетъ, если будетъ заниматься только расширеніемъ программъ, стремленіемъ къ многопредметности и многознанію и насажденіемъ безтолковаго космополитизма. Учрежденіе хорошей національно-религіозной школы заслуживаетъ большаго вниманія, нежели всѣ прочіе государственныя вопросы. Руководящіе элементы общества, дѣйствующіе наперекоръ этому началу, дѣлаютъ дѣло не только вредное въ педагогическомъ отношеніи, но и опасное.

Кажется, для всѣхъ должно быть очевиднымъ, что народная государственная школа должна быть единой національно-христіанской школой безъ дробленія ея на существующіе типы, которыми нарушается только единство и уничтожается столь необходимая цѣлесообразность въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Пресловутый споръ между земскими и церковно-приходскими школами принесъ много вреда и не только учащему элементу, но и самимъ дѣтямъ, — этому благословенному наслѣдію Божію (Ев. Марк. 10, 14—16). Начинаясь на почвѣ столкновенія интересовъ между дѣятелями различныхъ вѣдомствъ, онъ принималъ нерѣдко принципіаль-

ный оборотъ, когда ставился вопросъ, кому мѣсто и кому не мѣсто у кормила народнаго просвѣщенія... Но что можетъ быть вреднѣе и для государства, и для Церкви, какъ общества людей, если, напримѣръ, враждующая сторона стремится словомъ, а, когда возможно, и дѣломъ, доказать своему мнимо-му противнику и населенію, что „господствующая“ православная религія есть ненужный, ни къ чему не обязывающій придатокъ въ жизни, якобы чуждый свободной по существу человѣческой природѣ—факторъ, что она—тормазъ народнаго просвѣщенія и, самое главное,—„свѣтль вражды, ненависти и пр.“... Между тѣмъ достаточно и элементарнаго знакомства съ психологіей своего роднаго народа, чтобы видѣть что для него христіанство—это все. Если отвергнемъ его и лишимъ себя его свѣта, то перестанемъ и развиваться въ направленіи истинно-христіанской культуры, даже болѣе того—погибнемъ,—„погибнемъ, говорить слово Божіе, если не покаемся и не увѣруемъ во Евангеліе“ (ср. Ев. Марк. 1, 15. и Ев. Лук. 13, 3).

Въ сочиненіяхъ православныхъ и инославныхъ апологетовъ христіанства неопровержимо доказывается, что недостаточность нашего естественнаго познанія необходимо должна восполняться Божественнымъ Откровеніемъ, которое содержится въ христіанствѣ и являетъ себя многими чудесами, внутренней правдой своего ученія и нравственно-возрождающимъ вліяніемъ на жизнь людей. Отсюда понятно, что надо, какъ можно больше, дать странѣ этого животворящаго Божественнаго Свѣта, надо открыть широкій путь къ этому чудному источнику, откуда народъ почерпалъ бы силы и вдохновеніе для собственнаго совершенства и для обезпеченія свѣтлаго будущаго своему потомству.

Для удовлетворенія насущныхъ духовныхъ потребностей нашего народа требуется затѣмъ гораздо большее количество соответственной духовной пищи. Какъ осуществить эту нужду народа, и что требуется для этого? Безспорно, что для этой цѣли необходимо широкое распространеніе въ нашемъ оте-

чествѣ христіанской письменности на русскомъ, національномъ языкѣ. Нельзя не пожалѣть, что у насъ, сравнительно, очень мало популярныхъ церковно-литературныхъ произведеній, что мы еще, можно сказать, совершенно не знакомы съ словомъ Божиимъ. Даже такія важныя книги, какъ Библия, свято-отеческія творенія и апологетическія сочиненія, въ смыслѣ своей общедоступности и дешевизны, оставляютъ желать очень многого. Едва ли можно помышлять объ ихъ бесплатной раздачѣ народу. Между тѣмъ, въ то время, какъ съ трудомъ можно встрѣтить въ крестьянскомъ селеніи Библию и не только, такъ сказать, „на міру“, но даже и во многихъ - народныхъ школахъ, — слѣдствіемъ чего является абсолютное невѣжество нашего народа въ вопросахъ догматическихъ, нравоучительныхъ и церковно-историческаго характера, — революціонныя изданія, социалистическая литература и нелѣпыя прокламаціи распространяются въ народѣ бесплатно и пользуются, къ сожалѣнію, не малымъ вниманіемъ „сознательной“ части крестьянства. Если сказанное вѣрно по отношенію къ средней полосѣ Россіи, то что говорить объ ея окраинахъ, гдѣ открыть совершенно свободный доступъ всякой иновѣрной и антицерковной — сектантской пропагандѣ? Охранительная миссія должна обратить на этотъ вопросъ все свое вниманіе, употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы русскому народу дана была возможность обладать литературнымъ богатствомъ своей вѣры, вѣры своихъ отцовъ и дѣдовъ, такъ чтобы онъ могъ съ книгой въ рукахъ бороться съ религіозной анархіей и всякой антицерковной пропагандой, которая жестоко глумится надъ народнымъ невѣжествомъ и справедливо упрекаетъ „именуемыхъ православными“ въ документальной беззащитности предъ иновѣрцами и даже язычниками. Мы затронули, какъ очевидно, матеріальную сторону обсуждаемаго вопроса и предполагаемъ со стороны Церкви не малыя затраты; въ поощреніе къ нимъ всѣхъ, кому дороги интересы Церкви и нашего народа, мы не можемъ не сослаться на яркій и поучительный примѣръ

Англиканскихъ Библейскихъ Обществъ. О широкой и безпримѣрной дѣятельности ихъ извѣстно, что ими издается Библия для всего свѣта болѣе, чѣмъ на четырехъ-стахъ (400) языкахъ, и ежегодно выпускается изъ разныхъ типографій въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Около 20 лѣтъ тому назадъ былъ изданъ „Новый Завѣтъ“ въ исправленномъ переводѣ, и это событіе вызвало такой интересъ во всѣхъ странахъ, гдѣ говорятъ на англійскомъ языкѣ, что нѣкоторые давали по 500 долларовъ, лишь бы получить одинъ экземпляръ „Новаго Завѣта“ за два часа до его поступления въ продажу. Первая половина исправленнаго „Новаго Завѣта“ была передана изъ Нью-Йорка въ Чикаго по телеграфу и составила телеграмму въ 118000 словъ¹⁾.

Вотъ какъ дорого и высоко цѣнится Священное Писаніе за границей! Нельзя отъ души не пожелать и нашему православному отечеству такой-же „алчбы“ и любви къ Боговдохновенному Слову.

Наконецъ, остается третій и самый важный вопросъ о томъ, какъ воспользоваться всѣмъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, который намъ данъ христіанствомъ, чтобы обратить его изъ печатнаго слова въ живые уроки на практикѣ? Иначе сказать, какъ учить народъ вѣрѣ Христовой, что требуется для того, чтобы наше православное пастырство стало „учительнымъ“ съ авторитетностью, подобающею преемникамъ апостольскаго служенія? Мы не говоримъ въ данномъ случаѣ „о совопросникахъ“ вѣка сего (1 Коринѣ. 1, 20), которые ошибочно ищутъ отвѣта на свои религіозные запросы въ такъ назыв. рационалистическомъ христіанствѣ и не признаютъ официальной Церкви и ея служителей; но мы имѣемъ въ виду простыя народныя массы, невольно трогаясь ихъ трепетной, сердечной любознательностію и страстнымъ желаніемъ послушать „слово Бога Живаго“.

¹⁾ Розановъ Н. П. „О сверхъестеств. откровеніи“. М. 1903. 21 стр.
Рук. для сельск. наст., т. 1, 1909 г. № 2.

Сколько разъ приходится каждому пастырю въ своей практикѣ видѣть обращенные къ себѣ, умоляющіе взоры своихъ простыхъ слушателей всякаго возраста, алчущихъ и жаждающихъ правды Христовой, недугующихъ, страждущихъ и обремененныхъ, которые, въ ожиданіи пастырскаго утѣшенія, просятъ: „научи ты насъ, ради Бога, какъ надо молиться, что нужно, чтобы спастись“. И горе намъ, если мы не удовлетворимъ этого святого желанія (1 Коринѳ. 9, 16)!...

Болѣе, нежели когда-либо, благовременно вспомнить проектъ всенароднаго обученія Закону Божію, составленный замѣчательнымъ миссіонеромъ—практикомъ, святителемъ московскимъ Иннокентіемъ († 1879), христіанскимъ апостоломъ—просвѣтителемъ восточной Сибири и Сѣверо-Американскихъ инородцевъ-алеутовъ. Основные пункты этого проекта, подраздѣляясь на вопросы: „кого учить, чему учить, какъ учить, гдѣ мѣсто ученія и т. д.“,—сводятся главнымъ образомъ къ тому, чтобы всякій пастырь немедленно началъ дѣло обученія Закону Божію своихъ пасомыхъ, преимущественно, въ церкви, на такъ называемыхъ, внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, раздѣливъ ихъ по группамъ: отъ 3 до 5 лѣтъ, отъ 5 до 7; отъ 7 до 12 и далѣе; послѣдній разрядъ состоитъ изъ взрослыхъ. Задача обученія перваго возраста,—это научить дѣтей молиться Богу, внушить имъ, что они не животныя, но „чѣмъ-то обязаны Высшему“; цѣль обученія дальнѣйшихъ возрастовъ сводится къ тому, чтобы каждый прочувствовалъ необходимость „быть истиннымъ христіаниномъ, полезнымъ своему обществу“¹⁾. Въ свое время этотъ проектъ не имѣлъ успѣха по независящимъ отъ инициатора причинамъ; но надо надѣяться, что близко время, когда во всей силѣ исполнится предсказаніе покойнаго Святителя,—что „безъ широкаго религіознаго воспитанія и образованія народа, безъ развитія и осуществленія на прак-

¹⁾ Подробное ознакомленіе съ предметомъ можно почерпнуть изъ книги: „Иннокентій М. М...“ И. Барсукова. Москва 1883.

тикѣ идеи всеобщаго церковнаго обученія „ничего не подѣлаешь“. Сама жизнь своими грозными явленіями—заставить возвратиться народъ и вождей его къ своему родному исконному идеалу. Скоро послѣ смерти знаменитѣйшаго русскаго миссіонера—практика и знатока народной жизни, явились на свѣтъ церковно-приходскія школы. Въ опытѣ послѣднихъ можно видѣть только частичное осуществленіе вышеуказаннаго проекта; но надо желать, чтобы этотъ проектъ снова былъ вызванъ къ жизни и получилъ Высочайшее утвержденіе¹⁾, чтобы къ его реализаціи было призвано все православное духовенство Россійской Имперіи. Мы надѣемся, что данныя общепастырскаго опыта по проведенію его показали бы лишь его благотворность и жизненность.

Вмѣсто заключенія.

Жизнь невозможна безъ вѣры въ Бога. Жалокъ чело-вѣкъ, не воспитавшій въ себѣ дара къ самопознанію. „Во тьмѣ и сѣни смертной“ проходятъ дни его. Ужасно предста-вить себѣ духовныя страданія міра, который не можетъ дать себѣ отчета и не знаетъ, отчего онъ страдаетъ, чѣмъ живетъ и отчего умираетъ. Горька участь людей, которые только гнутся подъ тяжестію жизненнаго бремени съ безнадежной покорностію, или же съ сердцемъ, исполненнымъ злобы и ожесточенія противъ неумолимыхъ его ударовъ. Приблизимъ къ себѣ ихъ душевныя муки, спросимъ: „гдѣ это прекра-снѣйшее твореніе Божіе, вѣнецъ мірозданія, гдѣ чело-вѣкъ,—немногимъ умаленный предъ ангелами, увѣнчанный славою и честію“ (Псал. 8, 6)? Жизнь нашего времени, безъ любви къ брату, безъ вдохновеній, безъ познанія той красоты, того счастья, которое ярко свѣтитъ за предѣлами видимаго міра, мрачная жизнь! Въ нуждѣ, скорби и безконечныхъ заботахъ о томъ, что—прахъ и тлѣніе,—томятся многіе наши сооте-

¹⁾ Проектъ Святит. Иннокентія пользовался вниманіемъ, благословенной памяти, Царя-Освободителя.—По нашему мнѣнію, воскресить его—главная задача будущаго Всероссійскаго Церковнаго Собора.

чественники. Къ нимъ скорѣе на помощь съ огнемъ вѣры! Не будемъ говорить, что мы не состоянии помочь нашимъ братьямъ подняться, облегчить ихъ страданія, приблизить ихъ къ немерцающему свѣту міра—Христу (Іоанн. 8, 12; 9, 5). На основаніи незыблемаго закона, обязательнаго для всѣхъ земнородныхъ, мы знаемъ, что духовная жизнь, еще слабо пробивающаяся въ насъ, можетъ широко раскрыться, если всѣми силами будемъ осуществлять въ жизни „начала христіанскаго идеализма“. „Господь близокъ ко всѣмъ призывающимъ Его, ко всѣмъ, призывающимъ Его въ истинѣ“ (Псал. 144, 18). Дадимъ въ достаточномъ количествѣ духовной пищи нашему родному народу, чтобы онъ имѣлъ возможность непрестанно читать Слово Божіе. Оно вѣдь не слово проплаго, не просто историческій свидѣтель того, что было и прошло,— а „Слово Господа, пребывающее во вѣкъ“ (1 Петр. 1, 25). Поэтому, оно должно проникнуть въ нашу жизнь, руководить современнымъ строемъ, разрѣшить всѣ современныя проблемы и задачи; заключающіяся въ немъ сокровища нравственныхъ и соціальныхъ идей должны пробиться въ жизнь и приобрести дѣйствительное вліяніе на отдѣльныхъ лицъ и на цѣлое общество. Почему люди обездолены и страдаютъ? Потому что они не живутъ согласно закону Начальника жизни Іисуса (Дѣян. 3, 15). Почему они угнетены? Потому что ими не всегда управляютъ согласно съ этимъ закономъ. Слѣдовательно, никакія политическія программы и „курсы“ не имѣютъ цѣнности и не принесутъ существенной пользы народу, въ смыслѣ его развитія и воспитанія въ немъ „гуманности“, о чемъ больше всего говорится теперь,—если они извращаютъ „Слово Бога Живаго“ (Іерем. 23, 36).

Вотъ почему въ народной жизни, въ государственно-національной школѣ и въ руководительной части общества должно быть поставлено на надлежащей высотѣ изученіе Ветхаго Завѣта, принесшаго людямъ законъ справедливости, и Новаго Завѣта, исполненнаго закона христіанскаго совершенства—любви, чистоты сердца и правды Христовой.

Священникъ *Василій Бажановъ.*

Существует ли Богъ? ¹⁾

(Окончаніе ¹⁾).

2. *Естествоиспытатели и вѣра въ Бога.*

При чтеніи послѣдняго отдѣла у многихъ читателей вѣроятно возникнетъ вопросъ: „Если, дѣйствительно, естествознаніе не представляетъ болѣе убѣдительныхъ доводовъ противъ существованія Бога, то отчего же, если не всѣ, то большинство естествоиспытателей не вѣрятъ въ Бога? Нельзя отрицать, что атеизмъ очень распространенъ между естествоиспытателями“. — На это можно отвѣтить, что подобное утвержденіе, дѣйствительно, часто приходится слышать, но оно совершенно ложно. Истина какъ разъ противоположна, т. е. если не всѣ, то во всякомъ случаѣ большинство естествоиспытателей открыто исповѣдывали вѣру въ Бога.

Естествоиспытатель д-ръ Деннертъ въ своемъ сочиненіи „Религія естествоиспытателей“ занялся изслѣдованіемъ религіозныхъ убѣжденій всѣхъ извѣстныхъ естествоиспытателей, которыхъ насчитываютъ около 300 человекъ отъ древности до нашихъ дней; результаты изслѣдованія были изумительны. Ему не удалось установить религіозную точку зрѣнія 38 естествоиспытателей. Изъ остальныхъ же 262 человекъ— 242 были теистами, т. е. вѣрующими въ Бога въ широкомъ смыслѣ слова, 20—были индифферентными или невѣрующими и только 5 изъ числа жившихъ въ послѣднее время были враждебными религіи матеріалистами въ узкомъ смыслѣ. Итакъ мы видимъ, что изъ 262 человекъ 2% рѣзко возставали противъ христіанства и вѣры въ Бога, немного большая часть, именно 6%, оставалась болѣе или менѣе равнодушною. Подавляющее же большинство, 92%, исповѣдывало вѣру въ Бога.

¹⁾ См. № 1-й за 1909-й г.

Большинство читателей будутъ, можетъ быть, изумлены этимъ фактомъ. Они, подъ вліяніемъ враждебныхъ христіанству рѣчей и книгъ, скорѣе повѣрили бы, что подавляющее большинство естествоиспытателей отрицаетъ существованіе Бога. Отсюда ясно, какъ мало можно довѣрять враждебнымъ христіанству книгамъ и рѣчамъ, такъ какъ онѣ совершенно извращаютъ факты. Для того же, чтобы еще болѣе освѣтить отношеніе естествоиспытателей къ религіи, мы приведемъ нѣсколько изреченій извѣстныхъ естествоиспытателей и именно такихъ, открытія которыхъ будто бы доказали шаткость христіанства и вѣры въ Бога, какъ Личность.

Коперникъ и Кеплеръ разрушили древнее представленіе о міровой системѣ, въ центрѣ которой должна была находиться земля, и этимъ они будто бы нанесли смертельный ударъ христіанству. Между тѣмъ оба они были убѣжденными христіанами. Коперникъ говоритъ: „Кто изъ размышляющихъ надъ установленнымъ Божественной мудростью удивительнымъ устройствомъ мірозданія, кто, благодаря постоянному наблюденію и близкому знакомству съ этимъ устройствомъ, не стремится ко всему высшему и не благоговѣетъ передъ Всемогушимъ Творцомъ міра, въ Которомъ заключено высшее блаженство и источникъ всякаго добра?“ Кеплеръ же заключаетъ свой обширный трудъ слѣдующими прекрасными словами: „Благодарю Тебя, Творецъ и Владыка, что Ты подарилъ мнѣ эту радость передъ созданнымъ Тобой и восторгъ передъ дѣломъ рукъ Твоихъ. Я сообщилъ людямъ о великолѣпнн созданнаго Тобой, поскольку мой бранный духъ могъ постигнуть Твою безконечность. Если я сказалъ что-либо недостойное Тебя или стремящееся къ собственной славѣ, то прости мнѣ это, Милосердый!“

Законъ о сохраненіи силы, по мнѣнію атеистовъ, дѣлаетъ невозможной вѣру во Всемогущаго, Животворящаго Бога. Но Робертъ Майеръ, открывшій этотъ законъ, былъ вѣрующимъ христіаниномъ и восклицалъ въ Инебрукѣ, обращаясь къ естествоиспытателямъ: „Изъ глубины своего сердца

я восклицаю: настоящая философія не смѣетъ и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ приготовленіемъ къ христіанской религіи“.

Богоотступники указываютъ особенно охотно на Дарвина, который своей теоріей о происхожденіи видовъ въ царствѣ растительномъ и животномъ будто бы доказалъ, что излишне признавать Премудраго и Всемогущаго Творца. Здѣсь нужно замѣтить, что теперешнее естествознаніе все болѣе убѣждается въ беспочвенности доказательствъ Дарвина. Міръ животныхъ и растений не могъ образоваться такъ, какъ предполагаетъ Дарвинъ. Дошло до того, что въ печати появилось сочиненіе: „Дарвинизмъ на смертномъ одрѣ“. Самъ Дарвинъ не принадлежитъ къ атеистамъ; онъ неоднократно признавалъ свою вѣру въ Бога. Однажды, напримѣръ, онъ такъ пояснялъ: „На меня производитъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе другой источникъ убѣждающій въ существованіи Бога и исходящій не отъ чувства, но отъ разума. Такое убѣжденіе возникаетъ вслѣдствіе чрезмѣрной трудности и даже невозможности разсматривать безграничную и чудесную вселенную вмѣстѣ съ человѣкомъ, обладающимъ даромъ обсуждать прошедшее и думать о будущемъ, какъ результатъ слѣпонаго случая или необходимости. Когда я надъ этимъ размышляю, я чувствую себя принужденнымъ признать Первопричину, Которая обладаетъ въ извѣстной мѣрѣ человѣческимъ интеллектомъ, и я вполне заслуживаю названія теиста (вѣрующаго въ Бога)“.

Въ заключеніе я еще приведу слова Гетэ, на котораго Геккель часто указываетъ, какъ на единомышленника. Если бы Гетэ былъ живъ, то онъ бы, вѣроятно, отказался отъ чести считаться единомышленникомъ Геккеля съ его пустымъ матеріализмомъ. Гетэ, занимавшійся также естественными науками, пишетъ: „Время сомнѣній прошло; теперь никто не сомнѣвается въ существованіи Бога, также какъ и въ своемъ собственномъ“.

Итакъ, великіе натуралисты не думаютъ, что результаты новѣйшаго естествознанія дѣлаютъ излишнимъ существованіе Бога и не стараются убѣдить себя и другихъ въ томъ, что вселенная и вся чудесная жизнь на ней могутъ быть поняты безъ вѣры въ Бога. Такъ думаютъ только ничтожные и мелкіе умы, о которыхъ знаменитый химикъ Либихъ выразился рѣзко, но мѣтко: „Это мнѣнія диллетантовъ, которые только потому, что прогуливались лишь около границъ области естествознанія, считаютъ себя въ правѣ разъяснять невѣжественной и легковѣрной публикѣ, какъ образовалась вселенная и жизнь на ней. Самъ Либихъ былъ того мнѣнія, что настоящее знакомство съ природой приводитъ человѣка къ вѣрѣ въ Бога и къ признанію истинности христіанства. Онъ пишетъ, на примѣръ, въ своихъ „Письмахъ о химіи“: „Высокая цѣнность и превосходство естествознанія заключаются въ томъ, что оно способствуетъ утвержденію истиннаго христіанства“.

3. *Природа свидѣтельствуетъ о бытіи Бога.*

Природа не можетъ оттолкнуть человѣка отъ Бога. Кто, вслѣдствіе занятій естественными науками, теряетъ своего Бога, тотъ, значить, никогда и не имѣлъ настоящей вѣры. Напротивъ, природа приводитъ всѣхъ тѣхъ, которые не закрываютъ умышленно глазъ, къ вѣрѣ во Всемогущаго и Премудраго Бога. Справедливы слова псалмопѣвца: „Небеса повѣдаютъ славу Божию, а земля возвѣщаетъ о дѣлѣ рукъ Его“ (Пс. 18. 2).

Если кто-нибудь находитъ на берегу моря написанное на пескѣ имя или стихотвореніе, то онъ не сомнѣвается, что это сдѣлано чловѣкомъ, хотя бы поблизости никого и не было. Если бы кто-нибудь сталъ серіозно доказывать, что эти буквы и ихъ сочетаніе возникли случайно, благодаря игрѣ волнъ, птицамъ или животнымъ, то этимъ утвержденіемъ онъ подвергъ бы сомнѣнію свои умственные способности. Въ природѣ же мы находимъ повсюду гораздо болѣе

ясныя свидѣтельства того, что все создано и устроено удивительно мудрымъ духомъ. Разсмотри хоть разъ пчелиный улей, посмотри черезъ микроскопъ на маленькое насѣкомое, и ты безпрестанно будешь удивляться мудрости, съ которой все сотворено. Неужели все это образовалось случайно, благодаря безсознательнымъ законамъ природы? Вѣдь это еще невозможно, чѣмъ случайное самовозникновеніе стихотворенія на пескѣ.

Нѣтъ, Дарвинъ правъ, невозможно разсматривать безграничную и чудесную вселенную, какъ произведеніе слѣпого случая или же необходимости. Что значать искуснѣйшія человѣческія произведенія, зданія, какъ Кельнскій или Страсбургскій соборы, что значать могущественныя и въ то же время удивительно тонкой конструкціи машины новаго времени въ сравненіи съ мудростью, проявляющейся въ созданіи вселенной? Было бы неразумно утверждать, что Кельнскій соборъ созданъ самъ собою, безъ участія разумнаго духа, который бы составилъ его планъ и направлялъ постройку, а тѣмъ болѣе непонятно для безпристрастнаго человѣка, какъ можетъ кто-нибудь думать, что вселенная, въ которой проявляется въ тысячу разъ большая мудрость, создалась сама собой. Рассказываютъ, что астрономъ Кирхеръ заказалъ себѣ глобусъ, на которомъ было изображено небо со всѣми звѣздами. Однажды посѣтилъ Кирхера одинъ изъ его знакомыхъ, котораго онъ много разъ безуспѣшно старался убѣдить въ бытіи Бога. Когда тотъ увидѣлъ искусный глобусъ, онъ воскликнулъ въ восхищеніи: „Кто сдѣлалъ эту замѣчательную вещь“? Кирхеръ отвѣтилъ, что ее никто не сдѣлалъ, такъ какъ она произошла случайно. Знакомый удивился такому странному отвѣту, но Кирхеръ стоялъ на своемъ, что глобусъ возникъ самъ собою. Знакомый наконецъ разсердился и спросилъ, зачѣмъ онъ его дурачить. Тогда благочестивый Кирхеръ сказалъ ему: „Ты считаешь безуміемъ утвержденіе, что этотъ глобусъ, сдѣланный изъ дерева,

бумаги и мѣди, произошелъ самъ собой. Не большее ли безуміе утверждать, что огромное, искусное зданіе міра возникло само собой“?

III. Дальнѣйшія доказательства существованія Бога.

1. *Богъ открываетъ Себя въ исторіи.*

Однажды старый Фрицъ предложилъ своему набожному лейбъ-медику Циммерману слѣдующій вопросъ: „Дайте мнѣ доказательство истинности вашего Евангелія; но только покороче, безъ многословія“. Лейбъ-медикъ произнесъ въ отвѣтъ только одно слово: „Еврей“. Старый Фрицъ на минуту задумался, потомъ сказалъ: „вы правы“. И дѣйствительно, набожный лейбъ-медикъ былъ правъ. Еврейскій народъ самымъ своимъ существованіемъ въ наши дни свидѣтельствуетъ о томъ, что библейскій Богъ живъ и правитъ міромъ.—Народъ этотъ разсѣянъ въ продолженіе многихъ столѣтій по различнымъ странамъ Европы, Азии и Африки. Но нигдѣ онъ не смѣшался съ другими народностями. Обыкновенно даже большія племена не долго остаются обособленными среди другого народа. Въ сѣверной Германіи, къ востоку отъ Эльбы, жили раньше славяне, но они исчезли; ихъ поглотили нѣмцы. Во время переселенія народовъ, огромныя германскія племена двинулись въ Италію, Испанію и Африку, гдѣ онѣ слились съ живущими тамъ народностями. Только у евреевъ дѣло обстоитъ иначе. Онѣ разсѣяны маленькими группами здѣсь и тамъ. Въ прошломъ столѣтіи они даже старались какъ можно тѣснѣе слиться съ народами, среди которыхъ имъ приходится жить. Но все-таки они не могутъ разстаться со своими особенностями; евреи остаются евреями. Въ будущемъ нѣтъ также ни малѣйшей надежды на то, чтобы они слились съ какимъ-либо народомъ. „Вѣчный жидъ“, который не можетъ ни умереть, ни найти покоя,— вотъ олицетвореніе еврейскаго народа. На этомъ народѣ

оправдываются слова писанія: „Истинно говорю вамъ: этотъ родъ не погибнетъ, пока не исполнится все“ (Матѳ. 24, 34).

Вообще всемірная исторія даетъ намъ убѣдительныя доказательства того, что личность Бога управляетъ міромъ и направляетъ судьбы народовъ. Бываютъ времена, когда совершенно ясно можно видѣть, какъ Богъ направляетъ нити всемірной исторіи и соединяетъ ихъ воедино. Нельзя также отрицать того, что во всемірной исторіи дѣйствуетъ божественное правосудіе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія не одного только израильскаго народа, извѣстнаго намъ изъ Библии, но также и исторія прочихъ народовъ; стоитъ голько вспомнить про древній Вавилонъ, древнюю Грецію или Римъ, или же про выдающіяся въ новѣйшее время націи. Пока въ народѣ царитъ страхъ Божій, благочестіе и нравственность, до тѣхъ поръ этотъ народъ совершенствуется, и его вліяніе и могущество увеличиваются. Но какъ только народъ забываетъ Бога и погружается въ роскошь, безнравственность и тщеславіе, тотчасъ же начинается упадокъ, и рано или поздно его постигаетъ справедливая кара. Итакъ, мы видимъ, что всемірная исторія есть въ то же время и всемірный судъ, и этотъ судъ указываетъ на то, что есть Нѣкто, исполняющій роль Судьи. Это и есть Господь Богъ.

2. *Богъ открываетъ Себя въ жизни каждого изъ насъ.*

Намъ не нужно погружаться въ историческое море, такъ какъ и въ собственной жизни мы находимъ достаточно доказательствъ того, что наши судьбы направляютъ Высшей Десницей. Когда я оглядываюсь на свою прошлую жизнь, я могу только восхвалять Господа, Который велъ меня и руководилъ мною. Жизнь моя не всегда складывалась такъ, какъ я желалъ и надѣялся, у меня не было недостатка въ разочарованіяхъ и тяжелыхъ минутахъ. Однако я не переставалъ вѣрить, что есть Богъ, Который любитъ меня и направляетъ все къ моему благу. Я былъ бы слѣпымъ, если бы сталъ отрицать, что правящая десница Божья постоянно

обнаруживалась въ моей жизни. О томъ же рассказывали мнѣ многіе другіе люди, между которыми немало отличающихся яснымъ умомъ и обширными познаніями. Они мнѣ рассказывали о томъ, что они часто чудеснымъ образомъ бывали спасены изъ бѣды, въ которой имъ не могъ бы помочь ни одинъ человѣкъ, и что Богъ часто внималъ ихъ молитвамъ. Они всегда ясно чувствовали, что на небѣ живетъ Богъ, Который не оставляетъ своими милостями вѣрующихъ въ Него.

Многіе, вѣроятно, улыбнутся, услышавъ такія слова, и скажутъ, что это — одно воображеніе. Но это похоже на то, когда человѣкъ, не различающій цвѣтовъ, улыбается, слыша какъ другіе называютъ цвѣта: голубой, красный, зеленый, и считаетъ это пустымъ воображеніемъ. Есть люди слѣпые на цвѣта, но есть и духовно слѣпые, которые не видятъ, что Богъ управляетъ ихъ жизнью. Надѣюсь, что ты, читатель, не принадлежишь къ этимъ слѣпцамъ! Подумай только надъ твоей прошедшей жизнью и спроси себя: неужели все теченіе твоей жизни можетъ быть объяснено слѣпыми законами природы, и не долженъ ли ты признать, что десница Божья часто владычествовала надъ твоей жизнью и направляла ее къ лучшему?

3. *Богоотступники свидѣтельствуютъ о существованіи Бога.*

Прочитавши это заглавіе, многіе удивятся и подумаютъ: „какъ можетъ человѣкъ свидѣтельствовать о томъ, что онъ отрицаетъ?“ Но это весьма возможно. Если воръ отрицаетъ необходимость правосудія, то для всѣхъ ясно, что правосудіе очень нужно. Если алчный работодатель отрицаетъ необходимость закона, защищающаго дѣтей, то онъ своими словами какъ разъ свидѣтельствуетъ о необходимости подобнаго закона. Изъ его рѣчей ясно видно, что онъ безсовѣстно эксплуатировалъ бы рабочую силу дѣтей въ виду ея дешевизны, если бы это допускалъ законъ. Такъ же обстоитъ дѣло и съ богоотступниками.

Многіе атеисты питають пламенную ненависть къ Богу. Но этой ненавистью они доказываютъ, что въ глубинѣ ихъ сердце таятся вѣра въ Бога, хотя уста ихъ и отрицають Его. Ни одинъ человѣкъ не будетъ ненавидѣть то, въ существованіи чего онъ убѣжденъ. Послѣдствія атеизма также свидѣлствуютъ объ истинности вѣры въ Бога. Если бы плоды обоихъ міровоззрѣній были приблизительно одинаковы, то трудно было бы рѣшить, которое изъ нихъ истиннѣе. Но мы уже указывали на то, какъ гнили и дурны плоды атеизма. Атеизмъ обнаруживаетъ свою полную несостоятельность при тяжелыхъ страданіяхъ и смерти. Атеизмъ не содержитъ въ себѣ нравственной силы и не можетъ служить поддержкой при искупленіяхъ и побуждать ко всему хорошему. Если бы атеизмъ одержалъ повсемѣстную побѣду, то человѣчество—въ чемъ не сомнѣвается ни одинъ разумный человѣкъ—погрузилось бы въ безнравственность и себялюбіе, въ безразсудный эгоизмъ. Любовь, милосердіе, самоотреченіе исчезли бы мало-по-малу; дикія страсти и алчность стали бы тиранически управлять міромъ.

Причины атеизма таковы, какъ и его послѣдствія. Только единичныя личности пришли путемъ размышленія къ тому убѣжденію, что Бога нѣтъ. Взгляни на знакомыхъ тебѣ атейстовъ. Большинство изъ нихъ, навѣрно, никогда серьезно не думали надъ этимъ вопросомъ, не изучали основательно книгъ, трактующихъ за и противъ существованія Божества, они, вѣроятно, не имѣли для этого ни времени, ни способностей. Они сдѣлались -агнестами, потому что безъ размышленія повторяють болтовню другихъ людей, а прежде всего потому, что имъ хочется, чтобы Бога не было.

Вѣра въ Бога для многихъ людей чрезвычайно неудобна. Они хотять жить, не сообразуясь съ Божескими законами; они хотять, по возможности, наслаждаться жизнью. Поэтому мысль о Богѣ, могущемъ наказать ихъ за грѣхи, становится для нихъ тягостной. Они бы хотѣли, чтобы Бога не было. Всѣмъ извѣстно, что человѣкъ охотно вѣритъ тому,

чего ему хочется. И вотъ они чрезвычайно охотно готовы повѣрить, когда имъ говорятъ: „Бога нѣтъ; естествознаніе доказало, что Богъ не существуетъ“. Они принимаютъ это на вѣру, безъ предварительнаго серьезнаго изслѣдованія основъ, будто бы доказывающихъ истинность атеизма. Они поступаютъ такъ, какъ поступаетъ страусъ, прячущій свою голову въ песокъ, чтобы скрыться отъ преслѣдователей, и воображающій, что, если онъ не видитъ преслѣдователей, значить ихъ уже нѣтъ. Они такъ же закрываютъ глаза на многочисленныя проявленія могущества Животворящаго Бога и воображаютъ, что Бога нѣтъ.

Можетъ быть, и ты, любезный читатель, принадлежишь къ богоотступникамъ. Въ такомъ случаѣ испытай серьезно, дѣйствительно ли тебя привели къ атеизму твои размышленія, или, можетъ быть, это просто желаніе твоего сердца; можетъ быть, ты потому отрицаешь Бога, что боишься наказанія за твою грѣшную, безбожную жизнь? Я не безъ основанія думаю, что справедливо мое послѣднее предположеніе.

Можно ли уважать ученіе атеистовъ, когда видишь, по какимъ причинамъ большинство изъ нихъ пришли къ такому міровоззрѣнію? Нѣтъ, какъ причины, такъ и послѣдствія атеизма показываютъ, что это міровоззрѣніе ложно, и убѣждаютъ такимъ образомъ въ истинности христіанства.

Одинъ молодой кучеръ долженъ былъ довольно часто возить двухъ знатныхъ молодыхъ людей. Эти послѣдніе, во время дороги, часто смѣялись надъ вѣрой въ Бога и хулили христіанство. Одинъ изъ нихъ позже исправился и сдѣлался ревностнымъ христіаниномъ. И вотъ онъ отослалъ молодого кучера, боясь, что тотъ, наслушавшись ихъ рѣчей, могъ потерять свою вѣру. Но кучеръ сказалъ ему: „Ваши насмѣшки надъ христіанствомъ не смутили меня. Вѣдь я видѣлъ, какую жизнь вели вы и вашъ другъ, и понялъ, что вамъ необходимо было отрицать Святого, Справедливаго Бога“.

IV. Заключение.

Мы поставили вопросъ: „существуетъ ли Богъ“? Собственно говоря, здѣсь нѣтъ вопроса, точно такъ же, какъ нѣтъ вопроса, существуетъ ли солнце. Человѣку, задавшему такой вопросъ, навѣрно бы отвѣтили: „открой глаза и, если ты не слѣпъ, то увидишь солнце“! На вопросъ: „существуетъ ли Богъ“, можно отвѣтить: „открой глаза и посмотри кругомъ, вездѣ ты увидишь доказательства владычества Животворящаго Бога, если только ты не слѣпъ духовно“!

Естественна и понятна вѣра человѣка въ Бога. Есть много вещей, которыя для маленькихъ дѣтей непонятны, или въ которыя онѣ могутъ вникнуть только понемногу. Но то, что есть Богъ, Которому нужно молиться и Которому можно довѣриться,—это поймутъ всѣ дѣти, даже не достигшія школьнаго возраста. Можно даже думать, что понятіе о Богѣ является врожденнымъ человѣку. Вѣра въ Бога встрѣчается у всѣхъ народовъ, гдѣ бы они ни жили и на какой бы низкой ступени культуры они ни стояли. Еще въ древности Цицеронъ находилъ, что всеобщность вѣры въ Бога является доказательствомъ ея истинности. Правда, кое-гдѣ были открыты племена, у которыхъ будто бы отсутствовала всякая религія. Но впоследствии обнаруживалось, что подобныя утвержденія покоились на недостаточно внимательныхъ наблюденіяхъ. Какъ только бытъ этихъ племенъ былъ изученъ лучше, тотчасъ же обнаруживалась у нихъ религія. Даже въ наши дни число богоотступниковъ крайне незначительно въ сравненіи съ числомъ вѣрующихъ.

Поэтому не опасайся, что въ наши дни столько голосовъ устно и письменно, громко и настойчиво восклицаютъ: „Бога нѣтъ“. У страха глаза велики. Не теряй только вѣры въ Бога. Пусть лучше у тебя похитятъ все твое имущество. Потерявши всѣ свои деньги, ты не будешь такъ бѣденъ, какъ потерявши Бога. Человѣкъ, теряющій Бога, теряетъ все. Но, къ счастью, намъ нечего бояться ни богоотступни-

ковъ, ни ихъ рѣчей и книгъ. И если бы они даже составили цѣлыя библіотеки книгъ, доказывающихъ небытіе Бога то и это все-таки имъ ничего не поможетъ. Обитающій на небѣ смѣется надъ ними, Господь насмѣхается надъ ними (Пс. 2, 4). Вѣра въ Бога непоколебимо тверда. Природа, всемірная исторія, жизнь каждого человѣка, наша совѣсть— все восклицаетъ въ могучей гармоніи:

„Богъ существуетъ“!

Перев. П. И. Селивановской.

ЗАМѢТКА.

Законъ противъ куренія.

Въ Англии начата серіозная борьба съ куреніемъ табаку юношами. Выработанъ и внесенъ на утвержденіе законопроектъ, согласно которому ни одно лицо моложе 16 лѣтъ не имѣетъ права курить и приобрѣтать табакъ въ какомъ бы то ни было количествѣ и видѣ. Нарушители этого постановленія подвергаются штрафу. Точно такъ же подъ угрозой штрафа воспрещается продавать табакъ такимъ несовершеннолѣтнимъ лицамъ и вообще способствовать имъ приобрѣтать его. Медицинскіе журналы, въ свою очередь, приглашаютъ всѣхъ здравомыслящихъ людей способствовать осуществленію этой мѣры (Совр. лѣт.).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 12-го января 1909 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 3.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года января 18-го дня.

Содержаніе: I. Чѣмъ мы живы? Свящ. Аѳ. Веселицкаго.—II. Секта адвен-
тистовъ. Н. Гумилевскаго.—III. Безсмертны ли мы? Перев. П. И.
Селивановской.—IV. Забѣтка. Свѣтлая страничка изъ жизни моло-
дого священника.

Чѣмъ мы живы?

Помнится,—давно ужъ было это,—въ началѣ еще „осво-
бодительнаго“ нашего движенія, перекрещеннаго потомъ въ
„революцію“—привелось читать въ одномъ изъ первыхъ сбор-
никовъ „Знанія“ повѣсть г. Гусева-Оренбургскаго „Отцы“,
гдѣ представлено идейное, а, отчасти, и реальное столкно-
веніе силъ старой и новой Россіи. И вотъ тамъ, въ повѣсти
этой, одинъ студентъ, ярый поклонникъ новыхъ освободи-
тельныхъ теченій въ русскомъ обществѣ, ораторствуя о не-
состоятельности старыхъ устоёвъ и идеаловъ, въ томъ числѣ,
конечно, и религіозныхъ, въ кругу собравшихся батюшекъ—
„отцовъ“, ставитъ крестъ надъ всѣмъ дѣломъ ихъ; уничто-
жаетъ всякую заслугу ихъ въ прошломъ и надежды на нихъ
въ будущемъ и утверждаетъ дерзновенно, что отъ нихъ „въ
исторіи останется лишь черное пятно“. Приговоръ, конечно,

юношески-смѣлый и рѣшительный, но надъ нимъ не лишне задуматься, не лишне провѣрить себя, что мы, въ самомъ дѣлѣ, являемъ собою, какую созидательную силу, чѣмъ сами живы и чѣмъ можемъ оживить другихъ? Въ самомъ дѣлѣ, есть ли въ насъ, словомъ сказать, то, что внѣ сомнѣнія ставило бы право нашего законнаго существованія среди другихъ общественныхъ сословныхъ группъ и организацій?

Возьмемъ, наиримѣръ, нашъ простой русскій народъ въ его массѣ. Объ его „raison d'être“ и говорить нечего: онъ имѣетъ неотъемлемое право на свое самостоятельное мѣсто въ семьѣ народовъ, какъ носитель и осуществитель опредѣленныхъ историческихъ завѣтовъ, идеаловъ и цѣлей,—какъ національность съ ярко выраженными, опредѣленными жизненными чертами духовно-нравственнаго облица. Онъ самымъ дѣломъ тысячекратно доказалъ на протяженіи исторіи это право на свое національное бытіе,—доказалъ своей жизненностію, способностью развиваться, сорганизоваться въ великое стройное политическое тѣло,—своими высоко-религіозными и нравственными свойствами: преданностію вѣрѣ православной, вѣрностію, любовію къ своей родинѣ и ея главѣ—царю,—безкорыстно-христіанской любовью къ другимъ народамъ, миролюбіемъ и, наконецъ, вообще богатырски-выносливымъ, терпѣливымъ духомъ. Но каково цѣлое, такovy должны быть и части по своимъ основнымъ свойствамъ; и отдѣльныя сословныя группы русскаго народа должны проявлять ту же жизнеспособность, тѣ же опредѣленные, общія всему народу, духовныя національныя черты. Обращаясь къ нашему привилегированному сословію, русскому дворянству, мы найдемъ подтвержденіе нашей мысли. Не входя здѣсь въ оцѣнку условій и обстоятельствъ возвышенія и развитія этого сословія, а также не касаясь и тѣхъ уклоненій, какія допускало оно за время своего историческаго существованія отъ своего долга предъ народомъ и государствомъ, отъ своего прямого предназначенія,—мы обязаны все же признать за нимъ культурно руководящую роль въ созиданіи и строе-

ни родной земли, должны согласиться, что дворянство являлось у насъ на протяженіи длиннаго ряда вѣковъ единственно-культурнымъ, просвѣщеннымъ сословіемъ; въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, оно выносило въ своей душѣ и выяснило предъ всѣми возвышеннѣйшіе идеалы своего народа, — оно имѣло предъ собою ясно сознанныя общественно-политическія цѣли дѣятельности и первое стремилось осуществить ихъ, показывая примѣръ другимъ и вліяя, такимъ образомъ, на ходъ нашей политической жизни. Черезъ это же сословіе Россія приобщилась къ общечеловѣческой наукѣ и культурѣ. Однимъ словомъ, дворянство являлось до послѣдняго времени во многихъ отношеніяхъ жизненной, творческой силой, и потому какъ и весь нашъ народъ, оно въ самомъ себѣ хранило залогъ и неотъемлемое право на существованіе. Оно жило полною жизнью въ своемъ историческомъ прошломъ; думается, что оно имѣетъ его задатки въ себѣ и для дальнѣйшей духовной плодотворной жизни, если не забудетъ своихъ историческихъ задачъ и обязательствъ предъ государствомъ и народомъ, какія ставили и преслѣдовали лучшіе, безкорыстные представители его въ минувшія времена.

На ряду съ русскимъ дворянствомъ, а по исторической давности и высотѣ своего жизненнаго предназначенія, еще и выше его слѣдуетъ безспорно поставить нашу сословную группу — православное русское духовенство. Что же являетъ собою эта общественная группа въ цѣломъ составѣ нашего общественно-государственнаго организма, въ смыслѣ особой творческой силы, въ смыслѣ сознательной носительницы и выразительницы народныхъ идеаловъ и участницы въ достиженіи національныхъ и культурныхъ цѣлей, поставленныхъ жизнью нашему народу, нашему государству.

За свое отдаленное прошлое духовенству Русской Церкви опасаться нечего ни строгаго суда исторіи, ни грознаго приговора народнаго. Исторія давно уже неизгладимо и безпристрастно занесла на свои страницы великіе религіозно-

просвѣтительные и культурно-государственные подвиги и заслуги древне-русскаго духовенства предъ родной землей. И народъ оцѣнилъ ихъ по достоинству, ибо хранить съ благодарною любовію вѣчную память о славныхъ предстоятеляхъ и подвижникахъ древне-русской Церкви, которые были „солю“ русскаго міра и которые являлись тогда у насъ почти единственной животворной созидающей силой не только въ религіозномъ, но и въ гражданско-политическомъ созиданіи и возвышеніи Россіи. Про то минувшее время можно сказать, что духовенство наше жило одною жизнью со страной во всѣхъ отношеніяхъ,—даже болѣе—въ немъ, въ его лучшихъ представителяхъ, эта жизнь лишь и находила себѣ сознательное выраженіе и самоопредѣлялась въ своемъ направленіи.

Но затѣмъ съ эпохи петровскихъ преобразованій, рѣзко измѣнившихъ направленіе и характеръ общественно-государственной жизни, Церковь съ ея представителями замѣтно отстраняется отъ непосредственнаго участія не только въ строеніи государственномъ, но и въ руководительномъ направленіи народныхъ и общественныхъ интересовъ. Русскій государственный корабль, отправляясь изъ застоявшихся водъ своего историческаго русла въ новое плаваніе по европейско-міровому морю за пріобрѣтеніемъ и усвоеніемъ культурныхъ, научныхъ и общественно-политическихъ благъ, не захватилъ съ собою духовенства. Православное духовенство отчасти было оставлено, а отчасти и само осталось за бортомъ и съ той поры должно было оказаться въ роли болѣе или менѣе безучастнаго зрителя и береговаго наблюдателя новаго курса нашего государственнаго корабля. Россія же съ той поры, какъ бы стряхнувъ съ себя наскучившія узы духовной опеки со стороны Церкви, начала уже самостоятельно по новому свѣтски-европейскому шаблону продолжать свое общественно-государственное строительство. Роль Церкви и духовенства при этомъ ограничивалась болѣею частію торжественными

молебными призываніями небеснаго благословенія на всевозможныя начинанія общественнаго или гражданскаго характера, а также—объявленіями объ этихъ начинаніяхъ и благопотребными разъясненіями съ церковныхъ кафедръ ихъ смысла темнымъ народнымъ массамъ. Никому уже и въ голову не приходило не только мечтать о возвращеніи ко временамъ древнимъ,—временамъ митрополитовъ, патріарховъ, „освященныхъ соборовъ“, но даже и вспомнить о нихъ во всеуслышаніе. Духовенство во главѣ съ представителями Церкви, послѣ безплодныхъ протестовъ съ глухимъ недовольствомъ покорилося новому положенію и невольно замкнулось въ тѣсномъ кругѣ исключительно своихъ церковно-религіозныхъ и сословныхъ интересовъ, все болѣе отодвигаясь въ сторону отъ живой русской дѣйствительности, все болѣе разобщаясь съ общественной и государственной жизнью родной земли. А эта жизнь продолжала шире и шире развиваться и разнообразиться на глазахъ безучастно взиравшаго на нее духовенства, жадно впитывая и усвоая посылно всѣ историческія пріобрѣтенія западной культуры, науки, искусства, литературы. До этого процесса сложныхъ душевныхъ переживаній духовенству не было какъ бы дѣла, онъ не затрогивалъ, не занималъ его; духовенство оставалось индифферентнымъ, позади общаго движенія. Даже болѣе, устраненное и устранившееся отъ живого участія въ жизни и развитіи страны, оно, въ безсиліи своемъ, пріучилось смотрѣть на это новое, чуждое для него, направленіе въ развитіи родины, какъ на явленіе вредное для вѣры и нравственности и заслуживающее лишь одного осужденія. Но что именно пагубно было въ этомъ взаимномъ и все болѣе усиливавшемся отчужденіи и розни между свѣтскимъ обществомъ и нашей средой,—такъ это то, что рознь и отчужденіе проникали въ существенно важную для той и другой стороны область духовной интеллектуальной жизни и интересовъ. Въ то время, какъ наше русское общество переживало въ этомъ отношеніи своего рода эволюцію, развиваясь

подъ вліяніемъ идей западно-европейской литературы, блестящимъ проводникомъ которыхъ являлась и наша собственная свѣтская литература, а потомъ и свѣткая высшая и даже средняя школа, духовенство продолжало проявлять прежнюю отсталость, не допуская идейнаго обновленія въ свою духовную литературу и по мѣрѣ возможности ограждая отъ него свое юношество въ спеціальныхъ духовныхъ школахъ... Правда, этимъ оно оберегло и себя, и дѣтей своихъ отъ многихъ, быть можетъ, гибельныхъ увлеченій; но тѣмъ же оно увеличило духовное разъединеніе между собою и обществомъ до самыхъ крайнихъ размѣровъ, печальныя слѣдствія чего продолжаютъ сказываться до настоящаго времени и не скоро могутъ быть изглажены, даже при энергическихъ усиліяхъ съ нашей стороны.

Въ то время какъ наше общество подвигалось впередъ по пути интеллектуальнаго и гражданскаго развитія, мы оставались косными и перестали быть не только сознательными выразителями и направителями его духовно-культурной жизни, но до извѣстной степени даже и понимать запросы, надежды, идеалы, которыми жило образованное общество. Въ свою очередь, и это общество, въ лицѣ своихъ интеллигентныхъ группъ, перестало относиться внимательно, сочувственно и съ должнымъ довѣріемъ къ голосу духовенства, потому что въ этомъ голосѣ его, вслѣдствіе отсталости духовенства отъ жизни, не было правильнаго пониманія и жизненнаго истолкованія явленій современности. Между обществомъ и духовенствомъ къ прежней розни прибавилось даже прямо пренебреженіе со стороны перваго къ послѣднему. И это пренебрежительное отчужденіе, быть можетъ, особенно рѣзко отразилось и донинѣ отражается на характерѣ отношеній свѣтскаго общества и печати къ нашей духовной литературѣ и журналистикѣ. И теперь положеніе представителей строго-православной церковной мысли и вообще духовныхъ писателей среди нашего свѣтскаго интеллигентнаго общества, какъ лѣваго, такъ и праваго направленія, продолжаетъ быть

изолированнымъ, унижительно обиднымъ. Къ голосу нашихъ витій и къ писаніямъ нашихъ мыслителей мало кто прислушивается, мало кто читаетъ произведенія ихъ. Духовная литература, духовная журналистика, не взирая на количественное возрастаніе и на качественное улучшеніе, не проникаетъ почти вовсе въ свѣтскіе интеллигентные круги; ими тамъ не интересуются, и, пока-что, духовною литературою мы питаемъ и назидаемъ самихъ себя. Просмотрите духовный отдѣлъ нашихъ всевозможныхъ городскихъ, общественныхъ земскихъ и другихъ библіотекъ и читалень, загляните въ списокъ журналовъ и газетъ, тамъ получаемыхъ, и вы убѣдитесь въ этомъ наглядно. Духовно-богословскій отдѣлъ обыкновенно представляетъ тамъ пустое мѣсто, не пополняемое новыми книгами; духовныхъ журналовъ вовсе не выписывается, а если получаетъ что-нибудь въ этомъ родѣ, то развѣ для приличія и лежитъ цѣлые годы въ нарезрѣзанномъ видѣ.

Такъ чужда наша мысль, наша журналистика свѣтскому русскому обществу всѣхъ слоевъ и направленій безразлично! Духовный журналъ, книжка или листокъ затерявшійся на библіотечной полкѣ среди кипы свѣтскихъ книгъ, представляется намъ подобіемъ чловѣка, случайно попавшаго въ чужой, незнакомый, замкнутый кружокъ и наивно думающаго привлечь вниманіе къ себѣ сообщемъ чужихъ людей непрощеннымъ вмѣшательствомъ въ ихъ интимную бесѣду, споры и дебаты. Прежде чѣмъ онъ заговорилъ, отъ него уже отворачиваются, не желая слушать; ему не внимаютъ, когда онъ возвышаетъ голосъ. Такъ и духовная книга,— и отъ нея отворачиваются, оставляя неразрѣзанной...

Но если свѣтскіе люди чуждаются съ пренебреженіемъ нашей духовной литературы, то нельзя сказать, чтобы они также игнорировали насъ самихъ, нашу сословную группу, какъ живой общественный агрегатъ. Свѣтская литература и раньше, и теперь не чуждалась изображенія духовенства въ своихъ произведеніяхъ, особенно за послѣднее время. Однако не блеснулъ на насъ свѣтлый бодрящій лучъ отъ этого

„благосклоннаго“ вниманія къ нынѣшнему сословію со стороны свѣтскихъ писателей. И это потому, что въ литературномъ изображеніи неизбѣжно должны были отразиться наши исторически сложившіеся недостатки, наша отсталость отъ жизни, наша безыдейность, мелочность интересовъ и проч... Когда наше дворянство стало обнаруживать матеріальное и духовно-культурное оскудѣніе, когда колодцы, заключенные въ немъ для отечественной литературы, обмелѣли и исчерпались, не давая уже болѣе ей жизненныхъ здоровыхъ типовъ, литература обратилась за этими тапами къ нашей духовной средѣ. Но она не нашла ихъ здѣсь, такъ какъ искала добрыхъ всходовъ тамъ, „гдѣ не было посѣяно“, и собирала сокровища, „гдѣ они не рассыпаны“. Среди духовенства, этой сословной группы, которая искони держалась „въ черкомъ тѣлѣ“, не подпускалась близко къ культурной изысканной трапезѣ, естественно не нашлось истинно культурныхъ, широко просвѣщенныхъ типовъ и образовъ, и литература на своихъ страницахъ отобразила лишь мелкія, неприглядныя фигуры духовной среды съ ихъ безыдейностью, отсталостью, односторонностью, чуть ли даже подчасъ не дикостью! Горько все это признать и констатировать, но не такъ ли это?.. И замѣчательно, что наша духовная среда такъ и не могла дать родной литературѣ до самаго послѣдняго времени ни одного почти положительнаго жизненнаго типа съ культурно-общественнымъ идейнымъ обликомъ на подобіе тѣхъ, какіе дали ей въ свое время дворянство, простой народъ и другія общественныя группы. Не служить ли это обстоятельство указаніемъ на отсутствіе среди духовенства живыхъ и богато развитыхъ, широко просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ натуръ для художественнаго созданія по нимъ положительныхъ литературныхъ образовъ и типовъ? Правда, у нѣкоторыхъ писателей—несомнѣнна тенденція противъ духовенства, но и объяснять указанный фактъ однимъ предубѣжденіемъ и нерасположеніемъ свѣтскихъ пи-

сателей къ нашей средѣ, думаемъ, было бы неосновательно уже по тому одному, что до такого злонамѣреннаго замалчиванія и игнорированія свѣтлыхъ фактовъ и образовъ, если бы они были на-лицо въ нашемъ сословіи, какъ явленіе обычное и распространенное,—не допустило бы ихъ присущее каждому истинному художнику-писателю стремленіе къ художественной правдѣ въ своемъ творествѣ.

Несостоятельность, неподготовленность и отсталость духовенства, особенно въ отношеніи гражданско-политическаго развитія, со всею ясностію обнаружили въ немъ и бурныя событія послѣднихъ лѣтъ, пронесшіяся надъ нашей родиной. Во время подобныхъ переходныхъ эпохъ въ жизни народовъ жизненные творческія свойства той или другой общественной группы, или сословія ярче всего обнаруживаются и особенно плодотворно раскрываются; но намъ слѣдуетъ съ горечью сознаться, что наше духовенство, при нахлынувшемъ на насъ общественно-политическомъ движеніи, оказалось совершенно не въ курсѣ дѣла, показало растерянность и, можно сказать, полную неподготовленность къ встрѣчѣ съ подобнымъ явленіемъ. Вспомнимъ обнаружившуюся тогда разрозненность нашихъ силъ, колебанія и противорѣчія въ оцѣнкѣ совершавшихся предъ нами событій, причемъ наши отношенія къ охватившему родную землю движенію переходили иногда и по мѣстамъ отъ полнаго отрицанія всякой разумности его и какой бы то ни было нужды въ обновленіи страны до открытаго сочувствія и присоединенія къ крайнимъ требованіямъ его революціонныхъ вождей. Спокойнаго, сознательнаго, а тѣмъ болѣе жизненно и практически—руководственнаго отношенія къ общественно-политическимъ запросамъ того времени наше сословіе почти не обнаруживало. Ту же несостоятельность показало оно и тогда, когда самую высшую Властію было снова, по прошествіи цѣлыхъ двухъ вѣковъ, привлечено къ дѣятельному участию въ общественно-политической жизни страны чрезъ открытіе доступа его вы-

борнымъ представителямъ въ законодательныя учрежденія. Опять стоитъ только вспомнить уродливыя выступленія нашихъ духовныхъ депутатовъ первыхъ двухъ Думъ, или мало-энергическое участіе нашей духовной группы въ третьей Думѣ даже при обсужденіи самыхъ существенныхъ [законодательныхъ] вопросовъ, касающихся блага родной земли, чтобы получить яркую картину трактуемой неподготовленности духовенства.

Да, дорогой цѣной поплатилось духовенство наше за вѣковое отчужденіе отъ жизни и развитія родной страны, отчужденіе, сначала больше невольное, а потомъ перешедшее въ закоренѣлую привычку и до сихъ поръ убивающее наше внутреннее саморазвитіе и самоопредѣленіе. Оно привело насъ къ темерешнему печальному маловлѣтельному, приниженному положенію среди другихъ сознательныхъ, интеллигентныхъ общественныхъ группъ, воздвигло взаимное средостѣніе между нами и обществомъ; оно лишило насъ правильнаго жизнепониманія и критически-разумнаго здраваго отношенія къ вопросамъ современности. Оно довело насъ до того, что мы едва ли могли бы отвѣтить теперь съ полною опредѣленностію, положиа руку на сердце, на вопросъ „чѣмъ мы живы?“... А что сказать о томъ, какой вредъ приносило и доселѣ приноситъ нашему прямому предназначенію въ жизни—святому служенію и дѣлу Церкви—подобное ненормальное положеніе и состояніе наше!..

Одно можетъ быть для насъ при теперешнихъ обстоятельствахъ великимъ утѣшеніемъ и ободреніемъ, это—то, что въ нашемъ печальномъ положеніи наступаетъ близкая перемѣна, и она чувствуется, сознается уже людьми болѣе чуткими, идущими ей навстрѣчу. Близится пора, когда мы, оторванные отъ родной русской жизни, долго находившіеся за бортомъ роднаго корабля, вновь явимся ея дѣятельными участниками, и уже отъ насъ самихъ будетъ зависѣть занять здѣсь подобающее положеніе. И если мы знаемъ, что сдѣлало

наше духовенство далекимъ и чужимъ для нашего общества, что удалило его отъ народа, то должны быть ясны намъ и тѣ средства, при помощи которыхъ духовенство могло бы вновь войти въ это общество, соединиться съ народомъ органически, стать здѣсь снова „своимъ“. А для этого, думается, нѣтъ другого пути, кромѣ разрыва съ традиціонной внѣшней и, особенно, духовной обособленностью нашей отъ свѣтскаго общества и народа посредствомъ всесторонняго проникновенія ихъ жизненными интересами, посредствомъ интимно-глубокаго приобщенія нашего къ интеллектуально-культурной общественной жизни. А этого достигнуть можно будетъ намъ тогда, когда мы пройдемъ одну и ту же съ обществомъ школу, усвоимъ ту же науку, приобрѣтемъ тѣ же общественно-гражданскія права, что принадлежать и свѣтскому обществу,—однимъ словомъ, когда жизнь духовенства не будетъ представлять отдѣльнаго пересыхающаго ручейка, а волеется въ общій широкой потокъ русской культурно-политической жизни. Тогда исключительное призваніе наше не будетъ служить помѣхой и препятствіемъ къ общенію со всѣмъ русскимъ интеллигентнымъ міромъ, и мы въ немъ будемъ не чужіе, а свои,—и нашъ голосъ, наша мысль раздадутся жизненнѣе и скорѣе будутъ выслушаны и поняты, скорѣе могутъ принести нашему прямому дѣлу, Церкви Русской, желанные плоды, чѣмъ теперешній голосъ нашъ,—голосъ часто вопіющаго въ пустынь!

Политика отчужденности, добровольное самоустраненіе отъ родной русской жизни во всей ея широтѣ, искусственное отгораживаніе себя отъ общества ради неосновательныхъ опасеній потерять вмѣстѣ съ этимъ сближеніемъ, или ослабить свои церковно-религіозные устои,—должны быть теперь оставлены навсегда нашимъ духовенствомъ. Политика нашей отчужденности по началу своему лежитъ, какъ мы видѣли, внѣ сферы подобныхъ опасеній; результаты же ея слишкомъ прискорбны, чтобы можно было и дальше глушить живое

пастырское дѣло ради этихъ опасеній. Не безбоязненное и глубокое приобщеніе къ духовной, культурной и общественно-гражданской жизни родной страны можетъ вредно и разрушительно повліять на наше прямое дѣло, наше предназначеніе утверждать и развивать въ народѣ вѣру Христову православною; напротивъ, именно отчужденіе отъ разнообразныхъ общественно-гражданскихъ и духовныхъ интересовъ паствы лишало и лишаетъ поднесъ насъ и нашу дѣятельность животворной силы и живого вліянія на общество и народъ. Ничто не препятствуетъ духовенству и при усвоеніи новаго жизненнаго, широко-активнаго направленія въ своей жизни и дѣятельности отвергать все уродливое, безнравственное, ложное, противное вѣрѣ Христовой, что привзошло въ сознаніе и жизнь русскаго народа вмѣстѣ съ истинно-человѣческими, культурными и духовно-моральными приобрѣтеніями за время нашего вѣкового, безучастно-замкнутаго существованія. Наше общеніе и слияніе съ обществомъ должно, — само собою понятно, — состояться на почвѣ усвоенія чистыхъ общечеловѣческихъ и христіанскихъ идеаловъ и понятій, которыми живетъ все просвѣщенное культурное человечество. Въ этомъ дѣлѣ намъ предстоитъ блюсти завѣтъ апостола: „всякія злыя вещи отгребатися“, а принимать и усваивать лишь то, что на христіанскій взглядъ „истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно и что достохвально“ (Филипп. 4, 8). Повторяемъ: единственный вѣрный путь, который можетъ вывести наше православное духовенство изъ совершеннаго мертвенно-бездѣтельнаго состоянія, это смѣлый и рѣшительный выходъ нашъ на широкую дорогу слиянія съ обществомъ чрезъ приближеніе къ своему сознанію и сердцу его запросовъ и интересовъ. Это привнесетъ въ нашу подчасъ убогую, ограниченную и отстающую среду, напоминающую, въ изображеніи ея свѣтской литературою, среду замоскворѣцкаго купечества время Островскаго, новое идейное оживленіе, умственный подъемъ и при-

дать силы къ плодотворной работѣ въ области духовнаго дѣланія—освѣщенія духомъ Христовой вѣры всѣхъ сторонъ жизни современнаго русскаго общества, поможетъ „христианизаціи“ всѣхъ истинно-культурныхъ ея приобрѣтеній. Главное—не слѣдуетъ забывать, что Господь апостоловъ и, въ лицѣ ихъ, всѣхъ служителей Церкви послалъ въ „міръ“ и въ молитвѣ Своей предъ страданіями не умолялъ Отца „взять ихъ отъ міра“, но лишь соблюсти ихъ отъ соблазна и непріязни въ ихъ міровомъ общечеловѣческомъ служеніи.

Священникъ *Аванасій Веселичій*.

Секта адвентистовъ.

I.

Адвентизмъ, какъ показываетъ само названіе (отъ adventus—пришествіе), есть секта, ожидающая, что скоро будетъ второе пришествіе Христова. Мысль о приближеніи второго пришествія Христова и кончины міра нѣсколько разъ высказывалась фанатиками изъ русскихъ раскольниковъ и сектантовъ (первоначальная исторія безноповцевъ, прыгуны въ молоканствѣ, малеванцы въ штундизмѣ) и встрѣчала сочувствіе, такъ что мысль эта не чужда русскаго народнаго сознанія. Но адвентизмъ—секта не русскаго происхожденія: она получила свое начало въ Сѣв. Америкѣ. Основателемъ ея былъ Вильямъ Миллеръ, который очень интересовался пророческими книгами, особенно книгой пр. Даниила и Апокалипсисомъ. На основаніи ихъ онъ высчиталъ, что пришествіе Христова должно послѣдовать 22-го октября 1844 г. Проповѣдь Миллера о приближеніи пришествія Христова привлекла къ нему много послѣдователей, и даже неисполненіе его пророчества не остановило распространенія новой секты. Напротивъ, ученики Миллера еще съ большей рев-

ностью взялись за изученіе пророческихъ книгъ, чтобы отыскать источникъ ошибки Миллера и исправить ее. Не помѣшало распространенію адвентизма и подраздѣленіе его на частныя секты. Изъ Америки адвентизмъ перешелъ въ Европу, гдѣ особенно распространился въ Германіи. Теперь центромъ этой секты является Гамбургъ, гдѣ адвентисты имѣютъ издательскую фирму подъ именемъ „Международнаго Трактатнаго Общества“.

Въ Россіи эту секту распространяютъ „адвентисты седьмого дня“, названные такъ потому, что они считаютъ обязательнымъ и для христіанъ празднованіе субботы. Сначала, въ 90-хъ годахъ XIX ст., адвентизмъ въ Россіи распространяли нѣмцы (особенно Перкъ), но они не достаточно знали русскій языкъ и потому занимались, главнымъ образомъ, распространеніемъ своихъ брошюръ. Поэтому они озаботились приготовить проповѣдниковъ изъ русскихъ, давши послѣднимъ соответствующее образованіе въ Германіи. Вообще адвентисты проявляютъ большую энергію въ распространеніи своихъ воззрѣній въ Россіи, очевидно, находя для себя подходящую почву. Для удобства пропаганды Россія раздѣлена ими на пять частей, которыя они называютъ „миссіонерскими полями“.

Возникши на почвѣ протестантства адвентизмъ по своей отрицательной сторонѣ (отрицанію Св. Преданія, іерархіи, таинствъ, св. иконъ и т. д.) сходенъ съ другими протестантскими сектами; изъ русскихъ сектъ онъ ближе всего стоитъ къ штундо-баптизму. Но у адвентистовъ есть и особые пункты вѣроученія, которыми они отличаются отъ остальныхъ сектантовъ: это—ученіе о субботѣ, о душѣ и загробной жизни и о событіяхъ, которыя должны послѣдовать при кончинѣ міра. Эти пункты и нуждаются въ болѣе подробномъ разсмотрѣніи.

Адвентисты настаиваютъ на томъ, что и въ Н. Завѣтѣ обязательно празднованіе субботы, т. е. именно седьмого дня недѣли, и обвиняютъ всѣ христіанскія исповѣданія въ нару-

шеніи 4-ой заповѣди закона Божія. Они различаютъ въ В. Завѣтѣ двойкій законъ: обрядовый, который данъ черезъ Моисея (Лев. 26, 46; сюда же они стараются отнести и законъ объ обрѣзаніи, на основаніи словъ Христа—Іоанн. 7, 23) и который имѣлъ силу только до пришествія Спасителя (Еф. 2, 15; Гал. 3, 19; Евр. 7, 18—19),—и десять заповѣдей, которыя Богъ изрекъ Своимъ голосомъ (Исх. 20, 1), и которыя обязательны на всѣ времена (Мѡ. 5, 18—19). О десятословіи въ Св. Писаніи сказано: „законъ святъ, и заповѣдь свята, и праведна, и добра“ (Римл. 7, 12), тогда какъ объ обрядовомъ законѣ: „пустилъ имъ учрежденія недобрыя и постановленія, отъ которыхъ они не могли быть живы“ (Іез. 20, 25). Заповѣдь о празднованіи субботы относится къ десятословію, но она существовала гораздо раньше: она была дана при сотвореніи міра (Быт. 2, 3) и была обязательна еще прежде дарованія закона на горѣ Синаѣ (Исх. 16, 27—28); это—заповѣдь вѣчная (Исх. 31, 16). Поэтому за соблюденіе ея Богъ обѣщаль великія награды, а за нарушеніе угрожалъ бѣдствіями, что и исполнилось на народѣ еврейскомъ (Іез. 20, 23—24; Іер. 17, 24—27; Иеem. 13, 17—18). Есть въ В. Завѣтѣ и такія постановленія о субботахъ, которыя относятся къ обрядному закону: это—тѣ мѣста Св. Писанія, гдѣ субботаи называются праздники еврейскіе (напр., Лев. 23, 32 и др.); такія обрядныя субботы, по мнѣнію адвентистовъ, разумѣются и въ Кол. 2, 16, гдѣ ап. Павелъ говоритъ о необязательности для христіанъ соблюденія субботы.

Христось, по ученію адвентистовъ, не отмѣнилъ празднованія субботы. Онъ Самъ ходилъ „по обыкновенію Своему въ день субботній въ синагогу“ (Лук. 4, 16) и далъ наставленіе, какъ слѣдуетъ соблюдать субботу (Мѡ. 12, 12). И первые послѣдователи Христа соблюдали субботу, какъ жены миросицы, которыя послѣ погребенія Христа „въ субботу остались въ покоѣ по заповѣди“ (Лук. 23, 56), и ап. Павелъ, который въ теченіе недѣли работаль, а въ субботы

проповѣдываль (Дѣян. 13, 44; 17, 2; 18, 3—4). Наконецъ. суббота будетъ, согласно пророчеству Исаи, соблюдаться и на новой землѣ (Ис. 66, 22—23).

Большинство христіанскихъ исповѣданій празднують вмѣсто субботы первый день недѣли—день воскресенія Христа; этимъ они, по мнѣнію адвентистовъ, нарушаютъ заповѣдь Божию, тогда какъ для Бога точное соблюденіе Его заповѣдей пріятнѣе жертвъ и всесоженій (1 Ц. 15, 22). Адвентисты говорятъ, что въ Н. Завѣтѣ нигдѣ нѣтъ указаній на празднованіе перваго дня недѣли, который ни разу не называется святымъ днемъ. Въ самый день воскресенія Христа жены идутъ помазать Его тѣло, чего онѣ не сдѣлали въ субботу ради праздничнаго покоя. Когда вечеромъ въ тотъ же день Господь явился апостоламъ, то они собрались для вечера (Марк. 16, 14), а не для праздничнаго обряднаго собранія и тѣмъ болѣе не для прославленія воскресенія Христа, которому они тогда еще не вѣрили (тамъ же). О первомъ днѣ недѣли упоминается еще въ 20 гл. Дѣяній, но адвентисты говорятъ, что описанное тамъ собраніе съ преломленіемъ хлѣба было вечеромъ въ субботу (8 ст.). Упоминаемый въ Апок. 1, 10 „день Господень“ („*ἡμέρα κυρίου*“), переведенное по-русски „день воскресный“, а по славянски „день недѣльный“), по утверженію адвентистовъ¹⁾, есть суббота, такъ какъ ап. Іоаннъ написалъ Апокалипсисъ раньше Евангелія, а въ Евангеліи онъ говоритъ о первомъ днѣ недѣли въ такихъ выраженіяхъ, что нельзя заключать о его святости (Іоанн. 20, 1, 19).

Въ В. Завѣтѣ заповѣдь о субботѣ, безъ сомнѣнія, имѣла важное значеніе. Но великая важность ея зависѣла отъ соединяемыхъ съ нею воспоминаній, а не отъ принадлежности

---

¹⁾ „Библейск. указатель важнѣйшихъ ученій о вѣрѣ“. Междунаро-
дательское общ. въ Гамбургѣ. 1905 г. 18 стр.—„Библейск. ученія о на-
стоящей истинѣ“. Междунар. Трактат. Общ. Гамбургъ, Базель, Лондонъ.
Листокъ № 22.

ея къ особому закону Божию, который будто бы противопоставлялся закону Моисееву. Такого противопоставленія въ В. Завѣтѣ установить нельзя. Въ кн. Исх. 34, 28 прямо сказано, что Моисей написалъ на скрижаляхъ десятословіе, послѣ того какъ, увидѣвши поклоненіе евреевъ тельцу, разбилъ первыя скрижали, на которыхъ заповѣди были написаны Самимъ Богомъ, а въ кн. пр. Неем. 9, 14 говорится, что и заповѣдь о субботѣ дана черезъ Моисея. Слѣдовательно, обо всемъ ветхо-завѣтномъ законѣ въ Н. Завѣтѣ сказано, что законъ этотъ не могъ дать людямъ оправданія и спасенія (иначе и самое явленіе Спасителя было бы излишнимъ) и потому съ пришествіемъ Христовымъ долженъ подвергнуться исправленію (Евр. 9, 10). Дѣйствительно, Христосъ въ нагорной проповѣди дополнилъ и разъяснилъ нѣкоторыя изъ заповѣдей десятословія; такъ же поступилъ Онъ и по отношенію къ субботѣ. Адвентисты напрасно указываютъ на соблюденіе Иисусомъ Христомъ субботы: Онъ соблюдалъ весь законъ, начиная съ обрѣзанія, но Своими дѣйствіями Онъ показывалъ, что въ Н. Завѣтѣ четвертая заповѣдь должна исполняться не такъ, какъ въ Ветхомъ. Яснѣе всего это видно изъ дѣйствій Спасителя при исцѣленіи 38-лѣтняго расслабленнаго, которому Христосъ повелѣлъ нести постель въ субботу, тогда какъ въ В. Завѣтѣ носить что-либо въ субботу запрещалось подъ угрозой тяжкаго наказанія (Іер. 17, 27). Ту же мысль Господь выразилъ и въ Своихъ извѣстныхъ словахъ: „суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы; посему Сынъ Человѣческой есть Господинъ и субботы“ (Мрк. 2, 27—28). Эти слова ясно показываютъ, что заповѣдь о субботѣ имѣетъ не безусловный, а относительный характеръ, что исполненіе ея должно быть приспособлено къ потребностямъ человѣка.

Четвертая заповѣдь требуетъ, чтобы человѣкъ шесть дней работалъ, а седьмой посвящалъ Богу. Но седьмымъ можетъ быть всякій день недѣли, въ зависимости отъ того,

откуда начинать счетъ шести рабочихъ дней: если, напр., работать шесть дней, начиная со второго дня недѣли, то седьмымъ будетъ первый день, и т. т. Въ В. Завѣтѣ днемъ праздничнаго покоя считался послѣдній день недѣли не потому, чтобы онъ самъ по себѣ чѣмъ-либо отличался отъ остальныхъ дней, а потому, что съ нимъ соединены были важныя воспоминанія: о покоѣ Божіемъ послѣ шести дней творенія (Исх. 20, 11; 31, 17) и объ освобожденіи евреевъ отъ рабства египетскаго (Втор. 5, 15). Но неизмѣримо выше этихъ воспоминаній тѣ, которыя въ Н. Завѣтѣ соединяются съ первымъ днемъ недѣли — днемъ воскресенія Христова. Христосъ возсоздалъ падшаго человѣка, сдѣлавъ его „новой тварью“ (2 Кор. 5, 17), и избавилъ всѣхъ людей не отъ тѣлеснаго рабства, а отъ духовнаго рабства діаволу (Евр. 2, 14—15); и въ этомъ искупительномъ дѣлѣ Христа завершительнымъ и главнымъ пунктомъ было Его воскресеніе. „Если Христосъ не воскресъ, то вѣра ваша тщетна; вы еще во грѣхахъ вашихъ“ (1 Кор. 15, 17), пишетъ ап. Павелъ коринтянамъ, и ап. Петръ свидѣтельствуетъ, что Богъ возродилъ насъ „воскресеніемъ Іисуса Христа изъ мертвыхъ къ упованію живому“ (1 Петр. 1, 3), и что крещеніе „спасаетъ воскресеніемъ Іисуса Христа“ (1 Петр. 3, 22). Поэтому неудивительно, что первый день недѣли празднуется уже съ первыхъ временъ христіанства.

Самый день воскресенія Христова, пока апостолы еще не увѣрились въ этомъ событіи, конечно, не могъ быть для нихъ днемъ празднованія. Но уже въ слѣдующій первый день недѣли всѣ апостолы собираются вмѣстѣ, очевидно, выдѣляя этотъ день изъ числа остальныхъ дней недѣли ради соединеннаго съ нимъ радостнаго воспоминанія, и Господь явленіемъ Своимъ снова освящаетъ именно этотъ день. На основаніи словъ евангелиста „послѣ восьми дней“ (Іоанн. 20, 26), адвентисты стараются доказать, что это явленіе было черезъ восемь дней послѣ воскресенія, т. е. во второй день недѣли. Но въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія, гдѣ

встрѣчаются подобныя выраженія, въ счетъ включаются какъ первый день, съ котораго счетъ начинается, такъ и послѣдній, которымъ онъ заканчивается: Христось говорилъ, что Онъ воскреснетъ „послѣ трехъ дней“ (Мѡ. 27, 63), что Онъ будетъ во гробѣ три дня и три ночи, какъ Іона во чревѣ китовомъ (Мѡ. 12, 40), но Онъ воскресъ на третій день, а не черезъ три дня на четвертый, какъ выходило бы по счету адвентистовъ. Другой подобный же примѣръ мы видимъ въ словахъ евангелиста Луки,—что Христось преобразился „дней черезъ восемь“ послѣ произнесенія словъ: „есть нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь, которые не вкусятъ смерти, какъ уже увидятъ царствіе Божіе“ (Лук. 9, 27—28), между тѣмъ какъ евангелистъ Матѡей говоритъ, что это произошло „по прошествіи дней шести“ (Мѡ. 17, 1).

Апостоль Павелъ часто проповѣдывалъ по субботамъ, но исключительно потому, что онъ пользовался ейрейскими синагогами, какъ мѣстомъ большого стеченія народа, а въ синагогахъ собранія бывали по субботамъ. Богослужбное же собраніе съ христіанами въ Троадѣ апостоль Павелъ совершаетъ въ первый день недѣли, а не въ субботу (Дѣян. 20, 7—11). Адвентисты стараются доказать, что это собраніе было въ субботу, а слова „въ первый день недѣли“ объясняютъ тѣмъ, что у евреевъ день начинался съ вечера, и потому вечеръ субботы, въ который будто бы происходило собраніе, считался уже началомъ слѣдующаго дня. Но Троада была Римской провинціей, и потому естественнѣе всего предполагать, что тамъ счетъ дней былъ римскій, т. е. день считался съ полуночи. И если даже согласиться, что здѣсь день считается по-еврейски, то все же необходимо признать, что собраніе произошло въ то время, которое относилось, по мысли самихъ участниковъ собранія, не къ субботѣ, а къ первому дню недѣли, что опредѣленно и указываетъ писатель книги Дѣяній. При этомъ нужно обратить вниманіе на то, что въ данномъ мѣстѣ первый день недѣли (когда бы онъ ни начинался) представляется днемъ, въ который вѣру-

ющіе обычно собирались для преломленія хлѣба, т. е. для совершенія важнѣйшаго христіанскаго священнодѣйствія— таинства причащенія („въ первый день недѣли, когда ученики собрались для преломленія хлѣба“... Дѣян. 20, 7). Къ этому же дню апостоль Павелъ приурочиваетъ и особенную благотворительность: „въ первый день недѣли каждый изъ васъ пусть отлагаетъ у себѣ и сберегаетъ, сколько позволить ему состояніе, чтобы не дѣлать сборовъ, когда я прииду“ (1 Кор. 16, 2). Адвентисты въ данномъ мѣстѣ особенно подчеркиваютъ слова „у себя“, очевидно, желая найти здѣсь указаніе на то, что этотъ день христіане проводили дома. Но указанныя слова говорятъ только о томъ, что отложенныя пожертвованія христіане не должны были нести на собраніе, такъ какъ они предназначались для христіанъ палестинскихъ и потому должны были сберегаться до прихода апостола. Самое же повелѣніе отлагать пожертвованіе именно въ первый день показываетъ, что этотъ день выдѣлялся изъ остальныхъ дней недѣли, какъ особенно посвященный Богу: Самъ Іисусъ Христосъ многочисленными испуленіями въ субботы научалъ тому, что дѣла благотворенія наиболѣе слѣдуетъ совершать въ праздникъ, каковымъ при жизни Его еще была суббота; дѣйствительно, чѣмъ же, какъ не благотворительностью, мы прежде всего должны освящать праздничные дни Богу, для Котораго милость дороже жертвы (Мо. 12, 7).

Наконецъ, первый день недѣли выдѣляется изъ ряда остальныхъ дней въ Апок. 1, 10, гдѣ онъ (въ греческомъ подлинникѣ) называется днемъ Господнимъ. Адвентисты утверждаютъ, что здѣсь разумѣется суббота, потому что самъ апостоль Іоаннъ не называетъ такъ первый день недѣли въ своемъ Евангеліи, написанномъ послѣ Апокалипсиса, а днемъ Господнимъ называется суббота (Ис. 58, 13). Но въ Н. Завѣтѣ суббота нигдѣ не называется днемъ Господнимъ, а такимъ именемъ уже у ближайшихъ учениковъ и преемниковъ апостольскихъ называется воскресеніе. Такъ, св. Ігна-

тій Богоносець, ученикъ апостола Іоанна, пишетъ: „жившіе въ древнемъ порядкѣ вещей приступили къ новому упованію и уже не субботаствуютъ, но наблюдаютъ въ своей жизни *день Господень*, въ который возсіяла и наша жизнь черезъ смерть Его“¹⁾.

Кромѣ указаній изъ жизни христіанской Церкви при апостолахъ, можно находить въ Св. Писаніи и другія свидѣтельства о томъ, что празднованіе субботы въ Н. Завѣтѣ должно быть отмѣнено. Еще въ В. Завѣтѣ было предсказано празднованіе новаго дня, не указаннаго въ законѣ Моисеевомъ: „камень, который отвергли строители, сдѣлался главою угла: это—отъ Господа, и есть дивно въ очахъ нашихъ. Сей день сотворилъ Господь: возрадуемся и возвеселимся въ оный!“ (Ис. 117, 22—24). Пророчество о камнѣ, отвергнутомъ строителями, относится ко Христу (Мѡ. 21, 42; 1 Петр. 2, 4); слѣдовательно, днемъ веселія и радости, днемъ празднованія здѣсь называется тотъ день, въ который Христосъ торжественно доказалъ, что Онъ является „главою угла“ основанной Имъ Церкви, т. е. день Его воскресенія. Въ Новомъ же Завѣтѣ ап. Павелъ прямо говоритъ христіанамъ: „итакъ никто да не осуждаетъ васъ за пищу, или питіе, или какой-нибудь праздникъ, или новомѣсячіе, или субботу: это есть тѣнь будущаго, а тѣло—во Христѣ“ (Кол. 2, 16—17). Адвентисты пытаются обойти это мѣсто указаніемъ на то, что здѣсь будто бы разумѣтся суббота обрядная, которая должна прекратиться вмѣстѣ со всѣмъ обряднымъ закономъ Моисеевымъ, тогда какъ суббота Господня должна праздноваться вѣчно. Адвентисты различаютъ субботу въ собственномъ смыслѣ—субботу еженедѣльную, которая назы-

---

¹⁾ „Посланіе къ магвезійцамъ“, 15 гл. Это и многія другія мѣста изъ святоотеческой письменности первыхъ вѣковъ свидѣлствуютъ также, насколько несправедливо утвержденіе адвентистовъ, будто замѣна субботы воскреснымъ днемъ въ первый разъ установлена Константиномъ Великимъ или даже папой въ 483 году.

вается Господней, и еврейскіе праздники, которые называются суббота́ми въ смыслѣ праздничнаго покоя (напр., Лев. 16, 31; 23, 39 и др.); послѣднія субботы „ограничивались известнымъ временемъ и прекратились послѣ распятія“¹⁾; о такой субботѣ будто бы и говоритъ ап. Павелъ въ посл. Кол. 2, 16. Правда, въ указанныхъ мѣстахъ изъ книги Левитъ и въ нѣкоторыхъ другихъ слово „суббота“ употреблено въ не-собственномъ смыслѣ, такъ какъ субботой называется день очищенія (Лев. 16, 31), первый и послѣдній день праздника кущей (Лев. 23, 29). Но въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ адвентисты хотятъ также видѣть указаніе на обрядную субботу, субботы ясно отличаются отъ другихъ праздниковъ и ставятся на ряду съ ними. Такъ, въ 1 кн. Пар. 23, 30—31 говорится: „чтобы становились“ (т. е. левиты), „каждое утро благодарить и славословить Господа, также и вечеромъ, и при всѣхъ всесожженіяхъ, возносимыхъ Господу въ субботы, въ новомѣсячія и въ праздники по числу, какъ предписано о нихъ“; также въ словахъ Соломона: „вотъ я строю домъ имени Господа Бога моего, чтобы возжигать предъ Нимъ благовонное куреніе, представлять постоянно хлѣбы предложения и возносить тамъ всесожженія утромъ и вечеромъ, въ субботы, и въ новомѣсячія, и въ праздники Господа Бога нашего“ (2 Пар. 2, 4). Въ субботу евреи должны были приносить особыя жертвы, и законъ объ этихъ жертвахъ (Чис. 28, 9) помѣщается между постановленіями о ежедневныхъ жертвахъ, приносимыхъ утромъ и вечеромъ и жертвахъ въ новомѣсячія и другіе праздники. Сопоставленіе безспорно свидѣтельствуетъ, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же, а въ кн. Чис. 28, 9 сами адвентисты видятъ субботу Господню. И ап. Павелъ въ посл. Кол. 2, 16, говоря о необязательности для христіанъ субботы, упоминаетъ ее отдѣльно отъ другихъ праздниковъ. Здѣсь нельзя разумѣть отмѣны только обрядовой стороны субботы, потому

¹⁾ „Библ. указатель...“, 15 стр.

что никто не могъ упрекать колоссянъ за то, что они не исполняютъ законовъ, относящихся къ субботнымъ обрядамъ и жертвоприношеніямъ, такъ какъ эти обряды и жертвоприношенія могли совершаться только въ храмъ Іерусалимскомъ, и потому колоссяне физически не могли участвовать въ нихъ. И вообще изъ писаній апостольскихъ не видно, чтобы іудействующіе христіане считали обязательнымъ для христіанъ изъ язычниковъ принесеніе жертвъ,—а въ этомъ и состояла обрядная сторона субботы. Если же іудействующіе осуждали колоссянъ, такъ именно за то, за что теперь адвентисты осуждаютъ всѣхъ остальныхъ христіанъ, т. е. за самое непразднованіе субботы, и осуждаютъ, по свидѣтельству апостола, несправедливо.

Если, такимъ образомъ, празднованіе субботы не обязательно для христіанъ, то вѣчность ея (Исх. 31, 16), очевидно, имѣетъ такой же относительный, а не безусловный смыслъ, какъ вѣчность обрѣзанія (Быт. 17, 13), ветхо-завѣтнаго священства (Исх. 40, 15), храма Соломонова (3 Ц. 9, 3) празднованія дня очищенія (Лев. 16, 31; 23, 31) и т. п. Адвентисты, высчитывающіе, сколько разъ въ Св. Писани встрѣчается то или другое слово, имѣющее для нихъ значеніе, оставили безъ вниманія, что слово праздновать въ примѣненіи къ христіанамъ употреблено всего одинъ разъ и при томъ въ слѣдующемъ контекстѣ: „Пасха наша, Христосъ, закланъ за насъ; по сему станемъ праздновать не со старою закваскою, не съ закваскою порока и лукавства, но съ опрѣсноками чистоты и истины“ (1 Кор. 5, 6—7). Наше празднованіе должно быть въ честь Христа, закланнаго за насъ; но праздничныя, радостныя воспоминанія соединяются, конечно, не съ днемъ смерти Господа, а съ днемъ Его воскресенія.

Что касается соблюденія субботы на новой землѣ (Ис. 66, 22—23), то указанная слова пророка Исаи, очевидно, нельзя понимать буквально, такъ какъ въ будущемъ царствѣ Христовомъ, которое апостоль Іоаннъ созерцалъ подъ видомъ

новаго Іерусалима, „ночи не будетъ тамъ, и не будутъ имѣть нужды ни въ свѣтильникѣ, ни въ свѣтѣ солнечномъ, ибо Господь Богъ освѣщаетъ ихъ“ (Ап. 22, 5); слѣдовательно, тамъ не можетъ быть и счета дней. Исаія пророчествуетъ не о днѣ субботнемъ, а о томъ субботствѣ, въ смыслѣ покоя, о которомъ говоритъ ап. Павель въ посл. Евр. 4, 1—11.

Н. Гумилевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Безсмертны ли мы ¹⁾?

М. Хеннигъ.

Безсмертны ли мы? Вотъ вопросъ, который безпрерывно занимаетъ человѣческій умъ и не даетъ ему покоя, пока не будетъ вполне уясненъ. Нѣкоторые легко отдѣлываются отъ этого вопроса: они даютъ на него отрицательный отвѣтъ, объявляя себя дѣтьми преходящаго міра, которыя послѣ своей смерти должны обратиться въ прахъ. Имъ непріятно думать о продолженіи жизни и послѣ смерти, такъ какъ въ такомъ случаѣ правъ былъ бы голосъ совѣсти, осуждающей наши поступки и указывающей на предстоящій судъ. На жизнь тогда пришлось бы смотрѣть гораздо серіознѣе, а это неудобно. Поэтому-то и выносятся скорое рѣшеніе: со смертью все оканчивается; упавшее дерево не можетъ подняться⁴.

Въ наше время отрицаніе загробной жизни прикрывается личиною научности. Матеріализмъ предоставилъ въ его распоряженіе всѣ свои научные доводы. Люди, отрицающіе существованіе души, доказываютъ, что душевная жизнь есть не что иное, какъ нервная и мозговая дѣятельность. Понятно, что если душевная жизнь сводится къ дѣятельности мозга и нервовъ, то загробной жизни нѣтъ, и послѣ смерти тѣла прекращается и существованіе души. Говорятъ, что

¹⁾ *M. Hennig. Sind wir unsterblich?*

ученые, при самомъ тщательномъ изслѣдованіи человѣческаго тѣла, не могутъ найти и слѣда присутствія души; значить, души нѣтъ, рѣшаютъ они. Какъ неразумны подобныя рѣчи! При вскрытіи трупа нельзя, конечно, найти души. Кромѣ того, душа есть нѣчто невидимое, и ни одинъ микроскопъ не можетъ открыть то, что невидимо. Какимъ же образомъ люди пришли къ такимъ страннымъ выводамъ, объяснить нетрудно.

Люди узнали, что человѣческая душа для своей дѣятельности нуждается непременно въ мозгѣ и въ нервной системѣ, и что извѣстнымъ нервнымъ возбужденіямъ соотвѣтствуютъ извѣстныя душевныя движенія; отсюда они вывели заключеніе, что дѣятельность нервной системы и душа—одно и то же. Люди узнали, что при хлороформированіи больныхъ, эти послѣдніе теряютъ сознаніе, и сейчасъ же рѣшили: очевидно, при усыпленіи нервовъ прекращается и душевная дѣятельность; значить, нервы и душа—одно и то же. Люди замѣтили, что поврежденія мозга всегда нарушаютъ теченіе душевной жизни, и рѣшили: мозговая дѣятельность и душа одно и то же.

Хотя эти положенія и кажутся съ перваго взгляда очевидными, но на самомъ дѣлѣ они ошибочны. Иначе слѣдовало бы также сказать, что музыка есть дѣятельность рояля и ничего больше, такъ какъ при порчѣ струны или клавиша цѣльность музыки нарушается; тогда какъ въ дѣйствительности музыка, хотя и связана съ роялемъ, можетъ звучать только тогда, когда музыкантъ прикосновеніемъ къ клавишамъ производитъ звуки. Человѣческую душу можно сравнить съ музыкантомъ, который пользуется мозгомъ и нервами вмѣсто клавишей. Употребляя другое сравненіе, можно сказать, что душа подобна телеграфисту, сидящему около аппарата и пользующемуся по своему желанію электрической энергіей для передачи своихъ мыслей на разстояніе. Если повредить телеграфный проводъ, то телеграфистъ не будетъ уже въ состояніи пользоваться аппаратомъ, хотя аппаратъ—это не

болѣе, какъ его орудіе. Мы видимъ, что въ обоихъ случаяхъ воля музыканта и телеграфиста тѣсно связана съ дѣятельностью инструментовъ, рояля и аппарата: такая же тѣсная связь существуетъ между душой и тѣломъ. Безусловно хорошо, что мы въ наше время яснѣе сознаемъ эту связь, нежели раньше. Но если изъ этой тѣсной связи выводится заключеніе, что душа и тѣло—одно и то же и что двойственности въ человѣческой природѣ не существуетъ, такъ какъ человекъ—это не что иное, какъ сочетаніе матеріи, то такое заключеніе такъ же невѣрно, какъ если бы люди хотѣли отрицать соединеніе воды изъ водорода и кислорода на томъ основаніи, что вода представляется намъ, какъ нѣчто единое.

Существуетъ еще много фактовъ, подтверждающихъ то положеніе, что душа—это самостоятельная, единая субстанція, существующая рядомъ съ тѣлеснымъ организмомъ.

Мы можемъ изъ собственнаго опыта убѣдиться, что наша душа не зависитъ отъ дѣятельности нервовъ. Совершая какую-либо работу, мы нерѣдко бываемъ погружены въ размышленія; звонъ башеннаго колокола доносится до нашего уха; звуковыя волны производятъ въ нашемъ организмѣ нервное возбужденіе, которое передается въ мозговую область; такимъ образомъ, мы получаемъ звуковое впечатлѣніе, но наше сознаніе его не воспринимаетъ. Время летитъ, а мы его не замѣчаемъ. Отчего же это происходитъ? Оттого, что наша душа не обращаетъ вниманія на совершающійся нервный процессъ. Ея вниманіе направлено на другое; она слѣдитъ, на примѣръ, за зрительными нервами въ ихъ процессѣ, сопровождающемъ чтеніе. Но вдругъ при послѣднемъ ударѣ колокола душа рѣшаетъ проконтролировать звуковыя ощущенія. Она ищетъ въ мозговомъ аппаратѣ, сколько же было ударовъ? И если промежутокъ времени послѣ звуковыхъ ощущеній невеликъ, то она можетъ воспроизвести число отдѣльныхъ ударовъ и сосчитать ихъ. Развѣ подобное наблюденіе, которое каждый изъ насъ, навѣрное, дѣлалъ или мо-

жетъ сдѣлать, не показываетъ, что наша душа существуетъ отдѣльно отъ тѣла съ его органами?

Извѣсто также всякому, что можно проснуться въ любой заранѣ назначенный часъ, хотя бы никакой шумъ въ это время не беспокоилъ насъ. Душа передъ сномъ пожелала проснуться въ опредѣленный часъ, и тѣло ей повиновалось. Подобный фактъ оставался бы необъяснимымъ, если бы душа была только дѣятельностью мозга и нервовъ.

Люди, привыкшіе къ серіозному мышленію, вѣроятно, замѣчали, что утромъ имъ становилось яснымъ то, чего вечеромъ они не могли себѣ объяснить. Они засыпаютъ, не придя ни къ какому рѣшенію, а утромъ рѣшеніе уже найдено. Это было бы невозможно, если бы душа не продолжала своей работы въ то время, какъ тѣло отдыхало. Въ этомъ случаѣ, какъ и во время сновидѣній, мы наблюдаемъ душевную дѣятельность, не зависящую отъ нервной жизни. Наша душа не нуждается въ отдыхѣ; она всегда дѣятельна и никогда не старѣетъ, хотя тѣло мало-по-малу и разрушается.

Здѣсь мы должны также припомнить, что тѣлесное и душевное развитіе не идутъ параллельно другъ другу, какъ бы это должно было быть, если бы душа была не чѣмъ инымъ, какъ нервной и мозговой дѣятельностью. Эта послѣдняя развивается по восходящей линіи приблизительно до 40—45 лѣтъ. Дальше наступаетъ медленное разрушеніе тѣла, а слѣдовательно—нервной и мозговой дѣятельности, въ то время какъ духовное развитіе безпрепятственно идетъ и дальше, выигрывая только въ спокойствіи, ясности и силѣ. Поэтому-то многіе ученые, полководцы и государственные люди могли до глубокой старости заниматься безпрерывнымъ умственнымъ трудомъ въ то время, какъ ихъ организмы уже страдали отъ старческихъ болѣзней. Нужно также обратить вниманіе на то обстоятельство, что величина мозга и душевная сила не зависятъ другъ отъ друга, что несомнѣнно случилось бы, если бы душа была только дѣятельностью мозга. Болѣе силь-

ный органъ долженъ былъ бы въ такомъ случаѣ проявлять и болѣе сильную дѣятельность, но извѣстно, что великіе мыслители, какъ Эммануиль Кантъ, Фридрихъ Великій и Ефраимъ Лессингъ имѣли маленькія головы, тогда какъ кретины, несмотря на огромную величину своей головы, не могутъ мыслить какъ слѣдуетъ. И хотя послѣ произведенныхъ измѣреній обнаружилось, что у пауасовъ объемъ черепа очень незначителенъ, но никто не сомнѣвается въ ихъ способности къ развитію; во всякомъ случаѣ очевидно, что между наиболѣе развитыми породами животныхъ и наиболѣе низко въ культурномъ отношеніи стоящими людьми все же существуетъ непроходимая пропасть.

Душа обладаетъ извѣстной свободой дѣйствій независимо отъ органовъ; это видно изъ того, что при вскрытіи совершенно нормальныхъ людей очень часто находятъ отвердѣвшія, размягченныя, расширенныя и парализованныя части мозга. Отсюда вывели такое заключеніе: человѣческая душа можетъ работать, пользуясь даже изношеннымъ мозговымъ аппаратомъ, послѣ того, какъ, благодаря долгой жизни, она привыкаетъ къ своему несовершенному инструменту.

Душевная жизнь это нѣчто вполне самостоятельное и включаетъ въ себѣ силы, дѣйствіе которыхъ на тѣло нельзя считать; это ясно можно видѣть, если обратить вниманіе на то, какъ проявляются душевныя движенія у различныхъ людей. Предположимъ, что собралось нѣсколько человѣкъ: французъ, нѣмецъ, англичанинъ и русскій. Вдругъ приходитъ извѣстіе: „Портъ-Артуръ взятъ“. Въ то же мгновеніе одинъ начитаетъ плакать, другой привскакиваетъ какъ бы отъ радости, а третій качаетъ головой. Какъ это случилось, что одно и то же нервное возбужденіе, испытанное всѣми при одной и той же вѣсти, подѣйствовало такъ различно? Это можно объяснить только различіемъ душевнаго содержанія. Такъ какъ у разныхъ людей оно различно, то одно и то же извѣстіе вызываетъ у одного человѣка слезы печали, въ то время какъ другой безудержно ликуеть. Поэтому-то

случается, что краткое извѣстіе, напримѣръ—извѣстіе о лоттерейномъ выигрышѣ, можетъ свести человѣка съ ума, а какая-либо радостная или горестная новость иногда сопровождается моментальной смертью. Душевное волненіе въ такихъ случаяхъ бываетъ настолько велико, что мозгъ и нервы или же сердце не въ состояніи его перенести. Всѣ вышеприведенные факты показываютъ намъ, что матеріализмъ, отрицающій самостоятельность душевной жизни въ человѣкѣ, оставляетъ по меньшей мѣрѣ столько же нерѣшенныхъ загадокъ, сколько онъ претендуетъ рѣшить. Если бы это ученіе было правильнымъ, то измѣненное питаніе и лучшій уходъ за мозгомъ и нервами могли бы злого человѣка обратить въ добраго, а каждый порокъ объяснялся бы мозговыми и мыслительными недостатками; но опытъ показываетъ, что далеко не всѣ преступники—люди больные или же плохо питающіеся. Если бы матеріализмъ былъ правъ, то людская совѣсть, это несомнѣнное доказательство нашей внутренней жизни, была бы плодомъ воображенія, отъ котораго нужно поскорѣе отдѣлаться, чтобы каждый могъ поступать, какъ ему нравится.

Ни теоретическими разсужденіями, ни житейскимъ опытомъ мы не можемъ оправдать подобнаго вывода. Поэтому мы остаемся при освоенъ убѣжденіи, что душевная жизнь существуетъ самостоятельно, хотя она, по волѣ Божьей, и связана во время земной жизни съ тѣлеснымъ организмомъ, мозгомъ и нервами. Признаніемъ же самостоятельности душевной жизни дѣлается первый и важнѣйшій шагъ къ тому, чтобы признать возможность загробной жизни. Если тѣло человѣчское не исчезаетъ послѣ смерти, а превращается въ пыль и прахъ, то тѣмъ болѣе не можетъ исчезнуть высшая и лучшая часть человѣка.

Перев. П. И. Селвановской.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Свѣтлая страничка изъ жизни молодого священника.

Быль лѣтній праздничный день. Погода стояла прекрасная. Совершивъ богослуженіе и придя домой, я за чаемъ предложилъ своей матушкѣ проѣхать со мною въ деревню за 3 версты отъ села, состоящую изъ 80 домовъ, съ цѣлю провести тамъ день въ чтеніи и пѣніи, а также и оказать посильную помощь больной женщинѣ, которую я напутствовалъ. Сказано—сдѣлано. Матушка охотно приняла мое предложеніе и стала готовить необходимые медикаменты, а я занялся выборкой изъ религіозно-нравственныхъ журналовъ, соотвѣтствующихъ крестьянскому быту, рассказовъ. Скоро все было готово, и мы собрались въ путь.

Вѣхавъ въ деревню, мы замѣтили около одного дома, на „завалинкѣ“, порядочную кучку поселянъ, собравшуюся скоротать досужій часъ въ какихъ-либо разговорахъ, иногда и непристойныхъ. Поравнявшись съ нею и попривѣтствовавъ: „Миръ вашей бесѣдѣ“, я сообщилъ имъ о цѣли пріѣзда. Они съ нескрываемою радостію встрѣтили мое предложеніе и указали на большую избу, гдѣ можно помѣститься не одной сотнѣ поселянъ. Вѣсть о нашемъ пріѣздѣ скоро облетѣла всю деревню; и черезъ какую-нибудь четверть часа изба была пререполнена крестьянами различныхъ возрастовъ и половъ, и всѣ въ напряженномъ ожиданіи ждали начала чтенія. Когда толпа кое-какъ размѣстилась и водворилось молчаніе, я предложилъ собравшимся встать и общимъ хоромъ пропѣть молитву: „Царю небесный“. И вотъ изба огласилась хотя и не особенно стройнымъ, но звучнымъ и благоговѣйнымъ пѣніемъ; пѣли и старцы, пѣли и дѣти, пѣли возрастные и юноши. По окончаніи пѣнія я предложилъ собравшимся выслушать евангельское дневное чтеніе на русскомъ языкѣ и изложилъ его въ формѣ бесѣды. За-

тѣмъ приступлено было къ чтенію религіозно-нравственнаго разсказа изъ журнала „Кормчій“. Живо написанный разсказъ и вѣрно схваченный изъ жизни простого народа сильно подѣйствовалъ на слушателей. Такъ что одинъ крестьянинъ, жизнь котораго сложилась подобно прочитанному мною въ разсказѣ, обратился ко мнѣ съ просьбой: „Дай мнѣ, батюшка, этотъ листочекъ, я еще разъ прочитаю дома эту вещицу!“ Я, конечно, охотно уступилъ его просьбѣ. Отъ продолжительнаго чтенія мои горловыя связки сильно устали, и я предложилъ слушателямъ смѣнить чтеніе пѣніемъ, и рѣшили спѣть подъ руководствомъ моей жены „Вѣрую“. Но не успѣла она еще сказать „начнемте“, какъ вся толпа встала, оборотилась къ божницѣ и широко осыпала себя крестнымъ знаменіемъ, а потомъ уже послышалось и пѣніе. На этотъ разъ пѣніе вышло стройнѣе, такъ какъ въ пѣніи не замѣчалось уже той застѣнчивости, которая была въ первый разъ; и на лицахъ всѣхъ только лишь сіяла радость. Видимое дѣло, что общее пѣніе доставляло имъ большое удовольствіе. Пѣли продолжительно и чинно; и пѣніе ихъ не только не утомило, а какъ будто еще воодушевило, такъ что по окончаніи „Вѣрую“ они попросили еще спѣть что-нибудь. Пропѣли съ такимъ же нескрываемымъ удовольствіемъ молитву „Отче нашъ“ и сѣли на мѣста. Ко вторичному чтенію приступила матушка, которая прочла нѣскольکو назидательныхъ статей изъ сборника „Училище благочестія“, а затѣмъ, въ заключеніе, прочель я еще разсказъ изъ „Отдыха христіанина“, послѣ чего всѣ встали и снова пропѣли „Вѣрую“ и „Достойно“. При прощаніи я поблагодарилъ поселянъ за вниманіе, оказанное мнѣ, и просилъ ихъ прибыть въ ближайшій воскресный день въ храмъ и тамъ за литургіей пропѣть со мною общимъ хоромъ эти общеизвѣстныя и разученныя пѣснопѣнія. Они, со слезами на глазахъ, благодарили, въ свою очередь, меня, за пріятно и полезно проведенное время и просили почаще къ нимъ ѣздить. Но этимъ дѣло не кончилось. Пока я благословлялъ и прощался съ паствою, мою

матушку окружило съ десятокъ женщинъ съ больными дѣтьми и просили „пособій“; въ силу чего и мнѣ пришлось еще позадержаться и побесѣдовать о семейныхъ нуждахъ и жизни пасомыхъ. Когда всѣмъ больнымъ была оказана необходимая помощь, и мы, попрощавшись еще разъ со всѣми, выѣхали за деревню, то солнце уже катилось къ закату. Подъ впечатлѣніемъ всего пережитого за этотъ день, у меня на душѣ было весело и легко, и въ такомъ радужномъ настроеніи я провелъ весь остальной день. А позднимъ вечеромъ я увидѣлъ въ дневникѣ жены за это число заполненною цѣлую страничку, подъ заглавіемъ: „Отрадныя минуты“.

Въ слѣдующій же воскресный день я встрѣтилъ въ своей квартирѣ цѣлую депутацію отъ прихожанъ другихъ дальнихъ селеній, съ просьбою пріѣхать и къ нимъ „попѣть“ и „почитать“. Такъ началось мое живое общеніе съ душами пасомыхъ. Дай, Господи, силъ на продленіе этого святого и великаго дѣла! („Вят. еп. вѣд.“).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 17-го января 1909 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО..

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ-
рублей.

№ 4

Подписка принимается въ редак-
ци журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года января 25-го дня.

Содержаніе: I. Памяти о. Іоанна Кронштадтскаго. Прот. М. Е.—II. Секта адвентистовъ. (Продолженіе). Н. Гумилевскаго.—III. Безсмертны ли мы? (Продолженіе). Перев. П. И. Селивановской.

Памяти отца Іоанна Кронштадтскаго.

Ты одинъ то же, что насъ де-
сятъ тысячъ (2 кн. Царствъ 18, 3).

Въ 7 часовъ 40 минутъ утра 20-го минувшаго декабря почилъ вѣчнымъ сномъ праведника вселюбимый россійскій пастырь, протоіерей Кронштадтскаго собора о. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ. Нѣтъ болѣе въ живыхъ между нами дорогаго ба-
тюшки о. Іоанна!.. Что можетъ сравниться съ этой утра-
той?—Какое другое горе народное можно унодобить пережи-
ваемому нынѣ нами тяжкому лишенію?—Кончина великихъ
людей— будь то полководцы, писатели, ученые и др.—по
большей части вызываетъ глубокое сожалѣніе у извѣстной
группы людей, имѣвшихъ духовное сродство съ почившимъ;

смерть же батюшки о. Іоанна захватила собою всё слои русскаго народа, начиная отъ царскихъ палатъ и кончая убогой хижиной простолюдина. Нѣтъ, кажется, такого захолустнаго уголка въ Россіи, гдѣ бы не знали про жизнь и дѣятельность о. Іоанна Кронштадтскаго. Вся Русь православная отъ мала до велика знаетъ и глубоко чтить батюшку о. Іоанна. Имя его далеко извѣстно и за предѣлами Руси—на западъ Европы и даже въ отдаленной Америкѣ...

Въ чемъ же кроется тайна такой громадной популярности и всеобщаго почитанія батюшки Кронштадтскаго, своею кончиною глубоко опечалившаго всѣхъ?—Гдѣ разгадка столь необычайнаго въ наше практическое время чрезвычайнаго народнаго движенія вокругъ личности пастыря Церкви?—Не ошибемся, если скажемъ, что тайна всеобщаго влеченія къ Кронштадтскому батюшкѣ таится *въ сильной и животворящей вѣрѣ въ Бога и не меньше великой любви къ ближнимъ* почившаго о. Іоанна. Для насъ пастырей, какъ и для мірянъ, о. Іоаннъ былъ живымъ воплощеніемъ *святости* на землѣ. Подобно древнимъ пророкамъ облагодатствованный пастырь возгрѣвалъ въ сердцахъ милліоновъ людей пламень божественной вѣры и любви. Всюду, гдѣ ни появлялся онъ, народныя толпы быстро окружали его и, по законамъ духовнаго сродства, воспламенялись огнемъ сердечной вѣры въ Бога и любви къ ближнимъ, ярко горѣвшимъ въ душѣ Кронштадтскаго пастыря. Батюшка о. Іоаннъ обладалъ великимъ даромъ пробуждать и оживлять вѣру въ людяхъ. Намъ лично не разъ приходилось наблюдать, какъ люди маловѣрующіе—а то и совсѣмъ невѣрующіе подъ вліяніемъ духовнаго воздѣйствія о. Іоанна совершенно перерождались—становились людьми вѣрующими и въ крайнемъ случаѣ ищущими Бога и Божіей правды на землѣ. Какъ великій духовный вождь, батюшка Кронштадтскій велъ по пути живой и дѣйственной вѣры въ Бога цѣлыя поколѣнія народныя въ теченіе свыше 50-ти лѣтняго своего пастырскаго служенія. По мѣткому выраженію одного свѣтскаго писателя, онъ ставъ „вождемъ

увѣрованія, воскресителемъ *вѣры*, онъ поднялъ волну религіозности въ русскомъ народѣ. Въ этомъ, по нашему глубокому убѣжденію, и заключается главнымъ образомъ великая миссія пастырскаго служенія батюшки о. Іоанна. Милосердому Господу угодно было явить Свою необычайную милость къ нашему отчеству и всему міру, избравъ Кронштадтскаго пастыря живымъ носителемъ и распространителемъ Христовой *вѣры* на землѣ. Дѣлая то же дѣло благовѣстія евангельскаго, что и всѣ мы, сопастыри его во Христѣ, онъ однако по силѣ естественныхъ и благодатныхъ дарованій своихъ стоитъ неизмѣримо выше насъ. О немъ необыкновенно можно сказать, что говорили нѣкогда подданные царя Давида: *ты одинъ то же, что насъ десять тысячъ* (2 Цар. 18, 3).

Наиболѣе яркимъ отображеніемъ глубокой и сильно дѣйствующей *вѣры* о. Іоанна была его *молитва*. Всѣ, кому приходилось хоть разъ въ жизни молиться съ о. Іоанномъ, особенно во время совершенія имъ Божественной литургіи, никогда не забудутъ этой молитвы. Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи Кронштадтскаго пастыря сквозила такая безграничная, чистая, ясная *вѣра*, какой не найти среди тысячъ молящихся. Эта *вѣра*, когда онъ молился, давала его молитвѣ совсѣмъ особый отпечатокъ: онъ не произносилъ обычно заученныхъ словъ и возгласовъ на распѣвъ съ *вѣками* установившейся пѣвучестью, а настойчиво и рѣзко требовалъ въ полной увѣренности, что требуемое дастся. Казалось, что онъ видитъ Того, къ Кому была обращена его молитва, и дерзновенно говорить съ Нимъ, настойчиво убѣждаетъ и неотступно требуетъ. Здѣсь забывалась рѣзкость движеній и отрывистость возгласовъ о. Іоанна; ясно было одно: молящійся стучится въ дверь, которую ему откроютъ... Самое лицо о. Іоанна преображалось во время молитвы: оно какъ бы изнутри освѣщалось особымъ неземнымъ свѣтомъ и вполне отображало собою силу и глубину его молитвенныхъ *воздыханій*.

Молитва о. Іоанна была, по слову апостола, *непрестанная*. Ежедневно съ первыхъ дней священства, воспринятаго имъ въ 1855 году, совершая Божественную литургію въ Кронштадтскомъ Андреевскомъ соборѣ и другихъ храмахъ на всемъ протяженіи нашего обширнаго отечества и даже за границей, о. Іоаннъ на самомъ дѣлѣ пребывалъ во всегдашнемъ молитвенномъ трудѣ. Не говоря уже о церковно-общественной молитвѣ, по отзыву лицъ, близко знавшихъ домашнюю жизнь Кронштадтскаго „батюшки“, онъ и по ночамъ подолгу молился и рано утромъ у себя, въ садикѣ при скромной квартирѣ гуляючи, тоже молился. Молитва въ соединеніи съ Христовыми тайнами, по собственному признанію о. Іоанна (см. его „дневникъ—моя жизнь во Христвѣ“) давала силу и направленіе всей его пастырской дѣятельности: она была источникомъ неизсякаемыхъ духовныхъ дарованій, какими въ изобиліи обладалъ великій молитвенникъ земли Русской.

Благодатные дары о. Іоанна всѣмъ намъ достаточно извѣстны: это даръ *прозорливости, врачеванія духовныхъ и тѣлесныхъ немощей, совѣта, наставленія, утѣшенія и особенно необычайной любви къ людямъ*. Вся Русь православная и даже иновѣрная тянулась къ о. Іоанну, какъ своего рода свѣтильнику со своими скорбями, сомнѣніями, недоумѣніями и разными житейскими невзгодами. Какъ нѣкогда препод. старецъ Серафимъ Саровскій, такъ въ наше время Кронштадтскій батюшка для всѣхъ находилъ слово ласки привѣта, слово утѣшенія и радованія... Никто отъ него не отходилъ тощъ, но каждый по силѣ своей вѣры получалъ по молитвамъ батюшки просимое. Всегда жизнерадостный и бодрый духомъ и тѣломъ, не взирая на разнообразныя, чисто подвижническіе труды, о. Іоаннъ однимъ своимъ свѣтлымъ взглядомъ успокоивалъ всѣхъ и cadaго, вносили миръ и тишину въ мятушіяся сердца людей. Слово его всегда простое и задушевное, растворенное солю небесной мудрости, производило неотразимое впечатлѣніе на всѣхъ его

посѣтителей. Сильнѣе словъ дѣйствовала на всѣхъ его жизнь, полная великихъ дѣлъ милости духовной и тѣлесной. Обладая благодатнымъ даромъ *исцѣляющей* молитвы, Кронштадтскій пастырѣ творилъ множество чудесъ, ставшихъ достояніемъ не только стоустой молвы, но и печати, вполне облѣдованныхъ и документально засвидѣтельствованныхъ. Безъ сомнѣнія, въ непродолжительномъ времени будутъ собраны всѣ факты этого чуднаго дара и станутъ достояніемъ исторіи,—теперь же мы замѣтимъ только, что за помощью цѣлебною къ о. Іоанну шли люди на краю послѣдняго страданія, когда уже оказывалось безсильнымъ всякое человѣческое могущество и знаніе,—шли не одни православные, но лютеране, католики, даже магометане и евреи. Какъ всемірный молитвенникъ и цѣлитель, о. Іоаннъ никому не отказывалъ въ помощи, а охотно шелъ на встрѣчу всемірной нуждѣ, всечеловѣческому страданію, въ какой бы формѣ оно ни выражалось. Никогда не забыть намъ того случая, когда о. Іоаннъ, въ бытность свою въ Кіевѣ (въ 1893-мъ году), посѣтилъ квартиру преосвященнаго ректора академіи, нынѣ умершаго еп. Сильвестра. Въ нѣсколько минутъ всѣ комнаты преосв. ректора были до тѣсноты заполнены и къмъ же?—русскими, евреями, католиками и другими иновѣрцами... Всѣ наперерывъ старались протиснуться впередъ—ближе къ о. Іоанну и, ни на кого не обращая вниманія, съ громкимъ воплемъ просили дорогого батюшку помолиться о тяжело больныхъ родныхъ и знакомыхъ... Тутъ не было различія, а все смѣшалось во едино: и эллинъ, и іудей, и рабъ, и свободный... У всѣхъ, казалось, свѣтились одна вѣра и надежда на полученіе просимаго...

Въ полной гармоніи съ духовною помощію страждущему человѣчеству шла у Кронштадтскаго пастыря и внѣшняя, тѣлесная помощь. Испытавъ въ дѣтствѣ и юности горе и бѣдность, Кронштадтскій батюшка при ознакомленіи съ приходомъ обратилъ особенное вниманіе на бѣдноту Кронштадта—такъ называемыхъ „посадскихъ, босяковъ“. Желая

прийти на помощь этимъ бездомнымъ бѣднякамъ, имѣвшимъ лѣтомъ работу въ коммерческихъ гаваняхъ, а зимою голодавшими, о. Іоаннъ задумалъ устроить домъ трудолюбія. Въ настоящее время подъ кровлей дома трудолюбія помѣщаются: церковь, народная школа на 200 дѣтей, пріютъ для старухъ и малолѣтнихъ, ночлежный пріютъ и мастерскія—пенькощипная, сапожная, дамскихъ нарядовъ и друг. Призванныя къ жизни стараніями и энергіей почившаго пастыря, эти благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія главнымъ образомъ имъ и поддерживались. Крупныя суммы, опредѣляемыя сотнями тысячъ рублей, шли на построеніе и содержаніе этихъ утвержденныхъ отъ щедродательнаго о. Іоанна. По образцу Кронштадтскаго дома трудолюбія стали основываться подобныя дома въ столицахъ и многихъ провинціальныхъ городахъ. Когда было образовано подъ покровительство Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, покойный о. Іоаннъ былъ избранъ почетнымъ членомъ попечительства и принималъ самое дѣятельное участіе въ жизни его. Въ теченіе своей многолѣтней дѣятельности онъ принималъ также живое участіе во множествѣ благотворительныхъ учреждений, основалъ нѣсколько монастырей¹⁾, отъ него и чрезъ него шли жертвы на тысячи церквей; религіозно-просвѣтительныя общества и братства. Въ одной Сибири сотни храмовъ и церковно-приходскихъ школъ сооружены благодаря щедрымъ лептамъ о. Іоанна. Любвеобильное сердце его отзывалось на все мольбы и просьбы о помощи какъ разныхъ обществъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ. Богу Одному вѣдомо, сколько разнаго рода обездоленныхъ, несчастныхъ людей, вдовъ и сиротъ спасено, призвано къ жизни щедротами всероссійскаго печальника. Что особенно важно въ дѣлѣ благотворенія—по-

¹⁾ Таковы монастыри: Іоанновскій въ С.-Петербургѣ, Сурскій на родинѣ о. Іоанна, Воронцовскій въ Псковской губ. и Ваудовскій скитъ около Рыбинска.

чившій соблюдалъ рѣдкую скромность и смиреніе: въ немъ истинно, по слову Евангелія, *лѣвая рука не знала, что дѣлала правая* (Мѡ. 6, 3). Получаемыя имъ со всѣхъ концовъ Россіи и изъ-за границы сотни тысячъ рублей онъ безъ остатка раздавалъ сирымъ и убогимъ, оставаясь въ сущности такимъ же бѣднякомъ, какъ тѣ, кому давалъ чужое достояніе. Въ одно изъ посѣщеній г. Кіева о. Іоанномъ его сопровождалъ всюду извѣстный кіевскій профессоръ—психіатръ И. А. Сикорскій. Въ своей брошюркѣ, посвященной пребыванію въ Кіевѣ о. Іоанна, почтенный профессоръ благоговѣть предъ великою силою любви къ людямъ почившаго пастыря. Этою силою профессоръ объясняетъ и громадную популярность Кронштадтскаго „батюшки“. Не отрицая послѣдняго, мы все же должны сказать, что первоисточникомъ необычайной въ наше время дѣятельной любви и милосердія къ ближнимъ со стороны высокочтимаго пастыря является его глубокая, живая и дѣйственная вѣра и ея проявленіе—молитва. О немъ необинуясь можно сказать словами св. ап. и евангелиста Іоанна Богослова: *знаю твои дѣла и любовь, и служеніе, и вѣру, и терпѣніе твое, и то, что послѣдніе дѣла твои больше первыхъ* (Апок. 2, 19).

Подвизаясь непрестанно въ дѣлахъ вѣры и любви, Кронштадтскій пастырь не оставлялъ безъ словеснаго назиданія ввѣренное его попеченію стадо Христово. Съ первыхъ дней своего священства онъ, по собственному его признанію, проносилъ въ Церкви слова и бесѣды или собственного сочиненія, или проповѣди митр. Григорія *въ каждый воскресный и праздничный день*¹⁾. Проповѣди о. Іоанна составляютъ нынѣ три обширныхъ тома его „Словъ, рѣчей и поученій“. Въ цѣляхъ самоиспытанія и самоисправленія о. Іоанномъ также съ первыхъ дней священства предпринять великій и спасительный трудъ какъ для него, такъ и для всѣхъ

¹⁾ См. автобіографію о. Іоанна въ журналѣ „Сѣверъ“ за 1888 г.

читателей—особенно пастырей Церкви—писаніе дневниковъ. Въ нихъ о. Іоаннъ даетъ ежедневную исповѣдь своей духовной настроенности, своего внутренняго дѣланія. Въ нихъ излагаются сокровеннѣйшія мысли и чувствованія Кронштадтскаго пастыря о Богѣ, въ Троицѣ почитаемаго, о св. Церкви, о таинствахъ, особенно о величайшемъ таинствѣ Тѣла и Крови Христовыхъ, о Голгофской жертвѣ и другихъ предметахъ христіанскаго умозрѣнія. Въ настоящее время эти дневники о. Іоанна составляютъ три обширныхъ тома его знаменитаго сочиненія „Моя жизнь во Христѣ“, переведеннаго на англійскій другіе европейскіе языки. Читая и много разъ перечитывая чудныя строки этой въ своемъ родѣ единственной книги, не знаешь, чему болѣе удивляться въ ней—глубинѣ ли чувства автора, или высотѣ богословствующей мысли его, доходящей мѣстами до прозорливости духовной и ясновидѣнія.

По своей назидательности творенія о. Іоанна, какъ и сама жизнь его, имѣетъ громадное значеніе для людей всѣхъ званій и состояній, но особенно они цѣнны для пастырей Церкви. О. Іоаннъ былъ наиболѣе полнымъ воплощеніемъ идеала добраго пастыря, полагавшаго душу свою за овецъ вѣрннаго его попеченію стада Христова. Стоя на недосыгаемой для рядовыхъ пастырей высотѣ по своей вѣрѣ и жизни, онъ, какъ вождь духовный, мужественно велъ своихъ братьевъ во Христѣ на великое дѣло служенія міру. Мощный ратоборецъ за правду Христову, Кронштадтскій пастырь устно и путемъ печати возвышалъ свой голосъ въ защиту евангельской истины: въ сильныхъ и нерѣдко рѣзкихъ выраженіяхъ бичевалъ современные ему недуги общества и призывалъ всѣхъ къ покаянію и исправленію жизни. Олицетвореніе кротости и доброты, онъ становился неузнаваемъ во время обличеній опасныхъ недуговъ общества—невѣрія, пьянства, страсти къ зрѣлищамъ, нарядамъ и т. п. Онъ не щадилъ самолюбія и сильныхъ міра сего и, подобно Серафиму съ пламеннымъ мечемъ, мѣткимъ ударомъ своего огнен-

наго слова поражаль сердца людей горделивыхъ и жестокихъ. Какъ древніе пророки, онъ будиль дремлющую совѣсть людей и направлялъ взоры современниковъ отъ земли къ нему...

Но да умолкнетъ наше слабое слово предъ свѣжею еще могилою избранника небесъ... Невыразимо больно всѣмъ и особенно намъ, сопастырямъ почившаго, чувствовать и сознавать, что уже нѣтъ болѣе въ живыхъ между нами дорогого о. Іоанна, нѣтъ болѣе того, кто насъ ободрялъ, увѣщаль, объединялъ на подвигъ пастырства въ теченіе 50-ти лѣтъ. Какъ члены осиротѣлой семьи, лишившіеся своего отца духовнаго и пѣстуна во Христѣ, мы, сопастыри его, тѣснѣе сплотимся въ одну рать и тутъ же—у свѣжей могилы незабвеннаго о. Іоанна дадимъ себѣ обѣтъ свято чтить свѣтлый образъ почившаго, по силамъ нашимъ подражать ему *въ словѣ и особенно въ житіи*. Въ память его постоянныхъ молитвенныхъ трудовъ постараемся возможно чаще совершать Божественную литургію и причащаться св. Христовыхъ таинъ, чему почившій придавалъ особенное значеніе и чѣмъ главнымъ образомъ объяснялъ успѣхъ своей пастырской дѣятельности. Будемъ, подобно ему, неустанно трудиться въ дѣлѣ проповѣдыванія Слова Божія и во свидѣтельство истины, проповѣдуемой нами, являть возможно болѣе дѣлъ милости. Устроенныя почившимъ въ Кронштадтѣ и др. мѣстахъ благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія пусть будутъ и для насъ постояннымъ напоминаніемъ и побужденіемъ заводить таковыя же учрежденія примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и въ нашихъ приходахъ. Всѣмъ этимъ мы выразимъ нашу глубокую любовь и искреннее почитаніе почившаго нашего собрата во Христѣ, незабвеннаго протоіерея о. Іоанна.

Вмѣстѣ со всею православною Русью будемъ твердо вѣровать, что Милосердый Господь уготоваль на небесахъ вѣнецъ праведности приснопамятному о. Іоанну въ воздаяніе блаженной его жизни, и что онъ въ сонмѣ небожителей бу-

детъ предстательствовать предъ престоломъ Всевышняго за близкихъ его сердцу—Церковь Православную, святую Русь и Царя—Божія Помазанника.

Возлюбленные сопастыри почившиго и всѣ духовныя чада его! Во всѣ дни нашей жизни будемъ непрестанно молить Господа, да исполнитъ Онъ Всеблагій желаніе сердца народнаго о причисленіи къ лику праведныхъ почившаго о. Іоанна и нынѣ особенно воспесемъ горячую и слезную молитву къ Господу силъ, да упокоитъ его душу въ селеніяхъ праведныхъ, *въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная.*

Прот. М. Е.

Секта адвентистовъ.

(Продолженіе ¹⁾).

II.

По ученію адвентистовъ, „душа имѣеть качества, какъ разъ противоположныя безсмертію или нематеріальности“ ²⁾. Такое ученіе они выводятъ изъ тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, гдѣ душа, повидимому, отождествляется съ кровью, сѣдалищемъ жизни (Быт. 9, 4—5; Лев. 17, 14; Втор. 12, 23), гдѣ ей приписываются тѣлесныя свойства. („Не спускають вору, если онъ крадетъ, чтобы насытить душу свою“.—Прит. 6, 30. „Сытая душа попираетъ и соть, а голодной душѣ все горькое сладко“.—Прит. 27, 7. „Душа ваша да насладится тукомъ“.—Ис. 55, 2 и т. п.). Такимъ образомъ, по мнѣнію адвентистовъ, Слово Божіе свидѣтельствуеть, что душа не есть отдѣльное отъ тѣла существо, а только жизненное начало, которое даетъ жизнь тѣлу и не можетъ су-

¹⁾ См. № 3-й за 1909 г.

²⁾ „Библ. указатель...“, 20 стр.

ществовать безъ послѣдняго. Особенно адвентисты настаиваютъ на томъ, что душа нигдѣ въ Св. Писаніи не представляется обладающей безсмертіемъ. Они высчитываютъ, что еврейскія и греческія слова, переводимыя словами *душа* и *духъ*, употребляются въ Библии 1709 разъ, а между тѣмъ ни разу не встрѣчается выраженіе: „безсмертная *душа*“ или „безсмертный *духъ*“. Напротивъ, о душѣ говорится, что она умираетъ: „умири, душа моя, съ филистимлянами“ (Суд. 16, 30); „Ты избавилъ душу мою отъ смерти“ (Пс. 55, 14); что можно „убить душу“ (Втор. 27, 25); что „душа та“ (нарушившая законъ о пасхѣ) „истреблена будетъ отъ среды Израиля“ (Исх. 12, 15); что душа попадаетъ въ могилу: „если бы не Господь былъ мнѣ помощникомъ, вскорѣ, вселилась бы душа моя въ страну молчанія“ (Пс. 93, 17), и т. п. Поэтому и смерть адвентисты представляютъ, какъ разрушеніе не только тѣла, но и души. Послѣ смерти, говорятъ они, весь человѣкъ называется мертвымъ (1 Тес. 4, 16), не о тѣлѣ только, но о всемъ человѣкѣ говорится, что онъ онъ умеръ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Моисей... умеръ“ (Ис. II, 1, 2), а не тѣло Моисея умерло, „Авраамъ умеръ и пророки умерли“ (Іоанн. 8, 53) и т. п.; но умереть значить перестать жить, уничтожиться. Христосъ говоритъ, что „всѣ, находящіеся во гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія“ (Іоанн. 5, 28); но тѣло безъ души не можетъ слышать; слѣдовательно, во гробѣ находится весь человѣкъ.

Что со смертью человѣка прекращается существованіе и его души, это адвентисты хотятъ подтвердить тѣми мѣстами Св. Писанія, гдѣ у мертвыхъ отрицается сознаніе и даже способность мыслить и желать. Такъ псалмопѣвецъ говоритъ: „въ смерти нѣтъ памятованія о Тебѣ (о Господѣ): во гробѣ кто будетъ славить Тебя“ (Пс. 6, 6), и въ другомъ мѣстѣ: „выходитъ духъ его (человѣка), и онъ возвращается въ землю свою: въ тотъ день исчезаютъ всѣ помысленія его“ (Пс. 145, 4). Еще опредѣленнѣе эту мысль высказываетъ Екклесіастъ: „живые знаютъ, что умрутъ, а

мертвые ничего не знают, и уже нѣтъ имъ воздаянія, потому что и память о нихъ предана забвенію, и любовь ихъ, и ненависть ихъ, и ревность ихъ уже исчезли, и нѣтъ имъ болѣе части во вѣки ни въ чемъ, что дѣлается подъ солнцемъ... все, что можетъ рука твоя дѣлать, по силамъ дѣлай, потому что въ могилѣ, куда ты пойдешь, нѣтъ ни работы, ни размышленія, ни знанія, ни мудрости“ (Екл. 9, 5, 6, 10). Если же праведники послѣ своего воскресенія будутъ безсмертны, то не по свойствамъ своей природы, а только силой воскресенія Христова.

Хотя понятіе о безсмертіи души тѣсно связано съ понятіемъ объ ея самостоятельности, отдѣльности отъ тѣла, но для большей ясности удобнѣе разсмотрѣть ученіе Св. Писанія о томъ и другомъ отдѣльно.

Сами адвентисты признають¹⁾, что еврейскія слова, переводимыя словами душа и духъ, употребляются въ различныхъ смыслахъ: они означаютъ и душу, и всего человѣка, и дыханіе, и куреніе и т. д. Если же принять во вниманіе, что еврейскій языкъ, какъ и всѣ вообще восточные языки, чрезвычайно склоненъ къ образности (напр., Богу, члстѣйшему Духу, приписываются тѣлесные органы—Ис. 33, 16 и др.), то станетъ вполне понятно, что указанныя мѣста, гдѣ душѣ приписываются тѣлесныя свойства, а также и тѣ, гдѣ говорится о смертности души, мы въ правѣ понимать не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ, и даже обязаны такъ понимать, потому что другія мѣста Св. Писанія прямо говорятъ о самостоятельности (субстанціональности) души. Уже въ самомъ рассказѣ книги Бытія о твореніи человѣка высказывается мысль, какъ о превосходствѣ души человѣка сравнительно съ душами животныхъ, такъ и объ отдѣльности ея отъ тѣла. Тогда какъ души животныхъ вмѣстѣ съ тѣлами ихъ производятся изъ воды и земли всемогущимъ словомъ Божиимъ (Быт. 1, 20, 24) и изъ земли же

¹⁾ „Библейск. указатель..“, 19—26 стр.

создается тѣло человѣка, для созданія души его употребляется особый творческой актъ: „и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни“ (Быт. 2, 7). Душа отличается отъ тѣла въ словахъ Господа діаволу относительно Іова: „вотъ онъ“ (т. е. тѣло его) „въ рукѣ твоей, только душу его сбереги“ (Іов. 2, 6). Еще яснѣе эта мысль выражается въ словахъ царя Езекии, сказанныхъ имъ въ виду ожиданія смерти: „жилище мое снимается съ мѣста и уносится отъ меня, какъ шалашъ пастушескій; я долженъ отрѣзать подобно ткачу жизнь мою; Онъ отрѣжетъ меня отъ основы“ (Ис. 38, 12). Здѣсь тѣло противопоставляется душѣ, какъ шалашъ—его обитателю и основа—ткачу. Можно указать еще мѣсто Еккл. 6, 7: „всѣ труды человѣка для рта его, а душа его не насыщается“.

Со всею ясностью мысль о самостоятельности души высказывается въ Новомъ Завѣтѣ. Говоря Своимъ ученикамъ: „не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить“ (Мѡ. 10, 28), Спаситель съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ, что душа можетъ существовать и независимо отъ тѣла послѣ его смерти. Вѣру первенствующихъ христіанъ въ то, что душа дѣйствительно не уничтожается вмѣстѣ съ тѣломъ, выразилъ св. первомученикъ Стефанъ, когда передъ смертью воскликнулъ: „Господи Іисусе Христе, пріими духъ мой“ (Дѣян. 7, 59).

Такимъ образомъ, понятіе о самостоятельности души приводитъ насъ къ мысли объ ея безсмертіи. Въ самомъ дѣлѣ, если душа есть не жизнь только тѣла, а самостоятельная, отдѣльная отъ него сущность, то разрушеніе тѣла не ведетъ къ уничтоженію души. И дѣйствительно, хотя Св. Писаніе ни разу не называетъ душу безсмертной, однако мысль объ ея безсмертіи высказываетъ вполне непререкаемо. Уже въ Вѣтхомъ Завѣтѣ Екклесіастъ, который говоритъ, что „въ могилѣ нѣтъ ни размышленія, ни знанія, ни мудрости“ (Екл. 9, 10), а раньше даже высказываетъ сомнѣніе въ томъ, есть ли разница въ судьбѣ человѣка и животныхъ (3, 20--21), немного далѣе ясно свидѣтельствуетъ: „и возвратится

прахъ въ землю, чѣмъ онъ и былъ, а духъ возвратится къ Богу, Который далъ его“ (12, 7); слѣдовательно, участь духа совершенно отлична отъ судьбы тѣла. Выраженія же, описывающія полную безчувственность душъ послѣ смерти, объясняются тѣмъ, что Соломонъ въ своей книгѣ изображаетъ судьбу человѣка съ точки зрѣнія земной жизни. Основная мысль, которую онъ повторяетъ въ началѣ и въ концѣ своей книги, это—„суета суетъ—все суета“ (1, 2; 12, 8) въ жизни, а состояніе умершихъ представляется еще болѣе безотраднымъ, такъ какъ имъ недоступно даже то, что даетъ интересъ жизни человѣка на землѣ: „и нѣтъ имъ болѣе части во вѣки ни въ чемъ, что дѣлается подъ солнцемъ“ (9, 6). Вообще выраженія В. Завѣта о безсознательности душъ умершихъ нужно понимать въ относительномъ смыслѣ: ветхо-завѣтнымъ людямъ еще не было вполне открыто ученіе о загробной жизни, какъ и многія другія религіозныя истины, такъ какъ въ полнотѣ и совершенствѣ откровеніе принесъ на землю Сынъ Божій, и потому неудивительно, что они представляли загробное существованіе душъ безотраднымъ и бездѣятельнымъ. Но эта бездѣятельность вовсе не есть смерть и даже—не потеря способности сознавать и рассуждать. Что и ветхо-завѣтные люди не отрицали у умершихъ этой способности, это видно изъ книги пр. Исаи, 14, 9—10, гдѣ изображается низверженіе въ адъ Навуходносора: „адъ преисподній пришелъ въ движеніе ради тебя, чтобы встрѣтить тебя при входѣ твоёмъ; пробудилъ для тебя Рефаимовъ, всѣхъ вождей земли, поднялъ всѣхъ царей языческихъ съ престоловъ ихъ; всѣ они будутъ говорить тебѣ: и ты сдѣлался безсильнымъ, какъ мы! и ты сталъ подобенъ намъ!“

Адвентисты говорятъ, что евреи самое мѣсто пребыванія душъ умершихъ „шеоль“ отождествляли съ могилой тѣла. Но несправедливость такого утвержденія ясно видна, напр., изъ извѣстныхъ словъ патріарха Іакова: „съ печалью сойду къ сыну моему въ преисподнюю“ (Быт. 37, 35), гдѣ Іаковъ не могъ разумѣть погребенія въ одной могилѣ съ сыномъ,—

такъ какъ былъ увѣренъ, что Іосифъ растерзанъ хищнымъ звѣремъ,—а высказывалъ надежду, очевидно, на соединеніе съ душою сына въ загробной жизни.

Въ Новомъ Завѣтѣ истина безсмертія души выступаетъ со всей ясностью. Вопреки утверженію адвентистовъ, что слова „Авраамъ умеръ“ означаютъ полное уничтоженіе Авраама, Іисусъ Христосъ прямо говоритъ, что для Бога Авраамъ живъ (Мѡ. 22, 32), а въ притчѣ о богачѣ и Лазарѣ приписываетъ Аврааму знаніе о томъ, что происходило на землѣ послѣ его смерти,—о Моисеѣ и пророкахъ (Лук. 16, 29). Адвентисты говорятъ, что „Моисей умеръ“, т. е. совершенно пересталъ существовать, а евангелисты повѣствуютъ, что онъ явился на Оаворѣ при преображеніи Господа и бесѣдоваль съ Нимъ объ Его страданіяхъ (Лук. 9, 30—31). Апостоль Павелъ ясно высказываетъ надежду, что „душа его будетъ жить послѣ разлученія отъ тѣла, т. е. послѣ тѣлесной смерти: „для меня жизнь—Христосъ и смерть—пріобрѣтеніе. Если же жизнь во плоти доставляетъ плодъ моему дѣлу, то не знаю, что избрать. Влечетъ меня то и другое; имѣю желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнѣе для васъ“ (Филипп. 1, 21, 24). Сопоставленіе пребыванія со Христомъ съ земной дѣятельностью на пользу вѣрующихъ съ несомнѣнностью показываетъ, что апостоль надѣется на соединеніе со Христомъ прямо послѣ смерти: если бы это соединеніе относилось только ко времени всеобщаго воскресенія мертвыхъ при кончинѣ міра, то смерть не могла бы быть для апостола пріобрѣтеніемъ—несравненно лучше“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же апостоль говоритъ, что христіане приступили „къ торжествующему собору и церкви первенцевъ, написанныхъ на небесахъ.., и къ духамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства“ (Евр. 12, 22). А апостоль Іоаннъ видѣлъ „души убіенныхъ за слово Божіе и за свидѣтельство, которое они имѣли. И возопили они громкимъ голосомъ, говоря: доколѣ Владыко Святыи и Истинный, не судишь ѿ не мстишь

живущимъ на землѣ за кровь нашу?“ (Апок. 6, 9—10). Слѣ-
довательно, души мучениковъ жили, чувствовали и знали о
происходящемъ на землѣ ¹⁾. *Н. Гумилевскій.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ О томъ, что и души грѣшниковъ живутъ послѣ смерти, яснѣе
всего свидѣтельствуетъ 1 Петр. 3, 18—20 и 4, 6 о сошествіи Христа
въ адъ.

²⁾ См. № 3-й за 1909-й г.

Безсмертны ли мы?

(Продолженіе²).

Безсмертію души человѣка не противорѣчитъ ли фактъ многочисленности убійствъ? Д-ръ Л. Бюхнеръ полагаетъ, что большинство самоубійць налагаютъ на себя руки,¹ будучи убѣждены, что такимъ образомъ они окончательно прекратятъ невыносимое земное существованіе. Если бы люди вѣрили въ бытіе потусторонняго міра, то случаи самоубійства были бы рѣдки. Въ противоположность этому мнѣнію надо помнить, что многіе изъ самоубійць, какъ показываетъ наблюденіе, страдаютъ какими-либо болѣзнями или маніей преслѣдованія, или же обладаютъ просто болѣзненнымъ самолюбіемъ; нѣкоторые изъ нихъ погружены въ меланхолію. Многіе изъ самоубійць глубоко убѣждены въ томъ, что они не обратятся въ ничто; ихъ побуждаетъ къ самоубійству скорѣе всего желаніе освободиться отъ земныхъ бѣдствій и переселиться въ лучшей міръ. Записки самоубійць очень часто содержатъ въ себѣ выраженіе надежды на Бога, на Его милосердіе, несмотря на совершенный ими грѣхъ; эти измученные люди являются свидѣтелями несокрушимости человѣческой вѣры въ безсмертіе. Учащаетъ самоубійство то обстоятельство, что нѣкоторые философы не только оправдываютъ,

¹) О томъ, что и души грѣшниковъ живутъ послѣ смерти, яснѣе всего свидѣтельствуется 1 Петр. 3, 18—20 и 4, 6 о сошествіи Христа въ адъ.

²) См. № 3-й за 1909-й г.

но прямо рекомендуютъ такой способъ покончить жизнь, а въ газетахъ часто встрѣчается восхваленіе самоубійць, такъ благородно расстающихся съ жизнью. Самоубійство практиковалось бы, вѣроятно, еще чаще, если бы многихъ не удерживаль страхъ передъ страшнымъ судомъ. Среди мужчинъ самоубійцы встрѣчаются чаще, чѣмъ среди женщинъ, у которыхъ глубже коренится въ сердцахъ благочестивая вѣра. Короче говоря, именно здѣсь встрѣчаемся мы съ сознаниемъ безсмертія души, которое принадлежитъ всѣмъ людямъ.

Тотъ фактъ, о которомъ мы только что впервые упомянули, а именно, что надежда на безсмертіе составляетъ общее достояніе всего человѣчества, этотъ фактъ заслуживаетъ величайшаго вниманія. Куда бы мы ни обратились, вездѣ мы находимъ то болѣе ясныя, то едва замѣтные слѣды этой надежды.

Въ настоящее время въ исторіи религіи различаютъ рядъ народныхъ группъ. Въ туранской группѣ, къ которой принадлежатъ китайцы, японцы и финны, у китайцевъ мы находимъ безспорно ясную вѣру въ безсмертіе. Лао-тзе, жившій около 600-го года до Р. Хр. и собравшій въ одной рукописи всѣ древне-китайскія вѣрованія, говоритъ о вліяніи душъ умершихъ людей, къ которымъ должно съ уваженіемъ относиться мудрое правительство. Мудрецъ не боится смерти; онъ знаетъ, что вернется къ первоисточнику. Позже, около 500-го года до Р. Х., Конгъ-тсе выражался о загробной жизни съ сомнѣніемъ; но послѣ распространенія въ Китаѣ буддизма, ученіе о загробномъ воздаяніи окончательно укоренилось въ народномъ сознаніи. Участь души человѣческой послѣ смерти зависитъ отъ ея предшествующей жизни и поступковъ. Злыхъ ожидаетъ адъ, а благочестивые блаженствуютъ въ раю. Въ буддійскихъ храмахъ находятъ картины рая и ада, нарисованныя яркими красками.

Въ наше время указываютъ на японцевъ, будто бы совершенно не имѣющихъ вѣры въ загробную жизнь. Это мнѣ-

ніе совсѣмъ не вѣрно. Японцы вѣрятъ, что человѣкъ, отличавшійся при жизни храбростью или ученостью, занимаетъ въ мірѣ духовъ соотвѣтствующую его заслугамъ высшую степень.

Хамитическая группа имѣетъ своими представителями египтянъ. При воспоминаніи объ этомъ народѣ въ душѣ встаетъ представленіе о культѣ умершихъ. Уже греческіе и римскіе писатели обращали вниманіе на то, какую заботливость издревле проявляли египтяне по отношенію къ своимъ покойникамъ. Они вѣрили, что тѣло умершаго должно быть сохранено для души; поэтому покойниковъ бальзамировали, мумію клали въ ящикъ (нашъ гробъ), на крышкѣ котораго помѣщался портретъ умершаго. Муміи царей хранились внутри пирамидъ. Мертвыхъ снабжали пищей и питьемъ. На гробницахъ дѣлались надписи, призывающія милость боговъ на покойниковъ. Извѣстно также, что съ этой надеждой на безсмертіе были связаны нравственныя понятія. Послѣ смерти ожидали воздаянія и вѣрили въ посмертный судъ, который должны были творить 42 судьи надъ покойникомъ. Послѣ смерти происходитъ взвѣшиваніе души. Умершій клянется, что онъ неповиненъ въ 42 смертныхъ грѣхахъ. Если сердце умершаго не оказывается черезчуръ легкимъ при взвѣшиваніи, то онъ обновляется и молодѣетъ. На него возливаютъ воду жизни, и онъ странствуетъ по направленію къ небу, пока не достигнетъ блаженнаго мѣстопробыванія бога солнца Ра, гдѣ пируютъ и пьютъ, прогуливаются въ тѣнистыхъ аллеяхъ и купаются въ прохладной водѣ. Наконецъ, на высшей ступени душа обращается въ разумъ и созерцаетъ Бога лицомъ къ лицу. Если же сердце окажется черезчуръ легкимъ, то душа умершаго направляется въ противоположную сторону, гдѣ ее подвергаютъ мученіямъ.

Къ семитической группѣ народовъ принадлежатъ вавилоняне, семиты и исламъ. И здѣсь также господствуетъ ясно выраженная вѣра въ безсмертіе. Вавилоняне и ассирійцы погребали своихъ покойниковъ со всевозможными почестями.

Если тѣло не было погребено, то душа, по повѣрію, спокойно бродила вокругъ. Въ нѣдрахъ земли расположена преисподняя, мѣстопробываніе усопшихъ, жизнь безъ возврата, мѣсто, имѣющее крѣпкіе двери и засовы, съ многочисленными входами, но безъ выхода, царство тьмы, куда достигаешь, лишенный всѣхъ одеждъ и украшеній. Въ преисподней обитаютъ призраки и тѣни съ глазами, ушами и членами, пораженными различными болѣзнями. Кромѣ того, ассирійцы вѣрили, что существуетъ обитель праведныхъ, рай, расположенный на далекомъ востокѣ, при устьѣ рѣкъ. Жители земли попадаютъ туда очень рѣдко.

Подобныя вѣрованія сходны съ вѣрованіями евреевъ, изложенными въ Ветхомъ Заветѣ. Тамъ нѣтъ еще опредѣленной надежды на небесное совершенствованіе, а только лишь ожиданіе спокойной, но зато безрадостной призрачной жизни въ преисподней, тьма, которая только изрѣдка прорѣзывалась пророческимъ словомъ. Послѣдователи Магомета изукрасили страшный судъ своей богатой фантазіей. Муки адскаго огня, ожидающія противниковъ ихъ ученія, играютъ большую роль въ проповѣдяхъ, въ то время какъ вѣрующіе приготовляются къ радостямъ райской жизни; разнообразныя тѣлесныя наслажденія, пышныя одежды, роскошныя сады, потоки изъ молока, меда и вина, прелестныя дѣвы—все это ожидаетъ мусульманина, вѣрнаго своей религіи.

Болѣе чистыя представленія о загробной жизни мы находимъ у индо-германской племенной вѣтви, у индійцевъ, грековъ, римлянъ и германцевъ.

По браманизму, строго говоря, отдѣльной душѣ не представлена жизнь за гробомъ. Жизненный потокъ несется черезъ все живущее. Онъ тотъ же въ растеніяхъ, какъ и въ животныхъ, людяхъ и богахъ. Короче—существуетъ только одна душа. Когда человѣкъ умираетъ, его душа, освободившись отъ своей земной оболочки, не обладаетъ реальнымъ существованіемъ; она находится какъ бы на границѣ между бытіемъ и небытіемъ. Но въ то же время покойникамъ при-

носятся жертвы; изъ этого ясно видно, что народъ твердо держится вѣры въ загробную жизнь. Послѣ смерти ожидается возмездіе, и грѣшная душа, разставшись съ тѣломъ, должна вселяться въ низшую касту и даже иногда принимать образъ животнаго; вслѣдствіе этого индійцы стараются уберечься отъ грѣха и ведутъ жизнь, полную самоотреченія; сдѣлавшись же равнодушными ко всѣмъ земнымъ предметамъ, они достигаютъ высшаго блаженства и покоя въ единомъ Брамѣ.

Теперь рассмотрим вѣрованія грековъ. Пиндаръ (около 500 г. до Р. Х.) прекрасно выражаетъ ихъ слѣдующими стихами: „Тѣла всѣхъ людей подлежатъ всемогущей смерти. Но освободившаяся душа жива и свободна; только она одна божественна“. Однако же представленіе о состояніи умершихъ въ преисподней крайне мрачно. Усопшіе живутъ въ царствѣ тѣней и тщетно тоскуютъ по свѣтѣ и радости земной жизни. У тѣхъ же грековъ мы находимъ и болѣе чистыя понятія о загробной жизни. Платонъ вложилъ въ уста умирающаго Сократа классическія слова: „Нѣтъ“, говорилъ Сократъ, „душа моя не погибнетъ; она предназначена для мѣста блаженнаго, для бога добраго; по его желанію душа немедленно покидаетъ тѣло, не увлекая съ собою ничего брэннаго, а наоборотъ спасаясь отъ него, — тогда-то она соединяется съ ей подобнымъ, невидимымъ, божественнымъ, безсмертнымъ и разумнымъ, и на долю ея выпадаетъ высшее блаженство“.

Таковы же были и вѣрованія римлянъ. Они въ древности также погребали своихъ покойниковъ и только впослѣдствіи стали ихъ сжигать. До позднѣйшаго времени сохранилось пожеланіе: „Да будетъ для тебя земля легка“. Тогда вѣрили, что могила—это вѣчное жилище мертвыхъ; покойникамъ приносили на могилу часть пиршественныхъ яствъ. Похоронамъ придавали большое значеніе и полагали, что умершіе превращаются въ молчаливыя тѣни и соединяются всѣ въ преисподней подъ властью бога мертвецовъ. Мертвыхъ считали чистыми и безгрѣшными, но въ то же время мы на-

ходимъ упоминаніе о жертвахъ умилостивленія, приносимыхъ для очищенія умершихъ. Затѣмъ въ Римѣ понемногу стала распространяться свободная философія, по ученію которой смерть была концомъ всего. Но болѣе глубокіе умы обратили вниманіе на неутолимую жажду человѣчества, жажду безконечной жизни. Римскій преторъ Цицеронъ (106—43 г. до Р. Х.) пишетъ: „Кто повѣритъ тому, что разумная душа, покинувъ тѣло, лишается и свойственной ей дѣятельности? Ско-рѣе можно предположить, что она именно тогда и достигаетъ высшей степени совершенства и становится въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ равной Богу, когда она освобождается отъ бремени своего тѣла“.

Мы дошли до германцевъ, послѣдней группы этой индо-германской племенной вѣтви. Кому неизвѣстно, какъ они выражались о смерти воина на полѣ битвы? Валькиріи, по желанію Одина, избираютъ воиновъ, долженствующихъ пасть во время сраженія. Въ бѣлыхъ одеждахъ и сверкающихъ золотомъ латахъ провожаютъ онѣ героевъ въ Вальгалу, гдѣ ихъ ожидаетъ пиръ за стѣломъ Одина.

Славяне вѣрили въ безсмертіе, какъ нѣчто безспорное и естественное. Они полагали, что потусторонняя жизнь похожа на земную. Жилище солнца находится на востокѣ. Душа шла пѣшкомъ по млечному пути, пока не достигала цѣли. Злые люди продолжаютъ и послѣ смерти свои безчинства въ образѣ волка или другомъ подобномъ.

Теперь мы переселимся въ мрачную часть свѣта, къ африканскимъ народамъ. Ихъ внутреннее состояніе характеризуется выраженіемъ—„языческій ужасъ“. Они живутъ въ постоянномъ страхѣ, такъ какъ боятся злыхъ духовъ. Вѣра въ духовъ—вотъ особенность религіи негритянскихъ народовъ. Эти духи частью состоятъ изъ умершихъ людей, частью же это существа, населяющія моря и рѣки, озера и потоки. Души умершихъ относятся къ живымъ или покровительственно, или враждебно. Существуетъ повѣріе, что иногда духи-покровители вселяются въ тѣла новорожденныхъ младенцевъ изъ той

же семьи. Поэтому покойниковъ погребаютъ или въ самой хижинѣ или около нея. Негры вѣрятъ, что души мертвыхъ имѣютъ возможность снова воплощаться; такъ, въ Южной Африкѣ считаютъ нѣкоторыхъ животныхъ воплощеніемъ душъ предковъ, и отдѣльные роды поклоняются иногда животнымъ, какъ своимъ прародителямъ. Такихъ животныхъ иногда убиваютъ, но мяса ихъ никто ѣсть не станетъ. Души людей, о погребеніи которыхъ никто не позаботился, сдѣлаются опасными: это духи враждебные. Для избавленія себя отъ опасности, при похоронахъ покойниковъ, къ нимъ въ могилу кладутъ все, что можетъ быть для нихъ пріятно: пищу и питье, а также невольниковъ и женъ, часть которыхъ идетъ на смерть добровольно, другая же часть приносится въ жертву насильно. Столица предводителя ашантиевъ Кумаза получила названіе „вѣчно-окровавленной“. Самое большое кровопролитіе совершалось въ день празднованія памяти умершихъ на кладбищѣ королей ашантиевъ. Тамъ царь-правитель омывалъ человѣческой кровью кости своихъ предковъ. Жераръ-де-Риаль рассказываетъ, что послѣ смерти Дагомейскаго короля были избиты сначала солдаты, долженствующіе составлять гвардію короля въ его будущей жизни, затѣмъ принесли въ жертву 8 танцовщицъ и 50 носильщиковъ. 18 мѣсяцевъ спустя рѣзня возобновилась, при чемъ жертвы обязаны были догнать покойнаго короля, чтобы ему доказать, какъ его почитали подданные. Важныя событія докладывались королю черезъ посланниковъ, которые для этой цѣли претерпѣвали смерть. Съ содроганіемъ отворачиваемся мы отъ такихъ вѣрованій и возвращаемся къ американской народной группѣ.

Распространенное мнѣніе, что у индѣйцевъ болѣе чистыя вѣрованія, чѣмъ другихъ народовъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается невѣрнымъ. „Великій Духъ“ это невидимый Богъ, Творецъ вселенной. Человѣческая душа не исчезаетъ послѣ смерти. Въ загробномъ мірѣ попрежнему царитъ охота и война, поэтому въ могилу кладутъ оружіе, стрѣлы и краски. Для услугъ покойнику убиваются жены и

мальчики, а скальпъ умершаго вѣшаютъ надъ могилой друга, которому онъ и долженъ оказывать услуги въ потустороннемъ мірѣ. Въ загробный міръ ведетъ тяжелая дорога надъ пропастью или рѣкой, и кто срывается внизъ, тотъ принужденъ бываетъ влачить жалкое существованіе и сражаться съ злыми духами и чудовищами. Куда же направляются умершіе? Они держатъ путь къ созвѣдіямъ, гдѣ и находится ихъ мѣстопробываніе. Древніе мексиканцы вѣрили также въ загробную жизнь; по ихъ вѣрованіямъ, души знатныхъ людей должны были странствовать мимо созвѣздій къ солнцу; прочія же переходили въ животныхъ, добродѣтельныя вселялись въ пѣвчихъ птицъ, а грѣшныя въ ласокъ, жуковъ и прочихъ звѣрей.

Теперь обратимся къ Океанійцамъ, наиболѣе поздно открытой народной группѣ. Раньше имъ совершенно отказывали въ религіозныхъ воззрѣніяхъ; но теперь признана несправедливость подобнаго предположенія. Они почитаютъ небеснаго Бога, Котораго называютъ Отцомъ всѣхъ людей, боятся духовъ, а также вѣрятъ въ загробную жизнь. У нихъ существовалъ обычай, для умиловленія усопшаго, принести въ жѣртву вѣроятнаго виновника его смерти или же вырвать себѣ въ знакъ печали два зуба и нанести нѣсколько ранъ. Покойнику клали въ могилу сломанное оружіе. При похоронахъ старались соблюдать всѣ обряды, чтобы душа умершаго въ видѣ привидѣнія не мучила оставшихся въ живыхъ. Одни племена искали на дальнемъ западѣ таинственнаго острова мертвыхъ, другія же вѣрили, что знатнѣйшіе среди мертвецовъ унесутся къ звѣздамъ. Обитателямъ Маріанскихъ острововъ былъ извѣстенъ рай, какъ мѣстопробываніе мертвыхъ, и адъ, гдѣ царитъ злой духъ Анити; только рабы, по воззрѣніямъ Маріанцевъ, не имѣютъ души.

Мы совершили продолжительное путешествіе отъ одной группы народовъ къ другой. II вездѣ мы встрѣчали крѣпко укоренившуюся въ человѣческомъ сердцѣ увѣренность, что душа человѣка не можетъ умереть, что она предназначена

для вѣчной жизни. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, вслѣдствіе роста цивилизаціи, распространяется свободомысліе и слишкомъ высокой культурой заглушаются естественныя чувства, тамъ единичныя личности отрицаютъ безсмертіе души, но нигдѣ не удалось совершенно подавить тихій голосъ надежды въ человѣческомъ сердцѣ.

Распространяемое въ средѣ человѣчества недовольство и жалобы на жизнь служатъ новымъ доказательствомъ надежды на безсмертіе. Пессимизмъ, мрачно смотрящій на жизнь, правъ въ томъ отношеніи, что онъ противъ своей воли свидѣтельствуетъ: земная жизнь несовершенна, но она продолжится и за гробомъ, такъ какъ человѣческая душа жаждетъ совершенства въ потустороннемъ мірѣ.

Тоска по завершенію начавшейся на землѣ жизни, это не только требованіе глубокаго изслѣдованія разума или же неопредѣленное стремленіе чувства, это также и требованіе нашей совѣсти. Надежда на безсмертіе коренится отчасти въ человѣческой совѣсти; на это указываетъ тотъ фактъ, что многіе народы ожидаютъ суда послѣ смерти. Наша совѣсть требуетъ уравниенія всѣхъ людей; вѣдь человѣческое правосудіе можетъ привлечь къ отвѣтственности только часть преступленій, совершающихся людьми. Къ этому нужно прибавить, что люди усердствуютъ только въ наказаніяхъ, но не въ наградахъ. Наша совѣсть требуетъ, чтобы со всѣми было поступлено такъ, какъ съ богачемъ и съ бѣднымъ Лазаремъ. Вотъ гдѣ коренится глубочайшая причина страха смерти, который испытываютъ многіе люди, а особенно тѣ, у кого совѣсть нечиста. Вспомните ужасную кончину насмѣхающагося надъ всѣмъ Вольтера.

Итакъ мы видимъ, что требованіе безсмертія выражается въ заложенной въ человѣческомъ сердцѣ тоскѣ по загробной жизни, въ жалобахъ людскихъ на незаконченность и несовершенство земной жизни, въ чувствѣ справедливости, которое говоритъ въ человѣческой совѣсти.

Перев. П. И. Селивановской.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 24-го января 1909 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

L.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 5.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года февраля 1-го дня.

Содержаніе: I. О народномъ образованіи. Н. Гумилевскій.—II. Безсмертны ли мы? (Окончаніе). Перев. П. И. Селивановской.—III. Пій X-й. В. Поновъ.—IV. Запѣтки: а) Памяти пастыря - грузеника.—б) Приходскіе совѣты.—с) Всюмогательная благотворительность.—d) Города безъ кабаковъ.

О народномъ образованіи.

Наше время изобилуетъ проектами болѣе или менѣе благодѣтельныхъ реформъ. Но прежде своего осуществленія проекты эти должны быть подвергнуты тщательному обсужденію, чтобы реформы были дѣйствительными улучшеніями различныхъ сторонъ жизни. Между прочимъ, проектируется устраненіе исконнаго русскаго недостатка—народнаго невѣжества, посредствомъ введенія всеобщаго обученія. Нѣкоторые города и земства уже приступили къ осуществленію этого проекта. Но въ дѣлѣ народнаго образованія еще болѣе, чѣмъ во всякой другой области, необходимо заранѣе правильно установить его основные принципы, такъ какъ отъ того или иного направленія образованія народа въ значительной степени зависить міровоззрѣніе послѣдняго, слѣдовательно, его дальнѣйшая историческая жизнь.

Въ нашей литературѣ не одинаково рѣшается вопросъ о характерѣ и задачахъ народной школы, соотвѣтственно съ существованіемъ въ наличности школъ различныхъ типовъ. При этомъ очень часто достоинство того или другого типа школы оцѣнивается не съ точки зрѣнія лежащаго въ его основѣ принципа, а въ зависимости отъ того, какую форму этотъ типъ получилъ въ наличной дѣйствительности. На послѣднюю точку зрѣнія обыкновенно становится свѣтская литература въ своихъ нападкахъ на церковную школу. Говорятъ, что эта школа не имѣетъ ни правоспособныхъ учителей, ни достаточныхъ учебныхъ пособій, ни удобныхъ, гигиеничныхъ помѣщеній, и отсюда дѣлаютъ выводъ, что она должна быть замѣнена лучше обставленной школой земской или министерской. Конечно, при настоящемъ положеніи дѣла церковная школа, по своимъ денежнымъ средствамъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, зависящихъ отъ денежнаго обезпеченія, не можетъ равняться съ свѣтской; но это ни въ какомъ случаѣ не значитъ, что она и по существу должна быть поставлена ниже послѣдней. Весь вопросъ въ томъ, какая школа—свѣтская или церковная—можетъ дать наиболѣе правильное и потому наиболѣе желательное направленіе развитію народнаго міровоззрѣнія и характера; на школу, наиболѣе соотвѣтствующую своему назначенію, и должны быть употреблены всѣ средства, отпускаемые на народное образованіе.

Пока народъ не имѣетъ образованія, всѣ члены его стоятъ почти на одинаковой ступени развитія, и потому міровоззрѣніе ихъ,—интересы, религіозныя, нравственныя и правовыя понятія и т. п.—болѣе или менѣе однообразны. Это однообразіе яснѣе всего доказывается существованіемъ такъ называемой народной поэзіи, т. е. сказокъ, пѣсенъ и другихъ подобныхъ произведеній, которыя, хотя создаются отдѣльными личностями, но усваиваются всѣмъ народомъ, какъ выраженіе его общихъ мыслей и чувствованій. Народное міровоззрѣніе, уже въ силу своей общественности, коллек-

тивности, обыкновенно характеризуется преобладаніемъ альтруистическихъ стремленій надъ эгоистическими, хотя эти альтруистическія стремленія отличаются не столько вполне сознательнымъ, сколько инстинктивнымъ характеромъ и большей частью ограничиваются узкими предѣлами рода или общины. Но, во всякомъ случаѣ, это міровоззрѣніе даетъ каждому отдѣльному представителю народа авторитетное руководство, сообщающее всѣмъ поступкамъ его опредѣленность и цѣльность. Въ частности, міровоззрѣніе нашего русскаго народа сложилось подъ преобладающимъ многовѣковымъ вліяніемъ православной вѣры. Конечно, лишенный образованія народъ русскій (разумѣемъ простой народъ) не могъ вполне ясно и отчетливо усвоить возвышенныя догматы христіанства, но онъ вполне достаточно проникся сознаніемъ необходимости жить „по-божьему“, что и выразилъ во многихъ своихъ изреченіяхъ. („Не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ“). Поэтому мы должны признать, что нашъ необразованный крестьянинъ имѣетъ для своей дѣятельности достаточное руководство (разумѣется при томъ условіи, если онъ захочетъ имъ пользоваться) въ народномъ міровоззрѣніи, хотя это послѣднее и страдаетъ важнымъ недостаткомъ въ томъ отношеніи, что оно гораздо болѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно.

Когда народъ начинаетъ получать образованіе, то отдѣльныя лица усваиваютъ различныя свѣдѣнія и при томъ въ большей или меньшей степени, у нихъ возникаютъ новыя интересы, запросы; такимъ образомъ, единство міровоззрѣнія нарушается, не говоря уже о томъ, что такія лица не могутъ болѣе удовлетворяться прежнимъ инстинктивнымъ міровоззрѣніемъ. А такъ какъ человѣкъ безъ всякаго міровоззрѣнія, безъ принциповъ и убѣжденій—совершенно нежелательный членъ общества и государства, то школа обязана выработать въ своихъ питомцахъ сознательное міровоззрѣніе взамѣнъ утраченнаго ими народнаго, которымъ руководятся необразованные люди. Совершенно несправедливо разсужда-

ють тѣ, которые говорятъ, что школа должна только сообщать ученикамъ опредѣленные свѣдѣнія, а не развивать въ нихъ принципы и убѣжденія, потому что послѣдніе ученикъ будто бы долженъ выработать самостоятельно по выходѣ изъ школы, а школа будто бы не должна его насиловать: потребность не только узнавать предметы и явленія, но и объяснять ихъ, объединять ихъ въ разумную систему, т. е. составлять то или иное міровоззрѣніе, существуетъ и въ школьный возрастъ и даже возбуждается и развивается нормальнымъ ходомъ школьныхъ занятій, вызывающихъ у учениковъ разнообразныя запросы о причинахъ и цѣляхъ, и потому школа, игнорирующая эту потребность и эти запросы, развила бы у ученика окончательно установившуюся привычку къ полной безпринципности, совершенно заглушила бы у него желаніе и впоследствии заниматься выработкой міровоззрѣнія. Да такая школа едва ли и возможна въ дѣйствительности, такъ какъ учитель не можетъ ограничиться исключительно областью изучаемыхъ явленій и отмалчиваться на всѣ вопросы учениковъ, касающіеся общихъ принциповъ. Въ отвѣтахъ на эти вопросы учитель неизбѣжно высказываетъ свои собственные убѣжденія, которыя не могутъ остаться безъ вліянія на формирующееся міровоззрѣніе его учениковъ. Когда, напр., во Франціи изъ школъ изгоняется религія подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не насиловать убѣжденія дѣтей, то это вовсе не значить, что дѣти изъ школы не выносятъ никакихъ воззрѣній по религіознымъ вопросамъ: напротивъ, они выносятъ опредѣленное убѣжденіе—о ненужности и ничтожности религіи.

Итакъ, какое же міровоззрѣніе должна дать своимъ питомцамъ наша народная школа?—Здѣсь нѣтъ надобности разсуждать о томъ, какое міровоззрѣніе—религіозное или научное—даетъ человѣку болѣе правильный взглядъ на міръ и болѣе способствуетъ достиженію нравственнаго совершенства, и могутъ ли быть объединены эти два міровоззрѣнія. Дѣло въ томъ, что всеобщее народное образованіе, о которомъ

здѣсь идетъ рѣчь, научнаго міровоззрѣнія дать не можетъ. По крайней мѣрѣ, въ Россіи народное образованіе, вслѣдствіе скудости денежныхъ средствъ, а еще болѣе вслѣдствіе недостатка учителей, не можетъ претендовать на широкую научность. По всей вѣроятности, оно на первыхъ порахъ сведется къ простой грамотности. Однако этотъ низкій уровень народнаго образованія не только не исключаетъ указанную потребность въ выработкѣ соотвѣтствующаго міровоззрѣнія, а наоборотъ усиливаетъ эту потребность. Образованіе, какъ бы элементарно оно ни было, пробуждаетъ спавшій ранѣе умъ, вызывая въ немъ массу новыхъ вопросовъ, а между тѣмъ человѣкъ, остановившійся на самыхъ первыхъ ступеняхъ знанія, не въ состояніи самостоятельно разобраться въ этихъ вопросахъ и потому, будучи предоставленъ самому себѣ, оказывается наиболѣе подверженнымъ всякаго рода заблужденіямъ; для того же, чтобы правильно рѣшать многоразличные частные вопросы, необходимо твердо установить общіе принципы, къ которымъ эти вопросы сводятся. Такъ какъ научнаго и тѣмъ болѣе философскаго міровоззрѣнія народная школа дать не можетъ, то ей естественно остается одинъ исходъ—дать міровоззрѣніе религіозное. Слѣдовательно, дѣло сводится къ вопросу, желательна ли, чтобы народъ имѣлъ религіозное міровоззрѣніе, и если желательно, то какъ этого достигнуть.

Извѣстенъ афоризмъ Вольтера: „если бы Бога не было, то Его нужно было бы выдумать“. Этимъ афоризмомъ Вольтеръ, самъ лично не исповѣдывавшій никакой религіи, хотѣлъ показать, какое большое значеніе имѣетъ религія для простого народа; вѣрующій же человѣкъ знаетъ, что религія имѣетъ величайшую важность для нормальной душевной жизни каждаго—даже величайшаго ученаго. Конечно, степень благотворнаго вліянія религіи, обуславливается истинностью послѣдней. Если мы возьмемъ христіанство, особенно въ его чистомъ видѣ—православія, то увидимъ, что даже многіе враги его, отрицающіе его догматическую сторону, вы-

нуждены признать его великой нравственной силой, преобразовавшей разлагавшееся человечество. Глубокое (а не поверхностное, какъ это въ большинствѣ случаевъ бываетъ) усвоеніе христіанства и неуклонное проведеніе его въ жизнь возводитъ человѣка на такую степень нравственной чистоты и святости, къ которой даже приблизить его не можетъ никакое другое ученіе; если бы всѣ люди жили по-христіански, то на землѣ осуществилось бы вполнѣ царство Божіе. Истинный христіанинъ является наилучшимъ членомъ общества и государства, и потому воспитаніе гражданъ въ духѣ христіанскомъ является наиболѣе желательнымъ. Кромѣ того, православная христіанская вѣра для русскаго народа имѣетъ и особенное національно-историческое значеніе. Національное русское самосознаніе настолько сроднилось съ православной вѣрой, связано съ нею неразрывными узами, что, переставая быть православнымъ, русскій человѣкъ подвергается неизбѣжной опасности потерять и свою національность. Живымъ примѣромъ тому служатъ ополяченныя черезъ посредство католицизма русскія фамиліи Вишневецкихъ, Острожскихъ и мн. др. и современные штундо-баптисты, тянущіе къ нѣмцамъ ¹⁾). Поэтому всякій, кому дорого національное развитіе русскаго народа, долженъ всѣми силами стоять за то, чтобы въ основу русскаго народнаго образованія была положена православная вѣра. Но образованіе въ православно-христіанскомъ духѣ возможно только при условіи связи школы съ Православною Церковью. Такимъ образомъ, необходимо признать, что лучшая школа для русскаго народа есть школа церковная.

Когда мы утверждаемъ, что русская народная школа должна быть церковной, то мы вовсе не хотимъ сказать, что она должна обязательно помѣщаться въ церковныхъ сторожкахъ, что учителями въ ней должны быть недоучившіеся діаконъ и псаломщики, или что она должна содержаться на

---

¹⁾ Старообрядческой расколь, какъ чисто національное искаженіе православія, въ данномъ случаѣ не можетъ быть принимаемъ въ расчетъ.

церковныя средства. Народное образованіе есть дѣло государственной важности, и потому государство обязано обезпечить народную школу денежными средствами и всѣмъ необходимымъ для того, чтобы обученіе въ ней могло производиться правильно и успѣшно. Церковь же, съ своей стороны, должна руководить школьнымъ образованіемъ, сообщать ему религіозно-нравственный характеръ, направлять его къ укрѣпленію и развитію въ ученикахъ понятій и правиль истинной вѣры. Всего этого Церковь можетъ достигать въ школѣ черезъ посредство законоучителя-священника, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть и главнымъ руководителемъ школы.

Представители лѣвыхъ партій высказываютъ сомнѣніе въ правоспособности и подготовленности нашего духовенства къ веденію народнаго образованія. Но наши священники получаютъ въ семинаріяхъ среднее образованіе, далеко превышающее тѣ требованія, которыя обыкновенно предъявляются къ народнымъ учителямъ. Въ дѣйствительности нужно искать другихъ причинъ для объясненія той вражды, или по крайней мѣрѣ недовѣрія, съ которымъ значительная часть нашей интеллигенціи относится къ духовенству и къ церковной школѣ. Прежде всего нельзя не признать, что нѣкоторая часть этой интеллигенціи (въ большинствѣ состоящая изъ инородцевъ и инновѣрцевъ) проникнута анти-русскимъ духомъ и потому борется противъ всего, что можетъ служить къ укрѣпленію и благоденствію русскаго народа; вражда подобныхъ людей противъ церковной школы свидѣтельствуетъ исключительно въ пользу этой послѣдней. Есть среди интеллигенціи и ослѣвленные невѣры, считающіе всякую религію вреднымъ заблужденіемъ, затемняющимъ народное сознаніе ¹⁾. Нѣкоторые вооружаются противъ церковной школы по недоразумѣнію, считая ея существенными и неотъемлемыми свой-

¹⁾ См., напр., рѣчь с.-д. Бѣлоусова, произнесенную въ Государственной Думѣ 3 ноября 1908 г.

ствами тѣ недостатки, которые присущи этой школѣ въ настоящее время, вслѣдствіе случайныхъ экономическихъ условій. Но гораздо больше число противниковъ церковной школы выходитъ изъ другихъ соображеній. Извѣстно, что очень многіе изъ нашихъ интеллигентовъ считаютъ Зап. Европу единственнымъ источникомъ всякой истины и основаній для рѣшенія русскихъ государственныхъ и общественныхъ вопросовъ ищутъ въ западно-европейской исторіи. Въ Европѣ, особенно во Франціи, давно уже ведется борьба противъ вліянія церкви на школу, составляющая одно изъ проявленій борьбы противъ клерикализма. Люди, примѣняющіе западно-европейскую мѣрку къ русской жизни, полагаютъ, что опасность клерикализма угрожаетъ и Россіи, что эту опасность нужно всячески предотвращать, а для этого необходимо ослабить вліяніе духовенства до минимума. Поэтому намъ нужно разсмотрѣть, что такое клерикализмъ, и слѣдуетъ ли Россіи его опасаться.

Христіанская вѣра, если она принимается и усваивается искренно, оказываетъ благотворное преобразующее воздѣйствіе не только на личную жизнь каждаго отдѣльнаго чловека, но и на жизнь общественную и государственную. Церковь, стремясь къ освященію своихъ членовъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ входятъ въ составъ и государства, естественно содѣйствуетъ тому, что и это послѣднее мало-по-малу воспринимаетъ въ сферу своей специальной дѣятельности возвышенные христіанскіе идеалы. Однако, какъ цѣли, къ достиженію которыхъ стремятся Церковь и государство, такъ, соотвѣтственно съ этимъ, и употребляемая тою и другимъ средства должны быть существенно различны. Своей основной цѣли—нравственнаго усовершенствованія и освященія людей—Церковь не можетъ достигать правовыми, принудительными мѣрами, и потому ея существованіе не связано съ обладаніемъ какими бы то ни было юридическими правами: какъ извѣстно, время гоненій, когда самое исповѣданіе христіанства было запрещено государственными римскими зако-

нами, было однимъ изъ періодовъ наибольшаго внутренняго процвѣтанія Церкви. Церковь, въ лицѣ своихъ представителей-іерарховъ, можетъ получать отъ государства извѣстныя права и пользоваться ими сообразно съ своими задачами, но она не можетъ изъяслять притязаній на то, что пользованіе этими правами вытекаетъ изъ самаго ея существа. Но западная католическая церковь именно такія притязанія и высказываетъ. Послѣ разрушенія Римской имперіи, наслѣдовавшая отъ нея идею всемірнаго владычества и объявившая себя ея преемницей римская церковь претендуетъ на господство въ дѣлахъ не только религіозныхъ, но и политическихъ. Эта мысль выражается въ теоріи о двухъ мечехъ—символахъ власти духовной и свѣтской, которые будто бы получилъ римскій папа отъ ап. Петра. Такимъ образомъ, здѣсь церковь смѣшивается съ государствомъ и свое нравственное воздѣйствіе замѣняетъ юридическимъ. Дѣйствительно, въ средніе вѣка папа былъ вмѣстѣ и свѣтскимъ государемъ въ своей папской области и даже считался раздавателемъ императорскихъ и королевскихъ коронъ, а епископы и настоятели монастырей были такими же феодальными владѣтелями, князьями, какъ герцоги и графы. Такое положеніе дѣла, вредное и для церкви и для государства, вызывавшее непрерывную кровопролитную борьбу между свѣтской и духовной властью, исторической жизнью Зап. Европы было уничтожено. Но римская церковь не отказалась отъ своихъ прежнихъ воззрѣній; католическая іерархія и до сихъ поръ стремится къ преобладающему вліянію въ государственныхъ дѣлахъ, какъ къ своему неотъемлемому праву; это явленіе и называется клерикализмомъ. Въ настоящее время, когда вліяніе католицизма на его исповѣдниковъ значительно ослабѣло, клерикализмъ приводитъ только къ тому, что борьба съ іерархіей вызываетъ въ ея противникахъ вражду не только противъ этой послѣдней, но и противъ самой церкви и даже противъ вѣры христіанской, что яснѣе всего и можно наблюдать въ современной Франціи.

Ничего подобного нельзя видѣть въ Восточной и, въ частности, въ нашей Русской Церкви. У насъ, іерархи если и оказываютъ вліяніе на государственную жизнь, то или въ силу своихъ выдающихся способностей и заслугъ, благодаря которымъ они являются полезными дѣятелями во всѣхъ областяхъ жизни, или какъ представители многочисленнаго духовнаго сословія (таково, напр., участіе духовенства въ Гос. Совѣтѣ и въ Гос. Думѣ). Православная Церковь, кромѣ, можетъ быть, исключительныхъ личностей, находившихся подъ вліяніемъ римскихъ идей, никогда не претендовала и не претендуетъ на право вторгаться въ область чисто государственныхъ отношеній, и потому люди, старающіеся находить въ русской исторической жизни полную аналогію съ зап.-европейской, совершенно напрасно опасаются, что русское духовенство воспользуется церковными школами для того, чтобы подчинить своему вліянію народъ и черезъ него добиться господства въ государствѣ. Если кто дѣйствительно долженъ опасаться вліянія духовенства на народное образованіе, то только указанные выше принципиальные враги русскаго государства и русскаго народа, такъ какъ русское духовенство въ значительномъ большинствѣ своемъ до сихъ поръ остается вѣрнымъ тѣмъ устоямъ, на которыхъ всегда опиралось могущество Русскаго государства, и которые являлись источниками его спасенія во времена тяжкихъ бѣдствій, приводившихъ его на край гибели; такими устоями, какъ извѣстно, являются православная вѣра и твердая самодержавная власть. Самая ожесточенность борьбы, которую ведутъ враги русской государственности противъ этихъ устоевъ, доказываетъ ихъ великую важность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость такихъ именно народныхъ школъ, въ основѣ которыхъ положены означенные принципы.

Считаемъ не лишнимъ въ заключеніе упомянуть о взглядѣ на церковныя школы, принадлежащемъ части духовенства. Нѣкоторые священники тяготеютъ завѣдываніемъ церковными школами, какъ излишнимъ бременемъ, наложеннымъ на нихъ

помимо множества ихъ прямыхъ обязанностей. Въ основѣ этого взгляда кроется существенное недоразумѣніе. Главнѣйшею обязанностью священника, наряду съ совершеніемъ богослуженій и требъ, должно считаться воспитаніе его прихожанъ въ духѣ христіанской вѣры, ихъ нравственное усовершенствованіе, преобразованіе ихъ изъ „дѣтей міра сего“ въ членовъ царствія Божія. Ап. Павелъ ясно свидѣтельству-
 етъ, что Господь поставляетъ пастырей и учителей для освященія людей, для созиданія Тѣла Христова, т. е. Церкви, „дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христа“ (Еф. 4, 11—13). Но нравственно-воспитательному воздѣйствію несравненно легче поддается ребенокъ въ школьномъ возрастѣ, чѣмъ человѣкъ взрослый, сложившійся. Поэтому руководство школой, воспитывающей будущихъ членовъ прихода, должно являться для священника не излишнимъ обремененіемъ, а напротивъ облегченіемъ его великаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелаго и отвѣтственнаго пастырскаго дѣла. Пастырское воздѣйствіе, какъ и всякое воспитаніе, только тогда можетъ рассчитывать на полный успѣхъ, когда оно начинается съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Вслѣдствіе этого, священники должны быть защитниками церковныхъ школъ не только изъ-за старанія о пользѣ Православной Церкви и Русскаго государства, но и ради своего собственнаго приходскаго дѣла.

Н. Гумилевскій.

Безсмертны ли мы?

Окончаніе ¹⁾.

Откуда же мы знаемъ, что утверждая безсмертіе, мы основываемся не на пустыхъ догадкахъ, а имѣемъ твердую почву подъ ногами? Намъ извѣстенъ историческій фактъ, который неоспоримо доказываетъ, что безсмертіе существуетъ—это воскресеніе Іисуса Христа. Здѣсь не мѣсто доказывать несомнѣнность этого факта въ его мельчайшихъ подробностяхъ,—этимъ занимается специальное изслѣдованіе. Но хотя это былъ единственный случай въ исторіи, все же онъ такъ достовѣренъ, что никакая историческая критика не можетъ его поколебать. Подлинность перваго посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ признана всѣми критиками, а въ этомъ посланіи (гл. 15 ст. 6) апостоль Павелъ свидѣтельствуетъ лѣтъ черезъ 25 послѣ смерти Христа: еще живы многія лица, видѣвшія Воскресшаго собственными глазами, и ссылается на нихъ, какъ на свидѣтелей. Въ общемъ, одинъ этотъ фактъ вполне удовлетворительно объясняетъ перемѣну, происшедшую въ апостолахъ. Бѣглецы передъ смертью Іисуса, они обратились въ мужественныхъ проповѣдниковъ Его воскресенія, не страшась ни наказаній правительства, ни преслѣдованій враговъ. Пусть Ренанъ въ своемъ сочиненіи „Жизнь Іисуса“ утверждаетъ, что основаніемъ для міѳа о воскресеніи послужилъ безумный бредъ одной женщины; изъ-за міѳовъ люди не идутъ на смерть; а прежде всего такіе трезвые люди, какъ ап. Петръ, вдумчивыя натуры, какъ ап. Іаковъ, и критическіе умы, какъ ап. Тома, не повѣрили бы міѳу.

Достовѣрность воскресенія Христова становится еще убѣдительнѣе, если мы обратимъ вниманіе на его послѣдствія въ исторіи. Вѣсть о немъ внесла новую жизнь въ на-

¹⁾ См. № 4-й за 1909-й г.

роды древности. На немъ покоится развитіе всемірной исторіи. Только за Воскресшаго Христа можно было отдавать свою жизнь въ борьбѣ за правду и справедливость. Если же Одинъ могъ воскреснуть и жить послѣ смерти,—значить, и каждой человѣческой душѣ дана возможность продолженія жизни. Итакъ, нѣтъ повода сомнѣваться въ истинности словъ, сказанныхъ Христомъ Своимъ послѣдователямъ. Вотъ эти слова: „Я живу и вы также будете жить“.—„Кто вѣруеть въ Меня, тотъ будетъ жить, хотя и умереть“. Этими словами Онъ, поборовшій могущество смерти, обѣщаль душамъ, прилѣпившимся къ Нему, какъ вѣтви къ дереву, безсмертную жизнь. Вотъ благая вѣсть, которой Онъ вѣчно подкрѣпляетъ сердца жаждущихъ вѣчной жизни. Кто имѣеть такую вѣру, надъ тѣмъ теряетъ свою власть смерть, для того смерть только лишь дверь, открывающая путь къ вѣчности и жизни съ Богомъ и у Бога. Мы не можемъ себѣ представить, какъ это случится. Мы можемъ говорить о всѣхъ духовныхъ предметахъ, только пользуясь образными сравненіями. Христось представляль загробную жизнь въ видѣ вечери и этимъ сравненіемъ хотѣль показать, что въ ней можно найти спокойствіе, подкрѣпленіе, единеніе и радость. Иногда Онъ сравнивалъ вѣчную жизнь съ брачнымъ пиромъ для того, чтобы еще больше возбудить въ насъ стремленіе къ небесному блаженству. Иногда Христось говорилъ о наградахъ; каждый получить въ свое управленіе два, три или пять городовъ; эти слова указываютъ на то, что въ будущей жизни нужно ожидать подраздѣленія на степени, а также необходимость дѣятельности. Такимъ образомъ насмѣшка Л. Бюхнера: „желать вѣчной жизни значить желать превратиться въ окаменѣлость“, доказываетъ только его незнаніе Священнаго Писанія. Едва ли не прекраснѣе описываетъ намъ Откровеніе Іоанна роскошь будущато міра, сравнивая этотъ послѣдній съ жизнью въ большомъ городѣ. Откровеніе указываетъ, какъ многочисленны собравшіеся тамъ вокругъ Одного Господа, освѣтленные Единымъ Агнцемъ, безъ

Церкви, такъ какъ Тамъ Бога можно всегда лицезрѣть, безъ тьмы, такъ какъ тамъ вѣчный свѣтъ.

Что же говорить намъ Христось о безсмертіи людей, не слѣдовавшихъ Его ученію? Призваны ли и они къ вѣчной жизни? Нѣтъ сомнѣнія, что Христось это удостовѣряетъ. „Придетъ часъ, въ который всѣ сущіе во гробахъ услышатъ Мой голосъ“,—вотъ Его слова, которыми Онъ подтверждаетъ всеобщее воскресеніе. Подавляюще звучитъ описаніе страшнаго суда по евангелію Матѳея. Это одна изъ самыхъ захватывающихъ картинъ въ цѣлой Библии, при чтеніи которой не одно сердце содрогается отъ ужаса. „Все, что вы не сдѣлали одному изъ младшихъ братьевъ, все это вы Мнѣ не сдѣлали; идите отъ Меня, проклятые, въ вѣчный огонь, приготовленный дьяволу и аггеламъ его“. Какъ наше сердце ни испугано подобнымъ приговоромъ, однако же наша совѣсть громко и ясно утверждаетъ, что такой судъ наступитъ. Ты долженъ вслушиваться въ голосъ твоей совѣсти, не успокаиваться, пока искренно не увѣруешь въ Того, Кто, по милосердію Своему, приноситъ испуганному сердцу прощеніе и миръ и общаетъ ему вѣчную жизнь. Прекрасные плоды подобной вѣры скоро обнаружатся.

„Вы ихъ узнаете по плодамъ ихъ“. Эти слова можно произнести при разсмотрѣніи христіанскаго ученія о безсмертіи души. Это ученіе приноситъ двоякаго рода плоды. Увѣренность въ безсмертіи побуждаетъ вѣрующихъ доказать свою нравственность на дѣлѣ. Съ другой стороны, такая увѣренность приноситъ имъ блаженную кончину.

Естественно, что мысль о безсмертіи даетъ новое направленіе нашей жизни. Если человѣкъ вѣритъ, что онъ идетъ навстрѣчу страшному суду, гдѣ онъ долженъ будетъ дать отчетъ въ томъ, куда онъ истратилъ свое время и силы, какъ онъ относился къ ближнимъ и какъ выполнялъ свои обязанности, какъ употребилъ дарованные ему Богомъ таланты и что онъ сдѣлалъ для Бога,—на такого человѣка ложится отпечатокъ вѣчности. Онъ долженъ испуить свое

время и употребить на пользу свои силы. Онъ относится къ окружающимъ людямъ независимо отъ ихъ внѣшности, а старается смотрѣть на нихъ глазами Бога. Онъ собираетъ внутреннія сокровища для неба и высоко возносится надъ ничтожествомъ земли. Благодаря этому и происходитъ, что народъ, въ сознаниіи котораго коренится вѣра въ безсмертіе, отличается добросовѣстностью, вѣрностью, уваженіемъ къ ближнему и умѣренностью; съ исчезновеніемъ же этой вѣры исчезаетъ и нравственность.

Плоды вѣры въ безсмертіе проявляются у христіанина и на смертномъ одрѣ. Нѣтъ ничего трогательнѣе, какъ присутствовать при кончинѣ человѣка, вѣрующаго въ загробную жизнь, который передаетъ свою душу въ Божьи руки и съ миромъ испускаетъ духъ. Мы знаемъ, что еще въ древности смерть христіанъ имѣла громадное значеніе для привлеченія послѣдователей новому ученію. Первый христіанскій мученикъ, умирая подъ ударами камней, бросаемыхъ въ него его противниками, взывалъ: „Господи Іисусе, прими мою душу“, и молился за своихъ враговъ: „Господи прости имъ это прегрѣшеніе“. Такъ умеръ онъ, спокойный среди ужасныхъ мученій.

9-го февраля 1554 года королева англійская Марія приказала обезглавить Іоанну Грей, носившую въ продолженіе 9-ти дней англійскую корону. Іоанна ночью, наканунѣ казни, написала въ книгѣ Новаго Завѣта слѣдующія слова, обращенныя къ сестрѣ ея Екатеринѣ: „Посылаю тебѣ книгу, которая, хотя и не украшена снаружи золотомъ, но зато содержитъ внутреннія сокровища, болѣе цѣнныя, чѣмъ дорогіе камни. Она тебя научитъ, какъ надо жить и умирать. При жизни помни всегда о смерти для того, чтобы въ смерти обрѣсти жизнь. Желай, вмѣстѣ со св. Павломъ, быть со Христомъ, творящимъ изъ смерти жизнь. Радуйся во Христѣ, какъ и я. Что касается моей смерти, то радуйся вмѣстѣ со мной, дорогая сестра, что я освобождаюсь отъ всего тлѣннаго и перехожу въ міръ нетлѣнный. Я увѣрена, что вз-

мѣнь этой смертной жизни, я получу жизнь безсмертную“. Передъ тѣмъ, какъ топоръ коснулся ея головы, она воскликнула: „Господи, въ руки Твои предаю духъ мой!“ Въ нашемъ очеркѣ невозможно описать блаженную кончину многихъ христіанъ

У всѣхъ этихъ людей мы не замѣчаемъ и слѣда предсмертной тоски, которая, обыкновенно, охватываетъ чело-вѣка предъ лицомъ смерти. Въ ихъ душѣ живетъ радостное ожиданіе блаженства, которое побѣждаетъ страхъ. Не правда ли, какъ было бы хорошо, если бы мы всѣ такъ умирали! Рядомъ съ воскресеніемъ Иисуса Христа убѣждаетъ насъ въ безсмертіи также и всепобѣждающая радость тѣхъ, которые преодолѣли страхъ смерти.

Перев. П.: И. Селивановской.

Пій X-й.

Современный намъ pontifex maximus западно-католическаго міра—папа Пій X-й въ сентябрѣ прошлаго, 1908-го, года праздновалъ 50-лѣтній юбилей своего служенія въ священномъ санѣ. Данное обстоятельство было цѣлымъ событіемъ въ глазахъ католическаго Запада и удобнымъ поводомъ къ появленію въ печати немалаго числа замѣтокъ и брошюръ, имѣвшихъ своей задачей охарактеризовать жизнь и дѣятельность Пія X-го, главнымъ образомъ, въ его папскомъ, теперь уже пятилѣтнемъ, служеніи. Мы намѣрены воспользоваться имѣющимся у насъ подъ руками матеріаломъ для характеристики личности папы и его дѣятельности.

Самымъ первымъ исходнымъ пунктомъ сужденія о современномъ намъ папѣ, даже еще раньше избранія послѣдняго на римскую кафедру, для многихъ благочестивыхъ и склонныхъ къ вѣрѣ въ таинственное католиковъ, являлось и является такъ называемое motto Малахіи, обозначившаго подъ формой краткихъ латинскихъ изреченій съ XII ст. пре-

емственный рядъ папъ, приче́мъ самый девизъ служить характеристикой внутреннаго облика папы. Соотвѣтственно преемственной смѣнѣ папъ и параллельнаго имъ хода девизовъ Малахіи два непосредственныхъ предшественника нынѣшняго папы управляли римскою церковью подѣ слѣдующими motto: Пій IX подѣ „Cruc de Cruce“, Левъ XIII „Lumen de coelo“, на долю же Пія X-го папъ девизъ „Ignis ardens“. — По смерти Льва XIII это краткое изреченіе „пылающій огонь“ было тѣмъ положеніемъ, около котораго вращались предположительныя сужденія и догадки касательно преемника умершаго папы. Нетерпѣливо ожидавшіе окончательнаго результата конклава, на основаніи знакомыхъ имъ чертъ кардиналовъ, старались, исходя изъ motto „ignis ardens“, предугадать преемника Льва XIII. Одни думали, что папой будетъ кардиналъ Рамполла—родившійся въ Сициліи съ ея огнедышащей Этной, другіе указывали на Ванутелли, носившаго имя Серафима соотвѣтственно имени небеснаго лика серафимовъ съ огненными крылами, третьи склонялись въ пользу кардинала Готти, который, будучи префектомъ миссіи, имѣлъ подѣ своей юрисдикціей всю линію экватора. Скептики, невѣрившіе въ предсказанія Малахіи, не безъ ироніи указывали на жаркую пору, въ которую происходилъ конклавъ, усматривая въ этомъ разгадку изреченія ignis ardens. Но пока происходили предположенія, переходившія часто въ остроумныя догадки или спиритическіе опыты, папою былъ избранъ кардиналъ Джузеппе (Іосифъ) Сарто, патриархъ Венеціи, который и вступилъ на римскую кафедру подѣ именемъ Пія X-го. Теперь уже ясно было, что motto „ignis ardens“ указывало на Сарто или Пія X-го.

Но если раньше по девизу пытались узнать лицо, то теперь въ этомъ послѣднемъ стали отыскивать черты, которыя соотвѣтствовали бы девизу. Клерикальныя газеты вдавались въ разныя хитросплетенія: указывали или на то, что избраніе папы совпало съ памятью св. Доминика, щитомъ

котораго была пламенная вѣра, или на то, что въ понтификатство этого папы сойдетъ небесный огонь, о которомъ говорилъ Христосъ (Лук. 12, 49), или изъ имени Sarto извлекали наименование „Astro“. Такъ или иначе, а пророчество Малахїи было приурочено къ факту избранїя и избранному лицу—Шю Х-му.

Однако, если краткій девизъ Малахїи довольно загадоченъ и неопредѣленъ для характеристики папы Пїя X-го, о чемъ уже свидѣтельствуемъ разнообразїе попытокъ его пониманїя, то факты непосредственно связанные съ жизнью Пїя X-го, какъ въ моментъ его патріаршества въ Венеціи предъ избранїемъ на римскую кафедру, такъ и въ періодъ времени по избранїи, являются болѣе вѣрными показателями облика папы. На основанїи данныхъ этой послѣдней категорїи Пїй X-й характеризуется совершенно справедливо человекомъ скромнымъ, никогда серьезно и недумавшемъ о томъ высокомъ постѣ, который онъ занимаетъ теперь. Во время своей поѣздки на конквалъ, Сарто на пожеланїя провожавшихъ его въ Римъ друзей видѣть его папой—отвѣчалъ „до свиданья, до свиданья... всего на нѣсколько дней“. А когда на одной изъ промежуточныхъ станцій на пути въ Римъ ему высказало пожеланїе въ указанномъ духѣ одно изъ духовныхъ лицъ, то Сарто серьезно замѣтилъ: „не говорите мнѣ этого, если не хотите беспокоить меня; вы хорошо знаете, какая отвѣтственность тогда должна лечь на мои плечи!“ По прибытїи въ Римъ, когда Сарто заказалъ одному изъ портныхъ (Танфани) новую красную кардинальскую шапочку, и когда портной исполнилъ заказъ, не приложилъ счета, надѣясь видѣть своего кліента въ высшемъ достоинствѣ, то Сарто выражаетъ желанїе заявить всему міру, что онъ слишкомъ горячо любитъ свою Венецію и страстно хочетъ возвратиться туда. На слова одной расположенной графини, обращенныя къ Сарто, о томъ, что она молить Св. Духа о возведенїи кардинала въ достоинство папы и надѣется на силу Св. Духа—Сарто съ улыбкой на губахъ отвѣтилъ:

„о! вы очень низкаго мнѣнія о Св. Духѣ!“ Эта скромность и простота были можно думать, главными причинами, привлечшими симпатіи кардиналовъ на сторону Сарто, результатомъ чего и явилось его избраніе на папскую кафедру подавляющимъ большинствомъ голосовъ по сравненію съ другими, казалось бы, наиболѣе сильными кандидатами (Сарто получилъ +50, тогда какъ Рамполла +12). Само собою понятно, что папская тиара, столь неожиданно доставшаяся Сарто, поставила новаго папу въ затруднительное положеніе: папа жилъ вдали отъ Рима и не зналъ всей сложной работы машины Ватикана; онъ не даромъ сравнивалъ свое положеніе съ рыбой, выброшенной на сушу. Если раньше о Сарто зналъ лишь Римъ да Италія, то теперь заговорили о немъ во всемъ мірѣ. Ватиканъ осаждали репортеры и фотографы. Папа держалъ себя просто: свой первый автографъ въ новомъ положеніи онъ далъ редактору иллюстрированнаго католическаго журнала „Pro-Familia“, первая же фотографія была снята безъ особаго на то разрѣшенія однимъ изъ аббатовъ, который, подходя къ рукъ новоизбраннаго папы навелъ въ это время на него карманный фотографическій аппаратъ. Къ папѣ являлись скульпторы и художники, и папа охотно позировалъ и, на вѣжливые и предупредительные вопросы съ ихъ стороны объ усталости, отвѣчалъ всегда отрицательно. Поведеніе папы, его приемы и обращеніе послѣ этикета, господствовавшаго при Львѣ XIII, казались поразительными и удивительными по своей простотѣ. Папа Пій X долго не могъ привыкнуть говорить о себѣ „мы“ и до настоящаго времени продолжаетъ употреблять это мѣстоимѣніе множественнаго числа лишь въ официальныхъ бумагахъ и актахъ. Одинъ венеціанскій священникъ, хорошо знакомый съ папой на мѣстѣ прежняго его служенія, былъ глубоко тронутъ радужнымъ приемомъ Пія X-го. Когда только онъ упалъ на колѣни, чтобы поцѣловать ногу папы, то сразу почувствовалъ на своихъ плечахъ руки папы, которыя приподняли его съ пола; по этому поводу представлявшемуся пришло на

память, какъ Левъ XIII никогда не дѣлалъ исключенія изъ этикета и продержалъ одно духовное лицо у себя на аудіенціи $\frac{3}{4}$ часа на колѣняхъ, не смотря на то, что стоявшій на колѣняхъ выражалъ всѣ признаки слабости, какъ результатъ сильной маляріи.

Два или три дня спустя послѣ своего избранія Пій X-й принималъ монаховъ-цистеріицевъ. Папа велѣлъ имъ подняться и указалъ на стулья съ приглашеніемъ садиться; монахи въ изумленіи оставались неподвижными, и папа послѣ вторичнаго приглашенія съ улыбкой замѣтилъ: „что же вы? или хотите, чтобы я всталъ и вамъ предложилъ стулья?“ Пій X-й вывелъ эту строгую церемонію стояніе на ногахъ и на конгрегаціяхъ. По традиціонному обычаю на церковныхъ конгрегаціяхъ, собираемыхъ подъ предсѣдательствомъ папы, всѣ присутствующіе, за исключеніемъ самого папы и кардиналовъ, должны стоять во все время продолженія засѣданія. Обычнымъ результатомъ такого порядка вещей была страшная усталость, тяжело отражавшаяся на престарѣлыхъ прелатахъ. Папа на одной изъ такихъ конгрегацій разрѣшилъ участникамъ ея садиться, при чемъ, обращаясь къ кардиналамъ, выразилъ надежду, что они ничего не будутъ имѣть противъ его позволенія, потому что было бы безчеловѣчно и безумно (*unmenschlich und unklug*) подвергать утомленію членовъ собраній. При своей скромности, простотѣ и человѣчности, Пій X-й отличается и доступностью: папа былъ очень огорченъ, когда узналъ, что пришедшимъ къ нему издалека ноннамъ, долго, подъ разными предлогами, отказывали въ приемѣ. Не обращаетъ вниманія Пій X-й и на костюмы при приемѣ посѣтителей: послѣдніе допускаются къ папѣ даже безъ воротниковъ. Непривычка къ роскоши и этикету заставила папу смотрѣть иными, болѣе трезвыми глазами на штатъ Ватикана, который папа считаетъ очень многочисленнымъ и ненужнымъ въ большинствѣ членовъ. Пій X-й скептически посмотрѣлъ на то, что въ Ватиканѣ живутъ прелаты, на обязанности которыхъ лежитъ, напр., или ношеніе шляпы

папы, если бы послѣдній во время прогулки снялъ ее съ головы, или зонта на случай дождя или жаркой погоды. Отсюда у папы на первыхъ же порахъ явилась мысль сократить штаты Ватикана, какъ въ цѣляхъ пресѣченія справедливыхъ по отношенію къ папскому двору нареканій, такъ и въ видахъ сохраненія средствъ. Въ интересахъ работы и уменьшенія тунеядства папа неблагоклонно относится даже къ престарѣлымъ лицамъ, старающимся сложить съ себя обязанности и жить на пенсіонныхъ окладахъ. Когда одинъ 60-лѣтній прелатъ, еще довольно крѣпкій, попросилъ папу снять съ него обязанности и уволить на покой, то Пій X-й пришелъ въ негодованіе и на просьбу прелата отвѣтилъ: „вы шутите или серіозно? это вы говорите мнѣ, который имѣеть 60 лѣтъ отъ роду ¹⁾, и который носить на своихъ плечахъ бремя римскаго понтификатства?! Идите, идите, монсиньоръ, и вы сдѣлаете лучше, если подобно мнѣ, съ помощью Иисуса, будете продолжать служеніе“. На первыхъ же порахъ своего служенія въ званіи папы Пій X-й обратилъ вниманіе на пресѣченіе злоупотребленій, связанныхъ съ протекціей, и на честное исполненіе долга духовенствомъ; въ послѣднемъ случаѣ не составляютъ исключенія и кардиналы. Рассказываютъ такой фактъ: въ одной изъ маленькихъ церквей Рима было вывѣшено объявленіе, что въ ближайшій наступающій праздникъ будетъ совершено торжественное богослуженіе при участіи кардинала. Послѣдній дѣйствительно прибылъ, но нѣсколько раньше до назначеннаго времени, такъ какъ то-ропился поспѣть на одно частное приглашеніе. Настоятель церкви говорилъ проповѣдь. Кардиналъ выражалъ нетерпѣніе и раздраженно замѣтилъ, что если чрезъ 5 минутъ проповѣдь не будетъ кончена, то онъ уѣдетъ. Дѣйствительно онъ выполнилъ свое слово и уѣхалъ. Папа, узнавши послѣ приведенный фактъ, прежде всего пожалѣлъ о томъ, что не зналъ

¹⁾ Данный фактъ имѣлъ мѣсто вскорѣ послѣ избранія папы Пія X-го—въ 1903 г.

происшедшаго въ тотъ моментъ, когда бы могъ самъ замѣнить уѣхавшаго кардинала, а затѣмъ сдѣлать внушенія кардиналу, отвѣчая на извиненія послѣдняго, что онъ виновенъ не предъ нимъ, а предъ Богомъ.

Указанные факты падаютъ на время первыхъ дней и недѣль вступленія Пія X-го на Римскую кафедру; они достаточно ясно показываютъ въ современномъ намъ папѣ человека скромнаго, простаго, доступнаго и внимательнаго къ своему служенію. Что папа непревозносился своимъ положеніемъ, ручательствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что онъ часто мыслью стремился въ Венецію, съ которой онъ сроднился. Во время воспоминаній о Венеціи на сеансахъ венеціанскаго колориста Милези, который рисовалъ съ папы портретъ, Пій X-й, полный радостныхъ воспоминаній о дорогихъ ему венеціанцахъ, переполненный чувствомъ, воскликнулъ со слезами на глазахъ и дрожью въ голосѣ: „Benedetti, benedetti“.

В. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ.

а) Памяти священника-труженика.

26 октября сего 1908 года скончался послѣ тяжелой непродолжительной болѣзни (порокъ сердца) на 35 году жизни священникъ с. Житникъ, Кіев. г., Василій Павловичъ Бильневичъ, оставивъ послѣ себя жену и малолѣтняго сына. Личность покойнаго весьма замѣчательна.

26 октября оказалось для покойника роковымъ. Въ этотъ день онъ въ первый разъ прибылъ въ свой приходъ—Житники, въ этотъ же день навсегда и оставилъ его, пробывъ тутъ ровно 8 лѣтъ. Кто знаетъ Житники,—это гнѣздо шугундизма, откуда онъ далеко вышелъ за предѣлы Таращанскаго уѣзда,—тотъ пойметъ, какая нелегкая ноша выпала на

долю покойника. Въ послѣдніе же пережитые нами неспокойные годы ноша эта стала куда тяжелѣе. Между тѣмъ покойный о. Василій чувствовалъ себя здѣсь если и не весьма хорошо, то во всякомъ случаѣ очень недурно. О переходѣ въ другое мѣсто онъ никогда почти и не думалъ. Наоборотъ, вся его мысль была занята интересами своего прихода. Тутъ онъ, благодаря полной солидарности во взглядахъ съ своей просвѣщенной супругой, свилъ себѣ такое теплое и уютное семейное гнѣздо, что часто служилъ предметомъ удивленія для многихъ, привыкшихъ видѣть частыя смѣны въ этомъ приходѣ священниковъ. Какъ это могло случиться, для многихъ окажется, можетъ быть, непонятнымъ, между тѣмъ это такъ. Свое благополучіе земное, матеріальное онъ устроилъ, благодаря умѣлому, ровному и спокойному веденію своего скромнаго хозяйства и только, ни откуда никакой другой поддержки онъ не имѣлъ. А разумная, скромная и въ то же время весьма приличная жизнь сдѣлала то, что онъ имѣлъ возможность прожить здѣсь весьма безбѣдно. Но все это къ слову. Важно его нравственнаго благополучіе, въ наличіи котораго не приходилось сомнѣваться, не смотря на всѣ видимыя весьма тяжелыя жизненныя условія, казалось бы, ни въ какомъ случаѣ не могущія создать его.

Состояніе прихода, гдѣ пріютились и благополучно пребывали чуть ли не всѣ нынѣ существующіе „измы“, кончая атеизмомъ, требовало отъ пастыря особенной дѣятельности, — дѣятельности живой, разумной, осмысленной, свободной отъ всякихъ недочетовъ и разныхъ другихъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній. Тутъ скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, малѣйшія шереховатости жизни и дѣятельности пастыря могли бы завести дѣло далеко въ нежелательную сторону. Но этого-то именно и не случилось, а случилось совершенно обратное. И это не потому, въ самомъ дѣлѣ, что покойникъ былъ какимъ-нибудь выдающимся специалистомъ-миссіонеромъ, знаткомъ дѣла, талантливымъ ораторомъ, находчивымъ, диспутантомъ, легко и свободно отражающимъ набѣги иновѣрія,

нѣтъ. Не было даже и того, чтобы онъ, будучи всего только выше среднихъ способностей и дарованій, выбивался изъ силъ, изъ кожи лѣзъ, горячился, волновался, усиленно работалъ и, такъ сказать, настойчивостью и силою бралъ то, чего нельзя было взять инымъ путемъ. Не было, говорю, и этого. Онъ былъ миссіонеромъ совершенно въ другомъ родѣ. Это послѣднее обстоятельство, нужно думать, и сохранило ему столь необходимое въ каждой дѣятельности душевное равновѣсіе и спасло его отъ того внутренняго разлада съ его почти неизбѣжнымъ душевнымъ кризисомъ, отъ котораго уходилъ рѣдкій молодой неуравновѣшенный дѣятель. Онъ открыто сознавался, что тамъ, гдѣ рационализмъ въ дѣлѣ вѣры столько окрѣпъ и освоился, что существуетъ скорѣе какъ бы для самого себя, чѣмъ для исканія истины, и гдѣ онъ поэтому не считается ни съ какими самыми даже очевидными доказательствами истины, тамъ держать толпу въ постоянномъ религіозномъ напряженіи, напередъ предугадывая и предотвращая возможные случаи неблагополучнаго разрѣшенія его, можетъ только весьма опытный и талантливый миссіонеръ, а не простой смертный, затрачивающій и расходующій на это дѣло неимовѣрную массу нравственныхъ и физическихъ силъ и въ то же время не могущій ничѣмъ гарантировать невозможности тѣхъ случаевъ, когда малѣйшій недосмотръ или собственная неосторожность въ состояніи направить дѣло не впередъ, а назадъ. Покойный о. Василій, видимо, умѣлъ соразмѣрять свои силы и потому не бралъ на себя такой смѣлости. Начатыя было публичныя выступленія въ бесѣдахъ съ сектантами онъ въ концѣ-концовъ сократилъ до минимума, зато сталъ искать всякаго удобнаго случая для сближенія съ православными. Будучи по природѣ ласковъ, обходителенъ, онъ умѣлъ скоро войти въ душу собесѣдника, расположить его къ себѣ. Всегда ровный и спокойный, чуткій и отзывчивый на чужое горе, по службѣ весьма исполнительный, въ жизни скромный и приличный, онъ всѣмъ этимъ лишилъ сектантовъ пріятнаго для нихъ

удовольствія указывать на православнаго священника пальцами и весьма недвусмысленно покивать главами. Отсутствие же всякихъ недоразумѣній между пастыремъ и его православной паствою, особенно на почвѣ вознагражденія за пастырскій трудъ, чего покойный положительно избѣгалъ, окончательно обезоруживало враговъ. Самая благодарная тема въ разговорахъ съ православными у нихъ ускользала. Между тѣмъ взаимное расположеніе между пастыремъ и паствою все болѣе и болѣе крѣпло. Никто не имѣлъ повода быть чѣмъ-нибудь недовольнымъ на своего пастыря; наоборотъ, число лицъ, особенно расположенныхъ за ту или иную оказанную услугу, значительно увеличивалось. Чувствуя подъ собою твердую почву, о. Василій совершенно измѣнилъ свою тактику по отношенію къ сектантамъ. Онъ пересталъ обращать на нихъ главное свое вниманіе, сталъ игнорировать, какъ бы не замѣчать ихъ. Вызывающій духъ сектантовъ пріутихъ: они не ожидали такого оборота дѣла; ловить овецъ въ церковной оградѣ оказалось не такъ-то легко, а еще, наоборотъ, стали повторяться случаи возвращенія къ церкви. И вотъ сектантское движеніе, вначалѣ очень бурное, въ концѣ-концовъ пріумолкло, застыло, какъ застываетъ вода, подернутая легкимъ водянымъ покровомъ. Цѣль была достигнута—возможность частыхъ и массовыхъ сокращеній была предотвращена. Въ этомъ покойный о. Василій видѣлъ свое нравственное удовлетвореніе и готовъ былъ ожидать бѣдшаго, если бы Богу угодно было продлить его жизнь. Все это случилось какъ-то легко и свободно, безъ всякихъ какихъ-либо чрезмѣрныхъ усилій, благодаря только счастливому сочетанію многихъ прекрасныхъ душевныхъ качествъ въ лицѣ покойнаго и достоуважаемаго собрата и умѣнью использовать ихъ въ жизни. Онъ миссіонерствовалъ не словами, а жизнью, и сдѣлалъ столько, сколько даже при громадныхъ усиліяхъ не всякому удастся (Совр. лѣт.).

в) Приходскіе совѣты.

Самарскій епархіальный съѣздъ духовенства имѣлъ сужденіе о церковно-приходскихъ свѣтахъ. Вопросъ поставленъ былъ въ такой формулировкѣ: необходимо ли устраивать церковно-приходскіе совѣты, и если необходимо, то какъ организовать ихъ. Всѣ депутаты признавали необходимымъ устройство церковно-приходскихъ совѣтовъ, но мнѣнія раздѣлились въ вопросѣ объ организаціи ихъ. Одни признавали, что организовать церковно-приходскій совѣтъ возможно и легко, стоитъ только вдуматься въ изданныя Святѣйшимъ Синодомъ правила (указъ Св. Синода отъ 18 ноября 1906 г.) и точно слѣдовать имъ. При этомъ указывали, что существующія церковно-приходскія попечительства, при расширеніи числа членовъ до 12, и функцій попечительствъ, безъ всякаго затрудненія могутъ быть преобразованы въ совѣты. Другіе указывали препятствія и затрудненія въ проведеніи совѣтовъ въ жизнь; были указаны факты, что при существующихъ условіяхъ религіозно-нравственнаго быта прихожанъ и при отсутствіи юридическихъ правъ у совѣтовъ, организація послѣднихъ не дала какихъ-либо замѣтныхъ результатовъ. По всестороннемъ обсужденіи вопроса были установлены слѣдующія положенія: 1) желательно предоставить церковно-приходскимъ совѣтамъ больше самостоятельности въ завѣдываніи церковнымъ хозяйствомъ. 2) Желательно предоставить приходскимъ совѣтамъ права юридического лица. 3) Указать лучшіе и вѣрнѣйшіе способы усиленія матеріальныхъ средствъ, которыя могли бы церковно-приходскіе совѣты использовать въ цѣляхъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія и благотворенія въ приходѣ. 4) Въ настоящее время предоставить церковно-приходскимъ совѣтамъ только лишь участіе, вмѣстѣ съ священникомъ, въ религіозно-нравственномъ оздоровленіи прихода, для чего придать совѣтамъ характеръ просвѣтительныхъ братствъ. Когда же религіозно-нравственное оздоровленіе прихода будетъ достигнуто, тогда

то и предоставить совѣтамъ хозяйственную и благотворительную роль. 5) Необходимо точное и неуклонное слѣдованіе правиламъ Св. Синода въ организациі церковно-приходскихъ совѣтовъ безъ всякаго расширенія правъ (Совр. лѣт.).

с) Вспомогательная благотворительность.

Вологодскимъ преосвященнымъ утвержденъ докладъ Вологодской духовной консисторіи объ открытіи во всѣхъ приходахъ Вологодской епархіи „вспомогательныхъ для развитія приходской жизни и благотворительности учреждений“. „Святое дѣло призрѣнія безпомощныхъ,—говорится въ докладѣ,—есть дѣло Церкви, завѣтъ Христа Спасителя и Его св. апостоловъ (Лук. 6, 36; Іак. 2, 13—17 и мн. др.). Широкая благотворительность древняго времени ушла изъ Церкви въ города, и отсутствіе ея въ деревняхъ весьма печально сказывается на бѣдномъ крестьянскомъ людѣ. Болѣе освѣдомленнымъ о печальныхъ условіяхъ приходской жизни и по своему пастырскому званію обязаннымъ заботиться о бѣдствующихъ членахъ своей паствы является приходскій священникъ, который, руководя приходскою благотворительностью, могъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, найти утѣшеніе и одобреніе своихъ трудовъ, возвысить свой пастырскій авторитетъ и заслужить уваженіе“ (Совр. лѣт.).

д) Города безъ кабаковъ.

Французскій журналъ „Citoyen franco-americain“ (франко-американскій гражданинъ) въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ рисуеъ идеальные города безъ кабаковъ. Въ одной изъ областей южной Англій съ 231.000 населеніемъ есть множество мѣстечекъ, гдѣ, благодаря вліянію мѣстныхъ землевладѣльцевъ, нѣтъ ни одного кабака. Полиція тамъ совер-

шенно нечего дѣлать, такъ какъ преступленій почти не бываетъ. Все населеніе этой мѣстности замѣчательно трудолюбиво, хорошо одѣвается, прилично живетъ и всѣхъ своихъ дѣтей посылаетъ въ школу. Въ Шотландіи также не мало городковъ и селеній съ исключительно рыбацкимъ населеніемъ, гдѣ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ произошла громадная перемѣна къ лучшему, благодаря отсутствію кабаковъ. Раньше тамъ было множество кабаковъ и шло почти поголовное пьянство. Рыбаки ранѣе оправдывались тѣмъ, что при ихъ тяжеломъ трудѣ на морѣ во всякую погоду имъ трудно было обходиться безъ алкоголя. Теперь же всѣ кабаки въ этихъ мѣстахъ совершенно уничтожены. Рыбаки, отправляясь на море, берутъ съ собой только чай и кофе. Нравственность въ населеніи возрастаетъ съ каждымъ годомъ, преступленія уменьшились до минимума, всюду царитъ полное благосостояніе и благополучіе, вмѣсто прежней нищеты, вѣчныхъ ссоръ, дракъ и разнаго рода преступленій. Нищихъ нѣтъ, поэтому существовавшій тамъ раньше налогъ на бѣдныхъ теперь отмѣненъ. Словомъ, гдѣ нѣтъ кабаковъ, тамъ мирное, тихое, сытое и довольное житье, т. е. полная противоположность тому, что наблюдается въ мѣстахъ, гдѣ развито пьянство (Соврем. лѣт.).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим Амвросій

Печатать дозволяется. Кіевъ. 30-го января 1909 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 6—7.

1909-го года 8—15 февраля.

Содержаніе: I. Къ вопросу о современныхъ задачахъ нашего духовенства. Кир. Тихомировъ. — II. Великій постъ. М. Скабаллановича. — III. Секта адвентистовъ. (Окончаніе). Н. Гумилевскаго. — IV. Не судъ-ли Божій. — V. Замѣтка. Какъ живутъ вожди социалистовъ.

Къ вопросу о современныхъ задачахъ нашего духовенства.

Въ послѣднихъ книжкахъ — за прошлый годъ — нашего журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ былъ поднятъ и разработанъ вопросъ объ общественной дѣятельности приходскаго священника. Нужна нѣкоторая смѣлость, чтобы, не убоившись упрека въ повтореніи задовъ, возвращаться снова къ этому вопросу, — но слишкомъ обширенъ онъ и слишкомъ серіозенъ и жгучъ, чтобы не говорить о немъ все больше и больше, особенно теперь, когда надвигавшаяся религіозная, политическая и экономическая жизнь властна предъявлять къ общественной дѣятельности духовен-

ства все новыя задачи и запросы. Соглашаясь съ авторомъ статьи „Къ вопросу объ общественной дѣятельности приходскаго священника“, что самая прямая, главная и святая общественная дѣятельность священника—богослуженіе, проповѣдь, требы и собесѣдованія съ прихожанами,—тѣмъ не менѣе мы считаемъ не излишнимъ, для полноты освѣщенія очень важнаго, затронутаго вопроса,—сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ современныхъ задачахъ нашего духовенства, которыя такъ настойчиво выдвигаетъ на очередь наша общественная, тревожная жизнь.

Политическое и религіозное движеніе послѣднихъ годовъ поставило наше духовенство въ новыя условія дѣятельности. Доселѣ оно обслуживало преимущественно религіозно-нравственныя нужды своей паствы исключительно почти богослуженіемъ, требоисправленіемъ и учительствомъ. На этой сторонѣ жизни своихъ пасомыхъ оно сосредоточивало свое вниманіе; другіе же подчасъ жгучіе интересы и нужды ихъ оставались почти внѣ вліянія духовенства; къ этимъ интересамъ оно не особенно и прислушивалось. Между тѣмъ теперь, когда наше отечество перестраивается заново, когда въ эту перестройку вовлекается и Церковь, внѣшнее положеніе которой потерпѣть, можетъ быть, серіозныя измѣненія,—становится необходимо и обязательно для нашего духовенства стоять близко къ народу, соединиться съ нимъ, чтобы во всякій моментъ и вполнѣ знать его мысли, стремленія, его нужды и потребности. Теперь настало такое время, что священнику необходимо быть въ духовно-напряженномъ состояніи и облечься во всѣ боевыя доспѣхи въ видѣ знанія, умѣнья, духовной опытности и прилежанія къ дѣлу пастырскому. Теперь жизнь поставила на очередь такіе вопросы, обойти которые никакъ нельзя. Съ одной стороны невѣріе съ разновѣріемъ ожесточенно набросились на православіе; съ другой—упадокъ народной нравственности во всѣхъ ея видахъ даетъ себя чувствовать на каждомъ шагѣ. Тамъ вѣками спавшее невѣжество усиленно взываетъ къ просвѣ-

щенію, въ другомъ мѣстѣ жгучая матеріальная нужда вопіетъ о помощи... И во всѣхъ этихъ бѣдахъ и нуждахъ несчастнаго человѣчества требуется *не заурядное участіе духовенства нашего, а его главенство и руководство.*— Но откуда приобрѣтетъ священникъ знаніе, умѣнье и духовную опытность; какъ онъ можетъ просвѣщать умы, ослѣпленные тьмой невѣрія, и преобразовывать сердца, въ которыхъ земныя страсти заглушаютъ благородныя душевныя склонности, если онъ будетъ держать себя въ отношеніи паствы въ сторонѣ—безучастно; если его сердце не будетъ биться всегда живымъ откликомъ на нужды народа и, какъ спокойное озеро, не будетъ знать тѣхъ бурь и невзгодъ, которыя такъ часто теперь разыгрываются на житейскомъ морѣ? Нельзя быть врачомъ и не имѣть тѣснаго сношенія съ больными. Врачи тѣлесные не боятся для себя клиникъ, больницъ, ни ранъ больныхъ, ни заразныхъ болѣзней, ни труповъ. Духовному врачу, заслуживающему этого имени, нельзя сторониться больныхъ нравственно своихъ пасомыхъ, сторониться ихъ заблужденій, пороковъ, бѣдности, невѣжества; это было бы отреченіемъ отъ пастырскаго званія и долга и признаніемъ своей несостоятельности.

Но вопросъ имѣетъ другую болѣе серіозную сторону. Еще полвѣка тому назадъ, общество наше, да и простой народъ, проникнуты были крѣпкой вѣрой. Взоры ихъ сквозь человѣческое, казалось, видѣли божественное: обрядность, празднества и богослуженіе приводили ихъ въ священный восторгъ и, преисполненные живой вѣры, они созерцали только божественное дѣйствіе пастыря, не задумывались надъ тѣмъ, обладаетъ ли онъ всѣми умственными и нравственными качествами, необходимыми для его сана. Другими словами, общество добраго стараго времени не умѣло мысленно отдѣлять священника отъ человѣка, и не смущалось ни его изолированностью, ни недостаткомъ опытности, ни даже пороками. Но въ современномъ обществѣ одной высоты внѣшняго положенія недостаточно, чтобы создать авторитетъ и обезпе-

читать влияние на умы. Теперь, когда общественное сознание не только в интеллигентных, но и в низших классах населения возросло настолько, что оказалась назревшая необходимость в существенных преобразованиях общественной и отчасти в церковной жизни; русские люди требуют от духовенства достаточного знания человеческого сердца, подробного ознакомления с потребностями и нуждами отдельных лиц, во время его руководства, требуют знания болѣзней, которыми страдают учреждения и массы и которые пастырь призван лечить. Вообще современная паства желает имѣть у себя таких пастырей, которые бы вмѣстѣ съ исполненіем своей прямой и главной обязанности—богослуженія, проповѣди и требъ, давали собою образец особеннаго попеченія о паствѣ, и не словами только, а самую жизнь, своею личностью, своимъ дѣятельнымъ отношеніемъ къ пасомымъ... „Азъ на сіе родихся и на сіе приидохъ,“ говоритъ Пастыреначальникъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, да свидѣтельствуютъ истину (Іоанн. 18, 37), и вотъ мы видимъ, что Онъ благовѣствуетъ всегда окруженный народомъ—не въ храмѣ только іерусалимскомъ и іудейскихъ синагогахъ, но и въ частныхъ домахъ, въ полѣ, въ пустынѣ, всегда какъ только представлялся къ тому удобный случай, но Онъ не только проповѣдывалъ слово Божіе, но и относился всегда къ окружающимъ Его людямъ съ трогательною и нѣжною заботливостію и участіемъ: исцѣлялъ слѣпыхъ, хромыхъ, бѣсноватыхъ и вообще сердце Его всегда было открыто для бѣдныхъ, грѣшныхъ и обездоленныхъ. Такъ дѣйствовали св. апостолы, св. отцы и учителя Церкви; такъ заповѣдывали они поступать и другимъ.

Не слѣдуетъ думать, что пастырская заботливость о благѣ пасомыхъ нужна была только въ древнія времена Церкви, по особеннымъ временнымъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ. Если пастыри древнихъ временъ, когда духъ вѣры и сила благочестія были несравненно сильнѣе между христианами, находили нужнымъ, сверхъ учительства, прини-

мать дѣятельное участіе и руководство въ жизни пасомыхъ, то тѣмъ болѣе это необходимо въ наше тревожное время.

Задача нашего духовенства осложняется, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что религіозный вопросъ въ наши дни тѣсно связанъ съ вопросомъ экономическимъ. Низшіе классы народа, удрученные трудомъ, бѣдностью, невѣжествомъ, не удовлетворяются уже возведеніемъ очей къ небу, гдѣ надежда обѣщаетъ имъ радости будущей жизни; проповѣдники социализма имъ внушаютъ, что рай долженъ осуществиться здѣсь, на землѣ, что и въ этой жизни можно отлично устроиться безъ религіи и морали; стоитъ только богатымъ подѣлиться съ бѣдными и проч. Благоразумно ли и справедливо ли отвѣчать на такія жгучія рѣчи одними только обрядами, пѣснопѣніями и большею частью стереотипными поученіями? Нѣтъ, русскіе люди желаютъ, чтобы ихъ пастыри принимали дѣятельное участіе въ ихъ общественной и экономической жизни; чтобы они попытались создать учрежденія, облегчающія бѣдность, нищету, темноту народной массы и показали на дѣлѣ, что христіанство, ставящее себѣ главною цѣлью достиженіе духовныхъ благъ, не сторонится въ то же время и того, чтобы лѣчить общественные недуги и рѣшать вопросы, касающіеся матеріальнаго благополучія обездоленной меньшей братіи. Если Господь нашъ Иисусъ Христосъ призналъ за человѣкомъ право на земное благополучіе, вмѣнилъ каждому своему послѣдователю въ непремѣнную обязанность заботу о матеріальныхъ нуждахъ и своихъ ближнихъ, то Онъ требуетъ, чтобы борьба съ бѣдностью и угнетеніемъ во всѣхъ ея видахъ была прежде всего священнымъ долгомъ нашихъ пастырей.

Къ сожалѣнію, вопросъ о томъ, въ правѣ или не въ правѣ приходское духовенство принимать участіе въ устроеніи экономическаго быта своихъ прихожанъ, или оно должно заниматься исключительно предметами религіозно-нравственнаго порядка, все еще не разрѣшенъ послѣдователь-

но и опредѣленно ни высшею церковною властью, ни самимъ духовенствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ для примѣра хотя бы такое въ практическомъ отношеніи весьма полезное для крестьянъ дѣло, какъ устройство кредитныхъ товариществъ, потребительныхъ лавокъ и проч. Св. Синодъ по этому предмету издалъ (указъ отъ 18 ноября 1906 г. № 6590) о запрещеніи священникамъ *состоять членами и председателями правленій обществъ мелкаго кредита*. При бѣгломъ чтеніи этого Синодальнаго опредѣленія кажется, что между двумя правительственными учрежденіями Св. Синодомъ и Министерствомъ Финансовъ существуютъ противоположныя воззрѣнія по одному и тому же вопросу. Министерство Финансовъ признаетъ громадную пользу для народа отъ учрежденій кредитныхъ товариществъ и стремится, вслѣдствіе неграмотности сельскаго темнаго люда, привлечь къ столь полезному дѣлу духовенство; а Св. Синодъ воспрещаетъ духовенству участвовать въ правленіяхъ кредитныхъ товариществъ. Но это противорѣчіе — одно недоразумѣніе, получающееся при поверхностномъ чтеніи указа; при болѣе внимательномъ и вдумчивомъ отношеніи къ содержанію синодальнаго распоряженія становится понятнымъ, что въ указѣ Св. Синода духовенство не отстраняется *совершенно* отъ участія въ кредитныхъ товариществахъ: напротивъ, признается даже желательнымъ, чтобы православное духовенство, *словомъ убѣжденія* въ частныхъ бесѣдахъ съ народомъ, *способствовало* устройству и распространенію этихъ мелкихъ кредитныхъ среди народа учрежденій и тѣмъ же словомъ въ частныхъ бесѣдахъ *руководило* простой народъ при открытіи товариществъ. Такимъ образомъ въ разсматриваемомъ нами указѣ Св. Синода нѣтъ категорическаго запрещенія и нѣтъ опредѣленнаго разрѣшенія для духовенства участвовать въ кооперативныхъ учрежденіяхъ; въ немъ ясно и опредѣленно видна одна лишь тенденція, а именно, чтобы духовенство, при устройствѣ денежныхъ организацій не увлекалось меркантильною — *денежною корыстью*, а стояло на высотѣ сво-

его призванія; оказывало энергичное интеллектуальное воздѣйствіе на свою паству въ дѣлѣ организациі мелко-кредитныхъ учреждений. Посему-то не правы тѣ пастыри, которые утверждаютъ, что синодальный указъ безусловно воспрещаетъ имъ служить простому—темному народу въ дѣлѣ устройства и распространенія кредитныхъ товариществъ. Вѣдь можно священнику не состоять членомъ извѣстнаго кредитнаго товарищества и въ то же время своимъ авторитетнымъ словомъ, добрымъ совѣтомъ и наставленіемъ оказать прихожанамъ существенную помощь. И какъ нужна эта помощь нашей деревнѣ особенно теперь, когда приходится стоять ей лицомъ къ лицу съ цѣлымъ рядомъ весьма тяжелыхъ послѣдствій такъ недавно бывшаго революціоннаго разгрома, когда массовые поджоги, грабежи, вымогательства и проч. поставили бѣдный сельскій людъ просто въ безвыходное положеніе. А тутъ еще на сценѣ деревенскіе „благодѣтели“, разнаго рода гешефтмахеры, ростовщики—выжимаютъ послѣдніе соки изъ обездоленнаго сельскаго обывателя... Но что всего печальнѣе—такъ это то, что сельское населеніе при такомъ тяжеломъ своемъ положеніи остается почти *безъ всякаго руководства и безъ всякой помощи*. А между тѣмъ въ нашей деревнѣ—за рѣдкими исключеніями—самымъ развитымъ и образованнымъ человѣкомъ бываетъ одинъ приходскій священникъ, который, во имя христіанской заповѣди о любви къ ближнему, не можетъ равнодушно проходить мимо угнетенныхъ злымъ отчаяніемъ—обездоленныхъ своихъ собратій, безъ своего сердечнаго участія, добраго совѣта и наставленія. Жизнь и подвигъ *отца Іоанна Крошадтскаго*, этого великаго свѣточа въ жизни русской, воочію показываютъ, что можетъ сдѣлать священникъ съ живой вѣрою и добрымъ сердцемъ для ближняго своего. О. Іоаннъ сотворилъ безмѣрное и тѣмъ самымъ показалъ и доказалъ, что и всякій можетъ творить здѣсь безчисленное добро.

Самое страшное зло нашихъ дней въ томъ, что съ отмираніемъ изжитого и ненужнаго, отрицаются неизживаемые—

вѣчные устои, безусловно необходимые религіозно-нравственные принципы жизни и дѣятельности. Для всѣхъ должно быть извѣстно, что отпаденія мірянъ не только отъ православія, но и отъ Церкви, христіанства и всякой религіи вообще, принимаютъ угрожающіе размѣры, которые начинаютъ серьезно тревожить правительство и духовенство. Отрицаніе растетъ не въ „верхахъ“ только, но и на „низахъ“, захватываетъ цѣлые народные слои—простой людъ въ городахъ и въ деревнѣ. Обнаруживаются гибельныя послѣдствія опустошенія души народной разными соціально-атеистическими ученіями, быстро распространяющимися въ народной массѣ соціально-революціонерами посредствомъ книгъ, брошюръ, прокламаций. Образованные классы, отрицающія религію, живутъ интересами науки, культуры, общественной дѣятельности, увлекаются литературой и искусствомъ. У простого же народа, съ паденіемъ религіозно-нравственныхъ устоевъ, обнаруживается голая пустота... На этой почвѣ въ небываломъ числѣ возрастаютъ преступленія: пьянство, развратъ, воровство, грабежи и убійства. Въ деревнѣ, говорятъ, житья нѣтъ отъ грабежей, поджоговъ. Бѣдные озвѣрѣли отъ ненависти къ богатымъ; состоятельные ожесточились по отношенію къ немущимъ. Наблюдается скверный гнилостный процессъ, зарождается анархія, самоистребленіе крестьянъ. Вотъ страшное зло деморализаціи души народной; оно, какъ тяжелый кошмаръ, заставляя задуматься даже равнодушныхъ. Тѣмъ болѣе, конечно, не можетъ равнодушно и безучастно проходить мимо такихъ явленій духовенство, особенно сельскіе пастыри, живущіе въ общемъ-то ближе другихъ къ народу, почти единственные его воспитатели и руководители. На нихъ лежитъ священный долгъ остановить порывы преступной человѣческой воли и направить эту злобную волю на чисто христіанскій путь мира и любви.

На кievскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, при разногласіяхъ, иногда значительныхъ, по нѣкоторымъ вопросамъ, всѣ согласны признавали наличный фактъ возрастающаго религіозно-

нравственнаго одичанія народа. Предлагались средства для врачеванія души: упорядоченія богослуженія, усиленіе проповѣди, полемическая бесѣда съ иновѣрцами и сектантами. Недостаточно, намъ кажется, была выдвинута на сѣздѣ необходимость *положительнаго* религіозно-нравственнаго учительства и важное значеніе въ этомъ отношеніи распространенія въ народѣ хорошихъ книгъ. Наши предки съ великимъ уваженіемъ относились къ книгѣ. Уваженіе и любовь къ книгѣ донынѣ живетъ въ средѣ народа, который вѣритъ каждой печатной строкѣ, а потому съ одинаковымъ довѣріемъ читаетъ и полезныя и безусловно зловредныя книги. Святая задача и обязанность нашего духовенства, потрудиться въ дѣлѣ снабженія деревни хорошей книгой. Какъ ни распатана въ нравственномъ отношеніи наша деревня, но было бы несправедливо сказать, что она не стремится къ свѣту. Нѣтъ, жажда свѣта и знанія сильна въ народѣ и возрастаетъ по мѣрѣ развитія грамотности. Ученики, окончивъ курсъ и вернувъ въ школу учебники, хотятъ продолжать читать, но вотъ бѣда: нѣтъ хорошихъ книгъ, нѣтъ въ приходахъ читаленъ. Въ праздничные свободные дни, особенно зимою, сельскіе обыватели буквально не знаютъ, куда дѣвать себя, а потому проводятъ дни у пивныхъ лавокъ, трактировъ, гдѣ и развлекаются тѣмъ пагубнымъ печатнымъ словомъ, которое широко распространяется революціонерами „просвѣтителями“. День ото дня, мало-по-малу обыватель, выпитывающій съ себя ядъ революціонной и анархической лжи, и, засосанный въ эту нравственную тину, незамѣтно дичаетъ, ожесточается, и въ такомъ состояніи грабитъ, поджигаетъ, убиваетъ... А потому неотложною задачею нашихъ добрыхъ пастырей должно быть устройство при каждой церкви или церковной школѣ читаленъ и библіотекъ съ подборомъ такихъ книгъ, въ которыхъ раскрывались бы основныя положительныя принципы чисто христіанской жизни и дѣятельности. Надо вообще, чтобы въ предлагаемыхъ книгахъ содержалось только „ра-

зумное, доброе, вѣчное“; за это „спасибо сердечное скажетъ русскій народъ“.

Мы переживаемъ смутные дни. Духовная жизнь напряжена, кажется, до послѣдней степени. Затронуты всѣ жгучіе христіанскіе и церковные вопросы; антирелигіозная и антигосударственная пропаганда широкой волной разливается въ массѣ народной. А между тѣмъ единенія между нашими пастырями мало, общеніе недостаточно развито. Казалось бы, что тутъ-то и сплотиться въ тѣсную дружину и дать рѣшительный и поучительный отпоръ цѣлой арміи революціонныхъ, сектантскихъ и другихъ „проповѣдниковъ“, насилующихъ народную волю и совѣсть. Но къ глубокому сожалѣнію, сами пастыри съ грустью неоднократно заявляютъ, что въ прежнее время общенія между пастырями было больше. Теперь рѣдко кто къ кому ѣздитъ, рѣдко кто у кого совѣта попроситъ, особенно младшій у старшихъ. Подобное обращеніе за совѣтомъ считается унизительнымъ, такъ какъ-де образованіе у обоихъ одинаковое, и познаній не меньше у младшаго, въ сравненіи со старшимъ. Все это, быть можетъ, и такъ, но... мы умолкнемъ здѣсь предъ такимъ „несокрушимымъ“ аргументомъ, да и опасно, чтобы эти младшіе не спросили: „ты кто еси—судай?“...

Для всѣхъ должно быть извѣстно, что между духовенствомъ и интеллигентнымъ обществомъ существуютъ, какъ говорится, „натянутыя отношенія“. Мы не будемъ вдаваться въ обсужденіе причинъ такихъ отношеній, но не можемъ умолчать о томъ, что пастырямъ, стоящимъ на стражѣ Православной Церкви, не слѣдуетъ сторониться общества въ такой важный моментъ церковно-общественной жизни, а необходимо дѣйствовать, идя на встрѣчу запросамъ времени и потребностямъ общества. Этого властно требуетъ жизнь, которая не отливается въ разъ навсегда установленныя формы, а идетъ впередъ, вслѣдствіе чего и нашей церкви также приходится считаться съ могучимъ напоромъ все новыхъ идей, требующихъ отвѣта. Но идя на встрѣчу новымъ идеямъ, да-

вая отвѣты на запросы времени и общества, пастырь всегда долженъ оцѣнивать общественныя явленія съ точки зрѣнія евангельскихъ идей любви и истины, съ мудростью отца и педагога направлять мятущееся общество въ духъ Евангелія, ежечасно предостерегая отъ всякаго насилія, внушая и обществу и власти одинъ путь,—путь любви и мира. Какъ служитель Церкви, а не земного царства, онъ долженъ стоять не столько впереди общественныхъ теченій, сколько выше ихъ. Признавая за ними историческій и моральный смыслъ, онъ обязанъ смотрѣть на новыя формы жизни не какъ на на цѣль, а какъ на средство къ духовному возрожденію. Этимъ онъ существенно отличается отъ политическаго дѣятеля. Онъ чуждъ увлеченія какъ старыми, такъ и новыми формами общественной жизни; онъ не страдаетъ излишнею вѣрою въ спасительность новыхъ порядковъ: какъ мудрый воспитатель, онъ замѣчаетъ духовно-нравственный ростъ своей паствы и постоянною проповѣдью любви и правды облегчаетъ ей переходъ къ новымъ формамъ жизни, цѣня въ нихъ лишь элементы истины и добра. Онъ и здѣсь не перестаетъ быть проповѣдникомъ Евангелія, только не теоретическаго, а воплощеннаго въ фактахъ современной—общественной жизни.

Таковы въ общихъ чертахъ открывающіяся предъ нами перспективы для нашихъ пастырей, которые пожелали бы съ особенною настойчивостью, путемъ основательнаго и вдумчиваго изученія общественной жизни и мысли, поставить себя на уровень задачъ и требованій, предъявляемыхъ теперь къ духовенству простымъ народомъ и образованнымъ обществомъ.

Кир. Тихомировъ.

Великій постъ.

§ 1. *Нынешняя форма поста.*

Время и пространство считаются въ философіи принципами, т. е. способами, ограниченія вещей. Это значитъ: не зная вещей такими, какъ онѣ существуютъ внѣ насъ и сами по себѣ, мы знаемъ ихъ лишь такими, какими онѣ являются въ пространствѣ и времени. Онѣ должны пройти черезъ призму этихъ условій нашего познанія, чтобы быть воспринятыми нами. Съ другой стороны и воздѣйствовать на внѣшній міръ мы можемъ не по самой сущности его, а лишь на обнаруженія его для насъ, т. е. опять же въ границахъ времени и мѣста.

Этотъ общій законъ нашего отношенія къ лежащему внѣ насъ міру имѣетъ нѣкоторое приложеніе и къ нашей религіозной жизни. Хотя Богъ настолько близокъ къ намъ, что мы „въ Немъ движемся, и живемъ, и есмь“, и настолько сроденъ нашей душѣ, что можетъ ей открываться непосредственнѣе, чѣмъ матеріальный міръ, однако и Его отношеніе къ намъ не можетъ совершенно обойти рамокъ мѣста и времени. Нельзя отрицать, что Богъ въ храмахъ становится ближе къ намъ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. А если такъ, то и во взаимныхъ отношеніяхъ между Богомъ и нами имѣютъ значеніе опредѣленія мѣста.

Тѣмъ болѣе въ этихъ отношеніяхъ должны имѣть значеніе опредѣленія времени, менѣе, такъ сказать, вещественныя и грубыя. Священныя времена должны не менѣе приближать Бога къ намъ, чѣмъ священныя мѣста. Это своего рода храмы Богу во времени, болѣе духовныя, чѣмъ храмы въ собственномъ смыслѣ, слѣдовательно—болѣе приличные для Божества и болѣе угодныя Ему.

Вступая въ священное время, мы чувствуемъ благодатное вліяніе, аналогичное тому, которое испытываемъ при входѣ въ храмъ. Разница, конечно, есть, но она выгоднѣе

для священнаго времени. Во-первыхъ, благодатное вліяніе здѣсь продолжительнѣе (хотя можетъ быть менѣе интенсивно); во-вторыхъ,—оно разнообразнѣе.

Нѣтъ двухъ праздниковъ, которые навѣвали бы насъ совершенно одинаковыя чувства. Можно сказать, въ каждый праздникъ Богъ намъ открывается совершенно съ другой стороны. По крайней мѣрѣ въ Православной Церкви совокупность пѣснопѣній, составляющихъ богослуженіе каждаго великаго праздника, настолько своеобразна по общему характеру своему, что настраиваетъ вѣрующаго совершенно не такъ, какъ въ другой праздникъ. Въ этомъ отношеніи разница, и большая, есть даже между такими сравнительно второстепенными праздниками, какъ, напр., Срѣтеніе и Благовѣщеніе. А богослуженіе съ его пѣснопѣніями и навѣвами и служить выраженіемъ нашего настроенія въ праздникъ; этимъ настроеніемъ были вдохновлены праздничныя пѣсни и мелодіи ихъ творцамъ.

Если оцѣнивать съ этой точки зрѣнія священныя времена, если смотрѣть на нихъ, какъ на своего рода храмы Богу, очищающія и возвышающія входящихъ туда, то трудно найти болѣе величественный и священный храмъ, чѣмъ Великій постъ. Онъ вполне оправдываетъ свой эпитетъ, усвоенный ему въ просторѣчій¹⁾ и принадлежащій кромѣ него только одному лишь празднику, одной недѣлѣ церковнаго года, пасхальной.

Въ этомъ постѣ христіанская Церковь владѣетъ воспитательнымъ орудіемъ такой силы и значенія, о которыхъ едва ли можно составить себѣ достаточное понятіе. Религіозныя переживанія человѣка занимаютъ до того глубокую часть его души, что они едва поддаются не только изуче-

¹⁾ Официальное, такъ сказать, названіе этого поста „Святая Четырнадцатница“; „великою“ въ богослужебныхъ книгахъ называется только послѣдняя его недѣля, Страстная.

нію, но и простому наблюденію. Тѣмъ меньше есть возможность опредѣлить или, точнѣе говоря, учесть ихъ вліяніе на всю душевную жизнь человѣка, а чрезъ нее и на всю вообще его жизнь, на его не только дѣятельность, но и міросозерцаніе, характеръ.

Можно не преувеличивая сказать, что въ теченіе этого поста мы болѣе, чѣмъ когда-либо, похожи на христіанъ. Религіозная идея какъ бы носится тогда въ воздухѣ. Все окружающее такъ напоминаетъ о Богѣ и вѣчности, что не думать объ этомъ совершенно нельзя, можно только думать такъ или иначе, больше или меньше. Богъ неотступно стоитъ предъ глазами каждаго,—для однихъ, какъ отрадная мысль и надежда, для другихъ, какъ мучительная задача, для иныхъ, какъ непонятная, можетъ быть, и нежелательная сила, такъ мощно дѣйствующая еще въ людяхъ, не смотря на систематическое, тысячелѣтнее богоборство.

Такое учрежденіе, когда бы оно ни возникло, не можетъ не имѣть громаднѣйшаго значенія не только для христіанства но и для человѣчества. Въ немъ христіанство съ такою ошутительностью и внушительностью, какъ рѣдко чѣмъ и когда, проявляетъ свою дѣйственность и силу. Преп. Кассіанъ, какъ увидимъ ниже, и объясняетъ установленіе Великаго поста стремленіемъ пастырей Церкви хотя на эти 40 дней воскрешать въ вѣрующихся тотъ духовный пылъ, которымъ горѣли все время первые христіане. Не повторяется ли и нынѣ, хотя въ менѣе замѣтныхъ размѣрахъ вслѣдствіе большей скученности населенія и смѣси въ одномъ мѣстѣ разныхъ племенъ и религій, явленіе, наблюдавшееся св. Златоустомъ въ IV—V вѣкахъ относительно поста: „нигдѣ нѣтъ сегодня ни шума, ни крика, ни разрыванья мясъ, ни бѣганья поваровъ; все это прекратилось, и нашъ городъ теперь походить на честную, скромную и цѣломудренную жену. Когда подумаю о внезапной перемѣнѣ, произшедшей сегодня, и вспомню о беспорядкахъ вчерашняго

дня, то изумляюсь силѣ поста, какъ онъ, вошедши въ со-
вѣсть каждаго, измѣнилъ мысли, очистилъ умъ“¹⁾).

Каждый грѣхъ, даже каждое гнилое слово, не проходитъ
безслѣдно. И разрушительное дѣйствіе грѣха не ограничивается
тѣснымъ кругомъ мѣста совершенія. Можно сказать, ядови-
тыя волны его тока распространяются по всему міру. Каж-
дый грѣхъ въ нѣкоторомъ родѣ подтачиваетъ, разрушаетъ
міръ, потому-то всѣ грѣхи такъ мерзки Богу и такъ караются
Имъ. Если Великій постъ остановилъ хоть одинъ такой грѣхъ,
то онъ имѣетъ міровое значеніе.

Съ каждымъ годомъ жизни у христіанина все больше
укореняется привычка проводить эти недѣли такъ, наполнять
ихъ этими ощущеніями. Мало-по-малу мощная привычка дѣ-
лаетъ постъ въ такое время необходимостью, безъ которой
больно. Сюда надо присоединить и неизбѣжное здѣсь, какъ
и во всей духовно-тѣлесной жизни, вліяніе наслѣдственности.

Такое столько же значительное, сколько сложное учре-
жденіе требовало искусной организаціи. Великій постъ дѣй-
ствительно представляетъ изъ себя цѣлую строго продуман-
ную систему дѣйствій, точнѣе— вліяній на вѣрующихъ.

Стоитъ войти въ Церковь въ чистый понедѣльникъ или
вечеромъ въ сыропустное воскресенье, и уже одинъ видъ
траурныхъ облаченій на аналояхъ произведетъ свое незамѣт-
ное вліяніе на настроеніе наше. А такихъ впечатлѣній по-
лучается въ храмахъ въ теченіе поста десятки: начиная отъ
напѣвовъ и кончая медленнымъ заунывнымъ звономъ, все
это одно за другимъ непрерывно бьетъ въ душу, стучитъ
въ двери ея, обычно закрытыя не только для религіозныхъ,
но и для всякихъ высокихъ движеній, пока, наконецъ, въ
пробитыя щели не станетъ проникать живительное дыханіе
вѣры.

¹⁾ На кн. Быгія бес. 2.

Главнымъ изъ благодатныхъ вліяній поста или орудій воздѣйствія его на душу, какъ ни многочисленны и разнообразны они, является все же самая суть поста, матеріальная основа его, т. е. извѣстное ограниченіе себя въ пищѣ.

Что ни говорить, а питаніе играетъ громаднѣйшую роль въ нашей жизни. Изъ пищи, такъ сказать, новотворится наше тѣло. А тѣло есть обнаруженіе, проявленіе души, которая въ самомъ возвышенномъ актѣ своей жизни не можетъ дѣйствовать отрѣшенно отъ тѣла. Процессъ питанія въ широкомъ смыслѣ, включая сюда и переработку пищи въ ткани нашего тѣла, поглощаетъ у души массу энергіи и беретъ для себя большую часть ея жизни, непрерывно наполняя ее связанными съ этой работой ощущеніями.

Въ виду такого значенія пищи для чисто-духовной жизни нашей, неудивительно, что всѣ религіи всегда придавали такое значеніе въ нравственномъ отношеніи посту, т. е. извѣстнаго рода нормировкѣ и ограниченію себя въ пищѣ. Но и помимо этого, все же полуфизіологическаго значенія, постъ пріобрѣтаетъ особое значеніе оттого, что имъ питаніе чловѣка поставляется въ тѣсную связь съ богопочитаніемъ, получаетъ религіозное освященіе. Благодаря этому животворный глаголь Божій по-истинѣ проходитъ „до раздѣленія души же и духа, членовъ и костей“. Благодатное вліяніе религіи такимъ образомъ простирается на самый низъ нашей души, на ту подсознательную сторону ея, гдѣ она дѣйствуетъ уже какъ простая „жизненная сила“ (*vis vitalis*).

При такомъ психо-физическомъ характерѣ поста для него имѣютъ большую важность всѣ матеріальныя условія, въ которыхъ онъ протекаетъ. Изъ такихъ условій главнѣйшія слѣдующія три: время или пора поста, продолжительность его и способъ пощенія.

Извѣстно, каковы эти условія для Великаго поста. Въ первомъ отношеніи это постъ весенній. Онъ падаетъ на время года, когда происходитъ обновленіе всего организма природы въ столь крупныхъ размѣрахъ, что этому періоду ея жизни

давно усвоено названіе „воскресенія“ природы. Будучи частью природы, сыномъ ея по тѣлу, человѣкъ, конечно, не можетъ остаться не захваченнымъ въ этомъ всеобщемъ потокѣ весенняго оживленія природы. Напротивъ, какъ самое нѣжное созданіе ея, онъ долженъ наиболѣе реагировать на животворное дыханіе весны. Каждому знакомы тотъ подъемъ тѣлесной энергіи, то кипѣніе силъ въ организмѣ, которое имѣетъ мѣсто весною. То—наше тѣло впитываетъ въ себя разливающуюся тогда всюду въ природѣ жизнь. Такой или иной родъ питанія имѣетъ тогда для тѣла больше, чѣмъ когда-либо, значеніе. Освятить въ такое время питаніе тѣла это значитъ освятить его въ наиболѣе подходящую пору. Съ другой стороны „дмѣнія“ плоти тогда особенно сильны. Принести въ жертву Богу эту пріятнѣйшую часть года по-истинѣ значитъ принести ему въ даръ лучшее, что мы имѣемъ, лучшіе изъ дней нашей жизни, „начатокъ“ (въ библейскомъ смыслѣ этого слова) года, который въ древности и начинался вездѣ съ весны.

Что касается продолжительности поста, то уже древніе учителя Церкви обратили вниманіе на то, что онъ составляетъ десятую часть года. Постъ, собственно какъ подвигъ воздержанія, заканчивается въ пятницу 6-й недѣли поста, когда Церковь начинаетъ свои пѣснопѣнія словами: „Душеполезную совершивше четьредесятницу“; далѣе начинается уже другой постъ въ честь страданій Христовыхъ. До этого дня отъ начала поста ровно 40 дней. По исключеніи изъ 48 дней всего поста (съ Страстной седмицей) 12 субботъ и воскресеній, въ которыя постъ не полагается, но принимается постная пища только для однообразія въ питаніи, получается 38 дней. По тому или другому счисленію постъ приближается къ 36 днямъ $\approx 1/10$ года. Такимъ образомъ Богу посвящается не только „начатокъ года“, но и „десятина“ его, въ соотвѣтствіе съ тѣми десятинами, которыя обычно приносились у всѣхъ народовъ въ даръ Богу отъ всѣхъ плодовъ земли.

Десятина эта тѣмъ особенно цѣнна, что въ ней приносится Богу не что-нибудь внѣшнее и стороннее для чело-вѣка, а какъ бы часть его самого, его жизни. Это-то самопожертвованіе, котораго Спаситель требовалъ отъ Своихъ послѣдователей. Величина такого поста вполнѣ отвѣчаетъ величію христіанской вѣры и превосходству ея предъ ветхозавѣтной религіей, которая требовала только одного дня поста въ году. Сорокадневнымъ постомъ христіане, какъ на то опять же обращали вниманіе древніе учителя Церкви, ставятъ себя на одинъ нравственный уровень лишь съ величайшими праведниками Ветхаго Завѣта—Моисеемъ и Иліею и подражаютъ Христу.

Но важна не столько символика и совпаденія, сколько самая суть дѣла. Сорокъ, да еще съ лишнимъ, дней поста— время не малое. Это, конечно, не то, что посты древнихъ подвижниковъ, продолжавшіеся десятилѣтія; но это сильное подражаніе ихъ постничеству со стороны каждаго христіанина, являющееся вмѣстѣ фактическимъ признаніемъ за ихъ (подвижниковъ) подвигами великаго, непреходащаго значенія. Какъ увидимъ ниже, предпасхальный постъ удлиненъ до 40 дней именно подъ вліяніемъ великихъ примѣровъ постничества у свв. отшельниковъ. 40 дней—это такой промежутокъ времени, въ который можно сжиться съ самымъ суровымъ режимомъ, войти совершенно въ новыя условія жизни, почувствовать вполнѣ другую жизнь, жизнь постника съ ея тягестями и небесными радостями.

М. Скабаллановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Секта адвентистовъ.

(Окончаніе 1).

Ш.

Ученіе о послѣднихъ судьбахъ міра и Церкви Христо-вой также представляетъ отличительный пунктъ адвентизма, сравнительно съ остальными христіанскими исповѣданіями. Какъ уже было сказано, адвентисты ожидаютъ скорого второго пришествія Господня. Основатель секты Миллеръ предсказывалъ, что пришествіе Христово будетъ въ 1844 г. Онъ основывалъ свои вычисленія на 8 главѣ книги пр. Даніила, гдѣ изображается видѣніе Даніиломъ овна и козла. Тамъ говорится, между прочимъ, что одинъ изъ роговъ козла возсталъ на Самого Бога и уничтожилъ даже ежедневную жертву, при чемъ Даніилу было объяснено, что „это видѣніе о ежедневной жертвѣ и опустошительномъ печестіи, когда святыня и воинство будутъ попираемы“, простирается „на двѣ тысячи триста вечеровъ и утрѣ; и тогда святилище очистится“ (ст. 13—14). Въ „Библейск. чтеніяхъ о настоящей истинѣ“ (листки №№ 4—8) это мѣсто объясняется такъ, что подъ вечеромъ и утромъ, т. е. днемъ, нужно разумѣть годъ, а подъ очищеніемъ святилища—второе пришествіе Христово, когда грѣхи вѣрующихъ будутъ совершенно очищены и сложены на голову сатаны, что и прообразовано будто бы было въ В. Завѣтѣ днемъ очищенія, когда грѣхи народа слагались на голову козла (Азазель), и послѣдній, изгонялся въ пустыню. Основаніе для опредѣленія начальнаго срока, съ котораго нужно считать 2300 лѣтъ, указывается въ дальнѣйшемъ откровеніи пр. Даніилу о седминахъ, гдѣ слово „опредѣлены“ (9, 24) толкуется въ смыслѣ „отдѣлены“, т. е. седмины Даніила выдѣлены изъ общаго числа 2300 лѣтъ, такъ что начало того и другого счисленія нужно вести съ одного и того

1) См. № 4-й за 1909-й г.

же времени. Концомъ седмины Даниіловыхъ здѣсь считается 34-ый годъ по Р. Х., слѣдовательно началомъ ихъ, а вмѣстѣ и 2300 лѣтъ 8-ой главы—456-ый годъ до Р. Х.; такимъ образомъ и получается, что очищеніе святилища, т. е. второе пришествіе Христово, должно совершиться въ 1844 г. (2300—456). Когда 1844-ый годъ прошелъ, то ученики Миллера постарались исправить ошибку, допущенную ихъ учителемъ. Они пришли къ мысли, что въ 1844 г. только началось очищеніе Христомъ небснаго святилища; но для совершенія очищенія требуется извѣстный промежутокъ времени, для опредѣленія котораго адвентисты воспользовались словами Господа въ Его эсхатологической бесѣдѣ: не пройдетъ родъ сей, какъ все сіе будетъ“ (Мѡ. 24, 34). Подъ „родомъ симъ“, по мнѣнію адвентистовъ, нужно разумѣть участниковъ ожиданія пришествія Христова при Миллерѣ, такъ какъ они видѣли осуществленіе признаковъ приближенія кончины міра, указанныхъ Христомъ. Время жизни человѣческой въ Пс. 89, 10 опредѣляется въ 70—80 лѣтъ; поэтому адвентисты ожидаютъ пришествія Христова въ 1913 или 1924 году.

Адвентисты настаиваиваютъ на близости второго пришествія Господня также и потому, что, по ихъ мнѣнію, уже совершились тѣ событія, которыя Самъ Христосъ указалъ, какъ признаки приближенія кончины міра. Исполненіе словъ Христовыхъ относительно помраченія солнца и луны они видятъ въ томъ, что 19-го мая 1780 г. во всей Ново-Англіи „былъ такой темный день, что всѣ лица поблѣднѣли и народъ былъ въ ужасѣ“; „слѣдующая за тѣмъ днемъ ночь была такъ темна, какъ вѣроятно еще никогда не замѣчали съ тѣхъ поръ, какъ міръ сотворенъ Всевышнимъ“; а 13-го ноября 1833 г. былъ такой сильный звѣздный дождь, что многіе приняли его за предвѣстіе кончины міра ¹⁾. Адвентисты указываютъ также на широкое распространеніе Евангелія, замѣт-

¹⁾ Библейск. указатель“.. 2—3 стр.; также „Библ. чтенія“.., листокъ № 11.

ное уменьшеніе числа христіанъ, ведущихъ духовную жизнь, и т. п.

За пришествіемъ Христовымъ послѣдуетъ воскресеніе мертвыхъ, но не всѣхъ. „Будутъ два общихъ воскресенія мертвыхъ“, учатъ адвентисты: „сперва воскресеніе праведныхъ, а затѣмъ воскресеніе нечестивыхъ“. ¹⁾ Для доказательства этого положенія адвентисты ссылаются на Іоанн. 5, 28—29, Лук. 14, 14, 1 Кор. 15, 23, 1 Сол. 4, 16, Евр. 11, 35. Между этими воскресеніями будетъ тысячалѣтній промежутокъ, во время котораго святые будутъ производить судъ надъ злыми духами и царствовать со Христомъ. Въ „Библейск. указателѣ“ говорится, что это царство будетъ на небѣ. Въ это время земля будетъ опустошена (Іер. 4, 23—27; Софон. 1, 2; 3, 8), и на нее будетъ свергнутъ сатана съ возложенными на него грѣхами вѣрующихъ. По истеченіи тысячи лѣтъ будетъ второе воскресеніе—грѣшниковъ и судъ надъ ними. Грѣшники, послѣ своего осужденія, будутъ совершенно уничтожены, перестанутъ существовать, тогда какъ святые будутъ вѣчно блаженствовать. Ученіе о тысячалѣтнемъ царствѣ праведниковъ со Христомъ адвентисты основываютъ на Апок. 20, 4, а совершенное уничтоженіе нечестивыхъ—на многихъ мѣстахъ Св. Писанія, гдѣ говорится, что „возмездіе за грѣхъ—смерть“ (Римл. 6, 23), что нечестивые будутъ истреблены и искоренены, погибнуть, ихъ поглотитъ огонь, ихъ больше не будетъ (Іс. 36, 10; Прит. 10 25; Исаіи 29, 20 и мн. др.), ихъ существованію будетъ положенъ конецъ (Іс. 72, 17; 2 Кор. 11, 15; Филипп. 3, 19), они сравниваются съ предметами, легко истребимыми, какъ солома, вѣтви, плѣвелы. Относительно же тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, гдѣ говорится о вѣчности мученій грѣшниковъ, адвентисты утверждаютъ, что вѣчность въ нихъ нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ. „Вѣчность“, говорятъ адвентисты, „означаетъ продолжительность, не имѣющую границъ,

¹⁾ „Библ. указатель“, 5 стр.

только когда относится къ тому, что и по самому существу имѣеть непреходящее и безконечное бытіе,—къ Богу и къ преобразившимся святымъ, которые, по 1 Кор. 15, 53, при первомъ вокресеніи облечутся въ безсмертіе“. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда слово „вѣчно“ относится къ будущему состоянію нечестивыхъ и къ мѣсту мученій, оно имѣеть ограниченное значеніе: а) вслѣдствіе того, что нечестивые не могутъ существовать безконечно, такъ какъ они тлѣнны и смертны; б) по той причинѣ, что геенна будетъ на землѣ (Ис. 30, 33; 34, 8—10; 2 Петр. 3, 7; Апок. 20, 7—9) для ея обновленія“¹⁾).

Иисусъ Христосъ ясно сказалъ, что о днѣ Его второго пришествія „никто не знаетъ, ни ангелы небесные, а только Отець“ (Мѡ. 24, 36). Не отрицая этого, адвентисты ссылаются на то, что Христосъ все же указалъ признаки, по которымъ люди могутъ опредѣлить близость Его пришествія, и стараются доказать, что эти признаки уже осуществились. Но изъ тѣхъ событій, которыя они принимаютъ за такіе признаки, одни—слишкомъ общаго характера, какъ напр., распространеніе Евангелія, а другія, какъ помраченіе солнца и паденіе звѣздъ, совершенно не имѣють никакого значенія уже по тому одному, что совершились слишкомъ давно, не говоря уже о томъ, что затменія солнца и луны и звѣздные дожди, разумѣется, не въ одинаковой степени, происходятъ каждый годъ. Неправильность вычисленій Миллера была доказана самымъ фактомъ ихъ неисполненія, а добавленіе, сдѣланное его учениками, страдаетъ очевидной произвольностью. Такимъ образомъ, у адвентистовъ нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній утверждать, что настоящее время ближе къ пришествію Христову, чѣмъ какое-либо другое. Конечно, къ пришествію Господню всегда нужно быть готовымъ (Мѡ. 24, 44) и вспоминать о немъ весьма полезно для христіанъ, но это не даетъ никому права выступать съ ложными пророчествами.

¹⁾ Библ. указатель“.., 32 стр.

Ученіе адвентистовъ о двухъ воскресеніяхъ и о тысячелѣтнемъ царствованіи праведниковъ со Христомъ, составляющее центральный пунктъ ихъ эсхатологіи, основывается, главнымъ образомъ, на 20-й главѣ Апокалипсиса, которую и необходимо поэтому разсмотрѣть нѣсколько подробнѣе. Относительно Апокалипсиса нужно замѣтить, что къ толкованію этой книги слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью, такъ какъ она содержитъ пророчества о событіяхъ, которыя должны совершиться въ будущемъ и которыя будутъ совершенно не похожи на всю земную исторію, и притомъ пророчества эти скрыты подъ покровомъ образовъ и видѣній; поэтому вполне смыслъ этой книги будетъ ясенъ для людей только въ то время, когда содержащаяся въ ней пророчества исполнятся. Отсюда толкованіе Апокалипсиса можетъ быть вполне свободно отъ ошибокъ и произвольности только при томъ условіи, если апокалипсическіе образы и видѣнія будутъ объясняемы на основаніи болѣе ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ о послѣднихъ временахъ міра, содержащихся въ другихъ новозавѣтныхъ писаніяхъ, такъ какъ Слово Божіе противорѣчить самому себѣ не можетъ.

Содержаніе 20-й гл. Апокалипсиса кратко можно передать такъ. Апостоль говоритъ о заключеніи ангеломъ сатаны въ бездну на 1000 лѣтъ. Далѣе апостоль созерцаетъ престолы и на нихъ—души тѣхъ, которые были умерщвлены за имя Христова и за то, что они не приняли печати звѣря—антихриста, о которомъ дано было право производить судъ; „они ожили и царствовали со Христомъ тысячу лѣтъ; прочіе же изъ умершихъ не ожили, доколѣ не окончится тысяча лѣтъ. Это первое воскресеніе“ (4—5 ст.). По истеченіи 1000 лѣтъ сатана выходитъ изъ бездны и возбуждаетъ народы идти на брань противъ Бога и Его святого города, но огонь съ неба пожираетъ ихъ. Потомъ апостоль видитъ мертвыхъ, малыхъ и великихъ, стоящихъ предъ Богомъ и судимыхъ по дѣламъ ихъ; „тогда отдало море мертвыхъ, бывшихъ въ немъ, и смерть и адъ отдали мертвыхъ, которые были

въ нихъ“ (13 ст.). Не записанные „въ книгѣ жизни“ ввергаются въ озеро огненное, это—смерть вторая; а для праведниковъ начинается вѣчное блаженство на новой землѣ и на новомъ небѣ (21 гл.).

Прежде всего нужно установить, что здѣсь разумѣется подь первымъ воскресеніемъ. Какъ было указано, адвентисты ссылаются и на другія мѣста Св. Писанія для подтвержденія своей мысли о двухъ воскресеніяхъ мертвыхъ. Но во всѣхъ этихъ мѣстахъ, кромѣ Иоанн. 5, 25—29, не различаются два отдѣльных воскресенія: въ Лук. 14, 14 говорится только о „воскресеніи праведныхъ“, но вовсе не утверждается, что оно будетъ отдѣльно отъ воскресенія грѣшныхъ; то же слѣдуетъ сказать и о Евр. 11, 35; въ 1 Кор. 15, 23 и 1 Сол. 4, 16 указывается порядокъ общаго воскресенія мертвыхъ. Поэтому намъ нужно обратиться къ Иоанн. 5, 25—29: „Наступаетъ время и настало уже, когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія, и, услышавъ, оживутъ... Наступаетъ время, въ которое всѣ находящіеся въ гробахъ услышатъ гласъ Сына Божія; и изыдутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло въ воскресеніе осужденія“. Здѣсь Христось, дѣйствительно, говоритъ о двухъ различныхъ воскресеніяхъ, но изъ этихъ же самыхъ словъ ясно видно, что не оба эти воскресенія относятся къ послѣднимъ временамъ міра, такъ какъ время перваго изъ нихъ „настало уже“ (25 ст.) при жизни Христовой, тогда какъ второе, когда воскресшіе выйдутъ на судъ, относится къ будущему времени. Ясно, что первое воскресеніе, начавшееся еще при жизни Спасителя, не есть воскресеніе въ буквальномъ смыслѣ—послѣ тѣлесной смерти. Ап. Павелъ пишетъ ефесянамъ: „Богъ, богатый милостью..., насъ, мертвыхъ по преступленіямъ, оживотворилъ со Христомъ“ (Еф. 2, 4—5; также Кол. 2, 12). Всѣ грѣшники мертвы—не тѣломъ, а душою, такъ какъ грѣхъ удаляетъ человѣка отъ Бога, источника духовной жизни. А такъ какъ до пришествія Христова всѣ люди были подвержены грѣху (Римл. 5, 12; Гал. 3, 22), то

всѣ были духовно мертвы, и только проповѣдь Христова является для всѣхъ людей источникомъ духовнаго оживленія, воскресенія, потому что только вѣрующій во Христа, соединившійся съ Нимъ и получающій отъ Него благодатныя силы, какъ вѣтвь—живительные соки отъ лозы (Іоанн. 15, 5), можетъ приносить плоды добродѣтели и святости, т. е. жить истинной духовной жизнью. Но такъ какъ не всѣ люди пользуются благодатными слѣдствіями пришествія Христова и освобождаются отъ грѣха, то Христосъ не говорить, что всѣ будутъ участвовать въ первомъ воскресеніи (Іоанн. 5, 25), тогда какъ о второмъ, всеобщемъ воскресеніи Онъ прямо говорить: „изыдутъ всѣ, находящіеся въ гробахъ“ (28—29 ст.) и „творившіе добро“ и „дѣлавшіе зло“. Отсюда понятно, почему ап. Іоаннъ, повѣствуя о первомъ воскресеніи (Апок. 20, 4—5), говорить не о людяхъ, состоящихъ изъ души и тѣла, какими будутъ воскресшіе при общемъ воскресеніи, а о душахъ тѣхъ, которые были умерщвлены за имя Христова. Какъ уже было установлено, души людей, вопреки заблужденію адвентистовъ, живутъ и послѣ тѣлесной смерти; поэтому и души замученныхъ за Христа живутъ—и не въ смыслѣ только продолженія существованія, но живутъ истинной жизнью—въ блаженномъ общеніи со всесвятѣйшимъ Богомъ, что и называется первымъ воскресеніемъ.

Соотвѣтственно съ этимъ, и второй смертью называется не прекращеніе существованія грѣшниковъ, а ихъ мученіе „въ озерѣ, горящемъ огнемъ и сѣрою“ (Апок. 21 8). Эта участь грѣшниковъ называется смертью (второю въ отличіе отъ первой, тѣлесной, которой подвергаются всѣ люди) въ томъ смыслѣ, что жизнь ихъ внѣ единенія съ Богомъ не является истинной, такой, какой она должна быть, какая соотвѣтствуетъ самой природѣ челоуѣка, естественно стремящейся къ Богу, какъ своему Творцу и первообразу. Изъ тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, которыя приводятъ адвентисты для доказательства своей мысли о полномъ уничтоженіи грѣшниковъ, нѣкоторыя говорятъ только о прекращеніи существованія ихъ

на землѣ, напр. Пс. 36, 10: „еще немного, и не станеть нечестиваго, посмотришь на его мѣсто, и нѣтъ его“; о концѣ грѣшниковъ говорится въ смыслѣ того результата, къ которому приведуть ихъ дѣла ихъ: „конецъ ихъ будетъ по дѣламъ ихъ“ (2 Кор. 11, 15). Въ большей же части этихъ мѣстъ разумѣется именно лишеніе грѣшниковъ вѣчной жизни, т. е. блаженнаго общенія съ Богомъ. Въ этомъ смыслѣ говорится и о погибели нечестивыхъ, которая не означаетъ полного уничтоженія ихъ, о чемъ ясно свидѣлствуютъ слова ап. Павла о грѣшникахъ, „которые подвергнутся наказанію, вѣчной погибели“ (2 Сол. 1, 9); уничтоженіе есть моментъ и вѣчнымъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо. О томъ, что грѣшники не перестануть существовать, яснѣе всего свидѣлствуетъ вѣчность ихъ мученій; сопоставленіе этой вѣчности съ вѣчностью блаженства праведниковъ (Мѡ. 25, 46) съ несомнѣнностью подтверждаетъ, что ту и другую нужно понимать одинаково, такъ какъ придавать различный смыслъ одному и тому же слову, дважды повторенному въ одномъ и томъ же стихѣ, было бы крайнимъ произволомъ. При томъ же этотъ произволь является у адвентистовъ совершенно ни на чемъ не основаннымъ, потому что они отвергаютъ вѣчность мученій грѣшниковъ только на томъ основаніи, что сами грѣшники будто бы не могутъ быть вѣчными. Что же касается утвержденія, будто геенскій огонь будетъ существовать лишь временно, такъ какъ онъ предназначенъ только для обновленія земли, то для подтвержденія этой мысли адвентисты приводятъ и сопоставляютъ такія мѣста Св. Писанія, которыя въ дѣйствительности относятся къ совершенно различнымъ вещамъ: въ приводимыхъ ими мѣстахъ книги пр. Исаи (30, 33 и 34, 8—10) содержатся пророчества о наказаніи Богомъ ассиріянъ и идумеянъ, и подъ образомъ огня представляется гнѣвъ Божій на эти народы: такъ же и въ Апок. 20, 7—9, тогда какъ въ 2 Петр. 3, 7 огнемъ называется очистительный процессъ; посредствомъ котораго міръ обновится и станеть нетлѣннымъ; такъ

что во всѣхъ этихъ мѣрахъ о вѣчныхъ мученіяхъ грѣшниковъ нѣтъ рѣчи.

Если въ Апок. 20, 5 говорится не о воскресеніи мертвыхъ, а о достиженіи праведниками вѣчной жизни, въ смыслѣ святости и соединеннаго съ нею блаженства, то и тысячелѣтнее царствованіе праведниковъ со Христомъ имѣетъ, очевидно, не тотъ смыслъ, который хотятъ придать ему адвентисты. Святые являются царями въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляютъ это слово ап. Іоаннъ: Христосъ сдѣлалъ „насъ царями и священниками Богу и Отцу Своему“ (Апок. 1, 6), и ап. Петръ: „вы родъ избранный, царственное священство“ (1 Петр. 2, 9), т. е. побѣдителями и царями надъ искушеніями и надъ своими страстями, какъ сказалъ Самъ Христосъ: „побѣждающему дамъ сѣсть со Мною на престолѣ Моемъ, какъ и Я побѣдилъ и сѣлъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его“ (Апок. 3, 21). Это царствованіе святыхъ относится не къ особенному періоду передъ кончиной міра, а продолжается все время отъ искупленія людей Иисусомъ Христомъ до Его второго пришествія. И для правильнаго поиманія суда, производимаго праведниками, Св. Писаніе даетъ вполнѣ достаточныя основанія. Это не относится къ послѣднему, всеобщему суду, такъ какъ на послѣднемъ судѣ и праведники и грѣшники будутъ предстоять одновременно, одни по правую сторону Судіи, другіе по лѣвую (Мѡ. 25, 33). Но Христосъ, какъ Онъ Самъ свидѣтельствуеть въ Своей бесѣдѣ съ Никодимомъ, положилъ начало суда надъ людьми Своимъ явленіемъ на землю. „Судъ же состоитъ въ томъ, что свѣтъ пришелъ въ міръ; но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы. Ибо всякій, дѣлающій злое, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Ботѣ содѣланы“ (Іоанн. 3, 19—21). Христосъ и послѣдователямъ Своимъ заповѣдалъ, чтобы они были свѣтомъ міра, чтобы „свѣтъ ихъ свѣтился предъ людьми“ (Мѡ. 5,

14—16); въ этомъ смыслѣ святыя и являются судіями міра, такъ какъ они своею жизнью осуждаютъ нечестивыхъ, показывая имъ, что ихъ дѣла не таковы, какими должны быть: „онъ передъ нами — обличеніе помысловъ нашихъ“, говорятъ грѣшники о праведникѣ, „тяжело намъ и смотрѣть на него, ибо жизнь его не похожа на жизнь другихъ“ (Прем. Сол. 2, 14—15). И не только святыя, но даже меньшія грѣшники являются судіями по отношенію къ большимъ грѣшникамъ, какъ говоритъ Спаситель: „ниневитяне возстанутъ на судъ съ родомъ симъ и осудятъ его: ибо они покаялись отъ проповѣди Іониной; и вотъ, здѣсь больше Іоны. Царица южная встанетъ на судъ съ родомъ симъ и осудитъ его: ибо она приходила отъ предѣловъ земли послушать мудрости Соломоновой: и вотъ, здѣсь больше Соломона“ (Мѡ. 12, 41—42).

Изъ всего сказаннаго видно, что апокалипсическая тысяча лѣтъ не означаетъ опредѣленнаго періода времени, а имѣетъ общій смыслъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Св. Писанія. („Слово, которое заповѣдалъ въ тысячу родовъ“ — Пс. 104, 8; „у Господа одинъ день, какъ тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ, какъ одинъ день“.—2 Петр. 3, 8). Неправильность буквальнаго пониманія тысячи лѣтъ яснѣе всего видна изъ того, что на это же время связанъ сатана. Связаніе сатаны нельзя понимать, согласно съ адвентистами, въ смыслѣ низверженія его на землю, гдѣ онъ будетъ лишень возможности дѣйствовать, такъ какъ земля, послѣ воскресенія праведныхъ будто бы будетъ совершенно опустошена, такъ что сатанѣ некого будетъ соблазнять. Мѣста изъ пророчествъ Іереміи (4, 23—27) и Софоніи (1, 2 ср. 4 ст.), которыя въ данномъ случаѣ приводятъ адвентисты, говорятъ объ опустошеніи не всей земли, а только Іудей; а въ Соф. 3, 8: ждите Меня, говоритъ Господь, до того дня, когда Я возстану для опустошенія; ибо Мною опредѣлено собрать народы, созвать царства, чтобы излить на нихъ негодованіе Мое, всю ярость гнѣва Моего; ибо огнемъ ревности Моей пожрана будетъ вся земля“, — пророчествуется объ очищеніи

земли отъ грѣха огнемъ ревности Божіей, такъ какъ далѣе говорится: „тогда опять Я дамъ народамъ уста чистыя, чтобы всѣ призывали имя Господа и служили Ему единомысленно“ (9 ст.). Предполагаемому адвентистами опустошенію земли противорѣчить и то обстоятельство, что по истеченіи тысячи лѣтъ сатана вооружитъ противъ Бога народы, которые въ Апокалипсисѣ называются Гогомъ и Магогомъ (20, 7); эти народы не могли бы существовать, если бы земля была окончательно опустошена. Поэтому нельзя согласиться и съ тѣмъ смысломъ, который адвентисты придаютъ связанію сатаны. Въ дѣйствительности это связаніе означаетъ ту побѣду надъ царствомъ сатаны, которую одержалъ Христосъ Своимъ явленіемъ въ міръ, особенно крестною смертію и воскресеніемъ. Со времени грѣхопаденія прародителей, которые повиновались не Богу, а діаволу, всѣ люди подпали подъ власть послѣдняго и жили „по волѣ князя, господствующаго въ воздухѣ, духа, дѣйствующаго нынѣ въ сынахъ противленія“ (Еф. 2, 2). Христосъ же изгналъ „князя міра сего“ (Іоанн. 12, 31), „лишилъ силы имѣющаго державу смерти, т. е. діавола, и избавилъ тѣхъ, которые отъ страха смерти чрезъ всю жизнь подвержены были рабству“ (Евр. 2, 14—15). Это освобожденіе Христомъ людей отъ власти сатаны и называется въ Апокалипсисѣ связаніемъ послѣдняго. Отсюда ясно, что апокалипсическая тысяча лѣтъ начинается со времени перваго пришествія Христова и окончится передъ вторымъ пришествіемъ, когда діаволь въ лицѣ антихриста, „котораго пришествіе, по дѣйствию сатаны, будетъ со всякою силою и знаменіями и чудесами ложными“ (2 Сол. 2, 9), снова получитъ власть на короткое время.

Такимъ образомъ, ученіе адвентистовъ о послѣднихъ судьбахъ міра, основывающееся на буквальномъ толкованіи 20-й главы Апокалипсиса, противорѣчитъ другимъ свидѣтельствамъ Св. Писанія и потому не можетъ быть признано истиннымъ.

Н. Гумилевскій.

Не судъ-ли Божій!

28 января сего 1909 года, въ 40 день послѣ кончины о. Іоанна Кронштадтскаго, въ залѣ Кіевскаго Православнаго Религіозно-Просвѣтительнаго Общества совершена архіерейскимъ служеніемъ панихида по скончавшемся великомъ пастырѣ Церкви русской, въ присутствіи высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ г. Кіева, а также многочисленныхъ богомольцевъ-кіевлянъ, переполнившихъ обширный залъ общества до тѣсноты. Послѣ панихиды было устроено торжественное собраніе членовъ Р.-Пр. О—ства, и присутствовавшимъ были предложены два чтенія о праведной жизни и безпримѣрно плодотворной пастырской дѣятельности о. Іоанна. Между первымъ и вторымъ чтеніемъ были розданы листки „въ память отца Іоанна Кронштадтскаго“ съ изображеніемъ на первой страницѣ портрета о. Іоанна. Въ началѣ второго чтенія въ группѣ слушателей, стоявшихъ вблизи свѣчнаго ящика, послышался шумъ какъ бы отъ паденія чего-то тяжелаго: оказалось, что съ однимъ изъ посѣтителей случился эпилепсическій припадокъ, отъ чего онъ упалъ на полъ и сталъ корчиться въ судорогахъ. Окружающіе прикрыли его—въ надеждѣ, что больной успокоится, а затѣмъ безшумно на рукахъ вынесли изъ зала. Лишь только это произошло, ко мнѣ подошелъ мужчина среднихъ лѣтъ, по внѣшнему виду—рабочій, и взволнованно сказалъ слѣдующее.

— Человѣкъ этотъ вмѣстѣ съ другими держалъ въ своихъ рукахъ листокъ объ о. Іоаннѣ. Я стоялъ около него и слышалъ, какъ онъ хулилъ „батюшку“, называя его нехорошими словами. Мнѣ было больно, и я сказалъ: зачѣмъ вы такъ дѣлаете? Не слѣдовало бы вамъ брать листка, когда вы невѣрующій человѣкъ...

На это онъ отвѣтилъ новою бранью и оскорбленіемъ имени о. Іоанна.—Ваши листки годятся развѣ для..., началъ онъ свою хулу и при этомъ скомкалъ листокъ, ко-

торый держалъ въ рукѣ. И въ ту же минуту съ нимъ сдѣ-
лался припадокъ...

Стоявшіе вблизи несчастнаго больного подтвердили этотъ
разсказъ.

*„Тайну цареву добро хранить, дѣла же Божія от-
крывати славно“* (Тов. 12, 7).. Свящ. Н. Гроссу.

ЗАМѢТКА.

Какъ живутъ вожди социалистовъ.

Парижская газета „Le Temps“ напечала интересныя статическія данныя объ имущественномъ положеніи вождей французскаго социализма. Эта статистика интересна какъ доказательство, что социалистская пропаганда представляетъ собою очень выгодную аферу; тѣ люди, которые выбрали себѣ девизомъ „гибель дворцамъ, да здравствуютъ хижины“, сами, однако, живутъ вовсе не въ хижинахъ и не пренебрегаютъ житейскими благами и даже титулами.

Ярый социалистъ и бывшій министръ Мильеранъ носитъ титулъ барона, дарованный ему австрійскимъ императоромъ вмѣстѣ съ австрійскимъ орденомъ за услуги, оказанныя имъ Габсбургской монархіи во время его министерской дѣятельности; онъ занимается адвокатурой и получаетъ 150 тыс. франковъ въ годъ.

Еще болѣе свирѣпый социалистъ Жеро-Ришаръ имѣетъ на берегу Луары роскошный замокъ, два дома въ Парижѣ и пай въ 300.000 франковъ въ игорномъ домѣ въ Монте-Карло, и, кромѣ того, онъ издаетъ распространенную социалистическую газету.

Жоресъ имѣетъ 12.000 франковъ годового дохода и большое помѣстье въ Бессуле.

Эдуардъ Вальянъ—милліонеръ и имѣетъ 2 роскошныхъ дома въ Парижѣ, при чемъ взымаетъ со всѣхъ жильцовъ не-

имовѣрно высокую квартирную плату, очень исправно высе-
ляя „благородныхъ пролетаріевъ и рабочихъ“ за невзность та-
ковой.

Лафаргъ имѣетъ 120.000 фр. годового дохода и полови-
ну авторскихъ правъ своего тестя, Карла Маркса.

Извѣстный Сейма—самый богатый изъ всѣхъ социали-
стовъ, потому что онъ имѣетъ состояніе въ нѣсколько миллі-
оновъ; этотъ проповѣдникъ раздѣла имуществъ отличается
большимъ лицемеріемъ: своихъ избирателей онъ принимаетъ
въ нищенскомъ жилищѣ на улицѣ Сольферино, гдѣ его квар-
тира обставлена съ необыкновенной пышностью.

Извѣстные вожаки каменно-угольныхъ рабочихъ—Бали
и Ламанденъ также люди состоятельные; они забавляются,
какъ „гнусные буржуа и аристократы“, поѣздками на охоту
и воспитываютъ своихъ дѣтей „на благородную ногу“.

Таковы въ своей частной жизни тѣ самые люди, кото-
рые проповѣдуютъ истребленіе „разжирѣвшихъ буржуа“.
(Совр. лѣтоп.).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 4-го февраля 1909 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 8.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года февраля 22-го дня.

Содержаніе: I. Чѣмъ пастыри Церкви должны учиться у о. Іоанна Кронштадтскаго? А. С.—II. Великій постъ. (Продолженіе). М. Скабаллановичъ.—III. Педагогическія воззрѣнія К. П. Побѣдоносцева. М. Григорьевскаго.

Чему пастыри церкви должны учиться у о. Іоанна Кронштадтскаго?

(Нѣсколько словъ по поводу Высочайшаго рескрипта 13 янв. 1909 г.).

Высочайшій рескриптъ на имя Высокопреосвященнѣшаго Антонія, митрополита С-Петербуркскаго, по поводу увѣковѣченія дня кончины о. Іоанна Кронштадтскаго, призываетъ нашихъ пастырей къ поднятію всѣхъ силъ для великаго труда на нивѣ народной и предъ алтаремъ Божіимъ. Имѣя предъ собой такой свѣточъ, какъ жизнь и подвигъ усопшаго молитвенника и пастыря о. Іоанна, наши пастыри въ его лицѣ приобрѣтаютъ живой примѣръ для своего подражанія. Вся жизнь почившаго о. Іоанна Кронштадтскаго должна быть примѣромъ всѣмъ, посвятившимъ себя на служеніе Богу.

Царь, раздѣляющій народную скорбь, указываетъ, гдѣ черпать источникъ вдохновенія служителямъ алтаря Христова.

Могучій источникъ долгіе годы былъ предъ ихъ глазами. Онъ не изсякъ и теперь, когда могильная плита навѣки закрыла тѣлесный обликъ о. Іоанна отъ нашихъ взоровъ. Онъ—вѣченъ, какъ вѣченъ духовный обликъ почившаго пастыря, какъ вѣчна сама вѣра и сопровождающія ее любовь и добрая дѣла.

Итакъ, гдѣ же, въ какой сторонѣ пастырской дѣятельности о. Іоанна Кронштадтскаго наши пастыри должны черпать „источникъ вдохновенія для себя“?

О. Іоаннъ Кронштадтскій сущность пастырскаго служенія полагалъ въ томъ, чтобы „вносить свѣтъ утѣшенія въ горе народное“.

„Горе народное“ постоянно звало его къ себѣ. Онъ постоянно былъ тамъ, гдѣ трудно дышалось, гдѣ врачи отказывались отъ больного, гдѣ душа человѣческая изныла, изболѣла отъ страданій того или другого характера—будь это сердечная мука, грѣхъ, уродующій жизнь, тоска невозградимой потери. Нѣтъ почти семьи, которая когда-нибудь съ воплемъ отчаянія и невыносимой муки и мольбой ожиданія не обращалась бы письменно или лично къ нему для того, чтобы онъ помолился, чтобы онъ утѣшилъ.

Начиная отъ семьи Государя, всѣ, или почти всѣ, обращались къ нему за утѣшеніемъ.

Всѣмъ памяты еще скорбные дни предсмертнаго недуга Царя-Миротворца, когда онъ, угасая, пожелалъ молитвъ и близости любимаго народомъ молитвенника о. Іоанна Кронштадтскаго, ибо близость и молитвы послѣдняго облегчали его недугъ. „Мнѣ легче, батюшка, когда вы держите мою голову“, отвѣчалъ умирающій Царь о. Іоанну, державшему его голову и спрашивавшему: „не тяжело ли, что я держу?“ Такое же облегченіе недуговъ и утѣшеніе въ скорбяхъ находили у о. Іоанна и всѣ, обращающіеся къ нему.

Въ чемъ же „тайна“ этого утѣшенія, этого свѣтлаго, бодрящаго настроенія, которое пробуждалось у всѣхъ съ приходомъ или съ прїѣздомъ къ нимъ о. Іоанна?

„Тайна“ этого утѣшенія въ томъ, что двигало его жизнь, что давало этой жизни великое значеніе,—въ его вѣрѣ и, какъ проявленіи ея, въ горячей священнической молитвѣ около больного, около нуждающагося, около обездоленнаго чело­вѣка. Эта вѣра и молитва была столь пламенная, что, когда о. Іоаннъ, окруженный немощными и обремененными, горячо призывалъ милость Божію, то „многимъ казалось, что Раздаватель милостей стоитъ вотъ тутъ, гдѣ-то за дверьми притвора, и только ждетъ, пока окончитъ о. Іоаннъ Кронштадтскій свой пламенный призывъ, чтобы излить просимыя милости“¹⁾. Вотъ, въ этой-то молитвѣ и вѣрѣ, что Богъ *не можетъ* не услышать его, и заключается главный источникъ того утѣшенія, которое всюду съ собою вносилъ о. Іоаннъ. Эта же вѣра и молитва влекла къ нему и людей, а въ боль­ныхъ проливали новыя силы для борьбы съ болѣзнію.

Къ такой простотѣ и элементарности свелъ пастырское слѣженіе о. Іоаннъ Кронштадтскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, какія сокровища скрыты въ этомъ простомъ и элементарномъ, до чего это нужно народу, до чего это могуще­ственно въ народѣ. Онъ, какъ говорятъ, самъ же далъ копейку, содержательность которой вдругъ обнаружилась въ стоимости милліона. Помолитесь у постели больного, помолитесь вмѣстѣ съ изнывающимъ подъ гнетомъ ли житейскихъ невзгодъ, подъ бременемъ ли тяжкихъ грѣховъ—какъ это просто, кто этого не сумѣетъ. Но если пастырь, какъ показалъ примѣръ, о. Іоанна, помолится у постели ли больного, или вообще находящагося въ горѣ чело­вѣка съ пламенною вѣрою въ милосердіе Божіе,—онъ освѣтитъ всѣхъ, утѣшитъ и укрѣпитъ.

¹⁾ Изъ газ. „Русское слово“ № 297.

Въ настоящее время со стороны пастырей церкви часто слышатся ссылки на „окужающія условія“, на „тяжелое и зависимое положеніе“, на „матеріальную необеспеченность“ и др. под. мотивы, препятствующіе плодотворности пастырскаго служенія. Отнынѣ эти ссылки не могутъ служить достаточнымъ оправданіемъ нашихъ пастырей, и подъ щитомъ ихъ можетъ прятаться только небреженіе къ дѣлу. О. Іоаннъ Кронштадтскій примѣромъ своимъ показалъ, что при самыхъ обыкновенныхъ условіяхъ, въ самой обыкновенной обстановкѣ, пастырь можетъ творить безчисленное добро. Это добро заключается въ томъ, чтобы „вносить свѣтъ утѣшенія въ горѣ народное“. И самое это утѣшеніе проистекаетъ не изъ учености, не изъ желѣзнаго характера, не изъ большей проницательности ума; все это можетъ быть у пастыря, и все это можетъ не принести народу ни „капли“ утѣшенія. Слѣдовательно, и съ этой стороны, ссылки на недостатокъ характера, энергіи, большого ума или хорошаго школьнаго образованія не могутъ служить „извиненіями“ нашихъ пастырей. „Свѣтъ утѣшенія“, который наши пастыри должны вносить „въ горе народное“, заключается, какъ показалъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, въ горячей священнической молитвѣ, соединенной съ вѣрою въ милосердіе Божіе. А это доступно каждому пастырю, даже мало ученому, получившему въ таинствѣ священства „божественную благодать, вся немощная врачующую и оскудѣвающее восполняющую“.

Пастыри Церкви Христовой, имѣя предъ собой такой свѣточъ, какъ жизнь о. Іоанна Кронштадтскаго, должны учиться у него „быть утѣшителями горя народнаго“. Къ этому зоветъ ихъ и голосъ съ высоты царскаго престола; этого же ждетъ отъ нихъ и весь русскій народъ. И мы вѣримъ, что царскія слова найдутъ живой и благодарный откликъ въ сердцахъ нашихъ пастырей, и они, одушевляясь примѣромъ почившаго о. Іоанна Кронштадтскаго, понесутъ „свѣтъ утѣшенія въ горе народное“.

А. С.

Великій постъ.

(Продолженіе ¹).

Если въ цѣломъ институтѣ поста главное и средоточное мѣсто занимаетъ тѣлесное ограниченіе человѣкомъ себя въ пищѣ, то весьма важнымъ въ дѣлѣ пощенія является такая или иная степень этого ограниченія или діететика питанія. Неудивительно, поэтому, что въ Православной Церкви эта сторона поста подвергнута самой точной регламентаціи. Последняя дается вмѣстѣ и нераздѣльно съ чиномъ богослуженія на постъ (въ Типиконѣ и Трїоди постной) и уже само по себѣ такое соединеніе много говоритъ, трогательно: трапеза представляется какъ бы продолженіемъ богослуженія, перенесеніемъ его во весь домашній обиходъ. „Евангеліе отъ Марка, зачало 10“, читаемъ въ послѣдованіи на субботу 1-ю поста, „и святаго, зачало 52. Причastenъ: Въ память вѣчную. На трапезѣ чтемъ слово похвальное о святѣмъ Теодорѣ св. Григорія Нисскаго. И ядимъ бобъ обваренный, съ маслинами бѣлыми и черными. Причащаемся же и варенія [жидкое блюдо] съ масломъ прилучившагося, и колива; вина же испиваемъ по красоволю ради святаго. Сіе же прїяхомъ отъ лавры преподобнаго Саввы, и отъ богоноснаго отца нашего Евфимія“.

Правила относительно пищи, даваемыя на Великій постъ церковнымъ уставомъ, въ общемъ настолько суровы, что ужаснутъ и крѣпкую въ этомъ отношеніи натуру. Но они хорошо рассчитаны на силы средняго по здоровью организма, а для немощи дѣлаются изъ правилъ исключенія, нисколько, впрочемъ, не потакающія излишней изнѣженности.

Полное неяденіе требуется въ теченіе цѣлаго дня только для трехъ дней поста: первыхъ двухъ дней его (понедѣльника „чистаго“ и вторника) и великой пятницы. Остальные

¹. См. №№ 6—7-й за 1909-й г.

дни 1-ой седмицы до пятницы включительно, затѣмъ отъ понедѣльника до пятницы 2—6 седмицы, равно какъ въ первые четыре дня Страстной седмицы и въ великую субботу полагается однажды въ день вечеромъ сухояденіе, т. е. употребленіе въ пищу хлѣба, воды и овощей; дозволяются и варенныя овощи (напр., горохъ), но безъ постнаго масла (послѣднія за исключеніемъ Великой субботы). Во всѣ субботы и воскресенья поста разрѣшается настоящая вареная пища съ постнымъ масломъ („вареніе съ елеемъ“) и вино (послѣднее разрѣшается и въ тѣ дни сухояденія, на которыя падаютъ болѣе торжественныя воспоминанія, или въ которыя совершаются очень длинныя службы, напр. въ четвергъ пятой недѣли поста и даже въ Великую субботу). Рыба же во весь постъ разрѣшается только на Благовѣщеніе и Вербное воскресенье (на первое, если оно не приходится въ Страстную седмицу) ¹⁾.

Въ Православной Церкви нѣтъ особаго богослужебнаго устава для монастырей и особаго для мірскихъ храмовъ. И такъ какъ правила пощенія (по вышеприведеннымъ основаніямъ) тѣсно связываются съ богослуженіемъ и даются только въ уставѣ послѣдняго, то и изложенныя правила пощенія имѣютъ въ виду не только монаховъ, но и мірянъ. Гдѣ воздержаніе монаховъ въ постъ должно чѣмъ-нибудь отличаться отъ мірскаго, тамъ это точно оговаривается въ уставѣ; напр., кромѣ среды и пятницы монахамъ уставъ заповѣдуетъ постъ и въ понедѣльникъ ²⁾; или же во всѣ дни, когда монахамъ разрѣшается масло и яйца, о мірянахъ прибавляется, что имъ разрѣшается мясо. Отсутствіе въ уставѣ пощенія на Четыредесятницу такой оговорки показываетъ, что на этотъ уставъ Церковь смотритъ какъ на обязательный для мірянъ въ такой же степени, въ какой для нихъ обязательенъ весь богослужебный уставъ.

¹⁾ Типик. гл. 32 и др.

²⁾ Тип. гл. 35.

Но какъ за неполное выполненіе бѣгослужебнаго устава Церковь не осуждаетъ, предоставляя въ этомъ отношеніи многое усердію, благодаря чему практика выработала извѣстный минимумъ службъ, дальше котораго считается непозволительнымъ идти, такъ то же допускается и съ церковными правилами пощенія. Практикой установлено въ качествѣ минимума пощенія воздержаніе отъ мяса, молока и яицъ въ постъ. И надо замѣтить, что такая практика имѣетъ для себя и каноническое основаніе въ правилахъ вселенскихъ соборовъ. 26 правило 6 вселенскаго собора, по поводу существовавшего тогда въ Арменіи и др. мѣстахъ обычая въ субботы и воскресенья Четырдесятницы ѣсть сыръ и яйца, предписываетъ: „за благо признано и сіе, да Церковь Божія, по всей вселенной слѣдуя единому чину, совершаетъ постъ и воздерживается, якоже отъ всякаго закалаемаго, такожде отъ яицъ и сыра, которыя суть плодъ и произведеніе того, отъ чего воздерживаемся; аще же сего не будетъ соблюдать, то клирики да будутъ извержены, а міряне да будутъ отлучены“. Этимъ правиломъ безусловно воспрещается въ постъ и считается нарушеніемъ поста употребленіе только мяса, сыра и яицъ.

Хотя въ точности неизвѣстно, когда возникли уставныя правила пощенія и они менѣе авторитетны, чѣмъ постановленія вселенскаго собора, но, немного ниже, историческое разсмотрѣніе вопроса покажетъ намъ, что тѣ правила основываются на древнѣйшей церковной практикѣ. Да и соборъ, запрещающій употребленіе въ постъ названныхъ продуктовъ, имѣетъ въ виду только субботы и воскресенья поста. О томъ, какаѣ пища не дозволяется въ другіе дни, соборъ не имѣлъ повода говорить.

„Относительно пищи понеси то, что можешь“, такое снисходительное правило на счетъ поста даетъ древнѣйшее послѣ новозавѣтныхъ Св. Писаній нравоучительное христіанское произведеніе, извѣстное „Ученіе 12 апостоловъ“.

„Если ты дѣйствительно можешь понести все иго Господне, то будешь совершенъ; а если не можешь, то дѣлай то, что можешь“¹⁾.

Съ церковными правилами пощенія дѣло обстоитъ у насъ совершенно такъ, какъ и съ богослужебнымъ уставомъ Церкви. Общераспространенное убѣжденіе, что этотъ уставъ не выполнимъ не только въ приходскихъ Церквахъ, но и въ соборахъ, и даже въ монастыряхъ. Но убѣжденіе это исходитъ отъ тѣхъ, кто никогда и не думалъ выполнять его. Въ старой Россіи выполняли его и потому не разсуждали такъ. Отъ точнаго выполненія устава богослуженіе наше, несомнѣнно, много выиграло бы. Благодаря сокращеніямъ, оно теперь утомляетъ своимъ однообразіемъ. Его все больше и больше приближаютъ къ римско-католическому богослуженію, состоящему всякій разъ изъ однихъ и тѣхъ молитвъ; стихиры и канонъ, которыми главнымъ образомъ и разнообразится богослуженіе и которые составляютъ лучшую, центральную часть его, наиболѣе подвергаются сокращенію. Если бы на православномъ богослуженіи пѣлось съ надлежащимъ искусствомъ все то, что полагается пѣть, оно предстало бы въ такой дивной красотѣ, о какой теперь трудно составить себѣ и понятіе.

Такъ и съ церковными правилами пощенія. Трудно и совершенно невозможно судить о ихъ цѣлесообразности и достоинствѣ не испытавъ ихъ на себѣ. Автору настоящихъ строкъ привелось встрѣтить набожнаго человѣка, изъ мірянъ интеллигентнаго круга, который рѣшился испробовать на дѣлѣ эти правила. По нашему мнѣнію, произведенный этимъ человѣкомъ опытъ имѣетъ не меньшую, такъ сказать, научную цѣнность, чѣмъ замысль американскаго ученаго Викофа, который, чтобы изучить бытъ рабочаго, рѣшилъ два года, пожить вполнѣ его жизнью. Его книга о жизни рабочаго,

¹⁾ Глава VI. Переводъ К. Д. Понова. изд. „Посредника“. Москва 1906 г.

изданная послѣ этихъ двухъ лѣтъ, въ которыя онъ вынесъ нѣчто неимовѣрное для силъ изнѣженнаго комфортомъ чело-вѣка (приходилось часто голодать или ѣсть отбросы), явилась цѣннымъ вкладомъ въ литературу.

Опытомъ, о которомъ намъ удалось слышать, мы надѣемся также прольется немалый свѣтъ на достоинство церковныхъ правилъ пощенія.

Передадимъ кратко слышанный рассказъ.

Разсказчикъ рѣшилъ въ теченіе пяти дней каждой недѣле поста питаться только чаемъ и хлѣбомъ разъ въ день въ обѣденное время или вечеромъ. Наиболѣе тяжелы были, конечно, первые дни. На третій день чувствовалось такое истощеніе, что руки и ноги отказывались служить. Но дальше стало легче. Только въ обычные часы ѣды было очень тяжело. Но то собственно былъ не столько голодъ, сколько желаніе самого процесса ѣды, наслажденія, связаннаго съ съ этимъ процессомъ. Для постника обнаружилось теперь, насколько наполняетъ собою процессъ питанія жизнь чело-вѣка. Онъ замѣтилъ, что до сихъ поръ весь его день складывался въ сущности изъ ощущеній, связанныхъ съ процессомъ питанія, (конечно если что-нибудь другое въ извѣст-ный день не завладѣвало всѣмъ существомъ). Главныхъ ощу-щеній, замѣтилъ онъ, доселѣ у него было два, чередовавшихся съ непрерывностью: послѣ принятія пищи въ душѣ доминирова-ло чувство насыщенія; когда же оно потухало, на смѣну ему тотчасъ являлось чувство легкаго голода; послѣднее чувство было не менѣе пріятно, чѣмъ первое, такъ какъ соединялось съ перспективой скораго насыщенія. Когда теперь пришлось вырвать эту область ощущеній изъ души, въ ней оказалась страшная пустота, которую долго ничѣмъ нельзя было за-полнить, никакой душевной работой. Горько и досадно ста-новилось за такой глубокой матеріализмъ чело-вѣка, незамѣ-чавшійся доселѣ.

Самочувствіе въ первые дни поста было очень тяжелое. На умъ не шло ничто: ни занятія, ни чтеніе, ни тѣмъ болѣе

молитва. Возмущалась и бунтовала плоть, требуя всѣхъ силъ души на свое усмирёніе. Постникъ съ грустью замѣчалъ, что даже трогательныя пѣснопѣнія великопостныхъ службъ, которыя всегда проливали сладкое умиленіе въ его душу, теперь холодно ложились на нее. Казалось, не хватало въ тѣлѣ соковъ, и душа, поэтому, стала черства, суха. „И какимъ образомъ подвижники могли называть постъ крыльями молитвы?“ приходило на мысль.

Чувствовалась страшная усталость. Не хотѣлось рѣшительно ничего дѣлать. Нужно было принуждать себя ко всякому дѣлу, которое прежде дѣлалось охотно и бодро. Пришлось собрать весь остатокъ энергіи, чтобы „опытъ“ не приносилъ ущерба занятіямъ. Совсѣмъ не такъ, какъ раньше, пошло даже и чтеніе. Онъ съ трудомъ заинтересовывался книгою. Нужно было встрѣтить въ книгѣ уже дѣйствительно что-нибудь изъ ряда вонъ выдающееся, чтобы привлечь усталое вниманіе и мысль. Равнодушно читались самыя интересныя книги.

Словомъ, нормальный ходъ жизни и дѣятельности душевной былъ нарушенъ совершенно. Но добровольнаго постника это не смущало. Все это онъ предвидѣлъ отчасти. Онъ рѣшился не оставлять своего смѣлаго опыта надъ собою и терпѣливо ждать результатовъ. Томительно и скучно тянулись дни. Въ душѣ было такъ черство и пусто, что постникъ боялся анализировать ее. Ему казалось, что наполнена она однимъ противнымъ чувствомъ—томленіемъ по „мясамъ египетскимъ“.

Человѣкъ склоненъ къ иреувеличеніямъ и въ самоосужденіи. Когда постникъ сталъ внимательнѣе всматриваться въ то, что происходило теперь у него въ душѣ, онъ убѣдился, что не одинъ голодь и томленіе по яствамъ наполняютъ душу его. На общемъ фонѣ этихъ невысокихъ ощущеній онъ уловилъ одну постоянную, можно сказать неотвязную мысль. Мысль эта была мысль о Богѣ.

О Богѣ теперь онъ не могъ не думать каждую минуту и каждую секунду. То, что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ, конечно, только для Бога. А дѣланіе это давало чувствовать себя каждую минуту, болѣзненно, тяжело давало чувствовать себя, но давало. Какой-нибудь корысти, расчета въ подобномъ дѣлѣ не могло быть. Любой актъ благотворительности можно скорѣе заподозрить въ корыстности, чѣмъ это дѣло. Изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, подвиговъ, ни одно такъ исключительно не направлено къ Богу, и къ Нему одному, какъ это. Естественно, что и совершаемо оно не можетъ быть безъ постоянной мысли и памяти о Богѣ.

Предъ мысленнымъ взоромъ постника теперь постоянно стоялъ Онъ. Онъ былъ такой же, какъ прежде, таинственный и непостижимый. Но постнику казалось, что въ чудномъ и страшномъ обликѣ, въ какомъ Богъ обычно представлялся ему, онъ сталъ находить теперь новыя черты. Прежде онъ думалъ о Богѣ болѣе со стороны Его любви и прощенія. Богъ представлялся ему только любящимъ, снисходительнымъ, всепрощающимъ Отцомъ. Онъ какъ-то забывалъ о томъ, что этотъ Отецъ можетъ быть и строгимъ, что Онъ можетъ гнѣваться и карать людей. Теперь взоръ его какъ бы разглядѣлъ въ Богѣ эту послѣднюю черту. И по душѣ временами сталъ пробѣгать страхъ и трепеть отъ этого неожиданнаго открытія. Онъ съ изумленіемъ убѣдился, что до сихъ поръ считалъ Бога почти до слабости снисходительнымъ Отцемъ, готовымъ прощать все и оставлять безъ наказанія самые крупныя проступки своихъ строптивыхъ дѣтей. Теперь постникъ замѣчалъ, что куда бы онъ ни шелъ и чтобы ни дѣлалъ, смотреть на него эти строгіе, хотя и доброжелательныя къ нему очи. Онъ не могъ не чувствовать на себѣ постоянно этого взгляда, какъ не могъ не думать теперь о Богѣ.

Привыкнуть можно ко всему. Можно привыкнуть и питаться кускомъ хлѣба и стаканомъ воды въ день. Привыкъ и рассказчикъ мало-по-малу къ своей скудной трапезѣ. Сравни-

тельно немного понадобилось и времени для этого: не болѣе, какъ недѣли чрезъ двѣ своего строгаго поста онъ почувствовалъ, что этотъ постъ перестаетъ тяготить его.

Нельзя было сказать, чтобы постъ совершенно не давалъ чувствовать себя и теперь. Правда, постникъ почти не голодалъ. Изнуреніе, удрученность, тоскливость все рѣже и рѣже появлялись. Но тѣмъ не менѣе, общее настроеніе его, настроеніе, какъ душевное, такъ и тѣлесное самочувствіе, было далеко не такое, какое бываетъ при обычномъ питаніи. Онъ не могъ уловить, опредѣлить и назвать эту разницу. Но что разница была, и существенная, замѣтная, въ этомъ не могло быть сомнѣнія. Сравнивая себя теперешняго съ собою предыдущимъ, онъ могъ замѣтить одну перемену. Въ немъ не появлялось теперь никогда того игриваго, самодовольнаго настроенія сытаго человѣка, которое такъ пріятно ощущать самому и которое такъ непріятно поражаетъ въ другомъ. Это то настроеніе, при которомъ человѣку хочется пошутить, пошмѣяться, когда онъ отдается сладкой истомѣ покоя, ничего недѣланія, легкаго чтенія и т. п. Ко всему этому онъ чувствовалъ себя теперь совершенно неспособнымъ. Ему казалось, что въ его организмѣ теперь не было тѣхъ лишнихъ соковъ, которые порождаютъ это самодовольство. Ему казалось, что соковъ жизненныхъ у него осталось ровно столько, сколько нужно, чтобы тѣло слушалось души. И оно, казалось, теперь больше слушалось души. Оно какъ бы не въ силахъ было усыплять и убаюкивать душу, и послѣдняя выигрывала отъ этого: въ ней было больше бодрости, ясности, трезвости. Онъ понималъ теперь, почему свв. подвижники считали постъ первымъ условіемъ такъ называемаго „духовнаго дѣланія“. Онъ убѣдился, что постъ дѣйствительно, „источняетъ“ тѣло и окрыляетъ душу.

Ему казалось, что теперь только началась въ его душѣ настоящая работа нравственнаго улучшенія. Первымъ шагомъ къ такому улучшенію, несомнѣнно, было то, что грѣхъ ему теперь представлялся болѣе мерзкимъ и гадкимъ, чѣмъ пре-

жде. Грѣхъ какъ бы вдругъ сбросилъ предъ нимъ поэтическую оболочку, въ которой онъ обычно является человѣку и которая такъ искусно прикрываетъ его внутреннее безобразіе. То, что раньше казалось ему въ себѣ участіемъ къ ближнему, то теперь, при болѣе строгой оцѣнкѣ, оказывалось злорадствомъ и завистию. Ему открылись глаза на себя. Онъ сдѣлалъ себѣ правильную оцѣнку, и невысокой оказалась эта оцѣнка. Желаніе передѣлать себя стало главнымъ въ душѣ. Правда, не умерли въ душѣ ея страсти: онѣ давали такъ же остро, какъ и ранѣе, чувствовать себя. Но центръ тяжести душевной жизни перемѣстился съ этихъ страстей на то, что есть въ душѣ божественнаго и небеснаго. Измѣнялось какъ бы цѣлое міросозерцаніе.

Наступила Страстная седмица. Близкій конецъ нелегкаго опыта увеличивалъ бодрость. Могучая сила привычки совершенно помирила тѣло съ суровымъ режимомъ. Постникъ не могъ, впрочемъ, сказать, что умилительныя церковныя службы больше прежняго дѣйствовали на него. Скорѣе нѣкоторое истощеніе въ организмѣ ослабляло впечатлѣніе ихъ. Но одна минута вознаградила его за все. На трогательнѣйшей изъ страстныхъ службъ—утрени Великой субботы—его посятели настоящія слезы умиленія. Онъ запомнилъ и моментъ службы, въ который испыталъ это невѣдомое доселѣ блаженство. То было при чтеніи слѣдующаго стиха изъ такъ называемой „статіи первой“ „похвалъ“: „На землю шшелъ еси, да спасеши Адама, и на земли не обрѣтъ сего, Владыко даже до ада снизшелъ еси ищяй“. Стихъ, дѣйствительно, одинъ изъ самыхъ поэтическихъ въ цѣлой службѣ. Онъ и ранѣе останавливалъ вниманіе разказчика своей глубиною и красосою. Но всегда, прежде и послѣ, этотъ стихъ трогалъ его въ такой степени, какъ десятки другихъ возвышенныхъ мѣстъ въ богослуженіи,—можетъ быть, немного больше. Теперь же изображаемая здѣсь любовь Христа и глубина паденія человѣческаго, завлекшая въ адъ Самого Бога, предстали сознанію въ такой яркости и силѣ, такъ задѣли душу, что нельзя было

удержать плача. Читавшій кое-что по аскетикѣ, онъ зналъ о слезахъ умиленія, зналъ, что это слезы сладкія, слезы какого-то восторга. Но онъ не могъ представить себѣ, что въ нихъ разлито такое неземное блаженство, и что сладость ихъ такъ неопиcуемо высока. Не болѣе одной или двухъ минутъ лились изъ глазъ его эти благодатныя слезы, но блаженство этихъ двухъ минутъ, больше не повторявшееся въ его жизни, вполне стоило, по его мнѣнію, сорока дней тяжелаго поста.

Описанный „опытъ“ показываетъ, что правила пощенія, даваемые нашимъ уставомъ, хотя дѣйствительно нележки и суровы, но обѣщаютъ многое за свое выполненіе. Но само собою разумѣется, что они едва ли могутъ рассчитывать на широкое примѣненіе. Возможно даже, что для иного организма они были бы и не безвредны. Самъ „уставъ“ считается съ такими ограниченіями, и даетъ послабленіе для немощныхъ; такъ напр., старымъ, малолѣтнимъ и больнымъ онъ разрѣшаетъ вкушать пищу и во вторникъ 1-ой седмицы вечеромъ, т. е. сокращаетъ полное неяденіе до 1½ сутокъ. Но дальше этой льготы не идутъ. Нигдѣ не дано позволенія ради слабости вкушать не то, чтобы масло и молоко въ теченіе поста, но даже рыбу и постное масло (въ дни, когда запрещается оно). Извѣстный толкователь церковныхъ каноновъ Вальсамонъ, патріархъ Александрійскій, говоритъ: „не позволяется никому, даже въ случаѣ смертной болѣзни, въ Четырдесятницу ѣсть мясо; мы видимъ, что о семъ въ разныя времена было спрашиваемо на соборахъ, но не дано позволенія“¹⁾.

Обычно противъ обязательности постовъ, и въ частности Великаго, выставляютъ въ качествѣ возраженія идею христіанской свободы. Нельзя спорить, что христіанство не считаетъ внѣшній культъ столь же обязательнымъ, какъ это дѣлалъ Моисеевъ законъ. Но нельзя упускать изъ виду и

¹⁾ Epist. de jejun. Coteler. Monum. eccles. Gr. T. II.

того, что постъ не обрядъ лишь, а средство, и очень сильное, нравственнаго воспитанія. Да и можно ли сказать, что обрядъ совершенно не нуженъ христіанству? Не забудемъ, что и таинство имѣеть внѣшнюю, обрядовую сторону и безъ нея, по убѣжденію Православной Церкви, не совершается. Невозможно приобщиться Тѣла и Крови Христовой безъ хлѣба и вина. Нельзя получить прощенія грѣховъ помимо исповѣди, креститься безъ воды и т. п. Такъ и относительно поста всегда было убѣжденіе въ христіанствѣ и Церкви, что онъ не только полезенъ, но и необходимъ для спасенія, и что совершенно и никогда не поститься христіанинъ не можетъ. Какъ мы видѣли, постомъ дается душевной жизни и развитію нѣчто такое, что другимъ путемъ она не можетъ получить.

Такъ же неосновательно неудовольствіе на Церковь за точное установленіе времени и сроковъ для поста. Постъ общественный настолько же выше и сильнѣе частнаго, какъ молитва общественная частной. Кто не хочетъ общественныхъ постовъ, долженъ отказаться или признать излишнимъ и все наше чудное богослуженіе.

„Нѣкто входитъ въ городъ и находитъ, что тамъ постятся: онъ заканчиваетъ постъ вмѣстѣ съ ними“, требуетъ Талмудъ ¹⁾. Но этого требуетъ и нравственная, такъ сказать, деликатность къ окружающимъ. Хемяковъ говоритъ, что нравственная солидарность съ Церковью не позволяла ему отдѣляться отъ массы вѣрующихъ въ постъ, хотя онъ и не сознавалъ вполнѣ пользы его.

М. Скабаллановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Таанитъ, III, 5.

Педагогическія воззрѣнія К. П. Побѣдоносцева.

К. П. Побѣдоносцевъ—личность чрезвычайно выдающаяся и по своимъ идеямъ, и по своей дѣятельности, и по тому исключительному положенію, какое занималъ онъ въ теченіе трехъ царствованій. У него было много искреннихъ почитателей и друзей, а еще больше враговъ, глубоко ненавидѣвшихъ его. Въ разгаръ политическихъ страстей, партійной злобы и жгучей ненависти уже надъ свѣжей могилой его († 10 марта 1907 года) послышался дружный хоръ непріязненныхъ ему голосовъ. Его считали „злымъ гениемъ русской церковной жизни“, „вдохновителемъ темныхъ силъ Россіи“¹⁾. Побѣдоносцевъ, по выраженію Н. Бердяева, извѣстнаго публициста, „трагическій типъ“; это одинъ изъ тѣхъ, въ комъ христіанство убило Христа... „Атеистическій духъ инквизитора движетъ имъ, и онъ, подобно этому страшному старику, отвергаетъ свободу совѣсти, отстаиваетъ религіозный утилитаризмъ“²⁾. Лица, попавшія сознательно и несознательно въ водоворотъ послѣднихъ событій въ нашей политической жизни, обвиняли К. П. Побѣдоносцева въ томъ, что онъ „хотѣлъ остановить бурлящій потокъ народно-государственнаго творчества плотиною кабинетныхъ измышленій и бумажнаго творчества“, и не скрывали своего злорадства, что „паль этотъ выдающійся дѣятель, какъ рухнетъ дубъ подъ незримой работой молодыхъ порослей, которымъ онъ преграждаетъ доступъ къ выси и солнцу“³⁾

Мы не будемъ разбирать мнѣній и взглядовъ на К. П., продиктованныхъ не безпристрастнымъ сужденіемъ о его дѣятельности, а партійными счетами. Исторія покажетъ, сѣялъ ли онъ доброе сѣмя, или одни плевелы, погибли ли съ нимъ

¹⁾ „Церковное Обновленіе“, № 11, 1907 г., стр. 86.

²⁾ „Нигилизмъ на религіозной почвѣ“ Н. Бердяева. Вѣкъ, № 17, 1907 г., стр. 231—233.

³⁾ Биржевыя Вѣдом., № 97, 1907 г.

всѣ его идеи, или въ нихъ есть нѣчто жизненное. Для насъ же достаточно отмѣтить, что даже тѣ, кто такъ ненавидитъ его, вынуждены сознаться, что когда читаешь сочиненія К. П. Побѣдоносцева, то „ненависть ослабѣваетъ“: звучать у него „такія искреннія ноты, искреннее смиреніе предъ высшимъ, любовь къ народному, романтическая привязанность къ старому“¹⁾. Такая раздвоенность во взглядахъ лицъ, враждебно настроенныхъ противъ К. П., съ одной стороны, и большое число почитателей его²⁾, съ другой, объясняется естественно: К. П. Побѣдоносцевъ—чрезвычайно крупная политическая фигура, мимо которой нельзя пройти съ равнодушіемъ или безразличіемъ,—глубокій и разносторонній умъ, въ произведеніяхъ котораго такъ много практически жизненнаго и поучительнаго для читателя. Къ сожалѣнію, читающая публика мало знакома съ его произведеніями и склонна огульно осуждать уже заранѣе все то, что связано съ именемъ Побѣдоносцева. Не пользуются извѣстностью и педагогическія его воззрѣнія. Въ виду этого задачей настоящаго очерка является изложеніе въ общихъ чертахъ воззрѣній К. П. Побѣдоносцева на воспитаніе и обученіе дѣтей на основаніи изданныхъ имъ сочиненій: „Ученые и Учитель“, „Московскій Сборникъ“, „Новая школа“, „Христіанскія начала семейной жизни“ и др. Наше вниманіе остановилось на предметѣ очерка не случайно. Если при оцѣнкѣ просвѣтительной дѣятельности К. П., насколько она выразилась въ институтѣ церковно-приходскихъ школъ, возможны споры и несогласія, то въ сужденіяхъ его о лучшихъ способахъ воспитанія и обученія, о качествахъ учителя и начальника школы, о преподаваніи отдѣльныхъ предметовъ и т. д. такъ много свѣтлаго и жизненнаго, что знакомство съ ними необходимо для всякаго, готовящагося къ педагогической дѣятель-

¹⁾ Цитов. ст. Бердхева, стр. 231.

²⁾ См. „Новое Время“, „Моск. Вѣдом.“ № 52 и 64, „Голосъ Москвы“ № 61 „Русскія Вѣдом.“ № 57 и др.

ности. И неудивительно. Въ теченіе своей многолѣтней и самой разносторонней дѣятельности, не исключая и педагогической, К. П. имѣлъ возможность накопить богатый запасъ педагогическихъ идей и видѣть въ теоріи и на практикѣ достоинство различныхъ системъ воспитанія и обученія.

Къ изложенію педагогическихъ взглядовъ К. П. мы теперь и перейдемъ.

I.

Въ развитіи человѣческой личности весьма важное значеніе имѣють тѣ впечатлѣнія, которыя восприняты ребенкомъ еще въ дошкольный періодъ. Поэтому выдающіеся педагоги (Шесталоци, Дистервегъ и др.) обращали самое серьезное вниманіе на воспитаніе дѣтей уже въ раннемъ возрастѣ. „Только то прочно“, говоритъ великій воспитатель и учитель Я. Каменскій, „что всосалось въ раннемъ возрастѣ. Сосудъ сохраняетъ запахъ, которымъ онъ былъ пропитанъ сначала, даже когда его разбиваютъ... Такимъ же образомъ и въ человѣкѣ первыя впечатлѣнія засѣдаютъ такъ крѣпко, что было бы чудомъ, если бы они могли измѣниться; поэтому всего благоразумнѣе внѣдрять ихъ въ ранней юности согласно съ истинными требованіями мудрости“¹⁾. Роль дошкольнаго воспитанія, какъ могучаго фактора въ образованіи нравственной личности человѣка, ясно сознавалась и К. П. Побѣдоносцевымъ. Нѣтъ въ мірѣ, по его словамъ, нравственной задачи важнѣе задачи воспитанія²⁾. Дѣло воспитанія „малыхъ сихъ“—дѣло великое и святое. Здѣсь имѣетъ значеніе прежде всего личность воспитателя, а не та или другая система воспитанія, созданная холоднымъ разсудкомъ людей. Если бы кто сталъ спрашивать“, говоритъ онъ, „о началахъ и методѣ воспитанія, то скажемъ: будь сначала самъ тѣмъ, чѣмъ

¹⁾ „Великая Дидактика“. Москва. Изд. Тихомирова. 1896 г. глава VII, стр. 115.

²⁾ „Христіанскія начала семейной жизни.“ Соч. Тирпа. Перев. съ нѣм. Изд. К. П. Побѣдоносцева. Москва. 1899, стр. 92.

хочешь сдѣлать другого, будь по всему существу своему. Если твои требованія противорѣчатъ тому, что ты самъ въ тайнѣ мыслишь и дѣлаешь, то не ожидай успѣха, а будь увѣренъ, что всѣ воспитательныя выдумки ни къ чему не поведутъ“¹⁾. Ложь, неискренность должны быть совершенно чужды воспитателю, такъ какъ сколько бы онъ ни лецемѣрилъ, дѣти поймутъ въ концѣ концовъ его лецемѣріе, и тогда цѣлыя сочиненія правилъ и убѣжденій пропадутъ даромъ: „дѣти примѣчаютъ многое, что дѣлается за кулисами“²⁾.

Въ системѣ воспитанія, имѣющаго задачу гармоническое развитіе всѣхъ силъ души ребенка, первенствующее мѣсто должно быть предоставлено, по убѣженію К. П., религіи, которая составляетъ необходимѣйшую потребность человѣческой души. „Одна только и есть совершенная и воспитательная мудрость“, по его словамъ,—„это высочайшая мудрость въ воспитаніи человѣка. Богъ воспитываетъ дѣтей нашихъ посредствомъ насъ и непремѣнно воспитаетъ ихъ, если мы сами дадимъ Ему воспитать себя самихъ“. Говоря такъ, К. П. далеко отъ того, чтобы отрицать пользу разнаго рода сочиненій и книгъ, раскрывающихъ или уясняющихъ тѣ или иныя стороны воспитанія. Воспитателю могутъ оказать помощь и „человѣческія правила“, но все это „невыразимо слабо и отрывочно;“ „что-то мертвое, а не живое черпаемъ мы отсюда: знаніе, а на мудрость“³⁾. Мудрости же можно научиться только „въ училищѣ Господнемъ“⁴⁾. Развитіе въ дѣтяхъ лучшихъ сторонъ человѣка, воспитаніе ихъ въ покорности волѣ Божіей—это величайшая и прямая обязанность родителей; она возложена Богомъ на нихъ и ни на кого болѣе въ цѣломъ свѣтѣ⁵⁾. Никакія школы, институты, семинаріи и монастыри не могутъ замѣнить въ дѣлѣ воспи-

¹⁾ Ibid., стр. 99.

²⁾ Ibid., стр. 101.

³⁾ Ibid., стр. 103.

⁴⁾ Ibid., стр. 104.

⁵⁾ Ibid., стр. 107.

танія дѣтей могучаго воспитательнаго вліянія ихъ родителей. Первая воспитательница въ семьѣ есть мать. Если она слагаетъ съ себя попеченіе о дѣтяхъ лишь для того, чтобы удобнѣе предаться удовольствіямъ свѣтской жизни, то тѣмъ самымъ она оскорбляетъ нравственное чувство цѣлаго общества. Достоинъ осужденія и отецъ, уклоняющійся по разнымъ причинамъ отъ участія въ воспитаніи дѣтей. К. П. Побѣдоносцевъ не находитъ никакого извиненія для тѣхъ родителей, которые спѣшатъ какъ можно скорѣе помѣстить дитя въ учебное заведеніе, чтобы избавить себя тѣмъ самымъ отъ всякаго труда воспитанія ¹⁾. Строгое отношеніе К. П. къ такимъ родителямъ вытекаетъ изъ его несочувственнаго взгляда на училищное воспитаніе, которое страдаетъ многими недостатками; въ общественныхъ училищахъ, говоритъ онъ, распространяется всегда тотъ же духъ, которымъ проникнуто большинство въ современномъ обществѣ; при этомъ въ школахъ вліяніе товарищей дѣйствуетъ сильнѣе на вновь поступающаго воспитанника, чѣмъ вліяніе воспителей ²⁾. Съ этимъ взглядомъ нельзя не согласиться, особенно если принять во вниманіе состояніе воспитательнаго дѣла въ нашихъ школахъ. Общеизвѣстный фактъ, что на эту сторону здѣсь обращается мало вниманія, что дѣти и юноши растутъ и развиваются подъ воздѣйствіемъ не школы, а извѣстной части прессы, разрушающей нерѣдко въ юношѣ все идеальное и созидающей изъ него уже на школьной скамьѣ „партійнаго гражданина“, менѣе всего занятаго своимъ развитіемъ и серьезнымъ трудомъ... Родители ясно сознаютъ, къ чему можетъ привести такое направленіе школы, и поэтому будущее ихъ дѣтей вызываетъ естественную тревогу и опасенія. Въ виду этого можно всецѣло присоединиться къ пожеланію К. П., что „покуда есть малѣйшая возможность, покуда не истощены еще всѣ средства, необходимо оставлять дѣтей дома,

¹⁾ Ibid., стр. 113.

²⁾ Ibid., стр. 120.

гдѣ вѣтъ надъ ними благодѣтельный духъ семейства, а не бурное и холодное дыханіе духа времени; здѣсь наблюдаетъ за ними взоръ отца и матери, здѣсь развиваются предъ ними чистыя и нѣжныя чувства, готовятся для нихъ чистыя радости домашняго круга¹⁾. Къ сожалѣнію, по условіямъ современной жизни далеко не всѣ родители могутъ воспользоваться совѣтомъ К. П., да и тѣ изъ нихъ, которые пожелали бы исполнить его, все же въ концѣ концовъ должны отдать своихъ дѣтей въ школу, въ интернатъ и т. д., и послѣдніе не избѣгнуть т. о. вліянія школьныхъ товарищей. Какъ же уберечь дѣтей отъ вредныхъ стороннихъ вліяній и возможно ли это? Возможно. Для этого родители и воспитатели должны всѣми силами заботиться о развитіи въ дѣтяхъ уже въ раннемъ возрастѣ „чистаго семейнаго духа“, утверждать въ ребенкѣ тѣ начала, которыми проникнута семейная жизнь у нравственно развитыхъ лицъ. Это гораздо важнѣе, чѣмъ умѣнье читать, писать и считать, приобретаемое въ раннемъ возрастѣ. Ребенокъ уже въ семьѣ долженъ сдѣлаться сознательнымъ членомъ семейства, господствующія убѣжденія котораго должны пустить въ его душѣ глубокіе корни. „Честь и радость его“, по словамъ К. П. Побѣдоносцева, „пусть будетъ вся на томъ мѣстѣ, которое онъ занимаетъ въ домѣ: чѣмъ полнѣе онъ участвуетъ въ ежедневныхъ событіяхъ и въ духовной жизни родителей, старшихъ и братьевъ, тѣмъ совершеннѣе должна быть эта честь и радость“²⁾. Только при этомъ условіи для питомца не будутъ страшны никакія вліянія и внушенія. Это положеніе можно принять только съ нѣкорымъ ограниченіемъ, такъ какъ нельзя забывать, что воля у дѣтей не скоро крѣпнетъ, что она слаба бываетъ и у юношей. Поэтому нерѣдки примѣры, когда дѣти, воспитанные въ семьѣ въ добрыхъ навыкахъ, въ школахъ, подъ вліяніемъ дурной среды, быстро усваиваютъ дур-

¹⁾ Ibid., стр. 120.

²⁾ Ibid., стр. 121.

ныя привычки, а иногда и пороки. Необходимо, слѣдовательно, чтобы было обращено серьезное вниманіе на улучшеніе воспитательнаго дѣла въ нашихъ школахъ, чтобы послѣднія не разрушали того, что создаетъ семья, а продолжали и развивали воспитательное дѣло семьи. При такихъ условіяхъ семейное воспитаніе дѣйствительно можетъ сдѣлаться однимъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ нравственнаго развитія личности питомца, и вмѣстѣ съ тѣмъ сыграть важную роль въ оздоровленіи общественной жизни.

Итакъ семья, по взгляду К. П. Побѣдоносцева, должна заложить самыя крѣпкія основы для нравственнаго и интеллектуальнаго развитія дѣтей и вмѣстѣ съ этимъ для религіознаго воспитанія ихъ. Для ребенка, говоритъ онъ, „великое бѣдствіе, когда его воспитываютъ безъ всякой заботы о христіанствѣ, но иногда не менѣе бѣдственно и то воспитаніе, которое совершается хоть и во имя религіи, но не въ чистомъ духѣ Христовомъ“¹⁾.

Это—глубокое убѣжденіе К. П., проходящее чрезъ всѣ его сочиненія. Прекрасною иллюстраціей основной его мысли о необходимости воспитывать дѣтей въ духѣ Христовой вѣры служить „Исторія дѣтской души“,—книжка, изданная имъ самимъ, представляющая переводъ англійской писательницы Маріи Корелли²⁾. Въ этомъ сочиненіи рассказывается печальная и въ высшей степени трогательная исторія даровитаго и симпатичнаго мальчика Ліонеля, который воспитывался отцемъ Велискуртомъ безъ вѣры въ Бога и загробную жизнь. Для мальчика былъ составленъ даже особый конспектъ, въ которомъ исторія вѣрованной раздѣлялась на 12 группъ, причемъ 11 и 12 озаглавливались такъ: Христось и постепенное развитіе христіанскаго міѳа на обломкахъ греческаго и

¹⁾ Ibid., стр. 128.

²⁾ Изд. 1898 г. Москва. Книга надписывается въ подлинникѣ такъ: „Тѣмъ самоименнымъ прогрессистамъ, кои и ученіемъ своимъ и примѣромъ содѣйствуютъ безчестному дѣлу воспитанія дѣтей безъ вѣры“...

римскаго язычества“ и „Позитивный и чистый разум съ доказательствами, что всѣ эти вѣрованія никакихъ положительныхъ основъ не имѣютъ, а только тормозятъ ходъ интеллектуальнаго развитія человѣчества¹⁾. Никто не научилъ Лионеля молиться, а ему лишь было объяснено, что есть люди, которые молятся, но что этотъ обычай соблюдается только ради народа. Разъ извѣстно, что законы природы непоколебимы, то нельзя думать, что молитва можетъ измѣнить въ нихъ что-нибудь; нельзя предполагать, что глухія силы природы могутъ примѣчать страданія и исполнять прошенія человѣка, когда человѣкъ въ сравненіи со вселенной то же, что былинка въ лучѣ солнечномъ²⁾. Когда же несчастный мальчикъ рѣшалъ мучительный для него вопросъ о причинѣ всего существующаго и обращался за разрѣшеніемъ его къ близкимъ ему лицамъ, онъ услышалъ отвѣтъ, что есть только Атомъ, для котораго безразлично все—и слезы, и грѣхъ, и горе... Но съ такимъ отвѣтомъ Лионель не могъ помириться, чувствуя смутно, что въ немъ кроется ложь. Не переносить онъ и созданной специально для него системы воспитанія, подсказанной холоднымъ разсудкомъ взрослога человѣка, не понимающаго дѣтской природы и ея запросовъ. У него со-зрѣваетъ страшная мысль о самоубійствѣ. И вотъ въ это время у него вырываются невольно такія слова: „О милый Атомъ! Если въ концѣ концовъ откроется, что ты вовсе не атомъ, а Богъ, Богъ живой, добрый, любящій, сострадательный ко всѣмъ бѣднымъ людямъ, которыхъ Онъ сотворилъ, ты и меня пожалѣешь..., Ты поймешь, отчего я иду искать Тебя..., вѣдь я не виновенъ въ томъ, что мнѣ здѣсь жить такъ страшно, что я такъ хочу знать, есть ли что лучше этого міра. О если ты Богъ, я знаю, Тебѣ будетъ жаль меня. Я всегда хотѣлъ вѣрить въ Тебя, какъ въ Бога“³⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 56.

²⁾ Тамъ же, стр. 92—93.

³⁾ Тамъ же, стр. 219

Мальчика не стало. Въ своемъ послѣднемъ трогательномъ письмѣ онъ проситъ своего профессора учить маленькихъ дѣтей вѣровать въ Бога, Который въ свое время откроетъ тайну Своего творенія ¹⁾.

„Исторія“ дѣтской души, такъ рано погибшей, вслѣдствіе неправильнаго воспитанія, производитъ сильное впечатлѣніе своею художественностію и мастерскимъ изображеніемъ страданій Ліонеля. Пусть называютъ ее тенденціозной; допустимъ, что въ ней есть спорныя положенія. . Для насъ важна основная идея этой книги: необходимость для правильнаго развитія дѣтей воспитывать ихъ въ христіанской вѣрѣ, учить ихъ понимать красоту Божьяго міра, а равно и то, что „добро жить, добро любить, что чудны всѣ дѣла Господни“. Эту вѣру хотятъ, по словамъ Побѣдоносцева, искоренить такъ называемые передовые люди и представители печати. Чѣмъ богохульнѣе, вульгарнѣе и грязнѣе произведеніе, тѣмъ шумнѣе оваціи его автору. Чего добраго, скоро и мы сами, говоритъ онъ, на вопросъ нашихъ дѣтей, кто сотворилъ небо и землю, дадимъ отвѣтъ: ни небо, ни вселенная не были сотворены—первой причины нѣтъ, ибо все, что научно доказано быть не можетъ,—не имѣетъ бытія“ ²⁾. Опасенія К. П. не безосновательны и заслуживаютъ полнаго вниманія, особенно если имѣтъ въ виду появленіе на книжномъ рынкѣ въ настоящее время громаднаго количества антихристіанскихъ произведеній, цѣль которыхъ ясна: вытравить вѣру изъ сердца простаго народа, а затѣмъ и у подросткающаго поколѣнія ³⁾.

Но возможно ли религіозное воспитаніе дѣтей? Не слишкомъ ли дѣти малы для воспитанія ихъ въ духѣ вѣры? Быть можетъ, правъ Руссо, утверждающій, что „каждый ребенокъ, вѣрующій въ недоступнаго нашимъ чувствамъ Бога, долженъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 233.

²⁾ Тамъ же, стр. 217.

³⁾ „Христіанскія начала семейной жизни“, стр. 102.

быть непременно или идолопоклонникомъ или антропоморфистомъ“ и что поэтому онъ „до своей зрѣлости и не долженъ ничего знать о Богѣ“? Съ подобными взглядами приходится встрѣчаться нерѣдко и въ настоящее время. Но они совершенно неосновательны. Дѣйствительныя наблюденія надъ религіозною воспріимчивостью дѣтской души показываютъ, что религіозное воспитаніе дѣтей и возможно и необходимо, и что ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ „обманывать себя, скажемъ словами К. П., „если въ началѣ замѣтенъ будетъ успѣхъ на сторонѣ тѣхъ воспитателей, которые сами пренебрегаютъ исполненіемъ заповѣдей Христовыхъ. Внутренняя несостоятельность воспитателя будетъ въ этомъ случаѣ песчанымъ грунтомъ“. Мысли К. П. о религіозномъ воспитаніи дѣтей въ раннемъ возрастѣ подтверждаются и интересными опытами и наблюденіями директора Торсхаугскаго института для слабоумныхъ (близъ Христіаніи) г. Липпештада, который рѣшительно утверждаетъ, что „къ культивированью души ребенка (даже ненормальнаго) въ духѣ христіанства можно и должно приступать гораздо раньше, чѣмъ это полагаютъ и дѣлаютъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ таинственными и необъяснимыми для разума силами“ ¹⁾. То же говоритъ и нашъ Достоевскій. „Пяти-шестилѣтній ребенокъ знаетъ иногда о Богѣ или добрѣ и злѣ такія удивительныя вещи и такой неожиданной глубины, что поневолѣ заключишь, что этому младенцу даны природою какія-то другія средства пріобрѣтенія знаній, не только намъ неизвѣстныя, но которыя мы даже на основаніи педагогики должны бы были почти отвергнуть“ ²⁾. „Господь“, по словамъ А. Коменскаго, „повелѣлъ въ законѣ посвящать Ему всѣхъ первенцевъ; почему же не первенцевъ нашего мышленія, лепетанія, движеній и дѣйствій?“ ³⁾.

¹⁾ Сборникъ „Семья и ея задачи“, перев. съ норвежск. Ст. директ. Липпештада, „Слабоуміе“. См. чтенія по „педагогической психологіи“ П. А. Соколова, Екатеринбургъ, 1907, стр. 192—193.

²⁾ „Дневникъ писателя“ 1876 г. Май. гл. 2, § 1.

³⁾ „Великая Дидактика“, цит. соч. гл. XXIV, стр. 417.

Религіозное воспитаніе, начатое въ семьѣ, должно продолжаться и въ школѣ. Попытки утвердить школу помимо религіи на нравственномъ ученіи оказываются и всегда окажутся, по убѣжденію К. П. Побѣдоносцева, бесплодными. Нравственныя начала ученія, по его словамъ, испарятся и исчезнутъ, или поблекнутъ до безразличія, уступивъ мѣсто матеріальнымъ побужденіямъ. Но ученіе, основанное на религіозныхъ началахъ, вводитъ душу въ новую духовную сферу, открываетъ ей горизонты духовной жизни, оставляетъ въ ней идеи и понятія, которыя если и поблѣднѣютъ, совсѣмъ исчезнуть не могутъ, не забываются, и даже, поблѣднѣвъ, снова нерѣдко возвращаются въ душу, освѣжая ее ¹⁾. И по выходѣ изъ школы человѣкъ, религіозно воспитанный, во всѣхъ своихъ дѣлахъ будетъ послушнымъ голосу оживляющаго духа, который будетъ напоминать ему о необходимости воплощать въ жизни высшее начало. „Лишь въ мысли о Богѣ мы можемъ обрѣсти равновѣсіе земного бытія, уразумѣть идею единства жизни; лишь въ мысли о Богѣ мы сами себя обрѣтаемъ посреди безчисленныхъ подробностей жизни“ ²⁾.

Живое дѣло школьнаго воспитанія и обученія требуетъ для себя и живого руководителя, живого учителя, проникнутаго горячимъ желаніемъ содѣйствовать истинному развитію дѣтской души. К. П. Побѣдоносцевъ съ особенною любовію рисуетъ идеальный образъ учителя въ своихъ педагогическихъ замѣткахъ „Ученье и Учитель“. Учитель, по его взгляду, это подвижникъ своего дѣла, влагающій свою душу въ дѣло воспитанія и обученія. Онъ долженъ помнить, что онъ дѣлаетъ великое дѣло, которое нельзя дѣлать *съ небреженіемъ* ³⁾. Учитель—живой образецъ умѣнья, старанія и добро-

¹⁾ Ученье и Учитель. Педагогическія замѣтки. Вторая книжка. Москва. 1904. стр. 6—7.

²⁾ Тамъ же, стр. 4—5.

³⁾ Тамъ же, стр. 12 и 16—17.

совѣстности ¹⁾). Для него всего важнѣе сознаніе своего долга и вѣрность ему ²⁾). Учитель никогда не долженъ забывать, что у него въ классѣ дѣти; „старайся быть *юнж* съ ними,— и они это почувствуютъ“ ³⁾). Когда сидишь въ классѣ и видишь предъ собою 30 ребятъ, не забывай, что и ты когда-то былъ совершенно такой же ⁴⁾). Предъявляя строгія требованія къ учителю, К. П. Побѣдоносцевъ даетъ цѣлый рядъ практическихъ указаній, какъ держаться ему въ школѣ, какъ вести себя на урокахъ, относиться къ дѣтямъ и къ урочнымъ работамъ. Эти указанія настолько цѣлесообразны и жизненны, что не согласиться съ ними нельзя. И если бы всѣ учителя одушевлены были желаніемъ осуществлять ихъ на дѣлѣ, то не было бы слышно и тѣхъ нареканій и жалобъ на школу, которыя, къ сожалѣнію, часто являются справедливыми.

Самое главное условіе успѣшности педагогической дѣятельности заключается, по словамъ Побѣдоносцева, въ томъ, чтобы учитель *не утѣшалъ духа въ себѣ*. Обычное дѣло рукъ человѣческихъ день за днемъ можетъ подавить челоѣка и овладѣть имъ, если самъ онъ духовно имъ не овладѣваетъ. Эта опасность угрожаетъ въ особенности учительскому званію. Учитель, закоснѣвъ въ своемъ предметѣ и на однообразныхъ классныхъ упражненіяхъ, можетъ замереть духомъ въ учебномъ обычаѣ. Оставаясь исправнымъ во внѣшности, онъ мало-по-малу утрачиваетъ способность жить одною жизнью съ своимъ классомъ и духовно возбуждать его. Одушевленіе въ дѣлѣ воспитанія и обученія—великое дѣло. Но оно не должно переходить у учителя въ наѣосъ ⁵⁾). „Будь естественъ: говорить надобно такъ, чтобы ясно понимали тѣ, кому говоришь“. „Берегись употреблять отвлеченныя фразы;

¹⁾ Тамъ же, стр. 13.

²⁾ Тамъ же, стр. 8.

³⁾ Тамъ же, стр. 8.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 10.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 34.

берегись нанизывать правило на правило. Дорога, вымощенная отвлеченностями да правилами, ведетъ къ отупѣнію и отводить отъ жизни“¹⁾). Всякую работу, какую требуетъ учитель отъ ученика, онъ долженъ сначала умѣть самъ продѣлать какъ можно лучше. „Въ этомъ правда, а безъ правды—какое учительство!“²⁾). Хотя самъ К. П. не преподавалъ въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, однако педагогическія замѣтки его о поведеніи учителя въ классѣ свидѣлствуютъ, что онъ хорошо зналъ дѣтскую природу. Если хочешь, чтобы классъ твой былъ спокоенъ и внимателенъ,—наставляешь онъ учителя,—будь спокоенъ и внимателенъ самъ, спокоенъ прежде всего во внѣшнихъ приемахъ. Молодой конь чуетъ неопытнаго, неувѣреннаго въ себѣ ѣздока, и начинаетъ шалить и брыкаться³⁾). Не слѣдуетъ раздражаться въ классѣ мелочами и придавать имъ значеніе. Шалунъ нарисовалъ на столѣ твою фигуру, да еще подписалъ. Что тебѣ дѣлать? Спокойно сотри ее, или вели стереть сосѣду. Бѣда, если разсердишься, да еще станешь разслѣдовать. Тогда примѣръ станетъ заразительнымъ⁴⁾). Противъ такой мѣры не станетъ возражать никто, даже мало знакомый съ шалостями и продѣлками школьникова.

Дѣло учительства далеко не исчерпывается урочными часами преподаванія въ классѣ. Только учитель-ремесленникъ, не любящій школу и дѣтей, окончивъ уроки, спѣшитъ къ себѣ, домой, съ тѣмъ, чтобы не заглядывать въ школу и не видѣть учениковъ до слѣдующаго дня. Такой учитель забываетъ, что много важнѣе общеніе съ дѣтьми внѣ уроковъ: здѣсь собирается богатый матеріалъ для оживленія интереса, для возбужденія мысли и воображенія, для сообщенія понятій и свѣдѣній; здѣсь прямое средство духовнаго и душевнаго общенія учителя съ дѣтьми и залогъ сердечной

¹⁾ Тамъ же, стр. 11.

²⁾ Тамъ же, стр. 10.

³⁾ Тамъ же, стр. 8.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 10.

и умственной привязанности дѣтей къ школѣ и учителю ¹⁾. „Учителя“, по словамъ К. П., „образуетъ сочувственное единеніе съ природою, съ жизнью и бытомъ дѣтей, коихъ учить онъ призванъ. Добрый учитель живетъ одною жизнью съ своею школою“ ²⁾.

Придавая такое большое значеніе личнымъ качествамъ учителя, который является самою „сущностью“ школы, К. П. Побѣдоносцевъ полемизируетъ съ тѣми, которые отводятъ личности учителя второстепенное мѣсто въ школѣ и думаютъ, что создать учителя для школы—дѣло легкое. „Бѣда“, говоритъ онъ, „если при устройствѣ школы, такъ же какъ и при устройствѣ канцеляріи, слышится та же рѣчь: стоитъ кликнуть кличь, и учителя явятся,—сколько ихъ есть ищущихъ работы и хлѣба“ ³⁾. . . Многіе такъ и думаютъ: настроимъ школъ., наберемъ учителей, дадимъ имъ въ руки программы и новѣйшіе методы обученія, свяжемъ ихъ правилами инструкцій, и дѣло пойдетъ. Съ такимъ взглядомъ можетъ согласиться только тотъ, кто мало знакомъ съ школьнымъ дѣломъ. „Учитель-ремесленникъ, учитель-чиновникъ не годится для живого дѣла“. При такомъ учителѣ дѣло можетъ оказаться подобіемъ Крыловскаго квартета“ ⁴⁾. Правда, для приготовленія народныхъ учителей существуютъ спеціальныя учебныя заведенія (учительскія семинаріи, школы), гдѣ все вниманіе обращается на сообщеніе необходимыхъ для учителя теоретическихъ знаній и на практическую подготовку его къ учительству. Отношеніе К. П. къ такимъ школамъ скептическое, такъ какъ онъ совершенно не раздѣляетъ воззрѣнія, что при помощи наукъ и курсовъ можетъ выработаться нужный для дѣла учитель. Учитель долженъ пройти чрезъ „лабораторію“ дѣйствительнаго учительства въ начальной школѣ, гдѣ приобрѣтается искусство учить не посредствомъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 7.

²⁾ „Ученье и Учитель“. Вторая книжка, стр. 25.

³⁾ „Ученье и Учитель“. Москва. 1901., стр. 16—17.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 17.

книжныхъ лекцій, но обращеніемъ съ живыми дѣтьми, притомъ не съ тѣми или другими дѣтьми, но съ цѣлою организованною массою дѣтей¹⁾. Соглашаясь вполне съ мыслию, что искусство учить пріобрѣтается въ школѣ, въ общеніи съ живыми дѣтьми, мы въ то же время не можемъ признать вполне обоснованнымъ скептической взглядъ К. П. Побѣдоносцева на спеціальную подготовку учителей въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ организаціи учебно-воспитательнаго дѣла и въ той подготовкѣ, которая дается спеціальными учительскими школами, есть, конечно, не мало недостатковъ и пробѣловъ, но чрезъ это значеніе ихъ нисколько не уменьшается, такъ какъ никто не станетъ отрицать необходимости теоретической подготовки и умственнаго развитія для всякаго практическаго дѣятеля, а тѣмъ болѣе для учителя. Только расширивъ свой умственный кругозоръ изученіемъ въ спеціально учительской школѣ учебныхъ курсовъ и усвоеніемъ разнаго рода знаній, учитель можетъ съ болѣею легкостью ориентироваться въ своемъ дѣлѣ, въ лучшихъ способахъ воздѣйствія на дѣтей, въ искусствѣ и въ приѣмахъ обученія. Поэтому-то необходимость возможно лучшей теоретической подготовки учителей сознается всѣми, кто желаетъ правильной постановки обученія въ начальныхъ школахъ.

Требованія, предъявленныя К. П. Побѣдоносцевымъ къ учителямъ, слишкомъ высоки, а выполнить ихъ могутъ далеко не всѣ учителя. Это онъ сознаетъ и самъ. „Учитель“, по его словамъ, „принадлежащій заведенію, сросшійся съ нимъ и живущій въ немъ его жизнью—есть поистинѣ *garçon* въ наше время. Кое-гдѣ еще можно сыскать стараго учителя педагога, издавна сидящаго на своемъ мѣстѣ, да еще гдѣ-нибудь въ глухой деревнѣ отыскать старика учителя, въ голодѣ и холодѣ, изъ любви къ дѣтямъ посвящающаго всю свою жизнь уходу за ними“²⁾.

Въ городѣ же большинство учителей—наемники учебнаго труда, изнывающіе въ тоскѣ своего званія. Въ непрестанной заботѣ о хлѣбѣ насущномъ для себя и для семьи своей, безъ интереса, безъ одушевленія несетъ онъ поденный трудъ, перебѣгая или переѣзжая изъ одного учебнаго заведенія въ другое, и всюду является усталый, раздраженный, утягивая нерѣдко минуты и четверти изъ каждаго урока³⁾... Противъ этихъ глубоко жизненныхъ и справедливыхъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 18.

²⁾ Тамъ же, стр. 19.

³⁾ Тамъ же, стр. 19.

замѣчаній едва ли можно возражать. Казалось бы вполне естественнымъ, что К. П., занимавшій исключительно высокое служебное положеніе, и такъ хорошо знавшій матеріальное положеніе учителей, будетъ вести рѣчь о необходимости улучшить его, но, къ сожалѣнію, этотъ вопросъ онъ проходить молчаніемъ, выдвигая на первый планъ идею подвижничества въ учительской службѣ... Между тѣмъ, онъ не жалѣетъ красокъ, чтобы изобразить бѣдственное положеніе учителей и особенно учительницъ въ глухой деревнѣ. „Часто учительницъ“, говоритъ онъ, „кормиться нечѣмъ и есть едва во что одѣться—жилище ея холодное и надо просить всюду, чтобы добыть дровъ, чтобы достать освѣщеніе въ вечернюю пору. А вокругъ нея нерѣдко бѣдняки, отъ коихъ и достать нельзя.., и нерѣдко школа ея отдѣлена отъ людного жилья дальнимъ пространствомъ и непроходимыми снѣгами. Скучное ея жалованье приходится ей нерѣдко выжидать мѣсяцами, покуда дойдетъ оно до нея изъ отдаленныхъ пунктовъ школьнаго управленія. И счастье, когда она найдетъ около себя добраго и усерднаго священника, жалостливаго сосѣда, внимательное начальство. Иначе—ожидаетъ ее тяжкая борьба съ невѣжествомъ, съ равнодушіемъ, иногда съ враждою всѣхъ тѣхъ, отъ кого она жаждала помощи и содѣйствія. Какое—не только терпѣніе,—но какую любовь и жалость къ бѣднотѣ и невѣчеству надобно хранить въ душѣ своей, чтобы выносить мѣсяцы и годы жизни въ такой обстановкѣ, и въ такомъ напряженіи духовной силы... Немудрено, что какъ свѣча, которая даетъ свѣтъ, но и сама сгораетъ, учительница въ нѣсколько годовъ истощается и стараетъ“¹⁾... Мы намѣренно привели эти прекрасныя по силѣ чувства строки, чтобы показать, какъ авторъ ихъ ясно понималъ тяжелое, а подчасъ и невыносимое положеніе сельскихъ учительницъ и какъ горячо сочувствовалъ этимъ труженицамъ...

Не менѣе строгія требованія предъявляются К. П. Побѣдоносцевымъ и къ начальникамъ учебныхъ заведеній. Начальникъ заведенія долженъ весь принадлежать ему, жить одною съ нимъ жизнью. Онъ долженъ дѣйствовать примѣромъ и быть первымъ работникомъ. „Онъ первый не надъ подчиненными во власти сущими, но первый между коллегами-учителями, и долженъ стоять не надъ ними, а посреди ихъ, сохранять и поддерживать ихъ интересъ въ ученіи и наукѣ, оживляя его своимъ интересомъ“²⁾. Онъ долженъ

¹⁾ „Ученье и Учитель“, книжка вторая, стр. 47—48.

²⁾ „Ученье и Учитель“ кн. первая, стр. 31—33.

умѣть отличать существенное отъ второстепеннаго, „ощущать добро и разумъ въ каждомъ человѣкѣ“³⁾. Быть такимъ и значить умѣть *правильно* учебнымъ заведеніемъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, а не на восточный манеръ—предписаніями, циркулярами, протоколами, инструкціями и т. д. Начальникъ твердъ во всемъ томъ, что требуется правдою и чувствомъ долга, безъ поблажекъ и уступокъ, но къ каждому относится, сообразуясь съ природою и характеромъ каждаго. Гдѣ нѣтъ сознанія долга, тамъ весь строй трещить по швамъ, тамъ нѣтъ духовной связи ни между учащими, ни между ними и учениками¹⁾.

Наблюдающихъ за школами (инспекторовъ и директоровъ училищъ) Побѣдоносцевъ предостерегаетъ отъ формализма, такъ какъ школа—не канцелярія. Когда видишь, говоритъ онъ, учителя, отдающаго всю душу обученію и воспитанію дѣтей,—берегись приступать къ нему съ властнымъ начальственнымъ видомъ и не смущай его требованіями бумажнаго и програмнаго формализма. „Горе тебѣ, если, прѣвзжая въ школу, считаешь ты главнымъ или единственнымъ долгомъ своего званія обозрѣть тетради, отмѣтки и вѣдомости,—и затѣмъ ѣхать далѣе. Ищи повсюду учителя—его смотри, съ нимъ бесѣдуй по-человѣчески: вѣдь онъ главное орудіе школы. Если онъ колеблется, твое дѣло поддержать его. Если сомнѣвается, научи его.. Если живетъ онъ въ нуждѣ, въ голодѣ и въ холодѣ,—не проходи мимо его равнодушно,—Богу дашь отвѣтъ, если не позаботишься ободрить человѣка въ его терпѣніи“²⁾... Если бы эти совѣты К. П. твердо помнили всѣ тѣ, кто имѣетъ „начальственное“ отношеніе къ школѣ и народному учителю, то послѣднему жилось бы лучше, и онъ съ большею энергіею сдѣлалъ бы свое отвѣтственное и важное дѣло учительства.

М. Григоревскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Тамъ же, стр. 32.

²⁾ 2-я книжка, стр. 15—16.

³⁾ Книжка 1 я, стр. 35—36.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 17-го февраля 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 9.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года марта 1-го дня.

Содержаніе: I. Разные пути. Р. С. А. Ѳ.—II. Великій постъ. (Продолженіе).
М. Скабаллановича. — III. Педагогическія воозрѣнія К. П. Побѣдо-
носцева. (Окончаніе). М. Григорьевскаго.—IV. Замѣтка. Церковно-
приходскіе совѣты.

Разные пути.

Подъ такимъ заглавіемъ въ „Московскихъ вѣдомостяхъ“ за текущей годъ, №№ 19—20, помѣщена статья-отзывъ архим. Теодора о „Религіозно-философской библиотекѣ“ М. А. Новоселова. Считая эту „Библиотеку“ весьма полезной для духовенства и православныхъ мірянъ, мы рѣшаемся предложить благосклонному вниманію нашихъ читателей цѣликомъ этотъ отзывъ съ нарочитою цѣлью рекомендовать изданіе Новоселова для прочтенія, а еще лучше—и для приобрѣтенія, въ частности для приобрѣтенія въ благочинническія библиотеки. Продаются выпуски „Библиотеки“ (всѣхъ въ настоящее время 16-ть) въ большихъ магазинахъ Петербурга, Москвы и Кіева. Заглавія нѣкоторыхъ выпусковъ: „Забытый путь опыт-

наго Богопознанія“, „Соціальное значеніе релігійозной личности“, „Значеніе свободнаго слова для личности, общества и Церкви“, „Альтруизмъ и христіанская любовь“ и др.

Ред.

„Когда лѣтъ 7—8 тому назадъ появился на книжномъ рынкѣ 1-й выпускъ „Релігійозно-философской Библіотеки“, издаваемой въ Вышнемъ Волочкѣ М. А. Новоселовымъ, подъ заглавіемъ „Забытый путь опытнаго Богознанія“, то ни въ спеціально-богословскихъ изданіяхъ, даже академическихъ, ни въ газетныхъ замѣткахъ, за исключеніемъ только „Странника“, не было ничего высказано по поводу этого выпуска. И въ послѣдующіе годы, когда „Релігійозно-философская Библіотека“ стала издавать выпускъ за выпускомъ, о ней мало кто писалъ и говорилъ, даже пожалуй мало кто и зналъ о ея существованіи; вѣроятно и расходъ книгъ былъ очень незначительный. Попадали эти выпуски, въ видѣ очень чистенькихъ и небольшихъ изящныхъ книжекъ въ розовой обложкѣ, въ руки только отдѣльныхъ немногихъ лицъ, большею частію или лично знакомыхъ редактору „Рел.-философ. Библіотеки“, или узнавшихъ о немъ черезъ первыхъ. Такъ въ частности было и съ пишущимъ эти строки въ дѣлѣ знакомства съ изданіями „Рел.-философ. Библіотеки“. Совершенно случайно попавшій въ руки 1-й выпускъ этой библіотеки, найденный въ библіотекѣ одного изъ знакомыхъ М. А. Новоседова, пробудилъ интересъ и къ слѣдующимъ.

Нужно удивляться поистинѣ той настойчивости и энергіи, съ которой издатель „Реліг.-философской Библіотеки“, однако, продолжалъ свое дѣло, не смотря на такое игнорированіе его имени и его изданій въ ученой богословской и популярно-газетной литературѣ. Очевидно, трудъ и энергія издателя держались на святомъ одушевленіи и вѣрѣ его въ потребности задуманныхъ имъ изданій, въ смыслѣ чисто миссіонерскаго ихъ значенія по отношенію къ блуждающей по распутіямъ богословской мысли послѣдняго времени, и

это чисто идейное служеніе отодвигало назадъ всѣ матеріальные расчеты и понесенные расходы на изданія. И нельзя не порадоваться тому, что въ послѣдніе два по преимуществу года „Религіозно-философская Библіотека“ работаетъ особенно усиленно и издала уже XVI-й выпускъ, помимо еще особо изданныхъ сочиненій извѣстныхъ русскихъ мыслителей по серьезнымъ вопросамъ, выдвигаемымъ современностью. Послѣдній по времени (а не послѣдній, надѣмся, по числу) XVI выпускъ „Рел.-философской Библіотеки“, подъ заглавіемъ „Первоначальная христіанская церковь въ Іерусалимѣ“ (Ѳеодора Самарина) содержитъ въ себѣ, какъ это видно изъ самаго заглавія, исторію Апостольской церкви, съ ея внутренней и внѣшней стороны, какъ она изображается въ книгѣ Дѣяній. Авторъ, имя котораго, думается, само за себя говоритъ многое, стоитъ исключительно на почвѣ текста книги Дѣяній и дѣлаетъ анализъ его, въ цѣляхъ очертанія внутренней стороны и внѣшняго строя первоначальной христіанской Церкви въ Іерусалимѣ. Безъ увлеченія и уклоненія въ сторону какихъ-нибудь научныхъ теорій, вымышленныхъ нѣмецкимъ глубокомысліемъ или протестантской предвзятостью, безъ всякой предвзятой научной теоріи и съ своей стороны, авторъ, отчетливо изучивъ текстъ священной книги и, не выходя за предѣлы данныхъ этого первоисточника, даетъ весьма научно-аргументированную и въ то же время дышащую непосредственной свѣжестью первоисточника картину жизни христіанской Церкви апостольскаго времени. И тотъ обликъ церковной жизни, какой удалось начертить автору по книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, дѣйствительно, очень поучителенъ для нашего современнаго религіознаго сознанія. Онъ лучше многихъ богословскихъ ученѣйшихъ трактатовъ можетъ уяснить намъ понятіе Церкви, раскрывая передъ нами такія ея стороны, которыя нерѣдко остаются безъ вниманія современною религіозною мыслию, привыкшей къ другимъ формамъ церковности и къ иному пути богословскаго научнаго мышленія.

Мы рекомендуем читателю самому познакомиться съ этимъ интереснымъ выпускомъ. Да и не этотъ только выпускъ слѣдуетъ почитать человеку, не утеравшему интереса къ вопросамъ вѣры и христіанской жизни, а всѣ выпуски „Религіозно философской Библіотеки“.

Впечатлѣніе получается у прочитавшаго всѣ эти выпуски, особенно если онъ знакомъ съ духомъ и направлениемъ нашей современной такъ называемой, ученой богословско-философской мысли, такое, какъ будто въ мутную воду вдругъ пущена струя чистой ключевой воды, или въ душную атмосферу—струя свѣтлаго, чистаго воздуха.

Современная научная и популярная богословская мысль, давно уже отрѣшившаяся отъ почвы и духа святоотеческой письменности, изучающая и Слово Божіе не столько само по себѣ, сколько одинъ (выразимся такъ) переплетъ Библии и различныя хитроумныя теоріи нѣмецкихъ богослововъ, оказалась въ своего рода Вавилонскомъ плѣненіи у сихъ послѣднихъ, и Богъ знаетъ, когда она выберется изъ этого плѣненія. Правда, узы схоластики, вязавшія такъ прочно нашихъ почтенныхъ богослововъ довольно продолжительное время и заковавшія чрезъ нихъ богословскую мысль и школу въ цѣлыхъ поколѣніяхъ въ безжизненныя рамки искусственно выработанныхъ формулъ, какъ будто спадаютъ и значительно ослабѣваютъ, но, къ великому несчастію, эти узы замѣняются другими, быть можетъ, на видъ и болѣе мягкими, но, во всякомъ случаѣ, не менѣе цѣпкими и крѣпкими и уже, несомнѣнно, болѣе гибельными и позорными, чѣмъ первыя.

Разумѣемъ плѣненіе нашей учено-богословской мысли протестантствомъ со всѣми порожденіями его, включительно до сектантства и какого-то религіознаго декадентства. Кто хоть немножко знакомъ съ нашей академической богословской ученостью, тотъ хорошо знаетъ, какого фетиша сдѣлали наши присяжные богословы изъ западнаго протестантскаго научнаго богословія.

Марка богословской учености наклеивается только на тѣ сочиненія, которыя пишутся съ иностранными источниками и уснащаются цитатами изъ многочисленныхъ, нѣмецкихъ по преимуществу, авторовъ.

Считается необходимымъ знать всѣ выдуманная хитроуміемъ протестантскаго богословія, теоріи о священныхъ книгахъ или по вопросамъ святоотеческой письменности. Съ этими вѣтрыными мельницами сражаются все время, о нихъ пишутъ кандидатскія, магистерскія и докторскія диссертациі, большею частію компилятивнаго характера. Конечно, нельзя отрицать пользы въ извѣстной степени и этого рода научной работы, но сводить на нее всю богословскую православную науку и самое богословіе отождествлять съ продуктами Западной протестантской мысли—это по меньшей мѣрѣ странно. Еще вопросъ: есть ли на Западѣ теперь *богословіе* въ собственномъ смыслѣ этого слова, и можно ли, употребивъ все время обученія, на примѣрѣ, хотя въ академіи, на изученіе теченій западной научной богословской мысли, стать дѣйствительно богословами?

Слѣдовало бы почаще вспоминать слова Григорія Богослова о томъ, что нужно для того, чтобы стать богословомъ. Когда научная работа сводится только къ критикѣ текста Писанія, къ изслѣдованію внѣшней стороны памятниковъ, къ разбору и сочиненію разныхъ теорій, выработка цѣльнаго православнаго богословскаго міровоззрѣнія парализуется, духъ жизни, дышавшій со страницъ Откровенія и твореній свв. отцовъ и вводящій душу въ свѣтлую атмосферу истиннаго богословія, минуетъ въ этомъ случаѣ изучающаго, и онъ питается только суррогатомъ богословія.

Спросите въ самомъ дѣлѣ каждаго изъ получившихъ специальное богословское образованіе, много ли онъ въ семинаріи и академіи изучалъ Слово Божіе и памятники святоотеческой письменности? Къ великому стыду богословской школы, питомцы ея въ этомъ отношеніи гораздо слабѣе рас-

вольническихъ начетчиковъ или простыхъ благочестивыхъ православныхъ мужичковъ.

Несомнѣнно, благодаря тому, что нами забыты духовныя сокровища богословствованія свв. отцовъ, и замѣчается теперь такой упадокъ продуктивности богословской мысли. Куда пойдетъ по этой дорогѣ наша богословская мысль—угадать не трудно. Когда утерянъ критерій истины, и нѣтъ уже руководства святоотеческаго, блужданіе возможно и широкое, и свободное. Неудивительно, что теперь, подъ вліяніемъ и въ угоду современному настроенію, насилуется даже святоотеческая мысль для оправданія идей социализма, какъ это было въ одномъ изъ богословскихъ журналовъ. Неудивительно, что личное, чисто католическое религіозное настроеніе возводится въ источникъ для богословскихъ концепцій, и болѣзненный мистицизмъ преподносится любителю богословія, какъ послѣднее слово научнаго богословія въ видѣ ученыхъ изслѣдованій.

Религіозная порнографія, въ лицѣ обновителей христіанства, встрѣчаетъ тайное сочувствіе среди ученыхъ богослововъ, и на эту тему пишутся удачно замаскированныя статьи яко бы научно-богословской цѣнности. Въ будущемъ, конечно, можно опасаться и еще худшаго, если наша богословская мысль и работа не возвратятся къ тѣмъ забытымъ сокровищамъ духа, которыя способны, какъ бы живой водой, окроплять сухой скелетъ нашей богословской науки и ввести въ него дыханіе жизни. Это воистину будетъ освобожденіе изъ тяжкаго плѣна и вступленіе на новый и въ то же время старый путь богословствованія.

Съ этой точки зрѣнія вступленія богословской мысли на истинный путь своей работы, мы и привѣтствуемъ изданія „Религіозно-философской Библіотеки“ М. А. Новоселова. Въ этомъ отношеніи первый же выпускъ по самому уже своему названію можетъ разсматриваться какъ бы программнымъ для всѣхъ послѣдующихъ изданій. „Забытый путь, опытнаго Богопознанія“, таково названіе перваго выпуска,

въ которомъ авторъ со всей рѣшительностью и полной опредѣленностью указываетъ необходимость пути нравственнаго развитія и введенія въ свою личную жизнь духа христіанской жизни, для того, чтобы уразумѣть тайны духовной мудрости и богословствовать. Этотъ личный опытъ долженъ покоиться на опытѣ святоотеческомъ, и приобщеніе себя къ этому сонму духоносныхъ отцовъ, хотя бы мыслию и настроеніемъ, есть главное условіе для богословствованія.

Намъ думается, что дѣйствительно едва ли возможно богословствовать тому, кто не воспринимаетъ христіанства въ себя какъ новую жизнь и не чувствуемъ силы его прежде всего въ явленіяхъ и строѣ своей внутренней личной жизни.

Внѣшнее изученіе христіанства, какъ нѣкоей только любопытной и оригинальной теоріи или философеми, или какъ своеобразнаго историческаго явленія ¹⁾, никогда не дастъ тѣхъ результатовъ, что первый путь. Вотъ почему нашимъ присяжнымъ богословамъ и всѣмъ намъ по крайней мѣрѣ необходимо восполнять недостатокъ личнаго нравственнаго опыта опытомъ тѣхъ, кои воплотили христіанскую жизнь въ своей личной и богословствовали на этой почвѣ живого непосредственнаго опыта богоподобной жизни, а не на почвѣ логическаго соотношенія понятій и построенія научныхъ формулъ.

Къ этому личному опыту великихъ представителей христіанской жизни Православной Церкви, къ ихъ богословствованію, постоянно устремляетъ свою мысль издатель „Религіозно-философской Библіотеки“ и всѣ вопросы, какіе онъ ставитъ темами своихъ дальнѣйшихъ изданій, рѣшаетъ на этой именно почвѣ и въ духѣ святоотеческомъ. Среди вышедшихъ выпусковъ есть и такіе, которые посвящены вопросамъ, выдвинутымъ потребностями современной жизни.

¹⁾ И притомъ методами, обычными, прилагаемыми при изученіи всякихъ иныхъ явленій теоріи.

Но и здѣсь издатель беретъ для рѣшенія этихъ вопросовъ не чужую намъ западную мысль, не понимающую хорошенько православную душу и жизнь нашего русскаго общества, а главнымъ образомъ мысль лучшихъ нашихъ же русскихъ мыслителей, напр., В. С. Соловьева, Хомякова, Аксаковыхъ, Л. Тихомирова, Ушинскаго, В. Несмѣлова и многихъ другихъ. И здѣсь у него, какъ и въ религіозныхъ специально выпускахъ остается девизомъ: нужно идти къ своимъ роднымъ великанамъ мысли и духовнаго творчества. Въ этомъ отношеніи выпуски и специально богословскіе и философскіе идутъ одинаковымъ путемъ, настойчиво какъ бы проводятъ одну тенденцію: пробудить у читателей интересъ къ своему родному, забытому богатству; направить туда и богословскую и философскую мысль нашего времени, на этотъ путь славныхъ носителей духовнаго богатства, засоренный произрастаніями западной невѣрующей или полувѣрующей мысли. Кто знаетъ, какую роль могутъ сыграть эти небольшія книжки „Религіозно-философской Библіотеки“ въ дѣлѣ поворота нашей богословско-философской мысли на забытый и брошенный путь? Дай Богъ, чтобы миссія этихъ изданій увѣнчалась успѣхомъ“.

Р. С. А. О.

Великій постъ.

(Продолженіе ¹⁾).

§ 2. *Продолжительность поста въ историческомъ развитіи.*

Если „слова учать, а примѣры побуждаютъ“, то въ жизни христіанской Церкви не могло быть такого времени, когда бы она не имѣла постовъ. Картина безбрежной, выжженной іерихонской пустыни съ воющими шакалами, усѣянной скорпіонами, пугливо обходившими истощеннаго Человѣка съ по-

---

¹⁾ См. № 8-й за 1909-й г.

никшей отъ великой думы головой слишкомъ потрясающа и для современнаго художника ¹⁾, чтобы она не стояла всегда предъ глазами вѣрующаго тѣхъ временъ, когда не могли думать и говорить ни о чемъ другомъ, кромѣ Христа.

Начинаясь (въ приготовительныхъ своихъ недѣляхъ) едва не сразу послѣ праздника Крещенія, продолжаясь 40 дней, Великій постъ составляетъ столь явное подражаніе посту Христову, что неудивительно, если древніе церковные писатели считали его „установленіемъ Божественнымъ“, должно быть видя въ постѣ Спасителя обязательный для насъ примѣръ для подражанія. „Въ теченіе сорока дней, по законамъ Царя Христа, предлагается врачевство для очищенія плоти“, говоритъ св. Григорій Богословъ ²⁾. По словамъ св. Амвросія, Христосъ постился, дабы „научить насъ полезному дѣлу не словами только, но и примѣромъ, дабы мы тѣми же стопами, коими течемъ къ вѣрѣ, совершали шествіе и къ воздержанію“ ³⁾. Петръ Хрисологъ называетъ Четыредесятницу „не человѣческимъ изобрѣтеніемъ, а уставомъ Божественнымъ“ ⁴⁾.

Но вѣрно замѣчаетъ Іоаннъ Златоустъ: „Христосъ не говоритъ, что должно подражать Ему въ постѣ, хотя Онъ могъ бы сослаться на тѣ 40 дней; но „научитесь отъ Мене: Яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“. Даже напротивъ, посылая апостоловъ на проповѣдь, не сказалъ: поститесь— а „все предлагаемое вамъ ядите“ ⁵⁾. Высокую духовность основанной Имъ вѣры Спаситель умалилъ бы, не такъ безконечно возвысилъ бы ее надъ всѣми когда-либо существовавшими религіями, не исключая и ветхозавѣтной, и древней.

¹⁾ Русская живопись не разъ блестяще использовала этотъ сюжетъ.

²⁾ Стихотвореніе „На постное молчаніе“. Теофилъ въ пасх. письмѣ и Кириллъ Александрійскіе говорятъ, что мы постимся въ Четыредесятницу „по евангельскимъ и апостольскимъ предаціямъ“.

³⁾ Слово 34.

⁴⁾ Слово 11.

⁵⁾ На ев. Маттея, бес. 47.

буддѣйской, если бы Онъ установилъ хотя одинъ день обязательнаго поста. Нежеланіе сдѣлать это тѣмъ характернѣе для Спасителя, что Онъ не могъ Себѣ представить Своихъ учениковъ совершенно не постящимися, въ такой же степени, какъ и не молящимися. Дать полную свободу въ удовлетвореніи и такихъ неискоренимыхъ потребностей челоѣческаго духа, какъ молитва и постъ, это значило сообщить новой религіи неслыханную еще дотолѣ свободу и духовность.

Если апостолы вѣрно поняли духъ ученія Своего Господа (а ихъ потому и выбрано такъ мало, что понимать этотъ духъ такъ, какъ они, другіе не были въ состояніи), то и они не могли устанавливать постовъ, какъ и праздниковъ. „Наблюдаете дни, мѣсяцы, времена и годы.“ Боюсь за васъ, не напрасно ли я трудился у васъ“, съ горечью пишетъ ап. Павелъ галатамъ ¹⁾). Апостолъ обличаетъ ихъ не за соблюденіе іудейскихъ субботъ, новомѣсячій, праздниковъ и субботнихъ годовъ, а за чисто-законническое стремленіе къ скрупулезной точности въ опредѣленіи ихъ сроковъ ²⁾). Если не съ такою ревностью, какъ „столпы“ Іерусалимской Церкви, Іаковъ Праведный, Петръ, то все же съ безупречною аккуратностью ап. Павелъ самъ соблюдалъ іудейскіе праздники, прерывая для нихъ и свои апостольскія путешествія ³⁾). Но онъ настаивалъ на полной свободѣ христіанъ въ отношеніи ко всѣмъ священнымъ временамъ. „Иной отличаетъ день отъ дня, а другой судитъ о всякомъ днѣ (равно). . Всякій (поступай) по удостовѣренію своего ума. Кто различаетъ дни, для Господа различаетъ [празднуя ихъ въ честь Его]; и кто не различаетъ дней, для Господа не различаетъ“ ⁴⁾), благодаря Его въ сердцѣ за дарованную Новымъ Завѣтомъ свободу въ этомъ отношеніи.

¹⁾ 4, 10—11.

²⁾ „Наблюдаете“ — *παρατηρεῖτε* (подстерегать, сторожить).

³⁾ Дѣян. 20, 16. 1 Кор. 16, 8.

⁴⁾ Рим. 14, 5. 6.

Опасенія ап. Павла, что онъ „напрасно трудится“ для утверженія въ умахъ христіанъ идеи христіанской свободы, не сбылись, какъ того, впрочемъ, онъ и самъ не могъ не предвидѣть, если вѣрилъ въ будущность Церкви. Чѣмъ дальше, тѣмъ съ большей свободой христіане стали относиться къ іудейскимъ праздникамъ, замѣняя ихъ своими. Уже и во времена апостоловъ „день Господень“ заслоняетъ собою субботу¹⁾, хотя она соблюдается въ Церкви едва не до V в.²⁾. Получивъ право отъ Своего Основателя и непосредственныхъ продолжателей Его дѣла—самой выработать себѣ весь культъ, Церковь какъ бы предоставила сдѣлать это времени и постепенному развитію своей жизни, благодаря чему всѣ учрежденія ея, будучи запечатлѣны настолько духомъ Христовымъ и апостольскимъ, что невольно срываютъ съ устъ этикетты „Божественный“, „апостольскій“, являются созданіями ея самой, плотью отъ плоти ея, дорогимъ памятникомъ и наслѣдіемъ ея вѣковой жизни.

Такимъ свободнымъ созданіемъ Церкви является и Великій постъ. Время установленія его въ Церкви до сихъ поръ составляетъ для исторіи загадку. Но уже въ XVII вѣкѣ археологія отвергла общераспространенное ранѣе мнѣніе объ апостольскомъ происхожденіи этого поста.

Мнѣніе это основывалось главнымъ образомъ на 69 апостольскомъ правилѣ, которое изрекаетъ осужденіе на не постящихся въ Четыредесятницу. Кромѣ того такіе древніе писатели, какъ бл. Іеронимъ и папа Левъ I (440—461 г.), называютъ Четыредесятницу первый—постомъ „по преданію апостоловъ“³⁾, а второй—„апостольскимъ установленіемъ“⁴⁾.

¹⁾ Дѣян. 20, 7. Апок. 1, 10. Посланіе ап. Варнавы 16 гл.: „мы проводимъ въ радости восьмой день, въ который Іисусъ воскресъ изъ мертвыхъ“.

²⁾ Пост. апост. кн. VIII, гл. 33.

³⁾ „Secundum traditionem apostolorum“. Письмо къ Марцеллѣ.

⁴⁾ „Apostolica institutio“. Sermo VI de Quadrag. Въ другомъ же мѣстѣ говорить, что постъ въ Четыредесятницу „установленъ апостолами по наставленію Духа Святого“ (sermo IX).

Но относительно правилъ апостольскихъ, уже давно установлено наукою, что они, выражая вѣрно духъ апостольскаго ученія, не могли произойти ранѣе II в., а по мѣстамъ носить на себѣ слѣды практики и III—IV вѣка. Что же касается свидѣтельствъ бл. Иеронима и Льва Великаго, то наименованіе „апостольскій“ въ ихъ устахъ часто было только почетнымъ титуломъ, а не исторической маркой: о св. Львѣ замѣтимъ, что онъ называетъ апостольскимъ установленіемъ все издавна соблюдавшееся въ его Церкви и даже завѣдомо заведенное его предшественниками: свв. Дамасомъ (366—384) и Сиріціемъ (384—398) ¹⁾; бл. же Иеронимъ самъ сознаетъ широкую неопредѣленность понятія „апостольскій“, замѣчая, что правило о постѣ въ субботу, однѣми церквами соблюдаемомъ, а другими нѣтъ, тѣми и другими возводилось къ апостоламъ ²⁾.

Если бы во времена апостоловъ существовалъ Великій постъ хотя бы въ зачаточномъ видѣ, какъ нѣчто общераспространенное и общепризнанное, то гдѣ-нибудь въ посланіяхъ ихъ было бы какое-либо указаніе на него, какъ въ этихъ посланіяхъ содержатся немалочисленныя указанія на разные обычаи въ тогдашнихъ церквахъ, на богослужебную практику (евхаристію), на празднованіе воскреснаго дня.

Если посланія апостольскія могли обойти молчаніемъ такой постъ, не смотря на то, что о немъ былъ поводъ сказать, когда рѣчь заходила о воздержаніи вообще, (напр. у ап. Павла о воздержаніи отъ мяса, отъ вина), то по крайней мѣрѣ у ближайшихъ къ апостоламъ писателей, у такъ называемыхъ мужей апостольскихъ и въ современныхъ имъ памятникахъ, не могло не встрѣтиться упоминаніе объ этомъ постѣ. Можно сказать, каждый изъ этихъ писателей имѣлъ

¹⁾ Bingham Jos. *Origines sive antiquitates ecclesiasticae*. vol. IX, *Na-lae* 1729, стр. 190.

²⁾ Письмо къ Луцию.

поводъ въ сохранившихся отъ него писаніяхъ говорить объ этомъ предметѣ, и не говорилъ. Въ посланіи ап. Варнавы двѣ главы (изъ 21) занимаются спеціально постами, приводятся всѣ мѣста Ветхаго Завета о постахъ и между ними грозное опредѣленіе Левитъ 23, 29: „кто не будетъ поститься постомъ, смертію потребится“ ¹⁾ и ничего не говорится объ обязанности христіанъ поститься; напротивъ доказывается ²⁾, что постъ долженъ состоять въ дѣлахъ милости. Въ „Пастырѣ“ Ерма, памятникъ тоже I вѣка, одинъ отдѣлъ (изъ числа такъ называемыхъ тамъ 10 „подобій“, кромѣ которыхъ есть еще 4 видѣнія и 12 заповѣдей) посвященъ посту и въ немъ находятъ, глухое впрочемъ, указаніе на постъ среды и пятницы: Ермъ говоритъ Пастырю, что находится „на стояніи“, объясняя, что это значить „постится“; а между тѣмъ известно, что уже во времена Тертуллиана среда и пятница назывались „днями стояній“ ³⁾. Такимъ образомъ здѣсь, гдѣ можно было бы ожидать упоминанія о постѣ Четыредесятницы, нѣтъ такого упоминанія ⁴⁾.

Нынѣ въ наукѣ самымъ драгоцѣннымъ и неповрежденнымъ изъ древнихъ памятниковъ считается такъ называемое „Ученіе 12 апостоловъ“ (открытое только въ 1875 году въ рукописи XI вѣка). Написанное по признанію самыхъ строгихъ критиковъ (отвергающихъ подлинность или неповрежденность евангелій и посланій апостольскихъ) не позднѣе конца I или начала II вѣка, оно служитъ лучшимъ показателемъ практики церкви перваго послѣ-апостольскаго періода. Въ немъ три раза идетъ рѣчь о постѣ и тоже не упоминается о Четыредесятницѣ, тогда какъ дается прямое пред-

¹⁾ Посланія гл. 7.

²⁾ Гл. 3.

³⁾ Do jejun. c. XIV.

⁴⁾ Не понятно, почему прот. Дебольскій видитъ въ этомъ мѣстѣ „Пастыря“ Ермы рѣчь о св. Четыредесятницѣ („Дни богослуженія Прав. каюол. Вост. Церкви, изд. 6, Сиб. 1866, ч. 2, стр. 19).

⁵⁾ Гл. 6, 7 и 8.

писаніе поститься въ среду и пятницу ¹⁾). Нѣтъ о ней упоминанія и въ другомъ, нынѣ очень цѣннымъ древнехристіанскомъ памятникѣ, такъ называемыхъ „Канонахъ церковныхъ св. апостоловъ“ ²⁾, составляющихъ очень раннюю переработку „Ученія 12 апостоловъ“; впрочемъ въ этомъ памятникѣ нѣтъ вообще рѣчи о постахъ. Нѣтъ о нихъ рѣчи (слѣдовательно не могло быть упоминанія и о Великомъ постѣ) и въ посланіяхъ св. Игнатія Богоносца († 107 или 115 г.). Такое указаніе находится только въ посланіи съ его именемъ къ Филиппійцамъ („Четырдесятницы не пренебрегайте: она служитъ подражаніемъ жительству Христову“), но подложность его давно доказана ³⁾.

Самымъ раннимъ свидѣтельствомъ о Четырдесятницѣ является такимъ образомъ посланіе св. Иринея Ліонскаго († 202 г.) къ папѣ Виктору (189—198) по поводу споровъ о времени празднованія Пасхи, приводимое Евсеіемъ въ его „Церковной исторіи“ ⁴⁾. Признавая, что „тайнство воскресенія Господня“ нужно праздновать только въ день воскресный, онъ проситъ Виктора не исключать изъ своего общенія цѣлыя церкви, которыя соблюдаютъ унаслѣдованный отъ предковъ обычай (т. е. празднуютъ Пасху въ 14-й день перваго весенняго луннаго мѣсяца, какъ евреи въ какой бы день недѣли это полнолуніе ни пришлось) и представивъ много доводовъ къ своей просьбѣ, продолжаетъ буквально

1) *Τετράδι καὶ παρασκευήν*, гл. 8. *Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur*, herausg. v. *Gebhardt u. Harnack*, Leipzig 1886, II Band, S. 25.

2) *Κανόνες ἐκκλησιαστικαὶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων*. Тамъ же, 5. 225—237.

3) Обстоятельство, не оговоренное въ ссылкѣ на это посланіе у прот. Дебольскаго (цит. соч. стр. 11), между тѣмъ какъ и въ русскомъ переводѣ „Писаній мужей апостольскихъ“ свящ. П. Преображенскаго (Москва, 1862 г.) это посланіе, какъ подложное, не помѣщено.

4) V, 24, 11—18.

такъ: „ибо дѣло идетъ не только о днѣ, но и о томъ, какъ нужно поститься; именно одни думаютъ, что нужно поститься только одинъ день, другіе—два дня, иные—еще больше; нѣкоторые же исчисляють этотъ день свой въ 40 часовъ дневныхъ и ночныхъ (οἱ δὲ τεσσαράκοντα ὥς ἡμερινὰς τε καὶ νυκτερινὰς συμμετροῦσι τὴν ἡμέραν αὐτῶν). Пасхальный постъ по этому мѣсту во время св. отца продолжался гдѣ день, гдѣ два, гдѣ еще дольше; гдѣ обнималъ промежутокъ времени въ 40 часовъ. Три изъ этихъ четырехъ датъ вполне ясны. Только послѣдняя выражена такъ, что допускаетъ, по крайней мѣрѣ допускала, другое пониманіе. Именно Руфинъ († 410), первый и древнѣйшій переводчикъ „исторіи“ Евсевія на латинскій языкъ, младшій современникъ самого автора ея, передаетъ послѣднюю фразу Иринея такъ: „нѣкоторые же 40, такъ что опредѣляютъ день считая часы дневные и ночные“. Слѣдовательно Руфинъ усматривалъ у Иринея здѣсь указаніе на 40-дневную продолжительность предпасхальнаго поста, достигая этого просто постановкой знака препинанія послѣ слова τεσσαράκοντα („сорокъ“) и видя въ послѣднихъ словахъ мысль о томъ, что постились не только въ теченіе дневныхъ часовъ, но и ночныхъ.

Сразу видно, что для такой мысли послѣднія слова Иринея давали бы очень странное и даже прямо не возможное выраженіе. Если св. отецъ хотѣлъ выразить мысль, что христіане постились не только до вечера, какъ то дѣлали евреи въ день очищенія, но продолжали постъ до поздней ночи, то долженъ былъ сказать, что христіане постились весь день и часть ночи. Къ чему здѣсь рѣчь о „часахъ“, если не указывается количество ихъ? Зачѣмъ странное выраженіе „исчисляють“ (бук. „сразмѣряють“)? Какой смыслъ имѣетъ прибавка „свой“ къ „день“? Да и возможно ли было поститься въ теченіе 40 дней по цѣлымъ суткамъ обыкновеннымъ смертнымъ. Въ житіяхъ свв. постниковъ разсказывается, какъ объ особенно рѣдкихъ явленіяхъ даже среди нихъ, о столь продолжительномъ постѣ, для котораго дѣй-

ствительно нужна была сила духа, подобная Моисеевой, Илиной и Христовой.

Всѣ эти странности въ выраженіи св. Иринея отпадаютъ, если видѣть въ этомъ мѣстѣ рѣчь объ обычаяхъ нѣкоторыхъ христіанъ поститься предъ Пасхой не день и не два или нѣсколько, а ровно 40 часовъ. Тогда какъ одни и большинство измѣряли (συμμετροῦσι) свой постъ днями, другіе измѣряли его часами, постясь за то не одну или нѣсколько такихъ единицъ времени, а символическое, освященное столькими высокими примѣрами поста—число 40 и замѣняя, по немощи своей, дни часами. Станныя для пониманія Руфина¹⁾ слова „часы“, „измѣряютъ“ получаютъ при настоящемъ пониманіи самый естественный смыслъ, равно какъ и выраженіе „день свой“: сорокочасовой постъ можетъ быть названъ однимъ днемъ поста, только днемъ своеобразнымъ („свой“). Кромѣ того, при такомъ пониманіи между практикою поста у разныхъ христіанъ (вѣроятно у христіанъ разныхъ помѣстныхъ церквей) не будетъ такой непроходимой разницы, какая была бы если бъ въ одномъ мѣстѣ постились одинъ, два или „больше“ дней, а въ другихъ цѣлыхъ 40. Самое слово „больше“ (πλείονας) въ сопоставленіи съ 1 и 2 не можетъ означать болѣе 3, 4 и т. д.

Такимъ образомъ въ постѣ время Иринея мы видимъ уже основное зерно св. Четыредесятницы. Тогда уже повсемѣстно существовалъ предпасхальный постъ, по времени и продолжительности своей соотвѣтствовавшій теперешнимъ Великимъ пятницѣ и субботѣ; по мѣстамъ даже этотъ постъ былъ еще длиннѣе и могъ доходить до цѣлой недѣли предъ Пасхой, соотвѣтствовавшей нынѣшней Страстной седмицѣ.

¹⁾ Его пониманіе изъ новѣйшихъ историковъ Великаго поста раздѣляютъ *Probst* (*Kirchliche Disciplin in den drei ersten christlichen Jahrhunderten*, 1873, S. 269—281), и *Weitzel* (*Die christliche Passafeier*, 1848). Но лучшіе археологи ужь XVII вѣка и между ними упоминавшійся Bingham оспаривали пониманіе Руфина.

Это и естественно было, чтобы Великій постъ начался съ установленія важнѣйшей части его Страстной седмицы. Въ-стѣ съ тѣмъ мы видимъ уже, что въ это время, такъ сказать, въ воздухѣ носится среди христіанъ и идея поста сорокадневнаго въ подражаніе посту Христову. Если такой постъ опредѣляется не въ 40 дней, а въ 40 часовъ, то это вслѣдствіе того, что, какъ увидимъ впослѣдствіи, тогда не представляли себѣ поста иначе, какъ въ видѣ полного неяденія, каковыми были посты и въ церкви ветхозавѣтной, этой матери по отношенію къ христіанской Церкви. Провести же совершенно безъ пищи болѣе двухъ—трехъ дней было небезопасно для здоровья и даже для жизни.

М. Скабаллановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Педагогическія воззрѣнія К. П. Побѣдоносцева.

(Окончаніе ¹⁾).

II.

Сущностью школы, краеугольнымъ камнемъ школьнаго обученія является, по справедливому замѣчанію К. П. Побѣдоносцева, живая личность учителя. Обусловливая успѣхъ обученія и воспитанія въ школѣ, прежде всего, любовью учителя къ школѣ и дѣтямъ, К. П. считаетъ полезнымъ въ то же время преподать учителю и дидактическія указанія относительно предметовъ, изучаемыхъ въ начальныхъ училищахъ. Эти указанія не представляютъ какой-либо системы, а разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій.

Самымъ большимъ и назрѣвшимъ вопросомъ въ нашихъ школахъ является вопросъ о преподаваніи Закона Божія въ училищахъ и не только низшихъ, но и среднихъ. Родители,

¹⁾ См. № 8-й за 1909-й г.

имѣющіе дѣтей школьнаго возраста, лица, знакомыя съ постановкою преподаванія этого предмета, хорошо знаютъ тѣ ненормальныя условія, которыми обставлено изученіе его въ настоящее время. Знаютъ, но измѣнить ихъ къ лучшему не могутъ... Между тѣмъ разумное усвоеніе Закона Божія, ученія нашей вѣры имѣетъ громадное значеніе уже потому, что нельзя себѣ представить цѣльнаго и свѣжаго народа, который не имѣлъ бы вѣры, предполагающей „сознанный и недостигнутый идеаль, верховный и обязательный законъ“, чрезъ усвоеніе котораго пріобрѣтается творческая сила (Самаринъ) ¹⁾.

К. П. Побѣдоносцевъ прекрасно былъ знакомъ съ постановкою преподаванія въ школахъ Закона Божія и не находилъ въ этомъ преподаваніи ничего утѣшительнаго для себя и для религіознаго развитія дѣтей. Всякая школа, говоритъ онъ, въ правѣ слыть школою религіознаго обученія, когда въ числѣ предметовъ значится на первомъ мѣстѣ Законъ Божій. Но что означаетъ преподаваніе Закона Божія? „Мало, бѣдно, если это значитъ только учебная священная исторія и вопросы и отвѣты на память изъ катихизиса. Учить Закону Божію должно бы значить: учить живой вѣрѣ. Мало учить только, какъ жилъ и училъ и умеръ и воскресъ Господь Іисусъ: надо дѣтямъ ощутить, что нельзя имъ жить безъ Господа Бога, что слова Его и рѣчи должны перейти въ ихъ жизнь и въ ихъ природу“ ²⁾... Кто учить дѣтей, тотъ долженъ помнить, что дѣти смотрятъ въ глаза ему и не только слушаютъ рѣчи его и уроки, но ищутъ въ немъ видѣть христіанина, хранящаго и творящаго правду... Таковъ идеаль. Въ дѣйствительности же на урокахъ Закона Божія мы видимъ предъ собою учебники и учебныя пособія, видимъ программы съ номенклатурою предметовъ и раздѣленіемъ ихъ по классамъ. На первомъ планѣ—священная исто-

¹⁾ „Ученъе и Учитель“, кн. 2-я, стр. 10.

²⁾ Тамъ же, стр. 12—13.

рія Ветхаго и Новаго Завѣта; св. Евангеліе входитъ въ составъ священной исторіи и разбивается на уроки и на множество вопросовъ, которые экзаменаторъ будетъ предлагать испытуемымъ дѣтямъ и которыми многихъ изъ нихъ будетъ приводить въ смущеніе и слезы. Такое отношеніе къ св. Евангелію, превращающее его въ учебную книгу, К. П. считаетъ грѣхомъ. „Это значить—въ ребенкѣ обезцѣнивать для человѣка книгу, которая должна быть для него сокровищемъ и руководствомъ цѣлой жизни. *Страшно* должно быть для совѣсти разбивать слово жизни на бездушные кусочки и дѣлать изъ нихъ мучительные вопросы для дѣтей“¹⁾. Эти прекрасныя и глубоко-жизненные указанія, къ сожалѣнію, или мало примѣняются въ школахъ, или же совсѣмъ забываются. Законъ Божій въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ—это такой же предметъ, какъ географія, математика, только еще менѣе важный, второстепенный; показатель знанія его—тотъ же баллъ. Неудивительно, что результаты такой постановки ученія печальныя. „Я видалъ“, говоритъ Побѣдоносцевъ, „учебники, въ коихъ по пунктамъ означено, что требуется для спасенія души человѣка—и экзаменаторы сбавляютъ цифру балла тому, кто не можетъ припомнить всѣхъ пунктовъ... Гдѣ тутъ разумъ? Гдѣ нравственность? Гдѣ наконецъ—и прежде всего *вѣра*, о коей мы лицемѣрно заботимся“²⁾? Такіе законоучители, по его мнѣнію, не могутъ понять, что вѣра и нравственность—не равны съ прочими предметами обученія, что онѣ воспитываются въ душѣ цѣльнымъ воздѣйствіемъ школьной жизни. Семья должна посвятить и воспитать въ душѣ чувства благоговѣнія и вѣры; школа должна не только поддержать это чувство, но и освѣтить въ душѣ идею, безъ которой одно чувство смутно и неустойчиво. Школа должна поставить это чувство и эту идею въ нравственную связь съ жизнью—воздѣйствовать на ребенка своею нравственною

¹⁾ „Ученье и Учитель“, кн. 1-я, стр. 27.

²⁾ Тамъ же, стр. 28.

обстановкою ¹⁾). А это возможно лишь въ томъ случаѣ, если между законоучителемъ и учениками существуетъ живая нравственная связь. Такая связь можетъ установиться при одномъ условіи: учитель долженъ быть искренно религіознымъ. „Какъ бы ни было по наружности правильно изложеніе предмета въ устахъ учителя, оно будетъ положительно вредно, если самъ учитель—человѣкъ нравственно тупой и равнодушный... Въ воспитанникѣ, который машинально и по принужденію учился у равнодушнаго наставника истинамъ христіанства, развивается по большей части неисправимая тупость мысли и чувства. Онъ знаетъ, пожалуй, въ подробности ученіе о таинствахъ вѣры, но въ немъ это знаніе—трупъ, котораго потомъ не возбуждять къ жизни никакія усилія вѣрныхъ служителей Церкви“ ²⁾).

Исходя изъ той мысли, что школа должна отражать въ себѣ душу народную и вѣру народную, а душа русскаго человѣка привыкла питаться религіозными впечатлѣніями, К. П. настойчиво указываетъ, что „школѣ прямое мѣсто при церкви и въ тѣсной связи съ церковью. Она должна быть проникнута церковностью въ лучшемъ, духовномъ смыслѣ этого слова“ ³⁾).

Изъ другихъ учебныхъ предметовъ К. П. Побѣдоносцевъ довольно подробно останавливается на преподаваніи русскаго языка. Онъ предостерегаетъ учителя отъ увлеченія методическими указаніями, убѣждаетъ его не быть ихъ рабомъ и твердо помнить, что классъ—это живое существѣ, живущее своею жизнью, имѣющее свою душу. Разнаго рода правила и указанія методики и дидактики К. П. считаетъ „методическими лабиринтами“, въ которыхъ только опытный учитель можетъ найти входъ и выходъ, а неразумный и начинающій

¹⁾ Тамъ же, стр. 29.

²⁾ „Христіанскія начала семейной жизни“. Соч. Тирша, стр. 117—118.

³⁾ Ученье и Учитель“, кн. 1, стр. 29.

путается безъ исхода. Однимъ изъ такихъ лабиринтовъ является, по его мнѣнію, и *объяснительное чтеніе*, которому придають въ школахъ большое значеніе. Польза его при разумномъ примѣненіи на урокахъ несомнѣнна. Но неопытный учитель можетъ довести ученика до отупѣнія, прерывая мысль его въ чтеніи на каждомъ шагу и сбивая съ толку вопросами и внушеніями. Такъ, если, напр., учитель при чтеніи басни будетъ останавливать ученика на каждомъ словѣ и дѣлать поясненія, то онъ легко можетъ упустить самое существенное въ урокѣ; такой учитель „точно входитъ въ лѣсъ и спотыкается на каждомъ кустикѣ и деревѣ“¹⁾. Печальныя поклонники этого метода, по словамъ К. П., развивая его, любятъ составлять примѣрные уроки длинныхъ объяснительныхъ чтеній; служа образцами, эти уроки вводятъ одного слѣпца за другимъ въ яму, изъ которой не найдешь выхода.—Приведенныя замѣчанія даютъ основаніе думать, что Побѣдоносцевъ не отрицаетъ значенія методическихъ указаній въ дѣлѣ школьнаго обученія; онъ вооружается только противъ неумѣлаго примѣненія ихъ на практикѣ, что приноситъ большой вредъ ученикамъ.

„Учитель! Учитель!“—воскликаетъ онъ; „подумай—нѣтъ науки, которую нельзя было бы обратить въ орудіе мученій «для малыхъ сихъ», состоящихъ подъ твоей ферулою. Твое дѣло помогать имъ расти, а сколько педагоговъ, считающихъ своимъ долгомъ надѣвать на нихъ цѣпи и корсеты какъ будто для того, чтобы задерживать ростъ или исказить его“²⁾! Онъ осуждаетъ строго тѣхъ учителей, которые изъ правописанія дѣлаютъ пытку и сводятъ это простое дѣло на мертвую букву. „Въ увлеченіи запятыми, двоеточіями ты, говоритъ онъ, обращаясь къ такому учителю, „процѣживая комаровъ, поглощаешь въ то же время верблюдовъ здоровой педагогін“. Такой учитель не сознаетъ той простой истины,

¹⁾ Тамъ же, стр. 14.

²⁾ Тамъ же, стр. 15.

что корень правописанія и правильной рѣчи есть осмысленное, одушевленное чтеніе, съ первой его стадіи до послѣдней. Учить правописанію К. П. совѣтуетъ не на мнимыхъ кѣмъ-то узаконенныхъ тонкостяхъ правописанія, а на чтеніи художественной рѣчи ¹⁾.

Интересны разсужденія Побѣдоносцева о темахъ для сочиненій. Подъ словомъ сочиненіе разумѣется обыкновенно какое-то самостоятельное изложеніе мыслей самого ученика о предметѣ, о которомъ ученикъ не въ силахъ самъ разсудить; а посему онъ перефразируетъ чужія мысли и выраженія. Неудивительно, что такія работы часто бываютъ безплодны. По мнѣнію К. П., сочиненіе должно быть отчетливымъ изложеніемъ понятыхъ ученику фактовъ. Въ начальной школѣ тема должна быть проста, въ соответствіи съ доступными ребенку ощущеніями и съ впечатлѣніями несложнаго чтенія. По мѣрѣ развитія ученика усложняется и свойство и количество матеріала, но сущность работы остается та же. Такъ постепенно можетъ быть воспитано въ ученикѣ умѣнье выражать мысли и понятія, а гдѣ есть „умѣнье, тамъ растетъ и интересъ, и рано или поздно приходитъ само собою знаніе“ ²⁾. Для каждаго ученика должна быть задана и отдѣльная тема, по степени способностей и развитія его. Этотъ совѣтъ К. П. едва ли можетъ быть осуществленъ на практикѣ, такъ какъ учителю, даже если бы онъ и не затруднился въ выборѣ темъ, приходится имѣть дѣло съ 30—50 учениками въ классѣ; дать столько темъ и разъяснить ихъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, дѣло невозможное. Да и прибѣгать къ такому приему при задаваніи сочиненій едва ли есть и нужда: у опытнаго и преданнаго дѣлу учителя, серьезно относящагося къ своему дѣлу, успѣхъ будетъ замѣтенъ и при одной темѣ, назначаемой для цѣлаго класса; при 25—50 те-

¹⁾ Тамъ же, стр. 16.

²⁾ Тамъ же, стр. 26.

махъ можетъ распоряжаться и убить непроизводительно время даже талантливый преподаватель. Какъ веденіе письменныхъ работъ, такъ и преподаваніе русскаго языка должно преслѣдовать одну общую цѣль—пріучить учащихся къ точному, ясному и опредѣленному выраженію мыслей въ словѣ и къ пониманію значенія родного языка.

Достиженіе такой цѣли получаетъ особенно важное значеніе въ наше время, когда, съ развитіемъ наукъ и научной культуры, въ литературную рѣчь вошло много новыхъ понятій, новыхъ терминовъ и словъ, повторяемыхъ „безъ точнаго сознанія и въ устной и въ письменной рѣчи“. Вслѣдствіе этого выходитъ, что „драгоценнѣйшее достояніе духа—родное слово утрачиваетъ свое духовное значеніе, и сила его и красота его расплывается“, но глубоко вѣрному замѣчанію Побѣдоносцева, въ бессмыслии безтолковыхъ толковъ и беспорядочныхъ писаній; и вмѣсто искусства писать на родномъ языкѣ распространяется легкое и всякому некультурному уму доступное искусство орудовать фразою. Образуются „дурныя привычки легкаго писанія, коими заражаются и учителя и чрезъ нихъ школа“.

Преподавателю исторіи литературы К. П. рекомендуетъ знакомить своихъ учениковъ прежде всего съ литературными образцами въ подлинникѣ, а не въ отрывкахъ и извлеченіяхъ, помѣщенныхъ въ учебникахъ. „Дай ученику прочесть стихотвореніе поэта—научи его прочесть какъ слѣдуетъ—и тогда легко будетъ тебѣ объяснить, а ему понять, кто былъ писатель и что онъ значить“¹⁾.

О преподаваніи другихъ предметовъ—древнихъ и новыхъ языковъ, математики и т. п. Побѣдоносцевъ говоритъ кратко, и поэтому касаться ихъ мы не будемъ.

Пріобрѣтенныя учениками знанія должны провѣряться на экзаменахъ. Экзаменъ въ смыслѣ испытанія, но мнѣнію

¹⁾ „Ученье и Учитель“, кн. 1, стр. 9.

К. П., дѣло нужное и полезное. Экзамены могутъ возбуждать школу и оживлять учебное дѣло, но лишь въ томъ случаѣ, когда сама школа живетъ, а не является „неодушевленнымъ механизмомъ программного обученія“. Если ученье привлекаетъ живымъ интересомъ, а не томитъ учениковъ, если учитель знаетъ способности и характеръ каждаго изъ нихъ, то экзаменъ пріобрѣтаетъ и для учителя и для ученика живой интересъ и получаетъ видъ праздника, вѣнчающаго учебное дѣло ¹⁾). Но въ дѣйствительности экзамены являются „бѣдою“ школьнаго дѣла. Попѣдоносцевъ даетъ намъ замѣчательно яркую картину экзаменовъ въ современной школѣ, знакомую хорошо и учащимъ и учащимся. Главная забота у учителя и ученика, говоритъ онъ, чтобы провести, сдать благополучно экзаменъ. На послѣднихъ дняхъ курса, поэтому, сосредоточивается все напряженіе и учителя и учениковъ, чтобы вмѣстилось въ головы все то количество учебнаго матеріала, какое должно явиться на экзаменѣ въ качествѣ знанія. Начинаются особливья заботы учебнаго начальства оградить вѣрность т. н. испытанія отъ всякихъ уловокъ со стороны учениковъ..., а со стороны учениковъ изобрѣтаются средства—безъ труда или съ наименьшимъ трудомъ отвѣтить на предполагаемые вопросы... Въ цѣломъ классѣ день и ночь происходитъ т. н. зубреніе учебнаго матеріала по программамъ и билетамъ экзамена... Дѣло завершается торжествомъ однихъ и горькимъ рыданіемъ другихъ“ ²⁾). Такого положенія, невыносимаго для учителей и учениковъ, можно было бы избѣжать, если бы обученіе происходило въ теченіе года съ истинною цѣлію умственнаго развитія учениковъ, а не имѣлось въ виду, подобно заводу, дѣйствующему паромъ или электричествомъ, отъ времени до времени выбрасывать наскоро изготовленныхъ кандидатовъ для экзамена и патента ³⁾).

¹⁾ „Ученье и Учитель“, кн. 1, стр. 39.

²⁾ Кн. II-я, стр. 30—31.

³⁾ Кн. I, стр. 21.

К. П. не безъ основанія вооружается противъ современнаго направленія въ нашихъ школахъ, дающихъ своимъ питомцамъ только отрывки знаній, а не воспитывающихъ ихъ для разумной жизни и осмысленнаго труда для общей пользы. Говорятъ, что школа существуетъ для ученія, а не для воспитанія... На этомъ ложномъ основаніи, по его словамъ, учреждаются учебныя заведенія, наполняются массою учениковъ, распределенныхъ по классамъ; учитель имѣетъ дѣло съ безличною массою, и ему не важно, кого онъ учитъ и кого спрашиваетъ, а важно только, какой отвѣтъ дается на формальные вопросы программы, и сколько учениковъ прошло успѣшно чрезъ экзаменъ и получило права, соединенныя съ цифрою успѣха. Неудивительно, что ученики покидаютъ такую школу съ радостью и выносятъ изъ нея недовольство и даже отвращеніе отъ нея¹⁾. Это великое заблужденіе. Люди забываютъ старую истину, что „всякое ученіе бесплодно и мертво, если оно не есть вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитаніе ума, съ возбужденіемъ живого интереса къ предмету труда, и воспитаніе воли къ труду добросовѣстному, что знаніе нераздѣльно съ умѣніемъ и тогда только прочно, когда оно зиждется на умѣніи и возбуждается умѣніемъ²⁾. Необходимость *воспитательнаго* образованія съ особенною убѣдительною указываетъ въ переводной статьѣ Барнетта „Воспитаніе характера въ школахъ“, приложенной Побѣдоносцевымъ въ концѣ первой книжки „Ученье и Учитель“ (43—61 стр.). Эта статья настолько содержательна, что передать кратко изложенныя въ ней воззрѣнія автора не представляется возможности. По глубинѣ мыслей и изяществу изложенія она заслуживаетъ особеннаго вниманія и педагоговъ и родителей, интересующихся вопросомъ о воспитаніи дѣтей.

¹⁾ Кв. П, стр. 35.

²⁾ „Новая школа“. Москва. 1898, стр. 4.

Вотъ въ общихъ чертахъ педагогическія воззрѣнія К. П. Побѣдоносцева. Многія изъ его замѣчаній и указаній настолько правдивы и глубоко-жизненны, такъ ярко характеризуютъ и выдающуюся личность покойнаго, и положеніе школьнаго дѣла у насъ, въ Россіи, что невольно должны привлечь къ себѣ вниманіе всѣхъ, кому дорого будущее нашей школы и нашей родины. И мы твердо убѣждены, что разность политическихъ убѣжденій нисколько не оправдываетъ тѣхъ, кто, въ партійномъ ослѣпленіи и ненависти къ почившему огульно осуждаетъ все, связанное съ его именемъ, и не желаетъ вдумчиво и серьезно отнестись къ свѣтлымъ педагогическимъ идеямъ, высказаннымъ К. П. Побѣдоносцевымъ на закатѣ своей жизни.

М. Григоревскій.

ЗАМѢТКА.

Церковно-приходскіе совѣты.

Участіе прихожанъ въ устроеніи мѣстной церковно-религіозной жизни мѣстами сопровождается хорошими послѣдствіями. Интересныя свѣдѣнія по этому предмету сообщаетъ въ епархіальномъ журналѣ одинъ сельскій священникъ Владимірской епархіи; достойно вниманія и то, какъ приступилъ онъ къ организаціи приходскихъ совѣтовъ. Заручившись согласіемъ церковнаго старосты на устройство при церкви совѣта изъ лучшихъ прихожанъ, я сообщилъ, говоритъ священникъ, синодальное предложеніе прихожанамъ и просилъ ихъ обсудить, пріемлемо ли и полезно ли это предложеніе для нашего прихода. Торопить ихъ обсужденіемъ я не хотѣлъ. Черезъ мѣсяць одна деревня, самая большая, обсудила предложеніе, одобрила его, нашла въ задуманномъ учрежденіи нѣчто похожее на „думу“ и избрала отъ себя членовъ въ нашу церковно-приходскую думу. Тогда я сдѣлалъ напоминанія и прочимъ деревнямъ о приходскомъ совѣтѣ. Вы-

боръ членовъ въ совѣтъ я нашелъ благоразумнымъ предоставить деревенскимъ обществамъ, безъ созыва общаго собранія прихожанъ; мѣстнымъ крестьянамъ извѣстнѣе люди, годные на дѣло Божіе. Члены въ совѣтъ отъ деревень скоро были избраны. Теперь дѣло было за мной: нужно было заинтересовать прихожанъ. Въ первомъ собраніи было 15 человекъ; я, церковный староста, одинъ изъ учетчиковъ старосты и 12 избранныхъ членовъ совѣта. Я сказалъ заранѣе обдуманную рѣчь. Говорилъ, что учить прихожанъ вѣрѣ и христіанскому житію — дѣло священника прежде всего, но отъ этого дѣла не отстранены и всѣ добрые прихожане. А у нашихъ соприхожанъ нѣтъ и дѣла до того, что люди одного съ ними прихода и даже деревни сбиваются съ пути. Безобразничаютъ и матерщинничаютъ парни на улицѣ, и никто не скажетъ имъ, что это худо; какой-нибудь мальчикъ, при собраніи, дурными словами отвѣчаетъ почтенному мужику, а собраніе только хохочетъ и т. д. Въ приходскомъ совѣтѣ мы (говорилъ я) будемъ толковать о томъ, какъ устроить жизнь по-Божьи, по-христіански. Начались разсужденія, и всѣ нашли, что отъ имени совѣта будетъ легче бороться съ неблаговидными явленіями. Въ собраніяхъ говорили о многомъ: о порядкѣ въ храмѣ, о соблюденіи святости праздничныхъ дней, о продажѣ при церкви религіозно-нравственныхъ книгъ, картинъ и иконъ и проч., и многое изъ намѣченного доведено и до дѣла. Сначала шла рѣчь о предметахъ, наиболѣе доступныхъ пониманію крестьянъ: не тактично было бы на первыхъ порахъ озадачивать ихъ важными матеріями. Своихъ совѣтчиковъ я прошу передавать ододеревенцамъ обо всемъ, что говорится и предполагается обсуждать въ совѣтѣ. Могутъ явиться и скорби отъ совѣтовъ; но вѣдь съ нами „во вся дни“ Господь нашъ. Совѣтчики могутъ заставить священника обсуждать и неудобные для него вопросы; но, по моему мнѣнію, лучше рѣшать ихъ въ совѣтѣ, при участіи священника, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, зналъ

о нихъ, чѣмъ дожидаться времени, когда они будутъ рѣшены безъ его участія.

Полезною оказалась дѣятельность церковно-приходскаго совѣта при Троицкой церкви Старой Руссы, какъ видно изъ отпечатаннаго нынѣ отчета совѣта. Обнаружилось, что нѣкоторымъ совѣтамъ оказываютъ, или могутъ оказать существенную помощь не только прихожане, но и прихожанки. Это призналъ бывшій въ декабрѣ епархіальный съѣздъ пензенскаго духовенства, постановившій: въ виду полезной дѣятельности лицъ женскаго пола въ проведеніи въ жизнь прихода началъ христіанской нравственности, а также въ содѣйствіи устройству при церквахъ благотворительныхъ учрежденій, просить его преосвященство допустить къ избранію въ составъ членовъ приходскихъ совѣтовъ лицъ женскаго пола, отличающихся преданностью вѣрѣ православной и христіанской любовію и благочестіемъ (Соврем. Лѣтоп.).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 22-го февраля 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 10.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года марта 8-го дня.

Содержаніе: I. Къ вопросу о діаконѣхъ. Свящ. В. Пестрякова.—II. Вели-
кій постъ. (Продолженіе). М. Скабаллановича.—III. Епархіальная
жизнь. Е. Р.—IV. Забѣтки. Новая опасность для Православной
Церкви. Вятскій епархіальный домъ.

Къ вопросу о діаконѣхъ.

Подъ такимъ заглавіемъ въ 49 № журнала „Руковод-
ство для сельскихъ пастырей“ была помѣщена статья г. Паль-
мова. Полагаемъ, что статья свѣтскаго человѣка, т. е. бо-
лѣе или менѣе теоретика, касающаяся одного изъ весьма
важныхъ вопросовъ церковно-приходской жизни, нуждается
въ освѣщеніи практическомъ, со стороны самого духовенства.
Нѣкоторую попытку въ этомъ отношеніи мы и сдѣлаемъ.
Признавая полезность существованія діаконѣвъ въ город-
скихъ церквахъ для увеличенія торжественности богослуже-
нія, авторъ подвергаетъ сомнѣнію цѣлесообразность инсти-
тута діаконѣвъ въ сельскихъ приходѣхъ. Надежда ввѣрить
діаконѣмъ учительское дѣло въ церковно-приходскихъ шко-
лахъ, пишетъ авторъ, не оправдалось; вызванная этимъ пе-

редача учительскаго дѣла въ свѣтскія руки не сопровождается однако упраздненіемъ штатныхъ діаконскихъ вакансій. Не занятые безъ школы никакимъ серіознымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ, діакона лишь увеличиваютъ дѣлопроизводство въ судномъ консисторскомъ столѣ. Хотя священникъ и нуждается въ хорошемъ помощникѣ, способномъ раздѣлить его пастырскій трудъ, но такой помощи отъ діакона онъ получить не можетъ. Говорить эктеніи — дѣло не большое; церковное письмоводство діаконы ведутъ не охотно, считая его дѣломъ псаломщика. При всемъ томъ, въ матеріальномъ отношеніи діаконъ поставленъ сравнительно хорошо, получая лишь на одну треть меньше священника. Мало того, претензіи діаконствъ простираются далѣе. Во время такъ называемаго освободительнаго движенія діаконы высказывали пожеланіе о томъ, чтобы ихъ голосъ на епархіальныхъ съѣздахъ принимался за равный голосу священника. Сельское діаконство, какъ особый институтъ, по мнѣнію автора, покончивъ свое существованіе, должно будетъ уступить мѣсто лучшему институту — вторыхъ младшихъ священниковъ, въ лицѣ которыхъ первые старшіе священники получаютъ себѣ дѣйствительныхъ помощниковъ въ самомъ главномъ, въ пастырскомъ служеніи. Отъ этого выиграетъ пастырское дѣло, такъ какъ старшій пресвитеръ все вниманіе обратитъ на объединеніе приходской дѣятельности, а для молодыхъ откроется возможность въ широкихъ размѣрахъ обогащаться отъ опытнаго настоятеля уроками пастырской мудрости. Вторые священники полезны будутъ въ приходсахъ, разбросанныхъ по поселкамъ и хуторамъ; полезны они будутъ и на случай болѣзни и смерти старшаго священника; они будутъ содѣйствовать поднятію авторитета вѣры и пастырства. Не будетъ ли шагомъ къ возрожденію нравственнаго авторитета нашего пастырства, въ совокупности всѣхъ его представителей, утверженіе того именно порядка отношеній, при которомъ въ средѣ пастырей одни окажутся старшими, другіе младшими, одни руководителями, другіе внимательными исполнителями требованій служеб-

наго долга“? Такой порядокъ и старшихъ заставитьъ подтянуться и младшихъ побудить нелѣпно поспѣшать за старшими. Разрѣшеніемъ вопроса о діаконахъ въ намѣченномъ смыслѣ само собою рѣшается вопросъ о престарѣлыхъ пастыряхъ; при младшихъ священникахъ престарѣлымъ ветеранамъ—пастырямъ не надо будетъ удаляться въ запштаѣ: „все, требующее болѣе или менѣе значительной затраты физическихъ силъ, съ удобствомъ можетъ быть передано молодому священнику. Къ старцу будутъ обращены однѣ просьбы о совѣтѣ, наставленіи, вразумленіи...

Таковы, кратко, мысли автора.

Авторъ, по нашему мнѣнію, совершенно правильно подмѣтилъ слишкомъ широкое, по мѣстамъ, открытіе діаконскихъ вакансій въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, часто совсѣмъ не вызываемое нуждою или просвѣтительными соображеніями. Такъ, въ К. епархіи, лѣтъ 14 тому назадъ, вновь назначенный епископъ началъ свою административную дѣятельность тѣмъ, что почти во всѣхъ приходяхъ своей епархіи въ общемъ бѣдной, открылъ штатныя діаконскія вакансіи. По циркулировавшимъ въ епархіи слухамъ, этою мѣрою владыка хотѣлъ смирить духовенство, которое, по его мнѣнію, сильно „зажирѣло“. Среди духовенства поднялся плачь и скрежетъ зубовый, такъ какъ такое открытіе значительно сокращало содержаніе наличныхъ членовъ причтовъ въ виду необходимости выдѣлять новымъ лицамъ—діаконамъ часть доходовъ. Но такое неумѣренное размноженіе нищенства въ духовенствѣ по мѣстамъ все же, по нашему мнѣнію, не говоритъ вообще противъ діаконствъ въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ средства содержанія достаточны. Вѣдь діаконство есть церковно-іерархическая степень, необходимая въ Церкви; для полноты церковной эта степень (практически) должна существовать вездѣ, гдѣ тому представляется возможность. Теперь, когда семинаристы вмѣсто благого пастырскаго ига предпочитаютъ бѣжать въ университеты, ветеринарные институты, акцизное вѣдомство, діаконская степень является практической школой и для пастырскаго служенія. Такъ было до раз-

витія духовнаго просвѣщенія, такъ, возможно, будетъ и въ томъ случаѣ, если изъ семинарій вовсе не будутъ выходить кандидаты священства. Такъ, думаемъ, смотритъ на это и церковное право, назначая для кандидата на діаконство 25-лѣтній возрастъ и на священство—30-лѣтній. Діаконская степень, по нашему мнѣнію, въ каждомъ приходѣ болѣе необходима, чѣмъ псаломщикъ, такъ какъ, съ развитіемъ церковно-школьнаго дѣла, въ каждомъ приходѣ теперь можно найти удовлетворительнаго чтеца и пѣвца, способнаго замѣнить штатнаго псаломщика.

Нѣкоторая „строгость“ духа въ діаконахъ по мѣстамъ, правда, замѣчается, особенно тамъ, гдѣ священникъ иногда даже равнаго по образованію діакона гнетъ въ дугу, что по нашимъ наблюденіямъ, бываетъ, но это же бываетъ и между священниками въ многочисленныхъ причтахъ, тамъ, гдѣ слово „настоятель“ звучитъ слишкомъ гордо; но обычно и въ томъ и въ другомъ случаѣ шереховатости сглаживаются годами, взаимной уступчивостію.

Діаконство нѣкоторые у насъ считаютъ „казачествомъ“ въ духовенствѣ, съ легкой руки Лѣскова (прототипъ—Ахилла), но,—при внимательномъ наблюденіи,—они ведутъ себя не хуже псаломщиковъ, особенно изъ „паничей“: ряса и семейное положеніе много этому содѣйствуютъ.

Вѣрно и то, что во время освободительнаго движенія діаконы проявили нѣкоторую „освободительность“, не пожелавши быть „полчеловѣками“, и ходатайствовали о предоставленіи имъ полнаго голоса въ благочинническихъ собраніяхъ и на сѣздахъ. Но вѣдь то было время, когда священники, по мѣстамъ, выносили такія „резолюціи“, постановленія и опредѣленія, за которыя многіе изъ нихъ краснѣютъ и трепещутъ по сей часъ, и діаконскія вожелѣнія о полномъ голосѣ—игрушка въ сравненіи съ этими резолюціями. При нормальномъ мирномъ теченіи вещей, предоставленіе діаконамъ и псаломщикамъ „полнаго голоса“, по нашему мнѣнію, особенной опасности не представляетъ; нельзя же представлять

пастырей и младшихъ членовъ причта какъ два враждебныхъ лагеря. Этотъ полный голосъ нѣсколько поднялъ бы младшихъ членовъ причтовъ изъ того, часто забитаго и черезчуръ уже смиреннаго, настроенія, когда они, на пастырскихъ собраніяхъ, не рѣшаются заикнуться о своихъ кровныхъ, насущныхъ нуждахъ и обидахъ.

Въ вопросѣ о діаконахъ не слѣдуетъ забывать и того, что работа діаконствъ вовсе не такъ уже малозначуща. Не говоримъ уже о томъ, что во многихъ мѣстахъ народъ привыкъ къ діаконскому служенію и, конечно, будетъ протестовать на „бездіаконство“; въ храмовой праздникъ діакона добываютъ по селамъ за десятки верстъ. При богослуженіи, когда священнику приходится говорить 3—4 часа, ектенія, прочитанная діаконствъ,—великое облегченіе для усталой груди. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ священнику рѣшительно невозможно обойтись безъ діакона, на примѣръ, въ Великій постъ, когда бываетъ на проскомидіи много поминованій; работа въ этомъ случаѣ, непосильная одному, распредѣляется такъ, что діаконъ читаетъ записки, а священникъ вынимаетъ частицы изъ просфоръ. Не мудрое дѣло чтеніе ектеній даетъ священнику возможность на литургіи внимательно и со всѣмъ усердіемъ прочесть „тайныя“ молитвы.

Наконецъ, что касается заработка, матеріальнаго обезпеченія, то діаконъ самъ въ значительной мѣрѣ зарабатываетъ на себя. Главный заработокъ духовенства—плата за требы, при семь господствующій способъ вознагражденія—поручный. Полученныя такимъ способомъ средства поступаютъ въ кружку и дѣлятся на наличныхъ членовъ причта, при чемъ, во многихъ случаяхъ, изъ поручнаго заработка діакона часть идетъ на другихъ членовъ причта при дѣленіи кружки согласно существующимъ правиламъ.

Проектируемая авторомъ мѣра—заведеніе въ приходахъ старшихъ и младшихъ священниковъ могла бы имѣть, разумѣется, благотѣльное значеніе, если бы она была практически осуществима. При внимательномъ просмотрѣ епар-

хіальныхъ вѣдомостей разныхъ епархій можно ясно видѣть, что оскуднѣніе въ духовенствѣ—весьма сильно; многіе приходы остаются незамѣщенными по мѣсяцамъ. Старцы священники служатъ, если позволяютъ силы, до глубокой старости; мечта пастыря—умереть въ своемъ приходѣ, на своемъ посту. Гдѣ же тутъ набрать достаточное число старшихъ священниковъ? Мѣра эта встрѣтитъ, по нашему мнѣнію, неодолимыя препятствія и въ матеріальныхъ средствахъ; существующихъ средствъ въ огромномъ ($\frac{9}{10}$) числѣ приходо-въ еле хватаетъ на содержаніе наличнаго духовенства; во многихъ мѣстахъ оно влачитъ бѣдственное существованіе. Гдѣ же найти средство и чѣмъ прокормить вторыхъ священниковъ? Съ упраздненіемъ діаконскихъ вакансій упраздняется и тотъ заработокъ, какой получаетъ діаконъ. За мудрые совѣты, даже за проповѣдь, старшаго священника народъ содержать не будетъ—для этого онъ и бѣденъ, и мало развить. Значить, то, что зарабатываетъ теперь священникъ тяжелымъ физическимъ трудомъ, по проекту, онъ долженъ дѣлится на двоихъ. На это не найдется охотниковъ. Вообще же, по нашему мнѣнію, въ отношеніи поднятія авторитета, руководительства старшихъ младшими въ духовенствѣ сдѣлано и теперь гораздо больше, чѣмъ во всякомъ другомъ сословіи.

Въ самомъ дѣлѣ, если считать въ каждомъ благочиніи, положимъ, 20 приходо-въ, то выходитъ, что $\frac{1}{4}$ священниковъ, по отношенію къ остальнымъ—младшимъ является авторитетомъ и начальствомъ: благочинный, его помощникъ, духовный слѣдователь, духовникъ, миссіонеръ.

Въ настоящія крайне трудныя времена слѣдуетъ думать не о томъ, чтобы умножать членовъ причта, что мало осуществимо, но, гдѣ возможно, сокращать это число, т. е. сокращать нищенство въ духовенствѣ. Діаконовъ въ цѣляхъ торжественности богослуженія слѣдовало бы имѣть во всѣхъ приходо-вахъ *на вакансіяхъ псаломщиковъ*, такъ какъ къ расѣ народъ относится все же почитательнѣе, чѣмъ къ пиджаку,

и поддерживають діаконовъ усердїе, чѣмъ псаломщиковъ. Въ діаконехъ Церковь будетъ имѣть кадръ кандидатовъ священства, пусть и не всегда блестящихъ, на случай вышеотмѣченнаго нами оскудѣнія въ семинаристахъ, желающихъ идти во священники.

Свящ. В. Пестряковъ.

Великій постъ.

(Продолженіе ¹).

Первый свидѣтель о предпасхальномъ постѣ, св. Иринеи, какъ мы видѣли, застаеъ этотъ постъ далеко немолодымъ. Онъ имѣеъ уже общее распространеніе въ христіанской Церкви, тогда едва не охватывавшей самую отдаленную провинцію „всемирной“ имперіи. Для такого широкаго распространенія требовалось немалое время. Слѣдовательно первые зачатки этого поста, начало его, теряются для насъ въ священномъ мракѣ первыхъ двухъ вѣковъ христіанства.

Объ этомъ началѣ можно строить лишь догадки и предположенія, безъ которыхъ, впрочемъ, ни одна наука, и исторія въ томъ числѣ, обойтись не можетъ.

Одно незначительное явленіе церковной жизни II вѣка можетъ пролить намъ нѣкоторый свѣтъ на первое возникновеніе и первоначальную форму предпасхальнаго поста. Это тотъ самый споръ о времени празднованія Пасхи, по поводу котораго св. Иринеи и писалъ свое посланіе. Споръ возникъ по поводу того, что, тогда какъ почти вся Церковь праздновала Пасху въ первый воскресный день послѣ еврейской пасхи, малоазійскіе христіане праздновали ее вмѣстѣ съ еврейской. Соблазнъ отъ такой разницы производился главнымъ образомъ, какъ рассказываетъ Евсевій въ своей „Исторіи“, тѣмъ обстоятельствомъ, что азійцы и постъ предпас-

¹ См № 9-й за 1909-й г.

хальный оканчивали въ тотъ (κατὰ ταύτην) день ¹⁾, съ котораго христіане, по Иринею, именно и начинали его.

Малоазійскіе христіане потому такъ упорно и отстаивали свою практику, не взирая на ея одиночество, что знали за ней глубокую, такъ сказать, незапамятную для нихъ древность. Между тѣмъ св. Поликарпъ Смирскій († 167) застаётъ этотъ споръ въ такомъ разгарѣ, что изъ-за него предпринимаетъ путешествіе въ Римъ для возстановленія мира между церквами. Все это заставляетъ искать начала для празднованія пасхи не позднѣе, чѣмъ въ I вѣкѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пасхальный споръ II в. показываетъ, въ какой тѣсной связи съ празднованіемъ Пасхи стоялъ предпасхальный постъ. На самый праздникъ смотрѣли собственно, какъ на разрѣшеніе отъ поста. Въ этомъ отношеніи очень характерно, что во времена св. Епифанія Кипрскаго существовала одна вѣтвь четырнадцатидневниковъ (такъ названы были сторонники празднованія Пасхи вмѣстѣ съ евреями, 14 нисана, отколовшіеся изъ-за этого отъ Церкви; по-латыни—quartodecimani), которая однимъ днемъ—14 нисана—ограничивала и предпасхальный постъ, и самый праздникъ Пасхи. Если четырнадцатидневники II вѣка были правы въ своемъ спорѣ съ тогдашнею римскою церковью относительно древности своей практики, то возможно, что упоминаемая св. Епифаніемъ вѣтвь квартодецимановъ сохранила наиболѣе древнюю практику предпасхальнаго поста. Противъ такого предположенія ничего не можетъ говорить то обстоятельство, что Церковь осуждала квартодецимановъ, какъ еретиковъ (точнѣе, какъ раскольниковъ): она осудила ихъ не за вѣрность старинѣ, а за разрывъ изъ-за нея церковнаго единства. Ихъ постигла судьба нашихъ раскольниковъ...

За глубокую древность практики квартодецимановъ говоритъ ея крайняя простота. Когда естественнѣе всего было

¹⁾ V, 23, 1. „Κατὰ“ въ значеніи „въ“ при опредѣленіяхъ времени въ Мф. 27, 15. Дѣян. 16, 25.

почтить смерть Христову постомъ, какъ не въ день этой смерти, и когда естественнѣе всего было праздновать Пасху христіанскую, какъ не въ день Пасхи ветхозавѣтной, прообразовавшей ее? У церковныхъ писателей II—III вѣковъ замѣчается (какъ увидимъ ниже) странное употребленіе слова „пасха“: пасхою они называютъ предпасхальный постъ. Это словоупотребленіе можно объяснить только, какъ отголосокъ того времени, когда чествованіе смерти и воскресенія Христа происходило въ одинъ день, потому что невозможно предполагать, чтобы Церковь когда-либо могла имѣть двѣ Пасхи въ году. Больше того: даже въ нынѣшнемъ церковномъ уставѣ есть слѣды такого соединенія лишь на первый взглядъ несоединимыхъ вещей. Величайшимъ изъ дней Векаго поста, а слѣдовательно и печальнѣйшимъ изъ нихъ является, конечно, Великая пятница, а слѣдующимъ за нейъ въ этомъ отношеніи—Великая суббота, единственная суббота въ году, въ которую положенъ постъ, даже въ формѣ сухояденія, и литургія совершается послѣ вечерни (т. е. по идеѣ совсѣмъ не совершается въ этотъ день, такъ какъ съ вечерни начинается слѣдующій церковный день). И вотъ въ первый изъ этихъ величайшихъ постныхъ дней, въ Великую пятницу совершается вечерня совершенно праздничнаго типа (со входомъ, съ праздничнымъ порядкомъ ектеній: сначала сугубая, а послѣ просительная), притомъ даже самаго высшаго изъ праздничныхъ типовъ—съ чтеніемъ апостола и евангелія, что дѣлается на вечерняхъ только трехъ величайшихъ праздниковъ церковнаго года: Пасхи, Рождества Христова и Крещенія. Утреня же Великой субботы не только праздничнаго типа (великое славословіе), но по своей торжественности уступаетъ въ теченіе года только пасхальной утренѣ; кромѣ того на ней поется цѣлый рядъ воскресныхъ пѣсней: тропарь „Егда снизшелъ еси“, тропари: „Ангельскій соборъ“, воскресный сѣдаленъ „Гробъ Твой, Спасе“, и два воскресныхъ прокимна и аллилуіарій изъ стиховъ 67 псалма „Да воскреснетъ Богъ“. Все это можно считать отго-

лоскомъ той древней церковной практики, когда празднованіе Пасхи совершалось въ вечеръ того дня, который былъ постомъ въ воспоминаніе распятія Господня и который весь назывался Пасхой. Пасха, слѣдовательно, была тогда полупечальнымъ, полурадостнымъ торжествомъ, иначе сказать настолько же радостнымъ, насколько печальнымъ, какова была и вся жизнь тогдашнихъ христіанъ, мѣшавшихъ слезы небесной радости о Богѣ со слезами нестерпимаго земного горя.

Иною и не могла быть первоначальная Пасха христіанъ, какъ этимъ соединеніемъ поста и радости въ одинъ день. Легко представить себѣ, что должны были чувствовать первые христіане, еще не оставившіе еврейскихъ праздниковъ, при наступленіи 14 нисана. Воспоминанія столько же грустныя, сколько радостныя и свѣтлыя должны были тѣсниться въ этотъ день въ ихъ души. Образъ Распятаго въ этотъ день смѣнялся образомъ Воскресшаго съ словомъ „радуйтесь“ на устахъ. Пасхальный агнецъ напоминалъ закланнаго на крестѣ Агнца Божія. Хотѣлось вмѣстѣ и плакать, поститься, и радоваться, торжествовать. Въ тѣ часы этого дня, когда Божественный Страдалецъ истаевалъ въ предсмертныхъ мукахъ на крестѣ, естественно было поститься; подъ вечеръ же дня, когда Онъ почилъ отъ дѣлъ новотворенія и началъ Свое субботствованіе во гробѣ, прилично было, какъ оно и теперь дѣлается въ Православной Церкви, начать радость воскресенія.

Итакъ, вотъ наиболѣе древнее, по всей вѣроятности, зерно Великаго поста: тѣ нѣсколько часовъ 14 нисана, въ которые Спаситель висѣлъ на крестѣ. Этимъ предположеніемъ хорошо объяснялось бы и то, почему при св. Иринеѣ нѣкоторые „измѣряли“ предпасхальный постъ часами. Такъ какъ апостолы праздновали іудейскіе праздники, то въ такомъ видѣ начало этому посту могло быть положено и ими. Отсюда всегдашнее убѣжденіе Церкви въ апостольскомъ происхожденіи этого поста.

Вторымъ по древности свидѣтельствомъ о предпасхальномъ постѣ являются три мѣста изъ сочиненій Тертуллиана († 220 г.). Сдѣлавшись монтанистомъ, Тертуллианъ написалъ въ защиту монтанистовъ, которыхъ православные обвиняли между прочимъ въ установленіи новыхъ, не преданныхъ отъцовъ постовъ и при томъ продолжительныхъ (съ тенденціей къ усиленію церковной дисциплины), специальное сочиненіе „О постахъ“. Въ немъ онъ между прочимъ въ защиту монтанистовъ говоритъ, что посты не чужды и церковнымъ христіанамъ. „Они думаютъ, что въ самомъ Евангеліи назначены для поста тѣ дни, въ которые „отнять былъ Женихъ“; и только эти дни считаютъ они законными днями поста христіанскаго“¹⁾; „но“, замѣчаетъ полемистъ въ другомъ мѣстѣ своего труда, „я нахожу васъ постящимися и помимо Пасхи сверхъ (сitra) тѣхъ дней, въ которые отнять Женихъ: вы соблюдаете и полупосты стояній (stationum, т. е. среды и пятницы), а иногда довольствуетесь хлѣбомъ и водою, какъ кому угодно; вы, конечно, скажете, что это нужно дѣлать по произволенію, а не по приказанію“²⁾. Въ сочиненіи „О молитвѣ“, написанномъ въ домонтанистическій періодъ, Тертуллианъ замѣчаетъ, что обычное лобзаніе другъ съ другомъ послѣ молитвы „мы справедливо оставляемъ въ день Пасхи, въ который установленъ общій и какъ бы общественный постъ“³⁾. Во всѣхъ трехъ мѣстахъ у Тертуллиана явно рѣчь о постѣ предпасхальномъ или, какъ его точнѣе слѣдовало назвать по тогдашней терминологіи, постѣ пасхальномъ, который падалъ на день пасхи іудейской, день смерти Христовой; эту пасху, проводимую въ постѣ, впоследствии стали отличать отъ пасхи воскресенія подъ именемъ „крестной“. Но постъ не ограничивался однимъ днемъ смерти Христовой, а продолжался нѣсколько дней. Тертуллианъ не на-

¹⁾ De jejun. c. II.

²⁾ С. XIII.

³⁾ De orat. c. XIV.

зываетъ числа этихъ дней, но указываетъ принципъ для количества ихъ. Этотъ принципъ не только даетъ возможность точно установить продолжительность пасхальнаго поста, но и освѣщаетъ передъ нами тѣ основанія, какія находила тогдашняя Церковь въ самомъ евангеліи для этого поста и которыя, слѣдовательно, и побудили ее къ установленію его. Одному Тертулліану обязаны мы сохраненіемъ для насъ этой драгоценной справки изъ внутренней исторіи Великаго поста, и его свидѣтельство для насъ тѣмъ важнѣе, что относится къ тому раннему періоду этой исторіи, когда въ сознаніи Церкви не могла не быть еще очень свѣжей память объ установленіи поста.

Отъ Тертулліана мы узнаемъ, что общепризнаннымъ основаніемъ для храненія предпасхальнаго поста въ его время, а, слѣдовательно, и самымъ вѣроятнымъ мотивомъ для сравнительно такъ недавняго установленія его, были слова Христовы въ отвѣтъ на упрекъ отъ Іоанновыхъ учениковъ Ему за отсутствіе въ Его св. общинѣ какихъ-либо постовъ: „могутъ ли печалиться сыны чертога брачнаго, пока съ ними женихъ; но придутъ дни, когда отнимется у нихъ женихъ, и тогда будутъ поститься“ (Мѡ. 9, 15). Понимая съ трогательной простотой и буквальностью подъ „днями, въ которыхъ былъ отнятъ Женихъ“ отъ апостольской Церкви небольшой промежутокъ времени, протекшій отъ смерти Спасителя до Его воскресенія, и пришли къ мысли поститься тогда. Этотъ промежутокъ времени не могъ быть болѣе двухъ дней, и то неполныхъ, такъ какъ Христосъ умеръ подъ вечеръ пятницы, а въ субботу ночью воскресъ. А по количеству часовъ этотъ промежутокъ почти отвѣчаетъ тѣмъ 40 часамъ, которыми, по свидѣніямъ св. Иринея, въ нѣкоторыхъ церквахъ ограничивали продолжительность предпасхальнаго поста.

Мы видимъ, что Тертулліанъ не знаетъ еще настоящей, въ собственномъ смыслѣ слова, четырехдесятницы, а только такой же небольшой зачатокъ ея, какъ и Ириней. Можно

сказать и болѣе: предпасхальный постъ у Тертуллиана и не болѣе продолжительный, чѣмъ у Иринея, и не болѣе, чѣмъ у него, установившійся. Правда, Тертуллианъ не указываетъ продолжительности предпасхального поста. Это умолчаніе его находятъ возможнымъ объяснить въ томъ смыслѣ, что у православныхъ, съ которыми онъ полемизировалъ, уже существовала Четыредесятница; иначе онъ, какъ монтанистъ и обвинитель ихъ, не премнулъ бы поставить въ упрекъ своимъ противникамъ отсутствіе ея ¹⁾. Этотъ аргументъ, справедливо замѣчаетъ новѣйшій нѣмецкій историкъ Великаго поста *Функъ* ²⁾, переворачиваетъ вверхъ дномъ положеніе дѣла. Если Тертуллиану нужно было предъ короткими церковными постами оправдать болѣе продолжительные монтанистическіе, то онъ долженъ былъ указать на самую длинную практику, какая гдѣ-либо существовала, и уже никакъ не могъ оставить безъ упоминанія никакой церкви, если бы она тогда имѣла уже сорокадневный постъ; противниковъ своихъ онъ проще и быстрѣ всего поразилъ бы, сдѣлавъ такое замѣчаніе: практика поста у монтанистовъ, которыхъ обвиняють въ незаконномъ новшествѣ, не идетъ такъ далеко, какъ церковная, такъ какъ ихъ постъ продолжался только двѣ недѣли (у монтанистовъ предпасхальный постъ былъ двухнедѣльнымъ), а въ Римѣ—40 дней.

Если свидѣтельство Иринея можетъ говорить о практикѣ малоазійскихъ церквей въ отношеніи предпасхального поста, а свидѣтельство Тертуллиана о такой же практикѣ римской и африканской церквей, то два другихъ памятника открываютъ намъ положеніе дѣла еще въ двухъ большихъ областяхъ тогдашняго христіанскаго міра, давая такимъ образомъ воз-

¹⁾ *Katholik* 1892, I, 45-e.

²⁾ *Funk I. X. Kirchengeschichtliche Abhandlungen und Untersuchungen*, 1 Band., Paderborn 1897. Съ выводами Функа своевременно познакомилъ русскую публику г. А. Петровскій статьей своей въ „Христ. Чтеніи“ 1900 г. апр. „Предпасхальный постъ въ исторіи его развитія“ (стр. 587 - 600).

возможность обнять его весь въ интересующемъ отношеніи. вмѣстѣ съ тѣмъ эти памятники, будучи моложе разсмотрѣнныхъ на нѣсколько дѣсятлѣтій, знакомятъ насъ съ дальнѣйшей стадіей развитія предпасхальнаго поста, когда онъ изъ двухъ-трехдневнаго распространился на всю недѣлю предъ Пасхой.

Болѣе раннѣе изъ этихъ новыхъ свидѣтельствъ о постѣ находится въ недавно открытомъ памятникѣ, носящемъ заглавіе „Апостольское наставленіе“ (*Διδαχαλαλία*), сохранившемся на сирійскомъ и въ половинѣ своей на латинскомъ языкѣ и появившемся въ Сиріи предъ серединой III-го вѣка, можетъ быть, въ первой четверти его. О почтенной древности и авторитетѣ этого памятника можетъ свидѣтельствовать то обстоятельство, что, по предположенію изслѣдователей его, онъ лежитъ въ основѣ 6 первыхъ книгъ такъ называемыхъ „Апостольскихъ постановленій“ (*Constitutiones*), которыя являются переработкой его. О предпасхальномъ постѣ памятникъ говоритъ: „отъ десятаго [числа луннаго мѣсяца], которое есть второй день недѣли [понедѣльникъ], въ дни Пасхи будете поститься, и хлѣбъ, и соль, и воду одну употребляйте въ часъ девятый, и такъ до пятаго дня недѣли [четверга]; пятницу же и субботу цѣлую поститесь, ничего не вкушая“. 18 глава V книги Апостольскихъ постановленій, по предположенію ученыхъ, и является переработкой этого мѣста: въ качествѣ дозволенной для первыхъ дней Страстной седмицы пищи она присоединяетъ еще овощи ¹⁾).

Желаніе освятить авторитетомъ апостоловъ наличную практику поста можетъ свидѣтельствовать о томъ, что она была во всякомъ случаѣ не недавняя, хотя, можетъ быть, и не общепризнанная.

Въ богатой и изнѣженной Александріи, повидимому, съ меньшей строгостью хранился этотъ, тогда еще только одно-

¹⁾ *Funk*. Die apostolischen Constitutionen, 1891, S. 50—54 и цитов. соч. 250.

недѣльный, преднасхальный постъ и съ большимъ трудомъ оттѣснялъ прежнюю, болѣе легкую, практику. Діонисій Великій, епископъ Александрійскій († 264—265 г.), былъ запрошенъ епископомъ Василидомъ, когда нужно оканчивать пасхальный постъ, вечеромъ ли въ субботу, или утромъ въ воскресенье при пѣннн пѣтуха, какъ это дѣлается въ Римѣ. Выказавши свой взглядъ на различные сроки для конца поста, александрійскій епископъ прибавляетъ: „и шесть дней поста соблюдаются не всѣми равно и одинаково; ибо одни проводятъ всѣ дни безъ пищи, а иные ни одного; тѣмъ, которые весьма ослабѣли отъ продолжительнаго поста и почти погибаютъ отъ изнеможенія, простительно болѣе раннее вѣкушеніе пищи; но если иные четыре предшествующіе дня поста не только не постились безъ перерыва, но и вообще не постились и даже роскошничали и потомъ, когда наступаютъ послѣдніе два дня, ихъ, т. е. пятницу и субботу, непрерывно постятся и думаютъ, что дѣлаютъ нѣчто великое и славное, если воздерживаются до утра, то я думаю, что они не были въ такомъ подвигѣ, которые упражнялись нѣсколько дней раньше“ ¹⁾. Мѣсто показываетъ, что въ Египтѣ, какъ и въ Сиріи, тогда постились уже цѣлую недѣлю предъ Пасхой, Страстная седмица уже образовалась; но что подлѣ большой строгости въ пощеніи этой седмицы шла и вольность въ соблюденіи ея. То обстоятельство, что Діонисій не осуждаетъ прямо этой послѣдней практики, хотя далеко и не сочувствуетъ ей, показываетъ, что постъ во всю седмицу еще не получилъ законообязательной силы, что для этого онъ былъ еще слишкомъ новъ. Тѣмъ меньше могла быть рѣчь о сорокадневномъ постѣ предъ Пасхою въ это время.

Между тѣмъ современникъ и согражданинъ Діонисія знаменитый Оригенъ († 254 г.) говоритъ именно о сорокадневномъ постѣ предъ Пасхою. Это свидѣтельство находится

¹⁾ Migne, Patrologiae cursus completus, s. gr. 10, 1278.

въ 10 бесѣдѣ его на книгу Левитъ, комментарий на которую, какъ и большинство твореній великаго александрійца, дошелъ до насъ не въ подлинникѣ, а въ латинскомъ переводѣ вышеупомянутаго Руфина.

Указавъ на необязательность іудейскихъ постовъ для христіанъ и сославшись въ подтвержденіе этого на Мѡ. 9, 15, Оригенъ продолжаетъ: „птакъ іудеи постятся, потому что они лишились Жениха (Христа); мы же, имѣя Жениха, не можемъ поститься. Говоримъ это не къ тому, чтобы ослабить удила христіанскаго воздержанія. Ибо и мы имѣемъ дни Четырдесятницы, посвященные посту. Имѣемъ четвертый и шестой дни седмицы (среду и пятницу), въ которые обыкновенно постимся. Христіанину и во всякое время предоставляется свобода поститься, не изъ-за суетвѣрія относительно храненія поста, но изъ-за добродѣтели воздержанія“ ¹⁾.

Мѣсто не оставляло бы никакихъ сомнѣній въ существованіи при Оригенѣ Четырдесятницы, если бы не два обстоятельства: а) молчаніе о ней столь близкаго къ настоящему свидѣтелю по мѣсту и времени Діонисія и б) переходъ къ намъ документа чрезъ руки Руфина. Руфинъ былъ очень вольный переводчикъ, въ чемъ не только сознается, но и неоднократно предупреждаетъ читателя, напр., въ предисловіи къ переводу сочиненія Оригена „*Περὶ ἀρχῶν*“. А въ послѣсловіи къ переводу Оригенова комментарія на посланіе къ Римлянамъ онъ замѣчаетъ о своемъ трудѣ: „мы восполняемъ то, что Оригеномъ сказано для Церкви его времени не столько въ цѣляхъ изъясненія, сколько въ цѣляхъ назиданія, какъ дѣлали мы и въ гомиліяхъ или словахъ на Бытіе и Исходъ; *особенно же въ гомиліяхъ на книгу Левитъ*, что было имъ сказано для красоты стиля, мы для ясности передаемъ прямымъ языкомъ; этотъ трудъ восполненія недостающаго мы предприняли съ тѣмъ, чтобы латинскому читателю не доставляли затрудненій вопросы поднятые и остав-

¹⁾ Тамъ же, 12, 528.

шіеся нерѣшенными, какъ обыкновенно поступаетъ Оригенъ по требованіямъ гомилетическаго искусства“. Разъ въ основу перевода клались такія начала, то, какъ замѣчаетъ издатель Оригена въ Патрологіи Миня, читатель не можетъ быть никогда увѣренъ, читаетъ ли онъ Оригена или Руфина ¹⁾).

Правда, и столь широкая свобода перевода не должна бы простираться на такія чисто фактическія данныя у Оригена, какъ указаніе на существованіе въ его время поста. Но тутъ невольно припоминается Руфиновъ переводъ Иринеєвыхъ словъ о 40 часахъ поста... Кромѣ того въ выраженіи „посвященные посту дни Четырдесятницы“ обращаютъ вниманіе также на неумѣстную витіеватость фразы, не отвѣчающей простотѣ слѣдующей за нею: „постимся и въ среду и въ пятницу“ ²⁾. А главное, какимъ образомъ о Четырдесятницѣ не упоминаетъ Діонисій?

Тѣмъ не менѣе рѣшительно настаивать на интерполяціи Руфина въ данномъ мѣстѣ было бы рискованно. Изъ затрудненія же, создаваемого разногласіемъ по данному пункту между Оригеномъ и Діонисіемъ, есть очень простой выходъ. У Оригена было два отечества — кромѣ Египта и Александріи — Палестина и Кесарія. Столько проживъ въ послѣднихъ, онъ не только могъ хорошо знать всю церковную практику Св. Земли, но привыкнуть и освоиться съ ней и оцѣнить ее. Между тѣмъ о практикѣ въ отношеніи поста, какъ разъ именно Іерусалимской церкви въ этотъ періодъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, имѣя ихъ о всѣхъ окружающихъ церквахъ. Почему же не признать такимъ свидѣтелемъ объ этой практикѣ Оригена?

Въ началѣ IV вѣка, какъ увидимъ далѣе, мы находимъ постъ св. Четырдесятницы получившимъ всеобщее распространеніе по христіанскому міру. Помѣстными соборами из-

¹⁾ Тамъ же, 395.

²⁾ Функъ думаетъ, что у Оригена здѣсь была рѣчь о сорокадневномъ постѣ Спасителя. Kirchgesch. Abhand. u. Untersuch. 254.

Рук. для сельск. наст., т. 1, 1909 г.

рекаются прещенія на несоблюдающихъ его. Для такого широкаго распространенія института требовались время и авторитетъ. Какого-нибудь десятилѣтія здѣсь недостаточно было. Нужны были долгія сношенія между церквами, чтобы сорокадневный постъ утвердился всюду на мѣсто привычнаго и болѣе легкаго недѣльнаго или даже двухдневнаго. Съ другой стороны нужна была инициатива въ этомъ дѣлѣ не любой церкви, а особенно вліятельной, а главное находившейся въ живомъ и постоянномъ общеніи съ другими. Такою въ то время и была „мать церквей“, Иерусалимская Церковь. И гдѣ легче всего могла возникнуть идея сорокадневнаго поста послѣ Крещенія и до Пасхи, какъ не на берегахъ Иордана у подножія суровой горы Карантая, съ которою преданіе связываетъ постъ Спасителя?

Отъ второй половины III вѣка мы имѣемъ и еще одно свидѣтельство о сорокадневной продолжительности предпасхальнаго поста, касающееся не менѣе вліятельной, чѣмъ Иерусалимская, церкви, именно церкви Римской. То-такъ называемые „Каноны св. Ипполита“ (канонъ 20-й). Ипполитъ былъ или папою, или епископомъ гавани римской и пострадалъ около половины III в. ¹⁾ Но его „Каноны“ спорный памятникъ. Сохранились они до насъ въ сильно интерполированномъ арабскомъ переводѣ; но судя по тому, что они лежатъ въ основѣ такъ называемыхъ „Египетскихъ канонѣвъ“, памятника до-константиновскаго времени, есть основаніе считать ихъ если не подлинными Ипполитовыми, то во всякомъ случаѣ памятникомъ церковной практики половины III в. ²⁾

Итакъ отъ III вѣка мы имѣемъ два свидѣтельства за сорокадневную продолжительность предпасхальнаго поста,—свидѣтельства, если не совершенно неоспоримыя, то очень достовѣрныя.

М. Скабаллановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ *Serapion* архіеп. Полный мѣсяцесловъ востока, т. II, изд. 2, Владивиръ 1901, стр. 44 „Примѣчаній“.

²⁾ *Möhler. W. Lehrbuch der Kirchengeschichte, Tübing. u. Leipz. 1902* I. B., S. 331. Функъ считаетъ этотъ памятникъ моложе „Апостольскихъ Постановленій“.

Епархіальная жизнь.

Церковно-богослужебное чтеніе, какъ средство борьбы съ иновѣріемъ. Различныя пути къ цѣлесообразной постановкѣ его. Институтъ псаломщиковъ прежде и въ настоящее время. Мѣры къ поднятію его.

Съ изданіемъ закона 17 апрѣля 1905 г. католичество въ Западномъ краѣ приняло угрожающее положеніе по отношенію къ православію. Необычайно участились случаи перехода православныхъ въ католическую вѣру. Возникъ грозный вопросъ, какъ предотвратить подобныя случаи. Нетрудно установить, что по большей части каждый переходъ въ католичество начинается съ простаго посѣщенія костела; затѣмъ уже появляется ксендзь съ своими рѣчами о преимуществахъ католичества и неправотѣ православія. Значить, прежде всего нужно обратить вниманіе на то, какъ и чѣмъ удержатъ православныхъ отъ посѣщенія костела. На недавно бывшемъ братскомъ съѣздѣ въ Минскѣ указывалось именно на это обстоятельство, что народъ все съ меньшей охотой и интересомъ посѣщаетъ православное богослуженіе и съ большей охотой ходитъ въ костель. На этомъ же съѣздѣ предлагались и нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы народъ шелъ именно въ свой храмъ, а не въ чужой. Указывалось на общее пѣніе, на разныя стихотворныя формы псалмовъ, молитвъ и пѣснопѣній; обращалось вниманіе на непонятное изложеніе нашихъ акаѳистовъ; рекомендовалась покупка и раздача молитвенниковъ съ объясненіемъ непонятныхъ словъ и т. д. Всѣми этими мѣрами имѣлось въ виду сдѣлать участіе народа въ богослуженіи болѣе сознательнымъ, такъ сказать, заинтересовать народъ своимъ православнымъ богослуженіемъ и тѣмъ отвлечь его отъ костела. Одинъ изъ священниковъ Минской епархіи въ мѣстныхъ Вѣдомостяхъ указываетъ, что всѣ эти мѣры едва ли достигнуть своей цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, когда говорятъ о непонятномъ изложеніи нашихъ молитвъ и пѣснопѣній и желаютъ дать эти пѣснопѣнія въ понятной литературной формѣ, то тутъ, конечно, напередъ уже предполагается,

что всѣ участники богослуженія грамотны и притомъ настолько, что могутъ свободно читать всѣ молитвы, понимать каждое слово, каждую фразу всѣхъ пѣснопѣній. Но время, когда весь нашъ народъ будетъ хорошо грамотенъ, еще очень далеко. Поэтому говорить, теперь о совершенно сознательномъ участіи народа въ богослуженіи, о такомъ участіи, когда каждая молитва, каждый псаломъ, каждая стихира могутъ быть прочитаны имъ заранѣе, а каждая фраза пѣснопѣнія будетъ ему понятна,—пока что преждевременно. Да, наконецъ, мы видимъ, что въ городахъ не только простой, неграмотный народъ заходитъ въ костель, но идутъ чиновники, учащіеся и др. Значить, причина здѣсь не въ томъ, что наше богослуженіе мало понятно; да и непонятно оно только въ нѣкоторыхъ частяхъ. „Господи помилуй“, „спаси, Господи, люди твоя“, „Отче нашъ“, ектеніи—все это ясно и понятно даже неграмотному. Можно даже сказать, что наша литургія, за исключеніемъ развѣ евхаристическаго канона, вся понятна. Но относительно такихъ непонятныхъ мѣстъ нужно сказать прежде всего, что, съ переводомъ ихъ на обыденный русскій языкъ, они утратятъ всю свою духовную красоту и высоту. Уничтожить славянскій языкъ—значить низвести наши чудныя пѣснопѣнія на одну степень съ обыкновенными сектантскими кантами. Что сказано о стихирахъ и вообще о чтеніи, нужно сказать и о пѣніи. Смыслъ поемаго не станетъ ясенъ оттого, что будетъ пѣть вся церковь. Вѣдь и всѣ присутствующіе могутъ пѣть, не понимая того, что поютъ, какъ могутъ не понимать того, что поетъ одинъ псаломщикъ или хоръ. Значить, и пѣніе тогда только станетъ сознательнымъ и осмысленнымъ, когда весь народъ будетъ образованъ. А этого теперь и нѣтъ. Значить, совершенно напрасно нѣкоторые докладчики на съѣздѣ указывали на общее пѣніе, какъ на единственное средство удержать народъ отъ костела. Вѣдь и католики въ своей массѣ также темны и неграмотны, какъ и православные, и также не понимаютъ своихъ молитвъ. Въ костелахъ служба еще болѣе непонятна, чѣмъ въ нашихъ

храмахъ: много ли людей, понимающихъ латинскую рѣчь? Можно положительно сказать, что нашего простолюдина тянетъ въ костель не общее пѣніе, а только пріятная духовная музыка, которая своими задушевными минорными звуками дѣйствительно можетъ настраивать человѣка на религіозныя размышленія. Лишите костелы органовъ, музыки, и ни одинъ православный туда не пойдетъ. У раскольниковъ также есть общее пѣніе, и притомъ пѣніе на языкѣ болѣе понятномъ, чѣмъ латинскій, однако о расколѣ, какъ явленіи опасномъ для православія, говорить не приходится. Притягательную силу въ нашемъ богослуженіи можетъ имѣть не столько общее пѣніе, неизбѣжно бывающее нестройно-разногласнымъ, сколько пѣніе хоровое, правильно организованное. Наше духовное пѣніе, исполняемое хоромъ пѣвцовъ, а не бездушнымъ инструментомъ, пѣніе, исполненное возвышеннаго религіознаго чувства, пѣніе, въ которомъ не только мелодія прекрасна, но и слова имѣютъ божественный смыслъ, такое пѣніе произведетъ гораздо болѣе глубокое и сильное впечатлѣніе, чѣмъ какой-либо костельный органъ. Дайте такое пѣніе въ нашихъ храмахъ, и народъ въ костель не пойдетъ. А до тѣхъ поръ, пока въ нашихъ храмахъ будетъ раздаваться пѣніе одного псаломщика, дѣло православія можно считать въ опасности, ибо врага нужно быть его же оружіемъ и костельной музыкѣ нужно противопоставить пѣніе правильно устроеннаго хора.

Между тѣмъ дѣло церковнаго пѣнія у насъ въ общемъ находится въ самомъ безотрадномъ состояніи и составляетъ одно изъ больныхъ мѣстъ въ организаціи религіозно-просвѣтительнаго вліянія церкви. Въ очень и очень немногихъ церквяхъ поютъ хоры; въ громадномъ же большинствѣ случаевъ поетъ одинъ псаломщикъ; при этомъ пѣніе какъ тѣхъ, такъ и другаго, оставляетъ желать весьма многого. Почти всѣ псаломщики музыкально-безграмотны, не владѣютъ нотной азбукой настолько, чтобы прочесть и исполнить распѣвъ изъ обиходной книги. Многіе пребываютъ въ невѣдѣніи, что ис-

полняютъ распѣвъ неправильно; не замѣчая того, что нѣкоторыхъ мелодій и совершенно не употребляютъ за богослуженіями; одни замѣняютъ трудный рядовой гласъ, при исполненіи пѣснопѣній, простѣйшимъ и болѣе знакомымъ; другіе исполняютъ речитативомъ на одной и двухъ ступеняхъ то, что полагается пѣть на гласъ и распѣвомъ. Часто замѣчается незнаніе полной гласовой системы употребительныхъ распѣвовъ. Особенное сожалѣніе возбуждаетъ отсутствіе въ одноголосномъ пѣніи мелодическаго направленія, когда псаломщикъ, по незнанію подлинныхъ точныхъ мелодій, поетъ тощій аккомпаниментъ къ этимъ мелодіямъ, оставшіяся въ его памяти, какъ слѣдъ отъ басовой партіи. Если иногда псаломщикъ, этотъ хранитель русской православной древности, это необходимѣйшее и цѣнное звено между предками, создавшими распѣвъ, и между потомками, которымъ нужно въ цѣлости передать дорогое музыкальное народное наслѣдіе,—и остается незамѣченнымъ въ его незнаніи тѣхъ самыхъ распѣвовъ, которыми онъ могъ бы такъ цѣлесообразно воспользоваться, то никогда не ускользаетъ отъ чуткаго уха и души, настроенной къ молитвѣ, то равнодушіе, которымъ такъ часто, какъ холодомъ, вѣетъ отъ клироса, которое такъ часто наблюдается при пѣніи псаломщиковъ, не понимающихъ своего значенія—молитвенниковъ за предстоящихъ и художниковъ въ своемъ искусствѣ. набросанныхъ штриховъ совершенно достаточно, чтобы воскресить въ памяти ту давнишнюю печаль о скудномъ и жалкомъ искусствѣ псаломщиковъ, которая тяготитъ многихъ за каждымъ богослуженіемъ.

Хоръ въ Церкви—это крайняя цѣль, къ которой, по мѣрѣ возможности, долженъ стремиться въ своемъ развитіи каждый клиросъ. Хоровое пѣніе въ полномъ, надлежащемъ значеніи этого понятія—это идеаль церковно-пѣвческаго благолѣпія, это сильнѣйшее въ ряду другихъ средство религіознаго вліянія даже на грубыя души молящихся. Къ сожалѣнію, количество хоровъ по церквамъ поразительно ничтожно по сравненію съ количествомъ приходовъ. И безотрадно под-

черкивать этот фактъ въ тотъ моментъ, когда Православная Церковь собираетъ въ нѣдрахъ своихъ всевозможныя средства для широкаго выполненія миссіонерскихъ задачъ и стремится объединить въ себѣ всѣ способы, необходимыя для борьбы съ невѣріемъ, религіознымъ равнодушіемъ, инославными вѣроученіями и расколамъ. Существующіе хоры, въ своемъ большинствѣ, хотя и радуютъ тѣмъ, что заполняютъ пустое мѣсто, однако часто и удручаютъ своимъ незнаніемъ и неумѣніемъ. Нельзя, разумѣется, огульно порицать всѣ хоры, но большинство, несомнѣнно, болѣютъ довольно общими недостатками, а именно незнаніемъ, что пѣть и какъ пѣть.

Въ настоящее время руководителямъ церковно-приходской жизни, а особенно епархіальному духовенству на своихъ собраніяхъ и съѣздахъ, положительно необходимо обратить вниманіе на эту рану въ дѣлахъ церкви и озаботиться изысканіемъ средствъ къ оздоровленію церковнаго клироса общими силами и широкими мѣропріятіями и такимъ образомъ облегчить единоличныя заботы о пѣніи, которыя принимаются отдѣльными настоятелями-священниками въ своихъ приходахъ.

Сказавши о недостаткахъ въ пѣніи псаломщиковъ, мы не можемъ не замѣтить, что эти недостатки являются прямымъ слѣдствіемъ печальной перемѣны въ настоящее время личнаго состава псаломщиковъ. Вопросъ псаломщическій за послѣдніе годы въ особенности выдвинулся въ жизни духовенства и занялъ почти доминирующее положеніе. Одинъ изъ тульскихъ священниковъ горько жалуется, что этотъ вопросъ сталъ большимъ мѣстомъ для священниковъ, предметомъ заботы архипастырей, и выразился въ чрезвычайно рѣзкой и острой формѣ. Дѣло въ томъ, что поколѣніе старыхъ, почтительныхъ, милыхъ сердцу псаломщичевъ постепенно вымираетъ, и на сценѣ появился новый несимпатичный типъ современнаго псаломщика. Теперь рѣдко гдѣ встрѣтишь всѣмъ знакомую фигуру стараго дьячка въ своеобразномъ подрясничкѣ или длинномъ сюртукѣ, истово, съ усердіемъ исполня-

ющаго свое святое дѣло на клиросѣ. Оставшіеся еще въ живыхъ старыя псаломщики—это послѣдніе могики, большею частію въ заштатѣ коротающіе свои дни, являютъ собой живой примѣръ строгаго исполненія долга, благоговѣйнаго отношенія къ своему дѣлу; и какъ горько бываетъ имъ, старымъ ветеранамъ, смотрѣть на недостойныхъ своихъ преемниковъ, попирающихъ все то, чему они поклонялись и такъ усердно служили. Прекрасные знатоки устава, строгіе его исполнители, влагавшіе въ дѣло всю свою душу, старыя псаломщики, какъ люди, были богобоязненные, почтительные; на своего священника они смотрѣли, какъ на начальника и настоятеля. Въ жизни и дѣятельности прежнихъ псаломщиковъ есть много прекрасныхъ и свѣтлыхъ сторонъ, есть много такого, за что только благодарностію можно почитать этихъ отживающихъ служакавъ. Теперь же на почтенныя мѣста церковныхъ чтецовъ и пѣвцовъ вдругъ, какъ Божіе наказаніе, нахлынула толпа разночинцевъ, въ большинствѣ своемъ грубыхъ, невоспитанныхъ, безъ усердія, безъ капли любви къ своему дѣлу, готовыхъ всякую минуту нагрубить своему священнику. Явились псаломщики, Богъ знаетъ, какого сословія, какого образованія, явились люди безпринципные, нерадивые, безъ благоговѣнія и усердія исполняющіе службу Божію. Будучи въ исполненіи своихъ обязанностей небрежными, новые псаломщики обладаютъ крайнимъ сомохнѣніемъ, смѣлостію, доходящею до дерзости; при всякомъ требованіи священника готовы лѣзть, что называется, на дыбы и устраивать сцены, такъ что въ общемъ создается для священника иногда положеніе прямо невыносимое. Между тѣмъ псаломщикъ есть главный помощникъ священника, его правая рука, и какъ бываетъ тяжело, какъ тормозится дѣло, если попадается грубый, несносный псаломщикъ. Откуда же это зло, откуда взялись эти шлевелы въ жизни духовенства, какая почва произрастила ихъ, и наконецъ, какъ выбрать ихъ, какъ избавиться отъ нихъ?

Главную причину этого печальнаго явленія нужно искать въ не духовномъ происхожденіи большинства нынѣшнихъ псаломщиковъ, не воспитанныхъ въ духѣ церковности и вошедшихъ въ духовную среду съ чуждыми ей понятіями и привычками. Но такъ какъ молодые псаломщики и духовнаго происхожденія также заставляютъ желать многого, то несомнѣнно, что въ современной жизни духовенства есть особая почва; есть какія-то благопріятныя условія къ пропикновению въ его среду такихъ нежелательныхъ элементовъ, и въ этомъ отношеніи псаломщическій вопросъ есть вопросъ очень сложный, затрагивающій бытъ всего духовенства. Обсуждаемое явленіе очень серіозное, и не исцѣлить его ни указами о пошеніи подрясниковъ, ни псаломщическими школами; все это не что иное, какъ палліативы; вѣдь подрясникъ не измѣнитъ души, вѣдь и теперь есть недурные уставщики и хорошіе пѣвцы, хотя мало достойныхъ псаломщиковъ. Кромѣ указанной причины неудовлетворительнаго состава псаломщиковъ, по мнѣнію упомянутаго священника, есть еще другая—это паденіе умственнаго и религіознаго уровня вообще въ духовенствѣ. Иные теперь псаломщики, но нужно сознаться, что и священники уже не тѣ, что прежде. Нельзя не признать, что духовенство наше вырождается, въ его жизни уже давно идетъ естественный отборъ худшихъ элементовъ, а за послѣднее время этотъ отборъ идетъ усиленнымъ темпомъ: лучшія силы духовенства бѣгутъ изъ ограды церквей; на священническія мѣста приходится назначать не окончившихъ даже духовнаго училища или вышедшихъ изъ низшихъ классовъ семинаріи; есть цѣлыя округа, почти сплошь состоящіе изъ священниковъ недоучекъ. О чемъ же это свидѣтельствуется, какъ не о вырожденіи? Знаніе, образованіе есть сила, тотъ огонь, который вывелъ человѣчество изъ его дикости и поднялъ на ту удивительную высоту культуры, на которой мы теперь его видимъ; и всякое уменьшеніе этой силы понижаетъ жизнь, суживаетъ интересы и вообще бываетъ причиною регресса всѣхъ ея проявленій.

О вырожденіи духовенства тульскій священникъ, пожалуй, рано заговорилъ. Правда, лучшія силы уходятъ изъ церкви, но и остающіяся не принадлежать къ плохимъ. А почти повсемѣстное стремленіе священниковъ такъ или иначе обновить церковную жизнь, поднять религіозно-нравственный уровень паствы, прямо противорѣчитъ утвержденію о вырожденіи. Безусловно вѣрна только первая причина не духовное происхожденіе псаломщиковъ и ихъ отчужденіе отъ духовной среды. На эту сторону и нужно обратить прежде всего вниманіе и дѣлать строгій выборъ между кандидатами на псаломщическое званіе (Епарх. вѣд. Минскія, Псковскія, Тульскія).

P.

ЗАМѢТКИ.

Новая опасность для Православной Церкви.

Такая опасность грозитъ для Православной Церкви со стороны той части нашей „сознательной“ интеллигенціи, которая, наполнивъ собою земства, возмнила себя въ правѣ перестраивать Православную Церковь на новый ладъ, совершенно игнорируя при этомъ какъ церковную власть и Божественные каноны, такъ равно права и интересы духовенства и вообще то, чѣмъ до сихъ поръ держалась и чѣмъ жила и дышала эта Церковь. Такія мысли являются, когда читаешь докладъ нѣкоего господина Ровинскаго въ смоленскомъ земскомъ собраніи и постановленія этого собранія.

Первое ходатайство смоленскаго земскаго собранія заключается въ томъ, чтобы приходъ былъ самоуправляющею единицею. Конечно, если совершенно игнорировать церковную власть и смотрѣть на приходъ съ чисто гражданской точки зрѣнія, тогда въ этомъ ходатайствѣ есть доля истины. Но съ церковно-канонической точки зрѣнія подобное ходатайство является полнымъ абсурдомъ. Вѣдь приходъ уже потому не можетъ быть самоуправляющею въ церковномъ отно-

шеніи единицею, что въ приходѣ нѣтъ полноты духовной власти; эта полнота есть только въ епископіи, въ лицѣ епископа, какъ полноправнаго раздателя благодатныхъ даровъ. Безусловно же самоуправляющейся единицею можетъ быть названа только вся Православная Церковь, а ужъ никакъ не приходъ, составляющій лишь часть епископіи и управляемый, по порученію епископа, пресвитеромъ. Какимъ же послѣ этого страннымъ диссонансомъ въ общей гармоніи стройнаго церковнаго управленія должна звучать для правовѣрныхъ сыновъ Церкви автокефальность каждаго отдѣльнаго прихода?

Далѣе смоленское земство ходатайствуетъ объ уничтоженіи налоговъ съ церквей въ пользу духовнаго вѣдомства. Но взносы съ церквей идутъ на дѣла, для Церкви совершенно необходимы, какъ, на примѣръ, на духовно-учебныя заведенія. Надо твердо помнить мірянамъ, что ихъ никто не заставляетъ нести въ храмъ свою лепту, это ихъ добрая воля. Но разъ лепта принесена въ храмъ, то она уже становится достояніемъ Божиимъ, и ею распоряжается церковная власть, а не міряне: иначе гдѣ же жертва?

Что касается ходатайства указаннаго земства, чтобы всякіе сборы денегъ за богослуженіемъ производились только съ разрѣшенія приходскаго совѣта, то оно, по своей идеѣ, совпадаетъ съ желаніемъ самаго духовенства. Многія филантропическіе общества, часто съ Церковію имѣющія очень мало общаго, живутъ только тѣми жертвами, надъ сборомъ коихъ трудится духовенство. Разные великосвѣтскіе тузы, торжественно засѣдая въ совѣтахъ разныхъ благотворительныхъ обществъ, далеки, конечно, отъ мысли, что они своимъ почетомъ обязаны скромному духовенству. Поэтому духовенство и само радо избавиться отъ этихъ сборовъ на разныя общества и было бы очень благодарно церковной власти, чтобы сборы эти производились посредствомъ кружки, обносимой не въ церкви за богослуженіемъ, а прибываемой около хотя бы

избы сельскаго старосты, дома городскаго головы или предсѣдателя земскаго собранія и вообще внѣ церкви. Вотъ тогда будетъ видно, что сдѣлають разные свѣтскіе господа безъ содѣйствія духовенства („Минс. еп. вѣд.“).

Вятскій епархіальный домъ.

Еще въ 1902 г. (20 авг.) Вятскій епарх. съѣздъ депутатовъ духовенства постановилъ *устроить на личныя средства духовенства Вятской епархіи* въ г. Вяткѣ епархіальный домъ, въ которомъ могли бы помѣщаться нѣкоторыя учрежденія епархіальнаго вѣдомства, а именно: правленіе эмеритальной кассы, комитетъ православнаго миссіонерскаго общества, совѣтъ братства, епархіальная бібліотека-читальня, залъ для устройства религіозно-нравственныхъ чтеній и духовныхъ концертовъ. Взносъ на этотъ домъ опредѣленъ былъ по 5 руб. отъ протоіереевъ, по 3 рубля отъ священниковъ, по 2 руб. отъ діаконѣвъ и 1 руб. отъ псаломщиковъ въ годъ. Изъ этихъ взносовъ составилаь теперь сумма въ 28.000 р., за какую суммѣ съѣздъ и рѣшилъ пріобрѣсть подходящій для вышеозначенныхъ цѣлей домъ. При этомъ съѣздъ вновь обложилъ духовенство епархіи вышеуказаннымъ сборомъ на новое пятилѣтіе, на содержаніе епархіальнаго дома. („Вят. еп. вѣд.“).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 3-го марта 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на шість
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 11.

Подписка принимается въ редак-
ци журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года марта 15-го дня.

Содержаніе: I. Неиспользованныя силы. Свящ. В. П.—II. Великій постъ.
(Продолженіе). М. Скабаллановичъ.—III. Н. В. Гоголь, какъ хри-
стіанинъ. Н. Гумилевскій.—IV. Замѣтка. Рѣдкая козчина.

Неиспользованныя силы.

(Къ вопросу о сближеніи Церкви и интеллигенціи).

Когда говорятъ, или пишутъ о Церкви и интеллигенціи, то обычно подъ послѣдней разумѣютъ ту часть нашего интеллигентнаго общества, которая или враждебна Церкви, или во многомъ не согласна съ ученіемъ церковнымъ. На эту часть общества какъ церковная проповѣдь, такъ и духовная литература не мало расходуютъ силъ и времени, оставляя въ тѣни, мало удѣляя вниманія лучшей, въ церковномъ смыслѣ, части интеллигенціи, православной и Церкви послушной. Явленіе это отчасти понятно. „Тонъ“ обществу въ религіозномъ отношеніи, извѣстный колоритъ даютъ люди, въ вопросахъ вѣры либеральные или совсѣмъ невѣрующіе; они въ свѣтской средѣ больше пишутъ, чаще касаются вопросовъ

вѣры, сильнѣе пропагандируютъ свои мысли, чѣмъ люди вѣрующіе. Такъ было всегда, что новаторы хотя бы и совсѣмъ неудачные, поднимали возлѣ себя шумъ, занимали боевую позицію, привлекавшую взоры многихъ, пріобрѣтали адептовъ. Естественно, что и Церковь въ ту именно сторону, откуда грозила и грозитъ опасность, откуда слышатся упреки, возраженія, нерѣдко клеветы, откуда разливается ялъ религіознаго невѣрія и отрицанія, прежде всего и направляетъ и сосредоточиваетъ свое вниманіе. Нельзя отрицать, что опасность здѣсь велика, что густѣютъ ряды противниковъ Церкви, и даже не ряды, а цѣлыя полчища, что не только въ зрѣлыхъ людяхъ, но даже среди молодыхъ, будущихъ работниковъ родины, надежды ея,—невѣріе, вражда и глумленіе надъ православіемъ, надъ его ученіемъ—обычное явленіе. Быть свободомыслящимъ, либеральнымъ въ вопросахъ вѣры, а то и прямо невѣрующимъ—въ интеллигенціи считается моднымъ, и мода эта, давняя къ прискорбію, не проходитъ у насъ съ тою скоростію, какъ другія. Изъ рассказовъ студентовъ, даже гимназистовъ, изъ собственныхъ наблюденій знаемъ, что православные люди, исполняющіе законы и обычаи своей вѣры, нерѣдко подвергаются насмѣшкамъ, оскорбленіямъ. Но за всѣми этими скорбными явленіями не слѣдуетъ все же забывать и тѣхъ интеллигентныхъ людей, которые не склонились еще предъ современнымъ Вааломъ отрицанія, не ушли отъ Церкви, не перестали, и по жизни и по мыслямъ, быть православными людьми. Да есть ли такіе,—скажутъ? Несомнѣнно есть, и ихъ не мало, только весьма часто мы ихъ даже не знаемъ, мало удѣляемъ имъ вниманія.

Выносить самимъ представителямъ Церкви, т. е. духовенству; ту борьбу, какая поднята теперь, противъ вѣры тяжело, трудно; возлагать упованія на внѣшнюю поддержку тѣмъ меньше можно: не тѣ времена; необходимо духовенству искать *помощи поддержки въ недрахъ самой Церкви, и особенно въ той ея части, которая по развитію, знанію осо-*

бенно годна для помощи въ духовной борьбѣ съ противниками Церкви. И нельзя ожидать, пока такіе интеллигентные помощники и сотрудники сами придуть и предложить свой трудъ; придуть единицы, болѣе энергичные, болѣе талантливые люди. *Необходимо самому духовенству искать такихъ людей, привлекать къ Церкви; вѣдь мы, пастыри, должны знать самая сокровенная людского сердца, а тѣмъ болѣе должна быть намъ вѣдана ревность людей по Богѣ.*

Такіе благочестивцы изъ интеллигенціи, ревнители православной вѣры не рѣдкость; знаемъ это и по особенному опыту, знаемъ это и изъ рассказовъ городскихъ священниковъ; по лицу земли Русской такихъ интеллигентовъ—сотни тысячъ, но за Розановыми, Мережковскими, толстовцами, ницшеанцами и другими модниками и отрицателями мы не видимъ то, что слѣдуетъ видѣть и знать. Воодушевленные живымъ, горячимъ словомъ призыва такіе интеллигенты помогли бы въ значительной мѣрѣ осуществить ту работу объединенія, просвѣщенія и вразумленія заблудшихъ, какая одному духовенству, можетъ быть, и не подъ силу. Въ отношеніи къ вѣрующей интеллигенціи мы или робки, или индифферентны; обойдемся-де и безъ васъ,—а между тѣмъ, здѣсь втуне остается масса неиспользованной силы, полезной для благоустроенія церковнаго во многихъ отношеніяхъ. За примѣрами ходить недалеко. Почему писать религіозно-нравственные рассказы и статьи, даже проповѣди—„спеціальность“ только духовенства да людей „богословскаго образованія“, почти не доступна для добрыхъ мірянъ? Потому что мы на этомъ специализовались, *не зовемъ сюда мірянъ; они даже не знаютъ, что могутъ здѣсь что-нибудь сдѣлать, а могутъ—и многое.* Одному своему прихожанину, человѣку православнѣйшему и ревностнѣйшему, начитанному въ свято-отеческой литературѣ, предложилъ я написать рассказъ религіозно-нравственнаго содержания. Сначала мой интеллигентъ прямо испугался браться за дѣло, которымъ, по его мнѣнію, могутъ заниматься только батюшки да семинаристы, а потомъ все-таки рѣшил-

ся, не прыбытка ради, какъ часто пишемъ мы¹⁾, а больше чтобы отдѣлаться отъ моихъ приставаній; получилась прекрасная вещица, которую напечатали; просили сотрудничать. Какъ-то не приготавливаясь къ обычной проповѣди, я прочелъ молящимся послѣ богослуженія статью Е. Поселянина о Богоматери. Статья коротенькая и на проповѣдь мало похожа, но, написанная съ чувствомъ, она вызвала у молящихся слезы. Вѣдь вотъ, и не спеціалистъ, а попалъ въ самую точку народной души!

Пусть такихъ интеллигентовъ и не много, но, думаемъ, нѣкоторые изъ нихъ и на церковной каедрѣ куда были бы болѣе умѣстны, чѣмъ юный семинаристъ.

Это же устраненіе интеллигенціи замѣтно и въ дѣлѣ веденія церковнаго хозяйства. Преобладающій типъ церковнаго старосты въ городахъ—купецъ, въ деревняхъ сѣрый мужичекъ, хотя бы въ обоихъ случаяхъ были подходящіе интеллигенты. Выбираютъ старость сами прихожане, *но не безъ нашего вліянія*; къ интеллигентамъ въ качествѣ церковныхъ старостъ мы не привыкли; безпокойны они, имѣютъ на все свое сужденіе и иногда заводятъ „свои“ порядки. Между тѣмъ, въ смыслѣ инициативы, поддержанія новыхъ добрыхъ начинаній интеллигенты могутъ быть полезнѣе простячкова. Лучшій примѣръ тому староста Исаакіевскаго Собора въ Спб., стяжавшій себѣ славу изданіемъ религіозныхъ и патріотическихъ листовъ для народа отъ Исаакіевскаго собора. Въ моемъ приходѣ староста изъ крестьянъ, честный, усердный къ храму, и меня, своего пастыря, уважаетъ и любитъ, но стоитъ мнѣ задумать что-нибудь полезное для прихожанъ, требующее расхода отъ церкви, какъ мой добрякъ начинаетъ кряхтѣть и ворчать: „да на что оно“, „прежде этого не было“ и т. д. И это часто потому, что человѣкъ

---

¹⁾ Одинъ плодовитѣйшій писатель на просьбу написать что-нибудь для благотворительнаго сборника кратко отвѣтилъ: „я даромъ ничего не пишу“.

не въ силахъ понять и разобраться въ томъ, что ему предлагаютъ. Бываетъ и хуже. Больше это наблюдается въ сѣверныхъ губерніяхъ,—когда староста какой-либо именитый, зазнавшійся богачь-купчина не только позволяетъ себѣ ни во что ставить мнѣніе священника, но иногда и покрикивать на него. Съ интеллигентомъ столкнуться и установить правильныя безобидныя отношенія можно скорѣе, чѣмъ съ простымъ человѣкомъ.

Большую помощь вѣрующая интеллигенція могла бы оказать духовенству и въ устройствѣ организованной приходской благотворительности. Такой благотворительности у насъ почти не существуетъ. Постепенно это дѣло, бывшее въ древности въ рукахъ Церкви, у насъ перешло въ руки интеллигенціи, между тѣмъ такая благотворительность, при огромномъ въ настоящее время развитіи безработицы и нищеты, не только прямая обязанность Церкви, но и могучее религіозно-просвѣтительное и миссіонерское средство. Въ каждомъ крупномъ центрѣ есть одинъ, много два энергичныхъ пастыря, которые объединяютъ вокругъ себя часть вѣрующей интеллигенціи, располаютъ ее на жертвы, изъ ничего создаютъ крупныя благотворительныя учрежденія. Почему же этого не можетъ быть, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, вездѣ, въ каждомъ приходѣ, гдѣ, разумѣется, есть интеллигенція? И въ сочувствіи, и въ денежной помощи недостатка не будетъ,—нужно только горячо и громко призывать людей на дѣло любви и милосердія.

Свящ. В. П.

Великій постъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Съ полною несомнѣнностію древніе памятники говорятъ о сорокадневномъ постѣ предъ Пасхою только съ начала IV вѣка.

И первое по времени такого рода свидѣтельство есть тоже случайное, какъ и всѣ доселѣшнія,—упоминаніе о ней въ 5 правилѣ Никейскаго собора. Это правило назначаетъ для одного изъ двухъ соборовъ, которые должны ежегодно бывать въ каждой церкви, время „предъ Четыредесятницей“ (*προ τεσσαρακοστης*), указывая въ качествѣ основанія для такого срока, чтобы по устраненіи всякаго разномыслія ²⁾ былъ приносимъ Богу чистый даръ.

Историческій критицизмъ подкапывается, впрочемъ, и подъ это, казалось бы, такъ несомнѣнное свидѣтельство. Выставляемое соборомъ основаніе, говорятъ, не идетъ къ обосновываемому. „Принесеніе чистаго дара“ можетъ скорѣе означать безкровную жертву и причащеніе, чѣмъ постъ. Поэтому возникаетъ вопросъ, не нужно ли поставить здѣсь вмѣсто „Четыредесятницы“—„Пятидесятницу“. Антиохійскій соборъ 341 г. назначаетъ для провинціального собора дѣйствительно Пятидесятницу, именно 4-ю недѣлю ея... И этотъ срокъ позднѣе всюду оказывается общепринятымъ. При немъ между осеннимъ соборомъ (въ октябрѣ) и весеннимъ не было бы и такого малаго промежутка, и два собора были бы равномѣрнѣе распредѣлены во времени.

Но если бы и признать эти сомнѣнія въ неповрежденности 5 правила Никейскаго собора состоятельными, то цѣлый рядъ свидѣльствъ ближайшаго, непосредственно слѣдующаго времени не оставляютъ никакого сомнѣнія въ существованіи Четыредесятницы во времена 1-го вселенскаго

¹⁾ См. № 10-й за 1909 г.

²⁾ Слав. пер.: „неудовольствія“.

собора. Евсевій Кесарійскій († ок. 340 г.) пишетъ: „мы празднуемъ Пасху, принимая на себя сорокадневный подвигъ для приготовленія къ ней“; „до Пасхи мы 6 недѣль укрѣпляемъ себя сорокадневнымъ постомъ“¹⁾. Аѳанасій Великій († 373) упоминаетъ о Четырдесятницѣ въ пасхальномъ посланіи 330 года и въ другихъ сочиненіяхъ²⁾. Неоднократно упоминаетъ о ней и св. Кирилль Іерусалимскій († 386 г.)³⁾. Говоритъ о ней Лаодикійскій соборъ ок. 360 г. и св. Епифаній Кипрскій ок. 375 г.⁴⁾.

Это—на Востокѣ. На Западѣ первое свидѣтельство о ней находимъ только у св. Амвросія Медиоланскаго († 397 г.)⁵⁾. Нѣсколько позднѣе о ней говорятъ бл. Іеронимъ и Августинъ. У послѣдняго есть рядъ поученій на время ея. То обстоятельство, что на Западѣ свидѣтельства о Четырдесятницѣ начинаются позднѣе, чѣмъ на Востокѣ, знаменательно. Оно можетъ говорить за то, что сорокадневная продолжительность для предпасхальнаго поста тамъ принята позднѣе. Правда, Никейскій соборъ говоритъ о Четырдесятницѣ, какъ общеизвѣстномъ установленіи; но этотъ соборъ, хотя и вселенскій, состоялъ преимущественно изъ восточныхъ епископовъ. Но о западной практикѣ поста нужно говорить отдѣльно, такъ какъ съ самаго установленія тамъ Четырдесятницы Западъ пошелъ совершенно по другой дорогѣ въ разработкѣ и развитіи этого поста.

Переходъ отъ недѣльнаго поста къ сорокадневному былъ не такъ простъ и легко, чтобы могъ совершиться скоро и легко. Если свидѣтельство Оригена о Четырдесятницѣ и „Каноны Ипполита“ подлинны, то отъ первыхъ извѣстій о

¹⁾ De solenn. pasch. cap. 4, 5. Migne, S. gr. 24, 697.

²⁾ Окруж. посл. къ еписк. гл. 4. Апол. къ Констан. гл. 13.

³⁾ Огласит. сл. 4. Тайновод. 4.

⁴⁾ Излож. вѣры гл. 21.

⁵⁾ De Noe et arca c. 4; De Elia et jejum c. 10.

предпасхальномъ постѣ такой продолжительности до повсемѣстнаго распространенія Четырдесятницы прошло три четверти столѣтій.

Нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній у писателей тогдашняго времени бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на это постепенное распространеніе. Историкъ Сократъ (род. въ концѣ IV в.) въ своей „Церковной исторіи“ говоритъ: „Постъ предъ Пасхою въ разныхъ мѣстахъ соблюдается различно; именно въ Римѣ предъ Пасхою постятся непрерывно три недѣли, кромѣ субботы и дня Господня; а въ Иллиріи, во всей Греціи и Александріи держатъ постъ шесть недѣль до Пасхи и называютъ его Четырдесятницею; другіе же начинаютъ поститься за семь недѣль до праздника“ ¹⁾. Младшій современникъ Сократа Созоменъ въ своей Исторіи, сильно зависимой отъ Сократовой, повторяетъ это мѣсто изъ книги своего предшественника, но съ характерными добавленіями и измѣненіями: „Предшествующую празднику Пасхи такъ называемую Четырдесятницу, въ которую народъ постится, одни считаютъ въ шесть недѣль, напр., иллирійцы и христіане, живущіе на западѣ, вся Ливія и Египеть съ Палестиною, другіе въ семь, какъ жители Константинополя и окрестныхъ мѣстъ до Финикіи; въ продолженіе этихъ шести или свѣше недѣль нѣкоторые постятся три недѣли съ промежутками, другіе три недѣли сразу предъ праздникомъ, а иные только двѣ, какъ, напр., послѣдователи Монтана“ ²⁾.

То и другое свидѣтельства относятся къ тому времени, задолго до котораго цѣлый рядъ свидѣтельствъ, какъ мы видѣли, устанавливаетъ повсемѣстное распространеніе Четырдесятницы въ христіанскомъ мірѣ. Слѣд., и въ это время Четырдесятница не только далеко не опредѣлилась вполнѣ, но и не получила общаго признанія. По мѣстамъ вмѣсто нея существовалъ постъ, занимавшій по продолжительности

¹⁾ Кн. V, гл. 22.

²⁾ Кн. VII, гл. 19.

какъ разъ середину между древнимъ короткимъ, отъ 1 до 6 дней, предпасхальнымъ постомъ и Четырдесятницей, именно постъ двадцатидневный. При этомъ характерно, что послѣдняго рода постъ имѣеть мѣсто на Западѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, свидѣтельства о Четырдесятницѣ значительно опаздываютъ сравнительно съ Востокомъ. Отсюда есть нѣкоторое право заключить, что и вездѣ постъ меньшей продолжительности посредствовалъ переходъ отъ недѣльнаго поста къ сорокадневному. Знаменательно и то, что Созомень уже не называетъ въ качествѣ сторонниковъ трехнедѣльнаго поста Запада и въ частности Рима, хотя практика такого поста еще извѣстна ему. Возможно, что къ его времени Четырдесятница еще дальше отгѣснила прежнюю болѣе легкую, но и менѣе цѣнную практику¹⁾.

Но Сократъ и Созомень сохранили для насъ только отдаленные отголоски къ ихъ времени уже почти завершившагося распространенія Четырдесятницы. Между тѣмъ до насъ дошелъ документъ, такъ сказать бывший живымъ свидѣтелемъ постепеннаго утвержденія сорокадневнаго поста на мѣстѣ прежняго болѣе короткаго въ одной изъ виднѣйшихъ церквей древности. То такъ называемыя „пасхальныя посланія“ св. Аѳанасія Александрійскаго, современника того самого Никейскаго собора, одинъ изъ каноновъ котораго считается первымъ по времени достовѣрнымъ свидѣтельствомъ о Четырдесятницѣ. Въ первомъ изъ этихъ посланій 329 года совершенно не

---

¹⁾ Авторъ „Историческаго разсужденія о постахъ православной, восточной, католической Церкви (Москва 1837 г.)“ заподозриваетъ свидѣтельства Сократа и Созомена о различной продолжительности въ ихъ время предпасхальнаго поста въ неточности и даже въ намѣренномъ искаженіи истины, объясняя послѣднее расположеніемъ къ новаціанству: „имъ не могли нравиться положительные уставы Церкви; отсюда-то конечно произошло, что сочтено нужнымъ намѣренно и съ усиленіемъ изыскивать различіе въ обрядахъ Церкви и при семъ мѣшать полуистину съ правдою или съ ложью“ (стр. 17). Но изъ установленій Церкви новаціанамъ, тогдашнимъ ригористамъ христіанства, меньше всего могъ не нравиться сорокадневный постъ.

упоминается Четыредесятница, и начало „святого поста“ приурочивается къ понедѣльнику Страстной седмицы. Такъ какъ четвертое и пятое посланія 332—333 г. тоже предполагають этотъ порядокъ, тогда какъ въ двухъ предшествующихъ (2 и 3) имѣетъ мѣсто подлѣ или предъ Страстной недѣлей и Четыредесятница, то изъ перваго письма нельзя заключать, что Четыредесятница въ Египтѣ тогда еще не была извѣстна. Колебаніе показываетъ только, что тамошняя церковь находилась въ стадіи перехода отъ прежняго порядка къ новому. Такому предположенію сообщаетъ уже полную достовѣрность посланіе св. Аѳанасія къ Серапіону, присоединенное къ 11-му пасхальному посланію и написанное въ 340 году изъ Рима. Тмуисскому епископу, которому на время отсутствія александрійскаго архіепископа поручено было наблюденіе за всею египетскою церковью, въ этомъ посланіи предлагается „объявить братьямъ сорокадневный постъ и присоединить увѣщаніе къ нему, чтобы, когда весь міръ постигнется, мы одни, живущіе въ Египтѣ, не подвергались насмѣшкамъ за непощеніе и за то, что въ эти дни предаемся радости“. Въ 19-мъ посланіи отъ 346 года соблюденіе Четыредесятницы св. Аѳанасій уже представляетъ необходимымъ условіемъ къ достойному празднованію Пасхи, говоря: „кто пренебрегаетъ Четыредесятницей, кто какъ бы безъ вниманія и нечистымъ вступаетъ во святое святыхъ, тотъ не празднуетъ праздника Пасхи“¹⁾.

—

Было въ жизни Церкви III-го вѣка нѣсколько явленій, которыя могли побудить её удлинить предпасхальный постъ до 40 дней.

Первымъ изъ такихъ явленій было сильное развитіе въ этотъ вѣкъ отшельничества. Египетскіе, палестинскіе и сирійскіе отшельники впервые воочію и въ поразительныхъ размѣрахъ показали всему міру, какія чудеса можетъ сдѣ-

¹⁾ Funk, Kirchengesch. Abhandl. u. Untersuch. 264.

латъ надъ душою поста, поспѣшествуемый тѣми благодатными вліяніями, какія имѣеть на человѣка христіанство и какихъ лишены были языческія религіи, покровительствовавшія посту. Церковь убѣдилась на живыхъ примѣрахъ, какимъ могучимъ орудіемъ благодатнаго воздѣйствія и возрожденія владѣеть она въ видѣ поста. Естественно, что она пришла къ мысли возможно шире использовать это мало до сихъ поръ примѣнявшееся средство нравственнаго воспитанія.

Между тѣмъ обстоятельства времени и съ другой стороны направили вниманіе Церкви на это средство. То были тѣ же обстоятельства, которыя вызвали и самое отшельничество съ его постничествомъ. Именно: ослабленіе прежней христіанской ревности. Еще преп. Іоаннъ Кассіанъ († 435) такъ объяснялъ установленіе Четырдесятницы: „нужно знать, что это установленіе, Четырдесятница, пока въ Церкви оставалось нетронутымъ первобытное совершенство, совсѣмъ не существовало. Ибо тѣ, которые на всемъ протяженіи года ограничивали себя одинаковымъ постомъ не стѣсняли себя тѣсными рамками поста по требованію правила или по какой-либо санкціи закона. Но съ теченіемъ времени большинство вѣрующихъ, ослабѣвъ въ этомъ апостольскомъ рвеніи, ежедневно стали предаваться своимъ дѣламъ и не дѣлились своимъ имуществомъ со всѣми вѣрными сообразно съ установленіями апостоловъ, и, въ заботахъ исключительно о своихъ потребностяхъ, стремились не сохранять имущество только, подобно Ананіи и Сапфирѣ, но умножать его; тогда-то всѣ пастыри рѣшили призвать людей, связанныхъ житейскими заботами и почти (какъ я сказалъ) не знавшихъ воздержанія и покаянія, призвать къ святому дѣлу каноническимъ установленіемъ постовъ и потребовать принужденіемъ какъ бы законную десятину“¹⁾.

Болѣе непосредственной и конкретной причиной удлиненія предназначеннаго поста былъ такъ называемый катеху-

¹⁾ Collatio XXI, cap. 30.

менать, т. е. обычай долгаго и торжественнаго приготовленія ко крещенію желающихъ принять оное. Уже „Ученіе 12 апостоловъ“ требуетъ поста не только отъ готовящагося ко крещенію, но и Церкви, принимающей его въ свои нѣдра: „предъ крещеніемъ пусть постятся крещающій и крещаемый, и, если могутъ, нѣкоторые другіе; но крещающемуся прикажи, чтобы онъ напередъ постился день или два“¹⁾. О такомъ постѣ предъ крещеніемъ говорить и св. Іустинъ мученикъ: по нему, отъ готовящихся ко крещенію „требуется, чтобы они молились постясь и просили у Бога отпущенія прежнихъ грѣховъ; и мы вмѣстѣ съ ними молимся и постимся“²⁾. Извѣстныя огласительныя слова св. Кирилла Іерусалимскаго произнесены во время Четырдесятницы. 4-й Карфагенскій соборъ (399 г.) предписываетъ, чтобы имѣющіе креститься „по нареченіи имъ имени воспринимали крещеніе не сразу, а по долгомъ воздержаніи отъ вина и мяса, по возложеніи рукъ, и частомъ испытаніи“³⁾. Здѣсь нѣтъ указанія на сорокадневный срокъ такого подготовленія; но папа Сирицій († 398 г.) въ одномъ письмѣ замѣчаетъ, что крещаемымъ давалось имя именно за 40 дней до крещенія, и все это время они очищались заклинаніями, ежедневными молитвами и постами⁴⁾. Въ теперешнемъ уставѣ есть цѣлый рядъ слѣдовъ такого назначенія Четырдесятницы: ровно съ половины ея, со среды 4-й недѣлѣ поста, произносится на преждеосвященной литургіи кромѣ обычной ектеніи объ оглашенныхъ еще особая ектенія о „иже къ просвѣщенію (т. е. ко крещенію) готовящихся“⁵⁾; въ Великую субботу и всю недѣлю Пасхи поется вмѣсто Трисвятаго „Елицы во Христа креститесь“; апостоль на ли-

¹⁾ Гл. VII.

²⁾ Апологія II. Ср. Тертуліанъ „О крещеніи“.

³⁾ Правило 85.

⁴⁾ Epist. I ad Himerium. *Bingham* о. с. 119.

⁵⁾ Въ рукописныхъ уставахъ XVI в. Соловецкой и Московской Синодальной бібліотеки такая молитва полагается и на подныхъ великопостныхъ литургіяхъ—свв. Златоуста и Василія Вел.

тургии въ Великую субботу изъ чина крещенія; и паремій на этой литургии, между прочимъ, положено потому такъ много, что во время чтенія ихъ, какъ узнаемъ изъ устава Великой Константинопольской Церкви IX в. ¹⁾, патриархъ совершалъ крещеніе. Но болѣе всего замѣчательна въ этомъ отношеніи слѣдующая частность современнаго устава: въ Лазареву субботу положено тоже вмѣсто Трисвятого на литургии „Елицы во Христа креститесь“, тогда какъ въ Вербное воскресенье уже Трисвятое. Очевидно, въ Лазареву субботу по мѣстамъ тоже совершалось крещеніе оглашенныхъ и именно потому, что до нея отъ начала Великаго поста проходитъ какъ разъ 40 дней.

Приурочивъ къ Пасхѣ и ея посту, какъ священнѣйшему времени года, крещеніе, Церковь постепенно отнесла на это время и совершеніе двухъ другихъ таинствъ, требовавшихъ не меньше очистительнаго приготовленія, и ради этого послѣдняго удлинитъ постъ. Такъ было прежде всего съ покаяніемъ, этимъ вторымъ крещеніемъ.

Столь сложную и строгую въ первые вѣка дисциплину покаянія удобнѣе всего было примѣнять въ предпасхальный постъ. Уже Анкирскій соборъ (314—315 г.) временемъ какъ для принятія кающагося въ церковь, такъ и для перевода его изъ низшаго разряда покаянія въ высшій назначаетъ Пасху: „да примутся въ разрядъ слушающихъ писанія до великаго дня Пасхи“, постановилъ онъ относительно вкушавшихъ во время гоненій идоложертвенное ²⁾. По Григорію Нисскому († послѣ 394 г.) „въ день Пасхи мы не только приводимъ къ Богу тѣхъ, которые преобразованы возрожденіемъ въ благодатной купели, но и тѣхъ, которые чрезъ раскаяніе и обращеніе отъ мертвыхъ дѣлъ приступаютъ къ вѣчной

¹⁾ *Дмитріевскій А.* Описаніе литургическихъ рукописей, т. I. Топка. Кіевъ 1895, стр. 133.

²⁾ Правило 6.

жизни“¹⁾. Т. о. нынѣшній обычай говѣть въ Великій постъ возникъ едва ли не одновременно съ самимъ постомъ. Отсюда и покаянное преимущественно содержаніе богослуженія въ Великій постъ. Памятью о такомъ назначеніи Четыредесятницы въ римской церкви служить обрядъ такъ называемаго „благословенія пепла“ въ первый день римско-католической Четыредесятницы (въ среду первой недѣли нашего поста).

Когда оставлень былъ обычай еженедѣльнаго приобщенія св. Тайнами всѣхъ вѣрующихъ, Четыредесятница стала приготовленіемъ и къ достойному принятію этого таинства, которое приурочивалось то къ дню установленія его Спасителемъ—Великому четвергу, то къ Пасхѣ. „Нѣкогда многіе, говоритъ св. Златоустъ, легкомысленно и безъ разсужденія приступали къ св. Тайнамъ и даже въ тотъ день, когда Христосъ установилъ ихъ. Посему такъ какъ отцы видѣли, сколько получается вреда отъ безразсуднаго приступанія къ нимъ, согласившись назначили 40 дней поста...“²⁾, „чтобы, очистившись отъ грѣховъ, прилипшихъ всякимъ образомъ въ теченіе года, мы съ духовною бодростью стали причастниками этой безкровной Жертвы“³⁾. Въ другомъ мѣстѣ Златоустъ замѣчаетъ, что каждый въ его время пользовался Четыредесятницей „для должнаго приготовленія къ принятію на праздникъ Пасхи причащенія“. Бл. Иеронимъ тоже говоритъ, что „подвигомъ поста“ „Господь готовитъ души наши къ яденію тѣла Своего“⁴⁾. Памятью о древнемъ обычаѣ приобщаться всѣмъ на Пасху остался въ нынѣшнемъ богослуженіи причастенъ на Пасху „Тѣло Христово примите“, стихъ, хотя постоянно поющійся во время причащенія мірянъ, но въ качествѣ „причастна“ положенный только на Пасху.

¹⁾ Epist. canon. ad Letojum.

²⁾ Бес. 52 „о тѣхъ, которые въ Пасху постятся“.

³⁾ Бес. 22, „о гнѣвѣ“.

⁴⁾ Бес. 42.

Когда предпасхальный постъ изъ недѣльнаго сдѣлался сорокадневнымъ, ему осталось пройти еще одну стадію, чтобы получить тотъ видъ или вѣрнѣе ту продолжительность, какіе онъ имѣть въ настоящее время. Какъ извѣстно, нынѣ Великій постъ, хотя называется Четырешдсятницей, продолжается не 40 дней, а 48. Это потому, что Страстная недѣля не включается въ Четырешдсятницу, а разсматривается какъ самостоятельный постъ.

Такой порядокъ пощенія, можно думать, возникъ одновременно съ другой практикою, ограничивавшей постъ 40 только днями, слѣдовательно включавшей Страстную седмицу въ Четырешдсятницу. Изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ Сократа и Созомена мы узнаемъ точно, гдѣ и какой изъ этихъ порядковъ господствовалъ въ ихъ время. Практика шестинедѣльнаго поста принята была главнымъ образомъ въ Римѣ, но кромѣ него въ Иллиріи, Греціи, Египтѣ, а по Созомену, и въ Палестинѣ.

Гдѣ былъ принять шестинедѣльный постъ, тамъ его начинали въ понедѣльникъ шестой недѣли до Пасхи, т. е. съ понедѣльника второй недѣли нынѣшняго православнаго поста. Слѣдовательно вся нынѣшняя первая седмица поста при такой практикѣ не входила въ постъ. Памятью о такой практикѣ, которой не слѣдуетъ теперь и главная въ древности сторонница ея—римская церковь, въ этой послѣдней церкви осталось то, что тайная молитва этого понедѣльника, приходящагося теперь въ римской церкви шестымъ уже днемъ поста, начинается словами: „Жертву начала Четырешдсятницы торжественно приносимъ“¹⁾.

Что шестинедѣльный срокъ для пасхальнаго поста принять былъ кромѣ Рима и въ нѣкоторыхъ церквахъ Востока, объ этомъ кромѣ Сократа и Созомена есть и другія свидѣтельства, которыя вполне подтверждаютъ и точность топографическихъ указаній этихъ историковъ. Два вышеприве-

¹⁾ Missale romanum, dominica I Quadragesimae, feria secunda.

денныя свидѣтельства о Четырдесятницѣ Евсевія Кессарійскаго ясно даютъ понять, что автору извѣстенъ былъ предпасхальный постъ только сорокадневной продолжительности. Св. Аванасій Великій въ одномъ пасхальномъ посланіи даетъ такіе термины для предстоящаго пасхальнаго года: „сорокадневный постъ начнемъ 13-го фамемота (=9 марта): затѣмъ, завершивъ постъ, начинаемъ недѣлю св. праздника Пасхи [какъ видно изъ послѣдующаго—Страстную седмицу] 18-го фармути (13 апрѣля) и прекращаемъ ее [букв. „отдыхаемъ отъ нея“] 23-го же фармути, и затѣмъ 24-го празднуемъ воскресенье; а къ этимъ днямъ прибавляемъ 7 недѣль великаго праздника Пятидесятницы“. (Пасха, слѣдовательно, въ томъ году приходилась 19 апрѣля)¹⁾. Не бѣльшую продолжительность имѣлъ прелпасхальный постъ въ Александріи и при патріархѣ Теофілѣ (385—412), въ пасхальномъ посланіи котораго даны такіе термины: 30-го мехиря (24 февраля) начало поста, 5-го фармути (31 марта) Страстная седмица, 11 фармути (6 апрѣля)—Пасха²⁾.

Удлиненіе сорокадневнаго поста до 7 недѣль вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что въ число постныхъ дней не должны были включаться не только воскресенья, приходившіяся во время Четырдесятницы, но, по взгляду Восточной церкви, и субботы. Благодаря этимъ исключеніямъ предпасхальный постъ сорокадневной лишь продолжительности не давалъ бы 40 постныхъ дней и не отвѣчалъ бы идеѣ Четырдесятницы. При исключеніи однихъ воскресныхъ дней шестинедѣльный постъ, впрочемъ, давалъ все же знаменательное число 36 (6×6) которое папа Левъ Великій объяснялъ какъ десятину Богу отъ всего года³⁾. Но такъ какъ на Востокѣ и суббота была исключена изъ числа постныхъ дней, то, чтобы получить по крайней мѣрѣ число 36 для постныхъ

¹⁾ *Funck*, *ibid.* 265.

²⁾ Истор. разсужд. о постахъ, стр. 20, 58.

³⁾ Бес. на Четырдесятницу.

дней предпасхальнаго поста, нужно было удлинить его до 7 недѣль ($5 \times 7 = 35$; съ присоединеніемъ Великой субботы—36)¹⁾.

Между тѣмъ восточная церковь всегда держалась на субботу такого взгляда, что въ этотъ день поститься нельзя. Когда, вслѣдствіе отступленія римской церкви отъ этого древняго запрещенія, о немъ съ особенною настойчивостью стало напоминать восточное церковное законодательство²⁾, естественно, что и тѣ восточныя церкви, которые доселѣ имѣли шестинедѣльный постъ предъ Пасхой, приняли семинедѣльный. Въ той самой Іерусалимской Церкви, въ которой Евсевій и, пожалуй еще, Кирилль Іерусалимскій (говорившій въ Великую пятницу: „эти протекшіе дни Четырдесятницы“)³⁾ знаютъ сорокадневный постъ, паломница IV в. Сильвія изъ Аквитаніи констатируетъ уже 8 (!) недѣль предпасхальнаго поста. Если эта цифра сомнительна за свою величину, то Петръ, патріархъ Іерусалимскій 524—544 года свидѣтельствуемъ⁴⁾ о семинедѣльномъ постѣ въ своей церкви. Іоаннъ, епископъ Аѳинскій (ок. 680 года), и Анастасій, патріархъ Константинопольскій, въ энцикликѣ отъ 732 года свидѣлствуютъ о такомъ же постѣ въ Греціи. Общее распространеніе такой постъ на Востокъ долженъ былъ получить не позднѣе V вѣка, судя по тому, что апостольскія постановленія узаконяютъ его⁵⁾, а св. Епифаній Кипрскій († 403 г.) говоритъ о немъ, какъ общепризнанномъ въ Церкви⁶⁾.

¹⁾ Такъ считаетъ уже Кассіанъ. Collat. XXI, 27, 28.

²⁾ Правило св. апостоловъ 66. Трулльск. соб. пр. 55

³⁾ 18 оглас. слово, хотя слово „Четырдесятница“ могло быть у него уже terminus technicus.

⁴⁾ Въ посланіи св. Іоанна Дамаскина о постѣ есть ссылка на это свидѣтельство. Migne, s. gr. 95, 71—78.

⁵⁾ „Да совершается этотъ постъ (т. е. Четырдесятницы) прежде поста Пасхи, начинаясь съ понедѣльника, а оканчиваясь въ пятницу; потомъ начинайте св. седмицу Пасхи (Страстную), постясь во время ея со страхомъ и трепетомъ“ (кн. 5, гл. 1).

⁶⁾ „Четырдесятницу до 7 дней св. Пасхи (Страстной недѣли) церковь обыкновенно проводитъ въ постѣ; сверхъ того и шесть дней Пасхи (Страстную недѣлю) весь народъ проводитъ въ суходеніи“.

Съ твердымъ окончательнымъ и повсемѣстнымъ установленіемъ сорокадневной продолжительности поста онъ сталъ очень внушительнымъ по внѣшней своей величинѣ учрежденіемъ въ Церкви, чтобы въ очахъ послѣдней не выросло сильно и внутреннее его значеніе. Неудивительно, что писатели и писанія IV и V вѣковъ не находятъ словъ для изображенія всей важности и ненарушимости этого учрежденія.

Извѣстно, что уже и апостольскія правила, памятникъ, можетъ быть, древнѣе и IV в., подвергаютъ отъ имени св. апостоловъ клирика изверженію (изъ сана), а мірянина отлученію (отъ причастія, такъ какъ срокъ не указанъ, то явно—до исправленія) за несоблюденіе Четыредесятницы ¹⁾. „Кто изъ христіанъ не постится въ св. Четыредесятницу“, говоритъ св. Амвросій Медиоланскій († 397 г.), „тотъ обнаруживаетъ вѣроломство и упорство. Какой ты христіанинъ, если пресыщаешься въ то время, когда Господь постился?“ ²⁾. „Поститься въ другіе дни, говоритъ бл. Августинъ, есть лѣкарство или заслуга; не поститься въ Четыредесятницу—грѣхъ“ ³⁾.

М. Скабаллановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ 69 правило.

²⁾ Слово 40, на Крещеніе.

³⁾ Слово 62, о врем..

⁴⁾ По поводу столѣтняго юбилея со дня рожденія Гоголи.

Н. В. Гоголь, какъ христiанинъ ¹⁾.

Въ 1847 г. Гоголь издалъ книгу, настолько непохожую на его прежнія сочиненія, что даже близкіе его друзья, болѣе другихъ знакомые съ его внутреннимъ міромъ, увидѣли въ этой книгѣ результатъ коренного переворота, будто бы совершившагося въ душѣ поэта, отказъ его отъ его прежней художественной дѣятельности. Эта книга—„Выбраныя мѣста

¹⁾ 69 правило.

²⁾ Слово 40, на Крещеніе.

³⁾ Слово 62, о врем..

⁴⁾ По поводу столѣтняго юбилея со дня рожденія Гоголи.

изъ переписки съ друзьями“. Книга эта вызвала по адресу автора множество упрековъ, большей частью незаслуженныхъ. Такое враждебное отношеніе къ „Выбраннымъ мѣстамъ“, наиболѣе рѣзко высказанное Бѣлинскимъ, объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что Гоголь, придавая первостепенное значеніе не общественному устройству, а внутреннему усовершенствованію отдѣльныхъ личностей, и потому не задаваясь широкими общественными и государственными реформами, въ которыхъ видѣли все спасеніе Россіи представители русской интеллигенціи сороковыхъ годовъ,—въ своихъ въ своихъ письмахъ даетъ наставленія, какъ нужно лучше устроить жизнь при существующихъ условіяхъ, а съ другой стороны, тѣмъ, что въ тѣхъ же письмахъ Гоголь свои христіанскія обязанности ставитъ гораздо выше своего поэтическаго призванія, что и принято было, какъ осужденіе имъ своей прежней литературной дѣятельности. Но изданіе „Выбранныхъ мѣстъ“ могло показаться плодомъ переворота въ душѣ Гоголя только для тѣхъ, кто знакомъ былъ съ поэтомъ главнымъ образомъ по его художественнымъ произведеніямъ. Если же обратиться къ письмамъ Гоголя, изданнымъ послѣ его смерти, то нельзя не придти къ выводу, что настроеніе, выразившееся въ „Выбранныхъ мѣстахъ“, всегда было присуще Гоголю, хотя, конечно, развивалось постепенно. Эти письма, сохранившіяся болѣе или менѣе случайно, даютъ все же достаточно полную и цѣльную картину внутренней жизни поэта, какой совершенно нельзя найти въ его чисто художественныхъ произведеніяхъ. Читая многія изъ писемъ Гоголя, проникнутыхъ христіанскимъ смиреніемъ и даже самоуничиженіемъ, сосредоточивающихъ мысль на небесномъ и божественномъ, трудно повѣрить, что тому же автору принадлежатъ сверкающія неподдѣльнымъ юморомъ, высоко-художественныя описанія земныхъ мелочей и пошлостей. Если Гоголь писалъ о Пушкинѣ: „нѣкоторые стали печатно объявлять, что Пушкинъ былъ деистъ, а не христіанинъ; точно какъ будто бы они побывали въ душѣ Пушкина, точно какъ

будто бы Пушкинъ' непременно обязанъ былъ въ стихахъ своихъ говорить о высшихъ догматахъ христіанскихъ, за которые и самъ святитель Церкви принимается не иначе, какъ съ великимъ страхомъ, приготова себя къ тому глубочайшею святостью своей жизни... Пушкинъ слишкомъ разумно поступалъ, что не дерзалъ переносить того, чѣмъ еще не прониклась вся насквозь его душа¹⁾,—то тѣмъ съ большимъ правомъ то же самое слѣдуетъ сказать о немъ самомъ. Издавая и въ послѣдніе годы своей жизни свои прежнія сочиненія, Гоголь уже тѣмъ самымъ показывалъ, что онъ вовсе не отказывается отъ нихъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ признавалъ, что въ нихъ далеко не выражено то, что онъ, какъ одаренный отъ Бога особымъ талантомъ, былъ обязанъ высказать русскому обществу, и что онъ надѣялся, къ сожалѣнію безуспѣшно, представить во второй части своихъ „Мертвыхъ душъ“.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Гоголь говоритъ: „внутренно я не измѣнялся никогда въ главныхъ моихъ положеніяхъ; съ 12-лѣтняго, можетъ быть, возраста я иду тою же дорогою, какъ и нынѣ, не шатаюсь и не колеблюсь никогда во мнѣніяхъ главныхъ“²⁾. Дѣйствительно, сдѣлавшіяся въ его послѣдующихъ письмахъ господствующими мысли о покорности волѣ Божіей, о благотворности страданій, о величій христіанскаго смиренія и т. д. встрѣчаются и въ его болѣе раннихъ письмахъ, хотя высказываются сравнительно рѣже, — главнымъ образомъ, по поводу наиболѣе выдающихся событій его жизни. Такъ, по случаю смерти отца (въ 1825 г.), Гоголь пишетъ матери: „благословляю тебя, священная вѣра! въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести“,—и немного далѣе: „прибѣгните, такъ какъ

¹⁾ „Выбр. мѣста...“, 396—397 стр. „Выбранныя мѣста“... и „Авторская исповѣдь“ цитируются по изд. 1867 г., Москва, т. III, а письма—по изд. П. А. Кулиша, Сиб., т. V и VI.

²⁾ VI, 73 стр.

я прибѣгнулъ, къ Всевышнему“¹⁾. Ей же онъ пишетъ изъ Петербурга (въ 1829 г.); по поводу своихъ колебаній относительно выбора того или иного жизненнаго пути: „я чувствую налегшую на меня справедливымъ наказаніемъ тяжкую десницу Всемогущаго... безумный! я хотѣлъ было противиться этимъ вѣчно-неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня“²⁾. Съ теченіемъ времени въ письмахъ Гоголя земные, житейскіе интересы все болѣе отступаютъ на задній планъ, а первое мѣсто занимаютъ религіозно-нравственныя мысли.

Насколько все міровоззрѣніе Гоголя было проникнуто религіознымъ духомъ, можно видѣть изъ того, что онъ самыя разнообразныя явленія жизни разсматривалъ и оцѣнивалъ съ религіозно-нравственной точки зрѣнія. Такъ, о театрѣ онъ пишетъ: „среди свѣта есть много такого, что для всѣхъ, отдалившихся отъ христіанства, служитъ незримою ступенью къ христіанству; въ томъ числѣ можетъ быть и театръ, если будетъ обращенъ къ своему высшему назначенію“³⁾. Богатство, по мнѣнію Гоголя, зависитъ отъ нравственнаго совершенства народа: „въ которую деревню заглянула только христіанская жизнь, тамъ мужики лопатами гребутъ серебро“⁴⁾. Относительно же бѣдности Гоголь пишетъ сестрѣ: „милая сестра моя, люби бѣдность; тайна великая скрыта въ этомъ словѣ: кто полюбитъ бѣдность, тотъ уже не бѣденъ, тотъ богатъ... не даромъ Богъ не хочетъ, чтобы иные люди были богаты: трудно богатому спастись“⁵⁾. Въ воспитаніи религія должна занимать видное мѣсто. „Внушите ей правила религіи“, пишетъ Гоголь матери относительно своей младшей сестры Ольги: „это фундаментъ всего... говорите, что Богъ

¹⁾ V т., 19 стр.

²⁾ V т., 85 стр.

³⁾ „Выбр. мѣста...“, 391 стр.

⁴⁾ Ibid., 450 стр.

⁵⁾ VI т., 536 стр.

все видеть, все знаетъ, что она ни дѣлаетъ; говорите ей поболѣе о будущей жизни, опишите всеми возможными и правящимися для дѣтей красками тѣ радости и наслажденія, которыя ожидаютъ праведныхъ, и какія ужасныя жестокія муки ждутъ грѣшныхъ“ ¹⁾). Даже въ хозяйствѣ не слѣдуетъ забывать религіозно-нравственной стороны. Гоголь говоритъ, напр., что, если собирать деньги за проѣздъ черезъ греблю или мостъ, то этотъ сборъ долженъ идти въ пользу бѣдныхъ. „А потому и мужикъ, приставленный при такомъ сборѣ, долженъ объ этомъ говорить всякій разъ тѣмъ, съ которыхъ беретъ деньги, и попросить ихъ сказать свое имя, чтобы знали бѣдные, о комъ слѣдуетъ имъ помолиться и о комъ просить Бога“ ²⁾).

Тѣмъ болѣе религіозно-нравственнымъ характеромъ должно быть проникнуто исполненіе главнаго дѣла, которому человѣкъ посвящаетъ свою жизнь. Такимъ дѣломъ для интеллигентнаго человѣка Гоголь считаетъ службу въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. всякое занятіе, имѣющее общественное значеніе, приносящее пользу обществу и государству. Гоголь называетъ блаженнымъ того мужа, который, „взявши какое бы то ни было мірское мѣсто и званіе, служить на немъ не для міра и не для своей почести, и не ждетъ ни отъ кого изъ людей за это награды, но, какъ святыню, обнявши долгъ свой, умѣетъ перенести все и не оставить своего мѣста ни въ какомъ случаѣ, какія бы ни наносили ему оскорбленія, не переносимыя для человѣческой гордости, помня только то, что не для себя, не для своего счастья, для счастья другихъ онъ взялъ свое мѣсто, и не для удовлетворенія своей гордости, а для защиты другихъ долженъ онъ пребывать на немъ, не ради какой-либо признательности и хвалы міра, а ради Христа, представшаго предъ него въ видѣ страждущихъ несчастливцевъ, молящихъ

¹⁾ V т., 186 стр.

²⁾ VI т., 291 стр.

и простирающихъ изнуренныя отъ бесплодныхъ простираній руки“¹⁾. Но такъ поступать можетъ только истинный христіанинъ: „тому, кто пожелаетъ истинно честно служить Россіи, нужно имѣть очень много любви къ ней, которая бы поглотила уже всѣ другія чувства,—нужно имѣть много любви къ человѣку вообще и сдѣлаться истиннымъ христіаниномъ, во всемъ смыслѣ этого слова“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ Гоголь говорить: „если взглянешь на мѣсто и должность, какъ на средство къ достиженію не цѣли земной, но цѣли небесной, въ спасеніе своей души,—увидишь, что законъ, данный Христомъ, данъ какъ бы для тебя самого.., чтобы ясно показать тебѣ, какъ быть на своемъ мѣстѣ во взятой тобою должности... Стоитъ только всѣхъ людей, съ которыми происходятъ у тебя частыя, наищекотливѣйшія неприятели, обратить именно въ тѣхъ самыхъ ближнихъ и братьевъ, которыхъ повелѣваетъ больше всего прощать и любить Христосъ“³⁾. Человѣкъ, относящійся такимъ образомъ къ своему дѣлу, можетъ принести пользу на всякомъ поприщѣ: „если только хотя сколько-нибудь умѣешь цѣнить человѣка и понимать его достоинство, которое въ немъ бываетъ даже и среди множества недостатковъ, и если при этомъ хотя сколько нибудь имѣешь истинной христіанской любви къ человѣку и, въ заключеніе, проникнуть точно любовью къ Россіи,—то на всякомъ мѣстѣ можно сдѣлать много добра“⁴⁾.

Своимъ дѣломъ, своей службой, къ которой онъ предназначенъ Самимъ Богомъ, Гоголь считалъ литературную дѣятельность. Какъ всякій великій художникъ, Гоголь испытывалъ высокое наслажденіе во время творческой работы: едва ли есть высшее изъ наслажденій, какъ наслажденіе творить“⁵⁾, говорить онъ. Онъ чувствовалъ призваніе къ

¹⁾ VI т., 162 стр.

²⁾ „Авторск. исповѣдь“, 573 стр.

³⁾ Ibid., 595 стр.

⁴⁾ Ibid., 594 стр.

⁵⁾ Ibid., 592 стр.

творчеству и сознавалъ въ себѣ способность творить, которая вложена въ него Богомъ и потому обязываетъ его къ употребленію ея въ дѣло: „способность созданія есть способность великая, если только она оживотворена благословеніемъ высшимъ Бога; есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю ее, какъ слѣдуетъ, въ дѣло“¹⁾. Однако Гоголь окончательно рѣшилъ посвятить себя художественному творчеству только тогда, когда пришелъ къ мысли, что на этомъ поприщѣ онъ можетъ принести своимъ согражданамъ гораздо больше пользы, чѣмъ на какомъ-либо другомъ: „долгъ писателя—не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу; строго взыщется съ него, если отъ сочиненій его не распространится какая-нибудь польза душѣ и не останется отъ него ничего въ поученіе людямъ“²⁾. Цѣль своей литературной дѣятельности Гоголь самъ опредѣляетъ такъ. „Я думалъ, что если я, съ моимъ умѣньемъ изображать живо характеры, узнаю лучше многія вещи въ Россіи и то, что дѣлается внутри ея, то я введу читателя въ большее познаніе Русскаго человѣка. А если я самъ, по милости Божіей, проникнусь болѣе познаніемъ долга человѣка на землѣ и познаніемъ истины, то отъ этого нечувствительно и въ сочиненіи моемъ добрые русскіе характеры и свойства людей получаютъ привлекательность, а нехорошіе—такую непривлекательность, что читатель не влюбитъ ихъ даже и въ себѣ самомъ, если отыщется“³⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь вполне понималъ, что писатель, прежде чѣмъ сдѣлаться наставникомъ другихъ, долженъ самъ сначала стать гораздо выше ихъ, что проповѣдь добра и истины требуетъ большой подготовки: „обращаться съ словомъ нужно честно; оно есть высшій подарокъ Бога человѣку; бѣда произносить его писателю въ тѣ поры..,

¹⁾ VI т., 346 стр.

²⁾ „Выбр. мѣста...“, 336 стр.

³⁾ VI т., 443 стр.

когда не пришла еще въ стройность его собственная душа.., тогда съ самымъ чистѣйшимъ желаніемъ добра можно сдѣлать зло“¹⁾). Поэтому Гоголь рѣшилъ, что нужно заняться собственнымъ религиозно-нравственнымъ воспитаніемъ, чтобы имѣть возможность стоять на высотѣ своей идеи: нужно было мнѣ самому состроиться и создаться прежде, чѣмъ думать о томъ, дабы состроились и создались другіе; нельзя изглашать святыни, не освятивши прежде сколько-нибудь свою собственную душу, и не будетъ сильно и свято наше слово, если не освятимъ самыя уста, произносящія слово“²⁾). Эта потребность нравственнаго усовершенствованія привела Гоголя къ стремленію сдѣлаться истиннымъ христіаниномъ, всецѣло проникнуться духомъ Христовымъ, такъ какъ безъ Христа, по его убѣжденію, невозможно улучшение человѣка: „если кто-нибудь только помыслить о томъ, чтобы сдѣлаться лучшимъ, то онъ уже непремѣнно потомъ встрѣтится со Христомъ, увидѣвши ясно какъ день, что безъ Христа нельзя сдѣлаться лучшимъ“³⁾). Литературная дѣятельность еще и съ другой стороны побуждала Гоголя къ наиболѣе глубокому усвоенію христіанства. Писателю необходимо быть хорошо знакомымъ съ душевной жизнью человѣка, а наилучшее освѣщеніе этой жизни Гоголь нашель также въ христіанствѣ. „Все“, говоритъ онъ, „гдѣ только выражалось познаніе людей и души человѣка, отъ исповѣди свѣтскаго человѣка до исповѣди анахорета и пустытника, меня занимало, и на этой дорогѣ, нечувствительно, почти самъ не вѣдая какъ, я пришелъ ко Христу, увидѣвши, что въ Немъ ключъ къ душѣ человѣка, и что еще никто изъ душезнателей не всходилъ на ту высоту познанія душевнаго, на которой стоялъ Онъ... Жизнь я преслѣдовалъ въ ея дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія, и пришелъ къ Тому, Кто есть источ-

¹⁾ „Выбр. мѣста...“, 348 стр.

²⁾ VI стр., 175 стр.

³⁾ VI т., 395 стр.

никъ жизни“¹⁾. Внутреннее самоусовершенствованіе въ духѣ христіанства настолько овладѣло душою Гоголя, что сдѣлалось для него главной цѣлью жизни, отстранивши даже художественную дѣятельность на второй планъ. „Скажу тебѣ“, писалъ Гоголь П. А. Плетневу въ 1846 г., „что не дѣло литературы и не слава меня занимала въ то время, какъ ты думалъ, что онѣ только и составляютъ жизнь мою... дупа и дѣло душевное меня занимали“²⁾. Дѣйствительно, Гоголь достигъ такой высоты, если, быть можетъ, и не жизни христіанской (о жизни человѣка довольно трудно судить по его письмамъ), то во всякомъ случаѣ, сознанія и настроенія христіанскаго. возвыситься до которой доступно далеко не всякому.

Какъ истинный христіанинъ, Гоголь былъ постоянно и всецѣло проникнуть мыслью о полной зависимости человѣка и всей его судьбы отъ воли Божіей. Въ своихъ письмахъ онъ много разъ высказываетъ свое убѣжденіе, что все, совершающееся въ жизни человѣка, зависитъ отъ Бога и потому ведетъ къ лучшему, что „ни на малое время не оставляетъ человѣка Тотъ, Кто его создалъ.., безъ воли Котораго ничего не дѣлается на свѣтѣ“³⁾. Во всѣхъ бѣдствіяхъ и напастяхъ Гоголь находить утѣшеніе въ мысли, что такъ угодно Богу, что, „отнимая мудрость земную, Онъ даетъ мудрость небесную; отнимая зрѣніе чувственное, даетъ зрѣніе духовное, съ которымъ видишь тѣ вещи, передъ которыми пыль всѣ вещи земныя; отнимая временную, ничтожную жизнь, даетъ намъ жизнь вѣчную, которая передъ временною то же, что все передъ ничто“⁴⁾. Это сознаніе постояннаго руководства со стороны всеблагаго Промысла вызывало въ поэтѣ радостное чувство благодарности Богу: „вся

¹⁾ „Авт. исп.“, 576, 577—578 стр.

²⁾ VI т., 237 стр.

³⁾ „Авт. исп.“. 598—598 стр.

⁴⁾ VI т., 185 стр.

наша жизнь“, пишет онъ, „должна быть немолкаемой, радостной и вѣсней благодаренія Богу; о, если бы сдѣлать такъ, чтобы никогда и времени не доставало для всякихъ другихъ рѣчей, кромѣ ликующихъ рѣчей вѣчной признательности Богу“¹⁾. Замѣчательно, что приведенныя слова написаны поэтомъ 22-го декабря 1851 г., т. е. за два мѣсяца до его смерти, когда его тѣлесныя страданія достигали высшей степени.

Признавая полную зависимость человека отъ Бога, Гоголь придавалъ большое значеніе молитвѣ. Въ своихъ письмахъ онъ часто проситъ своихъ родныхъ и знакомыхъ молиться за него, обѣщая, съ своей стороны, молиться за нихъ. О себѣ поэтъ говоритъ: „безъ молитвы не приступаю ни къ чему“²⁾; онъ вѣритъ, что молитва помогаетъ всякому дѣлу: „Богъ какъ-то особенно любитъ молитву во время труда, и потому особенно успѣвается во всемъ и удается, кто во всякомъ дѣлѣ ограждаетъ себя крестомъ и говоритъ внутренно: Господи, помоги“³⁾. Молитва является и лучшимъ утѣшеніемъ въ страданіяхъ: „есть средство въ минутахъ трудныхъ, когда страданія душевныя или тѣлесныя бывають невыносимо мучительны; его добылъ я сильными душевными потрясеніями... если найдете такое состояніе, бросайся въ плачь и слезы, молись рыданіемъ и плачемъ“⁴⁾. Но такое благотворное дѣйствіе молитва можетъ имѣть только въ томъ случаѣ, если она является плодомъ молитвеннаго настроенія, проникающаго все силы души. „Молитва не есть словесное дѣло; она должна быть отъ всехъ силъ души и всеми силами души; безъ того она не возлетитъ. Молитва есть восторгъ. Если она дошла до степени восторга, то она уже проситъ о томъ, чего Богъ хочетъ, а не о томъ, чего мы хотимъ“⁵⁾.

И. Гумилевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ VI т., 548 стр.

²⁾ „Выбр. мѣста...“, 423 стр.

³⁾ V т., 443 стр.

⁴⁾ VI т., 47 стр.

⁵⁾ VI т., 31 стр.

ЗАМѢТКА.

Рѣдкая кончина.

6 января священникъ села Шкелетова, Двинскаго у., Витебской губ., о. Василій Назаревскій, совершивъ литургію и освященіе воды на озерѣ, отстоящемъ на разстояніи одной версты отъ приходскаго храма, возвращался съ крестнымъ ходомъ обратно, но, не доходя нѣсколькихъ шаговъ до церкви, лишился сознанія. Прихожане на своихъ рукахъ внесли его въ церковь. Очнувшись, о. Назаревскій спросилъ: „Гдѣ я?“ Ему отвѣтили: „Батюшка, вы въ храмѣ“. О. Василій обвелъ глазами храмъ и сказалъ: „Хорошо; теперь освободите меня“, и тутъ же спокойно, въ полномъ священническомъ облаченіи и при раскрытыхъ царскихъ вратахъ, отошелъ въ вѣчность. Такая кончина о. Назаревскаго произвела глубокое впечатлѣніе не только на православныхъ, но и на старообрядцевъ, среди которыхъ покойный пользовался большимъ уваженіемъ за благоговѣйное совершеніе богослуженія. По просьбѣ прихожанъ, мѣстный епископъ Серафимъ разрѣшилъ похоронить покойнаго въ храмѣ на мѣстѣ его кончины.

„Русская Пр.“ сообщаетъ, что о. Назаревскій прослужилъ на одномъ мѣстѣ въ санѣ священника въ самомъ бѣдномъ приходѣ епархіи 35 лѣтъ. Въ день кончины свою престарѣлую жену съ двумя младшими сыновьями онъ отправилъ (чего раньше никогда не дѣлалъ) въ сосѣднее село къ священнику, прося непременно вечеромъ привезти и послѣдняго.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 9-го марта 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 12

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года марта 22-го дня.

Содержаніе: I. Ис. 53, 8. А. Волнина.—II. Великій постъ (Продолженіе).
М. Скабаллаевича.—III. Достойный подражанія примѣръ. Н.
У—въ.—IV. Замѣтка. Союзъ юношества въ посадѣ Воронкѣ, Старо-
дубскаго уѣзда.

Ис. 53, 8.

„Во смиреніи Его судъ Его взятъ;
родъ же Его кто исповѣсть“.

Не много найдется въ книгѣ пр. Исаи мѣстъ, равныхъ приведенному по затруднительности истолкованія. Не легко поддается уясненію даже общая мысль даннаго полустушія, и можно только съ вѣроятностью сказать, и то послѣ сличенія греко-славянскаго чтенія его съ чтеніемъ мѣста въ другихъ переводахъ и въ еврейскомъ текстѣ, что здѣсь дано пророкомъ первое въ представленной имъ картинѣ страданій Мессіи обозначеніе прославленія Его послѣ страданій, притомъ такого прославленія, созерцаніе котораго повергаетъ пророка въ изумленіе предъ открывающимся духовнымъ очамъ его величіемъ Мессіи, недовѣдомымъ и неизъяснимымъ...

Но изъ греко-славянскаго чтенія полустишія, особенно же изъ чтенія первой половины его, и эта общая мысль не выступаетъ выпукло. Здѣсь несоотвѣтствіе перевода LXX-ти, а за нимъ и нашего церковно-славянскаго, еврейскому тексту настолько значительно, что не безъ основанія иные предпо- лагаютъ, что греческіе переводчики имѣли подъ руками дру- гой еврейскій текстъ, не тотъ, какой сохранился до насъ и отразился въ большинствѣ древнихъ и новыхъ библейскихъ переводовъ.

Въ отеческой экзегетической литературѣ сложилось тол- кованіе греческаго чтенія даннаго мѣста въ томъ смыслѣ, что несправедливый судъ надъ Нимъ (Мессіей) состоялся при смиреніи съ Его стороны (Злат., бл. Иеронимъ и др.), и это толкованіе проникло въ нашъ русскій переводъ Библии, но не при передачѣ 53-й главы, а при передачѣ цитаты изъ нея въ кн. Дѣяній, гдѣ наше мѣсто читается по-русски такъ: „Въ уничиженіи Его судъ совершился“ (8, 33). Слова про- рока въ этомъ чтеніи и толкованіи будутъ обозначать все еще страданія кроткаго Отрока Господня, не касаясь про- славленія Его. Но если разсматривать греческое чтеніе дан- наго мѣста независимо отъ этого сложившагося толкованія, то оно не исключаетъ и другого пониманія, не менѣ есте- ственнаго, но при этомъ ближе отвѣчающаго прямому зна- ченію греч. глагола ἦρθη и смыслу еврейскаго текста. Гла- голь ἦρθη (аор. стр. отъ αἶρω=поднимаю, беру) едва ли зна- чить здѣсь—состоялся, совершился. Этотъ переводъ не вы- ражаетъ страдательнаго значенія его, каковымъ могло бы быть, какъ допускаетъ бл. Иеронимъ, напр., значеніе—былъ взятъ, или же—былъ уничтоженъ. Отсюда греческій текстъ допускаетъ переводъ: „въ уничиженіи Его судъ Его былъ взятъ“, т. е. можетъ давать и такую мысль, говоря словами названнаго учителя, что „послѣ напасти и суда Онъ возшелъ къ Отцу побѣдителемъ“. При такомъ переводѣ уничтожается одна изъ точекъ разстоянія между греческимъ переводомъ мѣста и чтеніемъ его въ еврейскомъ текстѣ, совершенно

точно передаваемомъ въ Русской Библии такъ: „Отъ узъ и суда Онъ былъ взятъ“.

Въ еврейскомъ текстѣ предъ тѣмъ и другимъ существительнымъ стоитъ одинъ и тотъ же предлогъ (*min*), не удержанный греческими переводчиками при второмъ существительномъ „судъ“, которое занимаетъ у нихъ въ предложени мѣсто подлежащаго. Обычное значеніе этого предлога—отъ, изъ. LXX переводчиковъ, не передавшіе его, а можетъ быть, и не читавшіе его во второмъ случаѣ употребленія, въ первомъ усвоили ему причинное значеніе *ἐν*=въ, при („во смиреніи“), которое вообще можетъ принадлежать ему, но которое трудно оправдать въ нашемъ мѣстѣ, если читать предлогъ въ обоихъ случаяхъ, какъ читаютъ его еврейскій текстъ и всѣ переводы, кромѣ греко-славянскаго и арабскаго. Правда, существуютъ попытки придать ему здѣсь причинное значеніе. Напр., объясняютъ наше мѣсто такъ: „по причинѣ“, или „вслѣдствіе узъ и суда Онъ былъ взятъ“,—или: „въ заключеніе, въ довершеніе угнетенія и суда Онъ былъ взятъ“ и пр.,—причемъ предполагается, что страдающій Отрокъ берется на смерть. При такомъ толкованіи, глаголу „взятся=былъ взятъ“ усвоится тенденція обозначенія злонамѣренно-подготовительнаго дѣйствія къ казни Отрока, а все выраженіе пророка получаетъ опять же смыслъ обозначенія все еще проявленія человѣческаго насилія надъ Нимъ, а никакъ не прекращенія или пріостановки этого насилія и мученій божественнаго Страдальца. Но мы думаемъ, что какъ общій контекстъ мѣста, такъ и отдѣльныя слова пророка, даже глаголь „взятся=былъ взятъ“ не благопріятствуютъ такому пониманію.

Мысль пророческая, доселѣ сосредоточенная въ пророчествѣ 53-й гл. на изображеніи страданій Отрока Господня, съ 8 ст. 53-й гл. начинаетъ замѣтно отклоняться въ другую сторону, вращается уже между фактомъ жестокихъ страданій, понесенныхъ Мессіей, и тѣмъ прославленіемъ, какого Онъ удостоивается отъ Бога послѣ страданій. Пророкъ созерцаетъ,

какъ въ разгаръ злодѣяній, чинимыхъ надъ Отрокомъ, вмѣшивается высшая божественная сила и разстраиваетъ злые планы мучителей. Наиболѣе ясно это выражено въ первый разъ въ 9 ст.: „и дамъ лукавая вмѣсто погребенія Его“ и пр.; по-русски: „Ему назначали гробъ съ злодѣями, но Онъ погребенъ у богатаго“. Но было бы несправедливо оставлять безъ вниманія, что эта же божественная сила, а не земной злой дѣятель, предпочтительно предполагается уже и въ 8 ст.—въ словахъ пророка: „яко вземлется отъ земли животъ Его“,—именно сила, обращающая во благо для Отрока злобное насиліе надъ Нимъ со стороны мучителей. А греко-слав. глаголь „вземлется“ совершенно параллеленъ глаголу разбираемаго мѣста „взятся“, что заставляетъ предполагать, что и здѣсь субъектомъ его разумѣется не воля мучителей, а воля Божія, что не о взятіи Отрока къ новымъ мученіямъ идетъ здѣсь рѣчь, а объ изыятіи Его, конечно Богомъ, отъ мученій, уже понесенныхъ Имъ.

Въ томъ же можемъ убѣдиться и изъ анализа понятій „узы“ и „судъ“. Слово „судъ“ (евр. *mischpat*) обозначаетъ здѣсь несправедливое судопроизводство, по которому страждущій Отрокъ пристрастно обвиняется и судится, какъ достойный смерти и уже предназначенный къ ней (сн. Втор. 21, 22), т. е. обозначаетъ насиліе, скрывающееся подъ формальностями съ виду законсообразнаго судебного процесса. Значеніе слова, какъ видно, позволяетъ подразумѣвать дѣятелями такого суда злыхъ мучителей Отрока и подъ судомъ разумѣть всю совокупность насилія ихъ надъ Нимъ включительно до осужденія на казнь и самаго закланія (ср. 7 ст.). Другое евр. слово (*ohsef*), соотвѣтствующее русскому „узы“, означаетъ не мѣсто заключенія (въ такомъ значеніи оно употреблено только однажды, въ Притч. 30, 16: „безплодіе утробы“, т. е. предполагаемое вмѣстилище плода), а угнетеніе или стѣсненіе (жизненныхъ силъ), какъ состояніе, при томъ не только внѣшнее, причиняемое и вызываемое внѣшнею силою, а и внутреннее, скорбь и тугу души (Ис. 107,

9: скорбь золь и болѣзней). Въ этомъ послѣднемъ значеніи, именно смиренія или уничтоженія Отрока Господня, повидимому, брали это слово LXX переводчиковъ. Но оба момента въ значеніи слова удобно можно удержать, передавъ его на нашъ языкъ словомъ „тѣснота“ (еп. Петръ въ Объясн. кн. св. пр. Исаи). Тѣснота въ примѣненіи къ божественному Страдальцу будетъ обозначать и внѣшнюю подверженность Его насилію со стороны мучителей (на неправедномъ судѣ ими Его и въ результатѣ этого суда), и внутреннее страданіе Его, смиренно и съ кротостью переносимое. Такимъ образомъ, и это слово можетъ обнимать всю совокупность страданій Мессіи включительно до закланія. Упомянутое о веденіи Его на закланіе, высказанное пророкомъ въ предыдущемъ 7 ст., даже и обязываетъ разумѣть этотъ заключительный актъ насилія въ понятіяхъ „узы“ и „судь“. А разъ это такъ, то нѣтъ ни нужды, ни даже основаній искать въ глаголѣ „взятся“ подчеркнутаго указанія на взятіе Отрока Господня на смертную казнь. Естественнѣе разумѣть при этомъ глаголѣ иного субъекта дѣйствія, не того, какой проявлялъ себя въ причиненіи Отроку тѣсноты и суда неправеднаго. Въ предлогѣ *min* (изъ) выступаетъ даже замѣтная противоположность между этими дѣятелями, и эту противоположность усматривали здѣсь уже нѣкоторые раввины (Абенезра и Кимхи), объяснявшіе мѣсто, примѣнительно къ израилю, въ смыслѣ освобожденія его отъ мукъ и страданій въ плѣну. Конечно, говоря о противоположности между дѣятелями, мы не хотимъ этимъ сказать, что узы и судъ надъ Отрокомъ стояли совершенно внѣ воли Божіей и не входили въ сферу ея вседержительства. Разсматриваемые въ отношеніи къ божественной волѣ, „судъ“ есть отображеніе вѣчнаго и таинственнаго опредѣленія правды Божіей о перенесеніи съ насъ на Отрока Господня нашихъ грѣховъ и наказанія за нихъ (53, 5. 8^b 10), а „узы—тѣснота“ есть именно внутреннее угнетеніе, скорбь и туга души, сознающей и чувствующей всю строгость и тяжесть этого опредѣленія божественной воли (Евр. 5, 7).

Итакъ, Отрокъ Господень „отъ узъ и суда былъ взять“, въ смыслѣ—изъять, избавленъ. Въ страданіяхъ Отрока наступилъ моментъ, когда опредѣленіе правды Божіей, проявившись по поущенію Божію въ угнетеніи Его и неправедномъ судѣ надъ Нимъ, уже исполнилось, и проявленія чловѣческаго насилія надъ Нимъ принимали бы дальше размѣры, которыхъ уже не могли потерпѣть правда Божія и любовь Божія къ Отроку. Въ этотъ моментъ Онъ изъемлется отъ угнетенія и суда. Но мысль пророка, кажется, не исчерпывается здѣсь простымъ указаніемъ на избавленіе страждущаго Отрока отъ понесенныхъ Имъ страданій, хотя и оно уже составляетъ начало прославленія Его. По параллели съ выраженіемъ: „яко вземлется отъ земли животъ Его“ и по собственному своему смыслу, евр. глагол. *lacaḥ* (=былъ взять) перѣдко значить—взять къ Богу, или Богомъ къ Себѣ. Это открывается изъ употребленія его о взятіи Богомъ къ Себѣ Еноха (Быт. 5, 24), Иліи (4 ц. 2. 9), вообще о взятіи къ Богу души праведника (3 ц. 19, 4; Пс. 48, 16; 72, 24). Такой смыслъ его бл. Иеронимъ допускаетъ и въ нашемъ мѣстѣ. Итакъ, Отрокъ Божій отъ узъ и суда былъ взять Богомъ къ Себѣ, т. е. избавленъ отъ тѣсноты страданій и отъ суда какъ небеснаго, такъ и земного, и взять Богомъ въ славу,—такова, можно думать, мысль разсмотрѣннаго изреченія. Она соприкасается здѣсь съ мыслью о воскресеніи Отрока Господня.

Евангельскимъ исполненіемъ этого пророчества въ исторіи крестныхъ страданій Христа Спасителя можетъ быть указано все время, начиная съ того момента, когда Онъ воскликнулъ со креста: „Совершилось“ (Іоанн. 19, 30)! „Отче! въ руки Твои предаю духъ Мой“ (Лук. 23, 46). Послѣдовавшая въ это мгновеніе смерть Господа была моментомъ избавленія Его отъ мукъ распятія, который наступилъ прежде, чѣмъ того ожидали мучители (Іоанн. 19, 33). Въ то же время это былъ моментъ, съ котораго началось прославленіе Его. Оно открылось въ исповѣданіи Богосыновства Его сотникомъ

(Мр. 15, 39), въ сошествіи Его во адъ (1 Петр. 3, 18—19) и въ послѣдовавшемъ затѣмъ воскресеніи Его изъ мертвыхъ.

Проникая своимъ пророческимъ взоромъ въ созерцаніи славы, причастникомъ которой сталъ Отрокъ Господень, во-схищенный послѣ страданій къ Богу, пр. Исаія говорить: „родъ же Его кто исповѣсть“.

Существуетъ трудно обозримое разнообразіе въ пониманіи этого выраженія. По подсчету католическаго экзегета Кнабенбауэра, тридцать девять толковниковъ относятъ его къ вѣчному рожденію страждущаго Отрока, четыре—къ временному происхожденію Его отъ Дѣвы, свыше двадцати—къ факту воскресенія Его изъ мертвыхъ, иные, какъ Златоустъ, — къ чудесамъ, имѣвшимъ мѣсто при крестѣ, и пр. т. п.

Причина такого разнообразія въ толкованіи мѣста заключается отчасти въ недостаточно ясной конструкціи его, а главнымъ образомъ въ растяжимости понятія, выражаемаго евр. словомъ *dog* = родъ.

Предъ этимъ словомъ въ евр. текстѣ стоитъ частица *et*, а она можетъ выражать тройкое значеніе: предлога (между, изъ и др.), признака прямого дополненія въ вин. пад. и признака именительнаго или винительнаго отношенія (что касается до). Какихъ-либо серьезныхъ препятствій нельзя указать ни противъ одного изъ трехъ возможныхъ значеній ея въ нашемъ мѣстѣ. Но естественнѣе разбирать ее здѣсь за признакъ винит. пад. отъ глагола *si' ach* = изъяснить. Глаголь этотъ можетъ имѣть при себѣ простой винит. пад (Пс. 144, 5; Притч. 6, 22), а большинство переводовъ—даже изъ новыхъ, древніе же всѣ, такъ именно и понимали конструкцію пророческой рѣчи. Отмѣтимъ это въ качествѣ руководящаго принципа при объясненіи нашего мѣста.

Еврейское слово *dog* обозначаетъ и періодъ времени, и обитаніе въ кругу пространства. Отъ перваго основного значенія происходятъ частныя: жизнь, какъ бытіе, существова-

ніе (Ис. 38, 12),—и вѣкъ, какъ періодъ жизни человѣка и цѣлаго поколѣнія (Быт. 15, 16; Исх. 3, 15). Второе основное значеніе можетъ давать иногда болѣе частное значеніе жилища—въ рѣчи о тѣлѣ человѣка, какъ жилищѣ его души (ссылаются на Ис. 38, 12). Затѣмъ, отъ понятія времени, въ которое живетъ поколѣніе, дѣлается переходъ къ понятію о самомъ поколѣніи, которое живетъ въ извѣстный періодъ времени (Еккл. 1, 4; Лв. 3, 17); отсюда же дальше дог. обозначаетъ современное поколѣніе, или современниковъ (Быт. 6, 9; 7, 1; Числ. 32, 13; Втор. 2, 14), поколѣніе прошедшее, или предковъ (Ис. 61, 4; Еккл. 1, 4), и поколѣніе будущее, или потомковъ (Лв. 23, 43; 22. 3; Числ. 9, 10; Ис. 44, 18; Ис. 58, 12), даже вообще человѣческой родъ какъ въ хорошемъ смыслѣ—родъ праведныхъ (Ис. 13, 5; 23. 6), такъ и въ дурномъ—родъ развращенный (Втор. 32, 5; Притч. 30, 11). Дѣлаются попытки истолковать это слово въ нашемъ мѣстѣ чуть не въ каждомъ изъ указанныхъ значеній его.

Довольно распространено объясненіе его, особенно у экзегетовъ отрицательнаго направленія, въ значеніи современниковъ. „Между современниками Его“, или „что же касается современниковъ Его“,—такъ объясняютъ многіе пророческую рѣчь,—то кто подумаетъ“, причемъ предметъ этого размышленія большинствомъ указывается въ предложеніи второго полустіція: „кто подумаетъ, что Онъ отторгается отъ земли живыхъ—за преступленія народа Моего претерпѣваетъ казнь“ (86),—и только немногіе (напр., Штиръ) разумѣютъ этимъ объектомъ смерть Отрока: „что касается до современниковъ Его, то кто подумаетъ объ этомъ“ (т. е. о смерти Его)? По поводу такого объясненія слѣдуетъ сказать, что оно, во-1-хъ, навязываетъ неестественный строй пророческой рѣчи, противорѣча разстановкѣ знаковъ въ евр.-махоретскомъ текстѣ и во всѣхъ древнихъ переводахъ. Меньше искусственности въ пониманіи Штира, но и оно неудовлетворительно, такъ какъ заставляетъ подразумѣвать объектомъ размышленія смерть—предметъ, не названный пророкомъ и

не напрашивающійся самъ собою по теченію его рѣчи. Во-2-хъ, то и другое объясненіе выдвигаетъ на передній планъ современниковъ Отрока, когда пророкъ уже прекратилъ выяснять настроеніе ихъ въ отношеніи къ Страдальцу, сосредоточивъ свое вниманіе на Его собственной участи. По этой же причинѣ слѣдуетъ отвергнуть объясненіе вообще ортодоксальнаго западнаго экзегета Дрехслера, предлагающаго разумѣть подъ именемъ дог евр. народъ современный Отроку и читать пророческую рѣчь такъ: „о народѣ Его кто можетъ подумать“, т. е. кто въ состояніи представить столь невѣроятную ненависть Его къ Праведнику!

Есть нѣсколько разновидностей въ объясненіи разсматриваемаго выраженія съ усвоеніемъ въ немъ слову дог значенія жилища. Объясняютъ: „о жилищѣ Его кто подумаетъ“, разумѣя при этомъ или Палестину, какъ страну Его обитанія, или жилище тѣла Его по смерти, т. е. могилу (кто подумаетъ, кто позаботится о ней!), или жилище духа Его, т. е. тѣло (кто позаботится о немъ, о погребеніи его!), или, наконецъ, жилище восхищенной къ Богу души Его: „Его мѣсто кто знаетъ, т. е. кто знаетъ, гдѣ Онъ могъ поселиться—у Бога ли, или же съ Иліей и Енохомъ?“ Этотъ странный смыслъ даетъ нашему мѣсту одинъ изъ новѣйшихъ западныхъ экзегетовъ—Думъ. Едва ли нужно объяснять, что разъ взять Отрокъ къ Богу—въ надземную сферу бытія, то этимъ уже сказано все о томъ, гдѣ Онъ вселился, и какихъ-либо разъясненій или недоумѣній нѣтъ нужды предполагать въ сознаніи пророка. Вообще же, слово дог рѣдко употребляется въ значеніи жилища, и потому уже едва ли можно усвоить ему здѣсь это значеніе съ какимъ-либо изъ указанныхъ отгѣнковъ его. Пониманіе подъ жилищемъ Палестины слишкомъ тенденціозно и лишаетъ пророческую рѣчь разумнаго смысла. Другія объясненія хотя и не возбуждаютъ недоумѣній съ этой стороны, но также не приемлемы, ибо изъ дальнѣйшей рѣчи видно, что Отрокъ Господень не оставленъ былъ безъ попеченія относительно погребенія (9 ст.). Въ

древнихъ библ. переводахъ нѣтъ и намека на пониманіе нашего слова въ значеніи жилища.

Беруть наше слово и въ значеніи жизнь, какъ внѣшняго образа или теченія ея (см. Дѣян. 26, 4), и объясняютъ отсюда: „участь Его кто представить?“ Легко видѣть, что въ этомъ объясненіи придается слову *dog* смыслъ, весьма удаленный отъ его коренного значенія и несогласный съ контекстомъ пророческой рѣчи: посмертная участь Отрока Господня на землѣ сознанию пророка ясна и вопросовъ о себѣ не возбуждала у него.

Но значеніе жизнь, въ смыслѣ продолжительности существованія, есть коренное въ нашемъ словѣ столько же, какъ и значеніе—родъ, поколѣніе. Принявъ его въ этомъ двухстороннемъ значеніи, сохранимъ послѣдовательность пророческой рѣчи и не разойдемся съ общимъ смысломъ ея, какой усвоится ей въ библейскихъ переводахъ и святоотеческихъ твореніяхъ. Сказавъ о восхищеніи Отрока Божія изъ тѣсноты страданій къ Богу, пророкъ въ естественномъ движеніи своего сознанія сосредоточивается своимъ взоромъ на этой премірной жизни Его въ прославленномъ состояніи и повергается въ изумленіе предъ нескончаемой продолжительностью ея... Но какъ на землѣ личная жизнь Отрока Господня отдана была людямъ, принесена была въ жертву за спасеніе ихъ, такъ и нескончаемое продолженіе ея за гробомъ въ состояніи славы нельзя представлять безъ участія съ людьми, безъ отображенія въ ихъ жизни блаженной жизни прославленнаго Страдальца. Немного ниже мы, дѣйствительно, читаемъ у пророка, что въ награду за свой искупительный подвигъ Отрокъ Господень получаетъ „потомство долговѣчное“ (10 ст), т. е. общество послѣдователей, объединенныхъ тождествомъ вѣры и жизни по ней подъ Его главенствомъ. Такой смыслъ имѣетъ здѣсь евр. слово *zeqa* = потомство (см. Притч. 11, 21). Но тотъ же смыслъ принадлежитъ и слову *dog* по употребленію его о поколѣніи „сыновъ Божіихъ“ (Ис. 72, 15) и родъ праведныхъ (Ис. 13, 5; 111,

2). Въ поцитованныхъ мѣстахъ LXX переводили евр. *dog* чрезъ $\gamma\epsilon\nu\epsilon\acute{\alpha}$ = родъ; слѣд., и греческое $\gamma\epsilon\nu\epsilon\acute{\alpha}$ выражаетъ идею рода людей, объединенныхъ тождествомъ мысли и чувствъ, какъ выражаетъ оно и понятіе о продолжительности жизни, *вѣкъ* человѣка (Дѣян. 13, 36). Нескончаемая личная жизнь прославленнаго Отрока у Бога—*вѣкъ* Его, и вѣчная жизнь Его въ потомствѣ—*родъ* Его, объединяются въ понятіи вѣчнаго царствованія Его, каковое понятіе, такимъ образомъ и выражаетъ здѣсь слово *dog*, греч. $\gamma\epsilon\nu\epsilon\acute{\alpha}$ ¹⁾. Это понятіе удобно и съ богатымъ содержаніемъ входитъ въ контекстъ пророческой рѣчи. Переходя своимъ сознаниемъ отъ факта угнетенія и закланія божественнаго Страдальца,— съ чѣмъ, казалось мучителямъ Его, погребалось на вѣки всякое воспоминаніе о Немъ (см. Іер. 11, 19),—переходя отъ этого факта къ созерцанію прославленія Его въ нескончаемой личной жизни у Бога и вѣчной жизни въ потомствѣ послѣдователей, пророкъ до такой степени поражается этой противоположностью въ состояніи Отрока, что въ удивленіи вопрошаетъ, кто представить, кто изъяснить эту вѣчную жизнь Его у Бога и въ потомствѣ? Полнота будущей жизни Страдальца поражаетъ пророка и сама по себѣ и по противоположности полнотѣ униженія и уничтоженія Его по замыслу убійць.

Въ представленномъ пониманіи рассмотрѣнное нами выраженіе пророка можетъ находить себѣ параллель въ обѣтованіи, данномъ Аврааму: „И сдѣлаю потомство твое, какъ песокъ земный; если кто можетъ сосчитать песокъ земный, то и потомство твое сочтено будетъ“ (Быт. 13, 16 и др.).

¹⁾ Распространенное въ отеческой экзегетической литературѣ объясненіе слова $\gamma\epsilon\nu\epsilon\acute{\alpha}\nu$ въ значеніи происхожденія, рожденія (Мессіи) можетъ имѣть нѣкоторое основаніе въ филологіи этого понятія, но не находитъ оправданія себѣ въ библ. употребленіи его. Ссылка на Мих. 5, 2 ст. не можетъ оправдать этого пониманія, потому что здѣсь понятіе происхожденія выражено другимъ словомъ—*ἐξόδος*. Вообще, съ этимъ значеніемъ слово $\gamma\epsilon\nu\epsilon\acute{\alpha}$ не употребляется въ Библии; въ библ. употребленіи чаще всего оно значитъ—родъ, поколѣніе (см. еще Мѡ. 1, 17).

Въ нашемъ мѣстѣ, можетъ быть, позволительно видѣть воспроизведеніе этого обѣтованія. Вообще, собственная долговѣчная жизнь, многочисленное потомство, процвѣтаніе въ немъ благочестія подѣ руководствомъ его главы (Іов. 1, 5; 42, 13—15 и др.). суть обычные образы, въ которыхъ ветхозавѣтному сознанию предносился идеаль Человѣческаго благополучія. Въ данномъ случаѣ въ представленіи прославленнаго состоянія Отрока Господня пр. Исаія отражаетъ эту ветхозавѣтную точку зрѣнія. Но она соотвѣтствуетъ истинѣ, ибо умноженіе духовнаго потомства и прочія блага, о чемъ рѣчь идетъ въ обѣтованіяхъ патріархамъ, осуществились чрезъ личность Распятаго на крестѣ Сына Божія, Который Самъ свидѣтельствовалъ: „Аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ“ (Іоанн. 12, 32).

А. Волгинъ.

Великій постъ.

(Продолженіе ¹⁾).

§ 3. Образъ пощенія въ историческомъ развитіи.

Первообразомъ христіанскаго поста былъ постъ еврейскій. Если „постное завѣщаніе“ предано христіанской Церкви самимъ Христомъ и Его апостолами, то первоначально постъ въ Церкви съ внѣшней стороны не могъ быть инымъ, чѣмъ у евреевъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Какъ апостолы, по происхожденію и воспитанію своему бывшіе евреями и соблюдавшіе ветхозавѣтные праздники и обряды, должны были поститься по-еврейски, такъ и первые христіане.

Богъ чрезъ Моисея установилъ только одинъ день поста, *день очищенія*. Но такъ какъ главное въ этотъ день былъ не постъ, а особыя жертвы и обряды при нихъ, то

¹⁾ См. № 11-й за 1909-й г.

только эти жертвы и обряды и описываются со всею подробностью въ постановленіяхъ книгъ Левитъ (гл. 16) объ этомъ днѣ; о времяпрепровожденіи же его сказано слѣдующимъ не вполне опредѣленнымъ образомъ: „смирятье души ваши и никакого дѣла не дѣлайте“. Какъ видно, изъ еврейской ми-драши (древняго толкованія) на этотъ отдѣлъ книги Левитъ, у евреевъ долго происходили ученые споры относительно того, какъ понимать выраженіе „смирятье (точнѣе: изнуряйте) души ваши“. Большинство раввиновъ думали, что этимъ выраженіемъ запрещается употребленіе извѣстнаго рода жертвеннаго мяса, или мяса залежавшагося, падали ¹⁾). Только одинъ раввинъ высказалъ мнѣніе, что здѣсь разумѣется воздержаніе отъ пищи вообще: „отъ имени р. Исмаила сказали: здѣсь сказано: «изнуряйте души ваши» и тамъ (Втор. 8, 3) сказано: «онъ изнуряяъ тебя, томилъ тебя голодомъ»: подобно тому, какъ тамъ подъ «изнуреніемъ» разумѣется голоданіе, такъ и здѣсь подъ «изнуреніемъ» воздержаніе отъ пищи“ ²⁾).

Это послѣднее объясненіе божественнаго повелѣнія и было принято древнимъ еврействомъ, но съ нѣкоторымъ ограниченіемъ: кромѣ воздержанія отъ пищи рекомендовались и другіе способы „изнуренія души“, хотя воздержаніе отъ пищи считалось главнымъ и поставлено на первое мѣсто. „Въ день очищенія запрещается ѣда, питье, умываніе, умященіе, надѣваніе сандалій и coitus“, говоритъ основное предписаніе Талмуда о режимѣ дня очищенія ³⁾).

¹⁾ Вотъ толкованіе этого мѣста кн. Левитъ въ Талмудѣ: „Подобно тому, какъ подъ «дѣломъ», запрещеннымъ въ день очищенія, разумѣется работа, за которую въ другомъ мѣстѣ (т. е. въ законахъ о субботѣ) полагается «истребленіе», такъ и подъ «изнуреніемъ» разумѣется воздержаніе отъ такой пищи, за которую въ другомъ мѣстѣ полагается «истребленіе», а именно отъ «оставшихся» (отъ жертвеннаго мяса) и отъ ниггула (мерзкаго)“. Joma. Siphra achare. Талмудъ, перев. Переферковича, Сиб. 1899, II, 313.

²⁾ Тамъ же, §14.

³⁾ Joma, VIII, 1.

Запрещеніе ѣсть и пить въ день очищенія, было безусловное, какъ то и разъясняется дальше. „Кто съѣлъ пищевого вещества величиною съ финикъ, считая его вмѣстѣ съ косточкой, и тотъ, кто выпилъ полный глотокъ напитка, подлежитъ наказанію“ ¹⁾. „Нѣкто постился и, забывъ, ѣлъ и пилъ; онъ заканчиваетъ свой постъ“, говорится въ другомъ трактатѣ Талмуда, специальномъ „О постахъ“ ²⁾, въ которомъ всѣ предписанія о режимѣ дня очищенія прилагаются ко всякому посту, не только общественному, но и частному ³⁾, съ тѣмъ только исключеніемъ для послѣднихъ, что частный постъ можно начинать съ утра, а не съ предшествующаго посту вечера ⁴⁾. Что касается времени сутокъ, когда прекращался постъ, то объ этомъ въ Талмудѣ нѣтъ опредѣленныхъ указаній. Хотя священный день оканчивался у евреевъ вечеромъ, но постъ повидимому продолжался до утра слѣдующаго дня. Это видно изъ дозволенія Талмуда принимать пищу предъ наступленіемъ субботы, если въ пятницу пришелся постъ ⁵⁾.

Въ видѣ полного неяденія должны были представлять себѣ постъ и первые христіане. Кромѣ того обстоятельства, что христіанство заимствовало образъ пощенія отъ евреевъ, за это говорить, такъ сказать, ритуальный остатокъ такого поста и въ современной церковной практикѣ. Какъ мы видѣли, нынѣшній церковный уставъ для трехъ дней Великаго поста требуетъ пощенія именно въ такой формѣ. При этомъ знаменательно, что въ числѣ этихъ дней указывается и Страстная пятница, день распятія Господня, которымъ, по наиболѣе вѣроятному предположенію, и долженъ былъ первоначально ограничиваться предпасхальный постъ. Въ церковномъ правилѣ пощенія Великой пятницы слѣдовательно надо

¹⁾ VIII, 2.

²⁾ Taanith III, 9 (a) [3, 3]; пер. Цереферковича 462.

³⁾ I, 4.

⁴⁾ II, 10 (a) [2, 4]; Периф. 456.

⁵⁾ Taanith II, 10 [2, 7].

видѣть память о древнѣйшей формѣ предпасхальнаго поста. такой формѣ, какую онъ долженъ былъ имѣть, какъ увидимъ сейчасъ, въ I вѣкѣ, если онъ существовалъ тогда хотя бы въ зачаточномъ видѣ одного дня.

Даже въ IV и V вѣкахъ наиболѣе ревностные христіане, повидимому, не хотѣли знать другого пощенія во всю Четыредесятницу. „Нѣкоторые по цѣлымъ двумъ днямъ пребываютъ безъ пищи“, говоритъ св. Златоустъ. Евагрій (послѣ 594 г.) о пустынникахъ палестинскихъ пишетъ, что они не ѣдятъ по 2, по 3 и по 5 дней, т. е. всѣ дни, въ которые положенъ постъ (въ субботу и воскресенье запрещался постъ) ¹⁾.

Уже писатель I вѣка Ерма знаетъ кромѣ этой формы поста, точнѣе этого образа пощенія (въ видѣ полного неяденія), и другую, болѣе легкую. „Въ тотъ день, въ который постишься, ничего не вкушай, кромѣ хлѣба и воды“, говоритъ „пастырь“ Ермѣ. Но нужно замѣтить, что изъ этихъ словъ очень трудно сдѣлать какой-либо выводъ объ образѣ пощенія тогдашнихъ христіанъ. Дѣло въ томъ, что это только наставленіе, совѣтъ Ермѣ отъ его небеснаго руководителя. Наставленіе же часто не подтверждаетъ status quo, а измѣняетъ его. И Ерма здѣсь вовсе не намѣренъ описывать существовавшей въ его время практики поста. На вопросъ „пастыря“: „какимъ же образомъ постишься ты?“ онъ отвѣчаетъ: „какъ постился по обыкновенію, такъ и пощусь“, и получаетъ тогда упрекъ: „не умѣете вы поститься Богу, и постъ, который вы совершаете, бесполезенъ“. Изъ дальнѣйшихъ наставленій „пастыря“ видно, что главный недостатокъ, усматриваемый имъ, въ тогдашней практикѣ поста, было отсутствіе при немъ такъ называемаго теперь „духовнаго поста“, т. е. воздержанія отъ грѣховъ. Но кромѣ этого существен-

1) Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία I. 1, с. 21; edited by Bidez and Parmen- tier, London 1898.

наго недостатка „пастырѣ“ усматриваетъ въ тогдашнемъ постѣ и какой-то внѣшній, такъ сказать, физическій недостатокъ и на него-то намекаетъ онъ требованіемъ употреблять въ день поста только хлѣбъ и воду.

Очевидно, нѣкоторые изъ тогдашнихъ христіанъ, продолжая неяденіе въ среду и пятницу (объ этихъ именно постахъ рѣчь здѣсь у Ермы; они названы „дни стояній“) до вечера, вечеромъ вкушали обычную пищу, какъ дѣлаютъ нынѣ евреи въ нѣкоторые по крайней мѣрѣ посты свои, вѣроятно основываясь на древнѣйшей практикѣ. Ерма не одобряетъ такой практики и хотѣлъ бы, чтобы пища въ постные дни, разъ уже допускается ея вкушеніе, была самая простая, хлѣбъ и вода, указывая такое основаніе и цѣль для этого требованія: „исчисливши издержки, которыя ты сдѣлалъ бы въ этотъ день на пищу по примѣру прочихъ дней, остающееся отъ этого дня отложи, и отдай вдовѣ, сиротѣ или бѣдному“.

Въ данномъ мѣстѣ Ермы мы имѣемъ, такимъ образомъ, свидѣтельство о первомъ зарожденіи самостоятельно-христіанскаго образа пощенія, различнаго, по крайней мѣрѣ начинающаго уже расходиться, съ еврейскимъ постомъ: къ полному неяденію въ теченіе дня сознается уже необходимость присоединить нѣкоторое ограниченіе *и въ родѣ* пищи.

Можно сказать даже больше: полное неяденіе считается возможнымъ замѣнить употребленіемъ скудной пищи, такой пищи, которая впоследствии получила названіе „сухояденія“. Судя по тому, что такой образъ пощенія только рекомендуется, о немъ можно сказать, что идея его только еще начинала рождаться въ христіанскомъ обществѣ, которое въ большинствѣ своемъ слѣдовало еврейской практикѣ поста въ видѣ полного неяденія, должно быть съ вечернимъ разрѣшеніемъ на всякую пищу.

Но нужно замѣтить, что и эта идея въ христіанствѣ не была, такъ сказать, вполне оригинальна и могла быть внушена ему іудейской практикой. Въ Талмудѣ наканунѣ

поста запрещается „ѣсть два кушанья, *постъ мясо* и пить вино“ ¹⁾. Древней еврейской практикѣ, слѣдовательно, тоже не чужда была мысль объ ограниченіи рода пищи; но такъ какъ день поста весь проводился въ полномъ неяденіи, то это ограниченіе переносилось на канунъ поста.

Замѣна полного неяденія скудной пищей произошла, когда постъ изъ ~~однодѣльнаго~~ удлинился до 40 дней. „Должно во всю Четырдесятницу поститься съ сухояденіемъ“, подтверждаетъ Лаодикійскій соборъ (8 пр.—по поводу обычая нѣкоторыхъ разрѣшать постъ въ Страстной четвертокѣ), а также Апостольскія Постановленія ²⁾. Иоаннъ Златоустъ говорить, что нѣкоторые во всю Четырдесятницу питались только хлѣбомъ и водою, или по крайней мѣрѣ не употребляли вина, елея и другихъ приправъ къ кушаньямъ ³⁾. Бл. Іеронимъ говорить: „строжайшій постъ состоитъ изъ воды и хлѣба“ ⁴⁾.

Хотя пощеніе уже такъ рано въ христіанствѣ стало замѣнять еврейскую форму свою полного неяденія другой—ограниченіемъ въ родѣ пищи и даже могло дѣлать это подъ влияніемъ самой же іудейской практики, тѣмъ не менѣе еще долго въ Церкви христіанской поста не могли представить иначе, какъ подъ первой формой, въ видѣ неяденія по крайней мѣрѣ до вечера. Въ частности именно Великій постъ, какъ древнѣйшій, совершался долго только такимъ способомъ и продолжалъ совершаться такъ и тогда, когда получилъ сорокадневную продолжительность и когда такое пощеніе стало очень тяжело. Не говоря о временахъ св. Иринея, когда для „измѣрившихъ“ предпасхальный постъ 40 часами и не мыслимъ былъ другой образъ пощенія, даже въ IV и V вѣкѣ дни Четырдесятницы проводятся въ неяденіи до вечера. „Подожди немного (съ пищей): скоро конецъ дня“,

¹⁾ Таанитъ IV, 7.

²⁾ Упомянутое выше мѣсто въ V, 18.

³⁾ Бес. 4 „о статуяхъ“.

⁴⁾ Къ Непот. о жизни клирик.

говорить св. Амвросій¹⁾. „Ты ждешь вечера, чтобы принять пищу, а цѣлый день проводишь въ судахъ“, обличалъ св. Василій Великій своихъ слушателей во время поста²⁾. „Не будемъ думать, что одного неяденія до вечера достаточно намъ для спасенія“, говорилъ въ такое же время св. Златоустъ; „что за польза отъ поста, скажи мнѣ, если ты по цѣлымъ днямъ не ѣшь, а предаешься весь день играмъ, шуткамъ, даже клятвопреступленію и злорѣчію“³⁾.

Въ частности и конкретнѣе это неяденіе выражалось въ отмѣнѣ для постныхъ дней обѣда (по тогдашней терминологіи: завтрака, *prandium*) и довольствованіи однимъ ужиномъ (соена). „Во дни поста“, увѣщаетъ бл. Августинъ, „то, что мы употребляемъ на обѣдъ, употребимъ на бѣдныхъ; а не на приготовленіе роскошныхъ ужиновъ съ яствами для самыхъ изысканныхъ вкусовъ“⁴⁾. „Насколько высыхаетъ въ тѣлѣ“, обличаетъ современниковъ Петръ Хрисологъ, „настолько полнѣе въ кошелькѣ; а вотъ постясь вручимъ нашъ обѣдъ бѣднымъ“⁵⁾. Ныгѣшній церковный уставъ тоже считаетъ необходимымъ условіемъ поста „одну трапезу“, принятіе пищи разъ въ день; но приурочиваетъ это принятіе не ко времени обѣда или ужина, а въ промежутокъ времени между ними, именно или послѣ вечерни, которая въ этомъ случаѣ совершается нѣсколько ранѣе, сряду послѣ часовъ,— (какъ въ Великій постъ,—или часа въ 3 вечера до вечерни, какъ въ другіе постные дни—среды и пятницы и т. п.⁶⁾. Когда же дозволяется двѣ трапезы въ день, то уставъ это не считаетъ постомъ, хотя бы въ такой день была запрещена и рыба: напр., о сочельникахъ Рождества Христова и Крещенія, приходящихся въ субботу или воскресенье, сказано

¹⁾ На Пс. 118 бес. 8.

²⁾ Бес. 1 о постѣ.

³⁾ На Быт. бес. 4 и 6.

⁴⁾ Слово 56 „о врем.“.

⁵⁾ Слово 8 „о постѣ и милостынѣ“.

⁶⁾ Типиконъ главы 8 и 35.

въ уставѣ: „постъ не бываетъ“, а между тѣмъ на трапезѣ „ядимъ вареніе со елеемъ, рыбы же не ядимъ“¹⁾. И это потому, что въ такомъ случаѣ бываетъ трапеза и послѣ литургіи и послѣ вечерни: „по отпущеніи литургіи въ трапезу не ходимъ, но въ притворѣ церковнѣмъ сѣдшимъ намъ, трапезарь даетъ по уломку хлѣба, или малу хлѣбцу пшеничному, и мало смоквій и финиковъ, и по единой чашѣ вина, яко да не наречется постъ“²⁾. „Совершенно же ядимъ по отпустѣ вечерни, со елеемъ“³⁾.

Одна трапеза въ день въ уставѣ положена только для тѣхъ дней, въ которые требуется сухояденіе⁴⁾. Это и считается въ нынѣшнемъ уставѣ постомъ въ собственномъ смыслѣ. И такой постъ полагается только для пяти дней каждой обычной седмицы Великаго поста (исключая первой и Страстной, гдѣ особыя правила). Въ субботу и воскресенье, когда полагается двѣ трапезы, и разрѣшается постное масло и вино, собственно поста нѣтъ. И этотъ порядокъ пощенія былъ принятъ уже въ IV вѣкѣ. „Въ Четыредесятницу постятся по цѣлымъ днямъ, кромѣ субботы и воскресенья“, говоритъ св. Амвросій⁵⁾. Василій Великій тоже свидѣтельствуетъ, что въ его время постились лишь по 5 дней въ недѣлю въ теченіе Четыредесятницы⁶⁾. Св. Златоустъ субботу и воскресенье называетъ днями отдыха для подвижниковъ поста⁷⁾.

Эти-то дни—суббота и воскресенье,—въ которыхъ постъ не только не рекомендовался, но строго запрещался⁸⁾, пре-

¹⁾ Типиконъ, 24 дек. и 5 янв.

²⁾ Минея мѣсячная, января 5.

³⁾ Типиконъ, тамъ же.

⁴⁾ Типиконъ, глава 35.

⁵⁾ De Elia et jejuniis.

⁶⁾ Слово 1 „о постѣ“.

⁷⁾ На кв. Быт. бес. 11.

⁸⁾ Апост. прав. 64: „аще кто изъ клира усмотрѣнъ будетъ постающимъ въ день Господень, или въ субботу, кромѣ единныя только (Великой субботы), да будетъ изверженъ; аще же мірянинъ, да будетъ отлученъ“. Ср. Трул. соб. пр. 55.

рывающая собою постоянно, нѣсколько разъ, Четырдесятницу, ставили для церковныхъ канонѣвъ трудную диллему: или отступить отъ древняго обычая не поститься въ эти дни, или же поступиться высокимъ, сразу по установленіи завоевавшимъ себѣ въ христіанскомъ мірѣ большія симпатіи и получившимъ всеобщее распространеніе, учрежденіемъ Четырдесятницы, превративъ ее изъ цѣльнаго, непрерывнаго сорокадневнаго поста въ 6, 7 пятидневныхъ постѣвъ.

Единственнымъ выходомъ изъ затрудненія было изобрѣтеніе для субботы и воскресенія такой формы пощенія, которая не будучи постомъ въ собственномъ смыслѣ, не прерывала бы слишкомъ рѣзко поста Четырдесятницы.

Мы видѣли, что іудейская практика, не могшая не служить для церкви первыхъ временъ ритуальнымъ образцомъ, намѣчала для Церкви такую форму поста, запрещая въ предпостные дни употребленіе мяса (и вина). Между тѣмъ и вообще идея вегетаріанства въ формѣ воздержанія отъ мяса никогда не была чужда человѣчеству, хотя представлялась вообще не осуществимою вполнѣ или не скоро осуществимою (въ тѣ времена, когда „волкъ будетъ пасть со агнцемъ“). Все это не могло не направить мысль Церкви на возможность этого рода ограниченія въ пищѣ, какъ такого ограниченія, которое, далеко не будучи постомъ, въ то же время было бы близко къ нему. „Мы постимся“, говоритъ Кириллъ Іерусалимскій, „воздерживаясь отъ вина и мяса“¹⁾.

Но если для первыхъ двухъ формъ поста—полнаго неяденія и „сухояденія“ (употребленія въ пищу одного хлѣба) для Церкви и были готовые образцы (въ практикѣ еврейской), и эти формы были вполнѣ естественны и подсказывались сами собою, то эта форма пощенія—въ видѣ воздержанія отъ извѣстныхъ родовъ пищи, съ дозволеніемъ другихъ,—хотя не была для древняго міра новостью (существовали даже философскія школы, запрещавшія извѣстные роды пищи, напр.,

¹⁾ Оглас. сл. 4.

пиоагорейская—бобы), но являлась формою болѣе искусственною и сложною, чтобы выработаться легко и скоро.

У того же Сократа историка, знакомящаго насъ съ постепеннымъ удлиненіемъ предназначеннаго поста изъ недѣльнаго въ сорокадневный, мы находимъ и свѣдѣнія о той, такъ сказать, эволюціи, которую испытала эта форма пощенія—воздержаніе отъ мяса.

„Разногласіе“, говоритъ Сократъ, „касается не только числа постныхъ дней, но и понятія о воздержаніи отъ яствъ; потому что одни воздерживаются отъ употребленія въ пищу всякаго рода животныхъ, другіе изъ всѣхъ одушевленныхъ употребляютъ только рыбу, а нѣкоторые вмѣстѣ съ рыбою ѣдятъ и птицъ, говоря, что птицы, по сказанію Моисея, произошли также изъ воды. Одни воздерживаются даже отъ плодовъ и яицъ, другіе питаются только сухимъ хлѣбомъ, нѣкоторые и того не принимаютъ, а иные постяся до девятаго часа, вкушаютъ потомъ всякую пищу“¹⁾. Созоменъ, вообще повторяющій Сократа, не отмѣчаетъ этой разницы въ пощеніи Четырехдесятницы, указывая лишь на разницу въ продолжительности ея.

Т. о. очень скоро послѣ того, какъ было принято въ Церкви, въ качествѣ одной изъ возможныхъ формъ пощенія, воздержаніе отъ мяса, было дѣлаемо исключеніе для нѣкоторыхъ родовъ мяса, при этомъ не только для рыбы, какъ теперь, но и для птицъ. Но послѣдняго рода исключеніе, какъ не имѣвшее для себя никакихъ основаній, скоро отпало, а осталось только первое. Въ дозволеніи употреблять рыбу въ постъ могли руководиться слѣдующими соображеніями: 1) проклятіе Божіе по грѣхопаденіи направлено было именно на землю, а не на воды и ихъ обитателей; 2) рыбы принадлежатъ элементу, съ которымъ связано крещеніе; 3) въ

¹⁾ Кн. 5, гл. 22.

исторіи творенія сказано: „Духъ Божій носился надъ водою“ ¹⁾).

Теперь церковной практикѣ поста нужно было установить опредѣленное отношеніе къ другимъ продуктамъ питанія, именно яицамъ и молоку. Въ этомъ отношеніи тоже были „разногласія“ и колебанія, о которыхъ, какъ видѣли мы, упоминаетъ и Сократъ. По его словамъ въ Четырнадцатую (точнѣе, вѣроятно, въ дни ея менѣе строгаго поста, — въ субботу и воскресенье) нѣкоторые „воздерживаются даже отъ плодовъ и яицъ“. Очевидно, во времена историка не полагалось еще различія между яйцами и овощами въ отношеніи поста.

Судя по тому, что въ римско-католической церкви и нынѣ молоко и яйца считаются постнымъ кушаньемъ и дозволяются по крайней мѣрѣ въ воскресенье Великаго поста, можно думать, что такой обычай былъ издавна принятъ въ этой церкви. Кромѣ нея такая практика была принята въ Армянской церкви. Эта практика осуждена была Трулльскимъ соборомъ ²⁾, при чемъ въ качествѣ слѣдующихъ ей названы только армяне. Но такъ какъ правило собора осуждаетъ римскихъ христіанъ только за постъ въ субботу, можно думать, что ко времени собора эта практика была оставлена и въ Римѣ, если существовала тамъ раньше, а затѣмъ, — ко времени раздѣленія церквей, — восстановлена. Памятникомъ ея въ Православной Церкви осталась Сырная недѣля.

Такъ, приблизительно къ VIII в., окончательно выработалась въ Православной Церкви нынѣшняя форма Великаго поста въ отношеніи къ образу пощенія. Выработалась она впрочемъ къ этому времени только въ основныхъ чертахъ

¹⁾ Такія основанія указываетъ *Dürand* въ соч. *Rationale divinatorum officiorum*, цитуемомъ у *Hein. Alt*, *Das Kirchenjahr*, Berlin 1860, S 20.

²⁾ Правило 56.

своихъ, но далеко не въ подробностяхъ. Нормою пощенія было признано не полное неяденіе, и невозможное для столь продолжительнаго поста, а скудное питаніе, состоящее изъ хлѣба и воды или близкое по простотѣ къ такому—изъ произрастеній земли, съ принятіемъ притомъ такой пищи разъ въ день, вечеромъ (на ранній ужинъ). Такой режимъ признанъ былъ необходимымъ лишь для пяти дней каждой недѣли поста. Для субботы же и воскресенья онъ не только не считался нужнымъ, но прямо запрещался. Для этихъ дней былъ установленъ легкій, едва замѣтный образъ пощенія, установленъ съ долгими и немалыми колебаніями, но къ концу настоящаго періода вполне опредѣлившійся. Безусловно недопустимыми къ употребленію въ эти дни признано было мясо животныхъ и птицъ, молоко и яйца. Вино, поставлявшееся не только еврейской, но и ранней христіанской практикой¹⁾ въ отношеніи постаго режима на одинъ уровень съ мясомъ, признано постнымъ продуктомъ питанія, какъ и рыба. О дозволеніи послѣднихъ двухъ продуктовъ въ постъ можно заключить, какъ изъ умолчанія о ихъ недозволенности въ соборныхъ правилахъ, касавшихся этого предмета, такъ и изъ того, что въ практикѣ послѣдующаго времени, начиная съ IX вѣка, эти пищевые продукты единогласно признаются не нарушающими поста.

Церковная практика позднѣйшаго времени сохранила неизмѣнно эти выработанные золотымъ и серебрянымъ періодами церковной исторіи основныя начала пощенія и только разработала во всѣхъ частностяхъ и подробностяхъ ихъ примѣненіе, всегда стараясь оставаться вѣрной завѣтамъ святой древности. Изъ этой осторожной вѣковой разработки, закончившейся приблизительно къ вѣку XIV, къ вѣку окончательнаго сформированія нынѣ дѣйствующаго у насъ церковнаго устава (іерусалимскаго), или вѣрнѣе, такъ и оставшейся не

¹⁾ См. выше цитагу изъ Кирилла Іерусалимскаго.

вполнѣ законченной, и возникли правила пощенія нынѣшняго устава; даваемые Трїодью и Типикономъ не вполнѣ согласны.

Чтобы нарисовать картину ихъ развитія до современнаго вида, нужно дать понятіе о тѣхъ памятникахъ, которые составляютъ матеріаль для этой исторіи.

Это рядъ древнихъ уставовъ или типиконовъ разныхъ восточныхъ и русскихъ монастырей, отражавшихъ на себѣ дѣйствовавшую въ ихъ время практику, хотя, можетъ быть, иногда и дѣлавшихъ въ ней легкія измѣненія. Рядъ такихъ уставовъ начинается „Завѣщаніемъ“ (Ἐπιτομὴς), приписываемымъ св. Феодору Студиту, можетъ быть, неосновательно, но во всякомъ случаѣ памятникомъ его приблизительно времени (IX в.), и положеннымъ въ основу такъ называемаго студійскаго устава. Затѣмъ слѣдуетъ Завѣщаніе (Καὶὼν καὶ τόπος или Διατόμωσις) св. Аѳанасія Аѳонскаго († 1000 г.), сходное съ первымъ, типиконъ патріарха Константинопольскаго Алексѣя (1025—1043) въ рукописномъ славянскомъ переводѣ (въ Московской Синодальной библіотекѣ); типиконъ, данный въ 1118 г. императрицей Ириной женскому константинопольскому монастырю Богородицы Благодатной; типиконъ константинопольскаго Пандократорскаго монастыря, данный ему императоромъ Іоанномъ Комненомъ въ 1136 г.; типиконъ, данный Львомъ, епископомъ Аргоса и Навплии въ 1142 г. одному монастырю; типиконъ константинопольскаго Еввергетидскаго монастыря, написанный между 1143—1152 годами; типиконъ, данный въ 1152 г. императоромъ Исаакомъ Комненомъ одному малоазійскому монастырю; типиконъ, данный въ 1192 г. св. Саввою сербскимъ Хиладарскому аѳонскому монастырю; типиконы монастырей—константинопольскаго св. Маманта отъ 1146 года и малоазійскаго св. Или отъ 1162 г., кипрскаго Богородичнаго 1210, данный ему іеромонахомъ Ниломъ; „Орбельская Трїодь“ XII—XIII в. въ славянской рукописи Императорской публичной библіотеки; славянскій типиконъ 1553 г. въ рукописи Московской

Синодальной библиотеки ¹⁾. Сюда же должно быть отнесены Тактиконъ Никона Черногорца XIV вѣка и Номоканонъ при Большомъ требникѣ, составленный въ XV—XVI в.

Сравнивая предписаніе нынѣшняго устава о постномъ режимѣ того или другого дня или цѣлаго періода поста, съ такими же предписаніями перечисленныхъ уставовъ, мы ясно видимъ, какую эволюцію прошло каждое изъ такихъ указаній. Иногда и указанія нынѣ дѣйствующаго устава, даваемая въ Трїоди постной и 32 гл. Типикона относительно поста въ одинъ и тотъ же день, на первый взглядъ не сходятся между собою.

Древнѣйшій изъ сохранившихся уставовъ поста Ὑποπόσις св. Θεодора Студита IX в., какъ и „Завѣщаніе“ св. Аѳанасія Аѳонскаго X в., назначало такую трапезу для первой недѣли поста: однажды днемъ соленіе (ἀλμυρία, напр., квашеная капуста) безъ масла, сушенныя фиги по 5 и, если случится, каштаны, и сушенныя груши и сливы. Въ качествѣ напитка вмѣсто вина назначается для всей Четырехдесятницы, исключая болѣе торжественные дни, такъ называемый евкратонъ (букв. „пріятная смѣсь“) изъ перца, тмина, аниса и теплой воды (тотъ же напитокъ въ уставѣ п. Алексѣя называется „ривиноиной ухой“ ²⁾, а въ Орбельской Трїоди „юхо сланитково съ пипремъ (= перцемъ = уст. п. Алексѣя) и медомъ“. Тотъ же уставъ дается для первой недѣли въ уставѣ п. Алексѣя съ прибавленіемъ ограниченія и въ хлѣбѣ: хлѣба „по единой четверти (но съ прибавленіемъ вареныхъ сливъ). Ограниченіе относительно хлѣба вводится и Типикономъ Пандакраторскаго монастыря 1136 года, въ первую недѣлю будетъ предлагаться меньшій хлѣбъ, чѣмъ обыкновенно, по куску“.

¹⁾ Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ издали проф. А. А. Дмитриевскимъ въ „Описаніи литургическихъ рукописей, т. I, Кіевъ, 1895 г.“. Изъ остальныхъ главы о постѣ приведены почти полностью въ брошюрѣ его же „Трїодъ постная—училище благочестія. (О постѣ). Кіевъ 1904“.

²⁾ Ἑρεβίνθος, горохъ.

Вводятся ограниченія и для другихъ, разрѣшенныхъ св. Θεодоромъ продуктовъ: въ типиконахъ Иринея и Евергетидскомъ дозволяются только моченые бобы (сочиво) и сырая зелень или овощи,—по первому: „можетъ быть и плоды“. Но очень рано этотъ режимъ сталъ усиливаться для нѣкоторыхъ дней первой недѣли, и конечно прежде всего для перваго дня поста. Такъ, уже Типиконъ Пандократорскаго монастыря замѣчаетъ: „если же нѣкоторые пожелають проводить этотъ первый день безъ пищи, какъ это въ обычаѣ у многихъ, то дозволено имъ дѣлать это по ихъ произволению“. Типиконъ же имп. Ирины 1118 г. и Евергетидскій XII в. запрещаютъ пищу въ первый день, а Орбельская Тріодъ и въ первые два дня. Съ другой стороны идетъ тенденція и къ смягченію кое въ чемъ древней строгости. Типиконъ Пандократорскаго монастыря разрѣшаетъ для первой недѣли вино, только меньше обычнаго; Орбельская Тріодъ разрѣшаетъ его для больныхъ и старыхъ.

Результатомъ этихъ всѣхъ теченій въ выработкѣ постаго режима для первой недѣли Великаго поста и явился, вѣроятно, нынѣшній уставъ ея поста, который Тріодъ и 49 гл. Типикона излагаетъ подробнѣе, чѣмъ 32 гл. Типикона. Въ первомъ мѣстѣ уставъ гласитъ: „не пріяхомъ творити преждеосвященную даже до среды, за еже поститися по преданію всему братству; могущи же да пребудутъ постящеся до пятка. Святыя же горы типикъ въ первый убо день отнюдь не повелѣваетъ ясти; во вторникъ же, въ среду и въ четвертокъ ясти подобаетъ по единой литрѣ хлѣба, и воду, и ино ничтоже, развѣ соли требуя съ хлѣбомъ“. Здѣсь относительно образа пощенія въ первые пять дней указывается двоякая практика и какъ то часто дѣлается въ Уставѣ съ правилами поста, предлагается каждому выбрать какую угодно. По первой практикѣ, повидимому, ничего не ѣли до среды. И именно съ цѣлью не нарушать такого строгаго поста, замѣчаетъ уставъ, первые два дня поста не имѣють и литургіи преждеосвященныхъ (такъ какъ

при литургіи неизбѣжно вкушеніе Св. Даровъ). Эта практика уставомъ, очевидно, считается наилучшей, почему и ставится на первомъ мѣстѣ и этимъ возводится въ своего рода законъ. Неясное вслѣдствіе своей сжатости это предписаніе устава (даваемое здѣсь мимоходомъ) излагается уже совершенно ясно (п. ч. подробнѣе) въ 32 главѣ Типикона, занимающейся специально постнымъ режимомъ Четыредесятницы. „Во святую и великую 40-цу, 1-я недѣли первый день, сіе есть въ понедѣльникъ, отнюдь ясти не подобаеъ, такжеде и во второй“. Правило, конечно, не легкое, и потому тутъ же уставъ дѣлаеъ замѣчаніе: „не могущїи же сохранить дву дней первыхъ ядятъ хлѣбъ и квасъ по вечерни во вторникъ [не въ понедѣльникъ!]; подобнѣ же и старїи творять“. Какъ ни труденъ такой постъ, уставъ (въ первомъ мѣстѣ—въ 49 гл. Тип. и Тріоди) указываетъ, но уже въ качествѣ совѣта, практику еще болѣе тяжелую, но конечно, духовно и болѣе общающую: „Могущїи же да пребудутъ постящеся до пятка“. „Постящеся“—очевидно въ томъ смыслѣ, въ какомъ „постится братство“ первые два дня, т. е. въ смыслѣ полного неяденїя ¹⁾). Этотъ совѣтъ, который у *современнаго* врача вызвалъ бы негодованіе, не можетъ показаться ни страннымъ, ни жестокимъ человѣку, хорошо знакомому съ церковной исторїей: пять дней полного неяденїя (собственно 4½) со вкушеніемъ пици только въ субботу и воскресенье—довольно обычный прїемъ древнихъ постниковъ. Христїанину предлагается разъ въ годъ испытать на себѣ этотъ прїемъ и чрезъ это познакомиться съ цѣлою областью духовныхъ переживанїй, другимъ путемъ *безусловно* не достижимыхъ (см. § 1); въ Америкѣ и нынѣ производятся, не изъ религиозныхъ, къ сожалѣнію, мотивовъ, опыты и болѣе рискованные; не смѣемъ *теперешнему* читателю напоминать о древнихъ

¹⁾ Иначе понимаетъ эти два мѣста Типикона и Тріоди проф. А. А. Дмитріевскїй въ указ. брошюрѣ—„Тріодъ Постная—учил. благоч.“, стр. 11.

опытахъ сорокадневныхъ постовъ. Чтобы исчерпать вопросъ полно, уставъ подлѣ этой болѣе суровой, чѣмъ предписываемая имъ практика, указываетъ и болѣе легкую въ сравненіи съ послѣдней. „Святія же горы типикъ въ первый убо день отнюдь не повелѣваетъ ясти; во вторникъ же и въ среду и четвертокъ ясти подобаетъ по единой литрѣ хлѣба и воду и ино ничтоже, развѣ соли требуя съ хлѣбомъ“. Аѳонскій уставъ, жившій чрезъ посредство св. Аѳанасія преданіями св. Ѳеодора Студита, оказывался здѣсь болѣе снисходительнымъ, какъ и вообще постный режимъ Студійскаго устава былъ легче Іерусалимскаго (разрѣшалось на все въ среды и пятки, если на нихъ падали дванадцатые праздники): постъ требовался только въ понедѣльникъ, въ другіе же дни первой недѣли до четверга разрѣшалось сухояденіе, но самое строгое (простота режима безъ упоминанія разныхъ „укроповъ съ медомъ“ свидѣтельствуешь о большой древности практики).

Какая изъ двухъ практикъ—Іерусалимская или Аѳонско-Студійская—лучше, хорошо показало время и особенно то обстоятельство, что на самой „св. горѣ“ нынѣ принята цѣликомъ первая практика. „Нынѣ на Аѳонѣ послѣ сытной трапезы вечеромъ въ послѣдній день масляницы, по окончаніи повечерія, всѣ краны холодной воды въ монастырѣ запираются и оставляются въ такомъ положеніи до среды, когда, послѣ преждеосвященной литургіи, братія получаетъ по куску хлѣба и изъ куба кипятокъ для чаю“¹⁾.

Такъ какъ указанное замѣчаніе Тріоди, заимствованное въ 49 гл. Типикона, присоединяется въ ней къ службѣ понедѣльника, то имъ не предрѣшается еще вопросъ о постномъ режимѣ остальныхъ дней первой седмицы, исключая, впрочемъ, вторника, тожественнаго въ этомъ отношеніи съ понедѣльникомъ. Поэтому оставляя безъ указанія трапезу вторника, которой не полагается, Тріодъ только въ службѣ

¹⁾ А. А. Дмитріевскій, тамъ же

среды возвращается къ правиламъ пощенія и назначаетъ для этого дня такую трапезу: „входяще же въ трапезу, ядимъ сухояденіе, пиемъ и сокъ съ медомъ“. 32 гл. Типикона только раскрываетъ понятіе сухояденія, когда объ этой же трапезѣ говоритъ: „въ среду же по совершеніи преждеосвященныхъ, трапеза поставляется, и ядимъ хлѣбъ теплъ и отъ снѣдей овощныхъ теплыхъ, дается же и укропъ съ медомъ“. Овощи (сырыя впрочемъ) причисляются къ сухояденію, какъ мы видѣли, уже и Апостольскими Постановленіями.

„Въ четвертокъ же тоя седмицы трапезы не поставляемъ, но пребываемъ постящеся [опять слово въ смыслѣ полного неяденія, какъ въ первомъ указаніи относительно поста—въ понедѣльникъ] даже до пятка: тогда бо ядимъ входяще въ трапезу“, замѣчаетъ Тріодъ и тріодная часть Типикона непосредственно послѣ только что приведеннаго указанія на трапезу въ среду, т. е. въ службѣ среды. Въ службѣ же четверга, какъ и вторника, краснорѣчивое молчаніе о трапезѣ. Впрочемъ, выраженія „трапезы не поставляемъ“, „тогда бо ядимъ входяще въ трапезу“ заключаютъ въ себѣ скрытую мысль, что скудная пища вѣтъ трапезы, хлѣбъ и вода „и ино ничтоже, развѣ соли требуя съ хлѣбомъ“ (см. выше) не была бы оскверненіемъ этого четверга, въ виду чего м. б. 32 гл. его проходитъ молчаніемъ.

М. Скабаллановичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Достойный подражанія примѣръ.

Приходъ сель Сеславскаго и Бродиць, Владимірскаго уѣзда заключаетъ въ себѣ болѣе 400 душъ одного мужескаго пола. На оба села здѣсь существовала небольшая въ наемномъ помѣщеніи церковно-приходская школа, по размѣрамъ которой могло учиться въ ней не болѣе 25-ти человѣкъ. Не особенно давно къ Сеславско-Богородицному приходу былъ опре-

дѣленъ молодой священникъ Г. А. Быстровзоровъ. Молодому пастырю прежде всего пришлось столкнуться съ неудовлетворительностію школьнаго помѣщенія и, благодаря его (пастыря) стараніямъ, московскій купецъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ В. И. Константиновъ предоставилъ въ распоряженіе школы свой помѣстительный домъ. Теперь съ болѣе обширнымъ школьнымъ помѣщеніемъ явилась возможность принимать для обученія многихъ дѣтей. Однако, взрослая женская обывательская масса, выросшая безъ школы, осталась въ темнотѣ и невѣжествѣ. Между тѣмъ стремленіе къ свѣту грамоты и потребность внести въ свой жизненный обиходъ книгу особенно чувствуется по настоящему времени. И многія изъ взрослыхъ женщинъ не разъ заявляли своему духовному отцу о своемъ задушевномъ желаніи поучиться, чтобы имѣть возможность хоть на старости лѣтъ почитать Божественную книгу. Идя на встрѣчу столь искреннему желанію своихъ духовныхъ дочерей, о. Г. Быстровзоровъ рѣшилъ организовать для взрослыхъ женщинъ вечерніе классы, чтобы обучать женщинъ обоихъ сель грамотѣ, примѣнительно къ программамъ начальныхъ церковно-приходскихъ школъ. На это епархіальнымъ начальствомъ и дано соотвѣтствующее разрѣшеніе.

Раздѣлить трудъ пастыря по части просвѣщенія имъ грамотою взрослого женскаго населенія изъявили желаніе: его супруга М. А. Быстровзорова, учительница нормальной школы А. В. Дубенская и псаломщикъ П. Н. Покровскій, окончившій три первые класса духовной семинаріи. Въ первое же воскресенье текущаго Великаго поста о. Быстровзоровъ послѣ вечерни предложилъ желающимъ обучаться грамотѣ на вечернихъ классахъ записаться въ особую книгу. На первый же разъ записалось 36 женщинъ въ возрастѣ отъ 14 до 55 лѣтъ. Достойно примѣчанія, что между записавшимися обучаться грамотѣ нашлись три „старообрядки“ поморскаго толка. Послѣ двухнедѣльнаго занятія замужнихъ женщинъ на вечернихъ классахъ, нѣкоторые изъ взрослыхъ, неграмотныхъ

мужичковъ-поселянъ, глядя на своихъ женъ, пришли къ священнику и также заявили о своемъ желаніи обучаться грамотѣ; но организацію обученія взрослыхъ крестьянъ о. Г. Быстровзоровъ рѣшилъ отложить до будущей осени, а пока заниматься только съ взрослымъ женскимъ населеніемъ. Пожелаемъ же успѣха этому доброму дѣлу, направленному исключительно въ цѣляхъ культурнаго развитія бѣдной деревенской женщины.

Н. У—въ.

ЗАМѢТКА.

Союзъ юношества въ посадѣ Воронкѣ, Стародубскаго уѣзда.

Въ посадѣ Воронкѣ, Стародубскаго уѣзда, Черн. г., открытъ Союзъ юношества подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ о. епархіальнаго миссіонера, священника Василя Родіонцева. Исторія возникновенія этого учрежденія такова. Епархіальный миссіонеръ въ п. Воронкѣ велъ публичныя чтенія, предметомъ которыхъ были какъ истины религіозно-нравственныя, такъ и вопросы сельско-хозяйственныя — по садоводству, огородничеству, мастерствамъ и т. п. Посѣщались эти чтенія не только взрослыми, но и молодыми людьми. Подъ вліяніемъ чтеній у послѣднихъ явилась мысль открытъ Союзъ юношества, члены котораго ставили бы своею задачею вести жизнь по-христіански, въ трудѣ и скромности. Съ этою цѣлію въ мартѣ мѣсяцѣ сего года они обратились къ отцу епархіальному миссіонеру съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія: „Мы, нижеподписавшіеся, молодые люди подъ вліяніемъ чтеній, веденныхъ Вами и Вашими сотрудниками въ церковной школѣ, ясно сознали ту распушенность, которая существуетъ среди молодежи въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ, ведущую вмѣстѣ съ тѣмъ и къ матеріальному обѣднѣнію. По долгомъ обсужденіи рѣшили при-

нять мѣры къ огражденію себя и юношества вообще отъ окружающаго насъ зла и выработали правила, при семъ прилагаемыя, которыя представляемъ на Ваше разсмотрѣніе и при этомъ покорнѣйшее просимъ Васъ быть руководителемъ и предсѣдателемъ учреждаемаго нами Союза юношества, а также просимъ Васъ ходатайствовать предъ г. начальникомъ губерніи объ утвержденіи выработанныхъ нами правилъ, для чего прилагаемъ гербовой сборъ“. Далѣе слѣдуютъ подписи учредителей.

Получивъ прошеніе и правила, о. Родіонцевъ устроилъ до десяти собраній, на которыя являлись молодые люди—иниціаторы Союза юношества, и бесѣдовалъ съ ними о необходимости жить по-христіански, въ мирѣ и согласіи, а также и о томъ, какъ лучше пріобрѣтать средства къ жизни, какъ хранить копейку, добытую честнымъ трудомъ, и т. п. Въ юношахъ замѣтно было не только вниманіе къ словамъ говорящаго, но и готовность осуществлять рекомендованное на дѣлѣ. Эти собранія оживлялись пѣніемъ духовныхъ пѣснопѣній, пріобрѣтенныхъ изъ Почаевской лавры, и прозведеній религіозно нравственнаго характера мѣстныхъ стихотворныхъ силъ.

О. Родіонцевъ, видя, что число молодыхъ людей, желающихъ поступить въ члены Союза, постепенно возрастаетъ, обратился къ мѣстному преосвященному съ просьбой ходатайствовать предъ начальникомъ губерніи о разрѣшеніи открыть Сіююзъ юношества и утвердить выработанныя для дѣятельности Союза правила, который и выразилъ свое согласіе на открытіе Союза и утвердилъ выработанныя для дѣятельности послѣдняго правила. (Совр. Лѣтоп.).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 16-го марта 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 13 — 14.

1909-го года 29 марта—5 апрѣля.

Содержаніе: I. Нынѣ вся исполнишася свѣта. Свящ. Н. Гроссу.—II. Не
можетъ быть. Разсказъ. Н. Колосовъ.—III. Мои воспоминанія. Проф.
Василій Пѣвницкій.—IV. Великій постъ. (Окопчаніе). М. Скабала-
новичъ.—V. Замѣчательная сельская матушка.

Нынѣ вся исполнишася свѣта.

Ни одно церковное торжество не возбуждаетъ въ насъ
такого высокаго настроенія духа, какъ Пасха Господня; ни
одинъ христіанскій праздникъ не захватываетъ всего нашего
существа въ такой безграничной мѣрѣ, какъ этотъ „праздни-
ковъ праздникъ“; ни одинъ день въ году не переживается
нами съ такою всесовершенною радостью, какъ „сей день,
его же сотвори Господь“. Подлинно, *нынѣ вси исполнишася
свѣта*. Всѣ, носящіе имя Христа, забывъ свои земныя от-
личія, свои взаимныя несогласія, недоразумѣнія, вражду, ны-
нѣ братски сливаются въ сладчайшемъ чувствѣ высшаго
религіознаго восторга. Отовсюду несутся къ небесамъ торже-

ственнѣйшіе гимны, и вся вселенная какъ бы вторить этимъ гимнамъ, озаряясь всесвѣтлымъ ликованіемъ земнородныхъ.

Что же дѣлаетъ Пасху Христову такимъ необычайнымъ, единственнымъ въ нашей жизни торжествомъ? Что приводитъ въ движеніе эти необъятныя волны міровой радости, которыя заливаютъ собою и небо, и землю, и преисподнюю? Откуда бьютъ источники нынѣшняго несравненнаго духовнаго веселья нашего?—Пусть отвѣтитъ намъ на эти вопросы сердце наше. Нынѣ всѣ мы получаемъ доступъ сюда, во внутреннѣйшая завѣсы, въ самое святое святыхъ нашего духа, всѣ мы дерзновенно входимъ сюда, и—что же?—мы находимъ здѣсь драгоцѣннѣйшую жемчужину, для приобрѣтенія которой человѣкъ продаетъ все, что имѣетъ; мы обрѣтаемъ здѣсь свѣтозарный образъ воскресшаго Христа во всемъ величій Его безсмертной, нетлѣнной красоты.

Давно, давно, на самой зарѣ нашей жизни мы восприняли въ себя этотъ образъ и стали обладателями евангельскаго приточнаго поля, на которомъ скрыто небесное сокровище. Но какъ часто мы забывали о своемъ богатствѣ, какъ часто мы проводили дни своей жизни, какъ нищіе, голодные и холодные, не знающіе никакихъ радостей и вѣчно томимые тоскливымъ желаніемъ чего-то недосягаемаго лучшаго! Изъ дня въ день, какъ невольники, мы обливались потомъ, копаясь въ пыли; какъ безнадежные плѣнники, уныло бродили мы, не смѣя и думать хотя бы о нѣкоторомъ подобіи того счастья, котораго никто не промѣняетъ ни на какія блага міра. Безъ утѣшенія въ прошедшемъ, безъ упованія на будущее, какъ часто мы казались страшными и себѣ и другимъ... Но вотъ наступила Пасха. Это восторженное *Христосъ воскресъ*, повторяемое милліонами голосовъ, точно безчисленныя струи живой воды, пало на изсушенную душу нашу, и она мгновенно преобразилась: всякій страхъ и беспокойство исчезли, сердце наполнилось сладкою надеждою, и воспрянулъ духъ нашъ какъ бы отъ тяжелаго кошмарнаго сна, загорѣвшись неземнымъ вдохновеніемъ; мы почувствова-

ли, что воскресшій Христосъ—съ нами и въ насъ, что въ день Его востанія изъ мертвыхъ въ таинственной глубинѣ нашего духа какъ бы обновляется Его чистѣйшій Образъ и мы вступаемъ въ царство незаходимаго свѣта, на насъ брызжутъ волны вѣчности; мы поняли въ этотъ день, что Побѣдитель смерти—наше богатство, и сила, и слава, и честь,—и надъ нами сбылось слово Иисуса Христа: *наки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возметъ отъ васъ.*

Конечно, можетъ быть, есть среди насъ и такіе, которые восторженно участвуютъ въ нашемъ пасхальномъ торжествѣ, не думая въ то же время о Христѣ воскресшемъ, которые, подобно древнему гонителю Савлу, продолжаютъ еще „знать Христа по плоти“, т. е. рассуждаютъ о Немъ, какъ о человѣкѣ простомъ, обыкновенномъ, похожемъ на всѣхъ насъ, во плоти живущихъ; но благознаменитаго нашего праздника это не омрачаетъ, даже болѣе того—сильнѣе просвѣтляетъ; ибо кто радуется съ нами въ этотъ свѣтлый день, не свидѣтельствуешь ли черезъ то, что и онъ—вѣрующій человѣкъ, что какъ бы далеко ни стоялъ онъ отъ вѣры нашей, отъ Церкви, отъ евангелія, какъ бы сильно ни обожжена была его душа зноемъ житейскимъ, все же въ ней скрывается образъ Воскресшаго, который можетъ стать нѣкогда источникомъ новой для нея жизни, и она можетъ дать обильный цвѣтъ и плодъ многъ... Такъ оживаетъ пшеничное зерно, цѣлыя тысячелѣтія погребенное въ мрачномъ подземеліи, какъ только къ нему получаютъ доступъ теплота солнечная и влага.

Какое великое въ этомъ утѣшеніе для всѣхъ насъ! Кто изъ насъ еще не освободился всецѣло отъ рабскаго унынія, кто чувствуетъ себя еще во власти стихій міра, у кого почва подъ ногами еще колеблется, въ комъ нѣтъ еще полного душевнаго мира, чьи глаза готовы еще слезы проливать, кто продолжаетъ еще томиться по невѣдомомъ блаженствѣ,—всѣ вѣрнемъ нынѣ свои трепещущія сердца Иисусу Христу, и

Онъ осіаетъ насъ, какъ нѣкогда апостола Павла, Своимъ прославленнымъ воскресшимъ тѣломъ, и мы станемъ новою тварью, ибо съ Нимъ древнее проходить... *се быша вся нова.*

Свящ. Н. Гроссу.

Не можетъ быть.

Пасхальныйъ разсказъ.

Посвящается Е. А. С.

„По убогой, запущенной церкви ходить священникъ. Кадить и поеть: „Хвалите имя Господне, хвалите рабы Господа“... Поеть и кадить, а рабовъ-то и нѣтъ: въ церкви пусто“...

В. Розановъ.

Уже съ середины поста у о. Петра по обыкновенію стало создаваться предпраздничное настроеніе. Самый постъ становился о. Петру все ближе и дороже. Онъ не только привыкалъ къ строгому воздержанію, но находилъ въ немъ особенную прелесть и сладость. Постъ усугублялъ радость ожиданія. И часто о. Петръ думалъ:

— А нѣкоторые не любятъ поста. Богъ съ ними, но я не понимаю: зачѣмъ они умалаютъ радость праздника? Въ постъ какъ-то углубляешься въ мысли о Христѣ, объ Его уничиженіи, объ Его терпѣннн и страстяхъ. Въ постъ страдаешь вмѣстѣ со Христомъ, а потомъ въ воскресеніи вмѣстѣ съ Нимъ воскресаешь.

И о. Петръ простаивалъ долгія, покаянныя службы, довольствовался супомъ съ грибами и чаемъ съ медомъ, съ улыбкой смотрѣлъ, какъ все ниже и ниже падаютъ снѣжные сугробы, какъ по утрамъ покрываются они глящевитымъ ледянымъ слоемъ, который серебрястыми брызгами горитъ на великопостномъ—веселомъ и вмѣстѣ меланхолическомъ—солнышкѣ.

— А вотъ здѣсь не таетъ, — говоритъ про себя о. Петръ, когда, проходя изъ церкви послѣ исповѣди, видѣлъ близъ узкой, извиистой тропинки доску или клокъ соломы, подъ которыми снѣгъ не таялъ и стоялъ маленькимъ, но задорнымъ бугоркомъ.

О. Петръ перебрасывалъ доску или солону на другое мѣсто, и радовался, когда, проходя по узкой, извиистой тропинкѣ на другой день, уже не видѣлъ задорнаго бугорка.

— Быстро таетъ. Скоро Пасха.

И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ напряженнѣе становилось у о. Петра чувство ожиданія праздника. Онъ чувствовалъ, будто сердце у него ширится и растетъ въ груди. Съ половины шестой недѣли начались уже и приготовления къ празднику. Въ церкви очищались отъ пыли иконы, кіоты, мылись стѣны и полъ, наводился блескъ на золотыя вещи, на сосуды, готовились лампадки и фонари для иллюминаціи, пересматривалась ризница, псаломщикъ въ церковной школѣ устраивалъ спѣвки къ празднику. Готовили концертъ „Да воскреснетъ Богъ“. Псаломщикъ назначалъ спѣвки по вечерамъ около 6 часовъ. Часовъ въ деревнѣ было не много, а тѣ, какіе были, показывали время по-разному. Поэтому нѣкоторые дисканты и альты приходили въ школу около 4 часовъ и раньше. Кромѣ пѣвчихъ, къ школѣ собирались любители пѣнія, и около школы всегда толпился народъ. Отъ этого казалось, что праздникъ совсѣмъ близко, что его уже вышли встрѣчать. Школьный сторожъ Трофимычъ чувствовалъ себя на спѣвкахъ чѣмъ-то въ родѣ героя и виновника торжества, съ важностью генерала ходилъ по школѣ, зачѣмъ-то передвигалъ парты, дѣлалъ сердитыя замѣчанія шаловливымъ дискантамъ и жарко-прежарко топилъ печку, ни подъ какимъ видомъ не позволяя зажигать лампы:

— Нынче керосинъ — отъ дорогъ.

Пѣли съ восковыми свѣчами. И это пѣніе въ полутьмѣ большой классной комнаты съ темными силуэтами слушателей по угламъ и съ красными, дрожащими бликами по стѣ-

намъ отъ горящихъ дровъ въ печкѣ придавало спѣвкамъ отпечатокъ чего-то необычнаго, съ одной стороны—торжественнаго, важнаго, съ другой—спѣшнаго, торопливаго, экстреннаго.

О. Петръ любилъ заходить на собранія въ школѣ послѣ вечерень, и необычная обстановка спѣвокъ еще болѣе усиливала предпраздничность его настроенія:

— Скоро Пасха.

Со Страстной недѣли начались приготовленія и въ самомъ домѣ о. Петра. Здѣсь тоже чистили, мыли, скоблили, рубили. Все въ домѣ было въ движеніи, все шумѣло, суетилось, воскрикывало, восклицало, скрипѣло, стучало, звенѣло. Въ домѣ о. Петра приготовленія велись совсѣмъ не такъ, какъ въ церкви или на спѣвкахъ, безъ торжественности и безъ внутренней сосредоточенности. Здѣсь—наоборотъ—все было нервно и иногда вздорно и смѣшно. И тѣмъ не менѣе, когда о. Петръ видѣлъ, какъ кухарка, растрепанная, грязная и сердитая, моя квашню и посуду, безпощадно плескала воду направо и налево и глухо ворчала что-то себѣ поднось по адресу матушки,—о. Петръ и въ этомъ ворчаньѣ кухарки слышалъ одно:

— Скоро Пасха.

Сегодня Страстная суббота. Послѣдній день... Пасха завтра... Во время обѣдни за пѣніемъ „Воскреси Боже“ перемѣнили облаченіе на престолѣ, на жертвенникѣ, на всѣхъ аналояхъ. вмѣсто темнаго надѣли все бѣлое, сверкающее. Раскрыли ярко вычищенные подсвѣчники и паникадила съ вставленными въ нихъ высокими бѣлыми, съ позолотой свѣчами. Въ церкви сразу стало какъ-то непривычно бѣло, свѣтло и чисто. Послѣ обѣдни благочестивыя женщины еще разъ вымыли полъ, украсили иконы и подсвѣчники розовыми и бѣлыми цвѣтами; староста со сторожемъ разставили по иконостасу и по аркамъ лампадки съ масломъ такъ, что онѣ образовывали вензеля „Х. В.“ и цѣлыя фразы: „Радуйтесь людіе! И паки реку: радуйтесь!“, „Нѣсть здѣ, но воста“ и т. дал. Въ 7 часовъ о. Петръ положилъ начало чтенію „Дѣ-

яній“, потомъ пришелъ домой, немного закусилъ, выпилъ два стакана чаю и, чтобы подкрѣпиться силами къ служенію праздничной утрени, прилежъ отдохнуть, распорядившись—непремѣнно разбудить его къ половинѣ 11-го.

О. Петръ сильно усталъ отъ службы и отъ поста на Страстной недѣлѣ. Предыдущую ночь онъ совсѣмъ не спалъ. Утреню служили около часу ночи. Спать хотѣлось, но какъ-то странно было спать въ необычайный, таинственный вечеръ предъ пасхальной заутреней. Тѣмъ не менѣе о. Петръ прилежъ. Усталость чувствовалась во всѣхъ членахъ. Все тѣло какъ будто каменѣло, но въ груди было такъ много жизни и остраго, горячаго чувства праздничной радости, что о. Петръ долго ворочался съ боку на бокъ, какъ это бываетъ при нервной взвинченности во время бессоницы. Но какъ бы то ни было усталость превозмогла напоръ чувствъ, и о. Петръ забылся.

И каково же было его смятеніе, его ужасъ и страхъ, когда онъ, проснувшись, увидѣлъ, что часы показываютъ... $\frac{1}{2}$ второго.

— Боже мой!—растерялся о. Петръ:—полночь давно прошла... Что же это такое! Какъ случилось?.. Не разбудили... Не разбудили... Какъ это такъ? Какъ это... Но гдѣ же всѣ?

О. Петръ въ замѣшательствѣ метался по комнатѣ, хватался то за одно, то за другое, бралъ не то, что было нужно, путался, задѣвалъ за стулья, уронилъ лампу, разбилъ стекло у часовъ.

— Боже мой! Ничего не найдешь... Да гдѣ же всѣ? Уѣхали въ другое село? Боже! Что такое? Кто здѣсь? Кто здѣсь?—выкрикивалъ о. Петръ.

Кое-какъ ему удалось набросить на себя рясу, и онъ съ взѣрошенными волосами, горячій, потный, стремглавъ бросился на улицу. Но едва онъ вышелъ, за калитку двора, какъ въ онѣмѣніи остановился.

— Что это?

На площади вокругъ церкви было совершенно темно и пусто. Ни въ одномъ окнѣ не было видно ни огонька. Не было слышно ни звука. Это совсѣмъ не такъ, какъ въ пасхальную ночь. Тогда церковь и изнутри и снаружи горитъ сотнями огней. Тогда гулъ голосовъ на площади несется далеко за рѣку и эхомъ отдается гдѣ-то тамъ въ горахъ. А это? Боже!..

О. Петръ не могъ двинуться съ мѣста. Взглядъ его упалъ на деревню. И тутъ все было, какъ обычно. Ночь какъ ночь. Самая обыкновенная ночь. Въ крестьянскихъ избахъ темно. Вокругъ ничто не зашелохнетъ. Слышно, какъ работаетъ на рѣкѣ водяная мельница.

— Работаютъ!—ужаснулся о. Петръ:—въ такой день работаютъ!..

И онъ почти прокричалъ:

— Не понимаю. Ничего не понимаю.

На крикъ о. Петра отозвалась гдѣ-то на деревнѣ собака. На чьемъ-то дворѣ звякнуло ведро, и послышался голосъ:

— Да тпру, стой!.. Тпру...

Ничего похожего на пасхальную ночь.

О. Петръ въ недоумѣніи бросился опять къ себѣ въ домъ. Вездѣ тишина. Но въ столовой накрытъ столъ. Бѣлоснѣжная скатерть блеститъ. На ней куличъ, сыръ, яйца, витчина, все какъ нужно для Пасхи. На всемъ въ домѣ чистота и праздничность.

— Нѣтъ... Пасха, Пасха... Но какъ же такъ? Что же церковь?..

О. Петръ опрометью направился къ церкви. Подошелъ къ двери; взялся за скобку—заперта. Посмотрѣлъ на сторожку—темно.

— Это все сторожь... Прохорычъ,—рѣшилъ почему-то о. Петръ:—это онъ проспалъ. Онъ. Потому такъ это все и... Потому...

О. Петръ подбѣжалъ къ сторожкѣ и беспощадно засту-
чалъ по подоконнику:

— Прохорычъ! Прохорычъ! Проспаль! Заутреню про-
спаль!.. Скорѣе!..

Отвѣта не было.

— Прохорычъ!—еще громче кричалъ о. Петръ и еще
громче стучалъ кулакомъ по подоконнику.

Окно отворилось, но высунулась изъ него голова не
Прохорыча, а кого-то другого, бритаго и похожаго на швей-
цара.

— Какой Прохорычъ? Что такое? Пожаръ? Гдѣ по-
жаръ?—спрашивала голова: а? что?

— Да проспали заутреню,—горячился о. Петръ:—звони
скорѣе... Скорѣе!.. Понялъ что ли? Сегодня Пасха... Къ за-
утренѣ скорѣе... Ну?

Голова нѣсколько мгновений въ недоумѣніи помолчала,
потомъ сощурила заспанные глаза, внимательно и подозри-
тельно окинула взоромъ фигуру о. Петра и, наконецъ, за-
говорила:

— Заутреня? Пасха?.. Гм... Чудно!.. Какая такая за-
утреня?

— О, Господи Боже мой,—волновался о. Петръ:—онъ
еще не понимаетъ!—Да вѣдь нынче же Пасха, Пасха...
Сейчасъ заутреню нужно... Пасхальную заутреню...

Голова опять промычала „гмъ“, опять подозрительнымъ
взглядомъ окинула о. Петра и, изобразивъ гримасу удивле-
нія и досады на лицѣ, промолвила:

— Я сейчасъ къ вамъ выйду.

Черезъ нѣсколько минутъ предъ о. Петромъ стоялъ че-
ловѣкъ, одѣтый въ какую-то форменную одежду и похожій
не то на швейцара, не то на англійскаго кучера.

— Простите,—началъ онъ:—я васъ совсѣмъ не могу
понять. Прежде всего скажите пожалуйста—кто вы?

— Какъ кто?—почти съ плачемъ отвѣчалъ о. Петръ:—
я здѣшній священникъ! Священникъ здѣшній! И сегодня

Пасха. Нужно служить, но я проспалъ, и всѣ проспали... Что же вы молчите? Господи! я тоже ничего не понимаю.

— А я начинаю понимать,—съ разстановкой произнесъ человѣкъ въ формѣ:—вы, очевидно, слишкомъ много занимались своими дѣлами или еще что-нибудь такое и упустили изъ виду, что теперь не существуетъ ни Пасхи, ни заутренни, ничего такого...

У о. Петра зашевелились волосы на головѣ. Онъ стоялъ и широко раскрытыми, неподвижными глазами смотрѣлъ на человѣка въ формѣ.

— Вотъ, присядьте, прошу васъ, предложилъ сторожъ: здѣсь у меня скамейка. Вы очень слабы. Или—если угодно—я провожу васъ до дому?

— Куда проводить?—До какого до дому?—простоналъ о. Петръ:—я хочу служить.—Пасха, Пасха сегодня. Сегодня великій праздникъ...

— Ахъ, да нѣтъ же,—раздражаясь уже проговорилъ человѣкъ въ формѣ:—я же вамъ говорю, что теперь упразднены всѣ праздники.

И вдругъ словно молнія прорѣзала мысль о. Петра. Онъ вспомнилъ, какъ недавно, совсѣмъ—кажется ему—недавно кто-то говорилъ, что у насъ слишкомъ много праздниковъ, что храмы, поны и церковныя школы—это только одинъ вредъ для народа, что службы и постъ, это только доходная статья для духовенства и т. дал. и т. дал. Вспомнилъ о. Петръ и о томъ, какъ разъ одинъ мужикъ, когда о. Петръ говорилъ ему о необходимости говѣнія и исповѣди, и пользѣ бодрствованія надъ душою, дерзко и нетерпѣливо сказалъ ему:

— А плевать бы я хотѣлъ на все это. Какая тамъ еще душа? Брюхо—вотъ это я понимаю. Да вотъ развѣ еще кулакъ. А остальное?—Да по мнѣ вы свои церкви хоть запечатайте совсѣмъ. И не почешусь.

О. Петръ понялъ все и тихо уже, робкимъ и убитымъ тономъ спросилъ:

— Значить, запечатана?

— Да. Запечатана... То есть не то, чтобы совсѣмъ запечатана... Иногда отпираемъ. Для посѣтителей. Интересуются нѣкоторые, какъ это тамъ было раньше.

О. Петръ улыбнулся неестественной, болѣзненной улыбкой.

— Какъ музей?—спросилъ онъ, глядя исподлобья.

— Вотъ—вотъ. Какъ музей. Именно...

— Пустите меня!—тихо и просительно проговорилъ о. Петръ, и въ тонѣ его голоса слышалась невѣроятная скорбь, гнетущая тоска и вмѣстѣ огненное желаніе быть въ церкви, видѣть святой алтарь, а также и боязнь, что человѣкъ въ формѣ не пуститъ его въ церковь. Вѣдь теперь все зависитъ уже отъ него.

Человѣкъ въ формѣ съ состраданіемъ посмотрѣлъ на о. Петра и проговорилъ:

— У насъ входъ бываетъ открытъ только два раза въ недѣлю отъ 12 до 3-хъ. Вотъ пожалуйста во вторникъ. А теперь уже и поздно.

— Но вѣдь нынче же Пасха, Пасха! Какъ же во вторникъ! — прокричалъ о. Петръ: — а какъ вы пускаете? За плату?

— 15 коп. съ персоны.

— Послушайте!—схватилъ о. Петръ сторожа за руку:— я вамъ заплачу 15 рублей. Мало? Я вамъ отдамъ все, что у меня есть. Но пустите меня сейчасъ. Сейчасъ.

Сторожъ постоялъ съ минуту въ нерѣшительности.

— Ну ужъ что съ вами дѣлать! — рѣшилъ онъ наконецъ.

Когда сторожъ, запасшись фонаремъ, отперъ знакомый о. Петру замокъ, знакомый ему тяжелой, обитой желѣзомъ и скрипучей двери, имъ овладѣла нервная дрожь.

Господи, спаси и помилуй! Господи!

Сторожъ смотрѣлъ на о. Петра съ удивленіемъ.

Отперли и вторую дверь, и о. Петръ очутился въ церкви.

Чѣмъ-то непривычнымъ и жуткимъ пахнуло на о. Петра. Повидимому, все въ церкви было какъ и раньше. Осталось все прежнее. Да. Прежнее, прежнее. Вотъ прежнія иконы. Тѣ самыя, предъ которыми о. Петръ отслужилъ столько литургій, отпѣлъ столько молебновъ и акаѳистовъ, предъ которыми ставилъ свѣчи и кадиль ладономъ. И сколько глазъ устремлялось бывало—къ этимъ иконамъ, сколько предъ ними было пролито слезъ и горестныхъ, и радостныхъ и благодарныхъ!.. Тѣ самыя иконы... Тогдашнія... И все тогдашнее.. И плащаница здѣсь, у стѣны. И панихидный столикъ... И этотъ орѣховый кіотъ съ иконой Пантелеимона. Да все, все... Но какъ все это посиротѣло, какъ одиноко все и уныло. Подсвѣчники покосились—и да, да—покрылись ржавчиной. Вотъ видно даже при фонарѣ. Рѣзьба искрошилась и то тамъ, то здѣсь валяется на полу. Подъ ногами даже трещить. О. Петръ поднялъ вѣночекъ съ постукнѣвшей позолотой. Но куда его? Онъ былъ тамъ наверху кіота. О. Петръ бережно положилъ вѣночекъ на окно. Руку его сейчасъ же опутала густая, липкая паутина. Батюшка пошелъ дальше. Подъ ногами хрустѣла рѣзьба и трещали стекла. Должно были разбиты окна. О. Петръ взглянулъ вверхъ. По аркѣ были разставлены стаканчики. Можно было разобрать вензеля.

— Боже мой!—обрадовался о. Петръ:—какъ тогда!

Но многіе стаканчики выпали и съ застывшимъ масломъ валялись на полу.

— Какое запустѣніе!—подумалъ о. Петръ:—хоть бы убрали...

Ходя по церкви изъ угла въ уголь, о. Петръ съ нѣжностью, съ чисто материнской ласковостью дотрогивался то до одной вещи, то до другой, прижималъ къ себѣ, подолгу держалъ въ рукахъ, цѣловалъ и крестился.

Пришли на клиросъ. Все было попрежнему. Вотъ столикъ, за которымъ читали шестопсалміе, часы и проч. Вотъ

мѣсто, гдѣ всегда стоялъ басъ Никанорычъ. Шкапикъ съ книгами. И книги все тѣ же... Апостоль, часословъ...

— Боже мой!—пугался о. Петръ:—ужели это я? Я, о. Петръ, здѣшній священникъ? И ужели это та церковь, гдѣ я служилъ? Боже мой!..

О. Петръ прошелъ на амвонъ. Все постарому. Обратился къ западнымъ дверямъ и долго стоялъ неподвижно.

— Это Пасха?—думалъ онъ:—а бывало? А? Сколько радостныхъ, оживленныхъ лицъ видно было съ этого амвона! Какой чувствовался религиозный подъемъ! Праздничныя одежды, бывало... Свѣчи въ рукахъ...

— Миръ всѣ-ѣмъ!—протянулъ о. Петръ, и голосъ у него оборвался. Лицо перекосила судорога.

— Можно ли больше надругаться надъ вѣрующей душой?—подумалъ онъ:—поистинѣ золь и мстителенъ сатана. Гдѣ пасхальные цвѣты? Гдѣ огни пасхальные? Гдѣ радость? Гдѣ восторгъ? Гдѣ ликующіе гимны? О-о!..

О. Петръ отыскалъ въ шкапѣ цвѣтную тріодь и открылъ ее на первыхъ страницахъ.

Сторожъ поставилъ фонарь въ сторону, а самъ присѣлъ на сундукъ въ углу и задремалъ. О. Петръ попробовалъ читать по тріоди, но было темно.

— Нѣтъ ли гдѣ здѣсь свѣчи? На клиросѣ всегда были свѣчи... Дѣйствительно, тутъ же на окнѣ оказался желтый огарокъ, твердый, какъ гвоздь.

О. Петръ подошелъ къ фонарю и приложилъ огарокъ къ огню.

Огарокъ затрещалъ, и о. Петръ радостно улыбнулся. Онъ всегда любилъ этотъ трескъ свѣчи ранними утрами, когда онъ еще до разсвѣта приходилъ въ церковь и самъ зажигалъ первую свѣчу. Онъ и вообще любилъ свѣчу, именно желтую, восковую, такую пахучую. Любилъ ея запахъ, ея скромный и пугливый огонекъ, любилъ онъ молиться со свѣчей. Она какъ будто зажигала что-то въ душѣ, какъ будто говорила ей что-то. Она сама была какъ будто что-то живое

и нѣжное. О. Петръ долгимъ, любовнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на свѣчу и поднесъ ее къ тріоди.

Имъ опять овладѣла нервная дрожь.

Какія слова! Какъ все это близко! Какъ дорого!

„Объ часѣ утреннемъ паракклизіархъ..., вшедь во храмъ, жжигаетъ свѣцы вся, и кандила: устрояетъ же сосуды два со углемъ горящимъ, и влагаетъ въ нихъ оиміама много благовоннаго..., яко да исполнится церковь вся благовонія. Таже настоятель... со іерей и діаконы облачатся въ весь свѣтлѣйшій санъ“.

И дальше:

„Сей день егоже сотвори Господь, возрадуемся“...

Знакомыя, любимыя, священныя страницы! Помнить о. Петръ, какъ еще будучи ученикомъ духовнаго училища, любилъ онъ Великимъ постомъ заглядывать въ эти завѣтныя страницы, и какъ тогда еще святые и торжественныя слова наполняли его благоговѣйнымъ трепетомъ.

О. Петръ медленнымъ шопотомъ читалъ страницу за страницей:

„Очистимъ чувства и узримъ... Христа блистающая... Да празднуетъ же міръ... Христосъ бо воста... Веселіе вѣчное.

— *Вѣчное!*—остановился о. Петръ и продолжалъ читать дальше:

...изъ гроба Красное правды намъ возсія Солнце... О, другиники! Приидите вонями помажемъ тѣло живоносное... Возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь: се бо придоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада, и сѣвера, и моря, и востока чада твоя, въ тебѣ благословящая Христа вѣвѣки!“

— *Во вѣки... Во вѣки...*—повторялъ о. Петръ.

Въ глазахъ у него зарыбило. И дышущія радостью слова священныхъ пѣсенъ, и восковыя капли на листахъ тріоди, и какой-то особенный, ни съ чѣмъ несравнимый запахъ отъ церковныхъ кожаныхъ книгъ—все это казалось о. Петру

до того сроднымъ, во всемъ этомъ было такъ много души о. Петра, а также души его отца, дѣда, прадѣда, души дьячка Ивана Кузьмича и всѣхъ его предковъ, души церковнаго старосты, церковнаго сторожа, здѣсь было такъ много подлинной, живой души каждаго русскаго мужика, всего русскаго народа, что взять все это и куда-то запереть, взять цвѣтную трюдь и не дать возможности держать ее въ пасхальную заутреню предъ радостными, возбужденными лицами пѣвчихъ, не капать на ея листы воскомъ, не пѣть по нимъ веселыми играющими напѣвами сладостныхъ пѣсней, — да это... это невозможно? Это просто невѣроятно! Это значить взять душу у о. Петра, у Ивана Кузьмича, у всѣхъ мужиковъ, у всего народа и совершить надъ этою душою, живою и не думающею умирать, совершить какое-то тяжкое и гнусное преступленіе... Нѣтъ! Это невозможно. И не можетъ быть сомнѣнія, что вотъ нынче же, сейчасъ, въ эту же ночь запоютъ по старымъ, закапаннымъ страницамъ трюди, оживятъ эти страницы, а также жизнью наполнятъ и все вокругъ... Это несомнѣнно.

Но о. Петръ оглянулся назадъ, увидѣлъ грязь и пустоту церкви, услышалъ храпъ сторожа въ темномъ углу и стремительный потокъ его радужныхъ мыслей разомъ оборвался. Онъ посмотрѣлъ на книгу, горько усмѣхнулся, оглянулся на сторожа и робко, стыдливо какъ-то спросилъ:

— А послушайте... Господинь!.. Послушайте... Можно здѣсь немного попѣть?.. я потихоньку бы... А?

Совсѣмъ было заснувшій сторожъ приподнялся на локтѣ, посмотрѣлъ вокругъ, увидѣлъ, что ничего особеннаго не произошло и пробормоталъ:

— Ладно... Пожалуйста...

О. Петръ торопливымъ шагомъ на цыпочкахъ подошелъ къ ризничному шкапу и отворилъ его. Двери на ржавыхъ петляхъ заскрипѣли незнакомымъ, рѣжущимъ звукомъ. О. Петръ бралъ то одну ризу, то другую...

— Вотъ, вотъ она... Пасхальная,—прознесъ онъ и, благословивъ бѣлу, отсырѣвшую ризу, облачился.

Торопливо и осторожно, куда-то спѣша и чего-то опасаясь, прошелъ онъ въ алтарь. Сталь предъ престоломъ и неувѣреннымъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ возгласилъ:

— Слава святѣй... и нераздѣлимѣй Троицѣ...

И самъ же запѣлъ:

— Ами-инь.

И затѣмъ пролжалъ:

— Христось воскресе изъ ме-ертвыхъ, смертію смертью попра-авъ...

Голосъ о. Петра звучалъ въ пустой, заброшенной церкви глухо и странно. И въ звукахъ этого одинокаго голоса пустота и заброшенность церкви сказывались какъ-то рѣзче, больнѣе и несноснѣе.

— И сущимъ во гробѣ-ѣхъ...

Но здѣсь голосъ о. Петра опять оборвался. Онъ безсильно опустился предъ престоломъ на колѣна, положилъ на него свою голову и громко и безудержно зарыдалъ:

— Господи, Господи!—говорилъ онъ между рыданьями: великій Боже! За что такое наказаніе? За что мука такая? Ужасъ, ужасъ! Господи! Лучше возьми меня отъ этого кошмара. Возьми къ Себѣ. Господи! Возьми къ Себѣ. Или пошли, Господи, людямъ вѣру. Пошли любовь. Утверди, Господи, вѣру ихъ. Растопи ледъ ихъ сердець. Воскресни, Господи, въ душахъ нашихъ. Соедини насъ во имя Твое. Господи! Помогни невѣрію нашему. Или... возьми... возьми меня къ Себѣ... Не дай мнѣ видѣть этого страшнаго позора... Возьми...

О. Петръ рыдалъ все громче. Все его тѣло судорожно вздрагивало. Онъ чувствовалъ, что облаченіе престола стало мокро отъ его слезъ. Но слезамъ какъ будто не было конца.

— Господи! Возьми, возьми меня къ Себѣ...

— Батюшка, а батюшка!—раздалось вдругъ надъ ухомъ о. Петра:—да батюшка. Господи, заспался что-то... Батюшка!

Къ утрени пора! Въ Новоселкакъ благовѣстять ужъ. И у насъ все готово. Батюшка!

О. Петръ вскочилъ со своей постели встрепанный, раскраснѣвшійся отъ волненія, потный.

Нѣсколько секундъ онъ, какъ пораженный громомъ, стоялъ неподвижно напротивъ церковнаго сторожа Прохорыча и не говорилъ ни слова

Потомъ онъ порывисто перекрестился разъ и другой. Оглянулся кругомъ, внимательно осмотрѣлъ Прохорыча и вдругъ засмѣялся веселымъ, радостнымъ смѣхомъ.

— Такъ это, значить, сонъ! — вскричалъ онъ:—слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Господи!

Онъ обернулся къ иконамъ и опять перекрестился.

— Али сонъ худой приснился, батюшка?—спросилъ недоумѣвающій Прохорычъ.

— И не говори! Такой худой сонъ...—отвѣчалъ о. Петръ и побѣждалъ умываться.

— Значить, сонъ, сонъ, — повторялъ онъ одно и то же:—слава Богу. Но какой же это былъ ужасъ! Какой ужасъ! Господи, благодарю Тебя! Это былъ сонъ... Да конечно. Какъ же могло быть иначе? Развѣ это возможно въ дѣйствительности? Безусловно нѣтъ. Это просто нелѣно. Это совершенно невозможно. Этого никогда *не можетъ быть*. Да. Да. *Не можетъ быть*.

О. Петръ выглянулъ на площадь. Церковь была вся въ огнѣ и поднималась къ небу, какъ одна колоссальная свѣча. Вокругъ церкви копошился и гудѣлъ народъ. Собирались жечь смоляныя бочки.

— Конечно, конечно, — торопливо говорилъ о. Петръ:—ничего того не можетъ быть. Не можетъ быть. Такой праздникъ... *Не можетъ быть*...

Когда о. Петръ, одѣвшись, вышелъ на улицу, на него тепло и ласково пахнулъ весенній вѣтеръ. Слышался запахъ

прѣлой земли и распускающихся почекъ. Въ мягкомъ и влажномъ воздухѣ плавными, но упругими волнами колебались звуки торжественнаго, чистаго благовѣста въ сосѣднихъ селахъ.

— Какъ хорошо!—вырвалось у о. Петра:—что можетъ сравниться съ этой ночью?

Войдя въ церковь, о. Петръ увидѣлъ горячіе вензеля, алтарь, сіяющій огнями и цвѣтами. Изображеніе воскресенія все было увито цвѣтами, бѣлыми, розовыми, и казалось, что это Христось идетъ по цвѣтамъ въ саду Іосифа Аримаѳейскаго, чтобы сказать Магдалинѣ и прочимъ:

— Радуйтесь.

О. Петръ началъ службу съ особымъ подъемомъ чувства, съ какимъ-то необычнымъ трепетаніемъ въ груди. Онъ предъ своими глазами видѣлъ все то, чего такъ безпочно искалъ въ кошмарномъ снѣ. Радость его было безпредѣльна и слышалась въ каждомъ звукѣ его голоса, видѣлась въ каждомъ его движеніи. Отвѣтнымъ аккордомъ эта радость о. Петра поднималась со глубины сердца богомольцевъ.

Когда послѣ пѣнія предъ закрытыми дверями о. Петръ вошелъ въ искрящуюся огнями, наряженную цвѣтами, блистающую церковь и до паѳоса напряженнымъ голосомъ возгласилъ: „Христось воскресе!“—религіозное возбужденіе народной массы достигло апогея.

— Воистину, воистину воскресе!—гудѣла и ревѣла она:—воистину?..

И въ этомъ „воистину“ было что-то стихійное, здѣсь выражалось что-то непобѣдимое, какъ всякая стихія, что-то вѣчное, неподлежащее умиранію. Въ этомъ стихійномъ „воистину“ выливалось все лучшее, что есть въ человѣкѣ, все подлинно человѣческое и свыше человѣческое, здѣсь духовное, Божественное начало въ человѣкѣ какъ бы облекалось плотью и костями, принимало конкретныя формы и становилось очевиднымъ, осязаемымъ, реальнымъ...

— Воистину!

— Христось воскресе!—еще и еще возглашалъ о. Петръ подь аккомпаниментъ ликующаго пѣнія.

И отвѣтъ ему еще и еще несся стихійный гулъ, заглушавшій и голосъ о. Петра, и пѣніе всего хора:

— Воистину, воистину!...

А о. Петръ въ этомъ гулѣ слышалъ свое собственное:

— *Не можетъ быть... Не можетъ быть...*

И онъ служилъ съ такой силой чувства, съ такой любовью ко Христу воскресшему и съ такимъ огнемъ священнаго воодушевленія, какъ казалось ему, никогда раньше.

— Какъ хорошо-то, батюшка, какъ хорошо прошепталь сторожь Прохорычъ, подавая о. Петру въ концѣ утрени тресвѣчникъ:—какъ въ раю... И солнце играетъ...

Въ глазахъ старика стояли слезы.

И о. Петръ не удержался и заплакалъ. Но не тѣми слезами тоски и отчаянія, которыми онъ такъ недавно—казлось—плакалъ предъ этимъ же престоломъ, а слезами дѣтской радости и чистаго восторга.

Н. Колосовъ.

Мои воспоминанія.

Отъ Редакціи. „Воспомянанія“, къ печатанію которыхъ приступаетъ Редакція „Руководства для сельскихъ пастырей“, принадлежатъ перу извѣстнаго маститаго профессора Кіевской Духовной Академіи *Василія Ѳеодоровича Пѣвничаго*. Уже одно имя В. Ѳ—ча, какъ высоко-авторитетнаго профессора церковнаго краснорѣчія, придаетъ его „Воспоминаніямъ“ цѣнный автобіографическій интересъ, несомнѣнно близкій читателямъ нашего журнаго,—а высокая религіозная настроенность автора „Воспоминаній“, чистота и благородство его воззрѣній на жизнь, благодарная, но и вмѣстѣ правдивая, память о людяхъ, съ которыми соприкасался и жилъ авторъ,—эти и другія высокія качества, которыми отъ слова до слова проникнуты его „Воспоминанія“, сообщаютъ имъ

значеніе назидательнаго и посему жизненно-руководственнаго въ общемъ смыслѣ этого слова чтенія. Независимо отъ этого, въ „Воспоминаніяхъ“ весьма много характерныхъ въ духовно-бытовомъ отношеніи страницъ, имѣтъ ли здѣсь въ виду воспроизводимый авторомъ укладъ семейной жизни сельскаго священника, характеръ домашняго воспитанія, или строй церковно-приходской жизни и быть духовныхъ училищъ за слишкомъ полвѣка тому назадъ до нашего времени. Съ этой стороны „Воспоминанія“ В. Θ. Пѣвницкаго будутъ, несомнѣнно, имѣтъ для читателей нашего журнала живой интересъ не только теоретическій, но до извѣстной степени и практической,—интересъ жизненныхъ уроковъ и полезныхъ указаній (сн. Цс. 142, 5). „Воспоминанія“, которыми въ настоящемъ случаѣ располагаетъ Редакція, прерываются моментомъ окончанія В. Θ.—чемъ духовнаго училища.

Достигши глубокой старости, проживъ семьдесятъ семь лѣтъ, я своимъ воспоминаніемъ и съ чувствомъ отраднаго успокоенія обращаюсь къ протекшей жизни моей. Предо мною разстилается длинная пестрая цѣнь событій, то свѣтлыхъ и радостныхъ, то темныхъ и скорбныхъ. Но надъ всѣмъ сплетеніемъ событій, мною пережитыхъ, видима была и чувствуется мною благая промыслительная рука Всевышняго, управляющая нашими судьбами. Она и въ несчастіяхъ, меня постигшихъ, давала мнѣ утѣшеніе и облегченіе, и съ тяжелыхъ и опасныхъ путей направляла на путь добрый и надежный. Подъ ея благодѣтельнымъ покровомъ обыденная будничная нить моей жизни развивались такъ гладко, что меня считали счастливымъ человѣкомъ, ущедряемымъ дарами благодати Божіей. Много я пережилъ, много перечувствовалъ, и не мало страдалъ. Но слагая все, пережитое мною, не могу не воздать благодаренія Господу, давшему мнѣ силы и крѣпость, и ущедрявшему меня Своими милостями. Съ чувствомъ умиленнаго благодаренія Богу за все я приближаюсь

къ ожидающему меня, можетъ быть, не въ далекомъ будущемъ концу своей жизни.

Жизнь моя ближайшимъ образомъ соприкасалась съ жизнью духовно-учебныхъ заведеній. Пять лѣтъ я учился въ Муромскомъ духовномъ училищѣ, пять лѣтъ во Владимірской духовной семинаріи, и четыре года въ Кіевской духовной академіи. А затѣмъ, по окончаніи курса въ академіи, я болѣе пятидесяти лѣтъ былъ профессоромъ академіи, въ которой получилъ окончательное образованіе. Главныя мои воспоминанія касаются этихъ духовно-учебныхъ заведеній, и въ моихъ воспоминаніяхъ и сторонніе читатели, можетъ быть, найдутъ не мало интереснаго для себя.

I.

Моя родина.

Моя родина—Васильевскій погостъ Муромскаго уѣзда Владимірской губерніи, отстоящій въ десяти верстахъ отъ города Мурома. Въ погостѣ жили только одни члены причта, и не было ни одной крестьянской хаты. Причтъ состоялъ изъ трехъ священниковъ, двухъ діаконъ, трехъ дьячковъ и трехъ пономарей, и кромѣ того была просфорня, вдова умершаго причетника, жившая въ небольшой избѣ съ своею матерію. Послѣ сокращенія штатовъ въ концѣ шестидесятихъ годовъ, уменьшенъ составъ причта Васильевского погоста, и въ настоящее время въ немъ только два священника, одинъ діаконъ и два псаломщика.

Въ годы моего дѣтства священническія вакансіи въ Васильевскомъ погостѣ занимали мой отецъ Ѳеодоръ Цѣвницкій, Михаилъ Воскресенскій и Борисъ Обтемперанскій. Мой отецъ былъ студентъ, а Воскресенскій и Обтемперанскій кончили курсъ во второмъ разрядѣ. Мой отецъ и Михаилъ Воскресенскій были товарищи по семинаріи, и оба кончили курсъ въ 1822 году, а Борисъ Обтемперанскій въ 1832 году. Моему отцу предлагали отправиться въ Московскую акаде-

мію, но онъ уклонился отъ этого назначенія, указывая на то, что отъ него ждетъ поддержки себѣ его мать—вдова, которая потомъ до самой смерти жила при немъ. Мой отецъ не сразу поступилъ въ Васильевскій погостъ, а первоначально опредѣленъ былъ на мѣсто священника въ село Малиново Суджидскаго уѣзна. Но онъ не долго тамъ пробылъ, а перепросился въ Васильевскій погостъ, чтобы быть ближе къ мѣсту родины своей супруги,—Евгеніи Ивановны, которая была изъ села Верхозерья, отстоящаго въ двадцати верстахъ отъ Васильевского погоста.

Ближайшимъ лицомъ къ моему отцу и нашему семейству въ погостъ былъ причетникъ Иванъ Ананьичъ Грандицкій, по служебному положенію состоявшій въ причтѣ отца Михаила Воскресенскаго. Онъ былъ хорошій хозяинъ и человѣкъ домовитый. У него былъ едва ли не самый лучшій домъ въ погостѣ, состроенный изъ толстыхъ бревенъ, и хозяйственная часть поставлена была очень исправно,—лучше, чѣмъ у другихъ. Онъ былъ ближайшій сосѣдь нашъ, и къ нему обращались наши домашніе, когда нужно было стороннее содѣйствіе для удовлетворенія какой-либо потребности домашняго обихода. Но онъ не дожилъ до старости, и скончался отъ тифа въ цвѣтущемъ возрастѣ, оставивъ семь человѣкъ дѣтей, заразившись отъ сына, привезеннаго больнымъ изъ Муромскаго училища. Мѣсто его зачислено было за его старшимъ сыномъ, тогда ученикомъ Муромскаго училища. И послѣ его смерти семейство Грандицкихъ было въ наиболѣе близкихъ отношеніяхъ съ нами.

Всего двѣнадцать домовъ было въ Васильевскомъ погостѣ; но много было молодежи; въ каждомъ почти семействѣ было нѣсколько дѣтей, и между ними довольно учащихся въ училищѣ духовномъ или семинаріи. Когда въ вакаціонные дни или въ праздничные отпуска они изъ школы прїѣзжали домой, въ погостъ было оживленіе. Учащіеся мальчики и юноши, возвратившись изъ школы домой, принимали участіе въ чтеніи и пѣніи при богослуженіи, и благодаря обилію

чтецовъ и пѣвцовъ, богослуженіе въ церкви погоста отправлялось съ большею торжественностію, чѣмъ въ селахъ однопричтовыхъ. Въ особенности эта торжественность соблюдалась въ пасхальные дни. Пасхальная утренняя совершалась съ большимъ великолѣніемъ, чѣмъ нынѣ въ городахъ. Ирмосы и пѣсни канона не сокращались, какъ нынѣ обыкновенно дѣлается и въ городскихъ церквахъ, а пѣсни пѣли на двѣнадцать, какъ положено по уставу, и пѣли на двухъ клиросахъ, а для катавасіи сходились оба лика, и образовывали длинную линію, простиравшуюся отъ одного клироса до другого, и причетники при этомъ были въ стихаряхъ..

У подрастающаго поколѣнія въ Васильевскомъ погостѣ, по внушенію родителей, усердіе къ церкви было большое. Въ воскресные и праздничные дни нельзя было пропустить ни одного богослуженія: опущеніе богослуженія въ такіе дни считалось большимъ грѣхомъ. Въ большіе праздники зимою утренняя служилась иногда въ три, а иногда даже въ два часа, и церковь была холодная; но мы вставали по звону и шли въ церковь вмѣстѣ съ родителями, и намъ малочувствителенъ и не страшень былъ морозъ и холодъ въ неотапленной церкви. Помню, одинъ изъ нашихъ подростковъ (Александръ Михайловичъ Воскресенскій, впоследствии протоіерей и профессоръ Кіевской духовной академіи), въ самые юные годы свои, когда, кажется, еще не учился въ школѣ, въ первый день Пасхи опоздалъ къ обѣднѣ, заспавши послѣ утрени (литургія не служилась непосредственно послѣ утрени, какъ теперь принято въ городахъ и нѣкоторыхъ селахъ, а начиналась часовъ въ семь или восемь), и пришелъ въ церковь, когда пѣли: „Тебе поемъ, Тебе благословимъ“. Это невольное опозданіе къ обѣднѣ въ такой великій праздникъ такъ огорчило его, что онъ тотчасъ же, пришедши на клиросъ, разрыдался въ церкви.

Въ погостѣ, припоминаю я изъ первыхъ лѣтъ моего сознанія, были двѣ деревянные церкви,—одна довольно высокая, стоявшая на югозападной сторонѣ погоста, освящен-

ная въ честь святаго Василя Великаго; вокругъ нея было кладбище, которое и нынѣ тамъ находится. Помню, я разъ былъ въ этой церкви въ великій четвергъ, когда причащался; у меня осталась въ памяти довольно высокая лѣстница, по которой восходили въ церковь. Эта церковь предназначена была къ сломкѣ, и въ ней служили очень рѣдко. Другая деревянная церковь, болѣе низкая и меньшая по размѣрамъ, стояла на юговосточной сторонѣ погоста; освящена она была въ честь Казанской иконы Богоматери. И эта церковь предназначена была къ сломкѣ. Кромѣ внѣшняго вида этой церкви у меня ничего не осталось объ ней въ памяти, и, кажется, едва ли я былъ когда въ этой церкви. Обѣ эти церкви были сломаны въ самые первые годы моей жизни, когда я былъ малымъ мальчикомъ, при этомъ и былъ свидѣтелемъ, когда предавали огню престолы этихъ церквей. Члены причта, присутствовавшіе при сожженіи престола, разъясняли намъ, малымъ, что дерево, изъ котораго сооруженъ престолъ, на которомъ совершалась святая высокая тайна, не можетъ быть употребляемо ни на какое житейское дѣло,—а должно предаваться сожженію.

Въ годъ моего рожденія, въ 1832 году, заложена была каменная трехпрестольная церковь, и въ годы моего сознательнаго дѣтства богослуженіе отправлялось въ новой каменной церкви. Впрочемъ, до времени моего выѣзда изъ Васильевскаго погоста, по смерти моего отца въ 1844 году, выстроена была одна трапезная церковь, и въ ней два придѣла, одинъ освященъ во имя святителя и чудотворца Николая,—правый, а лѣвый освященъ во имя мученицы Параскевы. При освященіи этихъ обоихъ придѣловъ моимъ отцомъ говорены были проповѣди, которыя сохранились у меня донинѣ. На проповѣди, сказанной при освященіи придѣла въ честь святителя и чудотворца Николая, стоитъ помѣтка цензора: іюля 2 дня 1838 года, а на второй нѣтъ никакой числовой помѣтки. Но, кажется, оба придѣла освящены скоро, одинъ послѣ другого. Изъ обстоятельствъ, сопрово-

ждавшихъ освященіе придѣловъ трапезной церкви, почти ничего не сохранилось въ моей памяти. Помню только, что строителемъ церкви или главнымъ членомъ строительнаго комитета былъ помѣщикъ Сергѣй Лукичъ Епишевъ. Говорили, что онъ желалъ, чтобы при молебнѣ, по освященіи церкви, ему возглашено было многолѣтіе съ поименованіемъ его имени. Но это желаніе его не было исполнено, и онъ претензій по этому поводу не заявлялъ.

Настоящая церковь, въ которой главный алтарь посвященъ имени святаго Василія Великаго,—отъ чего и названіе погоста Васильевскій погостъ, или въ просторѣчїи Василій Великій,—до моего переселенія съ мѣста родины, выстроена была только до половины, а колокольня еще не начиналась строиться. Колокола висѣли на деревянныхъ стропилахъ, устроенныхъ вблизи церкви; главный колоколъ былъ шестидесяти трехъ пудовъ. Медленное строеніе церкви, простиравшееся болѣе десятилѣтія, зависѣло отъ недостатка денежныхъ средствъ, жертвуемыхъ и собираемыхъ на это дѣло, а по плану церковь для села предположена была въ значительныхъ размѣрахъ. И когда кончено было сооруженіе церкви, затрудненіе встрѣтилось въ изготовленіи иконостаса для главнаго придѣла, отъ недостатка средствъ. При этомъ затрудненіи причту и прихожанамъ Васильевского погоста оказана была помощь Золотниковскою пустынью, находящеюся въ Вязниковскомъ уѣздѣ, близъ извѣстнаго села Холуя. Благодаря содѣйствію одного іеромонаха пустыни, уроженца Васильевского погоста, пустынь пожертвовала старый иконостасъ, оказавшійся ей ненужнымъ, для новостроющейся церкви, чтобы ускорено было освященіе главнаго алтаря выстроеннаго храма, и этотъ иконостасъ донинѣ украшаетъ церковь Васильевского погоста.

Проф. *Василій Пивницкій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Великій постъ.

(Окончаніе ¹⁾).

Пятницу первой седмицы устава поста удѣляютъ особое вниманіе съ одной стороны какъ отданію тяжелаго пятидневнаго поста, съ другой какъ дню, въ который уже начинается (вечеромъ) суббота (а въ субботу вообще „постъ не бываетъ“) и празднованіе (еще днемъ) памяти святаго великомученика Θεодора Тирона. Ὑποτόπωσις назначаетъ для этой пятницы „вареные бобы съ маслинами бѣлыми и черными (ματὰ ἐλαίῳν ἄσπρων καὶ μαύρων) и квашенную капусту, и коливо“, и „одну красовулю“ вина. Уставъ п. Алексѣя и Пандократорскаго монастыря идетъ дальше: „влѣютъ масло въ солоную капусту“ и тоже по чашѣ вина. Типиконъ имп. Ирины дѣлаетъ послѣдній шагъ въ сторону разрѣшенія: „въ пятницу должно вкушать вамъ нѣкоторое *вариво* (жидкое блюдо), два кушанья, одно съ елеемъ, другое же безъ елея и вино должно пить по малой красовули“. Еввергетидскій типиконъ уже идетъ назадъ: „въ эту же пятницу должно вкушать вамъ нѣкія два варенія кушанья безъ елея, вино же должно пить лучшее по большой красовули“. Т. о. единогласно разрѣшаютъ уставы въ этотъ день вино и колеблются въ разрѣшеніи на постное масло и даже на вареную пищу. Это колебаніе отразилось и на предписаніи нынѣшняго устава относительно пятницы. „И входимъ въ трапезу, вкушаемъ же вина и елеа ради святаго; сіе пріяхомъ въ лаврѣ преподобнаго отца нашего Саввы и киновіи преподобнаго великаго Евѡимія [авторовъ основы Іерусалимскаго устава]; но не творимъ сего нынѣ за честность дня, обаче ядимъ вареніе съ сливами безъ елеа и армеа“, т. е. трапеза указывается по предписанію Ὑποτόπωσις'а св. Θεодора на каждый день первой недѣли, причемъ изъ ἀλμαία, соленіе

¹⁾ См. № 12-й за 1909-й г.

(уст. п. Алексѣя: солоная капуста) сдѣлано армеа. Но при этомъ прибавлено: „произволяющіи же ядятъ сухояденіе, якоже и въ среду“. Замѣчательно, что въ окончательномъ постановленіи нынѣшняго устава не разрѣшено вино въ этотъ день, не смотря на единогласіе древнихъ уставовъ въ этомъ отношеніи.

Суббота первой недѣли—по уставу уже прямо праздничный день (праздничная катавасія послѣ каждой пѣсни канона; славословія нѣтъ только ради поста), дорогой по воспоминанію чуда св. Феодора, и это не могло быть отмѣчено особой льготой въ постѣ. Трапезой этого дня еще болѣе занимаются уставы, но даваемое ими „разрѣшеніе“ на этотъ день—общее для всѣхъ субботъ, впрочемъ и для воскресеній, Великаго поста. По ‘Υποτόπωσις’у въ этотъ день полагалось два вареныхъ блюда съ масломъ и по двѣ красовули вина утромъ и вечеромъ; то же почти по уставу п. Алексѣя и другимъ; но рядъ уставовъ разрѣшаетъ въ этотъ день а слѣд. и всѣ субботы и воскр. поста и на черепокжыхъ или октатедовъ, т. е. устриць, раковъ и т. п. (уставъ. имп. Ирины, мон. св. Маманта и Или, типикъ св. Саввы Сербскаго, Пандократорскій), даже на вязигу (τὰ νεῖρα—Пандокр.), а одинъ уставъ и на рыбу (уставъ имп. Ирины и Евергетидскій, „если кѣмъ-либо изъ христіанъ будетъ предложено утѣшеніе“¹⁾).

Итакъ нынѣшній уставъ возвращается къ самымъ древнимъ традиціямъ, минуя всѣ позднѣйшія колебанія на этотъ счетъ, когда даетъ такое указаніе относительно стола въ первыя, а слѣд. и всѣ обыкновенныя, субботу и воскресенье *В. поста*:—о субботѣ: „и ядимъ бобъ обваренный, съ маслинами бѣлыми и черными [выраженіе взято изъ ‘Υποτόπωσις’а о трапезѣ первой пятницы поста] и вареніе съ елемъ; вина же испиваемъ по красоволю [не по 2, какъ въ ‘Υποτόπ.] ради святаго“, о воскресеніи—„на трапезѣ же ядимъ

¹⁾ Дмитріевскій А. А. Тріодъ постная... Стр. 24 и 32.

вареніе съ елеемъ, а не рыбы; аще же прилучится, піемъ вино уставленное въ славу Божию, по двѣ чаши“ [преимущество предъ субботой]. Прибавка; „а не рыбы“—отголосокъ колебаній древнихъ уставовъ, также какъ примѣчаніе („зри“) подъ субботой: „вѣдати подобаетъ, яко дважды пріяхомъ ясти рыбы въ сей Великій постъ—въ праздникъ Благовѣщенія и цвѣтоносія“. Въ 32 гл. еще рѣшительнѣе: „рыбы же во всю св. 40-цу никакоже дерзнемъ ясти, кромѣ праздника Благовѣщенія Пресв. Богородицы и недѣли цвѣтоносныя“. Еще славянскій типиконъ 1553 г. (Моск. Синод. библ.) относительно послѣдняго пункта другого мнѣнія: „въ субботу и недѣлю (1 седмицы) вси иноци и міряне (вкушаютъ) масло и вино; обаче міряномъ, аще хотятъ, въ недѣлю первую и рыбу ясти, занеже во всемъ постѣ четырежды уставлено есть тѣмъ ясти рыбы, аще хотятъ: въ недѣлю православную, и въ недѣлю поклоненія честнаго креста, и въ недѣлю цвѣтоносія, и на праздникъ Благовѣщенія“¹⁾. Здѣсь мы видимъ послѣднее колебаніе по этому вопросу съ явнымъ наклономъ къ нынѣшнему рѣшенію его.

„Въ прочихъ же седмицахъ постимся до вечера 5 дней и ялимъ сухояденіе, кромѣ субботъ и недѣль“. Такое краткое и простое указаніе, и то только въ 32 гл., даетъ нынѣшній Типиконъ относительно пищи во все протяженіе 2—6 недѣль поста (сухояденіе въ выше разъясненномъ смыслѣ). Но и по этому пункту было не мало колебаній въ древнемъ уставѣ и нынѣшнее указаніе—итогъ ихъ. Почти всѣ древніе уставы имѣли тенденцію между 5 постными днями седмицы (суббота и воскресенье собственно не постные дни) дѣлать различіе, отмѣчать нѣкоторые изъ нихъ болѣе строгимъ постомъ. По однимъ уставамъ постъ усиливается въ понедѣльникъ, среду и пятницу, по другимъ только въ послѣдніе два дня. Только для этихъ двухъ или трехъ дней большинство

¹⁾ Рук. М. Синод. библ. № 389 (337), л. 496 об Дмитріевскій А. А. указ. соч. 32.

древнихъ уставовъ требуетъ поста такой же строгости, какъ въ первую седмицу; для вторника же и четверга давалось разрѣшеніе на масло и вино; въ уставѣ имп. Ирины и для среды и пятницы. Но древнѣйшіе уставы—Ипотипосисъ и п. Алексѣя разрѣшаютъ въ пон., втор. и четвергъ поста вареную пищу безъ масла и вина. Нынѣшній уставъ правѣе, что не дѣлаетъ такого различія: среда и пятница въ Великомъ посту наиболѣе радостныя изъ 5 седмичныхъ дней благодаря тому, что имѣютъ литургію, и даже на первой седмицѣ поста въ оба эти дня облегчается постъ. Такъ искусно изъ церковнаго устава устранялись постепенно всѣ неудачныя его правила.

Нѣсколько дней въ теченіе 2—6 седмиць поста заслуживали нѣкоторой льготы въ постѣ по особой ихъ знаменательности. Таковы 1) среда Крестопоклонной недѣли, являющаяся самой серединой, „преположеніемъ“ всего поста; 2) четвергъ 5-ой недѣли, на утрени котораго поется великій канонъ, и за одно предшествующая ему среда, въ вечеръ которой начинается эта утренняя; 3) пятница той же недѣли, предшествующая ночи акаѳистнаго пѣнія; 4) суббота Лазарева.

Среда Крестопоклонная начинается отмѣчаться въ правилахъ поста позже, чѣмъ четвергъ великаго канона. Ипотипосисъ не упоминаетъ о ней. Впервые говорить о ней, повидимому, уставъ императрицы Ирины, причемъ даетъ для нея самое большое разрѣшеніе, такое, какъ для субботъ и воскресеній поста (три вареныхъ кушанья съ масломъ и большая чаша вина). Такое же большое разрѣшеніе для этой среды даетъ и Евергетидскій Типиконъ, вообще одинъ изъ самыхъ строгихъ въ постѣ. Напротивъ Ипотипосисъ въ одной изъ своихъ редакцій, *Ματθῳσκ* св. Аѳанасія, Пандократорскій уставъ всю четвертую недѣлю уравниваютъ по строгости поста съ первой. Исторіей настоящаго вопроса объясняется положеніе его въ нынѣшнемъ уставѣ. Прежде всего 32 гл. Типикона, подобно древнѣйшимъ уставамъ, совершенно о ней не упоминаетъ (о четвергѣ великаго канона говорить).

49 же глава и Тріодъ дають мимолетное указаніе о ней не въ уставѣ этого дня, а въ уставѣ четверга 5-й недѣли и то только въ формѣ цитаты изъ Святогорскаго устава (см. ниже).

Четвергъ великаго канона отмѣчается относительно трапезы уже Ипотипосисомъ. Но здѣсь дается для этого дня самая малая льгота: такая, какъ для праздника Обрѣтенія главы св. Іоанна Предтечи, и меньшая, чѣмъ для дня 40 мучениковъ (безъ масла, только маслины и вино). Въ уставѣ же имп. Ирины и Евергетидскомъ въ этотъ четвергъ, какъ и въ среду Крестопоклонную, дается самое большое разрѣшеніе, -- какъ въ субботы и воскресенья поста. Уставъ іеромонаха Пила запрещаетъ въ этотъ четвергъ, какъ и въ предшествующую ему среду, ужинъ, м. б. въ противоположность какимъ-либо уставамъ, дозволявшимъ его (такъ какъ ужина вообще въ постъ не полагается, а обѣдь бываетъ позже, вечеромъ) — нынѣшній уставъ въ виду всего этого даетъ такое указаніе о трапезѣ этихъ дней: въ 32 гл. Тиникома: „въ пятокъ 1-я недѣли, и въ среду великаго канона, и въ великій четвертокъ, аще нѣцыи уставы и повелѣвають на елей разрѣшати, но не творится за честность дней“; въ 49 гл. и Тріоди о средѣ великаго канона: „на трапезѣ разрѣшаемъ на елей и вина причащаемся труда ради бдѣннаго, хотящаго быти; внимающіи же спастися, воздержанію прилежать; множайшіи же посту нелицемѣрну“; о четвергѣ: „на трапезѣ же ядимъ елей и вино піемъ, труда ради бывшаго; нѣцыи же уставы [Ипотипосисъ] разрѣшати точію на вино попускають, на елей же не оставляють; во святыхъ же горы типіцѣ рассуждаеть: на святыхъ мученикъ 40, на предтечевы главы обрѣтеніе, въ среду крестопоклонную, на великій канонъ, и на несѣдалное (подъ акаѳистъ) ясти два варенія съ елеемъ и испивати по двѣ чаши вина“. Т. о., явно не одобряя разрѣшенія на елей наканунѣ великаго канона (разрѣшенія, дѣйствительно, не даваемого древнѣйшими уставами), нынѣшній уставъ считаетъ приличнымъ для этого четверга по крайней мѣрѣ разрѣшеніе на вино; такое же разрѣшеніе мысленно предпо-

лагаеть и 32 гл., неодобряя разрѣшенія на елей. Какъ увидимъ ниже, такая же льгота въ постѣ дается для великаго четверга и отчасти для великой субботы.

О *пятницу наканунѣ субботы Акаѳиста*, изъ извѣстныхъ намъ древнихъ уставовъ, есть замѣчаніе только въ Типиконѣ іером. Пила; запрещающій ужинъ въ среду и четвергъ великаго канона, этотъ уставъ прибавляетъ: „въ пятницу же должно утѣшать пѣвцовъ ради Акаѳиста“ т. е. дозволенъ ужинъ. Нынѣшній уставъ: „на трапезѣ пиемъ вино труда ради бѣднаго“ (49 гл. Тип. и Трїодь).

На *Лазареву субботу* Ипотипосисъ, Орбельская Трїодь и Типиконъ іером. Пила разрѣшаютъ рыбу, первый уравнивая ее въ этомъ отношеніи съ недѣлей Православія, Крестопоклонной и праздникомъ 40 мучениковъ, вторая и третій—съ праздникомъ Благовѣщенія. По уставъ п. Алексѣя—разрѣшаетъ только на вариво съ елеемъ, уравнивая ее тоже съ праздниками Предтечи, 40 мучениковъ и Благовѣщенія. Нынѣшній уставъ примиряетъ это разногласіе, разрѣшая въ эту субботу на икру: „на трапезѣ учреждаемъ вареніемъ съ елеемъ; аще же икру имамы, да дастся комуждо брату по три онгїи ¹⁾), и вино пиемъ“ (49 гл. Тип. и Трїодь; 32 гл. Тип. не упоминаетъ).

Какъ это ни странно можетъ показаться намъ теперѣ, но древніе уставы въ *Вербное воскресенье* давали меньшую льготу въ постѣ, чѣмъ въ Лазареву субботу. Это могло быть, конечно, потому только, что этотъ день почти причислялся уже къ Страстной недѣлѣ (безъ него, дѣйствительно, эта недѣля не является недѣлей, седмицей). Какъ извѣстно по нынѣшнему уставу—это одинъ изъ двухъ дней всего поста, въ который разрѣшается рыба (что упомянуто и въ 32 гл. Типикона и въ 49 гл. два раза: въ уставѣ 1-ой субботы поста

¹⁾ ὄγγιον, ὄχιον—должно быть греческая транскрипція латинскаго uncia—¹/₁₂ асса или римскаго фунта.

и въ уставѣ самой недѣли Вайі: „на трапезѣ утѣшеніе: ядимъ рыбы и вино піемъ, благодаряще Бога“). Между тѣмъ Ипотипосисъ не только не разрѣшаетъ на рыбу въ Вербное воскресенье (разрѣшая ее для 4 дней поста: 1 и 3 недѣли, субботы Лазаря и 40 мучениковъ), но и на масло, а только на маслины при вареномъ блюдѣ и на вино, уравнивая это воскресенье по трапезѣ съ праздникомъ Предтечи. Уставъ же п. Алексѣя не упоминаетъ объ этой недѣлѣ въ главѣ о постахъ, слѣд. не выдѣляетъ ее изъ ряда другихъ воскресеній поста. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ древнихъ уставовъ, только Пандократорскій упоминаетъ о ней и разрѣшаетъ на рыбу (не говоримъ объ уставахъ, разрѣшающихъ на рыбу во всѣ субботы и воскресенья поста).

Кромѣ этихъ дней особенной льготой въ постѣ отмѣчались дни, на которые падали какіе-либо *праздники*. На постъ могутъ приходиться слѣдующіе праздники: Благовѣщеніе (очень часто), память 1 и 2 обрѣтенія честныхъ главы Іоанна Предтечи 23 февраля (рѣже), и память 40 мучениковъ Севастійскихъ 9 марта (всегда). Большинство древнихъ уставовъ не полагаютъ особаго различія между этими праздниками въ отношеніи разрѣшенія, но нѣкоторые изъ нихъ мѣняютъ степень этого разрѣшенія въ зависимости отъ того, приходятся ли эти праздники въ среду и пятницу, или въ другіе седмичные дни: въ первомъ случаѣ дается меньшее разрѣшеніе.

Прежде о *Благовѣщеніи*. Ипотипосисъ и Діатипосисъ разрѣшаютъ на рыбу и вино. Уставъ п. Алексѣя только на масло и вино (повидимому). Но всѣ дальнѣйшіе уставы разрѣшаютъ на рыбу, а нѣкоторые изъ нихъ даютъ это разрѣшеніе и для навечерія и по празднива Благовѣщенія (Орбельская Тріодь) или для одного по празднива, особенно если есть остатки отъ рыбной трапезы (Евергетидскій, Саввы Сербскаго и Космосотира),—послѣднее, впрочемъ, если по празднива Благовѣщенія не приходится въ среду или пятницу. Уставы имп. Ирины, св. Маманта и св. Іліи предвидятъ и совпаденіе Благовѣщенія со Страстной седмицей,

разрѣшая въ такомъ случаѣ для него только черепакожикъ.—Нынѣшній уставъ на Благовѣщеніе разрѣшаетъ рыбу, исключая случай, когда онъ приходится въ Страстную седмицу: тогда разрѣшается масло и вино; если же праздникъ придется въ Великую пятницу, то сухояденіе и вино (Марк. глава); совпаденіе съ Великой субботой умолчано. На по-празднство (тожь отпаде) праздника по нынѣшнему уставу „разрѣшеніе вина и елея“ (Минея 26 марта); о предпраздствѣ умолчано.

Два другихъ постныхъ праздника: *24 февраля и 9 марта* (по типу—поліелейные) въ древнихъ уставахъ то уравниваются съ Благовѣщеніемъ по разрѣшенію поста, то ставятся ниже его (не дозволяется рыба). При этомъ праздникъ 40 мучениковъ иногда ставится выше Обрѣтенія главы. Нынѣшній уставъ для нихъ разрѣшаетъ вино и елей.

Нѣкоторые изъ древнихъ уставовъ въ одинъ разрядъ съ этими праздниками ставятъ память св. *Власія* 11 февр. и (чаще) св. *Алексѣя* 17 марта. Уставъ п. Алексѣя по понятной причинѣ въ послѣдній праздникъ разрѣшаетъ на рыбу.

О *Страстной седмицѣ* „мало подобаетъ изречи“. Всѣ уставы, начиная съ Ипотипосиса, уравниваютъ ее съ первой, давая впрочемъ небольшое облегченіе поста въ Великій четвергъ (по Ипот. и Діатип.—варенныя овощи безъ елея и вино). Вино разрѣшалось съ сырыми овощами (по тѣмъ же уставамъ) и въ Великую субботу. Но относительно послѣдней нѣкоторыя редакціи Ипотипосиса даютъ разрѣшеніе даже на сыръ и яйца. Вопросъ, вызвавшій даже соборное обсужденіе и рѣшенный на Трульскомъ соборѣ въ томъ смыслѣ, что постъ В. субботы долженъ разрѣшаться не ранѣе полуночи. Нынѣшній уставъ для первыхъ 3 дней Страстной седмицы назначаетъ сухояденіе, въ Великій четвергъ разрѣшаетъ на сырыя овощи елей и вино, а въ Великую субботу только на вино, хлѣбъ (смоквы или финики).

Не слишкомъ ли мелочна эта регламентація? Какъ и всадѣ, здѣсь важна не буква, а духъ. Нужно прочесть самому всѣ эти правила въ Тріоди и Типиконѣ, чтобы ощутить на себѣ теплое дыханіе той любви къ Церкви и всему связанному съ ней, которая дышала съ такой силой только въ первые 8—10 вѣковъ христіанства. И въ глубокомъ искусствѣ нельзя отказать этой регламентаціи. Самымъ мелочнымъ предписаніемъ въ этомъ кодексѣ вѣроятно каждый признаетъ разрѣшеніе въ Лазареву субботу одной икры. Но надо знать весь исключительный духъ службы этой субботы, не имѣющей себѣ въ этомъ отношеніи въ цѣломъ церковномъ году ничего подобнаго, уступающей по умирительности и оригинальности богослуженія *только* Великой субботѣ и Пасхѣ; надо знать это и почувствовать, чтобы понять всю необходимость отмѣтить этотъ день какимъ-нибудь особеннымъ образомъ и въ отношеніи трапезы.

Нельзя не обратить вниманіе на большое различіе въ режимѣ Великаго поста между православіемъ и католичествомъ. Въ римско-католической церкви не только рыба считается постнымъ кушаньемъ, но и молочные продукты. Въ настоящее время молоко разрѣшается у католиковъ для всѣхъ воскресній Великаго поста, а одно время, повидимому, разрѣшалось и въ другіе дни поста¹⁾. Безусловно запрещается въ постъ только мясо; но по благословенной випѣ разрѣшеніе и на мясо можетъ быть дано ксендзомъ. Въ Руанѣ, Буржѣ и др. городахъ построены огромныя колокольни на сумму, собранную съ разрѣшеній ѣсть мясо въ В. постъ²⁾. Такое громадное различіе во взглядѣ на постъ показываетъ, какимъ различнымъ духомъ проникнуты обѣ церкви.

М. Сѣбастьяновичъ.

¹⁾ *Lankiewiczza Piara* ks Wykład obzędów i religijnych zwyczajaw rzytско—katolickiego kościoła. Wydanie 2 Wilno 1854, 1. 32—31.

²⁾ *Серединскій Т.* свящ. О богослуженіи западной церкви. 2. Сиб. 1849, стр. 77.

Замѣчательная сельская матушка.

Среди нашего сельскаго духовенства встрѣчаются иногда дѣятели во славу Церкви, которые скромно, безъ крикливыхъ и шумныхъ рекламъ ведутъ святое дѣло сѣянiя Слова Божiя среди окружающаго ихъ темнаго деревенскаго люда. Таковою именно была почившая на второй недѣлѣ Великаго поста въ селѣ Дмитрiевыхъ Горахъ, Меленковскаго уѣзда, супруга мѣстнаго протоіерея Елена Тихоновна Орлова. Это была народница-христіанка въ полномъ смыслѣ этого слова: она въ теченiи всей своей жизни сельской матушкой проводила въ сознаніе окружающихъ ее женщинъ-крестьянокъ начала православной вѣры и благочестiя. Сознывая, какъ недостаточны и слабы религіозныя понятiя нашихъ крестьянъ и какъ соблазнительны для нихъ богомоленныя собранiя штудистовъ съ общедоступной „евангельской“ проповѣдью и веселымъ народнымъ пѣніемъ духовныхъ стихотворенiй, почившая матушка вечерами въ нѣкоторые дни недѣли устраивала въ своемъ домѣ женскiя православныя собранiя. Крестьянки къ своей матушкѣ собирались весьма охотно, такъ что каждый разъ число присутствовавшихъ на собранiи доходило до 50—60 человекъ различнаго возраста. Забывшись отъ будничной суеты и разныхъ жизненныхъ невзгодъ, всѣ онѣ получали здѣсь и разумную пищу и отдыхъ душевный. Подъ руководствомъ своего почтеннаго мужа, о. протоіерея П. Д. Орлова, Елена Тихоновна съ собравшимися къ ней женщинами простымъ народнымъ языкомъ вела обыкновенно бесѣды о Христѣ Спасителѣ, объясняла женщинамъ Православное Богослуженіе и разсказывала житiя угодниковъ Божіихъ, при чемъ всегда бесѣды ея сопровождались общимъ пѣніемъ женщинами церковныхъ пѣснопѣній и псалмовъ или акаѳиста Спасителю и Божіей Матери. И нужно было видѣть, какъ прекрасно здѣсь, на собранiяхъ у матушки, были настроены всѣ; сколько въ каждой изъ простыхъ крестьянскихъ женщинъ было радости духовной и самаго горячаго стремленiя—

жить по Божьи, по Евангелію и уставамъ Православной Церкви. Съ увѣренностію можно сказать, что посѣщавшія собранія почившей матушки Е—ны Т—ны женщины не только сами спаслись отъ опасныхъ сѣтей Дмитріевогорской штунды, но и оградили свои семьи отъ ея пагубнаго вліянія.

Ходила почившая матушка и по домамъ мѣстныхъ крестьянъ съ Евангеліемъ въ рукахъ, спѣша по преимуществу туда, гдѣ видѣла несчастныхъ и обездоленныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ. Брала къ себѣ Е—на Т—ва на воспитаніе дѣтей неудачныхъ родителей или сиротъ, растила ихъ и нѣкоторыхъ изъ дѣвушекъ выдала замужъ.

Нечего и говорить, что дѣятельность этой по истинѣ замѣчательной сельской матушки не разъ останавливала на себѣ вниманіе Епархіальнаго Начальства, выражавшаго ей свою искреннюю признательность и ставившаго ее въ примѣръ другимъ сельскимъ матушкамъ.

Не найдеть-ли добрый примѣръ почившей старушки-матушки Е. Т. Орловой себѣ подражательницѣ въ лицѣ молодыхъ сельскихъ матушекъ, которыя не должны забывать, что и своимъ образованіемъ и своимъ общественнымъ положеніемъ онѣ обязаны нести духовный свѣтъ и радость въ жизнь нашего темнаго и нуждающагося въ помощи простолюдина.

Н. У—въ.

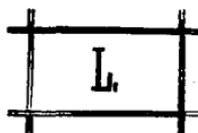

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 22-го марта 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 15

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года апрѣля 12-го дня.

Содержаніе: I. Къ вопросу о способѣ замѣщенія приходскихъ священни-
ковъ, увольняемыхъ въ отпускъ. А. Волнина.—II. Гоголь, какъ
христіанинъ. (Продолженіе). Н. Гумилевскаго.—III. Мои воспоми-
нанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкаго.—IV. Замѣтка. Вся во
славу Божію творите.

Къ вопросу о способѣ замѣщенія приходскихъ священниковъ, увольняемыхъ въ отпускъ.

Въ Олонецкихъ еп. вѣд. за текущій годъ (№ 2) однимъ священникомъ затронутъ далеко не безразличный для духо-
венства вопросъ,—вопросъ о такъ называемыхъ *входящихъ священникахъ*, т. е. о временномъ замѣстителѣ приходскаго священника въ случаѣ его отъѣзда, болѣзни, или болѣе или менѣе продолжительнаго отпуска.

Всѣ состоящія на государственной службѣ лица поль-
зуются, въ предѣлахъ законности, возможностью временныхъ
по нуждѣ отлучекъ съ мѣста своей службы, не подвергая
свое дѣло застою и не разстраивая чувствительнымъ образомъ
его ходъ; всѣ могутъ хворать и лѣчиться, не встрѣчая съ

этой стороны трудно одолимыхъ препятствій, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ подь рукой у всѣхъ есть или удобно можетъ оказаться человѣкъ, способный замѣнить такихъ лицъ. И эта замѣна происходитъ безъ всякихъ заботъ или хлопотъ со стороны лица, пуждающагося въ отпускѣ, происходитъ, на основаніи существующихъ на этотъ счетъ указаній закона, совершенно безобидно для него и выгодно для его замѣстителя. Только священники и чуть ли, въ самомъ дѣлѣ, не одни они лишены въ этомъ отношеніи необходимыхъ удобствъ и льготъ. Даже низшіе члены причта—діаконъ и псаломщикъ—много счастливѣе въ этомъ отношеніи священника: діаконъ—потому, что можно обойтись и безъ замѣны его, а псаломщикъ—потому, что легко можетъ быть временно замѣщенъ мѣстнымъ учителемъ, кѣмъ-либо изъ своихъ дѣтей или дѣтей священника, или же грамотнымъ знатокомъ церковной службы изъ прихожанъ, въ средѣ которыхъ всегда найдутся такія лица даже между крестьянами. Священнику же не только сельскому, а и городскому, исключая, конечно, многочленныхъ по составу причтовъ, приходится считаться съ очень серьезными трудностями въ случаяхъ временнаго оставленія имъ своихъ приходскихъ обязанностей.

Обычный порядокъ, какой практикуется въ большинствѣ такихъ случаевъ, состоитъ въ замѣщеніи уѣзжающаго или болящаго священника священникомъ ближайшаго прихода. Но этотъ порядокъ является во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительнымъ. Главное и существенное неудобство его—въ томъ, что входящій священникъ вынужденъ бываетъ нести священническія обязанности по двумъ одновременно приходамъ, что совмѣстить рѣшительно невозможно безъ лишеній для одного изъ двухъ управляемыхъ имъ приходовъ и храмовъ. Упущенія и ущербъ въ этомъ случаѣ обыкновенно терпитъ храмъ, порученный временному завѣдыванію, оставаясь большею частью безъ службы и безъ дохода, что вызываетъ въ прихожанахъ его огорченіе и жѣтованія. Это неудобство въ мѣньшей степени испытывается въ городахъ,

но въ селахъ, гдѣ приходы перѣдко отстоятъ одинъ отъ другого на далекое разстояніе, выражающееся въ десяткахъ версть, оно принимаетъ размѣры очень большіе. Входящій священникъ здѣсь бываетъ не въ состояніи отправлять службу въ приходѣ замѣщаемаго имъ священника, и храмъ послѣдняго по-истинѣ становится „вдовствующей церковью“,—да и многія церковныя требы въ этомъ приходѣ онъ не поспѣваетъ совершать своевременно, по первому зову прихожанъ. Легко себѣ представить, какой отсюда вредъ, какая скорбь проистекаютъ для прихожанъ, остающихся безъ богослуженій, и какъ возможны, при такихъ обстоятельствахъ, при скорбные случаи смерти взрослыхъ безъ напутствованія св. Тайнами, а новорожденныхъ младенцевъ безъ присоединенія къ святой Его Церкви! И это можетъ случаться,—какъ справедливо замѣчаетъ священникъ—авторъ обсуждаемой замѣтки, разсуждающій по собственному опыту,—не по небреженію со стороны входящаго священника, а просто по физической невозможности оторваться отъ служебныхъ обязанностей въ своемъ приходѣ и найти время или даже имѣть силы въ одинъ и тотъ же день отправивъ службу у себя, совершить крестины, похороны или др. требу въ приходѣ, отстоящемъ за 20 и болѣе версть. Представьте себѣ наши деревенскія проселочныя дороги, примите въ расчетъ, насколько затруднительно передвиженіе по нимъ, особенно въ непогодѣ и распутицу, и вы поймете, что входящій священникъ, несвободный отъ обязанностей въ своемъ приходѣ, физически не въ состояніи, находясь даже въ добромъ здоровьи, въ одинъ и тотъ же день исполнять требы дома и за десятки версть, въ чужомъ приходѣ, поѣздка въ который требуетъ нѣсколькихъ часовъ только въ одинъ конецъ. Изъ-за отказа же въ совершеніи требы, особенно надъ больными, можетъ происходить вредъ, никѣмъ, кромѣ Бога, не вознаградимый для нихъ. Но и одно уже оставленіе прихода безъ богослуженій составляетъ чувствительное лишеніе для прихожанъ; въ селахъ же, зараженныхъ расколомъ и сектами,

оно можетъ сопровождаться и явнымъ вредомъ для православнаго населенія, такъ какъ зоркіе пропагандисты иновѣрія не приминуть воспользоваться этимъ перерывомъ богослуженія въ своихъ цѣляхъ.

Другая неудовлетворительная сторона обычно практикуемаго способа въ замѣщеніи священниковъ, увольняемыхъ въ отпускъ, не для всѣхъ ихъ равно чувствительная, но одинаково для всѣхъ несправедливая и по существу своему обидная, состоитъ въ томъ, что этотъ способъ заставляетъ ихъ принимать на себя предварительные хлопоты по отысканію своего замѣстителя по службѣ и расходы на его содержаніе и вознагражденіе за трудъ частію поступающихъ за время отпуска доходовъ. Священникъ беретъ отпускъ не по прихоти, а по нуждѣ, которою пусть даже будетъ не болѣзнь его и не настоятельная необходимость свиданія съ близкими сердцу родственниками въ радостный или скорбный моментъ ихъ жизни, а, напр., потребность въ освѣженіи и отдыхѣ путешествіемъ ко святымъ мѣстамъ. Какъ человѣкъ, священникъ имѣетъ, думаемъ, право и на такое невинное, но освѣжающее и здоровое развлеченіе. Во всякомъ случаѣ, всегда онъ несетъ въ такихъ обстоятельствахъ лишніе расходы, и оплата труда его замѣстителя на его счетъ является для него бременемъ, особенно непосильнымъ и обиднымъ при оставленіи имъ своихъ приходскихъ обязанностей по причинѣ болѣзни. Въ это время, когда онъ и безъ того напрягаетъ свои средства, отдавать часть доходовъ входящему за него священнику — „наймиту“ (т. е. наемному, — какъ въ иныхъ мѣстахъ называется входящій священникъ) ему бываетъ подчасъ чрезвычайно тяжело и обидно — тѣмъ болѣе, что подобнаго порядка не наблюдается въ учрежденіяхъ другихъ вѣдомствъ при аналогичныхъ обстоятельствахъ. Оговариваемся, что мы имѣемъ въ виду господствующій порядокъ вещей. Можетъ случаться, что входящій священникъ готовъ по своей добротѣ и деликатности исполнять обязанности за своего собрата безвозмездно; но этотъ послѣдній чувствуетъ

свой долгъ вознаградить его, въ силу сложившагося порядка вещей.

Изъ всего сказаннаго видно, насколько нецѣлесообразенъ и неудовлетворителенъ практикуемый способъ замѣщенія священниковъ, увольняемыхъ въ отпускъ, входящими за нихъ священниками ближайшихъ приходо́въ.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы ненормальность этого способа не сознавалась въ средѣ нашего духовенства. Можно утверждать обратное, что она сознается той и другой изъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ сторонъ, а также и представителями епархіальной власти. Приходскіе священники по возможности избѣгаютъ очутиться въ положеніи входящихъ священниковъ на сроки, сколько-нибудь продолжительные, страшась той отвѣтственности, какую налагаетъ на нихъ это положеніе, а уступаютъ здѣсь, если не настоятельной просьбѣ собрата, явно нуждающагося въ отпускѣ, то необходимости повиноваться предписанію мѣстнаго благочиннаго. Съ другой стороны, и епархіальное начальство весьма нерѣдко не иначе уважаетъ просьбу священника объ отпускѣ, какъ если въ прошеніи указывается опредѣленное лицо замѣстителя, съ которымъ предполагается въ этомъ случаѣ у просителя предварительный договоръ о согласіи исполнять за него приходскія обязанности во время его отпуска. Наконецъ, и сами священники, нуждающіеся въ отпускѣ, до крайности сокращаютъ свои потребности въ немъ по сознанию тѣхъ неудобствъ, какія влечетъ за собою отпускъ для прихода, а также и по затруднительности полученія его. Нечего и говорить о томъ, что они часто отказываютъ себѣ по этимъ причинамъ въ удовольствіи свиданія съ родственниками, подвергая и себя и ихъ чувствительному лишенію; но даже и потребность въ отдыхѣ, когда онъ предъявляется состояніемъ здоровья чуть не съ безотлагательною необходимостью, они откладываютъ со дня на день, съ года на годъ и, утомленные, подчасъ уже больные, дѣлаютъ свое дѣло, пока окончательная потеря силъ не сваливаетъ ихъ съ ногъ,

и часъ отпуска не наступаетъ для нихъ съ неотвратимою неизбѣжностью, но уже безъ отношенія къ ихъ доброй волѣ, и притомъ случается, что это бываетъ часть вѣчнаго отпуска изъ здѣшняго міра. Говоримъ все это отчасти и по собственному наблюденію жизни приходскаго пастыря, не закрывая глазъ на тѣ льготы, какими пользуются въ отношеніи отпусковъ священники большихъ городовъ: Петербурга, Москвы, Кіева, да и нѣкоторыхъ, вѣроятно, другихъ крупныхъ городовъ, гдѣ у настоятелей приходовъ имѣются подъ руками помощники (какъ бы викаріи своего рода) изъ заштатныхъ священниковъ, такъ называемые, напр., въ Москвѣ, „ранніе батюшки“. Благодаря имъ приходскій священникъ тамъ можетъ и похворать, если случится, спокойно, и на дачѣ пожить въ лѣтнее время, и часть требъ ежедневно слагать съ себя, не подвергаясь утомленію. По отношенію къ уѣзднымъ и сельскимъ священникамъ это — немногіе счастливыцы, которымъ бѣлая обезпеченность позволяетъ допускать такую роскошь въ жизни. Но этотъ фактъ мы хотѣли бы учесть здѣсь не съ точки зрѣнія прихотей житейскихъ, — какъ иногда онъ трактуется, — а какъ выразитель сознанія необходимости обставить полученіе нашимъ духовенствомъ отпусковъ, подчасъ существенно необходимыхъ, съ бѣльшей благовидностью и цѣлесообразностью. Можно бы указать и нѣкоторыя другія частичныя мѣры, какія по мѣстамъ принимались въ епархіяхъ для урегулированія способа замѣщенія священниковъ, увольняемыхъ въ отпускъ. Но объ этомъ будетъ рѣчь у насъ нѣсколько ниже. Пока же сдѣлаемъ выводъ, что неудовлетворительность обычно практикуемаго способа этого замѣщенія, какъ видно изъ представленныхъ фактовъ, сознается въ средѣ духовенства.

Однако, справедливость требуетъ отмѣтить, что вполне серьезнаго значенія этому вопросу не придается со стороны самого приходскаго духовенства. Неудобства и тяготу трактуемаго способа замѣщенія случалось испытывать многимъ приходамъ и приходскимъ священникамъ, а если кому и не

приводилось переживать ихъ по собственному опыту, такъ эти неудобства все же у всѣхъ на виду. Однако не слышно, чтобы этотъ вопросъ вносился когда-либо и гдѣ-либо на обсужденіе общепархіальныхъ съѣздовъ. Удѣлить ему столь серьезное вниманіе считается какъ будто роскошью. Но съ такимъ отношеніемъ къ данному вопросу согласиться никакъ нельзя. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть дѣломъ роскоши придти на помощь болящему собрату, избавить его отъ тревогъ за дѣло приходское и отъ затратъ на вознагражденіе входящаго за него священника? Ужели также составляетъ въ жизни пастыря предметъ роскоши имѣть полную возможность и всѣ доступныя удобства взять отпускъ для свиданія съ его родными, когда этого свиданія требуютъ и родственная любовь, и особыя обстоятельства въ ихъ жизни? Мы не склонны считать роскошью въ жизни приходского священника и отпускъ съ цѣлію развлечения перемѣною мѣста въ путешествіи. Дѣло пастыря—дѣло трудное, требующее постоянного напряженія его духовныхъ силъ. Поэтому онъ можетъ уставать и утомляться не меньше, даже больше всякаго другого работника на общественномъ поприщѣ, и не меньше, чѣмъ этотъ послѣдній, онъ нуждается въ освѣженіи и обновленіи своихъ духовныхъ силъ, своего утомленнаго вниманія, упавшей энергіи. Если подвижники вѣры не силахъ оказывались поддерживать на одинаковой высотѣ горніе своего духа и просили Господа о томъ, чтобы Онъ „ослабилъ имъ волны Своей благодати“, то приходскій пастырь, какъ человѣкъ, которому не чужды немощи плоти и духа, естественно можетъ утомляться отъ постоянного изо дня въ день несенія многосложныхъ обязанностей по приходу и нуждаться въ нѣкоторомъ перерывѣ ихъ. Воспользовавшись этимъ перерывомъ, онъ скорѣе избѣжитъ заученности и мертваго формализма въ отправленіи своего высокаго пастырскаго служенія, отвѣтственнаго предъ Богомъ и людьми. А употребленіе имъ своего отпуска, напр., на путешествіе можетъ встрѣчать развѣ препятствіе со стороны

его личныхъ матеріальныхъ средствъ; но не встрѣтитъ неодобренія себѣ ни со стороны основъ пастырскаго служенія, съ духомъ которыхъ оно вполне согласимо, ни со стороны практики выдающихся пастырей нашей Церкви, каковъ, напр., недавно блаженно почившій о. Іоаннъ Кронштадтскій, предпринимавшій неоднократно путешествіи по Россіи, особенно на родной ему сѣверъ ея, и несомнѣнно находившій въ нихъ освѣжающій отдыхъ.

По силѣ всѣхъ приведенныхъ соображеній мы вмѣстѣ съ авторомъ статьи Олонецкихъ еп. вѣд. высказываемъ пожеланіе, чтобы существующій способъ замѣщенія приходскихъ священниковъ, увольняемыхъ въ отпускъ, входящими за нихъ священниками ближайшихъ приходо́въ былъ уничтоженъ, и чтобы вопросъ о выработкѣ другого болѣе цѣлесообразнаго и удобнаго способа этого замѣщенія сталъ предметомъ серьезнаго обсужденія духовенства на общепархіальныхъ сѣздахъ. Съ гораздо большимъ удобствомъ уѣзжающихъ и болящихъ священниковъ можно бы замѣщать въ епархіяхъ, обильныхъ монастырями, іеромонахами этихъ послѣднихъ, что изрѣдка практиковалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ и доселѣ. Или еще бы лучше образовать для этой цѣли институтъ запасныхъ священниковъ изъ заштатныхъ іереевъ. Попытка къ организаціи такого порядка замѣщенія приходскихъ священниковъ на время отпусковъ предпринималась въ одно время въ Олонецкой епархіи, по свидѣтельству нашего автора; если не ошибаемся, она примѣнялась также въ Орловской епархіи. Трудно сомнѣваться, чтобы въ какой-либо епархіи не оказалось достаточнаго для данной цѣли числа заштатныхъ священниковъ. Если въ Московской епархіи ихъ хватаетъ на всю Москву, въ которой „сорокъ сороковъ“ церквей, и гдѣ чуть не при каждой церкви существуетъ „ранній батюшка“ изъ заштатныхъ, то во всякой другой епархіи, при возможности удовлетвориться въ данномъ дѣлѣ гораздо мѣньшимъ числомъ запасныхъ іереевъ, это потребное число между заштатными священниками, смѣ-

емъ думать, найдется. Такой институтъ можно было бы сосредоточить если не при каждомъ благочиніи, то въ каждомъ уѣздѣ епархіи. Содержаніе этихъ священниковъ во время входа ихъ въ приходъ должно быть обезпечено, и трудъ ихъ, конечно, долженъ подлежать оплатѣ, но только не изъ средствъ священника, увольняемаго въ отпускъ, а изъ какихъ-либо обще-епархіальныхъ источниковъ, уже существующихъ, или же нарочито для этого изысканныхъ. Изысканіе такихъ источниковъ было бы достойнымъ предметомъ обсужденія приходскаго духовенства на обще-епархіальныхъ съѣздахъ, въ виду важности даннаго вопроса, стоящаго въ прямой связи съ вопросомъ о тѣлесномъ и духовномъ здоровьи пастырей, а отсюда и объ успѣхѣ ихъ пастырскаго дѣла, о духовномъ благополучіи ихъ приходской паствы. Конечно, и въ томъ случаѣ, если бы содержаніе запаснаго священника, входящаго въ приходъ, осталось на попеченіи его собрата, пользующагося отпускомъ, вопросъ объ этомъ послѣднемъ разрѣшался бы все же съ гораздо бѣльшею удовлетворительностью противъ существующаго теперь порядка; но для полнаго, а не половинчатаго рѣшенія его надобно желать, чтобы приходскій священникъ освобожденъ былъ и отъ этого расхода во время своего отпуска. Только тогда нашему сельскому духовенству, въ большинствѣ своемъ бѣдному, дана была бы дѣйствительная возможность въ потребныхъ случаяхъ воспользоваться отпускомъ и притомъ безъ страха и тревогъ о состояніи прихода за время отпуска.

А. Волгинъ.

Н. В. Гоголь, какъ христіанинъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Глубокое и скреннее убѣжденіе, что все въ мірѣ совершается такъ, какъ угодно Богу, Который все направляетъ къ лучшему, привело Гоголя къ возвышенному, истинно-христіанскому взгляду на благотворное значеніе для человѣка бѣдствій и страданій. Самъ поэтъ много перенесъ страданій, какъ душевныхъ, такъ особенно тѣлесныхъ, вслѣдствіе своего разстроеннаго здоровья, и потому его слова о благотворности несчастій являются не отвлеченными разсужденіями, а плодомъ собственнаго тяжелаго жизненнаго опыта. Изъ этого опыта поэтъ почерпнулъ неоспоримое убѣжденіе, что страданія способствуютъ усовершенствованію человѣка какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. „Страданіями и горемъ“, говоритъ онъ, „опредѣлено намъ добывать крупницы мудрости, не пріобрѣтаемой въ книгахъ“ ²⁾. „О, какъ намъ нужны недуги!“ пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ: „изъ множества пользы, которыя я уже извлекъ изъ нихъ, укажу только на одну: нынѣ каковъ я ни есть, но я все же сталъ лучше, нежели былъ прежде... Несчастіе умягчаетъ человѣка; природа его становится тогда болѣе чуткой и доступной къ пониманію предметовъ, превосходящихъ понятіе человѣка, находящагося въ обыкновенномъ и всеневномъ положеніи“ ³⁾. Последнюю мысль Гоголь подробнѣе развиваетъ такъ: „томленія и страданія именно ниспосылаются тебѣ для того, чтобы ты восчувствовалъ эти томленья и страданья во всей ихъ страшной силѣ, чтобы могъ потомъ представить себѣ во всей силѣ положеніе брата твоего, находящагося въ подобномъ положеніи, какого положенія ты никогда не могъ бы представить себѣ, если бы не испыталъ его на самомъ себѣ,

¹⁾ См. № 11-й за 1909-й г.

²⁾ „Въбр. мѣста...“, 405 стр.

³⁾ Тамъ же, 345 353. стр.

чтобы душа твоя подвинулась бы всею силою нѣжной любви къ нему, сильнѣйшей, чѣмъ та любовь, которую мы стремимся показывать, чтобы душа твоя проникнулась всею силою состраданія, сильнѣйшаго, чѣмъ наше блѣдное и холодное состраданіе“¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ несчастья побуждаютъ человѣка искать высшей помощи и, такимъ образомъ, приближаютъ его къ Богу. По картинному выраженію Гоголя, „злое не посылается Богомъ, но попускается Имъ для того, чтобы мы въ это время обратились къ Нему, прижались бы ближе къ Нему, какъ дитя къ матери, при видѣ испугавшаго его предмета, испросивъ у Него силъ противъ зла“²⁾. Наконецъ, бѣдствія и страданія увеличиваютъ достоинство совершаемыхъ человѣкомъ подвиговъ: „они доставляютъ человѣку случай совершить тѣ подвиги добродѣтели, которые рѣдко доводится совершать человѣку, ибо среди бѣдности, угнетеній стать твердо, не упасть и совершить благотворный подвигъ—несравненно выше, чѣмъ совершить таковой же подвигъ среди богатства и довольства“³⁾.

Величайшимъ изъ земныхъ бѣдствій считается смерть. Но въ глазахъ истинныхъ христіанъ, къ числу которыхъ, по всей справедливости, долженъ быть отнесенъ и Н. В. Гоголь, смерть является переходомъ къ высшей формѣ жизни и потому вызываетъ у нихъ радостныя мысли вмѣстѣ съ естественнымъ и неизбѣжнымъ чувствомъ печали. „Истинный христіанинъ“, пишетъ Гоголь, „радуется смерти близкаго своему сердцу; онъ, правда, разлучается съ нимъ..., но онъ утѣшенъ мыслию, что другъ его уже вкушаетъ блаженство, уже бросилъ всѣ горести“⁴⁾. Соотвѣтственно съ этимъ, и мысль о собственной смерти кажется поэту не ужасной, а поучительной и полезной: „какъ дурно не думать о смерти

¹⁾ VI т., 48 стр.

²⁾ VI т., 205 стр.

³⁾ V т., 495 стр.

⁴⁾ V т., 325 стр.

и не помышлять о будущей жизни: и малѣйшій намекъ о нихъ можетъ смутить такихъ людей, тогда какъ мы ежеминутно и ежечасно должны приготовляться къ смерти и такъ распорядить дѣла свои, какъ бы завтра намъ приходилось разставаться съ жизнью и отдавать отчетъ въ дѣлахъ своихъ Богу“ ¹⁾).

Бѣдствія и страданія благодѣтельны для человѣка еще и потому, что развиваютъ въ немъ смиреніе, которое Гоголь, совершенно справедливо, считаетъ одною изъ главныхъ христіанскихъ добродѣтелей. Смиреніе, по словамъ Гоголя, есть „первое знамя, по которому можно узнать христіанина“ ²⁾); оно „составляетъ первую красоту души“ ³⁾. „Мы всѣ были бы умны, свѣтлы, въ нѣсколько разъ умнѣе, чѣмъ мы есть, если бы умѣли смиряться. Тогда бы самъ Богъ правилъ нашими словами и дѣйствіями, а чему коснется Богъ, то уже премудро“ ⁴⁾. Смиреніе предохраняетъ человѣка отъ опрометчивости и связанныхъ съ послѣдней ошибокъ. „Счастливы тотъ, кто видитъ свои ошибки и перебираетъ въ мысляхъ всѣ сдѣланныя дѣла свои именно затѣмъ, чтобы отыскать въ нихъ ошибки: онъ достигнетъ совершенства и во всемъ успѣетъ. Горе тому, кто самоувѣренъ и не разсматриваетъ прежнихъ поступковъ, въ убѣжденіи, что они всѣ умны: ему никогда не добыть разума; Богъ его оставитъ“ ⁵⁾. Въ другомъ письмѣ Гоголь говоритъ: „неразумныя дѣла дѣлаются отъ гордости и увѣренности въ себѣ; но христіанское смиреніе спасетъ васъ повсюду и отгонитъ то самоослѣпленіе, которое находитъ на многихъ даже очень умныхъ людей, которые, узнавши только одну половину дѣла, уже думаютъ, что узнали все, и летятъ опрометью дѣйствовать“ ⁶⁾).

¹⁾ VI т., 329 стр.

²⁾ „Выбр. мѣста...“, 398 стр.

³⁾ VI т., 72 стр.

⁴⁾ VI т., 62 стр.

⁵⁾ VI стр., 342 стр.

⁶⁾ „Выбр. мѣста...“, 480 стр.

Признавая величіе и важность христіанскаго смиренія, Гоголь старался и въ себѣ воспитать эту добродѣтель и, насколько можно судить по его письмамъ, дѣйствительно обладалъ ею въ значительной степени. Давая въ своихъ письмахъ наставленія и совѣты, большей частью исполненные христіанской мудростью, поэтъ обыкновенно сопровождаетъ эти совѣты просьбой извинить его за то, что онъ беретъся поучать другихъ, будучи самъ не лучше ихъ. Въ особенности желаніе примириться со всѣми и получить отъ всѣхъ прощеніе усилилось въ поэтѣ во время путешествія его въ Палестину для поклоненія св. мѣстамъ. „Путешествіе мое“, говоритъ онъ, „хотѣлъ бы я совершить, какъ добрый христіанинъ, и потому испрашиваю прощеніе у всѣхъ моихъ соотечественниковъ во всемъ, чѣмъ ни случилось мнѣ оскорбить ихъ... Какъ говѣющій передъ исповѣдью, которую готовится отдать Богу, просить прощенія у своего брата, такъ я прошу прощенія“¹⁾. Сознаніе собственныхъ недостатковъ было развито у Гоголя очень сильно, можетъ быть даже преувеличенно. Извѣстно, какъ велико было безпокойство поэта о томъ, что его художественныя произведенія могутъ принести больше вреда, чѣмъ пользы, безпокойство, приведшее его къ сожженію второй части „Мертвыхъ душъ“. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Гоголь прямо говоритъ: „въ сочиненіяхъ моихъ гораздо больше того, что нужно осудить, нежели того, что заслуживаетъ хвалу“²⁾. Въ своихъ нравственныхъ недостаткахъ Гоголь особенно признается въ письмахъ къ ржевскому протоіерею о. Матвѣю, въ одномъ изъ которыхъ онъ, напр., пишетъ: „горю отъ стыда и не знаю, куда дѣться отъ несмѣтнаго множества неподозрѣваемыхъ во мнѣ прежде слабостей и пороковъ... написалъ бы вамъ страницы во свидѣтельство моего малодушія, суевѣрія, боязни“³⁾.

¹⁾ Тамъ же, 332—333 стр.

²⁾ „Выбранныя мѣста“..., 337 стр.

³⁾ VI т., 444 стр.

Для возбужденія и развитія смиренія Гоголь считаль необходимымъ прямо и откровенно указывать людямъ ихъ недостатки, что онъ многократно и дѣлаеть въ своихъ письмахъ; съ своей стороны, онъ постоянно и настойчиво требоваль отъ своихъ близкихъ, чтобы они замѣчали его погрѣшности и осуждали его за нихъ. „Упреки спасительны“, говоритъ онъ: „чѣмъ больше живешь и чѣмъ становишься лучше, тѣмъ больше жаждешь упрековъ. Я бы много далъ за то, чтобы слышать, какъ бранять меня. Даже самая несправедливая брань и оскорбленіе для меня теперь сущій подарокъ, потому что всякій разъ заставляютъ меня оглядываться на себя, а оглянувшись на себя, тотчасъ увидишь, что еще многого недостаетъ тебѣ“ ¹⁾). Въ другомъ мѣстѣ Гоголь пишетъ: „настаетъ такое время, когда упреки, жесткія слова и даже несправедливые поступки отъ другихъ становятся жизнью и потребностью душевною, и отъ нихъ удивительно уясняется глазъ, растетъ умъ, силы и—словомъ—растетъ все въ человѣкѣ“ ²⁾).

Упреки побуждаютъ человѣка обращать вниманіе на свои недостатки, сознаніе послѣднихъ вызываетъ желаніе освободиться отъ нихъ, стать лучше, а это желаніе является главнымъ источникомъ нравственнаго совершенствованія. „Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу“, говоритъ Гоголь: „Онъ поселилъ мнѣ также въ душу, уже отъ рожденія моего, нѣсколько хорошихъ свойствъ; но лучшее изъ нихъ, за которое не умѣю, какъ возблагодарить Его, было желаніе быть лучшимъ“ ³⁾). Это желаніе должно быть постоянно присуще христіанину, которому предстоитъ безконечное развитіе: „предъ христіаниномъ сіяеть вѣчно даль и видятся вѣчные подвиги; онъ, какъ юноша, алчетъ жизненной битвы; ему есть съ чѣмъ воевать и гдѣ подвизаться, потому что

¹⁾ VI т., 62 стр.

²⁾ VI т., 318 стр.

³⁾ „Выбр. мѣста...“, 417 стр.

взглядъ его на самого себя, безпрестанно просвѣтляющійся, открываетъ ему новые недостатки въ себѣ самомъ, съ которыми нужно производить новыя битвы¹⁾. Самое усовершенствованіе человѣка и даже сохраненіе уже достигнутой степени нравственнаго развитія возможно только при томъ условіи, если человѣкъ сознаетъ, что онъ еще не достигъ полнаго совершенства, что онъ еще многому долженъ учиться. „Есть“, говоритъ Гоголь, „вышая еще способность“ (въ отличіе отъ ума,—способности „приводить въ порядокъ и разставить по мѣстамъ все то, что у насъ уже есть“—и разума, который „приобрѣтается побѣдой надъ страстями“); „имя ей—мудрость, и ее можетъ дать намъ одинъ Христосъ. Она не надѣляется никому изъ насъ при рожденіи, никому изъ насъ не есть природная, но есть дѣло высшей благодати небесной. Тотъ, кто уже имѣетъ и умъ и разумъ, можетъ не иначе получить мудрость, какъ молясь о ней и день и ночь, прося и день и ночь ее у Бога, возводя душу свою до голубинаго незлобія и убирая все внутри себя до возможнѣйшей чистоты, чтобы принять эту небесную гостью, которая пугается жилищъ, гдѣ не пришло въ порядокъ душевное хозяйство... Если же она вступить въ домъ, тогда начинается для человѣка небесная жизнь, и онъ постигаетъ всю чудную сладость быть ученикомъ... Но если только возмнитъ онъ хотя на мигъ, что ученіе его кончено, и онъ уже не ученикъ,.. мудрость вдругъ отъ него отнимается“²⁾. Нравственное развитіе Гоголь признаетъ возможнымъ для всѣхъ людей, даже для такихъ, которые представляются совершенно закоренѣлыми злодѣями: какъ бы ни былъ безчувственъ человѣкъ“, говоритъ онъ: „какъ бы ни усыплена была его природа, въ двѣ минуты можетъ совершиться его пробужденіе; нельзя даже ручаться въ томъ, чтобы развратнѣйшій, презрѣннѣйшій и порочнѣйшій изъ насъ не сдѣ-

¹⁾ Тамъ же, 386 стр.

²⁾ „Выбр. мѣста...“, 386—387 стр.

лался лучше и святѣе всѣхъ насъ, хотя бы пробужденіе случилось съ нимъ за нѣсколько дней до смерти“¹⁾. Такимъ образомъ, Гоголь высказываетъ ту мысль объ искрѣ Божіей въ человѣкѣ, даже падшемъ, о возможности его возрожденія, которую впослѣдствіи развили въ своихъ произведеніяхъ нѣкоторые изъ нашихъ писателей, въ особенности Достоевскій.

Развитіе христіанина должно быть безконечнымъ потому, что безконеченъ идеаль, къ которому онъ долженъ стремиться. Идеаль этотъ заключается въ томъ, что человѣкъ долженъ всецѣло проникнуться духомъ Христовымъ, жить во Христѣ; назначеніе человѣка — быть „гражданиномъ небеснымъ“. По словамъ Гоголя, только тотъ можетъ безошибочно понимать слова Христа, „кто уже весь живетъ во Христѣ, внесъ Его во всѣ дѣла свои, помышленія и начинанія, Имъ осмыслилъ всю жизнь свою и весь исполнился духа Христова; а иначе—во всякомъ словѣ Христа вы будете видѣть свой смыслъ, а не тотъ, въ которомъ оно сказано“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ Гоголь говоритъ: „пускай вспомнить человѣкъ, что онъ вовсе не матеріальная скотина, а высокій гражданинъ высокаго небеснаго гражданства, и до тѣхъ поръ, покуда каждый сколько-нибудь не будетъ жить жизнью небеснаго гражданства, до тѣхъ поръ не придетъ въ порядокъ и земное гражданство“³⁾.

Н. Гумилевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ VI т., 154 стр.

²⁾ VI т., 326 стр.

³⁾ VI т., 386 стр.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹).

При церкви Васильевского погоста, какъ я говорилъ выше, жили одни духовные, члены причта. А прихожане разсѣяны были въ деревняхъ, которыхъ въ приходѣ Васильевского погоста числилось цѣлыхъ пятнадцать, и нѣкоторыя изъ нихъ отстояли отъ церкви въ верстахъ восьми. Половина этихъ деревень была въ Муромскомъ уѣздѣ, а другая въ Меленковскомъ. Деревни подѣлены были между тремя священниками, или тремя причтами, такъ что житель известной деревни обращался за требами къ своему духовному отцу, и когда ходили по приходу въ праздники священники, они ходили только по деревнямъ своей части, не простираясь на другія. Впрочемъ, въ двухъ деревняхъ дома подѣлены были между двумя причтами, но и въ этихъ деревняхъ священники знали дома своихъ прихожанъ, и въ нихъ являлись въ Пасху или въ Рождество Христово, и сами жители знали, какого священника они прихожане.

Большая часть деревень, входящихъ въ составъ Васильевского прихода, населена была государственными крестьянами, или экономическими. Экономическими назывались крестьяне, принадлежавшіе прежде монастырямъ, а послѣ отнятія имѣній у монастырей, освобожденные отъ зависимости отъ нихъ, они перешли въ составъ государственныхъ крестьянъ. Но были и помѣщичьи деревни. Изъ нихъ одна деревня Окулово принадлежала богатымъ помѣщикамъ Араповымъ. Жители этой деревни были на оброкѣ, то-есть, вносили помѣщику опредѣленный налогъ, а самого помѣщика никогда не видали. Завѣдывалъ имѣніемъ и былъ въ родѣ начальника надъ жителями управляющій изъ простыхъ людей, по своему положенію занимавшій средину между барининомъ

¹) См. №№ 13—14-й за 1909 г.

и крестьяниномъ. Но были и мелкіе помѣщики, жившіе въ деревняхъ,—Епишевы, Брюховы, Баскаковы, Гофманы, Антоньевы. Въ одной деревнѣ (Коржавинѣ) жило два помѣщика,—Епишевъ и Баскаковъ. Тому и другому принадлежала часть имѣнія, расположеннаго близъ этой деревни,—Епишеву большая, Баскакову меньшая. По матеріальному достатку и экономическіе и помѣщичьи крестьяне мало отличались одни отъ другихъ. Едва ли не лучше другихъ жили крестьяне деревни Окулова, вотчины Арапова, вносившіе ежегодно опредѣленный оброкъ помѣщику, и для себя, въ свою пользу обработывавшіе всю землю имѣнія. Одни изъ крестьянъ этой деревни, братья Барышевы, сколько помнится, ежегодно обработывавшіе изъ-полу землю моего отца, съ предоставленіемъ ему половины всего, сжатаго въ полѣ и потомъ обмолоченнаго на току, впоследствии, послѣ освобожденія крестьянъ, купили имѣніе помѣщика Гофмана (Большое Юрьево) и сдѣлались зажиточными землевладѣльцами, не усвоивъ чрезъ то барскихъ замашекъ. О тягостяхъ и безобразіяхъ, порождаемыхъ крѣпостнымъ правомъ, мало говорили въ годы моего дѣтства въ той мѣстности, гдѣ мнѣ приходилось жить. Да, кажется, здѣсь не было того помѣщичьяго своеволія, тѣхъ притѣсненій и жестокостей, о какихъ разносила молва въ другихъ мѣстахъ и какія такъ рельефно изображались въ нашей печати. Господа попадались всѣ добрые, и отношеніе къ дворовымъ у иныхъ (напр., Епишевыхъ) было чисто патриархальное. Дворовые, жившіе у помѣщиковъ съ малыхъ лѣтъ и до старости, свыкались съ семействомъ, которому служили, и привязывались къ нему, чуть ли не какъ къ родному, и помѣщичьи семейства смотрѣли на нихъ, не какъ на чужихъ, а присоединяли ихъ къ составу своего семейства. Отъ того и преданность иныхъ слугъ къ своимъ господамъ была почти безграничная. По обстановкѣ, по костюму они отличались отъ простыхъ крестьянъ и въ житейскомъ обиходѣ стояли на одной линіи съ приказчиками, составляя какъ бы среднюю ступень между помѣщикомъ и крестьянами.

Изъ помѣщиковъ памятенъ мнѣ Баскаковъ, скромно жившій въ своемъ небольшомъ имѣннн въ Коржавинѣ (у него было другое имѣнне, кажется, въ Пензенской губерннн). Онъ каждое воскресенье и каждый праздникъ большею частнн пѣшкомъ (разстоянне Коржавино отъ Васильевскаго погоста версты четыре) приходилъ въ церковь къ обѣднѣ, а послѣ обѣдни заходилъ въ домъ моего отца, гдѣ часто предлагалось ему малое угощенне. Разъ онъ пришелъ въ нашъ домъ изъ церкви, а отецъ, занятый трудами, долгое время не возвращался домой. Мать моя, отличавшаяся гостепрнмствомъ, предложила ему небольшую закуску, и усердно подчивала его водочкой. Онъ выпилъ двѣ или три рюмки, и уходя благодарилъ мать и сказалъ: „вы такъ напоили меня, что едва ли я дойду до дому“. Когда возвратился отецъ изъ церкви, мать рассказала ему, что былъ Баскаковъ, и она постаралась угостить его. Посмотрѣлъ отецъ, чѣмъ она подчивала его, и оказалось, что вмѣсто водки она угощала его простой водою, а тотъ, попивая подносимую ему воду, не далъ ей замѣтить ея ошибки.

Помню строителя храма Сергѣя Лукнча Епншева и его дѣтей, которыя всѣ отличались рѣдкою красотою. Сынъ его Дмитрнй Сергѣевичъ долгое время былъ предводителемъ Муромскаго дворянства. На канунѣ Пасхи семейство Епншевыхъ, когда жило въ имѣннн, съ вечера прнѣзжало въ погость, останавливалось у насъ въ домѣ; мы отправлялись спать, а они садились за столъ и бодрствуя ожидали полуночнаго часа или звона къ пасхальной утренѣ. Одна изъ дочерей Епншева вышла замужъ за повѣреннаго, служившаго у богатаго откупщика. Когда она была невѣстою, ей въ нашемъ домѣ говорили, что этотъ повѣренный (не дворянскаго происхожденн) какъ будто ей не пара. Она отвѣчала: „за то онъ хорошнй человекъ и имѣетъ большое состоянне“.

Одна барыня изъ мелко-помѣстныхъ (забылъ ея фамилнн) прнѣзжала къ намъ на цѣлую недѣлю, когда говѣла,— у насъ и столовалась. Столъ, конечно, былъ самый постный:

овсяный кисель, толокно, капуста и т. п. Не помню, допускался ли чай. Въ то время и помѣщики строго соблюдали посты.

Ближе всѣхъ къ церкви, въ полуторѣ верстѣ, жила помѣщица Антоньева. Она была очень картава и извѣстна была подъ именемъ нѣмой барыни. Церковь она посѣщала усердно и становилась обыкновенно у праваго клироса. Два сына ея, поручики въ отставкѣ, жили въ другомъ имѣніи въ Меленковскомъ уѣздѣ, а ея мѣстожителство—Малое Юрьево—принадлежало къ Муромскому уѣзду. Оба Антоньевы въ Крымскую войну были офицерами въ Меленковской ополченской дружинѣ.

Окрестные помѣщики относились къ моему отцу доброжелательно, и онъ бывалъ у нихъ гостемъ, и являлся къ нимъ не только для исправленія какой-либо требы. Онъ велъ знакомство и съ помѣщиками, не принадлежащими къ приходу Васильевского погоста, но жившими вблизи отъ насъ. Нерѣдко бывалъ онъ у помѣщика Барсукова, жившаго въ деревнѣ Новой, принадлежавшей къ приходу сосѣдняго села Палулина. И когда скончался онъ, мой отецъ, одинъ изъ священниковъ Васильевского погоста, приглашенъ былъ на его погребеніе. А другой помѣщикъ Муромскаго уѣзда, тоже изъ другого прихода, Павелъ Васильевичъ Макаровъ былъ моимъ крестнымъ отцомъ, а его дочь Ольга Павловна моею крестною матерію.

Не излишне замѣтить здѣсь, когда мы повели рѣчь о помѣщикахъ, что иные старые люди изъ крестьянъ, вспоминая добрыхъ помѣщиковъ, спустя долгое время послѣ освобожденія крестьянъ, сожалѣли о временахъ крѣпостного права. Такъ въ 1887 году, я съ братомъ, московскимъ протоіереемъ, проѣзжая проселочною дорогою въ Муромскомъ уѣздѣ, застигнуты были грозой и сильнымъ дождемъ. Непогода заставила насъ войти въ домъ въ селѣ Позняковѣ, отстоящемъ отъ Мурома верстахъ въ пятнадцать, — имѣніи Остенъ-Сакена. Домъ былъ двухэтажный, хорошо устроенный.

Въ немъ мы застали одно женское поколѣніе, — старую домохозяйку и трехъ ея невѣстокъ (мужское поколѣніе на лѣто отправляется на рыбныя ловли въ Астрахань). Молодыя женщины одѣты были по-праздничному, въ нарядныхъ ситцахъ (былъ какой-то мѣстный праздникъ), а старуха въ сарафанѣ изъ самотканнаго холста. Видя достатокъ въ домѣ, мы разспрашивали жилищъ этого дома объ ихъ житьѣ-бытьѣ, и выразили удовольствіе, указавъ на то, что теперь имъ не такъ тяжело, какъ въ былыя времена, когда было крѣпостное право. „Какъ можно, сказала старуха? Прежде было гораздо лучше при помѣщикахъ. Пропадетъ скотинка, — помѣщикъ дастъ ее или поможетъ купить ее. Изба обветшала, нужно поправить ее или построить новую, — дастъ лѣсу. А теперь все купи... Впрочемъ, я думаю (замѣтила она), что если бы помѣщица жила здѣсь, она по-прежнему помогала бы намъ. А то она поставила нѣмца-управляющаго, у котораго ничего не выразишь“.

Не сочувственно относилась пожилая домохозяйка и къ новымъ покупнымъ нарядамъ, безъ которыхъ не обходится деревенская молодежь. „Мы должны одѣвать себя сами (говорила она) издѣліями своихъ рукъ. Но покупные наряды дешевле и красивѣе. А наши самодѣльные сарафаны прочнѣе и намъ приличнѣе... При томъ что мы будемъ дѣлать зимой, если не будемъ прясть, ткать и шить? Наша одежда, которую я ношу, и которую носили всѣ въ прежніе годы, доставалась намъ даромъ, безденежно, и если бы мы не трудились надъ изготовленіемъ ея, намъ пришлось бы сидѣть безъ работы въ зимнее время“.

Жили въ Погостѣ просто, по-деревенски, и мало пользовались пріобрѣтеніями городской цивилизаціи. У cadaго, впрочемъ члена причта было свое хозяйство, свидѣтельствовавшее о нѣкоторомъ достаткѣ, — была лошадь, коровы, овцы и довольно домашней птицы. Землю обрабатывали сами; только одинъ мой отецъ отдавалъ обрабатывать землю изъ полу, съ отдачею половины собраннаго крестьянами, взяв-

шими на себя обработку земли. Земли во владѣніи причта было довольно, кажется, около 180 десятинъ; при количествѣ земли, приходящемся на долю священника, половины жатвы и обмолоченнаго хлѣба было болѣе, чѣмъ достаточно для ежегоднаго употребленія. Сѣяли рожь озимую, а на ярвомъ полѣ пшеницу, овесъ, ячмень, гречиху и ленъ. Столъ былъ у всѣхъ простой, не изысканный, но здоровый. Чай пили только тогда, когда прѣзжали гости, и пили большею частію въ прикуску.

Мой отецъ жилъ болѣе чисто, чѣмъ другіе члены причта. Одѣвался онъ лучше другихъ священниковъ, и у насъ, дѣтей его, костюмы были поприличнѣе прочихъ, чѣмъ мы возбуждали зависть въ нѣкоторыхъ юныхъ односельчанахъ.

Какъ мало знакомы были въ погостѣ съ пріобрѣтеніями цивилизаціи, можно заключить изъ того, что ни у кого изъ жителей погоста не было часовъ. Время измѣряли и узнавали днемъ по солнцу, а ночью по звѣздамъ. Когда мой отецъ купилъ стѣнные часы, приходили смотрѣть на нихъ, какъ на диковинку. Помню,— послѣ установки ихъ собрался смотрѣть на нихъ чуть не весь женскій персоналъ погоста: всѣ стояли и въ молчаніи ожидали, когда будутъ бить часы, и когда часы забили, всѣ диву дались, и не могли понять, какъ это дѣлается.

Рѣдко господствуетъ согласіе между духовными въ тѣхъ селахъ, гдѣ два или три причта. Часто изъ-за пустяковъ возникаютъ ссоры и распри, которыя доходятъ до начальства и бываютъ причинами многихъ напріяностей. Не избѣгъ этой участи и Васильевскій погостъ. И моему отцу, въ послѣдніе годы, пришлось не мало претерпѣть отъ недоброжелательства нѣкоторыхъ изъ членовъ Васильевского причта. Пошли кляузы, доносы благочинному, въ которыхъ возносили на него несуществующія вины. Благочинный (Муромскій протоіерей Троепольскій) не благосклонно относился къ моему отцу, главнымъ образомъ потому, что онъ держалъ себя по отношенію къ нему независимо, не раболѣпствовалъ предъ нимъ

и скупъ былъ на приношенія ему, которыя въ то время были въ обычаѣ. Причина, почему сочлены причта недоброжелательно относились къ моему отцу, и нѣкоторые старались, какъ выражались тогда, напакостить ему, заключались въ томъ, что мой отецъ значительно возвышался надъ ними. Онъ былъ студентъ семинаріи, и по окончаніи курса былъ лекторомъ семинаріи; у него учился между прочимъ Михайль Измайловичъ Богословскій, бывшій впоследствии протопресвитеромъ военнаго духовенства, умершій настоятелемъ Архангельскаго собора въ Москвѣ:—прочіе священники были второразрядные, не отличавшіеся образовательнымъ цензомъ. Моему отцу назначались проповѣди на праздничные или воскресные или царскіе дни, для произнесенія въ Муромскомъ соборѣ, и онъ никогда не уклонялся отъ этой обязанности, и проповѣди его цѣнились почитателями собора и духовенствомъ города Мурома. А другіе васьилевскіе священники никогда не дерзали являться съ проповѣдію въ Муромъ. Не чуждъ онъ былъ литературныхъ интересовъ. Помню я, что онъ внимательно читалъ исторію Карамзина, которую бралъ у сосѣднихъ помѣщиковъ, и послѣ него осталась большая тетрадь, гдѣ онъ записывалъ извлеченія изъ разныхъ томовъ исторіи Карамзина; въ общемъ эта тетрадь представляла сокращенное изложеніе всего содержанія исторіи Карамзина. Любилъ онъ побесѣдовать съ людьми болѣе или менѣе образованными, и образованные люди, жившіе въ Муромѣ и въ окрестныхъ селахъ (помѣщики), отличали его отъ другихъ и относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ прочимъ членамъ Васильевскаго погоста. Далѣе, обстановка житейская у моего отца была болѣе благородная и чистая, чѣмъ у прочихъ, и это рѣзало глаза имъ, хотя доходы моего отца не превышали доходовъ другихъ священниковъ; но у него болѣе развиты были культурныя потребности. Въ особенности глухое завистливое недовольство замѣтно стало въ погостѣ, когда мой отецъ выстроилъ новый домъ, значительно лучший другихъ домовъ въ погостѣ, который могъ бы быть

поставлень, какъ говорили, на хорошей улицѣ въ Муромѣ. И это глухое недовольство скоро выявилось наружу, и отсюда возникла длинная непріятная исторія. Донесли благочинному, что отецъ мой, при постройкѣ дома, воспользовался частію церковнаго лѣса, и благочинный Троепольскій, пытавшій неудовольствіе на моего отца, радъ былъ этому доносу. Лѣсу церковнаго, по преувеличенному указанію членовъ причта, взято было на семнадцать рублей ассигнаціями, или на пять рублей серебромъ, каковыя деньги уплачены были старостѣ. Но въ вину отцу моему ставили то, что онъ сдѣлалъ это, не испросивъ предварительно разрѣшенія начальства, то есть, благочиннаго. Дѣло пошло въ Муромское духовное правленіе, гдѣ предсѣдателемъ былъ благочинный протоіерей Троепольскій. Въ своихъ объясненіяхъ по этому дѣлу, и устныхъ въ правленіи и письменныхъ, мой отецъ не воздержался и дозволилъ себѣ нѣсколько обидныхъ выраженій по адресу своего недоброжелателя Троепольскаго. Передано было дѣло въ консисторію, и здѣсь не поставлено было въ вину отцу моему то, въ чемъ обвиняли его въ доносѣ благочинному сочлены причта, но не оставлено безъ вниманія непочтительное отношеніе его къ благочинному. Когда представлено было дѣло изъ консисторіи на усмотрѣніе архіерея (архіепископа Паренія, переведеннаго въ 1849 въ Воронежъ, послѣ двадцати девяти лѣтняго управленія Владимірскою епархією), онъ придалъ значеніе обличенію моего отца въ непочтительномъ отношеніи къ начальству, и при этомъ припомнилъ случай, бывшій двадцать лѣтъ назадъ по отношенію къ тому времени, когда возбуждено было дѣло противъ моего отца, въ которомъ онъ усмотрѣлъ признаки якобы неуважительнаго отношенія священника Пѣвницкаго къ Его Преосвященству. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Мой отецъ, по окончаніи курса семинаріи въ 1822 году, былъ учителемъ архіерейскихъ пѣвчихъ. Состоя въ этой должности, онъ подавалъ прошеніе преосвященному Паренію объ устроеніи его сестры—сироты на діаконское мѣсто,

на которое имѣлся готовый кандидатъ, согласившійся жениться на сестрѣ просителя (Преосв. Пареній, состоя на Владимірской кафедрѣ, любилъ устроить сиротствующихъ дѣвицъ и оказывалъ имъ особенное милостивое вниманіе). Принявъ прошеніе, преосв. Пареній сказалъ: „не слишкомъ ли много для нея? Вѣдь она дочь причетника“. На это мой отецъ отвѣтилъ: „но Вы, Ваше Преосвященство, обѣщали такое же мѣсто подобной сиротѣ, тоже дочери причетника“! Преосв. Пареній прошенію моего отца не далъ хода и оставилъ его безъ удовлетворенія, но ничего не сказалъ по поводу его смѣлаго и неосторожнаго отвѣта, и мой отецъ и не догадывался, что его слова показались архіерею дерзкими. А черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ (въ 1843 году) архіерей припомнилъ эти слова, сочтенныя имъ за дерзость, и это послужило къ подтвержденію или усиленію той вины, какая взведена была на моего отца.

Мы, малыя дѣти, въ то время не понимали, какую горькую чашу приходилось пить нашему отцу въ послѣдніе годы его жизни. Но впоследствии, познакомившись съ дѣломъ по документамъ Муромскаго духовнаго правленія, мы съ глубокою скорбію увидали, что нашему отцу нанесена была тяжкая и несправедливая обида его односельчанами и благочиннымъ протоіереемъ Троепольскимъ. Не легко было ему переносить эту обиду, и волненія и душевныя страданія, ею вызванныя, ускорили его смерть. Просился нашъ отецъ, въ послѣдній годъ своей жизни, на новое мѣсто въ Липовецкій погостъ Муромскаго же уѣзда, чтобы избавиться отъ недружелюбно относящихся къ нему сослужителей и отъ тѣхъ непріятностей, какія они ему наносили. Но архіерей не исполнилъ его прошенія, мотивируя отказъ свой указаніемъ на непочтительное отношеніе его къ начальству. Но скоро послѣ подачи этого прошенія о переводѣ изъ Васильевскаго въ Липовецкій погостъ, Господь принялъ нашего отца въ вѣчныя обители, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

Кажется, послѣ смерти моего отца, сознали вину предъ нимъ тѣ, отъ кого пришлось пострадать ему; у иныхъ изъ нихъ являлась мысль, не мало гнетущая ихъ, не они ли косвеннымъ образомъ довели его до преждевременной могилы (мой отецъ скончался сорока четырехъ лѣтъ). Я помню, какъ при его погребеніи рыдалъ его сослуживецъ по погосту и товарищъ по семинаріи отецъ Михайль Воскресенскій, главный виновникъ по почину того дѣла, которое такъ сокрушало моего отца; отъ рыданія онъ не могъ произносить возгласовъ на литургіи и отпѣваніи. И многіе, бывшіе при погребеніи, эти рыданія священника Воскресенскаго объясняли тѣмъ, что въ немъ сильно заговорила его совѣсть, и ему вдвойнѣ стало жаль товарища и сослужителя.

И архіерей (преосв. Парѣній), знавшій моего отца со времени его обученія въ семинаріи, очень милостиво отнесся къ его осиротѣвшему семейству. Онъ добромъ вспоминалъ моего отца и очень сожалѣлъ о его преждевременной смерти. Когда мать моя явилась къ нему послѣ смерти его съ прошеніемъ, онъ посадилъ ее (что въ то время было большею рѣдкостію со стороны его къ просителямъ), и сколько возможно старался утѣшить ее. Она просила его зачислить мѣсто отца за старшимъ братомъ моимъ, только что переведеннымъ изъ училища въ семинарію, что тогда допускалось. Онъ не просто отказалъ въ этомъ, а отсовѣтовалъ ей искать этого, указавъ на то, что скоро будетъ сокращеніе штатовъ, и въ Васильевскомъ погостѣ вмѣсто трехъ будетъ только два священника. Тогда само собою не достанется мѣсто твоему сыну (сказалъ онъ), которому нужно ждать еще шесть лѣтъ до окончанія курса. Между тѣмъ у тебя есть домъ, и, говорятъ, хорошій. Я опредѣлю новаго священника и заставлю его купить этотъ домъ за приличную цѣну. Вновь опредѣленный священникъ на мѣсто моего отца дѣйствительно приобрѣлъ нашъ домъ, кажется, за полторы тысячи рублей ассигнаціями,—цѣна въ то время довольно большая. Но онъ не долго служилъ, и скоро скончался. А послѣ него упразд-

нено было мѣсто третьяго священника въ Васильевскомъ погостѣ.—И къ намъ, дѣтямъ памятнаго преосв. Парѣнію покойнаго священника Пѣвницкаго, онъ разъ оказалъ особенное вниманіе. На публичномъ экзаменѣ въ семинаріи въ 1847 году братъ мой и я получали наградныя книги (братъ мой былъ въ философскомъ классѣ, а я въ словесности, или низшемъ отдѣленіи). Вручая мнѣ книгу, преосв. Парѣній сказалъ: „сироты вы. Я помню вашего отца. Зайдите ко мнѣ завтра“. И мы въ день отпуска семинаристовъ зашли къ нему, и онъ далъ намъ по серебряной монетѣ. Это было съ его стороны милостію, выходящею изъ ряда вонъ.

Проф. *Василій Пѣвницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Вся во славу Божию творите.

Почти повсемѣстно есть обычай приглашать духовенство „на чай“ послѣ совершенія имъ таинствъ и требъ у прихожанъ на дому. Таковое приглашеніе надобно принимать, не потому, конечно, что ястіе и питіе такъ ужъ соблазнительны и отказываться отъ нихъ трудно, а потому, что это полезно, даже болѣе,—этого требуетъ пастырское дѣланіе.

Сосредоточенно и съ усердіемъ выслушали прихожане молитвы, произносимыя причтомъ, не разъ, быть можетъ, вздохнули отъ глубины души; окончилась, однако, служба; духовенство удалилось; молитвенное настроеніе прервалось, сразу наступило обыденное будничное настроеніе. Неудобно. Неудобно продлить этотъ духъ молитвенный. Уже одно присутствіе духовныхъ лицъ сообщаетъ обществу что-то особенное, при желаніи-же всегда возможно, въ отраду и оживленіе присутствующихъ, сдѣлать бесѣду и многоплодною, и на-

зидательною. Въ непринужденномъ разговорѣ очень удобно узнать поближе каждаго, его нужду, желанія, направленіе, расположить къ благотворительности на храмъ, на неимущихъ, освѣтить съ христіанской точки современныя событія и вопросы, волнующіе общество, дать совѣтъ и т. д. Все это неистощимая, благодарная тема для нравственнаго воздѣйствія на прихожанъ. „Се изыде сѣяй сѣяти“ (Марк. 4, 3). Сѣяль Господь Самъ, затѣмъ чрезъ апостоловъ Своихъ, нынѣ это долгъ священниковъ, и надо пользоваться всякимъ приличнымъ, пригоднымъ случаемъ къ сѣянію словесъ здраваго ученія; слово помазанное сильно вліяетъ на души и сердца людскія. Блаженной памяти о. Іоаннъ Кронштадтскій рѣдко уклонялся отъ предлагаемыхъ хлѣба-соли, и его 5—10 минутная остановка составляла въ домѣ цѣлое событіе: вспоминались взглядъ батюшки, мѣсто, которое занималъ онъ, его слова, отгѣненные духомъ ученія Христова.

Можетъ быть будутъ нареканія? Но мы знаемъ, что злословіе никого не щадить, старается все осквернить. Христа Спасителя злословили, что Онъ „ядца и пійца“, говорили это о Томъ, Кто при трапезѣ Своей (какъ у Симона Фарисея, сестеръ Марѳы и Маріи) возводилъ умы людей къ тому, что „едино на потребу“. Вотъ если бы послѣ молитвословій въ домѣ прихожанина духовенство позволило-бы себѣ упиваться напитками, когда потекутъ рѣчи, возвращающіяся въ кругу предметовъ низкихъ,—это было бы, безъ сомнѣнія, предосудительно.

Само собою понятно, что бѣдные и порочные не могутъ быть пренебрегаемы; слѣдуетъ пользоваться такими удобными случаями и привносить миръ духовный, миръ религіозный въ ихъ дома, указывая имъ обязанности христіанскія и правила жизни; они должны видѣть, какъ служители Христа осуществляютъ самымъ дѣломъ утѣшительныя слова Спасителя нашего: „Сынъ человѣчскій прииде взыскати и спасти погибшаго“. („Орл. Еп. Вѣд.“).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 22-го марта 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 16.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года апрѣля 19-го дня.

Содержаніе: I. О возможности церковной реформы безъ созыва собора. Свящ. В. Пестрякова.—II. Цоголь, какъ христіанинъ. (Окончаніе) Н. Гумилевскаго.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкаго.

О возможности церковной реформы безъ созыва собора.

Въ нѣсколькихъ номерахъ газеты „Колоколь“ за прошлый годъ была помѣщена статья, озаглавленная: „Возможность и преимущество церковной реформы безъ созыва собора“. И. Преображенскаго. Статья эта обратила вниманіе періодической прессы; въ лѣвыхъ газетахъ по поводу нея поднялся цѣлый гвалтъ и вой; даже провинціальныя газеты и тѣ сочли нужнымъ отозваться на нее. Статьѣ придали симптоматическое значеніе, какъ указаніе на то, что „вопросъ о церковномъ соборѣ совершенно упраздняется, различныя въ этомъ отношеніи „пожеланія ликвидируются и дѣло церковной реформы de jure снова водворяется все въ

ту же синодально-бюрократическую канцелярію, изъ которой фактически оно никогда, въ сущности не выходило“¹⁾).

Не придавая статьѣ симптоматическаго значенія, тѣмъ не менѣе не можемъ не признать, вмѣстѣ съ авторомъ, что основная мысль ея „смѣла и противорѣчитъ общему настроенію и ожиданіямъ, сложившимся уже на счетъ великаго дѣла церковной реформы“, а поэтому и заслуживаетъ всякаго вниманія.

Признавая соборы древнихъ вѣковъ христіанства какъ идеаль, авторъ утверждаетъ, что „увлекаться этимъ идеаломъ, стремиться повторить практику тогдашнихъ помѣстныхъ соборовъ въ условіяхъ нашего времени—дѣло и несбыточное и очень рискованное“: при одномъ составѣ онъ можетъ оказаться безрезультатнымъ для блага Церкви, а при другомъ—послужить къ существенному для нея вреду“. Причину невозможности устроить соборы въ настоящее время съ такимъ составомъ и авторитетомъ, какъ въ древней Церкви, когда сонмы мучениковъ своею кровію свидѣтельствовали вѣру, авторъ видитъ въ упадкѣ религіозно-нравственной жизни въ современномъ обществѣ, когда одни, громко крича объ упадкѣ церковной жизни, вовсе не думаютъ о томъ, чтобы самимъ сколько-нибудь походить на христіанъ, а другіе только одного желаютъ, какъ бы поскорѣе „искоренить православіе, какъ застарѣлое суевѣріе, какъ вредный предразсудокъ темнаго народа“.

Обращаясь къ исторіи древней Руси, авторъ находитъ, что идеаль древне-русской соборности, организація соборовъ въ то время совершенно не приемлема для нашихъ церковно-обновленцевъ. Отъ членовъ собора, по взгляду древней Руси, требуется не только „вѣдѣніе до конца божественнаго писанія“, но и „добродѣтельное житіе“. Изъ пустынниковъ приглашались лица, „житія ради добродѣтельнаго и чистоты дарованію сподобившіяся отъ Бога“, дабы плодотворности тру-

¹⁾ Киевская Мысль № 342.

довъ собора споспѣшествовали „не точію словеса, но и молитвы ихъ“. Между тѣмъ, въ современныхъ безконечныхъ толкахъ о реформѣ о благочестіи и добродѣльномъ житіи нѣтъ и помину. Авторъ не сомнѣвается въ томъ, что соборъ, составленный по древне-русскому идеалу и даже по проекту предсоборнаго присутствія, не будетъ принятъ современною намъ интеллигенціей. Какъ бы широки и глубоки ни были реформы, проведенныя соборомъ, онѣ будутъ бесполезны въ смыслѣ благотворнаго вліянія на извѣстную часть нашего общества. „Разъ постановленія собора будутъ къ истинному благу Церкви (а иными они быть не могутъ) враги Церкви, враги православія объявятъ ихъ неприемлемыми“¹⁾.

Истиннымъ чадамъ Церкви, болѣющимъ при видѣ церковныхъ несовершенствъ, жаждающимъ собора, авторъ представляетъ слѣдующія соображенія о соборѣ. Собрать такой соборъ, члены котораго были бы вполне единомысленны, даже по важнѣйшимъ вопросамъ, авторъ признаетъ невозможнымъ: разногласія здѣсь неизбежны, а если такъ, то постановленія собора будутъ опредѣляться большинствомъ голосовъ. Но извѣстно, большинство вовсе не составляетъ гарантіи правильности. Истина случается на сторонѣ одного вопреки утвержденію многихъ. Въ великомъ вопросѣ церковной реформы вся суть въ созданіи такого плана новаго церковнаго строя, который совершенствомъ своимъ привлекъ бы большинство; отсюда вопросъ не маловажный „объ архитекторѣ, о творцѣ проекта, о томъ, для кого легче и удобнѣе было бы созданіе проекта совершеннѣйшаго²⁾. Отъ автора проекта требуется не только знаніе предмета, но и способность его къ творчеству, которое недоступно для совокупныхъ силъ: „творить сообща немислимо“. Признавая, что для творца проекта руководящимъ началомъ должна быть мысль о Небесномъ, согрѣтая религіознымъ порывомъ, свя-

¹⁾ № 819.

²⁾ № 824.

тымъ вдохновеніемъ, авторъ и утверждаетъ, что церковная реформа, въ смыслѣ созданія ея проекта, явилась бы лучше и совершеннѣе, какъ результатъ единоличнаго творчества. Для такого творчества имѣется и благоприятное условіе—въ огромномъ матеріалѣ, для этого подготовленномъ, раскрывающемъ вопросъ о реформѣ съ „подробностію, прямо поражающею“ ¹⁾). При разработкѣ огромнаго подготовительнаго матеріала, приготовленнаго къ собору, намъ неминуемо пришлось бы наблюдать медленную и кропотливую работу разныхъ секцій собора; въ результатъ добросовѣстнаго изученія матеріаловъ появились бы новые толстѣйшіе доклады. „Вспомнимъ, пишетъ авторъ, естественную, при коллективномъ обсужденіи вопросовъ, неизбежность дебатовъ, преній, возбуждающихъ страсти. Въ атмосферѣ, созданной публичными преніями, мудро разсуждать спокойно и вдумчиво, приходится и выражать свои сужденія не съ такою точностію, опредѣленностію, основательностію, которыя могли бы быть при другой обстановкѣ. Тутъ „сказалъ не то, что хотѣлъ“ всегда возможно и случается“ ²⁾).

„Для церковной реформы нуженъ человѣкъ, который, обладая недюжинными способностями ума и достаточной просвѣщенностію“, могъ бы „сердцемъ почувствовать, какого строя въ церковной жизни просить вѣрующая душа русскихъ православныхъ людей“,—„обладающаго душею вѣрующею, религіозною, и дѣятельно стремящагося къ внутреннему общенію съ Богомъ. Никакая туча лицемѣрныхъ словъ и бездушныхъ формулъ не затмила бы пониманія такимъ лицомъ того, какая реформа въ церковномъ строѣ послужила бы къ славѣ и процвѣтанію отечественной нашей Церкви“. Творцомъ такого проекта, по мнѣнію автора, могъ бы явиться первосвятитель Японской церкви Николай, авторитетъ котораго цѣнить даже извѣстная часть нашего интеллигентнаго

¹⁾ № 828.

²⁾ № 830.

общества ¹⁾). Преосвященный Николай могъ бы безъ особаго труда разобрать въ той массѣ матеріала, которая имѣется для дѣла церковной реформы. Для него, какъ для человѣка исключительнаго по духовнымъ дарованіямъ, сразу бы видно стало, что въ этой массѣ цѣнно, и что мусоръ и хламъ, не заслуживающіе вниманія.

„Санкціонировать проектъ, придать ему обязательное значеніе могла бы и существующая у насъ высшая церковная власть въ лицѣ Св. Синода. Если же для этой санкціи потребовался бы всероссійскій церковный соборъ, то организація этого собора должна быть совершена также по указаніямъ преосвященнаго Николая. На соборъ этотъ долженъ быть приглашенъ и онъ, *воспитывающій свою паству при ежегодныхъ соборахъ*. Онъ, быть можетъ, и возглавилъ бы его собою“ ²⁾).

При внимательномъ чтеніи статьи, содержаніе которой нами изложено, по всей вѣроятности, у читателя остается нѣсколько странное впечатлѣніе,—именно, что авторъ подчасъ доказываетъ противное тому, что онъ хотѣлъ доказать. Напримеръ, заключеніе статьи о томъ, чтобы реформа, выработанная однимъ лицомъ, была санкціонирована соборомъ, равно и ссылка на первосвятителя Японской церкви, „воспитывающаго свою паству на ежегодныхъ соборахъ“ говорятъ не противъ собора; а скорѣе за него.

Мы не будемъ приводить принципиальныхъ доводовъ въ защиту соборовъ, такъ какъ вопросъ о соборахъ, объ ихъ значеніи, преимуществѣ въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ церковной жизни оправданъ и доказанъ исторической жизнью и наукою съ такою поражающею очевидностію, что двухъ мнѣній на этотъ счетъ, кажется, не можетъ быть. Остановимся лишь на тѣхъ условіяхъ наличной жизни, которыя, по мнѣнію автора, создаютъ неблагопріятную обстановку для

¹⁾ № 842.

²⁾ № 843.

созыва теперь собора, на тѣхъ опасеніяхъ, какія высказалъ авторъ.

Никто не станетъ отрицать того, что религіозно-нравственная жизнь въ настоящее время находится въ упадкѣ, что не мало есть христіанъ, только по имени или прямо враждебныхъ Церкви, жаждущихъ, чтобы она прекратила свое существованіе, какъ вредный предразсудокъ. Но это печальное явленіе, безспорное разумѣется, нисколько не говорить противъ соборовъ, потому что, если по отрицательнымъ явленіямъ судить объ умѣстности соборовъ, то тогда соборовъ и совсѣмъ не было бы въ исторіи, ибо теплохладные (въ древней Церкви—отпадшіе) и враги (еретики) у Церкви *всегда были*. И какіе враги были для Церкви опаснѣе, современные или древніе, опиравшіеся часто и на правительственную власть—вопросъ, по нашему мнѣнію, не легко разрѣшимый. Обличительныя слова древнихъ проповѣдниковъ, особенно Іоанна Златоуста, говорятъ за то, что и въ нравственности древнихъ христіанъ были свои печальныя явленія,—бывали даже опыты совсѣмъ неудачныхъ помѣстныхъ соборовъ; но это все же не уничтожаю самыхъ соборовъ, не умаляло ихъ значенія, какъ высшей формы церковной жизни. Не знаетъ наше время сонмовъ мучениковъ, ибо на то воля Господня, даровавшаго Православной Церкви времена мирныя; мало видно нынѣ ярко горящихъ свѣтильниковъ вѣры, но не оскудѣла еще вѣра православная, neodолѣнною остается Церковь Господня,—столпъ и утвержденіе истины, и всѣ дарованныя ей благодатныя права она можетъ, а, пожалуй, и должна осуществлять всегда, во всѣ времена, независимо отъ наличной жизни, отъ временныхъ, лучшихъ или менѣе благопріятныхъ условій.

Авторъ высказываетъ, опасеніе, что постановленія собора, направленные на благо Церкви, будутъ бесполезны въ смыслѣ благотворнаго вліянія на нашу интеллигенцію, которая ихъ не признаетъ. Предугадать будущее трудно,—оно въ рукъ Господней; но несомнѣнно—древняя практика вселен-

ской Церкви это доказываетъ,—что соборъ—въ силѣ *многихъ* образумить, вывести на спасительный путь истины, хотя и въ древней Церкви соборы, даже вселенскіе, не всегда въ отношеніи заблудшихъ достигали цѣли. Технические неудобства соборнаго обсуждения церковной реформы, указываемыя авторомъ—медленная кропотливая работа, толстые доклады, наконецъ неизбежность дебатовъ, преній, страстности. Но вѣдь все это именно неизбежно, и было также въ древней Церкви. Доводы св. Аѳанасія Великаго на 1-мъ вселенскомъ соборѣ тоже были результатомъ кропотливой работы. Задача предстоящаго собора Русской Церкви—нелегка; болѣе двухъ вѣковъ соборы на Руси не созывались; быстро идущая жизнь выдвинула тысячи вопросовъ. Пусть даже соборъ не справился бы со всею работою, со всѣмъ матеріаломъ, ему предложеннымъ, но онъ обновилъ бы въ сознаніи вѣрующихъ самую идею соборности, облегчилъ бы работу Церкви въ будущемъ, воскресивъ забытое: „дважды въ году да бѣвають соборы“...

Въ пользу единоличнаго созданія проекта церковной реформы, по мнѣнію автора, говорить то, что для реформы нужно творчество, а творить можно только одному, ибо творчество сообща не мыслимо. Для творчества необходимо вдохновеніе и, по нашему мнѣнію, возможно какъ коллективное вдохновеніе, такъ и творчество, и высшую форму его знаетъ Церковь: мысль объ этомъ ясно выражена въ древнемъ: „изволися Духу Святому и намъ“.

Церковь не отрицала за выдающимися свѣтилниками вѣры, отцами и учителями своими права реформаторской инициативы (Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ); но все же выработанныя ими нормы церковной жизни считала необходимымъ подкрѣплять авторитетомъ соборовъ (Правила св. Василія Великаго).

Если мы и не раздѣляемъ опасеній автора относительно такъ желаемого и ожидаемого всероссійскаго собора, если и не согласимся съ возможностью, а тѣмъ болѣе преимуществомъ

церковной реформы без созыва собора, то нельзя за статьей его не признать огромнаго значенія, *подготовительнаго* къ собору, такъ какъ онъ обращаетъ вниманіе на одну, въ общемъ мало отмѣченную сторону,—на качества членовъ будущаго всероссійскаго церковнаго собора.

О соборѣ говорятъ всѣ; на соборѣ недоброжелатели и враги Церкви возлагали и возлагаютъ недобрыя надежды, думая, что онъ произведетъ коренную ломку въ церковной жизни, по обновленческому рецепту или, по крайней мѣрѣ, произведетъ раздоръ и вражду въ нѣдрахъ Церкви. На соборѣ предлагаютъ принять участіе такіе элементы, которые явятся туда съ тѣмъ лишь, чтобы „обличать“ Церковь Православную, учить ее, какъ ей устроить свою жизнь. Характерный прецедентъ въ этомъ отношеніи мы имѣемъ уже въ Кіевскомъ Миссіонерскомъ Съѣздѣ; съ такими приблизительно цѣлями явился сюда ех-архимандритъ Михаилъ, предполагая, что миссіонерскій Съѣздъ особенно имъ займется, чего на самомъ дѣлѣ не случилось. Поженіе И. Преображенскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и требованіе древне-русской Церкви о томъ, чтобы члены собора не только вѣдали божественныя писанія, но и являли добродѣтельное житіе,—это желаніе вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ современныхъ православныхъ людей, дѣйствительно преданныхъ своей вѣрѣ и Церкви: на Соборѣ должны быть мобилизованы всѣ лучшія *во всѣхъ отношеніяхъ* наличныя силы Церкви. Что касается того обстоятельства, что *такого* собора не признаютъ обновленцы, декаденты, нео-христіане во вкусѣ Розанова, Мережковскаго, Толстого, то это вовсе не можетъ служить убѣдительнымъ доводомъ противъ созыва Собора: въ исторіи Церкви обще-признаннаго *всѣми* (даже и еретиками) собора, голосу котораго подчинились бы *всѣ* разномыслящіе, не было, и всякій соборъ, имѣя цѣлюю—общее благо, прежде всего направляется ко благу вѣрныхъ чадъ Церкви.

Священникъ В. Пестряковъ.

Н. В. Гоголь, какъ христiанинъ.

(Окончанiе 1).

Мы видѣли, какими возвышенными христiанскими мыслями проникнуты многiя письма Гоголя. Но поэтъ понималъ, что для того, чтобы быть истиннымъ христiаниномъ, недостаточно только имѣть въ душѣ извѣстное настроенiе, а нужно и проявлять его въ жизни: „есть много достойныхъ людей“, говоритъ онъ, „которые думаютъ, что они христiане; но они христiане только въ мысляхъ, а не въ жизни и не въ дѣлѣ; они не внесли еще Христа въ самое сердце своей жизни, во всѣ дѣйствiя свои и поступки“ 2). Поступки же и дѣйствiя являются истинно христiанскими въ томъ случаѣ, когда они проистекаютъ изъ любви къ Богу и ближнему. Любовь, говоритъ Гоголь, есть „первое условiе христiанина“ 3). Любовь заключается въ томъ, чтобы жить не для своего счастья, а для счастья любимыхъ существъ. „Блаженъ тотъ“, пишетъ Гоголь, „кто уже загорѣлся небесной любовью къ людямъ и, позабывши уже всѣ собственные страданiя, все, что ни наносилось ему въ огорченiе отъ нихъ,.. влечется къ нимъ сильнѣйшею любовью, до того, что уже какъ бы позабывши о собственномъ своемъ спасенiи, помышляетъ только о ихъ спасенiи“ 4). „Всѣ наслажденiя наши заключены въ пожертвованiяхъ. Счастие на землѣ начинается только тогда для человѣка, когда онъ, забывъ о себѣ, начинаетъ жить для другихъ, хотя мы вначалѣ думаемъ совершенно тому противоположно“ 5). Само собою понятно, что любовь прежде всего выражается въ благотворительности и помощи нуждающимся. Но эта помощь

1) См. № 15-й за 1909-й г.

2) VI т., 133—134 стр.

3) VI, 49 стр.

4) VI т., 163 стр.

5) VI т., 64 стр.

является вполне благотворительной только тогда, когда бывает не только материальной, а вместе и нравственной, при чем последняя форма помощи гораздо выше первой. „Нужно“, говорит Гоголь, „чтобы помощь произведена была истинно христианским образом; если же она будет состоять в одной только выдаче денег, она ровно ничего не будет значить и не обратится в добро. Если вы не обдумали прежде в собственной голове всего положения того человека, которому хотите помочь, и не принесли с собою ему наущения, как отнынѣ слѣдуетъ вести ему жизнь, онъ не получить большого добра отъ вашей помощи“¹⁾. Такъ какъ любовь есть пожертвованіе своими интересами въ пользу другихъ, то она должна быть вполне безкорытна: „смотрите на то—любите ли вы другихъ, но не на то—любятъ ли васъ другіе; кто требуетъ платежа за любовь свою, тотъ подлѣ и далеко не христианинъ“²⁾. Въ любви къ людямъ проявляется и любовь къ Богу. „Христосъ принесъ и возвѣстилъ намъ тайну“, пишетъ Гоголь, „что въ любви къ братьямъ получаемъ любовь къ Богу; стоитъ только полюбить ихъ такъ, какъ приказалъ Христосъ, и сама собой выйдетъ въ итогѣ любовь къ Богу Самому“³⁾. Въ другомъ мѣстѣ поэтъ говоритъ: „хотѣлъ бы сколько-нибудь поболѣе пожить въ Богѣ, но безъ людей и этого нельзя достигнуть. Сами знаете: Бога никтоже видѣ. Одинъ Сынъ Человѣческой Его вѣдаетъ, а Онъ велѣлъ намъ находить Его въ любви къ ближнему“⁴⁾.

Конечно, имѣя подъ руками только письма Гоголя, трудно судить, насколько былъ проникнутъ христианской любовью самъ авторъ ихъ. Но при чтеніи этихъ писемъ, безспорно, получается впечатлѣніе, что они дышатъ неподдѣль-

1) „Выбр. мѣста...“, 353 стр.

2) Тамъ же, 497 стр.

3) Тамъ же, 424 стр.

4) VI т., 148 стр.

ной и горячей любовью къ тѣмъ лицамъ, которымъ они адресованы; особенно любящимъ настроеніемъ отличаются письма поэта къ матери и сестрамъ. Въ своемъ „Завѣщаніи“, въ искренности котораго у насъ нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться, Гоголь говоритъ: „соотечественники, я васъ любилъ, любилъ тою любовью, которую не высказываютъ, которую мнѣ далъ Богъ, за которую благодарю Его, какъ за лучшее благодѣяніе, потому что любовь эта была мнѣ въ радость и утѣшеніе среди наитягчайшихъ моихъ страданій“¹⁾. Въ письмахъ Гоголя можно находить указанія и на то, что онъ охотно помогаль бѣднымъ, несмотря на скудость собственныхъ средствъ. Такъ, онъ поручилъ С. П. Шевыреву и С. Т. Аксакову употреблять деньги, получаемыя за одно изданіе его сочиненій, на вспомошествованіе бѣднымъ талантливымъ студентамъ, посылалъ матери и о. Матвѣю деньги для раздачи бѣднымъ и предполагаль для той же надобности употребить доходъ отъ несостоявшагося 5-го изданія „Ревизора“ съ „Развязкой Ревизора“.

Нѣкоторыя приведенныя мѣста изъ писемъ Гоголя обнаруживаютъ близкое знакомство автора съ святоотеческой, особенно аскетической письменностью. Дѣйствительно, въ перепискѣ Гоголя часто встрѣчаются просьбы выслать ему творенія того или другого отца Церкви и благодарность за высылку ихъ. Пользуясь такимъ надежнымъ источникомъ христіанскаго вѣдѣнія, Гоголь не вдавался въ религіозныя „исканія“ истины, а оставался строго православнымъ и церковнымъ. Воззрѣнія его на Православную Церковь заслуживаютъ особеннаго вниманія. Въ 1837 г., во время перваго посѣщенія Рима, еще не будучи достаточно знакомъ съ истиннымъ характеромъ католичества, Гоголь писалъ: „какъ религія наша, такъ и католическая, совершенно одно и то же... та и другая истинна“²⁾. Но послѣ многолѣтняго пре-

¹⁾ „Выбр. мѣста...“, 337 стр.

²⁾ V т., 296 стр.

быванія въ Зап. Европѣ, онъ усвоилъ болѣе правильный взглядъ по данному вопросу. Въ 1846 г. Гоголь уже пишетъ, что католическая Церковь „введеніемъ въ себя множества постановленій человѣческихъ, сдѣланныхъ такими епископами, которые еще не достигнули святостію жизни своей до полной многосторонней христіанской мудрости, сузила взглядъ свой на жизнь и міръ и не можетъ обхватить ихъ. Полный и всесторонній взглядъ остался на восточной половинѣ Церкви, видимо сбереженной для позднѣйшаго и полнѣйшаго образованія человѣка. Въ ней просторъ не только душѣ и сердцу человѣка, но и разуму, во всѣхъ его верховныхъ силахъ. Въ ней дорога и путь, какъ устремить все въ человѣкѣ въ одинъ согласный гимнъ верховному Существо“¹⁾.

Замѣчательны мысли Гоголя о значеніи Церкви и, въ частности, духовенства во всѣхъ областяхъ жизни. Въ своей „Исповѣди“ Гоголь говоритъ, что цѣлью „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ (а этой книгѣ, какъ извѣстно, авторъ придавалъ очень большое значеніе) было показать, „что верховная инстанція всего есть Церковь и разрѣшеніе вопросовъ жизни—въ ней“²⁾. Дѣйствительно, въ „Выбранныхъ мѣстахъ“... два письма спеціально посвящены вопросу о Церкви и въ другихъ есть указанія на важное значеніе духовенства для русской жизни. Гоголь говоритъ, что въ Церкви „заключено все, что нужно для жизни истинно русской, во всѣхъ ея отношеніяхъ, начиная отъ государственнаго до простаго семейственнаго, всему направленіе, всему законная и вѣрная дорога; по мнѣ, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведеніе въ Россію, минуя нашу Церковь, не испросивъ у нея на то благословенія“³⁾. Гоголь находитъ даже, что необходимо устроить такъ, „чтобы во всѣхъ дѣлахъ запутанныхъ, казусныхъ, темныхъ... мирила человѣка

¹⁾ „Выбр. мѣста...“, 408 стр.

²⁾ „Авторск. исповѣдь“, 600 стр.

³⁾ „Выбр. мѣста...“, 407 стр.

съ человѣкомъ Церковь, а не гражданскій законъ“¹⁾. Относительно значенія священниковъ Гоголь говоритъ, что „отъ отъ нихъ зависитъ все, и дѣло улучшенія нашего въ ихъ рукахъ, а не въ рукахъ кого-либо другого“²⁾, что „обязанность ихъ слишкомъ страшна, что отвѣтъ они дадутъ больше, чѣмъ кто-нибудь изъ людей всякаго другого званія“, потому что „причина злу всего есть та, что священники стали нерадиво исполнять свои должности“³⁾. Если же въ дѣйствительности Церковь не имѣетъ того значенія, которое должна была бы имѣть, то виною тому не Церковь, а ея недостойные члены. Защищая Православную Церковь отъ упрековъ въ безжизненности, которые ему приходилось слышать въ Зап. Европѣ, Гоголь говоритъ: „Церковь наша должна святиться въ насъ, а не въ словахъ нашихъ. Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвѣстить ея правду. Они говорятъ, что Церковь наша безжизненна. Они сказали ложь, потому что Церковь наша есть жизнь; но ложь свою они вывели логически, вывели правильнымъ выводомъ: мы трупы, а не Церковь наша, и по насъ они назвали и Церковь нашу трупомъ“⁴⁾. Далѣе поэтъ выясняетъ, насколько виновны тѣ русскіе и православные люди, которые пренебрегаютъ своею Церковью: „мы вообще плохо знаемъ нашу Церковь... эта Церковь, которая, какъ цѣломудренная дѣва, сохранилась одна только отъ временъ апостольскихъ въ непорочной первоначальной чистотѣ своей, эта Церковь, которая вся съ своими глубокими догматами и малѣйшими обрядами наружными какъ бы снесена прямо съ неба для русскаго народа, которая одна въ силахъ разрѣшить всѣ недоумѣнія и вопросы наши...—и эта Церковь нами незнаема! и эту Церковь, созданную для жизни, мы до сихъ поръ не ввели въ жизнь нашу!“⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, 494.

²⁾ Тамъ же, 442 стр.

³⁾ Тамъ же, 414 стр.

⁴⁾ Тамъ же, 363 стр.

⁵⁾ Тамъ же, 364 стр.

Самъ Гоголь былъ вполне церковнымъ человѣкомъ. Онъ любилъ присутствовать въ храмѣ при богослуженіи, гдѣ переживалъ возвышенное молитвенное настроеніе; въ одномъ письмѣ онъ между прочимъ упоминаетъ, что Богъ сподобилъ его за литургіей „вкусить небесныя и сладкія минуты“¹⁾. Въ своей перепискѣ Гоголь нѣсколько разъ упоминаетъ о своемъ говѣннн и причащеніи св. Таинъ. Какое значеніе Гоголь придавалъ церковному освященію всякаго предпріягтя, видно, напр., изъ того, что онъ совѣтовалъ матери отслужить молебенъ объ успѣшной работѣ на открытой ею сапожной фабрикѣ, а въ другомъ письмѣ писалъ: „если вы отправили молебенъ объ успѣхѣ вашихъ предпріягтій, то все пойдетъ хорошо“²⁾. Передъ отправленіемъ въ Палестину онъ просилъ мать и о. Матвѣя служить молебны объ его благополучномъ путешествіи и читать особенную молитву, составленную имъ на этотъ случай.

Плодомъ благоговѣнаго отношенія Гоголя къ православному богослуженію явились его „Размышленія о Божественной Литургіи“, кстатн сказать, столь непохожія на кощунственное изображеніе литургіи въ „Воскресеніи“ гр. Л. Н. Толстого, который въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ всецѣло положился не на разумъ Церкви, а на свой собственный. Въ заключеніи своихъ „Размышленій“ Гоголь говоритъ: „для всякаго, кто только хочетъ идти впередъ и становится лучше, необходимо частое, сколько можно, посѣщеніе Божественной Литургіи и внимательное слушаніе. Она нечувствительно строитъ и создаетъ человѣка, и если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышутъ полной непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть Божественная Литургія, напоминающая человѣку о святой, небесной любви къ брату... Еще сильнѣе дѣйствуетъ Литургія на самого совершителя, или іерея. Если

¹⁾ VI т., 169 стр.

²⁾ V т., 210 стр.

только онъ благоговѣнно совершалъ ее со страхомъ, вѣрою и любовію, то уже весь онъ чистъ, подобно сосудамъ храма, пребываетъ весь тотъ день. Въ отправленіи ли своей многообразной пастырской обязанности, въ семьѣ ли посреди домашнихъ, среди ли прихожанъ, которые суть также семья его,—Самъ Спаситель въ немъ вообразится“.

Разсматривая религіозно-нравственный обликъ великаго поэта, мы видимъ, что Гоголь на самомъ дѣлѣ показалъ возможность глубокаго проникновенія христіанскимъ идеаломъ при жизни въ мірѣ и при близкомъ знакомствѣ съ послѣднимъ. Въ своихъ высоко художественныхъ, отличающихся полнымъ реализмомъ, произведеніяхъ, Гоголь обнаруживаетъ замѣчательную способность воспроизводить мельчайшія подробности и особенно пошлости повседневной жизни; и при всемъ томъ онъ не считалъ себя достаточно знакомымъ съ жизнью и часто требовалъ отъ своихъ друзей самыхъ подробныхъ описаній различныхъ слоевъ русскаго общества. Но близкое знакомство съ жизненной грязью и пошлостью не помѣшало поэту оставаться христіански настроеннымъ, именно потому, что онъ усвоилъ себѣ истинно христіанское отношеніе ко всѣмъ явленіямъ жизни, которое состоитъ въ томъ, чтобы всякое явленіе разсматривать и оцѣнивать не само по себѣ, а съ религіозно нравственной точки зрѣнія. Только при такомъ отношеніи всякое явленіе, даже самое непривлекательное, оказывается для человѣка поучительнымъ и полезнымъ, и, съ другой стороны, въ такомъ отношеніи выражается наиболѣе полное проникновеніе человѣка духомъ христіанства.

Н. Гумилевскій.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

II.

Мое дѣтство.

Я родился въ высокосный годъ, 29 февраля 1832 года. По семейному преданію, я родился слабымъ и сначала, по рожденіи, не подавалъ звука, и меня обливали холодною водою, чтобы вызвать проявленіе жизни въ новорожденномъ. Вслѣдствіе этого поснѣшили съ совершеніемъ надо мною крещенія, мало надѣясь на мою живучесть. Въ метрической записи, точная копія которой прислана мнѣ изъ Васильевскаго погоста ко дню моего пятидесятилѣтняго юбилея, значится: „Февраля двадцать девятаго числа означеннаго (Васильевскаго) погоста у священника Θεодора Петрова Пѣвницкаго и законной жены его Евгениі Ивановой родился сынъ Василій. Молитвовалъ и имя нарекъ священникъ Θεодоръ Пѣвницкій, а крещеніе совершалъ Меленковской округи села Верхозерья священникъ Петръ Смирновъ, (братъ моей матери). Восприемниками были отставной поручикъ Павелъ Васильевъ Макаровъ съ дочерью дѣвицей Ольгою Макаровою“.

Насъ, дѣтей въ семействѣ моего отца по день его смерти, было пять человѣкъ.

Старшій братъ Димитрій, донынѣ здравствующій, кончилъ курсъ Кіевской академіи со степенью магистра въ 1853 году, и по окончаніи курса лѣтъ восемь былъ преподавателемъ Владимірской духовной семинаріи, затѣмъ поступилъ на мѣсто священника въ село Иваново, нынѣ заштатный городъ Иваново-Вознесенскъ, оттуда перешелъ на протоіерейское мѣсто въ г. Вязники, затѣмъ былъ ректоромъ

¹⁾ См. № 15-й за 1909 г.

Воронежской и потомъ Тамбовской семинаріи. По окончаніи учебной службы, перешелъ въ Москву, былъ ключаремъ въ храмъ Христа Спасителя, но очень недолгое время, и по прошенію опредѣленъ на мѣсто настоятеля церкви Гребневской Божіей Матери, что на Лубянкѣ, гдѣ состоитъ и до нынѣ.

Я второй братъ.

Третій братъ Иванъ скончался въ 1848 году отъ холеры, при переходѣ изъ духовнаго училища въ семинарію. Учился въ Муромскомъ духовномъ училищѣ; по случаю появленія въ Муромѣ холеры училище распущено было ранѣе узаконеннаго срока. По роспускѣ учениковъ онъ восемьдесятъ пять верстъ шелъ ибнкомъ въ Вязники, гдѣ дѣдъ нашъ, отецъ матери, былъ настоятелемъ Вязниковскаго Благовѣщенскаго монастыря, и у него предъ тѣмъ была лихорадка. Прибылъ онъ въ Вязники крайне истомленный, и чрезъ недѣлю по прибытіи скончался отъ припадковъ холеры, хотя въ Вязникахъ не было холеры. И Владимірская семинарія въ томъ году распущена была раньше обыкновеннаго, хотя и позже, чѣмъ Муромское училище. Мы съ братомъ тоже прѣхали къ дѣду въ монастырь, и явившись въ келліи его, съ изумленіемъ и горестью узнали о нежданной нами кончинѣ брата. Учился онъ очень хорошо, и обѣщавъ изъ себя отличнаго дѣятеля на томъ или другомъ поприщѣ служенія, хотя бойкостію не отличался. Похороненъ онъ близъ церкви въ Вязниковскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ.

Затѣмъ слѣдовала сестра Елизавета. Семнадцати лѣтъ, въ 1854 году, она вышла замужъ за моего товарища по семинаріи, студента семинаріи Александра Константиновича Цвѣткова. Цвѣтковъ, тотчасъ же, по окончаніи курса въ 1852 году, поступилъ на гражданскую службу, служилъ первоначально въ Переславлѣ Залѣсскомъ, кажется, секретаремъ земскаго суда, оттуда перешелъ на службу въ Кронштадтъ, гдѣ былъ дѣлопроизводителемъ Конторы надъ портомъ. Послѣ

нихъ осталось восемь человекъ дѣтей, изъ которыхъ семь здравствуютъ до нынѣ. Старшій сынъ Владиміръ былъ ветеринаромъ, и утону лѣвъ Хабаровскѣ, оступившись ночью, при переходѣ съ берега на пароходъ. У Александра Константиновича въ Петербургѣ было два брата, кончившіе курсъ въ Петербургской академіи въ 1853 году. Одинъ, Павелъ Константиновичъ, былъ протоіереемъ въ Казанскомъ соборѣ, а другой, Иванъ Константиновичъ, въ Кронштадтскомъ соборѣ; они и способствовали переходу на службу въ Кронштадтъ Александра Константиновича.

Младшій, самый послѣдній, братъ Павелъ скончался семи лѣтъ отъ роду, по всей вѣроятности, отъ крупа въ 1847 году. По смерти родителей онъ жилъ у дѣда въ Муромскомъ Спасскомъ монастырѣ. Ему скоро далась грамота, и онъ на седьмомъ году свободно и хорошо читалъ и русскія и славянскія книги. Дѣдъ былъ очень пораженъ его внезапною кончиною. Извѣщая насъ съ братомъ, учившихся во Владимірской семинаріи, онъ писалъ: „Нашенька наканунѣ смерти былъ веселъ, читалъ псалтирь и пѣлъ, а чрезъ ночь къ утру его не стало“. Похороненъ онъ въ Муромскомъ Спасскомъ монастырѣ.

Отецъ нашъ былъ росту средняго, или даже немного ниже средняго, сложенія крѣпкаго. У него были темнорусые волосы, и небольшая темнорусая борода. На лицѣ были слѣды оспы, которую перенесъ онъ въ юные годы. Мать наша Евгенія Ивановна была дочь священника села Верхозерья Меленковского уѣзда Іоанна Смирнова, который рано овдовѣлъ, и сдавши мѣсто свое, поступилъ въ Муромскій Спасскій монастырь, гдѣ принялъ монашество и нареченъ Приемемъ, отсюда переведенъ казначеемъ въ Юрьевскій монастырь, но тамъ пробылъ не долго. По смерти нашего отца онъ перепросился опять въ Муромскій Спасскій монастырь, и здѣсь былъ казначеемъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ былъ настоятелемъ Вязниковскаго Благовѣщенскаго монастыря, въ которомъ и скончался. Мать наша была жен-

щина худоцавая и не особенно крѣпкаго сложенія. Она не обучена была грамотѣ, но была очень благочестива и старалась въ точности выполнять всѣ уставы церковныя. Домашнее хозяйство она вела хорошо, и многое дѣлала своими руками; напимѣръ, въ большіе морозы вмѣстѣ съ работницей ходила на рѣку мыть бѣлье. Не отличаясь крѣпкимъ здоровьемъ, она никакъ не полагала, что она переживетъ своего мужа. Помню,—разъ жена священника сосѣдняго села Стригина, часто бывавшая у насъ, гадала ей по линіямъ руки, и при этомъ, указывая на какія-то линіи ладони руки, сказала: ты овдовѣешь, увидишь, что овдовѣешь. Это предсказаніе поразило всѣхъ и показалось мало вѣроятнымъ. Но оно сбылось, и ей пришлось похоронить своего мужа, хотя по состоянію здоровья ихъ обоихъ это было и неожиданнымъ.

Жила у насъ въ семействѣ бабушка, мать моего отца Гликерія Васильевна. Она очень не хотѣла, чтобы отецъ нашъ строилъ новый домъ. Она держалась повѣрья, которое довольно распространено было въ то время въ русскомъ народѣ, по которому новый домъ строится на чью-либо смерть изъ имѣющихъ поселиться въ немъ, и такъ какъ она была самая старая изъ всѣхъ въ семействѣ, то полагала, что смертная участь ей угрожаетъ. Поэтому она не охотно переселялась въ новый домъ, и нѣкоторое время, уже по переселеніи въ него семейства, жила у сосѣдей. Но потомъ переселившись, скоро занемогла и скончалась въ 1843 году, за годъ съ небольшимъ до смерти своего сына, а нашего отца.

Перечисляя членовъ семейства моего отца, жившихъ въ его домѣ, долженъ я упомянуть и о тѣхъ, которые, являясь въ немъ, скоро умирали и оставили по себѣ только имена свои. Кромѣ пятерыхъ насъ, оставшихся сиротами по смерти отца, были у него еще дѣти, жившіе очень не долго: 1) Александръ, второй сынъ, старшій меня, 2) Владиміръ, младшій брата Ивана, болѣвншій золотухою; его много лѣчили, но врачи не помогали, и онъ скончался на третьемъ

году своей жизни, протрававши все время, (и 3 и 4) двѣ дочери: Марія и Анна, умершіе скоро послѣ рожденія. Болѣвшаго Владиміра я помню; помню его страданія и смерть. А о братѣ Александрѣ и сестрахъ Маріи и Аннѣ знаю только по воспоминаніямъ другихъ, а самъ не имѣю о нихъ никакого представленія.

Служанкой у насъ (или какъ ее звали тогда) работницей была все время крестьянская вдова Матрена, жепщина усердная, преданная семейству, но не далекая. По смерти отца, она вмѣстѣ съ нашею матерью переселилась съ Васильевского погоста въ село Верхозерье, — мѣсто родины нашей матери. А когда скончалась наша мать, она должна была оставить келью, гдѣ жила наша мать, и Верхозерье, и переселиться къ своимъ роднымъ въ деревню Михайлово, отстоящую верстахъ въ двухъ отъ погоста, и старость свою провела въ бѣдности. Въ шестидесятыхъ годахъ мы съ братомъ, бывши въ погостѣ, нашли ее въ числѣ нищихъ, стоящихъ у храма въ ожиданіи милостыни. Она не узнала насъ. Но мы сказали ей, что она нянчила насъ, и дали ей посильную милостыню. Она спрятала ее и сказала, что она сохранить это на смерть.

Въ помощь Матренѣ, единственной у насъ прислугѣ, нянчкѣ, кухаркѣ и прачкѣ вмѣстѣ, постоянно жившей у насъ и сроднившейся съ нашимъ семействомъ, приглашалась иногда, когда были большія работы въ домѣ, изъ той же деревни Михайлова солдатка Анна *долгая*, носившая такое прозвище за свой высокій ростъ. Но она не жила у насъ подолгу, а приглашалась только на время, и по окончаніи поручаемыхъ ей работъ возвращалась въ свою деревню.

Для швейныхъ работъ приглашался отставной солдатъ, тоже изъ Михайлова, Пимень Никитичъ. Будучи на военной службѣ, онъ, кажется, все время провелъ въ пивальнѣ, и по выходѣ въ отставку славился въ окрестности, какъ мастеръ швейнаго искусства, хотя мастерство его было не высокаго достоинства, но для деревни весьма пригодное.

Когда нужно сшить что-нибудь моему отцу, моей матери или намъ, дѣтямъ, онъ являлся къ намъ и по недѣлямъ проживалъ въ нашемъ домѣ, выполняя данную ему работу. Въ это время не разъ навѣщала его жена его Пелагея, до сихъ поръ памятная мнѣ. Оба они привязаны были къ нашему дому. Живя у насъ, по вечерамъ за работою, Пимень Никитичъ, занималъ насъ, малыхъ дѣтей, рассказами о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ во время своей долговременной солдатской службы. Онъ былъ довольно добродушенъ, и въ рассказахъ его не было и тѣни озлобленія, при воспоминаніи о тяжелыхъ условіяхъ солдатчины. Ему и въ солдатахъ жилось хорошо; все было такъ, какъ и должно было быть. „Наказывали насъ (говорилъ онъ), да безъ этого нельзя“. Нерѣдко слышались отъ него рассказы баснословнаго свойства. Онъ говорилъ, напримѣръ, что на Кавказѣ живутъ одноглазые чудища необыкновенно высокаго роста. Они быстро бѣгаютъ и ловятъ обыкновенныхъ людей и потомъ пожираютъ ихъ,—живутъ въ горахъ и пещерахъ. Онъ, конечно, не видалъ такихъ великановъ, но, кажется, вѣрилъ въ ихъ существованіе, и мы, слушая его, принимали его рассказы, не какъ выдумки, а какъ чистую быль, съ полнымъ довѣріемъ къ нему, какъ человѣку бывалому, много видѣвшему и слышавшему на своемъ вѣку. Нечего удивляться нашей павности въ этомъ случаѣ: мы были малы, а хотѣли знать и слышать, какія чудеса бываютъ на бѣдомъ свѣтѣ. И старый служака старался удовлетворить нашему любопытству.

Не могу сказать, съ какихъ лѣтъ начали запечатлѣваться въ моей памяти случаи или событія изъ моего дѣтства. Самыя раннія воспоминанія относятся, по моему мнѣнію, къ тому времени, когда мнѣ было около трехъ лѣтъ. Первый случай, который я донинѣ отчетливо представляю, такой. Насъ кормили рожкомъ, и мы такъ привыкли къ питанію рожкомъ, что и выросши и ходя на ногахъ, съ рожкомъ выбѣгали на улицу. Чтобы отучить меня отъ рожка,

употребили такое средство: мы съ братомъ Пваномъ сидѣли за столомъ; вдругъ отворяется дверь въ комнату, въ которой мы сидѣли, вбѣгаетъ пугало, которое отнимаетъ у насъ рожки. Это наша бабушка надѣла на себя тулупъ шерстью вверхъ, и въ такомъ видѣ, не узнавая нами, напугала насъ, и мы навсегда разстались съ рожками, ею отъ насъ отнятыми. Мнѣ было не болѣе трехъ лѣтъ, когда къ такому средству прибѣгли, чтобы отучить меня отъ рожка.

Другой случай изъ моихъ самыхъ раннихъ воспоминаній такой. Мальчики постарше меня возрастомъ собрались куда-то гулять, а меня, какъ малаго, не хотѣли взять съ собою. Бѣгомъ побѣжали они отъ нашего дома; я устремился за ними, но догнать ихъ не могъ; былъ босой, наступилъ на разбитое стекло, и сильно поранилъ имъ ногу, изъ которой ручьемъ потекла кровь; пасилу остановили ее. Въмѣсто удовольствія, которое я стремился раздѣлить съ своими старшими товарищами, я получилъ большую неприятность. Едва ли тогда мнѣ было болѣе трехъ лѣтъ.

Еще третій случай изъ печальныхъ. Упалъ я, слѣзая съ полатей (полатами называлась настилка изъ досокъ, которая устроилась вверху комнаты, иногда во всю ширину ея, предъ потолкомъ, на которой можно было лежать и спать, а маленькія дѣти могли свободно и сидѣть). Не помню, больно ли я ушибся при паденіи. Въ моей памяти осталось только то, что меня поднялъ съ полу отецъ мой, и носилъ меня по комнатѣ, утѣшая меня. Онъ тогда не думалъ, что такъ легко обойдется мнѣ это паденіе съ порядочной высоты.

Самъ я не помню; но мои родители не разъ вспоминали такое обстоятельство изъ исторіи моего ранняго дѣтства. Малымъ мальчикомъ былъ я въ церкви, куда пришелъ вмѣстѣ съ отцомъ, и стоялъ въ алтарѣ. Когда на клиросѣ, во время богослуженія, прекратилось пѣніе, и въ церкви наступила тишина, я въ алтарѣ дѣтскимъ голосомъ запѣлъ: *аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава тебѣ, Боже*. Передавая

объ этомъ мнѣ и другимъ, мои родители выводили отсюда заключеніе, что мнѣ слѣдуетъ быть священникомъ.

По возрасту изъ дѣтей въ Васильевскомъ погостѣ ко мнѣ ближе всего была дочь отца Михаила Воскресенскаго Александра, бывшая со мною однолѣткою. Съ ней у меня была первая дружба, съ ней я игралъ, когда у меня не было сознанія различія половъ. Но она раньше меня узнала, что мальчику не пристало играть съ дѣвочкою, и стала отдаляться отъ меня. Я замѣтилъ это, и самъ, вмѣсто нея, сталъ искать для игръ подходящихъ ко мнѣ мальчиковъ. Ближе всѣхъ мы были съ семействомъ домовитаго причетника Ивана Апаньича Грандицакаго, у котораго было семь человекъ дѣтей. Это семейство болѣе другихъ было расположено къ намъ, да и домъ его былъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нашимъ домомъ; наши огороды или сады отдѣлялись одни отъ другихъ только прясломъ. Еще имѣли мы частое общеніе съ дѣтьми священника Михаила Воскресенскаго, которыя по возрасту отвѣчали намъ. Дѣти другихъ членовъ причта были далеки отъ насъ, и мы съ ними мало имѣли общенія и въ играхъ.

Моя ровесница, съ которою я велъ дружбу въ самые первые годы своего сознательнаго дѣтства, дочь отца Михаила Воскресенскаго, Александра, въ погостѣ не называлась крещенымъ именемъ. Ее всѣ звали *виргою*, и съ именемъ вирги она слыла у всѣхъ знакомыхъ до самаго замужества, и даже послѣ. Названіе „вирга“ произошло отъ того, что у священника Воскресенскаго былъ сынъ Александръ, и дочь Александра, и дочь моложе была брата годами двумя. Чтобы отличить ихъ отецъ назвалъ сына латинскимъ словомъ *puer* (мальчикъ), а дочь *virgo* (дѣвица), и пошло это латинское названіе ихъ *puer* и *virgo* въ далекіе годы. Александра Воскресенскаго не только въ погостѣ, но и въ училищѣ и семинаріи, и даже въ академіи звали *puer* (онъ умеръ профессоромъ Кіевской духовной академіи).

Эта вирга вышла замужъ за студента Феодора Львовича Полисадова, сына протоіерея села Лежнева, которому отецъ Михаилъ Воскресенскій сдалъ мѣсто, самъ отпавившись на жительство въ Муромскій Спасскій монастырь, и въ шестидесятихъ годахъ скончалась отъ чахотки. Феодоръ Львовичъ Полисадовъ былъ старше меня однимъ курсомъ по семинаріи и въ семинаріи былъ однимъ изъ первыхъ франтовъ, какъ сынъ богатаго протоіерея. Но въ должности сельскаго священника онъ значительно опустился, особенно послѣ того, какъ потерялъ супругу, и не былъ свободенъ отъ того порока невоздержанія, отъ котораго на Руси гибнетъ такъ много даровитыхъ и хорошихъ людей. Мѣсто свое онъ сдалъ зятю Звенцову, жена котораго, дочь Полисадова, тоже скончалась отъ чахотки. Звенцовъ былъ усерднымъ и заботливымъ пастыремъ, держалъ себя хорошо, и былъ уважаемъ и прихожанами и всѣми знавшими его. Онъ скончался раньше своего тестя. А Полисадовъ, сдавши мѣсто зятю, жилъ въ погостѣ заштатнымъ священникомъ, и долгое время служилъ готовымъ запаснымъ священникомъ. Онъ, по приглашенію, являлся исполнять требы и служить въ храмѣ въ тѣ села, въ которыхъ или больны были священники, или за смертію ихъ мѣста оставались праздными до опредѣленія новаго настоятеля. Популярность его, какъ запаснаго священника, была такъ широка, что его приглашали служить въ села даже за шестьдесятъ, семьдесятъ верстъ отъ Васильевскаго погоста. Скончался онъ въ ноябрѣ 1907 года въ небольшой хатѣ, имъ для себя выстроенной. А зять его Звенцовъ умеръ въ январѣ 1906 года.

Проф. *Василій Пивницкій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 13-го апрѣля 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Г О Д Ъ

Л.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 17—18.

1909-го года 26 апрѣля—3 мая.

Содержаніе: I. Церковное отлученіе и бойкотъ. Н. Гумилевскій.—II. По вопросу о непопулярности нашей миссіи. Н. Колосовъ.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.—IV. Русскіе писатели и духовенство. Н. К.—въ.—V. Забѣтка. Сознаніе высоты іерейскаго служенія.

Церковное отлученіе и бойкотъ.

Въ настоящее время, когда нахлынувшая неожиданно для большинства русскихъ людей волна грозныхъ событій поколебала основы русской жизни и вслѣдствіе этого произвела крайнюю спутанность въ сознаніи многихъ, замѣчается, между прочимъ, стремленіе оправдывать евангельскимъ ученіемъ и авторитетомъ Самого Божественнаго Искупителя нашего многія явленія, ничего общаго съ христіанствомъ не имѣющія. Къ подобнаго рода попыткамъ слѣдуетъ отнести статью: „Бойкотъ, какъ церковно-общественная дисциплинарная мѣра“ (Астрахан. Вѣстн., № 5756), подписанную ини-

ціалами П. І. С. Авторъ этой статьи (судя по знакомству съ Св. Писаніемъ и канонами церковными, очень возможно—духовное лицо) поставилъ своей задачей доказать, что мѣра воздѣйствія на противниковъ, практикуемая теперь подъ именемъ бойкота, не только не противорѣчитъ христіанскому ученію, но „такъ же стара, какъ христіанство, и во времена апостоловъ имѣла самое широкое приложеніе въ церковно-общественной жизни“. Это положеніе авторъ старается подтвердить ссылками на 2 посл. ап. Іоанна: „кто приходитъ къ вамъ, и не приноситъ сего ученія, того не принимайте въ домъ и не привѣтствуйте его: ибо привѣтствующій его участвуетъ въ злыхъ дѣлахъ его“ (1, 10—11), на подобное же мѣсто въ 1 Кор. 5, 11, на слова Самого Господа: „если и Церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ какъ язычникъ и мытарь“ (Мѡ. 18, 17), на нѣкоторые церковные каноны, запрещающіе разговаривать или имѣть общеніе съ еретиками подъ угрозой отлученія отъ Церкви, и наконецъ, на анаѡему, произносимую до сихъ поръ Церковью и будто бы призывающую „вѣрныхъ хранителей истины къ бойкоту осужденныхъ“. Всѣ эти ссылки обнаруживаютъ, что авторъ, будучи знакомъ съ буквой евангельскаго и церковнаго ученія, не проникъ въ истинный духъ его.

Анаѡема, или отлученіе заблуждающагося отъ общенія церковнаго, есть признаніе и объявленіе того, что отлученный не принадлежитъ болѣе къ Церкви, такъ какъ не согласуется съ нею убѣжденіями своими или поступками. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, отлучаемый самъ выходитъ изъ Церкви, какъ общества, самое существованіе котораго неразрывно связано съ принципами, нарушенными отлучаемымъ, а Церковь, съ своей стороны, только со скорбью признаетъ совершившійся фактъ. Что же касается запрещенія вѣрующимъ имѣть то или другое общеніе съ отлученными, то самъ авторъ отчасти соглашается съ тѣмъ, что этимъ запрещеніемъ Церковь „предохраняетъ своихъ

вѣрныхъ членовъ отъ невольной заразы дурнымъ примѣромъ и нечестіемъ“.

Но въ такомъ случаѣ совершенно теряется сходство между отношеніемъ Церкви къ отлученнымъ и бойкотомъ, такъ какъ послѣдній имѣетъ своею цѣлью вовсе не предохраненіе бойкотирующихъ, а *насильственное* принужденіе бойкотируемаго подчиниться требованіямъ большинства. Сущность бойкота заключается въ томъ, чтобы поставить бойкотируемаго въ такія безвыходныя условія, чтобы онъ или подчинился бойкотирующимъ, или, удалившись, пересталъ мѣшать имъ и вполнѣ предоставилъ имъ поле дѣятельности. Поэтому авторъ старается доказать, что запрещеніе вѣрнымъ членамъ Церкви имѣть общеніе съ отлученными имѣетъ цѣлью не только предохраненіе первыхъ отъ соблазна, но и понужденіе послѣднихъ къ покаянію. Онъ говоритъ, что Господь заповѣдалъ прощать грѣшниковъ, но подъ условіемъ, если они обратятся съ просьбой о прощеніи (Лук. 17, 3—4). „Но какъ“, говоритъ авторъ, „вызвать въ упорномъ грѣшникѣ это спасительное признаніе: каюсь, прости“! Вотъ тутъ-то будто бы единственнымъ средствомъ и является бойкотъ: „когда никакія другія мѣры не въ состояніи сломить упорство явнаго нечестивца, то необходимость заставляетъ прибѣгать къ послѣднему средству для спасенія погибающаго— это къ публичному суду и бойкоту“. Авторъ изображаетъ тяжелое положеніе грѣшника, отверженнаго отъ всего общества и даже отъ семьи, и заключаетъ это изображеніе словами: „какая нужна черствость души, чтобы снести это отчужденіе! Сколько нужно озлобленнаго ожесточенія, самозаключенія въ сатанинскую гордость, чтобы не сокрушиться подъ тяжестью такого гнета! И все это для того и до того времени, пока не раздастся изъ преступной груди одно непритворное слово: каюсь, прости“!

Конечно, произнося отлученіе, Церковь не теряетъ надежды на обращеніе заблуждшаго, но для этого обращенія употребляетъ средства исключительно нравственныя, глав-

нымъ образомъ, молитву Богу „о соединеніи всѣхъ“. Но мѣръ насилія Церковь ни въ какомъ случаѣ не можетъ употреблять, потому что насиліе противорѣчитъ самому ея существу; а бойкотъ есть именно насильственное принужденіе къ подчиненію. Обращеніе грѣшника имѣетъ значеніе для Церкви только при томъ условіи, если оно вызывается внутреннимъ, сердечнымъ сознаниемъ своей грѣховности и искреннимъ стремленіемъ освободиться отъ нея. Бойкотъ же, какъ насильственная мѣра, можетъ вызвать въ душѣ бойкотируемаго только озлобленіе и ожесточеніе и если приводитъ человека къ подчиненію требованіямъ бойкотирующихъ, то такое подчиненіе является не добровольнымъ, а вынужденнымъ, т. е. не имѣющимъ никакого значенія для нравственнаго возрожденія грѣшника, а слѣдовательно, и для Церкви, все назначеніе которой состоитъ въ освященіи людей.

Бойкотъ, какъ сознательное причиненіе тяжелыхъ страданій бойкотируемому, поставляемому въ безвыходное положеніе, не можетъ имѣть въ основѣ своей никакого другого чувства, кромѣ злобы по отношенію къ человеку, упорно противящемуся требованіямъ большинства. Истинная же Церковь Христова всегда должна быть вѣрна заповѣди своего Основателя: „любите враговъ вашихъ“ (Мѡ. 5, 44). Поэтому если она заповѣдуетъ своимъ членамъ нѣчто по внѣшности сходное съ бойкотомъ, т. е. полное отчужденіе отъ противниковъ истины, то въ данномъ случаѣ она руководится исключительно желаніемъ предохранить вѣрующихъ отъ соблазна, а вовсе не стремленіемъ причинить отлученному страданіе и тѣмъ насильственно сломить его упорство.

Н. Гумилевскій.

По вопросу о непопулярности нашей миссии.

(Изъ наблюдений и разговоровъ).

Есть люди съ трагической судьбой. Имѣя всѣ данныя для того, чтобы съ успѣхомъ выполнять взятое ими на себя дѣло и продуктивно работать на пользу окружающей среды, они со стороны этой именно среды встрѣчаютъ непреодолимыя затрудненія, выражающіяся въ формѣ недовѣрія къ нимъ, сомнѣнія въ ихъ силахъ, отрицанія самыхъ принциповъ ихъ дѣла и т. д. Это тѣ непризнанные таланты, о которыхъ говорятъ не съ ироніей, а съ сочувствіемъ и состраданіемъ. Но не только отдѣльные люди не всегда по справедливости оцѣниваются со стороны общества, но и цѣлыя учрежденія. Какъ есть непризнанные таланты, такъ есть и непризнанные институты. Къ числу послѣднихъ необходимо отнести институтъ нашей внутренней миссии. Казалось бы, все говорить въ пользу миссіонерства и миссіонера: и евангеліе, и примѣръ апостоловъ, и церковная исторія, и даже внѣшнее положеніе миссии, всячески поощряемое и выдвигаемое впередъ многихъ другихъ церковныхъ служеній. И тѣмъ не менѣе, нѣтъ въ жизни нашей Церкви столь непопулярнаго учрежденія, какъ миссія. Гдѣ же причина этой непопулярности?— По данному вопросу существуютъ разнообразныя мнѣнія.

1) Одни говорятъ, что дѣло миссии не пользуется въ обществѣ симпатіями потому, что оно выражается въ нецѣлесообразныхъ формахъ. Всѣ эти споры съ раскольниками и сектантами не только, будто бы, не обращаютъ никого въ православіе, но могутъ и самому православію принести явный ущербъ. Они поселяютъ среди православныхъ смуту, поднимаютъ въ ихъ средѣ вопросы, о которыхъ раньше никто и не подозрѣвалъ, возбуждаютъ одну изъ спорящихъ сторонъ противъ другой, святое и интимное дѣло вѣры выносятся на площадь, на рынокъ, въ трактиръ, подрываютъ въ глазахъ паствы авторитетъ приходскаго духовенства и т. д.

Однако, намъ думается, что такое объясненіе непопулярности дѣла миссіи, имѣя для себя данныя въ дѣйствительной жизни, не можетъ считаться безспорнымъ. Само собою разумѣется, что ничего нельзя возразить противъ положительной христіанской проповѣди. Но что такое религіозные диспуты? Это та же проповѣдь, только сопровождаемая обмѣномъ мнѣній, способнымъ иногда принимать характеръ спора. Но что можно имѣть и противъ религіознаго спора? Христось спорилъ съ еврейскими мудрецами въ храмѣ, Онъ допускалъ словесныя состязанія съ книжниками и фарисеями...

— Одно словотолченіе!—говорятъ часто послѣ миссіонерскихъ споровъ:—одна діалектика.

Но припомните, какъ рѣшала Іисусъ Христось вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли платить подать Кесарю, или нѣтъ?

— Чій имать образъ и надписаніе?—спросилъ Христось вопрошающихъ его.

Религіозные споры оправданы исторіей вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, при чемъ мы видимъ, насколько большее вліяніе въ интересахъ Церкви имѣли такіе мудрецы слова, какъ Аѳанасій Великій. А что какъ не споръ, только не устный,—представляетъ собою литературная полемика по вопросамъ вѣры, которая, начавшись съ первыхъ вѣковъ христіанства, продолжается на всемъ дальнѣйшемъ пространствѣ христіанской исторіи и противъ которой никто не вооружается такъ, какъ противъ религіозныхъ споровъ? Что касается русской исторіи, то здѣсь споры были вызваны къ жизни просто необходимостью. Не миссіонеры раньше вызвали на диспуты старообрядцевъ, а старообрядцы строго юридическимъ порядкомъ требовали разрѣшить для нихъ публичный религіозный споръ. Одно восклицаніе Никиты Пустосвята: „препрѣхомъ, побѣдихомъ“ показываетъ, насколько большее значеніе придаютъ сами старообрядцы обмѣну мыслей по вопросу вѣры. Столько въ этомъ восклицаніи убѣжденности въ правотѣ одной вѣры и въ ея превосход-

ствѣ надъ вѣрой другой. Да такъ и должно быть. Побѣдитель всегда чувствуетъ себя правымъ. Здѣсь мы встрѣчаемся, такимъ образомъ, съ новымъ основаніемъ для религиозныхъ споровъ, съ психологическимъ. А потому-то и нельзя споры выкинуть изъ церковнаго обихода. Упраздните ихъ въ той постановкѣ, въ какой они существуютъ теперь, и они возродятся въ новой формѣ. Потому религиозные споры всегда были и будутъ. Спорилъ Лютеръ, спорять члены религиозно-философскихъ собраній, будутъ спорить и послѣ насъ. Важно лишь, чтобы споры эти велись *sine ira et studio*, чтобы они имѣли въ виду благо заблуждающихся душъ и благо церковное, чтобы они не были средствомъ блеснуть краснорѣчіемъ и эрудиціей, удовлетворить чувству тщеславія, выдвинуться въ отношеніи карьеры и т. д. Важно также и то, чтобы въ диспутѣ было возможно болѣе положительнаго элемента. Пусть миссіонеръ сначала просто проповѣдуетъ, а потомъ уже и лишь по мѣрѣ необходимости допускаетъ обмѣнъ мнѣній и вступаетъ въ споръ. Тогда диспутъ не будетъ собственно споромъ, а скорѣе проповѣдью. Между тѣмъ у насъ на миссіонерскихъ собраніяхъ спору удѣляется настолько первенствующее значеніе, что въ публикѣ самыя эти собранія называются не иначе, какъ *споромъ*. Когда устраиваются лекціи или рефераты съ обмѣномъ мыслей, то такъ и говорятъ: „устраивается лекція, рефератъ“. Но пойти на миссіонерское собесѣдованіе—это непременно означаетъ „пойти на споръ“. Какъ будто въ спорѣ центръ тяжести, словно въ какомъ либо состязаніи на призъ. При нормальной постановкѣ, миссіонерскіе диспуты не могутъ быть не цѣлесообразными. Пусть по окончаніи диспута никто изъ заблуждающихся не воскликнетъ вслухъ всего собранія: „я убѣжденъ вами, перехожу къ вамъ“, но это не значитъ еще, что въ глубинѣ души заблуждающагося не встали новые вопросы, не заговорили незнакомые голоса, не началась небывалая доселѣ работа по пересмотру и провѣркѣ прежняго міросозерцанія. А это уже само по себѣ должно быть очень важно, потому что кто же

знаеть, къ какому выводу приведетъ заблуждающагося его пересмотръ? Но еще важнѣе то, что миссіонерскіе диспуты могутъ предотвращать соблазны и искушенія среди вѣрующіихъ, могутъ предохранить ихъ отъ опасныхъ увлеченій чужими рѣчами. Важно далѣе и то, что именно въ религиозныхъ диспутахъ точнѣе всего познается и сущность и детали различныхъ религиозныхъ исповѣданій и вырабатываются приемы литературной полемики съ ними. Наконецъ, значеніе диспутовъ должно выражаться и выражается еще и въ томъ, что они поддерживаютъ въ обществѣ интересъ къ религиознымъ темамъ и спасаютъ его отъ губительнаго въ этомъ отношеніи индифферентизма.

2) Объясняютъ непопулярность нашей миссіи и тѣмъ еще, что она не имѣетъ внутренняго смысла. Зачѣмъ, говорятъ, мы будемъ бороться съ раскольниками и сектантами, если на ихъ сторонѣ вѣра, религиозное воодушевленіе, святой энтузіазмъ, т. е. то, чего нѣтъ не нашей сторонѣ. Православный, говорятъ, вѣрится вяло, въ религиозномъ отношеніи это неисправимый лѣнтяй. Русскій православный мужикъ дремлетъ за богослуженіемъ, и это какъ бы символизируетъ его отношеніе къ вѣрѣ и церкви: нѣтъ грома, — ну, значить нечего тамъ особенно и волноваться. Между тѣмъ у раскольниковъ и сектантовъ все — порывъ, все — движеніе, борьба, надежда. Отсюда — удивительная стойкость ихъ вѣры. Вѣкъ за вѣкомъ ведутъ, напр. противъ раскола вооруженную борьбу и богословіе, и культура, и власть, и тѣмъ не менѣе старообрядчество почти несдвигимо. Нѣтъ возможности жить въ Россіи, старообрядецъ бѣжитъ въ Румынію, въ Австрію, въ Турцію, но вѣру и самобытность свою сохраняетъ. Богословію и культурѣ онъ противопоставляетъ свою начитанность въ Божьемъ Словѣ, свою уставность, свое любованіе тѣми религиозными формами и обрядами, какими древле спасались святые Божіи человѣки, въ послѣднее же время противопоставляетъ и свою собственную образованность, свою самобытную культуру, свои журналы, научныя изслѣдованія и т.

д. Насиліямъ же старообрядцы противопоставляютъ мученичество, до самосожженія включительно. Что же, говорятъ, могутъ подѣлать съ такой огромной духовной силой наши маловѣрные, суетные миссіонеры проповѣдники, чѣмъ обуздають они эту силу? Какимъ оружіемъ подчинять ее себѣ?

Словъ нѣтъ, борьба съ такой силой трудна, она едва выносима, но это не значить, что этой борьбы и не можетъ быть. Если на противоположной сторонѣ—сила, то съ нашей стороны должна быть выставлена сила еще большая. Знаніе, культурность несомнѣнно на нашей сторонѣ. Неужели не можетъ быть и религіознаго воодушевленія? Конечно, можетъ. Допустимъ, что православный дремлетъ, но разбудите его, воодушевите, кликните кличъ, и тогда вы увидите, какой огромной непобѣдимой арміей вы располагаете. Вы увидите тогда ту же силу, которая заявляла себя во всѣ трудныя эпохи борьбы съ безвѣріемъ и иновѣріемъ прежняго времени.

3) По третьему объясненію, причина непопулярности нашей миссіи лежитъ въ томъ, что дѣло этой миссіи искусственно, надуманно, сочинено, что дѣло это бумажное. Зачѣмъ, говорятъ, специальный институтъ миссіонеровъ, если миссіонеромъ можетъ и долженъ быть въ своемъ приходѣ каждый священникъ? Съ искренностью и благолѣпіемъ отправляетъ каждый приходской священникъ положенныя службы и случающіяся требы, неустанно проповѣдуетъ съ церковной кафедры слово истины, учительствуетъ въ школахъ и т. д. Вотъ, говорятъ, вамъ и миссіонеры. Въ этомъ случаѣ священникъ является поистинѣ пастыремъ добрымъ, и вокругъ него объединяется его паства, послушная, мирная, преданная, чуждая всякихъ раздоровъ и разномыслія по вопросамъ вѣры.

— А если,—говорю я одному священнику,—въ ваше стадо проникнетъ волкъ и станетъ расхищать вашихъ овецъ?

— Пастырь добрый, — убѣжденно отвѣчалъ священникъ,—сейчасъ же увидитъ волка и всегда сумѣетъ защититься отъ него.

Пусть въ моемъ приходѣ началась пропаганда со стороны раскольниковъ или сектантовъ, прихожане немедленно сообщать мнѣ объ этомъ, и въ случаѣ если пропаганда кого-либо смутить и вызоветъ у кого-либо какіе-нибудь вопросы и недоумѣнія, то смутившійся и поколебавшійся прежде всего ко мнѣ придетъ, и вотъ здѣсь-то мы побесѣдуемъ, дома, въ интимной обстановкѣ, въ тишинѣ и спокойствіи, помимо какого-либо раздраженія или желанія кого-либо „поразить“. Мы побесѣдуемъ только для того, чтобы уяснить дѣло, и этотъ разговоръ по „душамъ“ для колеблющагося будетъ имѣть гораздо больше благотворнаго значенія, чѣмъ самый блестящій миссіонерскій споръ, который, трактуя общую тему, никогда не можетъ ближайшимъ образомъ подойти къ личнымъ запросамъ отдѣльной смущенной души, къ индивидуальнымъ особенностямъ религіознаго склада каждаго отдѣльнаго мятущагося духомъ человѣка.

— Хорошо—замѣтилъ я на слова священника,—хорошо, если совращаемый пойдетъ къ вамъ на интимную бесѣду, но...

— Непремѣнно пойдетъ,—воскликнулъ собесѣдникъ:—если я дѣйствительно пастырь добрый и искренній священникъ, то пойдетъ. Совершенно другое дѣло, если я не пастырь, а чиновникъ. Но тогда мнѣ не помогутъ и никакія миссіонерскія собесѣдованія. На той сторонѣ, гдѣ не чиновничество, а глубокая вѣра, всегда будетъ перевѣсъ, и туда всегда будутъ склоняться симпатіи моего прихожанина. Нѣтъ, миссіонеровъ не надо. Но миссіонерами должны быть всѣ священники. Я священствую 35 лѣтъ. Лѣтъ 10 я самъ былъ окружнымъ миссіонеромъ и говорю не отъ фантазіи или отъ какихъ-либо отвлеченныхъ соображеній, а по опыту самой жизни.

Отвергать авторитетъ пастырскаго опыта, мы, конечно, не можемъ и не будемъ. И думаемъ, что противъ положенія, что каждый священникъ непремѣнно долженъ быть и миссіонеромъ, спорить и на самомъ дѣлѣ нельзя. Не даромъ у насъ въ семинаріи давно уже существуетъ спеціальная ка-

оедра по исторіи и обличенію раскола и сектантства. Тѣмъ не менѣе, должно замѣтить, что указанное положеніе раздѣляется далеко не всѣми пастырями. Очень многіе изъ нихъ, занимая раскольническіе и сектантскіе приходы, не принимаютъ никакихъ мѣръ къ усиленію пастырской дѣятельности, хотя въ отчетахъ о состояніи прихода и уменьшаютъ непременно цифру неправославныхъ. Кстати: послѣднее фальшивое явленіе стало у насъ настолько обычнымъ, что противъ него никто никогда и не говоритъ. Но какой смыслъ въ этой фальши? Не лучше ли лѣчить болѣзнь, чѣмъ скрывать ее? Въ виду довольно индифферентнаго отношенія значительной части нашего пастырства къ дѣлу миссіи, необходимы особыя лица, которыя съ одной стороны будили бы пастырей къ дѣятельности, а съ другой — руководили бы ими, знакомили бы ихъ съ лучшими методами веденія миссіонерскаго дѣла. Вотъ здѣсь-то и окажутся полезными миссіонеры, какъ представители нарочитаго учрежденія. Не бѣда, если миссіонеръ пріѣдетъ въ приходъ и здѣсь побесѣдуетъ съ чужой паствой. Едва ли въ такомъ случаѣ будетъ оскорбляться самолюбіе приходскаго священника: вѣдь миссіонеръ образованнѣе его, опытнѣе; у миссіонера болѣе умѣнья. Ученые признаютъ авторитетъ ученѣйшихъ. Художники работаютъ подъ руководствомъ маэстро. Почему же приходскій священникъ долженъ быть абсолютнымъ? Вѣдь его не оскорбляютъ бесѣды съ его паствой архіерея? Но развѣ между архіереемъ и священникомъ не можетъ быть еще посредствующихъ звеньевъ? Болѣе, чѣмъ чрезъ непосредственное вмѣшательство въ приходскую жизнь, миссіонеръ и вообще миссіонерскій институтъ можетъ имѣть значеніе чрезъ воздѣйствіе на самихъ священниковъ. Здѣсь могутъ имѣть мѣсто всякаго рода письменные совѣты и указанія, но гораздо важнѣе въ данномъ случаѣ устный обмѣнъ мнѣній на спеціальныхъ собраніяхъ, гдѣ подъ верховенствомъ епископа объединялись бы приходскіе пастыри и представители миссіонерскаго дѣла. Въ этихъ собраніяхъ духовенство могло бы знакомиться съ

совершеннѣйшими приѣмами миссіонерской апологетики и полемики, могло бы получать извѣстное вдохновеніе на свое трудное дѣло, огромная важность котораго нѣкоторыми пастырями, живущими въ деревнѣ, безъ книгъ, безъ внѣшнихъ побужденій къ работѣ, безъ ближайшаго руководства даже не сознается, или сознается недостаточно живо и глубоко.

По вопросу о миссіи среди инородцевъ—язычниковъ и магометанъ мы имѣли случай бесѣдовать съ однимъ изъ видныхъ дѣятелей по просвѣщенію инородцевъ восточной Россіи.

— Идите, говорилъ этотъ дѣятель,—къ инородцамъ—язычникамъ и къ магометанамъ и не берите съ собой ничего, кромѣ Евангелія. Несите только его одно въ темныя массы и проповѣдуйте его на понятномъ инородцу его родномъ языкѣ. Услышитъ инородецъ Евангеліе, пойметъ его, почувствуетъ его тепло, и онъ переродится, непременно переродится, потому что можетъ ли устоять предъ чистотой, возвышенностью и абсолютностью Евангелія такая слишкомъ человѣческая религія, какъ исламъ, и тѣмъ болѣе такія наивныя міросозерцанія, какъ фетишизмъ вогуловъ или черемисовъ? Помните у Достоевскаго, въ его „Запискахъ изъ мертваго дома“ разсказъ о томъ, какъ Горянчиковъ (=Достоевскій), пользуясь на каторгѣ минутами досуга, выучилъ молодого горца Алея грамотѣ, при чемъ азбукой и единственной книгой для чтенія было Евангеліе. Горецъ читалъ святую книгу, и восторгъ его росъ по мѣрѣ того, какъ отъ первой страницы онъ шелъ все дальше и дальше. При чтеніи нагорной проповѣди и особенно словъ Христовыхъ о прощеніи враговъ благоговѣнный трепетъ наполнилъ Алея, и онъ въ умиленіи воскликнулъ:—Иса (Исусъ)—великій пророкъ!—Будьте увѣрены, воскликнетъ такъ и всякій инородецъ—язычникъ и всякій магометанинъ, если вы сумѣете подойти къ его душѣ съ плѣнительными глаголами Евангелія и сладкой силой ихъ вытѣсните изъ нея все низкое,—все несовершенное. У насъ часто къ проповѣди Евангелія среди инородцевъ примѣшиваютъ политику. Этого не должно

быть. Не должно быть просто потому, что это совершенно излишне. Конечно, нельзя не признать законнымъ желаніе стомилліоннаго русскаго народа объединить около себя и вполне подчинить себѣ разрозненныя кучки инородцевъ. И несомнѣнно, стягъ русской государственности долженъ въ данномъ случаѣ стоять очень высоко. Но безусловно выше его долженъ воздвигаться стягъ вѣры и Церкви Русской. Объединивъ съ собой инородцевъ въ такой важнѣйшей и интимнѣйшей области, какъ религія, мы притянемъ ихъ къ себѣ и наиболѣе крѣпко спаяемъ ихъ съ собою и во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ. Можно ли сказать, что греки и русскіе—это два чуждые другъ другу народа? Конечно, нѣтъ. Но что сближало и доселѣ до родственности сближаетъ эти двѣ дѣйствительно чужія и по крови, и по исторіи, и по культурѣ національности? Только одно: религія. Несите же въ языческій и мусульманскій міръ чистое евангеліе безъ всякой примѣси политики, и работа ваша дастъ добрый плодъ. Однако, нужно помнить, что для успѣха миссіи одного чистаго евангелія недостаточно. Необходимо еще, чтобы оно проповѣдывалось чистымъ языкомъ и дѣлами по чистой совѣсти. „Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего“. Если бы мы были менѣе апатичны въ вѣрѣ, если бы за нами было больше добрыхъ дѣлъ, если бы мы меньше страшились трудности подвига, то съ одной стороны уже самая положительная проповѣдь нашихъ священниковъ въ христіанскихъ храмахъ влекла бы къ себѣ язычниковъ я магометанъ. Вѣдь вотъ, напр., на Волгѣ, они наши сосѣди. Съ ними у насъ такъ много общаго во внѣшней жизни. Почему бы не быть и общей вѣрѣ и общей молитвѣ? Не привлекаемъ, очевидно, мы ихъ своей вѣрой и своей жизнью, какъ умѣли это дѣлать по отношенію къ сосѣдямъ язычникамъ древніе христіане. Съ другой стороны—при силѣ вѣры и при готовности на подвигъ не была бы въ забросѣ въ отношеніи религіознаго просвѣщенія и наша Сибирь, и на Алтаѣ, какъ бы са-

мой природой предуказанномъ для какой-то высокой цѣли, давно бы уже высились богатые христіанскіе алтари, стягивающіе къ своимъ огнямъ азіатскій сѣверъ и югъ. Можетъ быть, что въ дѣлѣ внѣшней миссіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо нужна горячность вѣры, нуженъ пламень воодушевленія и твердость надежды на силу Евангелія, на дѣйствительность и побѣдоносность христіанскихъ идей. Есть вѣра—и горы движутся. Нѣтъ вѣры—слагайте оружіе и оставайтесь дома. Пусть работаютъ другіе.

Нужно ли что-либо прибавлять къ этимъ полнымъ жизненной правды словамъ?

Н. Колосовъ.

М о и в о с п о м и н а н і я .

(Продолженіе ¹⁾).

Дѣтскія шры и занятія.

Лѣтомъ мы ходили на близь лежащіе пески, которые были на границѣ между землею Васильевскаго погоста и ближайшей деревни Малаго Юрьева. Тамъ изъ сырого песку мы строили круглыя возвышенія съ коническою верхушкою, въ которыхъ хотѣли видѣть подобіе церквей. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ были эти песчаныя миниатюрныя сооруженія, и тѣмъ мѣстамъ, гдѣ были они, мы придавали названіе городовъ,— Петербурга, Москвы, Владиміра... Большимъ огорченіемъ было для насъ, когда чья-либо чуждая рука разрушала или портила эти сооруженія, и мы снова должны были поправлять ихъ. А зимою, въ особенности въ началѣ зимы, когда холода не были особенно чувствительны, мы по свѣжему снѣгу на салазкахъ продѣлывали дорожки, и ѣздили по нимъ къ мѣстамъ, называемымъ нами именемъ тѣхъ или другихъ городовъ. Кромѣ того, изъ снѣга дѣлали мы горы, которыя

¹⁾ См. № 16-й за 1909 г.

поливали вадою, и онѣ покрывались твердымъ льдомъ. Этимъ особенно занимались Воскресенскіе. Но съ горъ, приготовленныхъ ими, могли кататься и мы, и это было одно изъ зимнихъ удовольствій, доступныхъ намъ.

Въ лѣтніе теплые мѣсяцы много времени проводили мы на рѣкѣ. У Васильевского погоста протекаетъ рѣка Кортань, впадающая черезъ двѣ версты отъ погоста въ рѣку Илевну, въ свою очередь впадающую въ Оку. Рѣка Кортань небольшая, но слѣдствіе запрудъ на мельницахъ, на ней поставленныхъ, воды въ ней было довольно; много было и рыбы. На рѣку бѣгали мы (именно бѣгали, а не ходили) купаться по нѣскольку разъ на день; купанье наше было часто довольно продолжительно, и мы не разъ, съ отдыхомъ, переплывали отъ одного берега до другого. Далѣе, на рѣку ходили мы ловить рыбу,—ловили удочками, и на удочки попадали окуни, ерши и плотва, ставили жерлицы, на которыя насаживали мелкую рыбу—плотву; и на эти жерлицы нерѣдко попадали порядочныя щуки. Поимка большой щуки была не малымъ торжествомъ для насъ. Изрѣдка мы пользовались кукельваномъ, бросая въ рѣку отравленный хлѣбъ. Послѣ бросанія отравленнаго хлѣба много отравленной рыбы всплывало наверхъ, и ее легко было ловить и каждый разъ, послѣ такого хищническаго приѣма, мы приносили домой довольно много рыбы. Это дѣлалось по уговору между нѣсколькими мальчиками, и никогда не было затѣю одного кого-либо изъ нихъ.

Третіе удовольствіе или дѣтское занятіе наше—хожденіе за грибами. Около Васильевского погоста было нѣсколько лѣсковъ и рощицъ, въ которыя невозбранно можно было ходить за грибами. Самый лучший лѣсъ, наиболѣе обильный хорошими грибами, былъ довольно густой березовый лѣсъ, называвшійся „Буянки“. Онъ отстоялъ отъ погоста вѣрсты на четыре, и когда рѣшались мы ходить въ Буянки, собирались туда цѣлою гурьбою; кромѣ насъ Грандицкіе, Воскресенскіе. Въ день отправленія за грибами, мы вставали съ

восходомъ солнца, и каждый бралъ съ собою лукошко или кузовъ. Пришедши въ лѣсъ, мы расходились въ немъ въ разныя стороны, и крикомъ: ау! давали знать о себѣ, когда кому-нибудь случалось далеко отойти отъ другихъ. Къ полудню мы возвращались домой съ полными кузовами, и, возвратившись, не чувствовали утомленія. Изъ грибовъ, которые мы собирали, самыми цѣнными были бѣлые грибы, потомъ челяши, которые мы называли еще березовыми грибами, затѣмъ осиновики, позднѣе грузды. Самымъ малоцѣннымъ грибомъ считались сыроѣжки; но мы и ими не пренебрегали; ихъ подбирали, чтобы наполнить свои посудыны.

Кромѣ Буянокъ мы ходили за грибами въ „Катину рощу“, лежащую ближе къ Васильевскому погосту, чѣмъ Буянки, и совершенно по другую сторону. Катина роща былъ тоже березовый лѣсъ, но довольно рѣдкій, и не такой большой, какъ Буянки. Сборы туда не обетавлялись такъ, какъ сборы въ Буянки, а часто были простою случайностію. Туда не выходили мы съ восходомъ солнца, и небольшими группами, въ составѣ трехъ, четырехъ человекъ. Катина роща не была такъ богата грибами, какъ Буянки, и мы не выносили оттуда такого обилія грибовъ, какъ изъ Буянокъ, и потому она не пользовалась нашимъ вниманіемъ и посѣщеніе ея было сравнительно рѣдко.

Съ третьей стороны Васильевскаго погоста былъ небольшой сосновый лѣсъ, слывшій подъ названіемъ „Сосенки“. И туда мы ходили по временамъ и собирали тамъ масляки и рыжики.

Былъ еще большой окуловскій лѣсъ, за деревней Окулово, болѣе отдаленный отъ погоста. Сколько помнится, туда мы отправлялись одинъ разъ или два, и не пѣшкомъ, а на лошади, — отправлялись всѣмъ семействомъ, съ отцомъ и матерію. Тамъ приходилось быть довольно долго, и потому наши родители брали съ собою нужную провизію. Грибовъ набрали тамъ очень много, и возвратились домой, очень довольные своей поѣздкой. Изъ этого окулевскаго лѣса, по распоряженію

управляющаго имѣніемъ Аронова, привозили намъ дрова для отопленія дома; въ одинъ разъ привозили дровъ столько, что ихъ ставало на два года. Благодаря этой даровой доставкѣ дровъ изъ окуловскаго лѣса, моему отцу, никогда не приходилось покупать дрова для дома.

Очень памятно для меня времяпрепровожденіе храмовыхъ праздниковъ. Главный храмовой праздникъ св. Василия Великаго совпадалъ съ днемъ новаго года. Въ тотъ день насъ будили къ утрени часа въ два или въ три утра, и мы поспѣшно одѣвались и шли въ церковь. Церковь не отоплялась, но мы не чувствовали холода. Церковь всегда до тѣсноты была полна народа, и отъ дыханія сотенъ народа значительно умѣрялась температура холодной церкви. Послѣ обѣдни отецъ съ причтомъ отправлялся для молитвословій въ ближайшую деревню Охеево, гдѣ принадлежало къ его приходу нѣсколько домовъ, и возвращался оттуда домой въ сумерки. А мы оставались дома и съ нетерпѣніемъ ждали гостей. По господствовавшему тогда обычаю, нынѣ, кажется, исчезнувшему, къ членамъ причта извѣстнаго села или погоста въ храмовые праздники собирались родные и близкіе знакомые изъ близъ лежащихъ окрестностей, и жили здѣсь по нѣскольку дней. На Новый годъ гости пріѣзжали къ вечеру и жили въ погостѣ до 4-го января, когда возвращались къ себѣ домой. Послѣ обѣда мы ходили смотрѣть, не ѣдутъ ли гости, и въ ожиданіи ихъ взлѣзали на лѣса строящейся церкви, и лишь только завидимъ ѣдущіе санки, бѣжимъ домой и кричимъ: ѣдутъ, ѣдутъ! Къ намъ пріѣзжали изъ Верхозерья братъ моей матери священникъ Петръ Ивановичъ Смирновъ съ семействомъ изъ Иговскаго погоста псаломщикъ Аѳиногенъ Андреевичъ Либеровскій съ женою, сестрою моего отца, оба священника Иговскаго погоста отецъ Иванъ Веселовскій двоюродный братъ моей матери и отецъ Теодоръ Иговскій, двоюродный братъ моего отца. Пріѣзжалъ, но не оставался ночевать

священникъ сосѣдняго села Стригина отецъ Алексѣй Доминскій съ женою. Иногда наѣзжали изъ Мурома дядя моего отца купецъ Василій Семеновичъ Дьячковъ съ женою Екатериною Степановною. Это были почетнѣйшіе гости и за ними ухаживали болѣе другихъ. Съ ними являлся иной разъ изъ Мурома двоюродный братъ моего отца Михайло Михайлычъ Дьячковъ, который умѣлъ забавлять и веселить публику, — перераживался незамѣтно отъ другихъ въ разные виды, пѣлъ пѣсни; у него былъ женственный голосъ, и его пѣніе выходило оригинальнымъ. Помѣщеніе въ домѣ моего отца было не большое, но гости, хотя ихъ бывало довольно, какъ-то удобно размѣщались, и тѣсноты не чувствовалось. Какъ проводили время собравшіеся гости, я уже не могу теперь представлять въ подробностяхъ; скажу только, что какого-либо кутежа не было никакого слѣда. Обыкновенный напитокъ, который въ изобиліи всѣмъ подавался, и который съ услажденіемъ всѣ принимали, — это былъ чай, который въ обыкновенное, не праздничное, время, у духовенства рѣдко употреблялся. Обѣды и ужины, конетно, были болѣе обильны, чѣмъ всedневныя, будничныя обѣды и ужины. Провизія: — гуси, утки, поросята, иногда индюки, — заблаговременно покупались въ Муромѣ. Для угощенія гостей варили еще брагу, — родъ домашняго пива, и эта брага готовилась къ празднику не только у членовъ причта, но даже у крестьянъ; эта брага хмельнаго въ себѣ почти ничего не заключала. Картежной игры не было и въ поминѣ. Велись дружескія, веселыя бесѣды; допускались шутки, не выходившія изъ предѣловъ приличія. Чтобы доставить удовольствіе гостямъ, отецъ мой пользовался и литературными пріобрѣтеніями. Помню, — купилъ онъ „Басни Крылова“, которыя въ то время были новинкою, и для утѣхи гостей по выбору читалъ изъ нихъ тѣ или другія басни. Особенное впечатлѣніе (до нынѣ это живо представляю) произвела басня „Тришкинъ кафтанъ“. По прочтеніи этой басни, многіе разразились смѣхомъ, и этотъ смѣхъ и теперь стоитъ у меня въ ушахъ, какъ будто

теперь разразившейся. Гости разъѣзжались 4-го января, накануне крещенскаго сочельника, и послѣ ихъ отъѣзда чувствовалась какая-то пустота въ домѣ: не стало прежняго оживленія, и мы, маленькія дѣти, сожалѣли о томъ, отъ чего гости не оставались дольше.

Въ Васильевскомъ погостѣ былъ другой праздникъ въ девятую пятницу—послѣ Пасхи. Лѣвый придѣлъ въ трапезной церкви погоста освященъ въ честь великомученицы Параскевы нареченныя Пятницы, и празднованіе ей приурочено къ девятой пятницѣ. На этотъ праздникъ не съѣзжалось такъ много гостей, какъ на Новый годъ, и если пріѣзжалъ кто, то не оставался долго. Но въ самую пятницу оживленіе въ погостѣ было большое. Народу изъ прихожанъ набиралось такъ много, что въ церкви не могли вмѣститься всѣ. Являлись богомольцы и изъ другихъ приходоѡвъ. Изъ Мурома пріѣзжали торговцы и торговки; близь церкви ставились полотняные балаганы; бойко торговали разною мелочью, главнымъ образомъ пряниками и другими сладостями. Тутъ же стояли телѣги и возы пріѣзжихъ, и подлѣ нихъ распряженныя лошади. Цѣлый день продолжалась суетолака; шумъ и громкій говоръ слышался на всей площади погоста. Къ вечеру, но изрѣдка, появлялись и выпившіе. Предъ наступленіемъ вечерней темноты муромскіе торговцы складывали нераспроданные товары, снимали балаганы и увозили все въ Муромъ. Изъ обстоятельствъ этого праздника ярмарочная суета болѣе живо удержалась въ моей памяти.

Кромѣ храмовыхъ праздниковъ Васильевскаго погоста мнѣ памятны храмовые праздники и въ другихъ селахъ, въ которыхъ мнѣ приходилось бывать. Праздновали ихъ такъ же, какъ и въ Васильевскомъ погостѣ, не одинъ день, и гости съѣзжались къ роднымъ и знакомымъ изъ окрестныхъ мѣстъ. Мы непрѣменно бывали на храмовыхъ праздникахъ въ селѣ Верховерьи, родинѣ моей матери, гдѣ былъ священникомъ родной братъ ея Петръ Ивановичъ Смирновъ. Два раза бывали мы тамъ на праздникахъ,—6 декабря, въ день

святителя и чудотворца Николая, и 8 іюля, въ день Казанскія иконы Богоматери. Отправляясь туда на праздникъ, наши родители брали съ собою всѣхъ дѣтей. Верхозерье отстояло отъ Васильевскаго погоста верстъ на двадцать. Зимой часто бывала въ декабрѣ большіе морозы, но они не служили препятствіемъ къ тому, чтобы брать на праздникъ и малыхъ дѣтей. Чтобы не простудить дѣтей, насъ одѣвали въ теплыя тулуны, и въ саняхъ окутывали полостью, такъ что свободными у насъ оставались одни глаза.—Лѣтній праздникъ, въ честь Казанской иконы Богоматери, въ Верхозерьи проводился веселѣе и оживленнѣе, чѣмъ зимній. Зимой, въ декабрѣ, въ морозные дни мы почти безвыходно сидѣли въ комнатѣ, и если бѣгали, то по комнатамъ. Намъ, малымъ дѣтямъ, и не большія комнаты казались очень просторными. А лѣтомъ все время проводили мы на улицѣ, на вольномъ воздухѣ. Въ Верхозерьи конецъ или начало большого Урвановскаго озера, которое въ длину простирается до восьми верстъ, а въ ширину имѣетъ сажень двѣсти или полверсты. Въ озерѣ мы купались и старались превзойти одинъ другого въ плаваньи (въ молодые годы я былъ хорошимъ пловцомъ, долгое время могъ плавать безъ утомленія, переплывалъ озеро взадъ и впередъ, и со мной изъ дѣтей никто не рѣшался соперничать). Нерѣдко катались на лодкѣ, и не одни мы малые, а вмѣстѣ съ большими. У берега, близъ церкви и дома священника, стояла большая лодка, устроенная верхозерскимъ обществомъ; на ней перевозили обывателей съ одного берега на другой, а въ праздничные дни она служила для перевоза прихожанъ изъ другихъ деревень, приходившихъ въ церковь для молитвеннаго участія въ богослуженіи. Припоминается мнѣ одинъ печальный случай изъ событій лѣтняго верхозерскаго праздника. Одна гостыя, пріѣхавшая къ верхозерскому діакону, пошла купаться въ озерѣ вмѣстѣ съ другою своею родственницею, и, не умѣя плавать, попала въ глубокое мѣсто и утонула (въ озерѣ въ иныхъ мѣстахъ и у самага берега довольно значительная глубина). Она не

хотѣла купаться на открытыхъ извѣданныхъ мѣстахъ, гдѣ у берега довольно мелко, а избрала для купанья мѣсто довольно отдаленное, на которомъ мѣстные жители не купались, и гдѣ былъ крутой берегъ, и нашла тамъ свою гибель. Переполохъ произошелъ въ селѣ; на берегъ собралось все верхозерское народонаселеніе. Многіе изъ крестьянъ бросились въ озеро и стали нырять, чтобы отыскать тѣло утопленницы, и долго не могли найти его. Поверхъ озера пустили плавать небольшой горшокъ, въ которомъ теплился ладанъ и воскъ. Пародъ думалъ и вѣрилъ, что этотъ горшокъ остановится именно на томъ мѣстѣ, гдѣ на днѣ лежитъ тѣло утопленницы. Возились не менѣе часу, отыскивая тѣло утопленницы. Когда нашли его и вытащили изъ воды, начали качать его чрезъ бочку, но оживить его не могли, и тѣло утопшей не одинъ день лежало на берегу, пока не пріѣхалъ слѣдователь для дознанія и составленія акта о смерти утопленницы.

Хожденіе по приходу.

По обычаю, наслѣдованному отъ прежнихъ временъ, члены причта Васильевскаго погоста, въ годы моего дѣтства обходя дома прихожанъ съ молебнымъ пѣніемъ въ великіе праздники, брали съ собою дѣтей—подростковъ мальчиковъ и учившихся въ школѣ. Дѣтямъ при этомъ, сопровождавшимъ своихъ отцовъ, давали прихожане каждому по мелкой монетѣ,—по копейкѣ гдѣ, въ другомъ домѣ по грошу, а иногда по пятаку и даже гривнѣ (деньги тогда считались на ассигнаціи). Изъ этихъ подаяній набиралось рубля четыре или пять на ассигнаціи.

Такое хожденіе по приходу членовъ причта, въ сопровожденіи дѣтей, было два раза въ году, на Пасху и на Рождество Христово.

На Пасху хожденіе причта по приходу продолжалось почти цѣлую недѣлю, начинаясь съ понедѣльника, и оканчиваясь въ субботу. Только первый день Пасхи члены причта

проводили дома, и къ нимъ являлись для поздравленія почетнѣйшіе изъ прихожанъ. Ходили по приходу съ иконами,—носили три иконы,—икону Воскресенія Христова, Божіей Матери и святителя Николая чудотворца. Три причта было въ погостѣ, и каждый съ указанными иконами ходилъ по домамъ своихъ прихожанъ. Въ иныхъ деревняхъ дома раздѣлены были между двумя причтами, и каждый домохозяинъ ждалъ и встрѣчалъ только тѣ иконы, которыя слѣдовали съ священникомъ, духовнымъ отцомъ его. (Въ другихъ приходкахъ носили по пяти, даже по семи иконъ). Для ношенія иконъ приглашались или вызывались сами желающіе изъ прихожанъ, и избранные изъ нихъ три человекъ назывались въ народѣ „богоносцами“, и каждый изъ нихъ бралъ на себя ношеніе одной опредѣленной иконы. Такъ какъ приходъ Васильевскаго погоста разсѣянъ былъ по нѣсколькимъ деревнямъ, отстоящимъ одна отъ другой на нѣскольکو верстъ, то богоносцы цѣлую недѣлю не возвращались домой, и ночевали обыкновенно въ той деревнѣ, въ которой на ту ночь оставались иконы. „Богоносцы“ носили иконы собственно въ деревняхъ изъ дома въ домъ, а когда иконы нужно было переносить изъ погоста въ деревню, или изъ одной деревни въ другую,—жители той или другой деревни брали на себя эту обязанность. Брали иконы избранные изъ жителей деревни и несли ихъ въ сопровожденіи большой толпы народа, иногда заключающей въ себѣ почти все народонаселеніе деревни. Во время несенія иконъ сопровождающая ихъ народная толпа громогласно, не умолкая, пѣла: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ*. Пѣніе часто было переменное: разъ пропоютъ мужчины, вслѣдъ за ними женщины, а потомъ опять мужчины и т. д. Шествіе простиралось версты на четыре, и пѣніе сотенъ голосовъ, усердствовавшихъ изо всей силы, разносилось далеко по окрестности. Слѣдованіе съ иконами по деревнямъ прихода всегда было по однажды установленному порядку, и каждая деревня знала, когда при-

близительно принесутъ въ нее иконы, и потому, когда жители одной деревни провожали иконы, другіе шли встрѣчать ихъ, тогда толпа, сопровождавшая несшихъ иконы, увеличивалась, и пѣніе становилось еще громогласнѣе. Замѣтитъ нужно, что въ деревняхъ Васильевскаго прихода до тѣхъ поръ, пока не обнесутъ иконъ по всѣмъ домамъ деревни, по завѣту стариковъ, никто не дерзалъ пѣть свѣтскихъ пѣсень, и только послѣ того, какъ проводятъ причтъ и иконы, разрѣшалось молодежи пѣть пѣсни и предаваться доступнымъ для деревни увеселеніямъ.

Пришедши въ деревню, члены причта и сопровождавшіе ихъ, въ преднесеніи иконы, ходили по порядку изъ дома въ домъ, въ каждомъ домѣ пѣли пасхальный молебенъ, и послѣ молебна христосовались, и получали по красному яичку отъ христосовавшихся. Затѣмъ каждый домохозяинъ просилъ всѣхъ присѣсть и откушать хлѣба-соли, угощали брагою, предлагалось и вино, а хозяйки предлагали пшеничную кашу, обильно политую масломъ. Пшеничная каша, политая масломъ, была необходимою принадлежностію трапезы, предлагаемой въ каждомъ домѣ. Нельзя было отказаться отъ предлагаемаго угощенія; прихожанинъ сочелъ бы себя обиженнымъ, если бы не захотѣли у него присѣсть и чего-нибудь закусить. Отъ этого такъ долго продолжалось хожденіе по приходу. Но такъ какъ угощенія были очень часты и многочисленны, то они принимались въ очень малой дозѣ, и причтъ сохранялъ полное воздержаніе отъ хмельнаго; никого изъ нихъ не могли обвинять въ нетрезвости. Отъ утра до вечера ходили всѣ бодрые и трезвые, хотя къ концу дня не могло не чувствоваться нѣкоторой усталости. Въ части прихода моего отца было три дома раскольническихъ. Когда очередь доходила до нихъ, домохозяинъ раскольникъ выходилъ къ воротамъ своего дома, стоялъ безъ шапки въ ожиданіи причта, и когда причтъ приближался къ его дому, онъ просилъ, чтобы иконы несли дальше въ домъ православныхъ, а чтобы священникъ съ причтомъ и сопровождавшими его зашелъ къ нему въ

домъ. Здѣсь молебнаго пѣнія не было, а только предлагалось угощеніе, и угощеніе болѣе обильное, чѣмъ у другихъ, потому что раскольники были люди зажиточные и плату причту они давали неменьшую, чѣмъ православные. По обходѣ всѣхъ домовъ селенія, выходили съ иконами на поле, и тамъ служили общій молебенъ.

Хожденіе по приходу съ иконами въ пасхальную недѣлю начиналось, какъ мы говорили выше, съ понедѣльника. Первѣе всего иконы несли въ деревню Коржавино (въ часть прихода моего отца), гдѣ было два помѣщичьихъ дома,— Епишевыхъ и Баскаковыхъ, для чего приходили жители Коржавина, и, взявши въ церкви иконы, несли ихъ до своей деревни, отстоящей отъ погоста версты четыре. Изъ Коржавина, по обходѣ всѣхъ домовъ деревни, отправлялись въ д. Охеево, гдѣ нѣсколько домовъ было въ приходѣ моего отца, а другая часть въ приходѣ о. Михаила Воскресенскаго; изъ Охеева въ Пестепкино, гдѣ тоже жители раздѣлены были между двумя причтами,—меньшая часть принадлежала моему отцу, а большая о. Борису Обтемнеранскому, изъ Пестепкина—въ Дмитровку, носившую еще другое названіе „Валово“, опять принадлежащую не одному причту. Изъ Дмитровки отправлялись въ Окулово, изъ Окулова—въ Выползово, изъ Выползова—въ Михайлово. Послѣднія три деревни были довольно большія, и всѣ онѣ цѣликомъ числились въ приходѣ моего отца. Въ Михайловѣ, отстоящемъ отъ погоста версты на двѣ, закончилось пасхальное обхожденіе домовъ прихожанъ, и оттуда къ вечеру въ субботу приносили иконы въ церковь, и члены причта возвращались домой.

Въ пасхальную недѣлю, когда Пасха была въ концѣ марта или началѣ апрѣля, бывала часто большая распутица, отъ таянія снѣговъ дороги портились, рѣки (Кортань и Илевна) разливались и входили изъ береговъ, и было немалое затрудненіе въ сообщеніяхъ между селеніями прихода. Но усердіе прихожанъ преодолевало всѣ затрудненія. Члены причта и ихъ дѣти перевозились изъ деревни въ деревню на

повозкахъ, запряженныхъ часто тройками, снаряжаемыми усердіемъ прихожанъ, и онѣ лихо проѣзжали версты двѣ или три между сосѣдними деревнями и по испорченнымъ дорогамъ, по рыхлому и мокрому снѣгу, или по котловинамъ, наполненнымъ водою.

На рождественскіе праздники славленіе было болѣе короткое: оно все продолжалось только три дня, первый, второй и третій день праздника. Иконъ не носили въ этотъ праздникъ, а только священникъ ходилъ съ крестомъ, и его сопровождали тѣ же члены причта и ихъ дѣти, что и въ Пасху. При посѣщеніи домовъ прихожанъ пѣли первый ирмосъ праздничнаго канона, тропарь и кондакъ праздника. Угощенія послѣ не предлагалось, и обхожденіе домовъ совершалось довольно быстро. Исключеніе было только въ Окуловѣ на второй день праздника, гдѣ въ этотъ день были именины управляющаго имѣніемъ, и онъ ожидалъ къ себѣ причтъ, и приготовлялъ для него обѣдъ. Избы у многихъ прихожанъ были курныя, и потому въ утреннее время приходилось посѣщать хаты, наполненныя дымомъ. Въ приходкахъ, смежныхъ съ Васильевскимъ погостомъ, за славленіе въ Рождество платили хлѣбомъ, давали большую или меньшую мѣру ржи. Въ Васильевскомъ погостѣ собранія хлѣба не было, и за молебное пѣніе прихожане, какъ и на Пасху, платили деньгами, по мѣрѣ усердія cadaго.

Домашнее обученіе.

Обученіе меня грамотѣ началось, когда мнѣ было около семи лѣтъ. Единственнымъ учителемъ, какъ моимъ, такъ и моихъ братьевъ, былъ мой отецъ. Но ученіемъ онъ не отягощалъ насъ, не дѣлалъ намъ никакого принужденія, и не взыскивалъ съ насъ, если мы не хотѣли учиться, какъ слѣдуетъ. Помню, мое ученіе началось зимою. Наступило лѣто: сидѣть за книгою не хотѣлось: расцвѣтшая природа звала къ себѣ на улицу, и я на все лѣто забросилъ книгу. Отецъ мой въ этомъ случаѣ предоставилъ мнѣ полную волю, и я,

семилѣтній мальчикъ, гулялъ цѣлое лѣто, оставивъ учебу. Она началась снова, когда миновало лѣто, и наступила осень, а потомъ зима.

Ученіе шло по старой методѣ. Начиналось оно съ азбуки; мы учили сначала буквы: азъ, буки, вѣди, глаголь, добро... Потомъ переходили къ слогамъ и словамъ: Ангель, ангельскій, Архангель архангельскій, Богъ, Божество... Ученіе по гражданской и по церковно-славянской грамотѣ шло совмѣстно. Отъ азбуки переходили къ часослову и псалтирю. Намъ не задавали прочитывать опредѣленнаго отдѣла въ часословѣ или псалтири, на тотъ или другой день, а предоставляли это нашему усердію, и мы, не понуждаемые отцомъ къ усидчивому занятію, скоро овладѣли грамотою, и послѣ непродолжительнаго ученія, быстро могли читать книги и церковно-славянской и гражданской печати.

Ученіе мое домашнее не ограничивалось однимъ обученіемъ грамотѣ. вмѣстѣ съ чтеніемъ насъ учили писать. Преподавали начальныя основанія Закона Божія, краткій катихизисъ и краткую священную исторію. Само собою разумѣется, что насъ заставляли изучать важнѣйшія молитвы и символъ вѣры, и еще до поступленія въ школу мы въ церкви начинали читать положенное по уставу на клиросѣ. Учили насъ и ариѳметикѣ, и знакомили насъ съ первыми дѣйствіями ариѳметическими. Учили насъ далѣе читать и писать по-латыни, и по-гречески. Все это давалось мнѣ очень легко, и я, послѣ домашняго обученія, хорошо подготовленъ былъ къ поступленію во второй классъ Муромскаго духовнаго училища.

Проф. В. Пльвицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русскіе писатели и духовенство.

(Историко-литературная справка).

Въ настоящее время учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ производится статистическое обслѣдованіе, сколько и на какихъ именно поприщахъ дала наша духовная школа выдающихся дѣятелей за послѣднее время.

Предпринятая учебнымъ комитетомъ работа дала намъ поводъ просмотрѣть, сколько дала наша духовная школа и вообще духовная среда выдающихся писателей, при чемъ къ числу послѣднихъ мы относимъ и представителей такъ называемой художественной критики. Не давая собранному нами матеріалу какого-либо освѣщенія, мы приводимъ его, такъ сказать, почти въ сыромъ видѣ.

Обращаясь только къ эпохѣ новой литературы, мы находимъ, что кн. *Анш. Дм. Кантеміръ* первоначальное свое образованіе получилъ отъ студента Заиконоспасской академіи Ильинскаго. У этого студента Кантеміръ научился писать самые стихи, и первое его стихотворное произведеніе „Симфонія на псалтирь“ написано подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Ильинскаго. Пресловутый *Вас. Кур. Тредьяковскій* былъ сыномъ астраханскаго священника. Великій *Ломоносовъ*, самобытный русскій геній, учился въ Заиконоспасскомъ училищѣ, а „первыми вратами его учености“ была псалтирь, положенная на стихи Симеономъ Полоцкимъ. Основатель русскаго театра *Фед. Гр. Волковъ* такъ же, какъ и Ломоносовъ, получилъ образованіе въ Заиконоспасскомъ училищѣ. *Вас. П. Петровъ*, проходившій при Екатеринѣ II должность придворнаго переводчика и чтеца и прославившійся своими одами, полными глубокихъ идей и запечатлѣнными смѣлостью фантазіи, былъ сыномъ бѣднаго московскаго священника и образованіе получилъ въ духовной академіи при Заиконоспасскомъ монастырѣ, по окончаніи которой съ большимъ успѣхомъ занимался церковнымъ проповѣдничествомъ. *Ерм. Из.*

Костровъ, состоявшій во второй половинѣ 18-го вѣка въ должности официальнаго стихотворца при Московскомъ университетѣ и оказавшій большое вліяніе на развитіе русской литературы своими переводами древнихъ и новѣйшихъ классиковъ, образованіе получилъ въ Вятской духовной семинаріи. Авторъ „Горскихъ князей“, „Россійскаго Жиль-Блаза“, „Бурсака“ и др. *Вас. Троф. Наръжнѣй* первоначальное образованіе получилъ въ Черниговской бурсѣ. *Григ. Θεод. Квитка* (Основьяненко), авторъ остроумнаго и рѣдкаго по живости юмора романа „Пань Халявскій“, воспитывался подъ руководствомъ своего дяди, настоятеля Куряжскаго монастыря, а нѣкоторое время и самъ состоялъ послушникомъ въ этомъ монастырѣ. Извѣстно то необычайное сильное вліяніе на *Гоголя* о. Матвѣя Константиновскаго, которое такъ различно оцѣнивается и вообще осуждается въ русскомъ обществѣ. Одинъ изъ виднѣйшихъ представителей славянофильства *Петръ Вас. Кирѣевскій* своею стойкостью въ проповѣди началъ древняго русскаго благочестія обязанъ вліянію на него различныхъ духовныхъ лицъ. По отношенію къ *Кольцову* сильнымъ вліяніемъ пользовался воронежскій семинаристъ *Серебрянскій*. Послѣдній былъ не только умѣлымъ судьей *Кольцова* въ его поэтическихъ опытахъ, но часто въ собственномъ смыслѣ слова корректировалъ рукописи поэта-самоучки. Самъ *Серебрянскій* писалъ стихи во множествѣ и довольно искусно. Среди воронежскаго общества произведенія его пользовались огромной популярностью. Молодежь заучивала ихъ наизусть. Нѣкоторые же изъ стиховъ *Серебрянскаго*, какъ, напр., общеизвѣстная пѣсня „Быстры, какъ волны, дни нашей жизни“ поются и до сихъ поръ. Соредакторъ *Пушкина* по журналу „Сѣверные цвѣты“ профессоръ русской словесности, а потомъ ректоръ въ Петербургскомъ университетѣ *П. Ал. Плетневъ* происходилъ изъ духовнаго званія и среднее образованіе получилъ въ Тверской духовной семинаріи. Авторъ замѣчательной по живости изложенія, занимательности сюжета и народности духа сказки

„Конекъ-Горбунокъ“ *Петръ Павловичъ Ершовъ* среднее образование получилъ въ Тобольской духовной семинаріи *Ник. Из Надеждинъ*, профессоръ Московскаго университета по кафедрѣ теоріи изящныхъ искусствъ и археологій и крупный литературный критикъ, также имѣлъ отношеніе къ духовному сословію и къ духовной школѣ. Онъ былъ сынъ священника Рязанской епархіи. Сначала онъ учился въ Рязанскомъ духовномъ училищѣ и въ Рязанской семинаріи, а затѣмъ въ Московской духовной академіи, по окончаніи которой былъ преподавателемъ въ Рязанской же семинаріи. Дѣдъ *Вис. Гр. Бѣлинскаго* былъ священникомъ въ с. Бѣлыни, Пензенской губ., откуда произошла и фамилія знаменитаго критика Бѣлинскій, передѣланная затѣмъ въ Бѣлинскій. О. Никифоръ—такъ звали дѣда Бѣлинскаго—отличался необыкновенной мягкостью души, отзывчивостью къ чужому горю и строгостью жизни. Въ семействѣ Бѣлинскихъ о немъ говорили, какъ о праведникѣ. Нѣкоторые изъ біографовъ Бѣлинскаго говорятъ, что лучшее, что было въ нашемъ классическомъ критикѣ, было унаслѣдовано имъ именно отъ дѣда, а не отъ отца, горькаго пьяницы, и не отъ матери, грубой, своенравной, малообразованной женщины. Первыми учителями Бѣлинскаго были одинъ священникъ и сынъ другого священника, исключенный семинаристъ. Обучаясь въ Пензенской гимназіи, Бѣлинскій близко сошелся съ кружкомъ семинаристовъ, которые, по замѣчанію біографовъ, своими бесѣдами и спорами на богословскія и философскія темы принесли Бѣлинскому „не малую пользу“ и помѣшали ему дойти до полнаго отрицанія вѣры. *Ив. Ал. Гончаровъ* первоначальное образование получилъ въ пансіонѣ одного сельскаго священника близъ Симбирска. Именно здѣсь Гончаровъ пріобрѣлъ вкусъ къ подлинно художественной литературѣ и нашелъ благоприятныя условія для питанія и развитія своего таланта. *Петръ Ник. Кудрявцевъ*, профессоръ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ, авторъ имѣвшихъ очень большое значеніе литературно-критическихъ очерковъ по исторіи искусствъ, а также мно-

гихъ повѣстей и разсказовъ, отличающихся тонкимъ психологическимъ анализомъ и впервые затрогивающихъ въ русской литературѣ вопросъ о положеніи женщины, былъ сыномъ московскаго священника и среднее образованіе получилъ въ Московской духовной семинаріи. *Н. Гавр. Чернышевскій*—сынъ одного изъ саратовскихъ священниковъ. Учился въ Саратовской духовной семинаріи. Въ Нижегородской семинаріи окончилъ курсъ сынъ нижегородскаго священника *Н. А. Добролюбовъ*. *Ив. Сав. Никитинъ* получилъ образованіе въ Воронежской семинаріи, поступивъ въ нее изъ духовнаго училища. *Н. Вас. Успенскій* былъ сынъ священника, Тульской губерн. и образованіе получилъ въ Тульской духовной семинаріи. Бытописатель бурсы *Н. Гер. Помяловскій* былъ сынъ петербургскаго діакона. Не нужно и упоминать, что онъ учился въ бурсѣ. Авторъ „Подлиповцевъ“ *Ө. М. Ръшетниковъ* былъ сынъ екатеринбургскаго дьячка. Сыномъ дьячка с. Добраго, Тамб. губ. былъ литературный прототипъ *М. Горькаго*, поэтъ городскаго и сельскаго пролетаріата, а также „Литрен—пролетаріата“—„героевъ Горькаго“ босяковъ былъ и *А. И. Левитовъ*. Редакторъ „Дѣла“ и „Русскаго слова“ въ 60 годахъ прошлаго столѣтія, оригинальный литературный критикъ, высказавшій многія изъ царевскихъ идей гораздо раньше самаго Писарева. *Гр. Евл. Благосвѣтловъ* былъ сынъ полковаго священника на Кавказѣ и образованіе получилъ въ Саратовской духовной семинаріи. *Г. Ив. Успенскій* происходилъ изъ духовнаго званія, а также и *Н. Н. Златовратскій*, имѣвшій въ свое время большое значеніе, впервые давшій художественный типъ „рудинскаго склада“ въ разсказѣ „Бабочкинъ“. *Н. Елм. Петропавловскій* (Каронипъ) происходилъ изъ духовной семьи и среднее образованіе получилъ въ духовной семинаріи. Народный поэтъ *Спир. Ден. Дрожжинъ* выучился грамотѣ у сельскаго дьячка. Недавно (1896 г.) умершій критикъ-философъ *Н. Н. Страховъ*, авторъ оригинальныхъ и много нашумѣвшихъ статей, посвященныхъ критикѣ запада („Борьба съ за-

падомъ“) и западнаго матеріализма и нигилизма, среднее образованіе получилъ въ Костромской духовной семинаріи. Одна изъ первыхъ русскихъ женщинъ-писательницъ *Юл. Вал. Жадовская* развитіемъ своего художественнаго дарованія и направленіемъ своей литературной дѣятельности въ значительной степени была обязана одному изъ преподавателей костромскаго женскаго пансіона, по образованію семинаристу. Авторъ занимательныхъ разсказовъ и повѣстей изъ жизни духовенства *М. Нил. Альбовъ*—сынъ петербургскаго діакона. Популярный беллетристъ нашего времени *Дм. Нарц. Маминъ (Сибирякъ)*—сынъ священника и среднее образованіе получилъ въ Пермской духовной семинаріи. Авторъ многочисленныхъ разсказовъ, повѣстей и романовъ, посвященныхъ изображенію быта духовенства, *Илл. Ник. Потапенко*, своимъ происхожденіемъ связанъ съ духовенскимъ сословіемъ. Оригинальный русскій философъ, богословъ и поэтъ *Вл. Серг. Соловьевъ* слушалъ лекціи въ Московской духовной академіи. *Викторъ Ал. Крыловъ*, перу котораго принадлежать многочисленныя оригинальныя комедіи („Къ Мировому“, „Въ осадномъ положеніи“, „Городъ упраздняется“), многія серіозныя пьесы („Змѣй Горынычъ“, „Горе злосчастье“, „Не ко двору“), а также блестяще выполненный переводъ „Натана Мудраго“ Лессинга, происходилъ изъ духовнаго званія. Авторъ разсказовъ изъ жизни сибирскихъ арестантовъ и босяковъ, *С. Як. Елпатьяевскій*, также принадлежалъ къ духовному сословію. Онъ сынъ священника Владимірской епархіи и среднее образованіе получилъ въ Виѣанской духовной семинаріи. Наконецъ, праздновавшій недавно 50-лѣтіе литературной дѣятельности *А. С. Суворинъ*, талантливый публицистъ и основатель популярнѣйшей въ Россіи большой газеты „Новое время“, по матери своей происходитъ изъ духовнаго сословія.

Н. К—въ.

ЗАМѢТКА.

Сознаніе высоты іерейскаго служенія.

Въ „Симбирскихъ епарх. вѣдом.“ помѣщенъ некрологъ протоіерея Александра Васильевича Эпиктетова. Въ немъ сообщается слѣдующій интересный случай въ жизни Эпиктетова, свидѣтельствующій, между прочимъ о томъ, какъ высоко ставилъ почившій іерейское служеніе и съ какимъ уваженіемъ заставлялъ и другихъ относиться къ священному сану. Къ княгинѣ Р., владѣлицѣ Пятинскаго имѣнія, пріѣхалъ однажды г. А., придворный, занимавшій важный постъ при Св. Синодѣ. Онъ просилъ княгиню свести его къ Александру Васильевичу, о которомъ слышалъ такъ много хорошаго, что пожелалъ лично познакомиться съ нимъ. Княгиня, не смотря на свою принадлежность къ католической церкви, глубоко уважавшая о. протоіерея, съ удовольствіемъ согласилась исполнить желаніе г. А. и отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ домъ къ батюшкѣ. Радужный хозяинъ угостилъ ихъ по русскому обычаю чаемъ, и затѣмъ г. А. попросилъ его показать ему дворовое хозяйство и разсаженный собственными руками о. протоіерея тѣнистый и уютный садикъ. Погулявъ по саду, онъ на прощаньи обращается къ Александру Васильевичу со словами: „Вы, батюшка, такъ мнѣ понравились, что я желалъ бы чѣмъ-нибудь показать мое расположеніе и уваженіе къ вамъ. Я имѣю вѣсь въ Св. Синодѣ и могу кое-что сдѣлать для васъ. Скажите, что бы вы черезъ меня хотѣли получить?“—„Я имѣю слишкомъ многое“,—отвѣтилъ Александръ Васильевичъ,—„чтобы ваше превосходительство могли къ этому прибавить что-либо существенное“,—„Что же вы имѣете?“—спросилъ увидивленный царедворецъ, полагая что рѣчь идетъ о наградахъ.—„Что я имѣю?“—съ улыбкой переспросилъ Александръ Васильевичъ:—„Потрудитесь снять фуражку, ваше превосходительство“. Г. А., недоумѣвая, снимаетъ фуражку. Александръ Васильевичъ истово благословляетъ его и говоритъ: „Вотъ что я имѣю, и больше этого можете ли вы дать мнѣ?“ Г. А. въ восторгѣ обнялъ и расцѣловалъ о. протоіерея. („Симб. еп. вѣд.“, № 1).

Редакторъ Рectorъ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 24-го апрѣля 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.